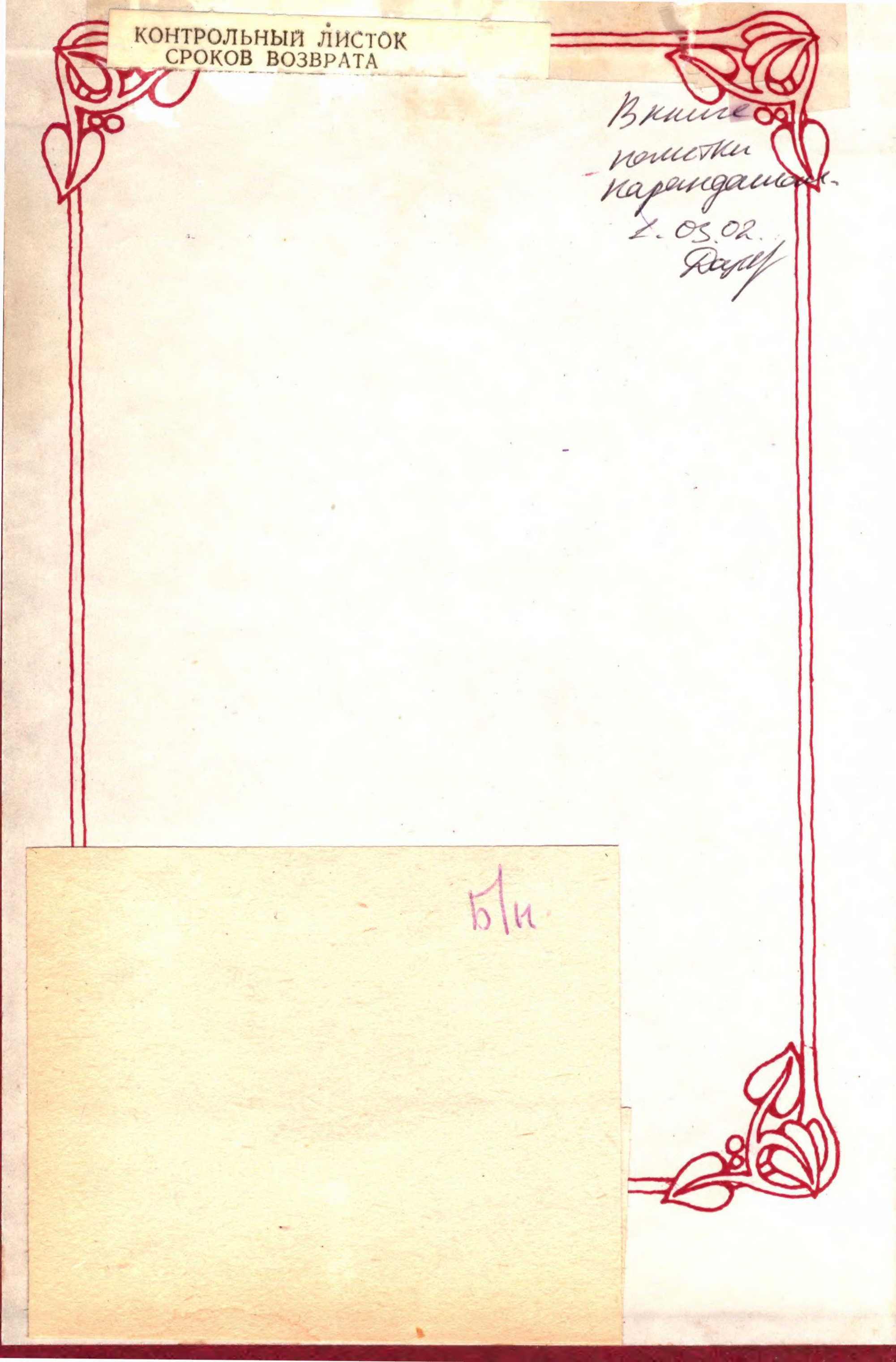
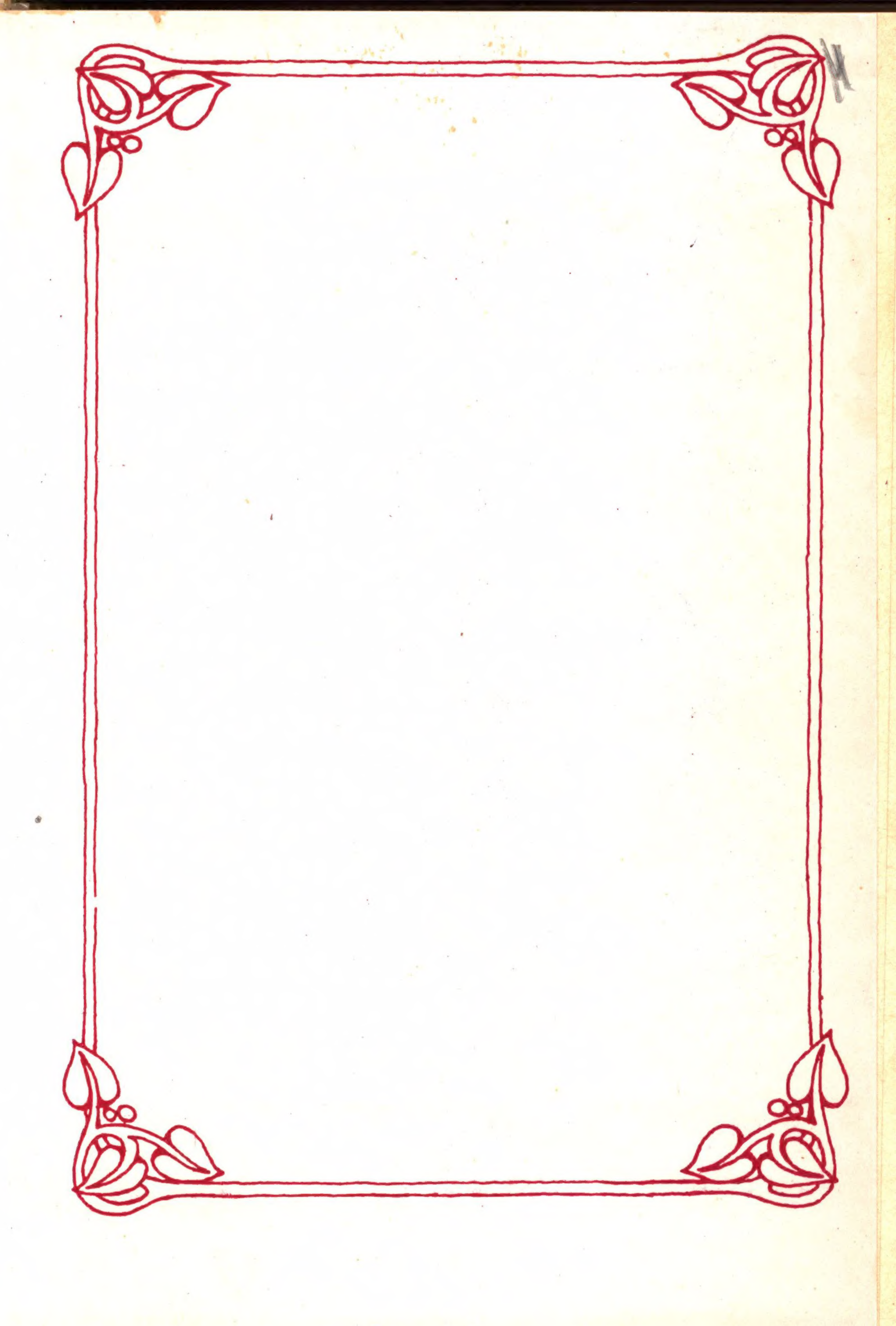
Л. С. Васильев

История Востока



КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
В книге пометки карандашом.
2.05.02.
Б/н.



Л. С. Васильев



2



Москва «Высшая школа» 1994

ББК 63.3(0)3
В19

Федеральная целевая программа
книгоиздания России

Р е ц е н з е н т ы:
кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова (зав. кафедрой д-р ист. наук *М.С. Мейер*), гл. редактор журнала «Восток», д-р ист. наук *Л. Б. Алаев* и зав. отделом ИМЭМО Российской АН д-р ист. наук *В.Г. Хорос*

Рекомендовано Государственным комитетом
Российской Федерации по высшему образованию

Васильев Л. С.
В 19 История Востока. В 2 т. Т. 2: Учеб. по спец. «История».— М.: Высш. шк., 1994. — 495 с.
ISBN 5-06-002910-7 (т. 2)

Второй том двухтомника, посвященного истории Азии и Африки с древности и до сегодняшнего дня, касается событий XIX — XX вв., когда колониальный и постколониальный Восток, подвергаясь давлению со стороны западных держав, сопротивляясь и приспосабливаясь, модернизировался и выбирал свой путь развития. В книге обращено внимание на роль религиозно-цивилизационной традиции в процессе поисков путей развития современного Востока. Говорится и о возрастающей роли событий на Востоке для судеб мирового сообщества.

В $\frac{0503010000-096}{001(01)-94}$ 29—93

ББК 63.3(0)3
9 (М)03

ISBN 5-06-002910-7 (т. 2)
ISBN 5-06-002911-5



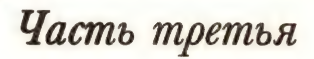

Оглавление

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОСТОК В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА КОЛОНИАЛИЗМА (СЕРЕДИНА XIX— СЕРЕДИНА XX ВВ.)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОК: ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ

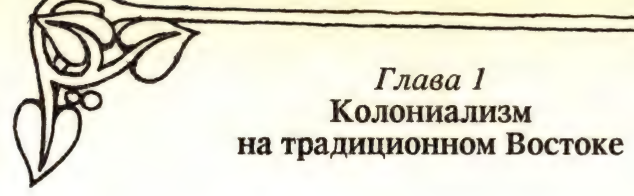


Часть третья

Восток в период господства колониализма

середина XIX—
середина XX вв.






Глава 1

Колониализм на традиционном Востоке

Период колониализма — третий этап истории Востока. Как и оба предыдущих, древность и средневековье, он не был связан с кардинальной ломкой существующей структуры, за исключением, пожалуй, Японии. Но все же этот новый этап — в отличие от средневековья, близость которого к восточной древности вполне очевидна и прослеживается по многим параметрам,— принес Востоку нечто сущностно новое, что и побуждает говорить о нем как об отдельном и важном для понимания судеб Востока в целом периоде его истории.

Период колониализма на Востоке

Здесь снова необходимо вернуться к проблеме периодизации истории, как всеобщей, так и восточной. Хорошо известно, что в марксистской историографии особо выделялся период новой истории, формационно соответствующий капитализму и завершающийся в этом его качестве 1917 годом. Существовали, правда, разногласия по поводу того, каким временем следует датировать начало новой истории: то ли французской революцией, то ли английской или даже нидерландской. В любом случае, однако, начало новой истории видели в одной из таких буржуазных революций. Разумеется, и для истории Европы и даже для всей мировой истории (в которой Европа последние века безусловно лидирует и задает тон) вычленение этапа господства капитализма важно и имеет немалый смысл. Но как при этом быть с Востоком?

Нет слов, всемирная история должна быть всемирной и иметь нечто общее хотя бы при ее периодизации. И когда речь шла о хронологической грани между древностью и средневековьем в начале второй части данной работы, это обстоятельство принималось во внимание, тем более что тогда речь шла об условной грани. Но теперь ситуация несколько иная. Перед нами уже не условный, а действительно новый этап в истории Востока, связанный с проникновением туда колониального капитала вначале преимущественно в торговой, а затем и в промышленной его форме. Совершенно

очевидно, что хронологически этот этап, важный для Востока в целом, включая Африку и Латинскую Америку, не вполне совпадает с хронологическими рамками европейской новой истории. Как же быть?

Легче всего закрыть на это глаза, что обычно и делается в учебных пособиях, а также в специальных работах и энциклопедиях. Раз наступил период новой истории и раз этот период в некотором смысле всеобщий, всемирный, так что же мудрствовать? И история всех стран автоматически делится в соответствии с рамками европейской истории, вне зависимости от того, насколько это соответствует реалиям и динамике исторических событий в той или иной стране и тем более на Востоке в целом. Между тем периодизация как метод интерпретации и даже просто понимания исторических событий тем и ценен, для того и нужен, чтобы увидеть и вычленить определенные закономерности процесса развития. Если же вместо анализа этого процесса идти по пути автоматического пристегивания его к общему ходу событий, то это ничем не отличается от того, чтобы для упрощения понимания считать все древние общества рабовладельческими, а все средневековые — феодальными. Просто и понятно каждому. Но не хватит ли такой простоты?

Вот почему, оставляя в стороне вопросы о периоде новой истории в Европе, о хронологических рамках этого периода и его важности для понимания всемирной истории, стоит поставить перед собой иные: каким временем можно очертить столь важный для истории Востока период господства колониализма, где начало этого периода, чем и почему следует обозначить его конец?

Как уже было показано, начало колониальной торговой экспансии было положено в XVI в. В Индии и особенно Индонезии, а также в Африке колониальная экспансия португальцев, испанцев, затем голландцев, англичан и французов ширилась с каждым веком. Понемногу она захватывала и другие районы Востока. Логически рассуждая, именно XVI век по справедливости можно было бы считать началом этапа колониализма. И в какой-то степени это именно так и было. Дело в том, что, хотя колониализм так и не сумел привести к кардинальной ломке структуры стран традиционного Востока и тем более содействовать становлению там капитализма (о Японии разговор особый), он, однако, как уже было упомянуто, принес Востоку нечто сущностно новое. Вопрос только в том, как понимать это новое. Что это такое? И с какого именно момента этого сущностно нового было достаточно, чтобы вести речь о новом этапе истории Востока?

На этапе торговой экспансии, сопровождавшейся грубыми вторжениями, территориальной аннексией выгодных форпостов, подчинением и даже определенной деформацией хозяйства в некоторых странах (Индия, Индонезия), а также массовым порабощением людей (Африка, частично Индонезия), активному воздействию ко-

лониализма подверглись лишь некоторые страны Востока. Кроме того, к кардинальным изменениям и существенной деформации экономики традиционных восточных обществ этап колониальной торговой экспансии не вел. Целью колонизаторов были вначале лишь восточные редкости, прежде всего пряности, а затем рабы. И хотя платили они за это мало, но все-таки платили. Серебро текло с запада на восток, а не в обратном направлении. То есть перед нами торговля. Пусть неравноправная, подчас неэквивалентная, даже из-под палки, сопровождавшаяся принуждением и насилиями, порабощением людей и т. п., но все же именно торговля.

К торговому обмену Восток привык. Более того, не были для него необычными ни несправедливости, ни насилия, ни даже зверства, ни массовое порабощение людей либо вторжения злобных иностранцев. Достаточно напомнить о монгольском нашествии, о походах Тимура. Правда, торговый колониализм принес с собой и нечто новое, к чему на Востоке еще далеко не везде привыкли: он принуждал людей к каждодневному тяжелому регулярному труду, сопровождая это принуждение силой оружия и превращая таким образом труд в каторгу, которую долго могли выдерживать лишь немногие (собственно, именно это и вызывало потребность во все новых и новых отрядах обреченных на быструю гибель рабов). Но этого нового было в те времена, о которых идет речь (XVI—XVIII вв.), еще все же недостаточно для того, чтобы говорить о сущностно новом, хотя принуждение к труду и было его важным элементом.

Иное дело — XIX век, век колониальной экспансии промышленного капитализма. Картина совершенно иная. Поток фабричных товаров из метрополии стал быстро превращать колонии и зависимые страны Востока в ценные для европейского капитализма рынки сбыта и не менее ценные источники сырья. Рыночные связи теперь устанавливались гораздо более прочно, а по их каналам средства (включая и серебро) текли теперь чаще в обратном направлении. Этому сопутствовали разорение традиционного восточного ремесла, упадок торговли, а также крушение привычных норм бытия и сопровождавшие его политические кризисы, ослабление государственной власти и многое другое, с этим связанное. Вот это и есть то сущностно новое, что вносило немало изменений в привычные нормы и условия жизни стран и народов Востока. Вот почему целесообразно хронологически начинать период колониализма на Востоке именно с XIX в. Где раньше, где позже, но в целом примерно с XIX в., может быть, даже с середины его.

Естественно и логично, что конец периода колониализма следует видеть именно там, где он вполне отчетливо прослеживается, т. е. в середине XX в., после второй мировой войны. Для Востока в целом, включая и Африку, концом периода колониализма и потому важнейшим для его истории хронологическим рубежом является именно

то время, когда он высвободился от колониальной зависимости, когда страны Востока стали независимыми. Поэтому неудивительно, что в качестве рамок, которыми следует ограничить новый этап истории Востока в целом, этап колониализма, берутся именно предлагаемые здесь, т. е. середина XIX— середина XX в. Совершенно очевидно, что при всей включенности Востока в мировую историю, особенно в эти XIX—XX вв., предлагаемые рамки более адекватно отвечают реальному историческому процессу, нежели те, которые исторически мало с ним связаны, хотя и имеют всемирно-историческое значение.

Истоки колониализма

Итак, речь пойдет о Востоке в период колониализма. Вроде бы все хорошо знают и понимают, что такое колониализм для Востока. Но обычно редко ставят вопрос о происхождении феномена колониализма как такового и об истоках колониальной экспансии на Востоке. Между тем вопрос стоит того, чтобы уделить ему внимание.

Понятие «колония» (лат. «поселение») возникло в античной древности и использовалось для обозначения поселений, расположенных в стороне от первоначального центра, а то и достаточно далеко от него. В принципе такого рода расселение было хорошо известно земледельцам со времен неолита; более того, именно так и распространялись по ойкумене достижения неолитической революции. Но когда мы говорим о колониях в более узком и специальном смысле этого слова, то речь идет не просто о расселении переселенцев. Остается в стороне даже так называемая внутренняя колонизация, т. е. постепенное освоение пустующих земель в рамках данного региона, будь то средневековая Европа, Россия или Африка. Для нас важно обратить преимущественное внимание на такие поселения, которые были вызваны к жизни потребностями торгово-экономического развития и имели своим результатом создание на чужой территории автономных анклавов, в рамках которых поселенцы-колонисты воссоздавали свойственную им структуру, родственную той, что была в далекой метрополии. Но и это последнее следует считать типичным, потому и необходимо внести уточняющую поправку: колониальная структура обычно отлична от той, которая господствует среди аборигенного населения, причем эту разницу колонисты ревностно блюдут, равно как и традиционные связи с метрополией. Иными словами, речь идет о таких колониях, которые можно считать некими форпостами метрополии на чужой земле, форпостами, с выгодой используемыми с целью наживы, для и во имя процветания населения метрополии (включая и колонистов).

Исторически первыми, с широким размахом реализовавшими практику колонизации, были финикийцы — для них торговля и мореплавание были едва ли не основным занятием. О финикийском

феномене специально шла речь в первой части работы, причем особо отмечалось, что финикийцы в некотором смысле — предтеча, предшественники античных греков. Позже эстафету колонизации финикийцы передали грекам, а те — римлянам. В какой-то степени процессом такого же рода можно считать и эллинизацию Ближнего Востока после походов Александра, хотя характер колонизации в это время был все-таки несколько иным. В средние века колониальные анклавы создавали такие торговые республики, как Венеция или Генуя, а также торговые союзы типа Ганзы. Но существовали ли колонии у стран и народов Востока? И более того, могли ли в принципе создаваться колонии государствами Востока?

Категорически отрицательного ответа дать на эти вопросы нельзя. В принципе восточные купцы вполне могли создавать и создавали на чужих территориях свои анклавы — достаточно напомнить о китайцах в Юго-Восточной Азии и об арабах на восточноафриканском побережье. Но были ли это колонии в полном смысле слова? О китайцах известно немало, об африканских арабах — меньше. Но и в том, и другом случае перед нами все же не замкнутые колониальные анклавы. Что касается китайцев, то они поддерживали связи с Китаем, быть может, во много раз более тесные, нежели, скажем, жители финикийского Карфагена или греческой Ольвии со своими метрополиями. Но при всем том у китайцев вне Китая нигде и никогда не было административно замкнутых поселений типа анклавов — они всегда достаточно гармонично вписывались в местную структуру и лишь веками хранили в ее административных рамках общинные, клановые и иные корпоративные связи.

Что касается арабов в Африке — и не только на побережье, но и в городах Судана,— то, несмотря на явно выраженную именно арабо-мусульманскую структуру, которую они приносили с собой и по образу которой создавались в Африке первые города, эти города не были арабскими анклавами в полном смысле этого слова. В Судане они становились частью африканских государственных образований, на восточноафриканском побережье они быстро подвергались воздействию со стороны местного населения и в расовом, этническом, даже языковом плане становились образованиями нового типа, не слишком связанными с метрополией. Словом, и в случае с китайскими купцами, и с африканскими арабами не было стоящей за их спинами метрополии как мощной политической силы, на которую колонисты всегда могли бы опереться. Напротив, выселившиеся на чужие земли китайцы и арабы (как и представители иных восточных государств) оказывались как бы отрезанным ломтем. Государства не только не были заинтересованы в официальной их поддержке, но даже вообще как бы игнорировали их. Для этого были свои весомые причины.

Выше уже не раз шла речь о традиционном восточном государстве и восточном социуме. Для восточного государства интересы торговцев, связанных с частнособственнической предпринимательской деятельностью и ориентировавшихся на рынок, всегда были чужды. Взять с купцов пошлины, получить от них взятки — это другое дело. Но заботиться об их процветании вне пределов государства — это уж увольте! Другое дело, когда самому государству выгодно расширить свое влияние на той или иной чужой территории, как то было, скажем, с маскатским Оманом на восточноафриканском побережье (Занзибарский султанат). Но это уже была не колонизация, а в зависимости от обстоятельств завоевание, присоединение, политическое господство. Это же относится и к акциям Альморавидов в Судане, да и ко всем иным политическим событиям, сопровождавшимся вторжением той или иной восточной державы в чужие земли.

Итак, колонизацией в интересующем нас смысле следует считать создание на чужой территории замкнутых административно-автономных анклавов, копировавших метрополию, тесно связанных с ней и опиравшихся на ее действенную и заинтересованную поддержку. Совершенно очевидно, что такого рода анклавы могли создаваться и реально создавались лишь там, где частнособственническая предпринимательская деятельность официально считалась ведущей и активно поощрялась заинтересованным в ее процветании государством. Вот почему колонии торгово-экономического характера создавались (если говорить о колониях в полном смысле слова и принять во внимание все вышесказанное) почти исключительно европейцами — как в античной древности, так и в средние века. Именно такого типа колонии и были тем истоком, на основе которого в XV—XVI вв. сложился колониализм как явление уже несколько иного порядка, отличавшееся иными формами и, главное, иными масштабами. Связь этого колониализма с нарождавшимся европейским капитализмом вполне очевидна.

Генезис европейского капитализма и колониализм

Как уже упоминалось, позднесредневековая Европа после Возрождения структурно была в немалой степени близка к античности, причем развивалась в том же направлении (ориентация на поддержку частнособственнической инициативы) и все более ускоренными темпами. Европа постепенно дефеодализировалась: порожденные феодализмом институты и нормы уходили в прошлое вместе с присущими им мишурой и блеском феодальных властителей, пышностью католического богослужения. На смену всему этому шла все возраставшая когорта представителей так называемого третьего сословия, прежде всего горожан-бюргеров, чья деятельность была

ориентирована на рынок и чьи представления о мире опирались на пуританскую строгость протестантизма. И хотя это движение было в XV — XVI вв. еще весьма слабым и малозаметным, сам факт дефеодализации и выхода на передний план абсолютизма был внешним проявлением именно такого рода процесса. Позднесредневековая Европа медленно, но все ускоряющимися темпами становилась предкапиталистической. Что же было в основе упомянутого процесса и какие факторы ему способствовали?

Процесс генезиса капитализма — явление сложное и многоплановое, и в данной работе анализировать его нет возможности. Можно лишь напомнить, что одним из первоусловий процесса генезиса было то, что Маркс назвал в свое время первоначальным накоплением. Другим и, быть может, даже более важным был изученный М. Вебером пуританский дух протестантской этики, который позволил такие накопления создать. Наряду с этим едва ли не важнейшим фактором успешного хода всего процесса, и в частности первоначального накопления, было то, что имеет самое непосредственное отношение к нашей теме — Великие географические открытия и последовавшая за ними новая, невиданная прежде в истории по масштабам и последствиям волна колонизации неевропейских земель.

Итак, снова колонизация. Как и прежде, в древности и средневековье, она была основана на принципиальных структурных различиях в образе жизни тех, кто колонизовал, и тех, кто был объектом колонизации. Но ровно настолько, насколько пред- и раннекапиталистическая Европа по своей мощи, возможностям и потенциям превосходила античную (и тем более торговые союзы и республики раннего средневековья), настолько же и новая волна колонизации оказалась мощнее всех прежних. Началось все, как только что упоминалось, с Великих географических открытий, с революции в мореплавании, которая позволила успешно преодолевать океаны.

Транзитная торговля со странами Востока издавна создавала у европейцев заметно преувеличенное представление о сказочных богатствах восточных стран, особенно Индии, откуда шли пряности и раритеты. Транзитная торговля, как известно, стоит дорого, а полунищей Европе платить было практически почти нечем. Это было одним из немаловажных стимулов, подстегивавших европейцев найти новые пути в Индию — пути морские, наиболее простые и дешевые. Поиски новых морских путей сами по себе еще не были проявлением именно капиталистической экспансии. Более того, одним из парадоксов эпохи было то, что страны, ранее и едва ли не более других преуспевшие в сфере колониальных захватов и географических открытий (Португалия и Испания), не только еще не стояли на пороге капитализма, но, напротив, являли собой достаточно крепкие феодальные монархии. Как известно, накопленное и награбленное

португальцами и испанцами богатство не пошло им впрок и не было ими использовано в качестве первоначальной основы для быстрого развития капитализма. Здесь есть свои причины, и теория Вебера об этике протестантизма (противопоставленной католической) кое-что в этом смысле объясняет. Однако свое дело — Великие географические открытия с освоением морских путей в новые страны и континенты — испанцы и особенно португальцы сделали, не говоря уже о том, что они сыграли немалую роль и в подготовке, даже активной реализации новой волны колониализма в небывалых прежде масштабах.

После XVI в. на передний план в уже активно развивавшейся колонизации (имеется в виду не только колониальная торговля, но и освоение чужих земель переселенцами), как и в капиталистическом развитии, вышли другие страны: вначале Голландия, затем Англия и Франция. Именно они наиболее удачно использовали полученные от колониальной активности средства в качестве того самого первоначального базового капитала, который в конечном счете способствовал ускорению и даже радикализации их капиталистического развития. Таким образом, парадокс истории, позволивший сделать первый шаг на пути к новому не тем странам, которые были ближе к этому новому, а другим, оказался исправленным той же историей, пусть век-другой спустя (для истории, тем более того времени, это весьма небольшой срок). Однако история остается историей и, естественно, должна восприниматься во всей ее сложной и противоречивой реальности. А сложность и противоречивость эта не только в том, что несомненная связь раннего капитализма и колониализма отнюдь не прямолинейна, но также и в том, что весьма неоднозначен сам привычный для нашего уха феномен колониализма как такового.

Выше не случайно был поставлен вопрос об истоках колониализма и о колонизации в древности, в средние века. Дело в том, что колониализм как феномен обычно воспринимается резко негативно. Между тем именно за счет колонизации ближних окраин, а иногда и дальних заморских территорий шел процесс развития, взаимовлияния культур и т. п., что вносило немалый вклад в развитие человечества. Поэтому необходимо четко определить, что следует понимать под термином «колониализм» и в каком смысле мы будем оперировать этим словом далее.

Колониализм в широком смысле слова — это то важное явление всемирно-исторического значения, о котором только что было упомянуто. Это хозяйственное освоение пустующих либо слабозаселенных земель, оседание на заморских территориях мигрантов, которые приносили с собой привычную для них организацию общества, труда и быта и вступали в весьма непростые взаимоотношения с аборигенным населением, находившимся, как правило, на более низкой ступени развития. Каждая конкретная ситуация, складывающаяся из

множества порой едва уловимых компонентов, дает свой результат и создает в том или ином случае уникальное стечение условий и обстоятельств, от которого зависит многое, в том числе дальнейшая судьба колонии и ее населения. Но при всей уникальности конкретных обстоятельств есть и некоторые общие закономерности, которые позволяют свести феномен колониализма к нескольким основным вариантам.

Один из них — постепенное освоение отдаленных чужих, но пустующих либо слабозаселенных земель поселенцами-колонистами, являющими собой более или менее компактную общность и составляющими на освоенной ими новой территории подавляющее большинство населения. Аборигены при этом обычно оттесняются на окраинные и худшие земли, где они постепенно вымирают либо истребляются в стычках с колонистами. Так были освоены и заселены Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия. С некоторыми оговорками это можно отнести и к южноафриканским республикам буров. На этих землях со временем возникли, как известно, государственные образования по европейской модели — той самой, что была перенесена в качестве само собой разумеющегося социального генотипа мигрантами, составившими, если не иметь в виду Южную Африку, основу населения (10% примеси негров, потомков привезенных в Северную Америку африканских рабов, в данном случае существенного влияния на процесс в целом не оказали).

Другой вариант — миграция новопоселенцев в районы с значительным местным населением, опирающимся к тому же на весомые собственные традиции цивилизации и государственности. Этот вариант гораздо более сложен и в свою очередь может быть подразделен на различные подварианты. Но, не усложняя типологии, обратим внимание лишь на одну важную деталь — на прочность развитой цивилизационной традиции. В Центральной и Южной Америке такая традиция была, причем многовековая, но она оказалась непрочной и локально ограниченной, что в немалой степени объясняет ту легкость, с которой ее слабые ростки были уничтожены колонизаторами. Если принять к тому же во внимание, что этими колонизаторами были не англичане с их сильными капиталистическими тенденциями и мощным духом пуританского протестантизма, а португальцы и испанцы с преобладавшими среди них феодальными формами отношений и католицизмом, то легко понять, почему латинизация Южной и Центральной Америки привела к иным результатам, нежели колонизация Северной. Другой состав населения (индейцы, огромное количество африканских негров, не слишком большое число переселенцев из Европы и, как результат, преобладание мулатов и метисов), иные традиции, более низкий уровень исходной точки развития и явное преобладание традиционно-

неевропейского пути развития — как за счет привычного социального генотипа индейцев и негров, так и в немалой степени за счет весомых элементов такого же типа отношений в феодальных традициях переселенцев — привели в конечном счете к тому, что сложившиеся в Латинской Америке формы социальных отношений оказались гибридными. При этом из европейской модели были заимствованы не столько антично-капиталистические частнособственнические тенденции, ориентированные на рыночные связи и стимулирующие инициативу, энергию индивида, защищающие его права (как то было в Северной Америке, а затем в Австралии, Новой Зеландии, у буров), хотя при этом и лишающие таких прав негров и аборигенов, сколько религиозные и феодальные. Гибрид же европейского феодализма и католицизма с индейскими традиционными формами существования не способствовал энергичным темпам развития, выработке необходимых трудовых навыков и т. п. Иными словами, второй вариант колонизации не вел к быстрому развитию колонии, но все же содержал потенции для некоторого развития, хотя бы за счет наличия пусть небольшой, но все же существовавшей и игравшей свою роль доли европейской частнопредпринимательской традиции, восходившей к антично-капиталистическому типу развития.

Вариант третий — колонизация районов с неблагоприятными для европейцев условиями обитания. В этих нередких случаях местное население, независимо от его численности, было преобладающим. Европейцы оказывались лишь малочисленным вкраплением в него, как то имело место повсюду в Африке, в Индонезии, Океании и кое-где на Азиатском континенте (хотя о развитом Востоке речь впереди). Слабость, а то и почти полное отсутствие политической администрации и государственности здесь помогали колонизаторам легко и с минимальными потерями не только укрепиться на чужих землях в форме системы форпостов, портов, торговых колоний и кварталов, но и взять в свои руки всю местную торговлю, а то и практически все хозяйство прилегающих районов и навязать местным жителям, порой целым странам свою волю, свой принцип свободных рыночных связей, в которых решающую роль играл материальный интерес. Со временем, но не слишком быстро, эта форма колониализма могла перерасти и в иную, обрести вид политического господства.

И наконец, вариант четвертый, для Востока наиболее типичный. Это те многочисленные случаи, когда колонизаторы попадали в страны с развитой многовековой культурой и богатой традицией государственности. Здесь большую роль играли различные обстоятельства: и представления европейцев о богатстве той или иной страны Востока, например Индии, и реальная сила колонизуемой страны,

т. е. крепость ее государственной власти, и традиционные формы той или иной восточной цивилизации с их нормами и принципами, и многое другое, в том числе случай, всегда игравший важную роль в истории. Конкретно обо всем этом будет идти речь впереди. Пока же стоит заметить, что англичане сумели укрепиться и овладеть Индией в немалой степени потому, что этому способствовала исторически сложившаяся социально-политическая система этой страны с ее слабой политической властью. Но, пока те или иные страны Востока, о которых идет речь, еще не стали политически подчиненными метрополии (что следует датировать лишь XIX веком), характерным для четвертого варианта колонизации следует считать то, что колонизаторы в таких странах были меньшинством, которое действовало в условиях достаточно развитого колонизуемого общества, управляемого местными правителями и живущего по собственным порядкам.

В рамках четвертого варианта колонизаторы не могли ни создать структуру по европейской модели (как в первом), ни создать гибридную структуру (как во втором), ни просто придавить своей мощью и направить целиком по желаемому пути жизнь отсталого местного населения, как то было в Африке, на островах пряностей и т. п. (вариант третий). Здесь можно было лишь активно развивать торговлю и за счет рыночного обмена получать выгоду. Но при этом — что весьма существенно — европейцы, за редкими исключениями, должны были платить наличными, золотом и серебром. Хотя в качестве платы принималось также европейское оружие и кое-что еще, восточный рынок тем не менее не нуждался в тех товарах, которые европейцы до XIX в. могли ему предложить. Нужна была наличность. И вот здесь-то самое время ограничить изложение проблемы колонизации и колониализма в широком смысле слова (как великого всемирного феномена, связанного с процессом генезиса капитализма, бывшего в некотором смысле территориальной базой его вскармливания и возмужания) и обратиться к колониализму в узком, так сказать, в собственном смысле этого слова — в том самом, в каком он звучит сегодня повсеместно и имеет почти однозначную негативную оценку.

Колониализм на Востоке

Конкретно речь теперь пойдет о том, что же такое колониализм с точки зрения народов, подвергшихся колонизации. Это, разумеется, касается и тех аборигенов, которые были объектом оттеснения с их земель, уничтожения и подчинения колонистами в случаях, имевших отношение к первому и второму вариантам колонизации (Америка, Австралия, Новая Зеландия и др.). Но преимущественно это касается третьего и особенно четвертого вариантов колонизации, т. е. тех

случаев, когда речь идет не о массовых переселениях и об освоении слабозаселенных земель новой общностью, а о бесцеремонном вторжении своекорыстного и опирающегося на силу меньшинства с целью извлечь выгоду из рыночного обмена и заставить работать на себя местное население, не говоря уже о таких бесчеловечных явлениях, как работорговля.

Снова оговоримся, что и транзитная торговля с погоней за выгодой, и эксплуатация местного населения, и работорговля не были придуманы колонизаторами-европейцами. Все это существовало и ранее, до них и независимо от них. Порой торговали и самими попавшими в плен европейцами, становившимися рабами турок или арабов, монголов или персов. Поэтому имеется в виду лишь характеристика феномена, связанного с выходом на авансцену раннекапиталистической Европы, представители которой в странах, послуживших объектами колониальной экспансии, действовали, по существу, традиционными методами, но зато с энергией и целеустремленностью, присущими новому, поднимающемуся капиталистическому строю. Именно это и стало колониализмом в привычном ныне значении слова, во всяком случае на начальном этапе.

Начальный этап, как упоминалось, был связан с деятельностью прежде всего португальцев (испанцев на Востоке, за исключением Филиппин, практически не было; Филиппины же развивались во многом по латиноамериканской модели, о чем уже говорилось), и в количественном отношении эта деятельность была связана едва ли не прежде всего с африканской работорговлей, хотя португальцы одновременно активно интересовались пряностями и раритетами и именно им принадлежали первые европейские торговые фактории в Индии, Индонезии, на Цейлоне, китайском побережье и т. п. Португальский колониализм в Африке и Азии (в отличие от Америки) был по характеру торговым (третий и четвертый варианты колонизации), что, собственно, в немалой мере и определило со временем афро-азиатские варианты европейской колонизации до XIX в. Но торговля с Востоком, даже с Африкой (где в качестве эквивалента обмена нередко шли в дело стеклянные бусы, дешевые лоскуты, не говоря уже о спиртном), требовала средств. Пряности стоили дорого, доставка их — еще дороже. Даже ружья, которые шли в обмен за товары вместо серебра, тоже стоили денег, того же серебра. Где было взять драгоценный металл?

Вопрос этот не стоило бы и поднимать — ответ на него общеизвестен. Собственно, именно золото и серебро вызвали такую алчность испано-португальских конкистадоров в Америке, которая послужила толчком к полному разрушению древних центров богатой, но структурно слабой цивилизации и государственности. Потоки золота и серебра со времен Колумба хлынули в Европу — и в немалой степени за этот счет, учитывая и снижение цены драгоценного металла в

условиях резкого увеличения его количества (революция цен), финансировалась раннеевропейская торговля с Востоком, грабить который европейцы не могли и за товары которого, включая и рабов, они вынуждены были расплачиваться. И хотя доля португальцев в этом американском потоке была не слишком велика — основное досталось Испании,— она послужила первоначальной основой для финансирования колониальной торговли, в последующем успешно развивавшейся за счет товарооборота.

Век португальского господства в колониальной афро-азиатской торговле был сравнительно недолог: доля Португалии во все возраставшей в объемах и расширявшейся территориально торговой экспансии европейских колониалистов в Африке и особенно в Азии стремительно падала и после XVI в. стала вовсе незначительной. На первое место вышли голландцы. XVII век, особенно первая его половина,— век Нидерландов на Востоке. Со второй половины XVII в., после ряда успешных англо-голландских войн, рядом с Голландией, постепенно оттесняя ее, становится Англия.

Хотя голландцы были в первых рядах среди тех европейских держав, которые успешно шли по пути капиталистического развития, и хотя именно они в свое время активно участвовали в колонизации Северной Америки с ее пуританским духом активного предпринимательства (достаточно напомнить, что голландцами был основан в 1626 г. Новый Амстердам — будущий Нью-Йорк), в Африке и Азии они сменили португальцев либо оказались рядом с ними практически в той же функции колониальных торговцев. Да и методы их не слишком отличались от португальских — та же торговля африканскими и индонезийскими рабами, скупка пряностей, организация плантаций для их производства. Правда, голландцы способствовали обновлению колониализма, основав в 1602 г. объединенную Ост-Индскую компанию — мощную и находившуюся под политическим покровительством метрополии административно-экономическую суперорганизацию, целью которой была оптимизация условий для успешной эксплуатации всех голландских колоний на Востоке (в 1621 г. для голландских колоний на Западе, в основном в Америке, была создана Вест-Индская компания). Аналогичную организацию (Ост-Индская компания) создали и англичане, даже еще раньше, в 1600 г., но только во второй половине XVII в., после укрепления англичан в ряде важных пунктов на восточном и западном побережье Индии, эта компания обрела определенную экономическую устойчивость и, главное, некоторые административные права — свои вооруженные силы и возможность вести военные действия, даже чеканить монету. Впоследствии, как о том уже говорилось, английская Ост-Индская компания стала административным костяком английского колониализма в Индии, причем с XVIII в. она все более тщательно контролировалась

правительством и парламентом, а в 1858 г. и вовсе прекратила свое существование, официально замененная представителями Англии, начиная с вице-короля.

На примере голландской и английской Ост-Индских компаний можно видеть, что по меньшей мере в XVII в. это были торговые организации капиталистического характера с ограниченными административными правами*. Практика показала, что такого рода прав было вполне достаточно, чтобы англичане в Индии, а голландцы в Индонезии чувствовали себя фактическими хозяевами. Меньше в этом плане преуспела Франция, вступившая на путь колониальной экспансии позже, в основном лишь в XVIII в. К тому же революция 1789 г. способствовала крушению того, что было достигнуто: из некоторых своих колониальных владений французы были вытеснены, прежде всего англичанами (в Индии, Америке). В целом XVII и XVIII века были периодом активного укрепления европейской колониальной торговли и получения за счет этой торговли немалых экономических выгод.

О каких выгодах идет речь в свете того, что уже говорилось об особенностях колониальной торговли с Востоком, выражавшихся в перекачке драгоценного металла не с Востока в Европу, а в обратном направлении? Выгоды имеются в виду самые простые и прямые — от торгового оборота, с учетом всех издержек не только транзитного долгого морского пути, но и содержания администрации тех же могущественных компаний, которые организовывали торговлю и стабилизировали условия для нее, захватывая в свои руки новые земли, подкупая союзных правителей, ведя войны с враждебными и т. п. Если подсчитать издержки, они окажутся весьма солидными. Но и разница в ценах была огромной: пряности в Европе стоили в десятки раз дороже по сравнению с теми местами, где их производили и закупали. И все-таки если подводить баланс (а торговали в конечном счете отнюдь не только пряностями, их к тому же сами купцы строго лимитировали и в производстве, и в торговле, дабы не сбить цену), то окажется, что из Индии шли шерстяные и бумажные ткани высокого качества, кашмирские шали, индиго, сахар, даже опиум. Из Африки — рабы. А что же шло взамен? Оружие и в гораздо меньшей степени некоторые другие товары, практически не имевшие спроса в развитых (и тем более в неразвитых) странах Востока. Содержание же компаний и все прочие издержки, выплаты, подкупы

---

* Об ограничениях говорится в весьма относительном плане — право вести войны и содержать армии ставило компании в положение могущественной политической силы, вполне сопоставимой с местными государственными образованиями; вопрос был лишь в конкретном соотношении сил и в наличии средств для манипулирования.

и т. п. в немалой степени покрывались драгоценным металлом: по некоторым подсчетам, в начале XVIII в. доля товаров в торговле с Востоком (английский экспорт к востоку от мыса Доброй Надежды) была равна одной пятой, остальные четыре пятых приходилось на металл.

Это не значит, что компании и колониальная торговля работали в убыток,— они свое возвращали с лихвой, ибо их торговля была наивыгоднейшим делом. Но все-таки это была именно торговля, а не ограбление наподобие того, что делали испано-португальские конкистадоры в Америке. И хотя колониальная торговля сопровождалась жестокостями и издевательствами над людьми (работорговля), главное все же было не в этом. К жестокостям и работорговле Восток привык издавна. Европейские же торговцы принципиально отличались от местных восточных купцов тем, что они при активной поддержке метрополии стремились административно сорганизоваться и укрепиться, постоянно расширяя зону своего влияния и свободу действий. Собственно, именно этого рода динамика и служила важной основой для постепенной трансформации колониальной торговли в колониальную экспансию политико-экономического характера, что ощущалось кое-где (особенно в Индии) уже в XVIII в. и с особой силой стало проявляться на Востоке в XIX в.

Итак, на традиционном Востоке, включая и Африку, колониализм начался с колониальной торговли, причем этот период торговой экспансии, сопровождавшийся лишь в заключительной своей части захватом территорий в ряде районов, длился достаточно долго. За эти века, XVI — XVIII, многое переменилось. Изменилась прежде всего сама Европа. Колониальный разбой (имеется в виду Америка) заметно обогатил ее, заложив основу первоначального накопления капитала. Капитал был пущен в оборот в широких масштабах транзитной колониальной торговли, содействовавшей становлению мирового рынка и втягиванию в этот рынок всех стран. Доход от оборота и создание рынка сыграли свою роль в ускорении темпов капиталистического развития Европы, а это развитие, прежде и активнее всего в Англии, в свою очередь настоятельно требовало еще большей емкости рынка и увеличения товарооборота, в том числе колониальной торговли. Для обеспечения оптимальных условий торговли англичане раньше других и успешней соперников-голландцев стали укрепляться на Востоке (прежде всего в Индии), добиваясь там своего политического господства уже в XVIII в. и тем более в XIX в. Взаимосвязь между капитализмом и колониализмом очевидна. Но была ли такого же типа связь характерна для объектов колониальной экспансии, для стран Востока? Хотя бы для некоторых?

Вопрос вплотную сталкивает с проблемой генезиса капитализма на Востоке. Еще сравнительно недавно немалое количество марксистов настаивало на том, что в описываемое время, т. е. в XVI — XVIII вв., Восток стоял накануне процесса такого рода генезиса, а то и был уже в ходе этого процесса, что он лишь ненамного отставал в этом от Европы. Да и сегодня подобные взгляды не исчезли вовсе, хотя и заметно поубавились. И, казалось бы, есть основания для них — ведь возник же капитализм в Японии! Стало быть, в принципе подобное могло произойти на Востоке, и вопрос лишь в том, чтобы попытаться понять, почему в других странах этого не произошло, что именно помешало этому. К более основательному анализу всей проблематики, связанной с генезисом капитализма на Востоке, мы вернемся позже. Пока обратим внимание на то, о чем уже не раз упоминалось в этой главе. Восток в лице развитых цивилизованных обществ и государств Азии (об Африке речи пока нет) был в XVI — XVIII вв. не беднее Европы. Более того, он был богаче. На Восток шли вывезенные из ограбленной Америки драгоценные металлы. На Востоке веками копились и хранились те самые ценности и раритеты, которые притягивали к себе жадные глаза колонизаторов. Была на Востоке и своя богатая традициями торговля, включая и транзитную, которая, кстати, держала в своих руках всю восточную торговлю Европы вплоть до эпохи колониализма и немало на этом наживалась. Восток, по данным многих исследований, мог дать большую массу пищи, чем скудные почвы Европы, а население Востока жило в массе своей едва ли хуже, чем европейское. Словом, по данным специалистов, до XV—XVI вв. Восток был и богаче, и лучше обустроен, не говоря уже о высоком уровне его культуры.

Но если все это было именно так, да к тому же Восток будто бы стоял накануне либо уже был в процессе генезиса капитализма, то почему же не на Востоке активно развивался капитализм? И если уж этот самый восточный капитализм по каким-то причинам не поспевал достаточно быстро, по-европейски, развиваться, то почему этому не помог колониализм — та самая колониальная торговля, которая связала Европу и остальной мир, включая и весь Восток, воедино? Конечно, торговля была в руках европейцев и потому приносила доход с оборота именно им. Но, как только что говорилось, Восток был богаче и в ходе торговли тоже не беднел, ибо делился излишками за деньги. И, кроме того, колониальная торговля важна не только и, быть может, даже не столько доходами, сколько самим фактом всемирных связей, возможностью заимствования и ускорения развития за этот счет. Почему этой возможностью сумела воспользоваться — да еще в какой мере! — лишь Япония, тогда как остальные этим воспользоваться не смогли? Или не захотели? Или даже не

заметили ее, эту возможность, не обратили на нее внимания? Почему?

Ответ на этот вопрос очевиден в свете изложенной в работе концепции: о капитализме как принципиально ином строе, отвергающем традиционное господство государства и выдвигающем в качестве альтернативы частную собственность и свободный рынок, на традиционном Востоке не могло быть и речи. Для этого не было условий. И только в уникальных обстоятельствах Японии такого рода условия появились, да и то далеко не сразу. Стоит напомнить, что, несмотря на идеально подготовленную для этого японским феодализмом и конфуцианской культурой почву, лишь два-три века хотя и скрытых, но весьма энергично осуществлявшихся связей с европейскими колонизаторами (голландцы и «голландская наука») способствовали тому, что японская почва стала прорастать капиталистическими всходами. Таким образом, связь колониализма и капитализма сыграла свою роль в случае с Японией. Но вот в остальных случаях эта связь применительно к обществам и государствам традиционного Востока не могла сработать так, как этого по логике рассуждений можно было бы ожидать. Колониальная экспансия европейцев не расчищала автоматически или почти автоматически, при направленных действиях колонизаторов, путь к капитализму европейского типа, во всяком случае ожидаемыми темпами. Напротив, она породила столь яростное сопротивление традиционных структур Востока, столь мощную ответную волну, что даже в наши дни, в конце II тысячелетия, трудно дать обоснованный прогноз, как и когда достигнет еврокапиталистических стандартов развивающийся Восток — если это вообще достижимо.

Мощная ответная волна сопротивления колониальному вторжению и ломке привычных норм жизни стран и народов Востока появилась не сразу. В XVI — XVIII вв., в начальные периоды колониализма, пока Восток еще не ощутил как следует тяжелую руку европейского капитала, ее, казалось бы, ничто не предвещало. Все началось позже, в XIX в., и с особой силой проявилось в XX в. Вот о том, как и в какой форме зрел внутренний протест традиционных восточных структур против бесцеремонного вторжения колонизаторов с чуждыми Востоку мерками, нормами и принципами жизни, в каких формах выражался этот протест и чем эти формы были обусловлены, и пойдет речь в третьей части работы.

Для удобства изложения и последующего анализа главы этой части разбиваются на несколько блоков: Южная и Юго-Восточная Азия; Ближний и Средний Восток; Дальний Восток; Африка. В рамках каждого из блоков сначала дается историческая канва, затем — аналитический очерк.

Блок первый

Южная и Юго-Восточная Азия

Глава 2

Британская Индия

Индия была первым и по существу единственным государством столь крупного масштаба (точнее даже, группой государств, объединенных сплачивавшей их цивилизацией, религиозной традицией и общностью социально-кастовых принципов внутренней структуры), которое было превращено в колонию. Воспользовавшись характерной для Индии слабостью административно-политических связей, англичане сравнительно легко, без особых затрат и потерь, даже в основном руками самих индийцев, захватили власть и установили свое господство. Но коль скоро это было достигнуто (в 1849 г., после победы над сикхами в Пенджабе), перед завоевателями возникла новая проблема: как управлять гигантской колонией? Перед прежними завоевателями такой проблемы не было. Не мудрствуя лукаво, все они, вплоть до Великих Моголов, правили так, как это было определено веками и понятно всем. Но англичане представляли собой принципиально иную структуру, к тому же находившуюся на крутом подъеме и предъявлявшую все более решительные и далеко идущие требования для своего успешного развития. В некотором смысле проблема была сходна с той, которую решал Александр после завоевания им Ближнего Востока: как синтезировать свое и чужое, Запад и Восток? Но были и новые обстоятельства, принципиально отличавшиеся от древности. Дело в том, что присоединение Индии к Британии было не столько актом политическим, результатом войны либо серии войн, сколько следствием сложных экономических и социальных процессов во всем мире, суть которых сводилась к образованию мирового капиталистического рынка и к насильственному вовлечению в мировые рыночные связи колонизуемых стран.

Едва ли вначале, на первых порах, английские колонизаторы задумывались над упомянутой проблемой. Колонизация проводилась руками Ост-Индской компании, стремившейся прежде всего к активной торговле, к огромным прибылям, к высоким темпам обогащения. Но в ходе торговых операций и во имя все более гарантированного их обеспечения прибиралось к рукам чужое имущество, захватывались новые земли, велись успешные войны. Колониальная торговля все очевиднее перерастала свои первоначальные рамки, ее подстегивало то, что быстрорастущая английская капиталистическая промышленность на рубеже XVIII — XIX вв. уже остро нуждалась во все увеличивающихся рынках сбыта фабричных

товаров. Индия была для этого идеальным местом приложения соответствующих усилий. Неудивительно, что в изменяющихся обстоятельствах индийские дела постепенно переставали быть прерогативой компании, или, во всяком случае, только компании. С конца XVIII в., особенно после процесса над У. Хейстингсом, первым генерал-губернатором Индии (1774—1785), деятельность компании во все возраставшем объеме начала контролироваться правительством и парламентом.

В 1813 г. была официально отменена монополия компании на торговлю с Индией, и за 15 лет после этого ввоз хлопковых фабричных тканей вырос в 4 раза. Парламентский акт 1833 г. еще более ограничил функции компании, оставив за ней в основном статус административной организации, практически управлявшей Индией, причем теперь уже под очень строгим контролем лондонского Контрольного совета. Индия шаг за шагом все очевиднее становилась колонией Великобритании, превращалась в часть Британской империи, в жемчужину ее короны.

Но завершающая часть процесса колонизации оказалась наиболее трудным делом. Вмешательство администрации компании во внутренние дела страны и прежде всего в веками складывавшиеся аграрные отношения (английские администраторы явно не разобрались в реальных и весьма непростых взаимоотношениях владельческих и невладельческих слоев в Индии) привело к болезненным конфликтам в стране. Приток фабричных тканей и разорение многих из привыкших к престижному потреблению аристократов сказались на благосостоянии индийских ремесленников. Словом, трещала по всем швам веками функционировавшая привычная норма отношений, в стране все очевиднее проявлял себя болезненный кризис.

Огромная страна не желала мириться с этим. Росло недовольство новыми порядками, несшими угрозу привычному существованию практически всех. И хотя из-за слабости внутренних связей и господства многочисленных разделявших людей этнокастовых, языковых, политических и религиозных барьеров это недовольство не было слишком сильным, ни тем более достаточно организованным, оно все же быстро увеличивалось и превращалось в открытое сопротивление английским властям. Назревал взрыв.

Одной из важных непосредственных причин, спровоцировавших его, была аннексия генерал-губернатором Дальхузи в 1856 г. крупного княжества Ауд на севере страны. Дело в том, что наряду с землями, официально и непосредственно подчиненными администрации компании, в Индии существовало 500—600 больших и малых княжеств, статус и права которых были весьма разными. Каждое из княжеств особым договорным актом было связано с администрацией компании, но при этом количество их постепенно уменьшалось за счет ликвидации тех из них, где прерывалась линия прямого наследования

либо наступало состояние кризиса. Ауд был присоединен к землям компании под предлогом «плохого управления», что вызвало резкое недовольство сильно задетого этим решением местного мусульманского населения (талукдаров), а также привилегированных заминдаров-раджпутов.

Центром военной мощи компании была бенгальская армия сипаев, на две трети набранная из раджпутов, брахманов и джатов Ауда. Сипаи из этих высоких каст особо болезненно ощущали свое приниженное положение в армии по сравнению со служившими рядом с ними англичанами. Брожение в их рядах постепенно возрастало в связи с тем, что после завоевания Индии компания, вопреки обещанному, не только снизила им жалованье, но и стала использовать в войнах вне Индии — в Афганистане, Бирме, даже в Китае. Последней каплей и непосредственным поводом к восстанию послужило введение в 1857 г. новых патронов, обмотка которых была смазана говяжьим либо свиным жиром (обкусывая ее, осквернялись как почитавшие священную корову индусы, так и не употреблявшие в пищу свинину мусульмане). Возмущенные наказанием тех, кто выступил против новых патронов, 10 мая 1857 г. в Мератхе близ Дели восстали три полка сипаев. К восставшим присоединились другие части и вскоре сипаи подошли к Дели и заняли город. Англичане частично были истреблены, частично в панике бежали, а сипаи провозгласили императором престарелого могольского правителя Бахадур-шаха II, доживавшего свои дни на пенсию компании.

Восстание длилось почти два года и в конечном счете было потоплено в крови англичанами, сумевшими опереться на помощь сикхов, гурков и на другие силы, опасавшиеся возрождения империи Моголов. Справедливо оценив восстание как мощный народный взрыв недовольства не только правлением колонизаторов, но и грубой ломкой традиционных форм существования многих слоев индийского общества, английские колониальные власти вынуждены были всерьез задуматься над тем, как быть дальше. Вопрос был в том, какими методами и средствами добиться уничтожения традиционной структуры. Было ясно лишь одно: резкая насильственная ломка здесь неприемлема; ее следует заменить постепенной и тщательно продуманной трансформацией — с ориентацией, естественно, на европейскую модель. Собственно, к этому и свелась последующая политика англичан в Индии.

Начало трансформации традиционной структуры

Еще не закончилось восстание сипаев, когда английский парламент в 1858 г. принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия стала составной частью Британской империи, а королева

Виктория была провозглашена императрицей Индии. Управлять страной должен был генерал-губернатор, вскоре получивший официальный титул вице-короля. Деятельность его и всей администрации Британской Индии контролировалась и направлялась ответственным перед парламентом министерством по делам Индии. Вслед за тем последовал ряд важных реформ.

Военная реформа привела к расформированию сипайских полков и к существенному изменению состава вооруженных сил: число англичан в армии сильно увеличилось; большую роль в ней стали играть наемники из числа сикхов и гурков. В специальном обращении к индийским князьям, ее вассалам, королева Виктория пообещала уважать их традиционные права. В частности, было введено право передачи княжества по наследству приемным сыновьям (если линия прямого наследования прерывалась). Британская корона обязалась со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы. Были также приняты законы, препятствовавшие заминдарам и иным арендодателям произвольно повышать арендную плату. Многие постоянные арендаторы получили право отчуждать свои земли. Вся эта серия законов, актов и обязательств ставила своей целью уважать привычные нормы и тем избежать в дальнейшем кумуляции недовольства. Но все это отнюдь не означало отступления. Просто изменялась тактика действий. Это хорошо видно на примере другой серии реформ и нововведений.

Еще в 1835 г. генерал-губернатор Маколей провел реформу образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создать из них «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума». Активно действуя в этом направлении, англичане открыли в Индии в 1857 г. первые три университета — Калькуттский, Бомбейский и Мадрасский. В дальнейшем число индийских университетов и колледжей с преподаванием на английском языке и по английским программам обучения все возрастало, не говоря уже о том, что многие из индийцев, особенно из числа зажиточной социальной верхушки, получали образование в самой Англии, в том числе в ее лучших университетах — Кембридже и Оксфорде. И пусть такое образование получала лишь ничтожная доля населения, в подавляющем большинстве остававшегося вовсе неграмотным, эта доля индийских интеллектуалов играла непропорционально значительную роль в политике и общественной жизни страны. И воспитание их по английской модели не могло при этом не оказывать своего воздействия.

В этом же направлении была задумана и постепенно реализовывалась административная политика англичан. Еще в 1861 г. парламент принял закон об организации законосовещательных Индийских советов при генерал-губернаторе и губернаторах провинций. Хотя

члены этих советов назначались, а не избирались, законом оговаривалось, что половина их должна состоять из лиц, не занятых на службе и тем самым не зависящих от администрации. Была проведена и судебная реформа по английскому образцу. В продолжение этой же линии в 80-х годах были изданы законы о местном выборном самоуправлении. И хотя выборы были многоступенчатыми, а участвовать в них могли лишь очень немногие, едва ли более 1% населения страны, начало избирательной процедуре было положено. В 90-х годах муниципальные советы стали избирать некоторых своих членов в провинциальные законодательные советы при губернаторах, а также в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе.

Активное внедрение элементов европейской (британской) политической культуры и практики и европейского образования способствовало проникновению в Индию многих европейских идей и идеалов, знаний и опыта, привело к знакомству с европейскими науками, искусством, культурой, образом жизни. Это знакомство тоже по преимуществу ограничивалось узким кругом социальных верхов и индийских интеллектуалов, но все же оно было фактом, а становившееся нормой использование английского языка как официального и объединяющего представителей различных индийских народов способствовало распространению среди интеллектуальной элиты ориентации на европейские духовные ценности, как то и было задумано в свое время Маколеем и его единомышленниками. Книги, газеты, журналы и иные печатные издания, предназначенные для читателя во всей Индии, публиковались только на английском. Английский язык становился постепенно основным для всей образованной Индии.

Долгое время тон в этом движении задавала Бенгалия — район, ранее всего захваченный англичанами (резиденция генерал-губернатора до 1911 г., когда она была перенесена в Дели, находилась в Калькутте). Здесь английское влияние ранее всего достигло значительных размеров. Еще видный индийский просветитель Рам Мохан Рай (1772 — 1833) организовал лояльное по отношению к англичанам общество «Брахмо самадж», построенное по европейскому образцу, с выборным правлением, и преследовавшее цель очистить индуизм от наиболее одиозных наслоений (обычай самосожжения вдов — «сати»; ранние браки; кастовая непримиримость и т. п.) и на его основе создать культ единого Бога, в поклонении которому могли бы слиться представители всех религий, включая мусульман и христиан. После смерти Рая руководство обществом перешло в руки Д.Тагора и других бенгальских деятелей, немало способствовавших распространению просветительских идей. Позже влияние брахмоистов распространилось среди образованных слоев населения в Мадрасе и Бомбее, причем везде просветители активно сотрудничали с англичанами,

которые под их влиянием издали законы против сати, в защиту гражданских браков и т. п.

Рост влияния англичан и европейской культуры на образованных индийцев протекал на общем фоне усиления в стране позиций колониального капитала и соответствующих изменений в ее экономике. Заметный уже в начале XIX в. и не прекращавшийся на протяжении последующих десятилетий быстрый рост английского промышленного экспорта в Индию способствовал резкому увеличению индийского экспорта в Англию и другие страны Европы. Из Индии вывозились хлопок, шерсть, джут, чай, кофе, опиум и особенно индиго и пряности. Для обеспечения быстрого увеличения количества вывозимого сырья англичане активно создавали плантационные хозяйства капиталистического типа. К традиционным статьям индийского экспорта прибавлялись все новые, включая и зерно,— при всем том, что время от времени Индию сотрясали страшные неурожаи, сопровождавшиеся голодной смертью миллионов.

Здесь важно заметить, что представления о разрушении индийской общины уже чуть ли не в середине XIX в. явно преувеличены. Несмотря на трансформацию сельского хозяйства, на введение новых культур и плантационной формы их выращивания, а также на изменения в формах собственности на землю и переход части ее в руки торговцев и ростовщиков (к слову это было обычным делом и в старой Индии), община держалась достаточно стойко и более или менее удачно приспосабливалась к необходимым и неизбежным переменам, пока они не затрагивали всерьез самого основного, т. е. принципов ее существования, привычных, веками складывающихся отношений. Британская администрация в общем это хорошо понимала и — особенно после восстания конца 50-х годов — всегда учитывала. И хотя ей не удавалось предотвратить массового голода и голодных смертей в годы неурожаев (это характерно для всех колониальных государств: в отличие от традиционных органов власти, которые в голодные годы освобождали крестьян от налогов и предоставляли им льготы, капиталистическая администрация в чужой стране была как бы свободна от такого рода благотворительного милосердия), в целом она стремилась защищать интересы крестьянина, так как существовала за счет его выплат: земельный налог и монополии на опиум и соль давали в середине XIX в. 85% дохода.

Но главные изменения в сфере экономики происходили все же не за счет возросшей торговли и увеличения товарности земледелия. Наиболее важное значение для трансформации хозяйства имело промышленное развитие Индии и стимулировавший его характерный для периода империализма вывоз капитала. Вначале он шел преимущественно в форме займов: британская администрация прибегала к помощи английских банкиров для активного строительства железных дорог, для создания добывающих и перерабатывающих первичное

сырье предприятий, для ирригационного строительства. Наряду с государственными займами (их общая сумма за 1856 — 1900 гг. выросла с 4 до 133 млн. ф. ст.) увеличивался и приток частного капитала, использовавшегося преимущественно для развития хлопчатобумажной и джутовой промышленности, банковского и страхового дела, позже также и промышленного производства чая и каучука, кофе и сахара. В начале XX в. английские капиталы в Индии (речь о частных инвестициях) достигали 6 — 7 млн. рупий. Характерно, что преобладали компании, зарегистрированные в Англии и лишь вкладывавшие часть своего капитала в Индии, тогда как доля индийских компаний, принадлежавших как англичанам, так и самим индийцам, была чуть ли не втрое меньше.

Строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры — сеть банков, предприятий связи, плантаций и т. п.— способствовали возникновению многочисленных национальных промышленных предприятий, включая ремесленное производство на предприятиях мануфактурного типа, что привело к возрождению ручного ткачества. В 90-х годах кустарями перерабатывалось в 2,5 раза больше хлопчатобумажной пряжи, чем на фабриках, а всего кустарно-ремесленными промыслами занимались, включая членов семей, около 45 млн. человек. Но главное было все-таки не в возрождении ремесла. Импорт британских и иных европейских машин, прежде всего прядильно-ткацких, создавал условия для появления в Индии капиталистических предприятий, фабрик и заводов, причем по меньшей мере треть акционерного капитала здесь в конце XIX в. уже принадлежала индийцам. Возникала национальная буржуазия. Отдельные ее представители становились в ряды крупных предпринимателей, основывали собственные фирмы. В 1911 г. в Бихаре Тата построил первый принадлежавший индийцу металлургический завод немалой мощности, а в 1915 г. была создана принадлежавшая его фирме гидроэлектростанция. В 1913 г. в Индии было 18 крупных индийских банков.

Появились и первые индийские рабочие: к концу XIX в. численность их составляла 700 — 800 тыс. Условия труда были очень тяжелыми, рабочий день продолжался 15 — 16 часов. И хотя принадлежность к различным народам и кастам мешала объединению рабочих, высокая степень концентрации их на ряде крупных предприятий способствовала активизации рабочего движения: в конце XIX в. количество рабочих выступлений, преимущественно в форме стихийных стачек, исчислялось десятками. Эти выступления привели к появлению фабричного законодательства: в 1891 г. было запрещено использовать на фабриках труд детей до 9 лет, длительность рабочего дня понемногу сокращалась (в начале XX в. до 12 — 14 часов).

Итак, активная торговля, вывоз английского банковского и промышленного капитала, формирование национального индийского

капитала, появление национальной буржуазии и пролетариата, развитие сети железных дорог, добывающих промыслов и промышленных предприятий — все это не могло не деформировать привычную традиционную структуру земледелия и ремесла. Новые, базирующиеся на капиталистической основе интересы должны были взорвать изнутри отношения традиционные.

К этой перемене была внутренне готова и ориентировавшаяся на Англию и европейские ценности образованная часть населения, энергично выступавшая против устаревших пережитков и за реформу традиционных основ религиозной культуры. Выразителем интересов этой индийской интеллектуальной элиты стал созданный в 1885 г. с благословения англичан Национальный конгресс. Будучи одновременно и лояльным, и оппозиционным по отношению к английским властям, Индийский национальный конгресс (ИНК) стал своего рода знаменем борьбы за демократическую трансформацию традиционной Индии. Параллельно с ним в те же годы активно действовали и религиозные лидеры индуизма, стремившиеся сблизить древний индуизм Веданты с христианскими религиозными течениями и выступить, как это сделал знаменитый Вивекананда, за сближение всех великих религий мира.

Светское (ИНК) и религиозное движения за обновление Индии явно способствовали усилиям англичан, направленным в сторону трансформации традиционной структуры. Могло показаться, что эти усилия вот-вот увенчаются заметными успехами. Между тем на деле все было далеко не так просто.

Сопротивление трансформации

Традиционная «азиатская» структура Индии, вызвавшая к жизни феномен мощного народного восстания, равного которому история Индии до того не знала, отнюдь не перестала сопротивляться колониальной трансформации. Будучи вынужденной приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, она вырабатывала все новые и новые формы сопротивления чуждому ей колониальному капитализму со всеми свойственными ему западными идеями, идеалами, институтами и принципами жизни. В чем конкретно это проявлялось?

Прежде всего во все возрастающем количестве крестьянских движений. Одни из них носили традиционный характер религиозно-сектантских выступлений, как движение «Намдхари» в Пенджабе во главе с Рамом Сингхом в 60 — 70-е годы. Другие, как восстание во главе с В. Пхадке в Махараштре в 1879 г., выступали за снижение налогового гнета и против засилья ростовщиков. Третьи, как восстание в Мадрасе в 1879 — 1880 гг., были направлены против всевластия откупщиков. Но во всех этих, как и во многих иных аналогичных крестьянских движениях четко видно главное их

социальное содержание: крестьяне выступали против нарушения привычной нормы существования, против злоупотреблений со стороны власть имущих, что было чревато заметным снижением уровня жизни. При этом весьма характерно, что все эти и аналогичные им движения прямо либо косвенно были антианглийскими и антиколонизаторскими. Неудивительно, что они подавлялись английскими войсками.

Другим существенным проявлением сопротивления структуры было недовольство индийских верхов из числа привилегированной аристократии. Основная часть князей после обещаний английской короны сохранить их привилегии стала лояльной по отношению к колонизаторам. Но были и исключения. Например, в 1891 г. в Манипуре регент-правитель княжества выступил против англичан. И хотя это выступление было подавлено, а управление княжеством передано в руки более покладистых аристократов, сам по себе факт знаменателен, особенно если сопоставить его с то и дело вспыхивавшими восстаниями различного рода племен, преимущественно в пограничных районах (движения племен возглавляли племенные вожди с весьма заметными антианглийскими настроениями).

Восстания недовольных низов и выступления фрондирующих аристократов отражали сопротивление старой структуры. Но эти выступления были ослаблены соответствующей политикой англичан, предвидевших возможность такого рода оппозиции (отнюдь не случайны реверансы короны в адрес князей, как и защита крестьян-арендаторов от произвола заминдаров и давления ростовщиков). Кроме того, XIX век проходил в основном под знаком сравнительно успешного внедрения европейских идей и норм существования. Ориентация на английскую культуру и науку, на европейские ценности пока еще совпадала с признанием собственной отсталости, со своего рода комплексом неполноценности, особенно остро ощущавшимся образованной частью индийцев. Однако именно среди этих последних в конце XIX в. появилась весьма влиятельная прослойка активных деятелей, склонных к переоценке ценностей и к отказу от упомянутого комплекса. Эта прослойка была весьма разной по характеру и направленности действий, но именно ее деятельность так или иначе отразила сопротивление традиционной структуры колониальной ломке.

Прежде всего это были религиозные учения. Общество «Арья самадж», основанное Д. Сарасвати в Гуджарате в 1875 г., призывало вернуться к ведическим принципам жизни древних ариев. Не выступая прямо против англичан и даже пропагандируя некоторые весьма прогрессивные взгляды, направленные, скажем, против кастового неравенства, сторонники этой массовой организации вместе с тем делали явственный акцент на то, что только возврат к национально-религиозным традициям может оздоровить Индию и способствовать ее

возрождению. Аналогичную позицию заняли и многие другие религиозно-реформаторские и просветительские движения, включая и мусульманские. Связь многих из них с нарождавшейся индийский буржуазией и с прогрессивной интеллигенцией несомненна. Но характерен сам освободительный пафос: не вперед за англичанами, а назад, к истокам! Этот новый акцент был естественным следствием стремления к усилению позиций индийцев в управлении страной и решении ее судеб. Но он же объективно был и проявлением сопротивления традиционной структуры колониализму.

Едва ли не наивысшим взлетом в оппозиционных англичанам движениях была активизация радикального национализма, связанная в конце XIX и начале XX в. с именем Б. Тилака (1856 — 1920). Именно Тилак начал открытую борьбу с господством колонизаторов. Апеллируя то к национальному герою маратхов Шиваджи, то к мифическому божеству Ганеше, Тилак стремился открыто противопоставить англичанам традиционные ценности Индии и черпать именно в них силу для борьбы с колонизаторами. Экстремизм Тилака снискал ему репутацию «левого» и «крайнего», особенно по сравнению с умеренным либерализмом лидеров Национального конгресса, в котором он занял крайние националистические позиции. В конгрессе Тилак вел постоянную борьбу с умеренными, а в 1908 г. английский суд даже приговорил его к шести годам заключения за попытки «разжигания ненависти и неуважения к властям, недовольства против правительства». Следует заметить, что рабочие Бомбея вступились за своего признанного вождя, проведя шестидневную забастовку — по дню за каждый год заключения. Это была едва ли не первая политическая стачка такого масштаба в Индии. Однако в целом движение «крайних» во главе с Тилаком всенародного признания не получило. Между тем англичане вскоре сделали еще один шаг по пути привлечения индийцев к управлению Индией: по акту о законодательных советах, принятому парламентом в 1909 г., в провинциальных советах большинство становилось теперь выборным, а во Всеиндийском законодательном совете половина членов должна была быть избранной. Впрочем, параллельно с этим в 1910 г. был принят закон о печати, дававший право колониальной администрации закрывать, конфисковывать или штрафовать индийские издания, содержащие антиколониальные призывы.

Разумеется, было бы примитивным упрощением все антиколониальные силы, движения и выступления рассматривать только с позиций сопротивления традиционной структуры новому. Многие индийские политические деятели, особенно связанные с Национальным конгрессом, отнюдь не призывали к возрождению традиций, хотя и опирались на их поддержку. Они стремились к достижению независимости Индии, к ее самоуправлению. Именно в этом смысле были в начале XX в. выдвинуты и получили в Индии широкое

распространение и признание лозунги свадеши (отечественное производство) и сварадж (собственное правление), а также связанный с недовольством политикой вице-короля Керзона призыв к бойкоту английских товаров*. Однако за лозунгами самоуправления, за призывами к бойкоту отчетливо виделась не только национальная, но и национально-религиозная традиция — традиция сопротивлявшаяся, реально поддерживавшаяся многими, в первую очередь крестьянами, которые активного участия в политической жизни обычно не принимали, но косвенно всегда на нее очень влияли.

Собственно, именно эта крестьянская масса, все еще жившая по законам старины традиционная индийская община, и была той самой структурой, которая не хотела быть сломленной и пусть пассивно, но стойко сопротивлялась колониализму и связанным с ним новшествам. Конечно, община не оставалась непробиваемой. Многие из числа беднейших ее членов вербовались в качестве кули на плантации в далеком Ассаме или еще где-либо. Другие уходили в города, создавая огромную армию резервной рабочей силы. Однако на смену ушедшим рождались новые (рост населения в Индии за последнее столетие, несмотря на миллионы вымиравших от голода, был всегда достаточно ощутим), а община в целом за их счет возрождалась и принимала традиционные формы. Опиралась же крестьянская община, как и традиционная структура Индии в целом, на систему каст и все связанные с ней привычные нормы жизни. И наконец, нельзя сбрасывать со счетов законсервировавшиеся в своем прежнем статусе сотни индийских княжеств, где все было организовано по привычным нормам старины. Одним словом, традиционная структура с трудом подвергалась трансформации.

Если представить ситуацию более наглядно, то Индия разделилась как бы на две части. В городах шел более или менее активный процесс наращивания нового (капиталистического, по европейскому стандарту) качества, особенно в тех, что находились под прямым управлением короны; в княжествах этот же процесс шел значительно медленнее, а кое-где вообще почти не был ощутим. Что же касается деревни, то она была мало им затронута и обычно откупалась от него традиционным способом, т. е. налогами и выделением незначительной части крестьян для отработок вне общины. Практически же вторая часть — деревенская община и многие небольшие города, особенно в княжествах, равно как и княжества в целом с их придворной жизнью и традиционно сохранявшимися отношениями,— заметно противостояла первой и часто была оплотом всех тех

---

* Керзон в 1905 г. предпринял раздел Бенгалии на две части, что вызвало резкие протесты местного населения, дало толчок росту недовольства во всей Индии и через несколько лет было отменено.

движений и течений, которые выступали против новшеств, против англичан, против колониализма и за возрождение национальных основ жизни, политической самостоятельности Индии. Волей-неволей, но и многие радикальные деятели Индии, отражавшие интересы городских слоев ее населения, национальной буржуазии или пролетариата, вынуждены были в своей антианглийской борьбе опираться именно на эту традиционную основу, ибо без нее они не имели бы массовой поддержки и были бы легко сброшены со счетов политической борьбы.

Стойкое и даже со всей очевидностью нараставшее сопротивление трансформируемой индийской традиционной структуры с ее общиной и кастовым строем, с ее пышными княжескими дворами и привилегиями реально ощущалось колониальными властями. И хотя они контролировали положение в стране в целом, серьезное беспокойство побуждало их искать выход. Этот выход был подсказан самой жизнью. Речь идет об индо-мусульманских различиях и противоречиях.

Со времен Великих Моголов противоречия как-то сглаживались. Индийцы привыкли к тому, что мусульманские правители управляют страной, что у них есть определенные социально-политические и социально-экономические привилегии. Однако после восстания сипаев, в котором наиболее заметное участие приняли именно недовольные потерей привилегий представители мусульманской верхушки, выяснилось, что англичане в своей администрации допустили явный перекос. Исправляя его, они стали уделять подчеркнутое внимание интересам индийских мусульман. В 1906 г. при активной поддержке властей в стране была создана Мусульманская лига, призванная сплотить мусульман. Было также введено голосование по куриям, одной из которых была мусульманская, что ставило своей целью разделить образованную часть населения, выборщиков, по религиозному принципу. И хотя на первых порах, в том числе накануне и в годы первой мировой войны, Национальный конгресс и Мусульманская лига нередко действовали совместно, особенно в борьбе за независимость страны, зерна национально-религиозной розни были уже посеяны. Мало того, они вскоре начали давать свои первые зловещие всходы.

Национальный конгресс и борьба за независимость Индии

Революционные события в России в 1917 г. были с энтузиазмом восприняты индийскими революционерами. Некоторые из них посещали Советскую Россию, встречались с Лениным. В начале 20-х годов в Индии возникли профсоюзы, была создана коммунистическая партия Индии. Следует, однако, сразу же заметить, что рево-

люционная струя в индийском национально-освободительном движении не была ни основной, ни даже имевшей значительное влияние на массы. Это и неудивительно. Общинно-кастовая деревня и даже быстрыми темпами трансформировавшийся индийский город не воспринимали идеи, призывавшие к восстанию, тем более к насильственному свержению существующего строя. Идеи ненасилия были традиционно гораздо ближе индийцу, чем призывы к радикальным действиям, ибо религиозная концепция кармы веками направляла социальную активность индивида в русло его личного самоусовершенствования, но никак не на баррикады. Однако существенно обратить внимание на то, что значительная часть индийских революционеров отличалась склонностью к мессианской идее с присущими ей радикализмом и нетерпимостью, что сыграло свою роль в появлении на арене политической жизни страны таких явлений, как, казалось бы, противный традиционному индуизму терроризм. Разумеется, радикалы не имели массовой поддержки. Иное дело — действовавший медленно, но неуклонно стремившийся к поставленной цели и, главное, умело учитывавший реалии традиционной общинно-кастовой Индии Национальный конгресс.

В послевоенный период к руководству Конгрессом пришел ставший его признанным лидером М.К. Ганди, чья доктрина, в основе которой лежала идея сатьяграхи, т. е. ненасильственного неповиновения и сопротивления, стала теперь официальной идеологией организации («гандизм»). Здесь следует заметить, что усиление деятельности и влияния Конгресса в годы войны побудило англичан сделать еще один шаг по пути предоставления Индии ограниченного самоуправления. Принятый в 1919 г. парламентом закон усилил значение выборных Законодательных собраний при вице-короле и губернаторах провинций и предоставил индийцам право занимать второстепенные министерские посты в системе колониальной администрации. Правда, одновременно с этим был принят закон Роулетта, направленный против «антиправительственной деятельности». Ганди был одним из наиболее резких и непримиримых противников этого закона и по его призыву в 1919 г. по Индии прокатилась волна протестов в форме харталов (закрытия лавок, т. е. прекращения деловой активности). В том же 1919 году в Амритсаре колониальные власти, следуя букве нового закона, хладнокровно расстреляли митинг протеста (было убито около тысячи участников, еще две тысячи ранено). Амритсарская бойня вызвала мощную кампанию протеста в стране. На волне этого протеста Ганди решил провести свою первую всеиндийскую акцию гражданского неповиновения, сводившуюся к массовому бойкоту всего английского — товаров, учебных заведений, судов, администрации, выборов и т. п. Проходившая в форме митингов, харталов, демонстраций кампания сыграла важную роль в формировании и сплочении общеиндийского

национального движения, что содействовало превращению Конгресса в массовую организацию, насчитывавшую миллионы сторонников и многие десятки тысяч активистов-волонтеров. В начале 1922 г. кампания была приостановлена, ибо некоторые кровавые эксцессы показали, что движение выходит из-под контроля Конгресса с его принципом ненасильственных действий. Наступил довольно длительный период реакции.

На протяжении 20-х годов при явном поощрении колониальных властей оживилась деятельность Мусульманской лиги. В качестве противостоявшей ей религиозной организации правоверных индуистов получила довольно широкое признание Хинду махасабха, на съезде сторонников которой в 1925 г. предлагалось даже чуть ли не насильно обратить в индуизм всех индийских мусульман. Религиозный раскол, грозивший превратиться в конфликт, вызвал озабоченность руководителей Конгресса. Стала вновь пересматриваться программа его деятельности. Немалого влияния в Конгрессе добились соперничавшие с Ганди «свараджисты», которые во главе с М. Неру выступали против массовых кампаний неповиновения, считая главным завоевать места в Законодательных собраниях и влиять на колониальную администрацию при помощи официальных законодательных процедур.

В 1928 г. Мотилал Неру представил Конгрессу проект будущей конституции Индии, предусматривавший предоставление ей статуса доминиона. Отказ англичан принять во внимание этот проект послужил поводом для начала второй кампании гражданского неповиновения, протекавшей на сей раз в условиях острого мирового экономического кризиса и связанного с ним роста недовольства масс, подъема массовых движений. В январе 1930 г. Конгресс провел в стране подготовку к назначенному на 26-е число Дню независимости Индии, а в марте Ганди опубликовал «11 пунктов», содержавших требования к английским властям об освобождении политических заключенных и создании более благоприятных условий для развития национальной экономики. Отказ вице-короля и был формальным поводом для начала новой кампании, в ходе которой Ганди лично возглавил поход своих сторонников к берегу Аравийского моря с целью начать там выпаривать соль и тем демонстративно нарушить монополию властей по добыче соли. В мае Ганди и его сторонники были арестованы, но вслед за этим по всей стране начались массовые выступления, в том числе и восстания крестьян и пограничных племен. Англичане вступили в переговоры с лидерами Конгресса, в результате чего было достигнуто соглашение о прекращении кампании при условии отказа властей от репрессий и амнистии участникам движения, кроме тех, кто был замешан в насильственных действиях.

В сентябре 1931 г. в Лондоне лидеры Конгресса на конференции «круглого стола» решительно потребовали самоуправления и статуса

доминиона для Индии. Неудача переговоров была использована Ганди как повод для новой кампании гражданского неповиновения, на сей раз в форме гражданского несотрудничества преимущественно индивидуального характера. В 1932 г. Ганди выступил за предоставление гражданских прав и представительства индийским «неприкасаемым» (он начал именовать их хариджанами, «божьими людьми»). Тем временем внутри самого Конгресса усилились позиции левого крыла, возглавлявшегося молодыми его лидерами — С.Ч. Босом и Д. Неру. В 1936 г. Джавахарлал Неру был избран президентом Конгресса. Именно он наиболее резко выступил против предложенной англичанами Индии в 1935 г. конституции, которая была тем не менее еще одним существенным шагом на пути к конечной цели. Проведенные на ее основе выборы принесли в начале 1937 г. победу Конгрессу: в 8 из 11 провинций страны кабинеты министров были теперь сформированы конгрессистами. Конгресс развернул огромную политическую работу и во всех княжествах, где создавались союзы, партии, проводились хартaлы. Немалую активность стала проявлять и Мусульманская лига, представители которой сформировали кабинеты в трех провинциях и имели ощутимое влияние в ряде княжеств.

В октябре 1939 г., вскоре после начала второй мировой войны, Конгресс пообещал свое сотрудничество с Англией при условии создания в Индии ответственного национального правительства и конституционного устройства страны по решению Учредительного собрания. Метрополия устами вице-короля в январе 1940 г. предложила Индии после войны статус доминиона при сохранении ответственности Англии за оборону Индии на протяжении 30 лет. Конгресс не принял этого предложения, но и не настаивал на жесткой оппозиции. Положение его в самой Индии осложнилось, во-первых, тем, что Мусульманская лига в 1940 г. официально предложила разделить Индию на два государства, индусское и мусульманское (Пакистан), и, во-вторых, потому, что в результате внутренней борьбы лидер левых конгрессистов С.Ч. Бос спровоцировал раскол Конгресса, а затем выступил с резко антианглийских позиций, создав в Бирме прояпонскую «индийскую национальную армию», воевавшую с английскими войсками. Тем не менее в конце 1940 г. Ганди объявил очередную кампанию гражданского неповиновения — снова в форме индивидуальных протестов и несотрудничества.

В 1942 г. Англия в лице ее министра С. Криппса дала свое согласие на созыв после войны Учредительного собрания, но оговорила при этом право отдельных провинций и княжеств на создание самостоятельных доминионов империи, что было явным намеком на согласие с предложением Мусульманской лиги о расколе Индии. Конгресс не принял этих предложений и решительно потребовал немедленного предоставления Индии независимости. В августе 1942 г. была начата массовая кампания несотрудничества, итогом которой

был арест Ганди и других лидеров Конгресса, которые были освобождены лишь в мае 1944 г. На переговорах вице-короля с лидерами Конгресса и Мусульманской лиги в Симле летом 1945 г. англичане согласились создать ответственный перед короной и парламентом в Лондоне Всеиндийский исполнительный совет (кабинет министров), но при условии формирования этого совета не по политическому, а по религиозному принципу. Это было отвергнуто обеими партиями. А вслед за тем в стране начались массовые антианглийские выступления, затронувшие армию и флот; частично они были связаны с судом над руководителями прояпонской «индийской национальной армии», которая в Бенгалии пользовалась влиянием и широкой поддержкой населения.

Выступления и общая ситуация в стране вели к тому, что весной 1946 г. лейбористский кабинет К. Эттли объявил о предоставлении Индии статуса доминиона и выборах с разделением избирателей на две курии, индусскую и мусульманскую. На выборах каждая из крупных партий выдвигала своих кандидатов в обеих куриях, но в основном мусульмане побеждали в мусульманской, индусы — в индусской. Всего в провинциальных законодательных собраниях Конгресс получил 930 мест, Мусульманская лига —497. В августе 1946 г. Д. Неру сформировал по поручению вице-короля Исполнительный совет, в который представители Лиги отказались войти. По их призыву в стране начались индо-мусульманские столкновения. Одновременно в разных частях страны вспыхнули массовые народные движения, в том числе и в княжествах, например в Хайдарабаде. Дни колонизаторов были сочтены. Оставался лишь вопрос, что будет с Индией, когда они уйдут. Летом 1947 г. англичанами был предложен план Маунтбеттена, суть которого сводилась к разделу Индии на два доминиона. Конгресс и Лига согласились с ним, и осенью 1947 г. он стал законом, принятым парламентом. Время Британской Индии кончилось. На смену ей пришли независимые Индия и Пакистан.

Нет никаких сомнений в том, что успеху в борьбе за независимость способствовали многие факторы. Это и очевидные экономические сдвиги в стране, включая выход на авансцену хозяйственной и политической жизни национальной буржуазии; это и подъем национального самосознания, основными носителями которого были образованные слои населения, прежде всего индийская интеллигенция, студенческая молодежь; это и становившееся все более затруднительным положение колонизаторов, которые в изменяющихся условиях не могли более рассчитывать на сохранение своего политического господства, державшегося на авторитете силы. Безусловно, важную роль сыграли и международные политические обстоятельства в период второй мировой войны и первые послевоенные годы. Но заслуживает внимания в свете всего сказанного и стратегическая линия лидеров Конгресса во главе с Ганди: в условиях традиционной

структуры расчлененной на разные народы, государства и касты великой страны с ее весьма необычной цивилизацией и системой этических, социальных и духовных ценностей именно конгрессисты, в частности гандисты, сумели выработать наиболее адекватный реалиям курс на ненасильственное сопротивление. Насилия же, сопровождавшиеся время от времени бурными политическими схватками, экстремистскими акциями, прямыми восстаниями и иными проявлениями, как бы оттеняли ненасильственное сопротивление и придавали ему даже некий внутренне зловещий для колонизаторов смысл (нельзя доводить до крайностей!). Возглавленное конгрессистами и Ганди движение все время набирало силу и в конечном счете поставило колонизаторов, делавших ему уступку за уступкой, перед дилеммой: либо дать Индии независимость и сохранить с ней веками налаженные связи, либо рисковать быть выброшенными за ее пределы в результате мощного взрыва.

Конечно, англичане всячески стремились оттянуть момент возможного взрыва и даже погасить его, направить энергию страны и народа в иное русло — прежде всего в национально-религиозные конфликты. Но и этот шаг сулил не столько политический успех, сколько взрыв огромной силы, к тому же сопровождаемый выходящими из-под контроля страстями. Словом, в Индии в первые послевоенные годы создавалась для англичан критическая ситуация. И иного выхода, кроме предоставления независимости великой стране, у них не было. Политический накал был настолько сильный, что расчленение страны на две части оказалось чуть ли не оптимальным решением, при всем том, что реализация этого на практике стоила жизни миллионам людей. В заключение можно упомянуть и о том, что вторая мировая война привела к крушению колониализма в ряде стран, особенно в Юго-Восточной Азии, и это обстоятельство также не могло не оказать своего воздействия на общий ход событий.

Глава 3

Островной мир юга Азии в период колониализма

Колонизация этой части Азии была основной целью европейцев с эпохи Великих географических открытий, так как именно здесь, в странах южных морей, выращивались те самые экзотические продукты, прежде всего пряности, стремление завладеть которыми было стимулом для колонизаторов. Судьба стран островного мира, от Цейлона до Филиппин, несмотря на разницу в условиях и уровне жизни местного населения, в степени экономического развития, была в известном смысле общей, однотипной: все они очень рано начали превращаться в колонии, стали объектом ожесточенной политической

борьбы, внутренних неурядиц, колониальной экспансии, а подчас и неэквивалентного обмена. Богатые ресурсы, источником которых была щедрая природа, ставились на службу колонизаторам —для них прежде всего под контролем и при помощи местных контрагентов из числа привилегированной прослойки управителей выращивались необходимые продукты. Дешевый труд местного населения, основанный как на традиционных, так и на раннекапиталистических плантационных формах принудительного его использования, гарантировал европейским колонизаторам высокие прибыли. И этот уровень гарантированной прибыли в сочетании с рядом других обстоятельств, не в последнюю очередь с особенностями образа жизни в тропиках, существенно замедлял развитие колонизованного островного мира.

Если в Британской Индии по меньшей мере с XIX в. была заметна определенная внутренняя трансформация — выход на передний план промышленного освоения страны, включая строительство крупных предприятий и развитие инфраструктуры (железные дороги и т. п.), то на островах процесс подобного рода шел очень медленно. Зато здесь на первое место выходило развивавшееся плантационное хозяйство, основанное на полукапиталистических-полурабовладельческих методах использования законтрактованных рабочих, которых обычно именовали китайским термином кули, ибо на начальном этапе плантационной контрактации китайцы составляли значительную долю завербованных. Осваивавшие производство многих новых и высоко ценившихся в Европе культур (кофе, чай, табак, каучук, сахар и др.) плантационные хозяйства долгое время были в странах островного мира чем-то вроде эквивалента местной промышленности, и это не могло не оказать сдерживающего влияния на развитие соответствующих стран, сильно отставших в упомянутом смысле от той же Британской Индии.

Голландская Индия (Индонезия)

Колониальная экспансия на островах Индонезии была начата в XVI в., как упоминалось, португальцами, установившими контроль на международных морских путях и создавшими на побережье многих островов свои форпосты, с помощью которых они пытались монополизировать торговлю пряностями. Португальское господство в Индонезии продолжалось, однако, недолго. На рубеже XVI — XVII вв. здесь укрепились голландцы, а с середины XVII в. монополия голландской Ост-Индской компании на торговлю пряностями и вообще на всю индонезийскую международную торговлю стала практически общепризнанной. Как то было и в Индии, голландская Ост-Индская компания быстро и достаточно энергично расширяла и свой политический контроль в стране, захватывая одни территории и ставя в вассальную зависимость от себя правителей других. Голланд-

цы не только монополизировали торговлю пряностями, но и регулировали объем производства экспортировавшейся ими продукции, не останавливаясь перед уничтожением плантаций, если быстро возраставшее количество драгоценных экспортных продуктов грозило снижением цен на них.

Господство колонизаторов, ведшее к насильственной ломке привычного образа жизни и к жестким методам эксплуатации труда, не могло не вызывать протеста. Уже в XVII в. это нашло свое выражение в ряде массовых политических движений, внешне принимавших форму династийной борьбы, но по сути бывших естественным сопротивлением традиционной структуры вмешательству со стороны колонизаторов (восстания на Яве под руководством Трунуджайи в 1674 — 1679 гг., Сурапати в 1683 — 1706 гг.). В середине XVIII в. голландцы попытались искусно направить недовольство яванского населения в антикитайское русло — против китайских эмигрантов, успешная экономическая деятельность которых раздражала яванцев и мешала Ост-Индской компании. Следствием расправы над хуацяо было, в частности, массовое выселение беднейшей их части в качестве кули на контролировавшиеся теми же голландцами колониальные плантации на Цейлоне и даже в далекой Южной Африке.

С XVIII в. голландская Ост-Индская компания начала слабеть и приходить в упадок. Расцветавшая контрабанда, равно как и коррупция среди служащих компании, приводили к увеличению экспорта, падению цен на пряности и соответственно доходов компании. Немалых денег стоила политическая борьба, приведшая в середине XVIII в. к гибели государства Матарам. Конец XVIII в. принес с собой еще и военно-политические осложнения, связанные с событиями в Европе (наполеоновские войны). В 1800 г. компания была ликвидирована, а вскоре вслед за этим Индонезия на несколько десятилетий оказалась под властью Англии, ведшей войну с Наполеоном и с союзной с ним Батавской (на территории Нидерландов) республикой.

Захват англичанами голландских колоний в Индонезии в 1811 г. привел к ряду реформ, ставивших своей целью создать благоприятные условия для проникновения в Индонезию частного капитала, в том числе английского. Однако упразднение монополий и налоговые реформы не привели к заметному изменению положения, во всяком случае с точки зрения промышленно-торгового освоения Индонезии частным европейским капиталом. Возврат Индонезии под власть Голландии в 1824 г. и последовавшее вслед за тем восстание Дипо Негоро под лозунгами исламского джихада (1825 — 1830) побудили голландскую колониальную администрацию пересмотреть принципы своего экономического господства. Отказавшись от чересчур жестких форм налогового и иного гнета, власти перешли к системе принудительных культур, смысл которой сводился к тому, что кресть-

яне были обязаны пятую часть своей земли (наиболее приспособленную для этого, т. е. лучшую) обрабатывать под выращивание закупавшихся колонизаторами культур, тогда как все остальные земли община могла традиционно использовать для своих нужд, прежде всего для производства необходимого ей продовольствия. Система оказалась достаточно эффективной для голландцев, обеспечив им устойчивый доход. Но для развития Явы она была, по сравнению с реформами англичан, шагом назад, ибо консервировала отсталые методы ведения хозяйства и препятствовала тем самым экономическому развитию страны.

Введение системы принудительных культур заметно усилило позиции голландских властей в Индонезии, что позволило им приступить к колонизации других крупных индонезийских островов, в первую очередь Суматры и Борнео. Именно эти захваты и привели в конечном счете к колонизации голландцами почти всей Индонезии. Наиболее трудным для них делом оказалась война с султанатом Аче в Суматре, которая длилась около 30 лет (1873 — 1904), сопровождалась мощным народным сопротивлением в форме массового партизанского движения, но все же завершилась гибелью султаната. Успешные военно-политические захваты укрепили позиции Голландии в Индонезии и позволили ей отказаться от системы принудительных культур. Серия законов в 70—80-х годах XIX в. создала условия для проникновения на острова частного капитала. Здесь, в первую очередь на Яве, стали возникать промышленные предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции (кофе, чай, какао, каучук и др.), строиться железные дороги, создаваться банки, расширяться разведка недр. На промышленную основу были поставлены добыча олова, угля и особенно нефти, торговля которой заложила базу для процветания основанной в 1907 г. известной англо-голландской компании Ройял Датч-Шелл.

Вся первая половина XX в. прошла под знаком дальнейшего укрепления позиций европейского монополистического капитала. Рост добычи олова, нефти, производства каучука — все это закладывало основу для процветания европейских капиталистов в Индонезии. Немалую роль в экономике страны стала играть и влиятельная прослойка китайских хуацяо, державших в своих руках значительную долю торговли, основывавших мелкие и средние промышленные предприятия, банковские конторы. Доля же национальной индонезийской буржуазии была незначительной и росла очень медленно — этим голландская Индия существенно отличалась от английской. Неудивительно, что тем большей была роль образованных слоев населения, индонезийских интеллигентов, в борьбе за национальное освобождение. В этой борьбе радикальные представители индонезийского общества в известной мере опирались на национально-религиозные традиции. Стоит также заметить, что сила и

революционный потенциал рабочих были в Индонезии намного заметнее, чем в Индии. Профсоюзы и весьма боевая компартия страны действовали достаточно активно, несмотря на запреты и преследования, чему в немалой мере способствовала и иная, чем в Индии, общая религиозная ситуация, генеральный импульс которой способствовал боевому сплочению людей, а не их разъединению.

Дело в том, что, хотя религиозным фундаментом Индонезии был мощный многовековой пласт индуизма (откуда и название страны), уже с XVI в., после крушения империи Маджапахит, здесь началось победоносное шествие ислама. Может показаться, что общая ситуация аналогична той, что была и в Индии: на традиционную индуистскую основу наложился ислам. На деле, однако, все было совершенно иначе. В Индонезии не было системы каст, которая укрепляла индийский индуизм и позволяла ему устойчиво и успешно сопротивляться исламизации. Вследствие этого структурно ослабленный индуизм здесь сравнительно легко отступил на задний план и был очень быстро заменен исламом (за век-два, буквально на глазах колонизаторов). 90% современного населения Индонезии считается мусульманами. Ислам же как религия основан на сплочении людей на религиозной основе (мусульманская умма), а свойственная ему идея религиозного равенства, да еще в сочетании с принципом воинствующего прозелитизма, в определенных условиях может стать благоприятной основой для пропаганды активных революционных действий как таковых, без религиозной их оболочки, что и стремилась в свое время осуществить имевшая в народе популярность компартия страны.

Существенно, однако, обратить внимание и на другую сторону сложной проблемы религиозно-цивилизационного фундамента Индонезии. Если, во-первых, как только что было сказано, индуизм в этой стране был не чета индийскому, то, во-вторых, не вполне типично мусульманским был и ислам. Суть проблемы в том, что, появившись в Юго-Восточной Азии сравнительно поздно и начав завоевывать заметные политические позиции в Индонезии лишь в XV в., ислам оказался здесь в несколько иной функции, чем где-либо еще,— в функции, весьма сходной с тем, что имело место в Тропической Африке. Правда, там ислам накладывался на первобытную структуру, не имевшую сколько-нибудь серьезного цивилизационного фундамента, тогда как в Индонезии такой фундамент (индуизм и буддизм) был. Но эта существенная разница лишь помогает понять, о чем идет речь: появившись в Юго-Восточной Азии, как и в Тропической Африке, не в ходе завоевания, когда вместе с носителями новой религии заимствовалась и уже сложившаяся имманентная доктрине система власти, ислам был сравнительно слабым, во всяком случае не стопроцентно правоверным. Имевшие низкий социальный статус горожане, ремесленники и торговцы, охотнее переходили в ислам и

становились его ревностными сторонниками (так было в свое время и в Индии, причем в основном по той же причине). Но что касается крестьян, основной массы населения, то они хотя формально и становились мусульманами, на практике лишь сочетали ислам со своими прежними верованиями, представлениями и культами, от анимизма до индуизма. Даже святая для каждого мусульманина на Ближнем Востоке пятикратная молитва не была для них обязательной и не является таковой и сейчас. Можно найти немало и иных отличий, свидетельствующих о специфике ислама в Индонезии, что не могло не сказаться на судьбах страны.

Период между первой и второй мировыми войнами был временем активной борьбы страны за независимость. Собственно, сама голландская колониальная администрация в XX в. уже вполне отчетливо сознавала, как и британская администрация в Индии, что годы ее сочтены и что лучшим выходом для нее было бы постепенное движение в сторону признания справедливости требований индонезийцев. Уже на рубеже XIX — XX вв. изменению политики способствовал новый так называемый этический курс колониальной политики. Идейно обоснованный в статье Девентера «Долг чести», суть которой сводилась к тому, что столь многое взявшие в Индонезии голландцы должны теперь выплатить этой стране своего рода долг чести, выражающийся в заботе о просвещении и развитии народа, о подготовке его к самоуправлению, этот новый курс сыграл определенную роль. Пусть с неохотой, но голландцы оказались вынужденными следовать ему. В Индонезии стали открываться школы, колледжи, университеты, издаваться газеты, журналы и книги, в том числе на малайском языке, становившемся общим для всех индонезийцев. В 1916 и 1917 гг. съезд Союза ислама, наиболее массовой в то время организации в Индонезии, провозгласив себя Национальным конгрессом, предъявил колониальной администрации требование освобождения от ее опеки. Голландцы в 1918 г. создали Народный совет, который состоял из назначавшихся и избиравшихся членов, европейцев и индонезийцев, и имел право вотировать бюджет страны. В 1927 г. доля индонезийцев в этом совете была увеличена.

Вынужденные уступки со стороны колониальных властей сопровождались усилением освободительной борьбы. Наряду с организациями исламского характера и параллельными, хотя и менее влиятельными религиозно-ориентированными индуистскими организациями, на рубеже 20 — 30-х годов появились партии национально-демократического направления, в первую очередь Национальная партия во главе с Сукарно. Подвергавшаяся преследованиям и время от времени вынужденная реорганизовываться и менять название, эта партия в середине 30-х годов выдвинула ряд требований национально-демократического характера, явственно противостоявших колониально-капиталистической структуре: соз-

дание общества без классов и без капитализма; независимость с учетом национальных интересов и с уважением интересов других народов; защита интересов рабочих и земледельцев и т. п. Поиски собственного пути побудили Сукарно взять кое-что из идей марксистского социализма и сочетать эти идеи с традиционными для восточного общества представлениями о всеобщем равенстве и справедливости. Объективно идеи Сукарно и программа его партии отражали сопротивление традиционной индонезийской структуры, столетиями трансформировавшейся колонизаторами, но во многом еще сохранившей свои основы, капитализму колониального типа, символу чужеземного угнетения.

Вторая мировая война положила конец голландской колониальной администрации в Индонезии, место которой заняли японцы. В 1945 г., когда исход войны был уже очевиден, в стране был создан Комитет по изучению вопроса о независимости, на пленарном заседании которого в июне с большой программной речью выступил Сукарно. Он призвал все патриотические силы объединиться в борьбе за свободу и независимость Индонезии. Капитуляция Японии послужила сигналом для провозглашения независимости Индонезии (17 августа 1945 г.). Но еще на протяжении ряда лет шла борьба индонезийцев за независимость с вторгшимися в страну и представлявшими интересы голландских колонизаторов англо-индийскими войсками (формальным предлогом для их вторжения была необходимость разоружения находившихся в Индонезии японских армий). В ходе этой борьбы на передний план в политической жизни страны выходили все новые деятели, в том числе опиравшиеся на многочисленные мусульманские организации различного толка. Обычно они весьма консервативно мыслили и соответственно действовали. И хотя формально во главе Индонезии в конечном счете оказался избранный ее президентом радикально настроенный Сукарно, фактически ведущую роль в руководстве играли более умеренные лидеры, опиравшиеся на национально-религиозные традиции.

Шри-Ланка (Цейлон)

Освоенный португальскими колонизаторами еще в начале XVI в. остров Цейлон издревле был центром экспорта корицы, торговля которой определяла интересы колонизаторов. В середине XVII в. португальцев сменили голландцы, продолжавшие их дело. Голландская Ост-Индская компания здесь действовала в основном теми же методами, что и в Индонезии, включая систему принудительной обработки участков, засаженных коричным деревом. В конце XVIII в. в ходе упоминавшихся уже англо-французских войн голландцев на Цейлоне сменили англичане, проведшие ряд реформ, в том числе налоговую, которая вызвала резкое сопротивление населения и вскоре

частично была отменена. С 1802 г. Цейлон стал колонией, управлявшейся английским губернатором.

Начало XIX в. прошло под знаком борьбы англичан за полное господство на острове. Этому противостояло государство Канди, занимавшее центральную часть Шри-Ланки. Организованное весьма традиционно и являвшее собой едва ли не классический образец восточного государства с хорошо налаженной системой централизованной редистрибуции, Канди длительное время сопротивлялось португальским и голландским колонизаторам, сохраняя свою независимость. В 1815 г. англичане аннексировали это государство и стали хозяевами всего острова. Аннексия спровоцировала жителей Канди на восстание, которое, однако, было подавлено колонизаторами.

С середины XIX в. главной экспортной культурой Цейлона становится кофе, а в конце этого же века — чай. На кофейных и чайных плантациях работали законтрактованные в Индии рабочие-кули, в основном южноиндийские тамилы. Индийцы-тамилы и мусульмане-мавры сосредоточили в своих руках и значительную долю цейлонской торговли, тогда как коренное население страны, сингалезцы, в этом смысле отставали — ситуация, близкая к индонезийской. Большинство рабочего класса тоже представляли собой индийцы-тамилы, плантационные кули, хотя постепенно формировались и иные отряды пролетариата — строители, железнодорожники, докеры и др. Преобладающей религией населения оставался традиционный буддизм, но вместе с тамилами усиливались позиции индуизма (индуисты играли заметную роль и в государстве Канди, где к тому же существовала восходящая к индуизму система каст).

Во второй половине XIX в. на Цейлоне, в немалой степени под влиянием соседней Индии, стало активно пробуждаться национальное самосознание. Появились образованные слои населения, начали издаваться газеты и книги на сингальском языке, развиваться религиозно-реформаторские идеи. В 1864 г. возникла национальная политическая организация — Цейлонская лига, требовавшая участия цейлонцев в управлении страной. Англичанами был создан Законодательный совет, часть членов которого составляли цейлонцы. На рубеже XIX — XX вв. на острове одна за другой возникали новые политические организации, выдвигавшие лозунги с требованиями самоуправления и реформ. По введенной англичанами в 1912 г. конституции число членов Законодательного совета из цейлонцев было увеличено, а после реформы конституции в 1924 г. в совете было создано выборное большинство цейлонцев. Очередная конституционная реформа 1931 г. провозгласила всеобщее избирательное право (до того практиковалось общинное представительство), а на выборах в том же году большинство мест в Государственном совете получили кандидаты Цейлонского национального конгресса — ведущей партии острова,

созданной в 1919 г. и претендовавшей на формирование ответственного правительства.

Цейлонский национальный конгресс оказал колониальной администрации поддержку в годы второй мировой войны в обмен на обещание независимости после нее. В 1945 — 1946 гг. шла работа над проектом конституции независимого Цейлона. Искусственная задержка с предоставлением острову статуса доминиона привела к ряду крупных национальных выступлений в 1947 г. В результате 4 февраля 1948 г. была провозглашена независимость Шри-Ланки — пока еще, до провозглашения республики в 1972 г., в статусе доминиона.

Филиппины

После потери американских владений Филиппины остались практически единственной колонией Испании, некогда огромной колониальной державы. В середине XIX в. и эта колония под нажимом обстоятельств была открыта для международного рынка и иностранного частного капитала, о чем уже говорилось. Приток иностранного капитала создал предпосылки для более активного промышленного развития страны — возникали первые предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, строились железные дороги, оборудовались порты. Появлялись во все возрастающем количестве школы, колледжи и университеты, причем значительная часть их оставалась в ведении католической церкви. Росло число образованных людей, формировалась филиппинская интеллигенция, возникала литература на тагальском языке. Естественным результатом всего процесса было развитие национального самосознания филиппинцев, сопровождавшееся усилением антииспанских настроений в стране. Ситуация усугублялась тем, что в филиппинской деревне сохранялась огромная власть испанских землевладельцев, включая и церковь.

Революционные события в Испании в 1868 г., приведшие к низложению королевы Изабеллы, послужили толчком для развития национально-освободительного движения на Филиппинах. С одной стороны, этому содействовали реформы нового генерал-губернатора де ла Торре, проведшего ряд важных реформ, включая отмену цензуры, ограничение всесилия церкви, свободу политических акций и собраний, упразднение церковного контроля над школами. С другой стороны — отзыв Торре и замена его клерикалом и реакционером Искиэрдо, что вызвало негодование филиппинцев и спровоцировало антииспанские и антицерковные выступления (восстание в Кавите в 1872 г.). Вскоре во главе движения за национальное освобождение стал эмигрировавший в Испанию Хосе Рисаль, чей быстро ставший знаменитым и тайно распространявшийся на Филиппинах роман «Не прикасайся ко мне!», разоблачавший произвол колонизаторов и мракобесие католических монахов, сыграл немалую роль в подготовке

филиппинцев к их революционному выступлению за свою независимость.

С конца 80-х годов стали одна за другой возникать национально-патриотические организации — Испано-филиппинская ассоциация (1888), Филиппинская лига (1892) и союз Катипунан (1892), ставший вскоре одной из наиболее авторитетных и массовых организаций на Филиппинах. Именно Катипунан провозгласил лозунг вооруженной борьбы за независимость Филиппин и начал готовить страну к восстанию. Восстание началось в августе 1896 г. в условиях гонений и преследований активистов Катипунана властями. Хосе Рисаль, которому были чужды методы насилия, отказался встать во главе восстания. Несмотря на это, он был схвачен и расстрелян колониальными властями в конце того же года. К восстанию вскоре примкнули представители разных слоев населения, а во главе его стал выходец из метисов мелкий землевладелец Агинальдо.

Восстание имело успех, и в марте 1897 г. на Филиппинах была провозглашена республика, президентом которой стал Агинальдо. Однако испанская колониальная администрация, пообещавшая проведение ряда важных реформ, сумела склонить руководителя республики к переговорам, исходом которых была капитуляция Агинальдо, согласившегося эмигрировать. Неизвестно, как повернулись бы события дальше, если бы не вмешательство США, которые в апреле 1898 г. начали войну с Испанией, потребовав от нее вывода войск с Кубы и признания независимости острова. В самом начале испано-американской войны американцы уничтожили испанскую эскадру в Маниле и помогли Агинальдо и его сторонникам, образовавшим тем временем в Гонконге «патриотическую хунту», возвратиться на родину. Вскоре испанская колониальная администрация на Филиппинах была вынуждена капитулировать, а Агинальдо был провозглашен «верховным вождем нации». Однако Манила оказалась в руках американцев, и, хотя страна в том же 1898 г. была провозглашена независимой республикой, США объявили о своем суверенитете над ней. Протесты Агинальдо не помогли, а в ходе американо-филиппинской войны 1899—1901 гг. США разгромили войска республики и заставили ее капитулировать. Принятый американским конгрессом в 1902 г. Закон о Филиппинах закрепил зависимый статус этой страны, но официально предоставил ей определенные демократические права и свободы, включая выборность органов самоуправления, создание Законодательной ассамблеи и контролировавшей ее деятельность Филиппинской комиссии из американцев и филиппинцев во главе с американским генерал-губернатором.

«Демократический» колониализм США был безусловно предпочтительнее испанского. На Филиппинах с начала XX в. быстро набирала силу деятельность различных партий, профсоюзов, чему способствовали как ввоз в страну иностранного, преимущественно

американского, капитала, так и сравнительно быстрый рост промышленного производства. На выборах 1907 г. большинство мест в Ассамблее — филиппинском парламенте — завоевала Национальная партия, выступившая с требованием независимости. Однако борьба за независимость заняла ряд десятилетий. С 1913 г. филиппинцы увеличили долю своих представителей в административных органах, но только в 1934 г. США официально обещали предоставить Филиппинам независимость через 10 лет; пока же была предоставлена автономия с собственным правительством. Когда в 1941 г. Филиппины были оккупированы японскими войсками, созданная в 1930 г. компартия оказалась одной из немногих жестко организованных партийных структур, которые сумели образовать движение Сопротивления — Хукбалахап. Неудивительно, что после разгрома Японии компартия Филиппин стала влиятельной силой в стране, получившей в 1946 г. политическую независимость. Последовавшие вскоре за этим попытки разоружить воинские формирования Хукбалахапа и стремление филиппинского правительства освободиться от давления коммунистов вызвали вооруженное восстание и явились причиной затяжной гражданской войны, приведшей в конечном счете к победе демократических сил независимой республики и к переходу коммунистов на нелегальное положение.

Глава 4

Английские и французские колонии в Индокитае

Как и соседние с ними Индия и Индонезия, страны Индокитая рано оказались объектами колониальной экспансии европейцев. Еще на рубеже XVI — XVII вв. первая волна колонизации, португальская, заметно затронула бирманские государства Ава и Пегу, тайский Сиам и особенно малайские султанаты. Задержавшись здесь не слишком долго и не добившись заметных успехов, португальцы в XVIII в. уступили место второй волне колонизаторов, голландской. Не слишком энергично коснувшись других стран Индокитая, голландская колониальная торговля уделила особое внимание соседней с Индонезией Малайе. Именно здесь голландская Ост-Индская компания вела серьезные войны за политический контроль над прилегающими к проливам землями. Войны эти в конце XVIII в. привели компанию к успеху, но плоды этого успеха пожали вытеснившие голландцев из Малайи англичане, что и было закреплено Лондонским договором 1824 г.

Англичане, как, впрочем, и французы, стали активно развивать свою колониальную торговлю в Индокитае еще в XVII в. Французские миссионеры энергично проповедовали католичество;

английская и французская Ост-Индские компании стремились закрепить свои экономические и политические позиции в Бирме, Сиаме. Однако позиции Франции были ослаблены, а затем и практически сведены на нет в конце XVIII в. вследствие потрясшей Францию революции. Англия, напротив, с XVIII в. заметно усилила свое проникновение в страны Индокитая, особенно в Бирму, Малайю и Сиам.

Англичане в Бирме

Расширение зоны влияния Ост-Индской компании в Индии привело в конце XVIII в. к соприкосновению этой зоны с бирманскими землями. Бирма оказалась сферой пристального внимания англичан еще и потому, что проникнуть в эту страну пытались в те же годы и французы. Кроме того, южнобирманское побережье с расположенными на нем портами могло способствовать упрочению позиций англичан в Индийском океане.

Бирма в начале XIX в. вела достаточно активную внешнюю политику. Ее правители претендовали на Ассам и Манипур в Северо-Восточной Индии, время от времени вели войны с Сиамом. Однако эта внешнеполитическая активность не опиралась на прочность тыла. Центральная власть в стране не была достаточно эффективной, что проявлялось в спорадических династийных распрях и дворцовых переворотах, в выступлениях недовольных злоупотреблениями чиновников крестьян или в восстаниях племенных вождей. Попытки короля Миндона, правившего страной в 1853 — 1878 гг., провести реформы, направленные на укрепление власти центра и создание современной инфраструктуры (введение единого 10%-ного налога и новой монеты, ограничение злоупотреблений чиновников, организация телеграфной связи, приглашение технических специалистов из Европы, куда — прежде всего во Францию и Италию — были посланы для этого специальные миссии, и т. п.), не дали существенных результатов, но зато вызвали, с одной стороны, недовольство влиятельной знати, а с другой — обеспокоенность Англии.

Первая и вторая англо-бирманские войны (1824 — 1826 и 1852 — 1853) еще до этих реформ привели к отторжению от Бирмы значительной части ее южных и юго-восточных земель, прежде всего побережья с центром в Рангуне, в устье реки Иравади. Закрепившись здесь достаточно прочно и энергично приступив к внедрению в этом районе Бирмы своей колониальной администрации, англичане в ходе третьей и последней англо-бирманской войны 1885 — 1886 гг. окончательно сломили сопротивление бирманцев и превратили эту страну в свою колонию.

Колонизация Бирмы англичанами привела к существенной перестройке ее административной системы и экономики. Если не считать

окраинных районов страны, где власть была оставлена за местными князьями и племенными вождями, время от времени контролируемыми колониальной администрацией, Бирма была поделена на несколько областей во главе с губернаторами, области — на округа-дискрикты. Вместо ликвидированных традиционных управителей-мьотуджи во главе округов и областей были поставлены английские чиновники, а низшие административные должности были предоставлены контролируемым этими чиновниками местным управителям, в том числе и из прежних мьотуджи, теперь именовавшихся старостами. Дельта Иравади и значительная часть ее долин были превращены в житницы риса, причем внедрение трудоемкой культуры риса создало условия для переселения в эти рисоводческие районы большого количества законтрактованных мигрантов из Индии. Развитие промыслов — нефтяного, лесодобывающего (особенно ценился вывозившийся из Бирмы тик) и др., а также железнодорожного строительства привело на рубеже XIX — XX вв. к появлению в Бирме рабочих из числа бирманцев и мигрантов-индийцев.

Будучи вначале административно включена в Британскую Индию (английский верховный комиссар Бирмы подчинялся непосредственно вице-королю Индии), Бирма вскоре стала приобретать для англичан самостоятельное значение. В годы первой мировой войны она оказалась важным центром стратегических материалов (треть мировой добычи вольфрама, свинец, олово, серебро), не говоря уже о рисе. Впрочем, самостоятельность Бирмы как объекта английской колониальной экспансии отнюдь не исключала того, что национально-освободительное движение в этой стране во многом ориентировалось на успехи соответствующего движения в Индии и следовавшие за ними акции английской администрации. Так, парламентский закон 1919 г., предоставивший индийцам право на соучастие в административном управлении на уровне выборных Законодательных собраний, вызвал в Бирме движение за предоставление таких же прав. Именно отказ удовлетворить это требование и оказался непосредственным поводом для создания в стране массовой политической организации — Генерального совета бирманских ассоциаций, в который вошли возникшие до того различного рода организации, преимущественно буддийского толка, немало воспринявшие из практики антиколониальной борьбы индийцев (кампании гражданского неповиновения, бойкоты, митинги и демонстрации и т. п.). Антиколониальные выступления, активно поддержанные учащейся молодежью и буддийским монашеством, оказали на колониальные власти определенное воздействие: в 1923 г. в Бирме был создан — по индийскому образцу — Законодательный совет; бирманские деятели получили частичный доступ к управлению страной. Это привело к дальнейшему усилению борьбы за предоставление Бирме независимости, вначале хотя бы в статусе доминиона.

В начале 30-х годов эта борьба приняла форму выступлений против намерений колониальных властей административно отделить Бирму от Британской Индии и тем изолировать ее от влияния индийского национально-освободительного движения (такое отделение без предоставления Бирме статуса доминиона привело бы к резкому ослаблению позиций сторонников реформ). Эти выступления были подкреплены мощным крестьянским восстанием, явственно проявившим сопротивление традиционной структуры ее насильственной колониальной ломке. Подавление восстания в 1932 г. вынудило колониальные власти пойти на определенные уступки: Закон об управлении Бирмой, принятый парламентом в 1935 г., привел не только к административному отделению Бирмы от Индии, но и к образованию двухпалатного парламента с ответственным перед ним кабинетом министров, состав которого должен был утверждаться английским комиссаром.

30-е годы XX в. были временем подъема общественно-политического движения в Бирме. На нефтепромыслах, у транспортников, текстильщиков формировались профсоюзы, проходили забастовки и демонстрации. Была создана Всебирманская крестьянская организация. Но главным среди всех этих движений стало движение такинов — Добама асиайон (Всебирманская национальная лига). Созданное еще в 1930 г. радикально настроенными студентами, это движение, члены которого демонстративно называли друг друга словом «такин» (господин), которое в те годы употреблялось лишь при обращении к англичанам (аналог индийского «сахиб»), быстро приобрело немалое влияние в стране. Такины организовывали бойкоты, кампании неповиновения, походы бастующих в Рангун и т. п. Наиболее радикально настроенные из них создали на рубеже 30 — 40-х годов коммунистические ячейки.

Начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война, в которую Бирма оказалась вовлеченной автоматически, как колония Англии, привела к расколу национально-освободительного движения. Часть его, ориентируясь на Англию, выступила тем не менее с требованием независимости, образовав Блок свободы, в котором задавало тон движение Добама. Англичане ответили категорическим отказом и арестом наиболее популярных лидеров движения в мае 1940 г. Это усилило позиции тех, кто был склонен связаться с силами, выступавшими в войне против англичан, в частности с Японией, оккупировавшей Бирму в 1941 г. Была создана Армия независимости Бирмы во главе с видным деятелем движения Добама Аун Саном, сотрудничавшим с японцами. Однако уже в 1942 г. такины разочаровались в японцах, которые не спешили выполнить свои обещания о содействии в обретении Бирмой независимости. И хотя в 1943 г. обещанная независимость была провозглашена, а Аун Сан был включен в правительство страны в качестве министра обороны, движение

такинов уже готовило восстание против оккупантов. В августе 1944 г. была создана Антифашистская лига народной свободы во главе с Аун Саном, а в марте 1945 г. эта лига, опираясь на армию и партизанские отряды, подняла восстание.

В августе 1945 г., после капитуляции Японии, на сессии Высшего совета лиги было принято решение о созыве Учредительного собрания. Но возвратившаяся колониальная английская администрация не торопилась с поддержкой лозунгов о независимости Бирмы. Только в январе 1947 г. англичане были вынуждены дать согласие на проведение в апреле того же года выборов, которые принесли победу лиге (194 из 210 мест в Учредительном собрании). Бирма обрела независимость. Во главе правительства после убийства Аун Сана встал У Ну. Но сразу же вслед за этим в стране разгорелась гражданская война, в которой активную роль играли и призвавшие крестьян к восстанию коммунисты, и племенные вожди окраин, и даже осевшие на северных границах Бирмы остатки гоминьдановских войск, вынужденных уйти из Китая после революции 1949 г.

Колониальная Малайя

В отличие от Бирмы, расположенная на крайнем юге Индокитая Малайя оказалась объектом колониальной экспансии значительно раньше XIX в. Близкая по судьбам к Индонезии, Малайя в XVI в. была исламизирована и практически в то же время оказалась зоной влияния колониальных держав — сначала Португалии, затем Голландии. Англичане начали укрепляться в портах и на прибрежных островах Малакки лишь в конце XVIII в., а в начале XIX в. владения английской Ост-Индской компании здесь были превращены в особое президентство — Стрейтс-сетлментс, глава которого подчинялся непосредственно генерал-губернатору Индии.

30 — 60-е годы XIX в. прошли под знаком укрепления англичан в Малайе. Рассматривая вначале свои владения здесь как важные торговые фактории на пути из Индии в Китай, англичане вскоре изменили свои позиции, начав активно разрабатывать рудные богатства полуострова. Для добычи олова сюда стали ввозиться китайские переселенцы. Вскоре китайцы заняли серьезные позиции в торговле Малайи, особенно в стратегически важных ее районах, включая Сингапур. Кое-что от расширения торговли и добычи олова перепадало правителям султанатов, из которых состояла в то время Малайя. Но основная часть доходов шла в карманы англичан, вывозивших из Малайи драгоценные породы дерева, пряности, олово, даже золото, а взамен ввозивших туда свои промышленные товары и опиум.

С 70-х годов XIX в. Малайя стала превращаться в колонию Британии. Кроме получившего колониальный статус Стрейтс-сетлментса была создана Федерация малайских султанатов, где власть султа-

нов и их вассалов была лишь номинальной, тогда как реально всеми делами на высшем и среднем уровне администрации заправляли английские резиденты и чиновники. Некоторые султанаты, особенно на севере страны, сохранив формальную самостоятельность и традиционные связи с Сиамом, оказались тем не менее тоже в зависимости от английских колониальных властей.

Малайя в гораздо большей степени, чем все другие страны Юго-Восточной Азии, уже на рубеже XIX — XX вв. оказалась вовлеченной в мировое капиталистическое хозяйство. Добыча олова, резко увеличенная усилиями захвативших большую часть рудников англичан, долгие годы составляла едва ли не половину всей мировой добычи. Еще большее значение приобрело производство каучука, в вывозе которого Малайя стала почти монополистом. Англичане не только вкладывали немало средств в оловянные рудники и каучуковые плантации, они также заботились о том, чтобы снабдить свои промыслы достаточным количеством рабочей силы, для чего в Малайю ввозились переселенцы и законтрактованные рабочие из Китая и Индии. Результатом были не только заметные перемены в этнической картине до того слабо заселенной Малайи. Более важным для судеб страны последствием оказалась национально-религиозная разобщенность населения страны, что препятствовало консолидации сил национального освобождения.

Расстановка политических сил здесь зависела от соотношения религиозно-этнических групп населения и от той сферы деятельности, в которой представители этих групп преобладали. В начале XX в. малайцев в стране было уже всего около половины населения, причем почти все они были заняты в сфере сельского хозяйства и традиционно управлялись султанами и их чиновниками в привычных рамках исламской администрации. Экономически это была наиболее бедная часть населения страны, если не считать, разумеется, причастных к власти султанов и их окружение. Второй важной группой населения (33—35%) были китайцы, выходцы из Южного Китая, хорошо организованные в жесткие социально-религиозные корпорации (тайные общества, землячества, секты, цехо-гильдии) с огромной властью руководителей этих корпораций, заправлявших на оловянных рудниках, в ремесле и торговле. Подавляющее большинство китайцев были рабочими, ремесленниками, торговцами и выполнявшими случайные работы бесправными грузчиками-кули. Третьей группой были индийцы (чуть больше 10% населения), занятые на плантациях, служившие в колониальной армии и полиции, а также занимавшие низшие должности в колониальной администрации.

Соответственно этим трем группам формировались в Малайе и общественное мнение, и политические движения. Среди мусульман-малайцев борьба за национальное освобождение проявлялась с начала

XX в. в форме просветительства, развития литературы на родном языке, создания малайской прессы и модернизованных религиозных школ с преподаванием английского языка и зачатков европейских наук. Стали популярны и идеи мусульманского реформаторства в их панисламистском и иных аспектах. Как реформаторы, так и националисты выступали с критикой колониализма и с требованием предоставления малайцам права участвовать в управлении страной. Со временем эти требования переросли в борьбу за независимость (вариантом этой борьбы было стремление к объединению с Индонезией в рамках крупного единого независимого малайско-индонезийского государства).

Китайские мигранты, значительная часть которых состояла из временных рабочих, возвращавшихся на родину и заменявшихся новыми, ориентировались на Китай. Они поддерживали лозунги и деятельность реформаторов (Кан Ю-вэя) и революционеров (Сунь Ят-сена), создавали отделения революционных организаций (Тунмэнхуэя и Гоминьдана), организовывали китайские школы с обучением на родном языке, клубы, издавали газеты и журналы. Впрочем, со временем все более консолидировалась и влиятельная прослойка китайцев из числа постоянных жителей Малайи, стремившихся к созданию объединенной «самоуправляющейся малайской нации» с равными правами для представителей всех населяющих страну народов. Что касается индийцев и цейлонцев, то идеологически многие из них ориентировались на Всеиндийский национальный конгресс, а в организационном плане объединялись в профсоюзы плантационных рабочих или в Индийскую ассоциацию Малайи.

Мировой кризис 1929 — 1933 гг. сильно ударил по экономике вовлеченной в капиталистический рынок Малайи. Резко упали цены на олово и особенно на каучук. Приходили в упадок рудники и плантации, рабочие становились безработными, крестьяне с трудом сводили концы с концами и порой лишались земли. Вплоть до начала второй мировой войны длилось это состояние упадка, на фоне которого резко усилилась активность профсоюзного и забастовочного движения, в том числе и под руководством компартии, распространявшей свое влияние в основном на китайское население страны.

После краткого экономического бума 1939 — 1940 гг., связанного с резким ростом в начале войны потребности в металле и каучуке, Малайя оказалась под японской оккупацией. Оккупанты сделали ставку на национальную рознь: активизируя антианглийские настроения индийцев (именно в Сингапуре Субхас Чандра Бос формировал отряды Индийской национальной армии) и пытаясь нейтрализовать недовольство малайцев, особенно ограниченных в своей традиционной власти султанов и их окружения, японцы наиболее резко выступили против китайского населения страны. Возможно, это не в последнюю очередь объяснялось тем, что официально Япония находилась в

состоянии войны с Китаем, что не могло не отразиться на настроениях китайской общины в Малайе и сыграло свою роль в расстановке политических сил. Центром сопротивления японцам стали возглавленные компартией партизанские отряды, численность которых росла в основном за счет китайских рабочих.

Капитуляция Японии привела к возвращению в Малайю англичан, реорганизовавших систему колониального управления страной. Был создан единый Малайский союз с общей администрацией (Сингапур был административно отделен от Малайи) и общим гражданством для всех постоянных жителей страны. Вплотную встал вопрос о реформе колониального управления, чему способствовали рост национального самосознания и возникновение ряда новых влиятельных массовых политических организаций, преимущественно действовавших опять-таки по национальному признаку. В июле 1946 г. под нажимом этих организаций колониальным властям пришлось пересмотреть свои позиции и согласиться на создание Малайской федерации с существенными элементами автономии и самоуправления. Значительная часть партий и организаций Малайи приняла эти реформы. Компартия выступила против них и начала вооруженную борьбу.

На протяжении нескольких лет в стране бушевала гражданская война, в ходе которой силы вооруженного сопротивления реформам постепенно иссякали. Тем временем в легальной политической жизни Малайи шел процесс консолидации антиколониальных сил. Национально ориентированные партии и ассоциации (Объединенная малайская национальная организация, Китайское общество Малайи, Индийский конгресс Малайи) шли к созданию единого альянса, представители которого одерживали победы на выборах. В 1957 г. на основе этого альянса была создана Союзная партия. Именно ее руководители возглавили Малайскую федерацию после провозглашения независимости Малайи в том же году. Союзная партия оказалась во главе страны и после провозглашения объединенной Малайзии (Малайя, Сингапур, Саравак, Сабах) в 1963 г. Как известно, вскоре после этого, в 1965 г., Сингапур вышел из федерации, став самостоятельным государством.

Французский Индокитай

Проникновение французского влияния в страны Индокитая началось еще в XVII в. с появлением в этих странах первых католических миссионеров-французов. Число католических миссий во главе с французскими священниками и епископами увеличилось в XVIII в., причем в это время здесь активно действовало и немалое количество французских торговцев. Политический кризис, связанный с восстанием тэйшонов в конце XVIII в., послужил поводом для

усиления вмешательства французов в дела Вьетнама: назначенный еще в 1774 г. официальным представителем Франции в ранге викария епископ Пиньо де Беэн принял живое участие в невзгодах свергнутого с трона Нгуен Аня и, апеллировав за помощью к Людовику XVI, сумел добиться организации военной экспедиции в Индокитай. Хотя по ряду причин, включая и разразившуюся во Франции революцию, экспедиция 1790 г. оказалась немногочисленной, исчислявшейся всего несколькими десятками добровольцев, она сыграла существенную роль в оказании Нгуен Аню военной и военно-инженерной помощи, что и помогло ему в конечном итоге одолеть тэйшонов.

Династия Нгуенов (1802 — 1945) в первой половине XIX в. достигла значительных успехов. Было восстановлено разрушенное восстанием хозяйство, укреплена система административной власти, созданы боеспособная армия, флот, отстроены крепости. Развитие ремесла и торговли обеспечивало приток доходов, который регулировался усовершенствованной системой налогов. Было уделено внимание земельным отношениям и составлен земельный кадастр. Снова достигло расцвета конфуцианское образование со сдачей конкурсных экзаменов на право получения высших должностей в системе администрации. Был издан сборник административно-правовых регламентов в форме официального кодекса. Все это сопровождалось сохранением активных связей Вьетнама с Францией, которая интересовалась им как важным рынком сбыта и опорной базой в Юго-Восточной Азии — базой тем более важной и необходимой, что в начале XIX в. у французов не было других в этом районе мира.

Памятуя о помощи епископа Пиньо и его добровольцев, первые правители династии Нгуенов благожелательно относились к стремлению Франции установить прочные контакты с Вьетнамом, при всем том, что они не строили никаких иллюзий в связи с возможными последствиями этих контактов, особенно в середине XIX в., когда не только Индия и Индонезия уже давно были колониями, но и Китай оказался насильственно открытым для колониальной экспансии. Прочные связи с Францией способствовали экономическому развитию Вьетнама, а католицизм пускал в этой стране все более глубокие корни, особенно на юге, где влияние конфуцианской цивилизации было менее ощутимым, чем на севере.

В 1858 г., используя в качестве предлога необходимость защитить преследуемых католических миссионеров во Вьетнаме, французы ввели военную эскадру в бухту Дананг, а в 1859 г. был захвачен Сайгон. Оккупация страны вызвала энергичное сопротивление, в ходе которого французы были вынуждены оставить Дананг и сконцентрировать свои силы на юге, в Кохинхине (Намбо). Договор 1862 г. закрепил оккупацию французами западной части Кохинхины, а в 1867 г. была аннексирована и остальная ее часть. Весь юг Вьетнама с этих пор оказался под управлением французской колониальной

администрации, что было признано официально франко-вьетнамским договором 1874 г.

Аннексия дружественными в недавнем прошлом французами южной части страны была весьма болезненно воспринята во Вьетнаме. Чиновники правительства отказались от сотрудничества с оккупантами и уехали на север, предоставив французам обходиться немногими слабо подготовленными местными мелкими служащими, нередко откровенно продажными авантюристами из числа едва знакомых с французским языком выпускников католических миссионерских школ. На юге было развернуто даже партизанское движение, которое, впрочем, большого размаха не получило. Что касается захвативших Кохинхину французов, то они стали быстро налаживать здесь товарное производство риса, для чего, в частности, в болотах были проложены многочисленные каналы. Одновременно были увеличены налоги и введены новые — на спирт, опиум и азартные игры, отныне легализованные властями. Все эти и ряд других аналогичных мер оказались экономически эффективными и способствовали привлечению в оккупированный и колонизируемый Южный Вьетнам торгового и банковского капитала из Франции.

В ходе второй франко-вьетнамской войны 1883 — 1884 гг. французские войска заняли ключевые военные позиции в стране и вынудили ее правителей признать протекторат Франции над всем Вьетнамом, чему в немалой степени способствовали смерть в 1883 г. императора Ты Дыка и начавшиеся в связи с этим династийные раздоры и политические распри. Колонизаторы разделили протекторат на две части, северную (Тонкин или Бакбо) и центральную (Аннам, Чунгбо), поставив во главе их и превращенной в колонию Кохинхины своих резидентов-губернаторов.

Закрепление французской колониальной администрации во Вьетнаме явилось толчком для усиления французского давления на соседние с Вьетнамом Камбоджу и Лаос. Камбоджа в середине XIX в. оказалась под властью умелого и способного короля Анг Дуонга, который провел в этой весьма отсталой и политически слабой стране ряд важных реформ, направленных на укрепление центральной власти, упорядочение налогов, улучшение положения крестьян и включавших в себя строительство дорог, налаживание финансов, публикацию кодекса административных регламентов. Стремясь избавиться от гнетущего давления на Камбоджу со стороны сильного Сиама, король решил прибегнуть к помощи французов и стал искать союза с закрепившейся во Вьетнаме Францией. Однако, используя это стремление к сближению, французская колониальная администрация уже в 1863 г. навязала преемнику Анг Дуонга свой протекторат, формальным предлогом для которого были вассальные связи Камбоджи с Вьетнамом (в качестве его правопреемника Франция считала возможным выступать после аннексии Кохинхины, граничившей с

Камбоджей). Началось энергичное проникновение французов в Камбоджу, вмешательство резидента в политические связи страны с ее соседями, в первую очередь с Сиамом. Дело завершилось фактическим превращением Камбоджи во французскую колонию (1884).

Проникновение французов в Камбоджу было сигналом для движения их также и в сторону Лаоса. Французский консул появился в Луангпрабанге в 1886 г., а в 1893 г. Лаос стал французским протекторатом. Все территории к востоку от реки Меконг стали сферой политического господства Франции, которая создала Индокитайский союз (колония Кохинхина и четыре протектората — Аннам, Тонкин, Камбоджа и Лаос) во главе с генерал-губернатором. На этом колонизация французами Индокитая была завершена. Встал вопрос об освоении колонии.

Следует заметить, что пять частей, на которые был поделен французский Индокитай, были весьма неравноценными. Наиболее отсталыми и труднодоступными для хозяйственного освоения были Камбоджа и Лаос, а в наиболее выгодном положении оказалась Кохинхина, которая стала не только рисовой житницей, но и местом разведения гевеи и экспорта каучука, что приносило немалые доходы. Были введены монополии на опиум, соль и алкоголь, что тоже вскоре стало приносить колониальной казне многомиллионные доходы. Началось строительство дорог, включая соединившую юг и север Вьетнама железнодорожную магистраль, расширялись добыча угля и экспорт его, создавались плантации кофе и чая. На рубеже XIX — XX вв. в промышленность французского Индокитая, в основном Вьетнама, французские предприниматели вкладывали уже немалые деньги, которые приносили огромные проценты, чему способствовали покровительствовавшие французскому капиталу тарифы. Много внимания было уделено горнодобывающим промыслам в Камбодже и Лаосе, а также плантационному и дорожному строительству в этих протекторатах.

Бесцеремонное вторжение колонизаторов в страны древней культуры не могло не вызвать их сопротивления, которое приняло наиболее отчетливые и сильные формы во Вьетнаме. Прежде всего это было движение в защиту императора, «кан выонг», пик которого пришелся на конец XIX в. Суть его сводилась к поддержке правящим аппаратом страны и широкими кругами населения достоинства низверженного и униженного колонизаторами правителя. Удалившийся в отдаленный и труднодоступный район Вьетнама и укрывшийся с семьей в специально отстроенной для этого крепости император Хам Нги начал в конце 80-х годов своего рода кампанию открытого неповиновения, сопровождавшуюся партизанскими боевыми выступлениями. Схваченный в 1888 г., Хам Нги был выселен в Алжир, но выступления не прекращались еще около десятилетия,

пока соглашение 1897 г. не признало за руководителем движения, генералом Де Тхамом, права на автономное управление созданным им освобожденным районом. На рубеже XIX—XX вв. армия Де Тхама стала серьезной поддержкой нарождавшегося во Вьетнаме движения за национальное освобождение во главе с такими его признанными идеологами из числа уже сформировавшейся новой интеллигенции, как Фан Бой Тяу, который в 1904 г. возглавил созданное им Общество обновления Вьетнама, реорганизованное в 1912 г. в Общество возрождения Вьетнама.

Если движение, возглавлявшееся в первые десятилетия XX в. Фан Бой Тяу, было достаточно радикальным и ставило своей целью насильственное свержение власти колонизаторов и восстановление независимости страны во главе с полумонархом-полупрезидентом (из тайно вывезенного в Японию принца Кыонг Дэ готовился такого рода руководитель), то другое влиятельное направление в национально-освободительном движении тех лет было представлено Фан Тю Чинем, делавшим акцент на просвещение народа, на прогресс науки и ознакомление вьетнамской молодой интеллигенции с культурой Европы, для чего активно использовались произведения европейских мыслителей в китайских переводах (иероглифика была все еще главным элементом образования во Вьетнаме). Впрочем, для колонизаторов эта разница была не слишком существенной, так что на рубеже второго десятилетия XX в. деятельность обоих признанных лидеров была насильственно пресечена.

Первая мировая война дала немалый толчок для дальнейшего развития экономики колониального Индокитая. Расширялось плантационное хозяйство (каучук, кофе, чай), развивалась горнодобывающая промышленность и быстро увеличивалась численность рабочих в стране. Появилась обрабатывающая промышленность, стали возникать первые национальные банки. Созданная в 1923 г. Конституционалистская партия начала энергичную борьбу за реформу колониальных порядков и за предоставление стране статуса доминиона. Резко увеличилось количество обучавшейся во Франции эмигрантской молодежи, подавляющее большинство которой активно вливалось в ряды борцов за национальное освобождение. В 1927 г. сформировалась Национальная партия Вьетнама, требовавшая уничтожения колониального режима. Радикальность выступлений и требований представителей передовых слоев вьетнамского общества нарастала год от года.

Мировой кризис на рубеже 20 — 30-х годов еще более способствовал радикализации настроений, особенно в рядах обездоленных — безработных, обезземеленных и т. п. В 1930 г. на базе ряда разрозненных коммунистических организаций, включая зарубежные ячейки, возникшие еще в 20-х годах в Париже, Хо Ши Мином была создана компартия Индокитая, причем после прихода к власти в Париже

правительства Народного фронта в 1936 г. она, практически легализовавшись, стала бороться за создание широкого народного фронта во Вьетнаме. Колониальные власти, хотя и весьма сдержанно относившиеся к лозунгам Народного фронта, вынуждены были провести в Индокитае ряд реформ, включая сокращение рабочего дня в промышленности, амнистию политзаключенных, разрешение легальной деятельности партий, проведение выборов в ряд представительных организаций (консультативные палаты, Совет экономических и финансовых интересов). На выборах в эти организации в 1937 г. Демократический фронт Индокитая, куда входила и компартия, добился значительных успехов.

Вторая мировая война сильно изменила общую ситуацию во французском Индокитае. Оказавшись формально под юрисдикцией правительства Петена в г. Виши, колониальная администрация французского Индокитая не только пошла на соглашение с частично оккупировавшими Индокитай японцами, но и активно сотрудничала с ними. Под давлением Японии часть французских колоний в Камбодже и Лаосе была уступлена прояпонски настроенному Сиаму. Вся экономика колонии была поставлена на службу интересам Японии. Неудивительно, что подобная ситуация активно способствовала нарастанию недовольства и в итоге вызвала энергичное сопротивление как во Вьетнаме, так и в Камбодже и Лаосе.

Во Вьетнаме под руководством компартии была создана боевая организация единого фронта Вьетминь, создавшая сеть партизанских отрядов и день ото дня набиравшая силу. В Камбодже аналогичную роль играла организация «Свободный кхмер», в Лаосе — «Освобождение Лаоса». Активизация деятельности этих движений сильно досаждала японцам, которые в марте 1945 г. приняли решение разоружить французскую колониальную армию в Индокитае и формально провозгласить независимость Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В Лаосе и Камбодже этот формальный акт способствовал консолидации сил национального освобождения. Когда осенью того же 1945 г. в этих странах вновь появились французские колонизаторы, они вынуждены были с этим считаться. Обеим странам была предоставлена автономия со значительной долей политической самостоятельности, хотя и под верховным надзором французских комиссаров. Генеральная декларация 1949 г. признала де-юре независимость Лаоса и Камбоджи в рамках Французского союза, а полную политическую независимость обе эти страны обрели в 1954 г. Много сложнее развивались политические события во Вьетнаме. Акт о независимости способствовал временной активизации лояльного Японии императора Бао Дая и его политического окружения. Однако сразу же после капитуляции Японии последовала знаменитая августовская революция, в ходе которой была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам во главе с Хо Ши Мином. Впрочем, реально эта республика конт-

ролировала лишь север страны; юг ее был занят колониальными войсками Франции уже осенью 1945 г. Началась длительная война, завершившаяся в 1954 г. фактическим соглашением о статус-кво, т.е. разделением Вьетнама на две части. Как известно, в последующем эта политическая ситуация привела к усилению сопротивления и к партизанской войне на юге страны, что в конечном счете способствовало объединению всего Вьетнама под властью коммунистов.

Сиам (Таиланд)

К началу XIX в. Сиам был достаточно сильным централизованным государством, выгодно отличавшимся от Бирмы и Вьетнама своим сравнительным отдалением от стратегически важных торгово-колониальных морских путей. В те годы, когда Англия вела войны с Бирмой и упрочивала свои позиции в Малайе, а Франция пыталась укрепить свои позиции во Вьетнаме, Сиам жил по-своему, хотя и постепенно втягивался в контакты с этими же и иными державами. Политическая мощь Сиама — при всей сравнительно незначительной численности его населения, особенно при сопоставлении его с бирманским или вьетнамским,— обеспечила его правителям не только прочную власть в собственной стране, где крестьяне традиционно были порабощены как нигде более*, но и сюзеренитет над ослабленными, отставшими в развитии и политически неустойчивыми Лаосом и Камбоджей.

Внешняя торговля Сиама в основном была функцией правительства, а то и монополией короля; ремесленно-торговое население городов в значительной мере состояло из китайских мигрантов, приток которых в Сиам, как и в Малайю, все возрастал. Официальные представители колониальных держав, особенно англичане, в первой половине XIX в. предпринимали энергичный нажим на сиамские власти с целью заставить их шире открыть двери для свободной торговли. Но сиамские короли не спешили пойти навстречу этим требованиям; напротив, они сами стремились развивать торговые связи, для чего с помощью китайских мастеров строили большие торговые корабли, и, главное, укрепить армию (в 1830 г. Рама III пригласил европейских инструкторов, которые создали ему боеспособные армейские части, включая артиллерию и военный флот).

При Раме IV (1851—1868) Сиаму были навязаны державами неравноправные договоры, открывшие страну для колониальной торговли, следствием чего были упадок собственной, с трудом налажен-

---

* Значительная часть их имела статус долговых рабов и являла фактическую собственность эксплуатировавших их труд землевладельцев; остальные, формально свободные, были обязаны государству двух-трехмесячной государственной барщиной, не говоря уже об обычном земельном налоге.

ной и экономически крайне слабой сиамской промышленности, а также энергичный натиск европейцев с их промышленными товарами. Этот натиск ослабил Сиам, чем не преминули воспользоваться французы, вынудившие в 1867 г. Раму IV отказаться от его сюзеренных прав на Камбоджу, ставшую французским протекторатом. Политическое унижение, равно как и опасения, связанные с угрозой дальнейшего нажима на Сиам с запада (английская Бирма) и востока (французский Индокитай), побудили Раму V (1868—1910) провести в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к освобождению крестьян, развитию в стране частнособственнических отношений, реформе финансов с введением твердых норм оплаты труда. Была также создана реформированная по европейскому образцу политическая администрация — Государственный совет с совещательными функциями, центральное правительство из 12 министерств, губернаторы провинций, чиновники центра на местах и выборное самоуправление в общинах.

Реформы сыграли важную роль в трансформации традиционной структуры. Резко увеличилось производство товаров, в том числе и на экспорт, многократно возросли доходы казны. Стали предприниматься дорогостоящие, но необходимые для развития экономики Сиама проекты, включая железнодорожное строительство, для чего правительство прибегало к займам в Европе. Но самым существенным результатом всей программы реформ было укрепление международного престижа. Реорганизованная и умело функционировавшая дипломатия, проявлявшаяся в официальных миссиях в страны Европы и в умелом лавировании между соперничавшими державами, способствовала сохранению независимости Сиама, пусть даже подчас ценой некоторых потерь: в 1893 г., например, основная часть вассального Сиаму Лаоса стала французским протекторатом, да и сам Сиам был как бы поделен на английскую и французскую сферы влияния.

На рубеже XIX — XX вв. в результате осуществленных реформ (их функционально можно приравнять к структурной ломке того же типа, что осуществлялась в соседних странах колониализма и была много более болезненной для этих стран хотя бы потому, что осуществлялась чужими руками, насильственно и бесцеремонно) Сиам начал развиваться сравнительно быстрыми темпами: успешно функционировала горнодобывающая и перерабатывающая промышленность, увеличивались производство олова и риса, вывоз драгоценного тикового дерева, создавались банки. Формировался рабочий класс, пока еще в основном за счет приезжавших в Сиам китайцев. Появилась буржуазия, вначале тоже преимущественно китайская по происхождению. Начинали издаваться газеты, журналы, книги; совершенствовалась система образования; рождалась сиамская интеллигенция, частично тоже из числа иммигрантов. Достаточно

резкая ломка привычных норм жизни вела к усилению националистических настроений, а то и к антимонархическим заговорам (неудавшийся переворот 1912 г.). Но основным итогом всего процесса было все же движение за продолжение реформ.

Вопрос был в том, как и в каком направлении идти дальше. Именно по этому поводу и выявились существенные разногласия. Вначале на переднем плане оказалась идея укрепления монархии и создания на этой основе сильного государства, способного противостоять колониальному капитализму. Сам Рама VI Вачиравуд (1910 — 1925) стал идеологом монархического национализма. Делая акцент на возвеличение героического прошлого, стремясь возродить национальный дух и апеллируя к великотайским чувствам народа, король лично писал статьи и пьесы, ставил театральные постановки и даже принимал в них участие. Будучи равнодушным к религии, он апеллировал к буддизму, стремясь использовать его колоссальное влияние для пропаганды националистических идей. Неясно, как сложилась бы судьба монархического национализма, если бы не верхушечный переворот 1932 г., положивший конец этой идее.

Во главе переворота, приведшего в конечном счете к радикальным изменениям в системе политической администрации и в социальной структуре общества (поэтому далеко не случайно некоторые специалисты именуют его революцией), стояли военные и гражданские чиновники, в основном получившие образование за границей, в Германии и Франции. Выступив против засилья в руководстве страной близких к королю принцев крови (число их стало весьма велико за счет многоженства короля и его ближайших родственников), руководители переворота предложили и осуществили ряд важных преобразований, приведших к замене идеи монархического национализма реалиями национализма государственного. Новые руководители страны, из которых наиболее заметную роль вскоре стали играть Приди Паномионг и Пибун Сонграм (Пибунсонграм), в острой междоусобной борьбе пришли к созданию в Сиаме конституционной монархии с парламентарной системой (парламент частично состоял из выбранных членов, частично — из назначенных) и кабинетом министров, но практически без партий и открытой партийной борьбы. В сфере экономики была сделана ставка на укрепление государственного начала, постепенное уменьшение роли иностранного капитала с соответствующей заменой его капиталом национальным в форме прежде всего госкапитализма и государственных монополий. В соответствии с этой программой в 30-х годах был национализирован ряд отраслей промышленности (табачная, судоходная), государство заняло ключевые позиции в торговле и стало пропагандировать создание смешанных государственно-частных сиамских предприятий, призванных конкурировать с китайскими и постепенно вытеснять их.

Отчетливый курс на создание крепкого национального государства, которое на модернизированной основе вновь оказалось политически и экономически господствующим, проявился также и в сфере просвещения и культуры, в возрождении тех самых националистических великотайских традиций, к которым апеллировал в свое время король Вачиравуд. Этот националистический курс сопровождался яростными выпадами против экономически преобладавшей в Сиаме китайской общины (вплоть до официальных выпадов с предложением решить китайский вопрос так, как решал еврейский вопрос Гитлер) и достаточно заметной ориентацией на Японию и японский опыт. Успехи Японии в промышленном развитии страны, победа ее в русско-японской войне и рост ее политического могущества создали этому государству большой престиж в националистически ориентированном предвоенном Сиаме, в 1939 г. переименованном в Таиланд (государство тайцев). В противовес Англии, чьи позиции в торговле с Таиландом продолжали быть ведущими, власти страны всячески поощряли укрепление связей с Германией и Японией. Неудивительно, что, когда началась вторая мировая война, чаша весов вначале заметно склонялась в их сторону, тем более что с помощью этих держав и зависимого от Германии правительства Виши Таиланд рассчитывал вернуть утраченные им позиции в Лаосе и Камбодже.

Таиланд не только не протестовал против оккупации его японскими войсками в 1941 г., когда Япония захватила весь Индокитай, но и стал активно сотрудничать с японцами. Лишь в конце войны ситуация в этом смысле стала меняться. В стране возникла и начала активно действовать организация «Свободное Таи», которой помогали США и деятельность которой негласно поддерживал, даже контролировал стоявший в оппозиции к правительству регент Приди (малолетний король находился в Швейцарии). Сразу же по окончании войны Приди от имени короля официально заявил, что он не подписывал формальное объявление войны Англии и США и считает этот акт неконституционным; на это правительство США заявило, что и оно не относилось к Таиланду как к воюющей стороне. Правда, правительство Англии заставило Таиланд выплатить компенсацию за понесенный англичанами экономический ущерб, а Франция восстановила статус-кво в Лаосе и Камбодже, но в целом Таиланду удалось сохранить свой международный престиж и даже упрочить статус независимого государства, став членом ООН.

В послевоенные годы продолжалась политика укрепления позиций государства в экономике страны и содействия упрочению положения молодой сиамской национальной буржуазии. Были приняты важные законы о земельных отношениях, упорядочивавшие землевладение и земельную аренду; разрешалась деятельность партий и профсоюзов, но не компартии, официально сформировавшейся в 1942 г. и на-

ходившейся, как правило, на нелегальном положении. Продолжался недвусмысленный нажим на иностранный капитал, причем это касалось даже не столько англичан, сколько живших в стране богатых китайцев. В политической администрации преобладали военные, нередко приходившие к власти в результате переворотов. Правительство Таиланда активно сотрудничало с США, было членом СЕАТО и не уставало напоминать о своих антикоммунистических позициях. Внутренняя политика и мировая экономическая конъюнктура в послевоенное время способствовали сравнительно быстрым темпам экономического развития страны.

Заключая раздел о Таиланде, стоит специально заметить, что исключительность ситуации, в которой оказался Сиам в период активной колониальной экспансии держав в Юго-Восточной Азии, во многом объясняется случайными факторами: Сиам был своего рода буфером между двумя соперничавшими державами, Англией и Францией, и, кроме того, эта страна оказалась на историческом подъеме, имела сильное правительство и была внутренне единой в тот момент, когда могла решиться ее судьба. Не лишено смысла также и напоминание, что Сиам как колония мало что мог дать захватившей ее державе,— впрочем, этот фактор далеко не был решающим, достаточно напомнить, скажем, о судьбе Лаоса.

Но, как бы то ни было, совокупность случайностей избавила Сиам от нелегкой доли колонии. С точки зрения анализа исторического процесса этот факт весьма важен, и в следующих главах мы к нему еще вернемся.

Глава 5

Южная и Юго-Восточная Азия: традиционная структура и колониализм

Как легко заметить, исторический путь стран Южной и Юго-Восточной Азии в период колониализма имеет немало общего. Все они, если не считать Африку, были наиболее ранними объектами колониальной экспансии; все, кроме Сиама, затем превратились в колонии; для всех было характерно ожесточенное сопротивление традиционной структуры колониализму, завершившееся в итоге деколонизацией и достижением политической независимости. Конечно, эта общность судеб не была случайной. Географическая близость и природно-климатическое сходство стран двух упомянутых регионов и прежде всего наличие в них тех продуктов и ресурсов, в которых остро нуждались колонизаторы, во многом объясняют причины, по которым именно рассмотренные выше страны южных морей оказались первым страстно желанным объектом вторжения колониального капитала.

Южная и Юго-Восточная Азия — два весьма больших и достаточно заселенных региона, в рамках которых на протяжении веков существовали и заново возникали немало народов и государств. И, разумеется, все они развивались по-своему. Однако есть один весьма существенный аспект, который тоже в определенной мере связан с общностью исторических судеб интересующих нас регионов. Речь идет о цивилизационном фундаменте, формировавшемся веками и тысячелетиями господства сложившегося образа жизни, привычных стереотипов поведения, устойчивых систем нравственных ценностей, генеральных мировоззренческих принципов и установок. С точки зрения этого потенциала духовной культуры и тесно связанной с ним социальной ориентации общества государства обоих регионов, за незначительными исключениями, весьма близки друг к другу и в этом смысле могут быть объединены в некий единый блок родственных структур. Это не означает, что упомянутый потенциал одинаков и однозначен у всех. Как раз напротив, он весьма различен по мощи и даже фактуре составляющих его цивилизационных пластов, что в немалой степени усложняет анализ, заставляя делать оговорки либо выделять варианты. Но в целом перед нами все же единый блок в чем-то близких и сходных структур, нуждающийся в аналитической оценке прежде всего с точки зрения раскрытия роли и значимости религиозно-цивилизационной основы этих структур традиционного Востока.

Религии и религиозно-культурные традиции

Цивилизационный фундамент любого общества опирается, как правило, на религию, являющуюся его главной и определяющей основой. И далеко не случайно в современном обществоведении столь большое внимание уделяется анализу и оценке религиозной основы той или иной цивилизации. В наши дни, особенно после взрыва исламского фундаментализма в Иране, это внимание стало общепризнанным. Тем более существенно учитывать этот фактор при изучении обществ, вступивших по тем или иным причинам в критическую фазу своего развития, когда привычная традиционная структура начинает испытывать невиданный до того нажим на нее со стороны внешних сил. Именно с такого рода ситуацией мы и имеем дело в период колониализма.

При всей необычайной, невиданной где-либо еще в других регионах мира пестроте религиозно-культурных традиций, сыгравших немалую роль и оказывавших порой существенное воздействие на характер того или иного общества в интересующем нас районе Востока, мы все же вправе говорить о некоем общем для всех них первичном религиозно-цивилизационном фундаменте. Этот фунда-

мент был заложен в древности и генетически связан с ведической культурой древней Индии. Речь идет об индуизме и буддизме.

Индуизм — религия Индии, преобладающего большинства индийцев. Восходя к древней религиозно-философской мудрости вед, а также к брахманизму со всеми его школами-даршанами, эта религия примерно с рубежа нашей эры начала господствовать на всей территории Индостана и, более того, стала быстрыми темпами распространяться в Индокитае и Индонезии. Хотя за пределами Индии индуизм в его вишнуистской и шиваистской модификациях встретился с соперничеством буддизма, а на Цейлоне буддизм даже практически преобладал с III в. до н. э., стоит тем не менее заметить, что влияние индуизма в Юго-Восточной Азии никак не может быть сброшено со счетов. Больше того, на протяжении веков волны индуизма, олицетворенные мигрантами из Индии, спорадически захлестывали заново и Индокитай, и Индонезию, и Цейлон, достигая отдаленных Филиппин. Поэтому даже на Цейлоне, в этой цитадели буддизма, практически до наших дней сохранились чисто индуистские касты, процветавшие еще сравнительно недавно в рамках государства Канди. Можно напомнить также и о том, что ввоз на плантации Цейлона, Малайи и иных государств рассматриваемых регионов законтрактованных индийских кули, равно как и свободная миграция индийских рабочих в те же страны уже в XIX — XX вв., не только сохраняли здесь индийско-индуистский религиозно-культурный компонент, но и в какой-то мере усиливали его.

Как мировоззренческая система индуизм традиционно отличается глубиной религиозно-философской мысли. Мир всего живого, включая людей и даже богов, по представлениям индуистов,— это сансара, бесконечная и безначальная цепь перерождений, унылое бытие профанического, т. е. удел всего обычного, обыденного. Ценность этого мира весьма относительна: ведь в конечном счете весь феноменальный мир — это иллюзия, майя. Но зато за пределами феноменального мира, вне сансары, есть мир великой подлинной Реальности, где властвует Абсолют. Вырваться из мира сансары, достичь высшей Реальности и слиться с великим Абсолютом — желанная конечная цель высокоуважаемой в индуизме религиозно активной личности, аскета, йога, гуру, риши. Цели этой достичь нелегко, доступно это далеко не каждому, не говоря уже о том, что достижению цели нужно посвятить всю жизнь, сделав ее подвигом самоотречения, психотренинга, умерщвляющей аскезы. Ближе других к достижению цели в индуизме всегда были брахманы, представители высшей варны жрецов, носители древней мудрости вед, несравненно более всех остальных подготовленные к разрыву кармической цепи перерождений.

Профаническая жизнь в мире сансары регулируется кармой, т. е. суммой добрых и злых дел в предшествующих перерождениях. Чело-

век, как и все живое, рождается с подготовленной всеми предыдущими существованиями итоговой этической нормой, которая в форме кармы и определяет не только внешний облик родившегося (человек, животное, мелкая мошка либо червяк, а то и растение), но и место человека — если он родился человеком — в сложной иерархической социальной системе варн и каст. Каста, т. е. постоянное и неизменное место человека в его данном рождении в мире сансары, определяет основные параметры бытия и поведения каждого, причем делает это жестко и бескомпромиссно: каким ты появился на этот свет, таким и умрешь, т. е. брахман — брахманом, неприкасаемый — неприкасаемым. И никто, кроме тебя самого (ты — творец собственной кармы), не виновен в том, что ты влачишь жалкое существование в этом мире, обречен на бедность, нищету и страдания. Это — плата за прошлое. Веди себя этически безукоризненно, соблюдай все нормы своего диктуемого положением твоей касты поведения — только в этом случае ты можешь рассчитывать на более удачный жребий судьбы в следующем перерождении.

Институционально индуизм как доктрина всегда был чем-то рыхлым, даже аморфным. Он никогда не имел сколько-нибудь организованной и тем более иерархически структурированной церкви, отличался практически абсолютной терпимостью к иным религиозным идеологиям. Но сила и колоссальная внутренняя прочность, живучесть его была в том, что он опирался на общинно-кастовую структуру индийского общества и санкционировал ее. Индуизм — это в конечном счете образ жизни Индии с его генеральной установкой на высшую ценность небытия и весьма ограниченную значимость мира сансары, майи. Для индуиста нет смысла в истории — и далеко не случайно столь культурно богатая и идейно насыщенная многовековая индийская традиция так скудна на хроники, летописи, историко-географические описания и т. п. Тем более для индуиста бессмысленны призывы к равенству либо социальной гармонии: то и другое противоречит идее кармы и индивидуальной ответственности за социальную неполноценность в данном перерождении. И наконец, индуист традиционно чужд насилию, активному социальному протесту: как можно спорить с судьбой?! Разве попытка силой добиться лучшего не приведет в конечном счете лишь к ухудшению кармы со всеми столь далеко идущими от этого последствиями?!

Добиваясь от своих адептов строгости в фундаментальных принципах бытия и мышления, индуизм вместе с тем предоставляет им достаточно широкий простор во всем остальном, от поисков любых способов к спасению, т. е. разрыву с миром сансары, до личных склонностей и симпатий к тому или иному религиозному направлению (вишнуиты, шиваиты) или группировке типа секты. Сектантства в строгом смысле этого слова индуизм не знает именно в силу отсутствия церковной структуры и официально санкционированной

обязательной для всех догматики. Зато индуизм всегда готов принять в свое лоно всех чужих и заблудших, от индийских джайнов, буддистов или сикхов до мусульман. И наконец, индуизм практически безразличен к власти, к государству, что в немалой степени обусловило слабость индийских государственных образований, особенно доисламских. Дело в том, что индуистские генеральные принципы почти начисто выключали честолюбие и связанные с ним импульсы — активность, социальную энергию, предприимчивость и т. п. Руководить государством — профессиональное занятие кшатриев и их советников-брахманов. Доля всех остальных — хорошо исполнять свои обязанности, строго отрегулированные веками отлаживавшимися общинно-кастовыми связями типа системы джаджмани. При этом политическая и социальная индифферентность индуиста в какой-то мере компенсировалась его высокой эмоциональностью, богатством чувств, воспитанных мифологическим эпосом типа Махабхараты и Рамаяны и стимулированных кармической этической нормой. Но норма всегда весьма строго контролировала чувства, создавая ситуацию, во многом несходную с принципами, скажем, европейского гуманизма: этически отзывчивый индуист с его генеральными принципами ахимсы, т. е. непричинения зла живому, будет равнодушен и черств по отношению к неприкасаемому, даже если тому остро нужна его помощь,— законы кармы неизмеримо сильнее норм этики гуманизма.

Можно было бы продолжать характеристику индуизма и связанных с ним принципов жизни Индии, но сказанного достаточно для основных выводов, целью которых является показать, как цивилизационные религиозно-культурные параметры влияли на реакцию той или иной традиционной структуры по отношению к колониализму, как и в какой степени содействовали они ее внутренней устойчивости и сопротивляемости и какие формы принимало вынужденное длительное взаимодействие данной традиционной структуры с внешними силами, от ислама до колониального капитала и связанной с ним европейской цивилизации.

В самом общем виде выводы сводятся примерно к следующему. Традиционный индуистский фундамент, обладая невиданным запасом внутренней прочности на индивидуальном и локальном (община, каста) уровнях, санкционируя стабильно консервативную социальную структуру огромного субконтинента, вместе с тем не был связан с проблемой укрепления политической власти и государства как такового, никогда не имел отношения к социальному равенству и связанной с этим гармонии, пусть хотя бы в форме столь типичной для других аналогичных обществ социально-эгалитарной утопии. Интегрирующая функция индуизма ограничивалась социально-религиозными и социально-культурными ее аспектами, тогда как в сфере социально-политической она не действовала. Отсюда —

невиданный в других обществах политический вакуум, с легкостью заполнявшийся то одними, то другими, чаще всего внешними политическими силами. Отсюда же и отсутствие традиции организованного социального протеста либо энергичного социально-политического сопротивления внешним силам. Но при всем том индуизм всегда сохранял и внушительно демонстрировал свою внутреннюю силу, величественное достоинство издревле существующей и практически неколебимой гигантской системы, с чем не могли не считаться упомянутые внешние силы, вынужденные приостанавливаться в своих стремлениях к насильственной трансформации индийского общества. Это в равной мере, хотя и очень по-разному, коснулось и мусульманских правителей Индии, и ее колониальных господ.

Буддизм как религиозная философия и практика — плоть от плоти древнеиндийской ведической культуры и брахманизма. Однако коренным отличием этой доктрины от индуизма является принцип равенства всех перед величием высшего спасения, ухода в Абсолют, в нирвану. Собственно, эта разница, из-за которой буддизм не мог гармонично вписаться в иерархическую и подчеркнуто антиэгалитарную общинно-кастовую структуру Индии, и обусловила постепенное вполне мирное вытеснение буддизма индуизмом в Индостане. Но, будучи институционально почти столь же аморфным*, идеологически таким же терпимым и оказавшись практически ничем не связанным с социальным строем общинно-кастовой Индии, буддизм легко нашел себе новую родину в ряде стран к востоку от Индостана, в том числе в Индокитае и Индонезии, на Цейлоне, не говоря уже о Китае, Корее и Японии.

Если индуизм стопроцентно национален и фактически немыслим без Индии и индийцев, то буддизм столь же стопроцентно индифферентен ко всему национальному и в этом своем качестве мировой религии вполне может быть уподоблен другим мировым религиям, христианству и исламу. Однако на этом, да еще, пожалуй, на общности всех мировых религий в их отношении к догматам и ритуальной практике (т. е. в том, что в рамках каждой из них есть профессиональный слой духовенства, сосредоточивающий в своих руках исключительное право на интерпретацию и реализацию догматики, отправление ритуалов,— здесь, впрочем, немало общего у всех религиозных систем), сходство кончается. В остальном буддизм весьма отличен от других религий, а кое в чем близок к индуизму, что позволяет говорить об общей для них индуистско-буддийской или просто индо-буддийской цивилизации.

---

* Только на более позднем этапе существования буддизма сложилась монастырская иерархия, достигшая своего зенита в форме тибето-монгольской ламаистской модификации с ее высшими ламами-перевоплощенцами типа далай-ламы.

Генеральной мировоззренческой основой буддизма, как и индуизма, является установка на ищущего спасения от мира сансары с его кармическими перерождениями индивида. Шансы на спасение тоже во многом определяются кармой и в еще большей степени — активностью ищущего. Жестко ограниченный в земных благах и постоянно сосредоточенный на поиске путей в нирвану, склонный к многочасовым медитациям буддийский монах функционально близок индуистскому аскету, риши, гуру. Что же касается мирян, то их дело — поддерживать монахов и щедро приносить подаяния на нужды буддизма, прежде всего буддийских монастырей и храмов. Монастырская форма организации буддизма институционально выгодно отличает эту религию от индуизма, ибо создает признанные центры буддийской культуры, идеологии и образования, праздничных ритуалов и повседневных буден. Но, хотя в монахи в принципе мог идти каждый, а право на религиозное знание соответственно имели все, а не только брахманы, как в индуизме, практически буддийские монахи были такой же небольшой частью общества и стояли столь же высоко по отношению к остальным, как то было и с брахманами в Индии. Кроме того, уйдя от мира и формально порвав с ним, монахи были в еще большей степени противопоставлены всему остальному населению, нежели индуистские брахманы, которые в реальной жизни вовсе не обязательно должны были заниматься только жреческими делами, но при этом неизменно продолжали оставаться брахманами со всеми их привилегиями.

Буддизм как религиозная доктрина был индифферентен не только к национальному началу, но также и к социальному, и к политическому. В социальном плане он, не будучи связан ни с общинно-кастовым строем, ни с какими-либо определенными слоями общества, оказывался нейтральным по отношению к порой раздирающим то или иное общество страстям и формально не выступал ни на стороне верхов, ни за угнетенные низы. Однако эта формальная нейтральность отнюдь не была абсолютной. Монахи были достаточно связаны с обществом, хотя внешне и отрекались от него. Эта связь проявлялась как в поддержке монастырями социального порядка в обществе, так и в выступлениях их против нарушений этого порядка, и в частности в участии буддистов и даже буддийских монахов в крестьянских движениях, особенно имевших сектантскую (буддийскую) направленность. И хотя формально буддизм никогда не стоял за насилие как средство решения социальных проблем, де-факто монахи порой были готовы идти в бой, если того требовали обстоятельства. Словом, буддизму не чуждо было представление о равенстве и социальной справедливости, равно как и считалось само собой разумеющимся, что в экстремальных ситуациях монахи идут с народом на баррикады, порой даже опережая его (публичные самосожжения в качестве социально-политического протеста).

Аналогичным образом обстояло дело и в сфере политики. Формально не будучи втянут в повседневную политическую жизнь и даже подчеркнуто сторонясь ее, буддизм в целом и монастыри или монахи в частности в эту жизнь так или иначе постоянно вовлекались. Склонных к буддизму правителей они горячо поддерживали, для чего была даже разработана теория об этически совершенных мудрых правителях-чакравартинах. А в государствах, где буддизм был государственной религией, эти связи укреплялись за счет постоянных контактов и щедрых пожертвований, за счет ухода в монастыри правителей или их близких родственников, занимавших видные позиции в формировавшейся буддийской монастырской иерархии.

Словом, при всей своей институциональной рыхлости и социально-политической индифферентности, во всяком случае в доктринальном плане, буддизм в той или иной стране на практике немало делал для сплочения населения, для осознания той или иной общностью ее этнополитической цельности и самоценности, для воспитания внутреннего достоинства и готовности к борьбе в экстремальных ситуациях. Этим буддизм существенно отличался от индуизма, хотя и индуизм в XIX — XX вв. не стоял в стороне от жизни общества. В целом же в обществах, где господствовал или был влиятельной силой буддизм, существовал тот же, что и у индуистов, культ кармической этики и интроспекции ищущего спасения религиозно активного индивида, прежде всего монаха. Эта генеральная мировоззренческая установка рождала сдержанность и умеренность в политике, некоторую пассивность в решении социальных проблем. В то же время, будучи внутренне сильным и целостным, обладая завидной прочностью на уровне доктрины и религиозно активных проповедников-монахов, буддизм как религия масс и цивилизационный фундамент не был столь жестким и недоступным для перемен, как всегда опиравшийся на общинно-кастовую основу индуизм. Более динамичный и открытый для обновления, буддизм как доктрина был готов сотрудничать с теми силами, которые вели дело к энергичной, как в Таиланде, а порой и к радикальной, как в современных Лаосе и Камбодже, политике социального переустройства.

Разница между индуизмом и буддизмом достаточно очевидна. Но, несмотря на это, общее в них, равно как и их генетическая близость, определили облик того цивилизационного индо-буддийского фундамента, который явственно преобладал и в Индии, и в Юго-Восточной Азии. Не только преобладал, но и веками определял характер общества, образ жизни людей. Правда, со временем на этот фундамент стали накладываться иные цивилизационные пласты, связанные с другими религиозно-философскими доктринами и культурными традициями, внешними по отношению к зоне господства индобуддизма.

Наиболее важным и цивилизационно значимым пластом такого рода был ислам. Подробнее о нем будет идти речь ниже в связи с оценкой ситуации на Ближнем и Среднем Востоке в колониальное время. Пока же стоит заметить, что ислам, как и индуизм,— более образ жизни, нежели только религия. В отличие от индуизма, однако, ислам социально активен и неразрывно слит с политикой, с системой администрации. Эту религию отличают воинственность до фанатизма и наступательность вплоть до насильственного прозелитизма, что практически исключает свойственную индо-буддизму терпимость. Покорность чужой воле и фатализм здесь приводят к конформизму поведения и мышления, а формальное равенство всех перед Аллахом, не раз стимулировавшее массовые выступления за попранную социальную справедливость, тесно переплетается с принципом поголовного рабства, т. е. бесправия нижестоящих перед вышестоящими.

Конечно, ислам не во всех районах мира одинаков. Там, где шел процесс его становления и институционализации, т. е. в географических пределах Арабского халифата, он был более жестким, последовательным и нетерпимым. Вне этого региона, в Африке южнее Сахары и в Юго-Восточной Азии, он заметно мягче и более склонен к компромиссам. В немалой степени это объясняется тем, что сюда ислам попал не в ходе завоеваний и насильственной ломки привычных норм жизни, сопровождавшейся всеобщей исламизацией, а в результате своего рода культурной диффузии, вместе с прибывавшими и оседавшими на новых местах торговцами-мусульманами. Что касается Индии, где ислам появился в форме религии завоевателей и должен был бы, как и на Ближнем Востоке, торжествовать, то здесь ему противостояла столь прочная и так хорошо внутренне организованная индуистская общинно-кастовая структура, что в борьбе с ней ислам был вынужден отступить.

Таким образом, хотя ислам и оказался мощным культурно-религиозным пластом, который наложился на индо-буддийский цивилизационный фундамент, его мощь оказалась все же относительной. В Малайе и Индонезии, равно как и на юге Филиппин, она была более значительной за счет того, что индуистский фундамент, не опиравшийся на отсутствовавшую здесь систему каст, был весьма слабым, а буддизм вообще не оказывал сколько-нибудь заметного сопротивления. Но вместе с тем нельзя не заметить, что исламский пласт здесь тоже не породил излишней религиозной жесткости, нетерпимости и в этом смысле отличался от ближневосточного ислама. Возможно, это было связано со смягчающим воздействием первичной индо-буддийской цивилизационной основы. Что же касается собственно Индии, то там натолкнувшийся на пассивное, но непреодолимое сопротивление индуизма ислам оказался даже не столько наложившимся на древний фундамент новым слоем, сколько некоей долей, частью огромного социума. За редкими исключениями

типа сикхов ислам в Индии так и остался исламом, тогда как индуистская Индия осталась индуистской Индией.

К числу религиозно-культурных традиций, сыгравших существенную роль в судьбах региона Юго-Восточной Азии, относятся еще две — конфуцианство и католицизм.

Конфуцианство как заимствованная из Китая доктрина было на протяжении многих веков господствующим в зависимом от Китая Вьетнаме, особенно в Северном и Центральном, где оно практически легло в основу цивилизационного фундамента народа. И хотя среди низших слоев вьетнамского общества конфуцианство не достигло тех высот его органичного усвоения, которые отличали собственно китайское население, в том числе и широко распространившихся по всей Юго-Восточной Азии хуацяо, все же именно оно всегда определяло во Вьетнаме облик его культурных традиций. Культ предков и старших, жесткая осознанная социальная дисциплина в сочетании с веками воспитывавшейся культурой труда, особенно сельскохозяйственного, равно как и многие другие свойственные конфуцианской культуре черты и признаки, в немалой мере способствовали успехам хуацяо в разных странах Юго-Восточной Азии вплоть до Цейлона и Филиппин.

И наконец, католицизм. За три-четыре века энергичного проникновения и активной деятельности миссионеров эта европейская религия достигла в Юго-Восточной Азии немалого, а на Филиппинах стала практически господствующей, во многом определившей здесь цивилизационный фундамент и оказавшей немалое воздействие на характер и формы сопротивления этой латинизированной традиционной азиатской структуры колониализму (ориентированная на европейский стандарт борьба за республику).

Цивилизационный фундамент и общество

Итак, общая картина достаточно ясна. Первичным цивилизационным фундаментом в Южной и Юго-Восточной Азии был индо-буддизм, но практически нигде в своем первозданном состоянии он не сохранился. Напластование новых религиозно-культурных традиций и цивилизационных слоев на те или иные общества привело к возникновению ряда вариантов цивилизационного развития, что не могло не оказать своего воздействия на характер, облик и особенности развития традиционных структур, не говоря уже о том, что сами эти культуры в их первозданном виде не были равноценными хотя бы потому, что одни из них уходили корнями в глубокую древнюю цивилизацию, а другие до недавнего времени оставались первобытными либо полупервобытными. Естественно, что в такой ситуации важно определить, как именно тот или иной вариант цивилизационного фундамента сказался на судьбах данного общества или, точнее, каким было это общество в момент соприкосновения его

с колониализмом и особенно в годы его колонизации, насколько прочной и пригодной, готовой для сопротивления колониализму была его традиционная структура и как эта степень прочности и готовности определялась цивилизационным фундаментом, комплексом религиозно-культурных традиций.

Вариант первый — *Индия*. Здесь первичный индуистский фундамент оказался, как не раз отмечалось, необычайно прочным с точки зрения социальной общинно-кастовой его структуры. Зато система политической администрации была традиционно ослабленной. Правда, некоторые изменения в сторону усиления государства произошли после исламизации Индии. Однако, поскольку исламизация так и не сумела всерьез затронуть глубинные индуистские цивилизационные основы, она оказалась достаточно поверхностной и потому лишенной адекватной социальной опоры. Создалась ситуация политической ослабленности государства и системы политической администрации, причем к моменту начала колонизации Индии эта ситуация усугубилась кризисом и фактическим распадом империи Великих Моголов, породившим феномен политического полицентризма и ожесточенные усобицы претендентов на всеиндийский трон. Вот почему Индия оказалась сравнительно легкой добычей англичан, быстрыми темпами упрочивавших свое политическое господство. Но одно дело — политическая власть и администрация, по отношению к которым индуистская общинно-кастовая структура была традиционно индифферентной, и совсем другое — прочность самой этой структуры, ее опирающаяся на мощный многотысячелетний фундамент внутренняя сила и пассивное сопротивление давлению извне, будь то мусульманские падишахи или англичане. Резюмируя, можно заключить, что в индийском варианте перед нами предстает общество, опирающееся на мощную традиционную цивилизационную основу. Это общество было бы еще более внутренне прочным и цельным, если бы не факт насильственного отторжения от него значительной его части, принявшей ислам. И хотя сам по себе ислам отнюдь не менее внутренне прочен, а политически даже много более крепок, чем индуизм, сам факт индуистско-мусульманского симбиоза не мог не ослабить традиционной структуры Индии.

Вариант второй — *Индонезия и Малайя*. Формально его можно было бы приравнять к первому либо считать его подвариантом. Но по сути это именно особый вариант, о чем уже упоминалось. Индуистская цивилизационная основа здесь была резко ослаблена отсутствием каст, а буддийская отнюдь не могла компенсировать этого. Скорее напротив, она была мало способна создать прочную социальную структуру, да и мало заинтересована в этом. Рыхлость традиционной структуры здесь весьма способствовала той легкости, с какой ислам перекроил Малайю и Индонезию на свой лад. За счет исламизации внутренняя структура стала много прочнее, как сильнее

стали и опиравшиеся на нее мусульманские султанаты. Однако до конца слабость структуры преодолена не была, как не стала слишком заметной и политическая сила многочисленных мелких султанатов, за редкими исключениями типа Аче. Практически это означало, что, сломив политическое сопротивление, колонизаторы оказались здесь лицом к лицу со сравнительно слабой структурой, несколько усиленной за счет ее опять-таки внешнего, но весьма структурно для нее существенного китайско-конфуцианского компонента. Сопротивление такой структуры колонизации было небольшим, ибо внутренне сравнительно непрочная структура была склонна к более активной трансформации, нежели то было в случае с Индией. Однако этой объективной возможности для трансформации противостоял недостаточный уровень развития общества (за исключением его китайского компонента), что, впрочем, оказалось вполне благоприятной почвой для вызревания в недрах такого общества, особенно в Индонезии, тенденций к радикальному социальному переустройству — тенденций, обычных для мира ислама, но активно проявляющихся там лишь в условиях ослабленной политической администрации, что и имело место в колониальных Малайе и Индонезии.

Вариант третий — страны с преобладанием буддийской цивилизационной основы (*Цейлон*, *Бирма*, *Сиам*, *Лаос*, *Камбоджа*). Внутренняя структура этих стран прочна более за счет близости ее в ряде случаев к недавней первобытности, чем за счет буддизма как религиозно-цивилизационной основы. За исключением Цейлона, где века высокопрестижного господства буддизма, да еще в сочетании с индуизмом и индуистскими кастами, способствовали большей внутренней прочности, остальные буддийские страны имели относительно слабую цивилизационную основу — с точки зрения готовности к энергичному внутреннему сопротивлению колониализму. Сопротивление такого рода продемонстрировал лишь Сиам, но и то главным образом потому, что оказался в исключительных обстоятельствах. Зато здесь, как и в случае с Малайей и Индонезией, внешние влияния способствовали вызреванию тенденций к социальному равенству и радикальному переустройству, что в какой-то степени не было чуждо (во всяком случае, идея равенства и связанное с ней стремление к социальной справедливости) и буддизму как доктрине. Реализация такого рода тенденций хорошо видна на примере Бирмы, Лаоса и Камбоджи в XX в., особенно во второй его половине.

Вариант четвертый — *Вьетнам*. Конфуцианская цивилизационная основа здесь сочеталась с относительной слабостью собственной политической администрации, хотя она и функционировала по традиционной китайской модели, включая систему экзаменов. Слабость власти при сохранении принципов конфуцианства как доктрины всегда вела к вызреванию весьма энергичных тенденций трансформации традиционной структурной основы в сторону, близкую к частнособственнической структуре, как о том свидетельствует пример Японии и хуацяо. Во Вьетнаме это не проявилось столь заметно по

ряду причин, в том числе и вследствие существования пусть сравнительно с Китаем слабой, но все же достаточно эффективной власти. Но сама тенденция, равно как и традиционная для конфуцианства ориентация на социальное равенство, справедливость, гармонию, вели к достаточно быстрому заимствованию от колонизаторов и стоящей за ними европейской цивилизации многих радикальных идей, в том числе и коммунистических.

Вариант пятый — *Филиппины.* Здесь, как уже о том шла речь, влияние католицизма оказалось фактором, трансформировавшим традиционную азиатскую полупервобытную структуру со всеми вытекающими из этого последствиями.

Все пять вариантов, столь различных в конкретных деталях и неповторимых цивилизационных особенностях, имеют, как это легко заметить, ряд важных общих признаков, которые в некотором смысле могут послужить основанием для цивилизационного обособления двух регионов, до того столь тесно связывавшихся в нашем изложении и анализе в нечто единое целое. Речь идет о тенденции структуры к трансформации, т. е. о ее внутренней прочности, о том самом, что в конечном счете столь существенно для далеко идущих выводов. В этом плане религиозно-цивилизационный фундамент Южной Азии (Индия и тяготеющий к ней Цейлон) будет представляться более цельным и прочным, несмотря на то что как раз здесь, в Индии и на Цейлоне, веками шел непрерывный процесс колонизации. Что касается Юго-Восточной Азии, то там аналогичный фундамент оказался менее прочным и имел определенную тенденцию к трансформации. Речь отнюдь не о том, что трансформация здесь много проще или де-факто зашла дальше. Отсталые Лаос и Камбоджа, даже Бирма во многих отношениях, в частности с точки зрения успехов капиталистической модернизации или парламентско-политических свобод, вполне могут сильно уступать Индии. Имеется в виду нечто иное, а именно степень способности традиционной структуры к трансформации.

Именно на это, равно как и на иную социальную ориентированность буддизма и ислама по сравнению с индуизмом, и опирались те силы, которые вели соответствующие страны к рискованным социальным экспериментам. Правда, следует оговориться, что сам по себе этот факт, особенно если эксперимент совершался под знаменем «научного социализма», отнюдь не означает, что в результате традиционная структура оказывается сломленной и перестроенной. Как правило, она остается прежней и лишь внешне приспосабливается к изменившимся обстоятельствам. Впрочем, специально об этом речь будет идти в четвертой части данной работы. Пока же важно лишь обратить внимание на то, что одна традиционная структура, южноазиатская, оказалась резко антиэгалитарной по сути и потому закрытой для тенденций к радикальному социальному переустройству, тогда как другая, юго-восточноазиатская, в этом смысле была иной.

Традиционная структура и колониализм

Английские колонизаторы имели дело с традиционной структурой обоих регионов — Южной (Индия и Цейлон) и Юго-Восточной Азии (Бирма, Малайя и Сиам). Едва ли они когда-либо точно отдавали себе отчет в том, с какими именно структурами имеют дело и как следует строить свою политику в зависимости от этого. Скорее корректировка, если она случалась, происходила на своего рода интуитивном уровне, на уровне проб и ошибок. Но следует отдать англичанам как администраторам справедливость: они в общем умело делали свое дело и, как правило, обычно избирали оптимальные методы управления колониями. Гораздо меньше это удавалось голландцам и французам, не говоря уже об испанцах на Филиппинах.

Что имеется в виду в первую очередь? Англичане в Индии (о Цейлоне отдельно говорить не будем, хотя кое в чем там обстояло дело иначе) вели свою политику не только по традиционному для них принципу «разделяй и властвуй», что еще со времен Древнего Рима считалось своего рода неписаным правилом для всякого умелого администратора, но и с учетом того, что они имеют дело с крайне негибкой и внутренне сильной традиционной структурой. Задача их, учитывая нарастающее сопротивление общества, состояла в том, чтобы, идя время от времени на необходимые уступки, готовить почву для таких изменений в обществе, которые при господстве малоизменяющейся структуры в целом все же сделали бы возможным изменение Индии и сближение ее в ряде аспектов с европейскими, прежде всего британскими стандартами в образе жизни, политике, администрации, системе образования и т. п., не говоря уже о капитализме в экономике.

Конечно, традиционная индуистская структура пусть пассивно, но достаточно стойко сопротивлялась англичанам, так же как она делала это и по отношению к другим завоевателям, в том числе и мусульманским правителям. Но, так же как и в других случаях, она одновременно с этим постепенно приспосабливалась к изменившимся обстоятельствам, причем таким образом, чтобы выйти из создавшегося положения с наименьшими для себя потерями. Если в случае с исламом наиболее показательным результатом такого процесса приспособления были сикхи (впрочем, есть примеры и другого рода, в том числе массовый переход в мусульманство целых каст, особенно связанных с городской жизнью, ремеслом и торговлей, не говоря уже о социальных верхах, включая князей), то в процессе колонизации Англией это была постепенная вестернизация брахманской верхушки, хотя и не только ее. Выходцы из социально-кастовых верхов, прежде всего брахманы, охотно говорили по-английски, получали европейское образование как в Индии, так и вне ее, преимущественно в Англии, служили в многочисленных учреждениях Британской Индии и, глав-

ное, умножали ряды новой индийской интеллигенции, очевидно ориентировавшейся на европейский стандарт. Аналогичным образом вели себя и представители нарождавшейся индийской буржуазии.

Сопротивление структуры и приспособление ее шли бок о бок, но закономерность была в том, что по мере все более очевидного приспособления заметно возрастало, как это ни покажется парадоксальным, сопротивление. Между тем парадокса здесь нет. Приспосабливаясь и все очевиднее убеждаясь в том, что они и сами вполне способны управлять Индией, образованная часть социальных верхов все глубже проникалась сознанием необходимости бороться за национальное освобождение и политическую независимость своей родины. Отсюда и отмечавшаяся уже динамика отношений к англичанам: от вполне лояльного к ним Рам Мохан Рая с его сотрудничавшим с английской администрацией обществом «Брахмо самадж» до страстного радикализма Тилака или непримиримости Ганди. Впрочем, несмотря на нарастание сопротивления, которое отчетливо видели и стремились погасить колониальные власти, откупаясь от него уступкой за уступкой, показательным остается то, что в качестве своего возможного будущего лидеры сопротивления ориентировались, в частности, и на британский парламентский стандарт. И это не случайность.

Дело в том, что традиционная индуистская терпимость вполне гармонировала с буржуазным парламентаризмом, а европейски образованные индийцы многое заимствовали из английского образа жизни, не без успеха насаждавшегося в Индии и порой даже копировавшегося ею. Правда, индуизм был иерархичен и не мог быть иным. Но, как это опять-таки ни покажется странным, иерархическая антиэгалитарность индуистского образа жизни не слишком противоречила нормам английской демократии, особенно касающимся процедуры голосования и решения важных проблем, общепризнанных гражданских свобод. Конечно, до всего этого практически не было дела основному населению общинно-кастовой Индии. Но если говорить о верхах, которые постепенно и умело вовлекались англичанами в систему и стиль ее парламентарной демократии, то они вполне осознавали удобство именно такого рода средств решения важных социальных и политических проблем, преимущества демократической процедуры перед традиционно восточным авторитаризмом. Кроме того, демократизм как стиль руководства лидеров Национального конгресса был прямо-таки необходим — без него трудно, практически невозможно было бы сплотить в нечто единое целое гигантский многокастовый и многонациональный индийский социум со всеми его внутренними противоречиями и раздирающими его на части острыми проблемами. Зато для радикализма индуистская структура, как упоминалось, простора не давала, что тоже было в интересах колониальной

администрации, делавшей в конечном счете оправдавшую себя ставку на умеренных лидеров Конгресса.

Итак, с точки зрения взаимоотношений традиционной структуры и колониализма (о капиталистическом развитии как таковом речь пока не идет) ситуация в Индии характеризовалась пассивным сопротивлением, мощь и значимость которого со временем нарастала, и активным приспособлением, определившим в конце концов итог противостояния колонии и колонизаторов. Много сложнее и запутаннее со всем этим обстояло дело в странах Юго-Восточной Азии, где цивилизационный фундамент был менее мощным и в религиозно-культурном плане более пестрым, а традиционные структуры соответственно — недостаточно сильными и мало подготовленными к противостоянию колонизации. Конечно, и здесь можно зафиксировать как сопротивление традиционной структуры вмешательству извне, так и ее приспособление к этому неустранимому вмешательству. Однако коль скоро сама структура была иной по сравнению с индийско-индуистской, то иными оказались и формы сопротивления, и темпы приспособления, не говоря уже о конечных результатах того и другого. Попытаемся разобраться в этом подробнее.

Начнем с того, что природно-климатические условия Юго-Восточной Азии — как ее островного мира, так и горных долин большей части Индокитая — не были слишком благоприятны для развития цивилизации. Далеко не случайно она, несмотря на обнадеживающие признаки далекого неолита и раннего бронзового века, стала формироваться в этом регионе лишь на рубеже нашей эры, да к тому же за счет энергичной культурной диффузии извне, в основном из Индии. Собственно, тропики и сейчас не считаются климатической зоной, благоприятной для энергичного развития активной производительной деятельности. Не лучше обстояло дело с этим и в прошлом, что не могло не оказывать своего воздействия как на темпы развития, так и на размеры цивилизационного пласта здесь. Можно добавить к этому, что если мигранты из Индии и несли с собой элементы развитой цивилизационной структуры, то местное население приспосабливалось к ней не слишком быстро, чему в немалой мере способствовали и непрекращавшиеся долгое время миграционные потоки с севера — потоки, чуждые индуизму и буддизму и потому далеко не сразу усваивавшие элементы индо-буддийской цивилизации, что, конечно, не содействовало ни убыстрению темпов цивилизационного развития, ни наращиванию мощи цивилизационного пласта в странах Юго-Восточной Азии.

Словом, далеко не случайным следует считать то, что очень многие районы Юго-Восточной Азии — будь то север Бирмы, Лаос или острова Индонезии типа Сулавеси и Калимантана, наконец, Филиппины — вплоть до сравнительно недавнего времени находились на первобытном либо полупервобытном уровне, будучи лишь едва

затронутыми влиянием внешней по отношению к ним цивилизации. И хотя на этом фоне выгодно выделялись более развитые районы типа Явы, Суматры, а также побережья Индокитая, общая картина цивилизационного освоения региона не становилась от этого чересчур радужной. В цивилизационном плане страны региона развивались за счет воздействия извне, не имея либо имея недостаточно собственных потенций для такого рода развития. В принципе это не столь уж необычная картина для истории. Очаговый характер возникновения и развития цивилизации с последующей экспансией ее вширь нормален и фиксируется с глубокой древности, что было показано, в частности, в первой части данной книги. Но из этой бесспорной посылки далеко не часто делаются необходимые выводы. Иногда выводы такого рода даже замалчиваются либо оспариваются под тем благозвучным предлогом, что подобная постановка проблемы принижает национальное достоинство тех или иных народов, например населения Африки южнее Сахары. Конечно, гораздо благозвучнее утверждение, что народы любого района мира сами все для себя создавали с глубокой древности, а не были в положении заимствовавших чужие достижения, в частности чужую цивилизацию. Но что делать, если дело обстояло именно так?! Переписывать историю, жертвуя истиной ради показного благозвучия?

Что касается Юго-Восточной Азии, то здесь дело обстояло, как только что было упомянуто, именно так: основы цивилизации были получены извне и медленно, на протяжении долгих веков, с большими либо меньшими успехами они усваивались, а порой и утрачивались, как то весьма заметно в той же Индонезии. Теперь несколько слов о том, какие именно цивилизационные основы усваивались и как шел процесс усвоения, что он давал местным обществам.

Индуизм был здесь древнейшим и во всяком случае общим почти для всех цивилизационным пластом, от Цейлона до Филиппин. Только, пожалуй, для Северного Вьетнама, с III в. до н. э. оказавшегося под сильным культурным воздействием Китая, следует сделать исключение: здесь заимствованным чуждым цивилизационным пластом, усваивавшимся на протяжении тысячелетий, было конфуцианство. Конфуцианство, как о том специально пойдет речь в интересующем нас плане ниже, при анализе взаимодействия традиционных структур народов Дальнего Востока и колониализма, имело ряд черт и признаков, которые способствовали созданию внутренне крепкой структуры, эффективно функционировавшей при сильном централизованном правительстве и не изменявшей свой стереотип существования при отсутствии сильной центральной власти, когда ее функции брали на себя социальные корпорации, внутренне также чрезвычайно прочные и основывавшиеся на железной дисциплине их членов. Что же касается индуизма, то его внутренняя

прочность обусловливалась существованием системы каст, без которой она исчезала. Каст нигде к востоку от Индии и Цейлона практически не было, отсюда и результат: индуистский пласт, несмотря на спорадическое усиление его значимости за счет новых мигрантов из Индии, быстро таял, мало что оставляя после себя.

Буддийский пласт проник в Юго-Восточную Азию почти параллельно с индуистским и распространялся на той же территории. Но что показательно: если в Индии противостояние индуизма и буддизма в начале нашей эры завершилось сравнительно быстрым, полным и, что существенно, мирным поражением буддизма, то здесь было как раз наоборот: индуизм таял, а буддизм оставался, занимая его место. Что же было характерно для буддистского цивилизационного пласта, да к тому же наложенного на пусть таявший, но все же имевший место в прошлом индуистский? В нем оставались существенные элементы мировоззренческой культуры с ее установкой на поиски спасения вне феноменального мира и с ее культом этическо-кармической нормы. Эти элементы усиливались за счет наложения буддизма на индуизм (они были общими для обеих доктрин), но из буддизма к ним прибавлялись принципы социального равенства и справедливости, близкие по духу к аналогичным представлениям первобытных эгалитарных обществ. Первобытность была для многих стран Юго-Восточной Азии и в I тысячелетии н. э. достаточно близка, а наложение на нее буддизма при таявшем кастовом антиэгалитарном индуизме приводило к усилению эгалитарных идей, в том числе и к социальной готовности обществ постоять за эти идеи в случае необходимости.

Сильной административно-политической власти обычно не способствовали ни индуизм, ни буддизм (иное дело, как упоминалось, конфуцианство). И хотя порой в Индонезии возникали большие империи, такие, как Маджапахит, они, подобно тому, что имело место и в Индии, быстро гибли, не имея достаточного запаса внутренней прочности и активно поддерживавшей их социальной опоры. Несколько иначе, но в целом примерно так же обстояло дело с исламскими государствами.

Мусульманство проникло в Юго-Восточную Азию поздно, хотя и распространилось там быстро. Но позднее проникновение, да еще не в виде завоевания, которое несло бы с собой готовую, веками складывавшуюся и потому хорошо институционализированную структуру власти, а в ходе культурной диффузии, не сумело заложить крепкий фундамент мусульманской цивилизации. Конечно, кое-что из нее пришло и укрепилось. Возникли султанаты — типично исламская форма политической администрации. Но все это было весьма поздним, вторичным, сырым и для институционализации требовало времени, не говоря уже о не слишком благоприятных природно-климатических условиях. Словом, исламский цивилизационный пласт

здесь тоже оказался ослабленным. Самое сильное в нем — принцип религиозно санкционированной политической власти — не сумело себя выразить. Достаточно напомнить, что в Юго-Восточной Азии, за исключением раннего и весьма кратковременного Малайского султаната Искандер-шаха в XV в., практически почти не было сколько-нибудь крупных и воинственно активных, стремившихся объединить вокруг себя других и преуспевших в этом государств ислама. Типичной картиной была мозаика мелких султанатов, хотя и враждовавших, воевавших друг с другом, но при всем том не изменивших политическую картину в целом. Единственное, что укоренилось от исламской цивилизации весьма крепко и к тому же наложилось на уже существовавшие аналогичные представления, это все те же идеи эгалитаризма, принципы борьбы за социальную справедливость. В этом были единодушны все, включая и конфуцианцев.

Колониализм появился в Юго-Восточной Азии рано и столкнулся здесь с недостаточно развитым обществом, сравнительно слабой государственностью, включая острые политические междоусобицы, а также с пестрым цивилизационным пластом, мощь которого в различных местах региона варьировала от нулевой отметки до весьма заметных размеров. Длительное время колониализм оставался на уровне торгового, довольствуясь лишь факториями, небольшими анклавами невдалеке от побережья, и опираясь на сотрудничество вождей и правителей окружавших эти анклавы небольших государств, чаще всего султанатов. Давление чужеземной структуры в этих обстоятельствах, несмотря на жесткие способы эксплуатации труда (включая и рабский), в целом ощущалось не слишком, а усилиями миссионеров оно к тому же в немалой мере и гасилось. Соответственно слабым было и сопротивление. Что же касается приспособления традиционной структуры к чуждой, то его рамки ограничивались небольшой территорией анклавов (крупнейший из них был на Яве) и были весьма ограниченными, во всяком случае до XIX в.

В XIX в. начался новый этап колониализма, связанный с его активной территориальной экспансией и промышленным освоением колоний. Англичане в результате войн захватили Бирму, с помощью мощного экономического и политического нажима овладели Малайей (султаны были де-факто превращены в их марионеток) и заняли сильные позиции в Сиаме. Французы военными методами захватили Вьетнам и затем посредством давления — Камбоджу и Лаос. Голландцы с помощью войн, крупнейшей из которых была Ачехская, овладели практически всей Индонезией. Исключением оставались лишь Филиппины, которые, будучи захвачены испанскими колонизаторами еще в XVI в., сразу стали колонией Испании, так что XIX век для филиппинцев ознаменовался не столько дальнейшим усилением колонизации, сколько нарастанием сопротивления в борьбе за национальное освобождение и политическую самостоятельность.

Вот этот-то натиск колонизаторов, завершившийся успехом для них в основном к концу XIX в., когда неколонизованным остался только игравший роль буфера между английскими и французскими владениями в Индокитае Сиам, и явился импульсом, который стимулировал быстрый рост как сопротивления традиционных структур чуждому вмешательству, ломавшему привычный образ жизни, так и приспособления их к тому новому, что нес с собой европейский капитал, включая многие европейские идеи, институты и ценности, европейское образование и культуру, европейскую, западную цивилизацию, от железных дорог, почт и больниц до школ, газет, партий и парламентарной выборной процедуры.

Конечно, и здесь тропики и все с ними связанное замедляли процесс. Юго-Восточная Азия, где все началось лишь в конце XIX в., была в менее выгодном положении по сравнению, скажем, с Индией. Свою роль сыграли и природно-климатические условия, и изначально низкий стартовый уровень собственного развития народов этого региона, и сравнительная слабость, даже пестрота цивилизационного фундамента и религиозно-культурных традиций. Неудивительно, что все это, вместе взятое, ограничивало темпы роста и особенно сопротивление традиционной структуры колониализму. Если не считать немногих колониальных войн и близких к ним по характеру восстаний, то о сопротивлении в других формах мало что можно сказать. В Бирме оно проявлялось в основном в требованиях тех же уступок, что были даны Индии, в Малайе — в ориентации на успехи национально-освободительного движения, как, впрочем, и во Вьетнаме. В Индонезии, Лаосе или Камбодже вплоть до второй мировой войны оно было еще меньше заметно. Только на Филиппинах уже в конце XIX в. оно достигло критического уровня. Но это не означает, что традиционная структура с легкостью принимала влияние извне и быстро к нему приспосабливалась, за счет чего и снижалось сопротивление. Отнюдь.

Конечно, процесс приспособления шел, как и везде: в мире нет ни одной колониальной структуры, которая так или иначе не приспосабливалась бы к изменившимся условиям и не модернизировалась бы в соответствии с этим, причем это касается не только колоний, но и зависимых стран, примером которых в данном регионе был Сиам. Но суть дела в том, что, приспосабливаясь, структура копила потенции для сопротивления, совершенствовала его средства, обогащала традиционные приемы за счет заимствованных и адаптированных новых, включая и новые идеи, новые институты, особенно те, что максимально непротиворечиво вписывались в традиционные привычные нормы существования. Такими идеями оказались именно те, что не имели почвы в Индии, т. е. идеи и институты, связанные с эгалитаризмом, борьбой за равенство и социальную справедливость. Случайно ли, что именно в Индокитае, а также на островах к востоку от Цейлона, включая Индонезию и Филиппины, и даже в современном Непале, долгое время сильно отстававшем в развитии от других

стран региона, позиции радикальных партий, включая и коммунистические, оказались столь заметны и сильны? Конечно, нет. Напротив, это стало закономерным результатом, естественным итогом сопротивления той традиционной структуры, которая была характерна для данного региона, соответствовала его цивилизационному фундаменту, всему сложному комплексу составивших этот фундамент религиозно-культурных традиций. Продолжая ту же логику рассуждений, можно заметить, что далеко не случайно парламентаризм европейского типа в Юго-Восточной Азии не прижился настолько, как это имеет место в Индии, зато военные перевороты и военные режимы стали здесь почти повсюду едва ли не привычной нормой политической жизни. Словом, парламентаризм или радикализм; демократическая процедура или насильственные формы решения проблем — примерно такова здесь дилемма, разумеется, с учетом того, что все субъекты насилия обязательно клянутся в преданности делу народа, а порой и искренне стремятся помочь своей стране найти лучшие пути развития, не говоря уже о том, что все они и всегда говорят об интересах народа, о равноправии и социальной справедливости.

Блок второй

Африка

Глава 6

Колонизация Африки южнее Сахары

Как уже упоминалось, с колониального освоения африканского побережья и были начаты в свое время поиски путей в Индию. Стоянки-форпосты, которые сооружались вдоль этого долгого пути на африканской земле, со временем становились опорными пунктами самостоятельного значения, т. е. исходными точками для развития колониальной торговли, особенно работорговли в Тропической Африке.

На первых порах, в XVI — XVIII вв., колонизаторы, начиная с португальцев, не стремились идти в глубь континента. Это было делом сложным, дорогостоящим и опасным. Куда проще было наладить в прибрежных факториях примитивную меновую торговлю и тем создать экономические стимулы для вовлечения африканцев, особенно из числа социальных верхов — старейшин, вождей, в эту систему торговых связей. Однако в XIX в. картина стала быстро меняться. Торговый колониализм трансформировался в промышленный; на смену португальским и иным работорговцам пришли заинте-

ресованные в сбыте фабричных товаров и эксплуатации богатых природных ресурсов Африки европейские капиталисты.

XIX век в истории Африки был — особенно его последняя треть — периодом активных колониальных захватов, лихорадочного стремления застолбить за собой всеми правдами и неправдами отторгнутые (купленные, выменянные или силой взятые, добытые в результате обмана) территории, а также временем острого соперничества держав, особенно Англии и Франции, в попытках обогнать друг друга и захватить как можно больше. Далеко не всегда захваты такого рода были экономически обоснованными с точки зрения того самого капитализма, интересы которого диктовали приобретение новых колоний и рынков сбыта. Подчас внешне борьба за колонии в Африке выглядела как своего рода политический спорт — во что бы то ни стало обойти соперника и не дать ему обойти себя. Однако в конечном счете речь шла именно о том, чтобы, не вдаваясь в мелочные расчеты, приобрести как можно больше чужой земли. Считалось само собой разумеющимся, что рано или поздно эти приобретения окупятся с лихвой, что впоследствии и произошло, не говоря уже о том, что успех или хотя бы соучастие в этой гонке было делом престижа для европейских стран.

Колонизационные захваты шли в нескольких основных направлениях, всегда с побережья в глубь континента. Одним из направлений было движение с западного побережья в центральные зоны северной саванны, где явственно лидировала Франция. Другим, шедшим ему наперерез, было стремление Англии, освоив благодатные территории юга Африки, двигаться на север, причем чем дальше, тем лучше: идеально — до Каира. Третьим направлением было освоение арабской и арабоязычной Африки, т. е. всей северной и восточной прибрежной полосы континента, от Мавритании и Марокко до Сомали и Занзибара. Здесь шло острое соперничество между англичанами и французами, хотя свой кусок пытались урвать и другие. Вообще же на долю других — Германии, Италии, Бельгии, Португалии, Испании — досталось не слишком много, не говоря уже о том, что после первой мировой войны немецкие колонии были поделены между странами-победительницами, в первую очередь между Англией и Францией. На фоне острого соперничества между этими ведущими европейскими державами XIX в. исключением является лишь Южная Африка, где ситуация была несколько иной.

Южная Африка

На рубеже XVIII — XIX вв. Капская колония голландских переселенцев-буров перешла под власть Англии, причем столкновения англичан с бурами повлекло за собой резкое расширение зоны колониальных захватов. Треккеры-буры, как о том уже было упомя-

нуто, массами мигрировали на север, где в местах расселения банту-язычных басуто и ндебеле (матабеле) в середине XIX в. ими были созданы независимые республики Трансвааль и Оранжевая. На юге, где оставались англичане (там, впрочем, жила и немалая часть колонистов-буров), в ходе длительных войн с зулусами и коса («кафрами») понемногу расширялись территории Капской колонии и заново созданной на побережье к северо-востоку от нее колонии Наталь (Натал). Кроме того, в середине XIX в. на севере был создан британский протекторат Бечуаналенд, так что обе бурские республики почти со всех сторон, кроме побережья на востоке, оказались окружены англичанами.

Открытие в конце 60-х годов близ слияния рек Вааль и Оранжевой алмазных россыпей Кимберли (название — от имени британского министра колоний) вызвало в стране алмазную лихорадку, способствовало притоку старателей со всего мира и быстрому экономическому развитию юга Африки. Вторым столь же мощным толчком для развития послужило открытие в 80-х годах золота в Трансваале, где быстро вырос центр золотоискателей Йоханнесбург. Южная Африка быстро становилась одним из промышленных центров мира. Строились города, железные дороги, возникали многочисленные предприятия, развивалась сфера обслуживания. Резко возрастала численность рабочих как из числа приезжих европейцев, так из среды законтрактованных африканцев. Создавались мощные капиталистические компании, одна из которых — «Де Беерс» (Бирс) во главе с С. Родсом — вскоре стала практически монополистом в деле добычи алмазов.

Голландские колонисты-буры, занимавшиеся сельским хозяйством и выше всего ценившие собственную независимость, считавшие незыблемым свое право повелевать чернокожими работниками, к которым они относились почти как к рабам, долгое время сопротивлялись натиску англичан и британского торгово-промышленного капитала. Однако в ходе нескольких военных столкновений, особенно после англо-бурской войны 1899 — 1902 гг., это сопротивление было подавлено, а бурские колонисты, объединившиеся с англичанами в рамках единого государства, Южно-Африканского Союза (1910), не только энергично влились в ряды политического руководства новой страны, получившей статус доминиона Британской империи, но и в некотором смысле задали тон в ее внутренней политике: именно благодаря их усилиям расцвел здесь зиждившийся на официально провозглашенной расовой дискриминации апартеид.

Законом 1913 г. африканцы были ограничены в правах: им запрещалось приобретать землю вне резерватов, они могли владеть участками арендованной земли лишь при условии отработок на землях хозяина. Была введена система пропусков, которые должны были удостоверять право африканцев быть на территории вне резер-

ватов,— работать же горнякам и рабочим иных специальностей (в основном это была черная работа; квалифицированную выполняли рабочие-европейцы) приходилось именно вне резерватов, т. е. на основной части территории страны, быстро развивавшейся в промышленном отношении. Хотя африканские рабочие Южной Африки уже с конца прошлого века начали активно бороться за свои права и создавать профсоюзные и иные организации[*], эта борьба ощутимых результатов не дала. Конечно, африканские рабочие в ходе ее приобретали немало из того, чего были лишены африканцы в других районах континента: они имели гарантированную зарплату, их дети могли, пусть не все, учиться, что вело к появлению образованного африканского населения, интеллигенции, возглавлявшей борьбу за политические права и свободы. Но жесткая система апартеида строго ограничивала пределы упомянутой борьбы, во главе которой с 1912 г. встал Африканский национальный конгресс. Рабочий-негр, равно как и интеллигент (учитель, священник, публицист, врач), принадлежали как бы к иной породе людей в глазах властей. Не было и речи об участии африканцев в выборах: в лучшем случае им милостиво предоставлялась возможность посылать в парламент несколько депутатов из числа избранных ими европейцев. Не приходится говорить и о хорошо известных ограничениях в пользовании жильем, транспортом, больницами, парками и т. п., просуществовавших до недавнего времени. «Только для белых» — этот трафарет был очень распространен во многих общественных местах, причем после официального разрыва Южно-Африканской Республики в 1961 г. с Британским содружеством наций под давлением других государств, входящих в это содружество, апартеид не только не был смягчен, но в некоторых отношениях даже усилился.

Колонизация Южной Африки и создание Южно-Африканского Союза как многорасового государства с политическо-правовым и социально-экономическим превосходством европейского населения, численно составляющего менее 20% жителей страны (а с цветными и индийцами, наделенными некоторыми правами по сравнению с африканцами, но явно дискриминируемыми по отношению к европейцам,— около 30%),— явление уникальное не только в Африке, но и вообще в мире. Уникальность его не только в вызывающей жесткости апартеида, в принципе хорошо знакомой истории (достаточно вспомнить о древнеиндийских варнах и вообще о неполноправности различных социальных слоев в традиционных обществах). Скорее она

[*] Некоторым примером для них в этом смысле были организации индийских кули, завезенных в Южную Африку для работы на сахарных плантациях. При активном участии жившего здесь в 1893 — 1914 гг. М.К. Ганди был создан в 1894 г. Индийский конгресс Наталя.

в парадоксальности ситуации: африканское большинство Южно-Африканской Республики, в немалой степени скомпонованное за счет миграции туда отходников чуть ли не со всей Тропической Африки, имело весьма высокий по африканским стандартам уровень жизни, включая образовательный ценз и степень политической активности, но при этом было низведено до статуса бесправного сословия, презираемых социальных низов. Совершенно очевидно, что такого рода ненормальная ситуация была политически опасна, вела к взрыву, что особенно заметно стало ощущаться во второй половине XX в. Не будучи колонией в собственном смысле слова, являясь богатой и процветающей капиталистической страной, ЮАР вплоть до недавнего времени воспринималась как кричащий символ колониализма, особенно на фоне практически всеобщей деколонизации.

В отличие от ЮАР все остальные южноафриканские колонизованные европейцами страны в целом соответствуют единому общему стандарту. Охарактеризуем их в немногих словах.

В 1888 г. агенты британской Южно-Африканской компании, возглавлявшейся Родсом, добились от вождя мигрировавших в междуречье Лимпопо и Замбези матабеле Лобенгулы исключительного права на разработку минеральных богатств в землях машона, где теперь господствовали матабеле. Получив от королевы Виктории хартию на право управлять приобретенными территориями (эта хартия превращала компанию в административно автономную структуру с огромной властью, нечто вроде Ост-Индской компании в прежние времена), Родс организовал ряд военных экспедиций, в ходе которых, несмотря на ожесточенное сопротивление местного населения, здесь, на землях древней Мономотапы, была создана английская колония, названная его именем,— Родезия (Южная Родезия). Вслед за тем в борьбе за левобережье Замбези Родс столкнулся с соперничеством базировавшихся в Мозамбике португальцев. Итогом этой борьбы было отступление португальцев и расширение границ Родезии на севере (Северная Родезия), а также объявление соседних к востоку территорий английским протекторатом Ньясаленд (1891).

Аннексированные компанией Родса земли оказались чрезвычайно богатыми медью, особенно Северная Родезия (совр. Замбия). В начале XX в. они стали активно осваиваться: строились железные дороги, рудники, рядом создавались плантации (хлопок, сахарный тростник, табак, арахис), выращивались товарные рис и кукуруза. Медь, золото и иные руды, равно как и продукты сельского хозяйства, шли на экспорт. Однако, несмотря на это, промышленное развитие шло медленно, а большинство рабочих рук уплывало на юг — речь о рабочих-отходниках, работавших на южноафриканских предприятиях.

Влияние с юга оказывало воздействие на развитие обеих частей Родезии и Ньясаленда. Здесь, нередко с участием возвратившихся на

родину отходников, создавались политические организации, в частности Африканский национальный конгресс. Но рабочие и тем более образованные слои населения численно росли медленно и заметной роли в жизни своих стран не играли. Вся политическая жизнь, особенно в Южной Родезии, где было значительное число европейских колонистов (около 5% населения), сосредоточивалась в руках белых поселенцев — фермеров, торговцев и предпринимателей. С 1923 г. Южная Родезия (совр. Зимбабве) стала самоуправляющейся колонией. В 1953 г. была создана единая Федерация Родезии и Ньясаленда, распущенная в 1963 г. Рост национально-освободительного движения среди африканского населения привел к завоеванию независимости: Ньясаленд (Малави) добился ее в 1964 г., Замбия — тоже в 1964, а борьба за независимость Зимбабве вследствие сопротивления европейского меньшинства затянулась надолго, вплоть до рубежа 70—80-х годов, когда к власти пришло правительство Р. Мугабе.

Параллельно с движением английских колонизаторов на север шел процесс колониального освоения державами восточного побережья Южной Африки. Здесь тесно сплелись интересы нескольких держав — Англии, Франции, Германии, Португалии.

Португальский Мозамбик как крепость был основан еще в начале XVI в., после чего немногочисленные португальские форты на восточноафриканском побережье служили преимущественно для нужд работорговли. Только в конце XIX в., когда раздел Африки принял формы ажиотажа, португальские колониальные власти с помощью многочисленных съезжавшихся сюда авантюристов и любителей легкой наживы стали энергично продвигаться в глубь континента. Колонизация Мозамбика в его современных границах привела на рубеже XIX — XX вв. к созданию здесь плантационного хозяйства (сахарный тростник, хлопок) и к массовым контрактациям африканцев как для работы на упомянутых плантациях, так и для поставки их в организованном порядке (за немалую плату) в качестве рабочих-отходников для шахт Трансвааля. Поражение Германии в первой мировой войне привело к присоединению к португальским владениям части германской Восточной Африки. Но сама экономически отсталая Португалия не была в состоянии наладить процветающее плантационное хозяйство и необходимую для этого инфраструктуру. Результатом было, с одной стороны, активное проникновение в Мозамбик английского и американского капитала, а с другой — сравнительная отсталость колонии, неразвитость ее хозяйства, консервация примитивных форм жизни. В 1951 г. колония стала морской провинцией Португалии, что формально несколько повысило ее статус, но практически ничего не изменило. В 1964 г. здесь началась вооруженная борьба за освобождение под руководством партии (движения) ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Руководитель ФРЕЛИМО С. Машел в 1975 г.,

после революции в Португалии и предоставления Мозамбику независимости, стал его первым президентом.

Германия позже других приступила к борьбе за колонии. В 1884 г. она стала аннексировать земли восточного побережья Африки и после заключения ряда договоров, в частности с Англией, о разделе сфер влияния объявила своей колонией германскую Восточную Африку, где начала налаживать плантационное хозяйство, строить железные дороги. Но после поражения Германии в мировой войне эта колония была поделена между Португалией, Бельгией и Англией, которой досталась основная ее часть.

Англия получила и Танганьику. Вместе с расположенным рядом островом Занзибар, который стал британским протекторатом еще в 1890 г., Танганьика была ценна скорее как стратегически выгодная территория с богатыми торговыми возможностями, нежели как страна, богатая ресурсами. Подобно находившимся чуть к северу от нее Уганде, которая в ходе соперничества с Францией и Германией в конце XIX в. стала колонией Англии и была превращена в крупнейшего экспортера хлопка и кофе, и Кении (экспорт кофе, сизаля, пиретрума), Танганьика составила основу восточноафриканских владений Британии. Недовольство местного населения, подчас принимавшее форму вооруженных выступлений, вынуждало англичан либо идти на определенные уступки (в Уганде в 40-х годах XX в. в Законодательный совет колонии было введено несколько африканцев), либо долгое время вести изнурительное противоборство (выступление племени гикуйю, или кикуйю, в Кении). Сильное политическое движение в Кении, в котором заметную роль играли террористические акции тайной организации Мау-мау, доставило колонизаторам больше всего хлопот и в немалой мере способствовало как росту самосознания африканцев, так и вынужденным уступкам со стороны англичан. В 1956 г. африканцам были предоставлены ограниченные избирательные права, расширено их представительство в созданном еще в 1906 г. Законодательном совете. В 1960 г. было разрешено создание политических партий, после чего под давлением этих партий, особенно КАНУ (Национальный союз африканцев Кении) во главе с Д. Кениатой, англичане приняли в 1962 г. проект конституции. В 1964 г. Кения стала независимой республикой.

Танганьика во главе с Африканским национальным союзом, созданным в 1954 г., добилась независимости в 1961 и стала республикой в 1962 г. В Уганде созданный в 1952 г. Национальный конгресс и образованная в 1956 г. Демократическая партия добились большинства на выборах 1961 г. в Законодательный совет. В 1962 г. была провозглашена независимость страны, но внутренние разногласия и, в частности, претензии короля Буганды на привилегированное положение в новом государстве сильно ослабляли центральное правительство (в 1966 г. премьер и лидер Национального конгресса

М. Оботе сместил короля с поста президента и сам занял этот пост). Как известно, в дальнейшем внутренняя слабость власти стала причиной национальных трагедий угандийцев, в частности тех, что были связаны с годами правления диктатора Иди Амина.

Заканчивая обзор процесса колонизации юга Восточной Африки, следует упомянуть, что расположенный рядом с континентом остров Мадагаскар стал добычей Франции. В 1885 г. вторгшиеся на остров французы заставили правителя государства Имерина заключить с ними неравноправный договор, а в 1896 г. остров стал колонией. Уровень развития мальгашей был достаточно высоким по сравнению с соседними африканскими народами. Неудивительно, что страна оказывала ожесточенное сопротивление колонизаторам. Сначала это были стихийные движения, восстания крестьян, жестоко подавлявшиеся (по некоторым данным, эта борьба стоила 700 тыс. жизней, что было равно почти трети населения острова). Затем сопротивление приняло формы политической оппозиции, национально-освободительных движений, забастовок и т. п. Благодаря хорошо налаженному в XIX в. еще до вторжения колонизаторов просвещению и книгоиздательскому делу на родном языке, росли ряды образованных людей, национальной интеллигенции, приобщавшейся и к великим традициям французской культуры. Больших успехов в развитии промышленности колонизаторы не добились, а все усиливавшаяся борьба за национальное освобождение вынуждала их идти на уступки. В 1958 г. Мальгашская республика добилась статуса автономной в рамках Французского союза, а в 1960 г. она стала независимым государством.

Процесс колониального освоения западного побережья Южной Африки и примыкающего к нему с севера бассейна Конго шел параллельно тому, что происходило на юге континента и на юго-восточноафриканском побережье. Разница — и довольно существенная — заключалась в том, что здесь в колонизации не участвовали англичане. Это была сфера интересов других держав — Португалии, Германии, Бельгии, Франции.

С начала 80-х годов XIX в. Германия стала строить планы захвата юго-западного побережья Африки (совр. Намибия). В 1884 г. значительная часть побережья и прилежащие к нему территории континента стали зоной влияния, а затем и колонией Германии (германская Юго-Западная Африка). Правда, взять с этих бедных земель, малопригодных для земледелия (пустыня Калахари), было почти нечего. Они были важны как стратегический плацдарм (о богатых рудных ресурсах Намибии, открытых лишь в середине XX в., тогда, естественно, не было речи). Но дальнейшему продвижению в глубь Африки помешали англичане, а восстание племен гереро и намо против германской колониальной администрации, проявлявшей себя весьма жестко даже на фоне далеко не слишком либеральной

английской, длилось свыше двадцати лет, с середины 80-х по 1907 г. И хотя после этого жесткая колониальная власть немцев была упрочена, длилась она недолго: первая мировая война покончила с колониями Германии, а Намибия стала подмандатной территорией Южно-Африканского Союза.

Территория к северу от Намибии, Ангола, была частично освоена португальцами еще на рубеже XV — XVI вв. Здесь, как и в расположенных к северу от Анголы прибрежных землях Конго, были торговые фактории, занимавшиеся на протяжении веков работорговлей. Начатое в середине XIX в. проникновение португальцев в глубь материка привело к постепенному освоению Анголы в ее внешних границах. На смену запрещенной работорговле пришла контрактация местного бантуязычного населения для работ как на ангольских плантациях, в обилии создававшихся португальскими колонистами, так и на плантациях островов Сан-Томе и Принсипи, тоже принадлежавших Португалии. Плантационное хозяйство было связано с выращиванием сахарного тростника, кофе (на Сан-Томе — какао). С начала XX в. стали развиваться горнодобывающие промыслы (алмазы, марганцевая и железная руда), строиться железные дороги. Провозглашение республики в Португалии (1910) способствовало некоторому смягчению колониальной политики. Среди африканского населения стала выделяться группа привилегированных — «цивилизованных» или «ассимилированных», т. е. тех, кто умел говорить, читать и писать по-португальски и имел достаточный для существования регулярный доход. Таких был примерно 1% населения, но именно на них опирались колонизаторы в своей административной политике. В 1951 г. Анголе, как и Мозамбику, был предоставлен статус «заморской провинции». Одновременно в стране стало разворачиваться движение за национальное освобождение, которое в 1961 г. приняло характер вооруженных выступлений. Ведущее место в борьбе заняло созданное в 1956 г. движение МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), которое после апрельской революции 1974 г. в Португалии возглавило в 1975 г. независимую Народную Республику Ангола (ее первый президент — руководитель МПЛА А. Нето).

Бассейн Конго был сферой влияния португальцев с XVI в., когда значительная часть правящих верхов государства Конго во главе с королем приняли католичество, о чем уже шла речь. Проникновение португальцев и их активная роль в политических перипетиях в районе бассейна Конго, равно как и вывоз рабов (по некоторым данным, из этого района Африки их всего было вывезено до 13 млн.), привели к упадку и развалу королевства в начале XIX в. Ушли отсюда и португальцы. В конце XIX в. начался новый этап колонизации территории бассейна Конго.

В 1876 г. по инициативе бельгийского короля Леопольда II была создана Международная ассоциация для «исследования и

4—198

цивилизации» Центральной Африки. На службу ассоциации были призваны такие знаменитые путешественники и исследователи Африки, как соратник Д. Ливингстона Г. Стэнли, уже прославившийся своими открытиями и публикациями. Серия его экспедиций в бассейне Конго сопровождалась созданием нескольких десятков форпостов и военных постов и заключением множества договоров с местными вождями, предоставлявшими ассоциации различные права и привилегии в этом районе Африки. На Берлинской конференции 1884—1885 гг. интересы и статус ассоциации как административного образования были признаны державами, после чего в августе 1885 г. было создано Независимое государство Конго во главе с Леопольдом (в 1908 г. оно стало колонией Бельгии под названием «Бельгийское Конго»).

Открытое для европейского капитала государство в бассейне Конго стало быстро осваиваться. Англичане строили железные дороги, бельгийцы и представители иных европейских стран активно осваивали горнорудные богатства Шабы (Катанги). Создавались плантационные хозяйства с принудительным трудом законтрактованных африканцев (в основном занимались выращиванием гевеи и производством каучука). Быстрыми темпами развивалась промышленность, создавались города — Леопольдвиль, Стэнливиль, Элизабетвиль и др. Из местного населения были созданы вооруженные силы и полицейские отряды «Форс пюблик», которые сыграли свою роль в годы первой мировой войны и, в частности, позволили бельгийцам аннексировать густозаселенные Руанду и Урунди, бывшие до того частью германской Восточной Африки. Жестокое обращение с африканским населением было в Бельгийском Конго нормой, хотя порой и вызывало протесты. Но промышленное развитие колонии, особенно Катанги, шло быстрыми темпами. После второй мировой войны в городах страны проживало около 25% населения — довольно много для Африки того времени. С начала 40-х годов в Бельгийском Конго возникло массовое рабочее движение, а в 1956 г. наметился мощный подъем национально-освободительного движения, связанный с именем и деятельностью П. Лумумбы. В 1960 г. Конго стало независимым государством (с 1971 г.— Заир).

К северу от Заира, на правобережье нижнего течения Конго, в начале 80-х годов XIX в. создалась зона влияния Франции (в 1880 г. французский офицер де Брацца заключил с местным вождем договор, по которому Франция получила особые права в этих землях, после чего здесь был выстроен форт, будущий Браззавиль). Французы и бельгийцы пытались наладить здесь плантационное хозяйство (кофе, какао, сахарный тростник, пальмовое масло), строили дороги, промышленные предприятия. В целом, однако, уровень развития хозяйства был невысоким, особенно по сравнению с Бельгийским Конго. В 1946 г. африканцам были предоставлены некоторые

политические права, в 1957 г. их представители были включены в администрацию колонии. В 1958 г. французское Конго стало автономным государством (Республика Конго) в рамках Французского союза (как и Мадагаскар), а в 1960 — независимой республикой, которую с 1963 г. возглавило радикально настроенное правительство во главе с А. Массамба-Деба.

Западная и Центральная Африка

Если на юге Африки явственно лидировали англичане, а французов почти не было, то зона северной саванны и тропических лесов, напротив, оказалась плацдармом острого соперничества между Англией и Францией при третьестепенной роли некоторых других держав. К сказанному стоит добавить, что в ходе этого соперничества шла борьба не столько за территории (здесь бесспорно лидировала Франция — достаточно вспомнить о включенных в ее колониальную империю песках Сахары), сколько за экономически наиболее ценные и к тому же достаточно густо заселенные районы Гвинейского побережья, где позиции Англии были, пожалуй, предпочтительнее.

Английские колонии в Западной Африке оказались сосредоточенными в тех районах бассейна Вольты и нижнего Нигера, где издревле существовали прото- и раннегосударственные образования и где достаточно прочные позиции давно уже завоевал ислам, что также наложило на процесс колонизации заметный отпечаток. Можно напомнить и о том, что в эпоху энергичной колонизации, раздела Африки в конце XIX в., англичане были в этом районе Африки отнюдь не новичками: их первые торговые фактории появились на территории Золотого Берега, например, в 1631 г., а на побережье Сьерра-Леоне даже в середине XVI в.

Среди африканских государств на Гвинейском побережье особое место занимает Либерия, созданная рабами-переселенцами из США. Прибыв в Либерию в 1822 г., эти переселенцы создали республику в 1857 г. И хотя взимоотношения переселенцев с местным аборигенным населением складывались не гладко, в целом на примере Либерии можно говорить о первой в истории негритянской конституционной республике, идейно и институционально ориентировавшейся на передовой для своего времени американский конституционный стандарт. Дальнейшая судьба этой страны во многом зависела и от превратностей мирового рынка (страна специализировалась на добыче железной руды и производстве каучука), и от политики держав (экономическое закабаление в начале XX в., вплоть до неплатежеспособности страны в 1905 г.), и от деятельности иностранного капитала (строительство железных дорог, плантаций). Но все же Либерия оставалась свободной республикой с постепенным увеличением количества имеющего право голоса туземного африканского населения, а также людей

образованных, в том числе интеллигентов. Либерия на фоне колониальной Африки — своего рода исключение, как и расположенная на другой стороне континента и во многом очень не похожая на нее, но тоже сохранившая свою свободу Эфиопия.

Вернемся к английским колониям и начнем со Сьерра-Леоне. В конце XVIII в. англичане привезли сюда большую группу африканцев из числа освобожденных ими рабов, потомки которых (многие из них были креолами-метисами) стали заметной частью местного африканского населения. Правда, республики по образцу Либерии потомки рабов в Сьерра-Леоне так и не создали. Но, опираясь на них, англичане наладили здесь неплохую систему администрации, способствовали развитию торговли и мелкого предпринимательства, приступили к выращиванию гевеи, а с начала XX в.— к горнодобывающему промыслу (добыча хромовой руды, железа, алмазов). Строились дороги и порты, формировалось городское население, возникал слой образованной интеллигенции. С 20-х годов XX в. в стране возникли различные просветительные организации, в 40-х годах — партии и профсоюзы. Уже в 20-е годы были созданы Законодательный и Исполнительный советы, управлявшие колонией, причем в обоих органах, контролировавшихся генерал-губернатором, африканцы получили заметное представительство. Конституция 1957 г. и проведенные на ее основе выборы дали власть Народной партии, правительство которой в 1961 г. провозгласило независимость Сьерра-Леоне (в 1971 г. она была объявлена республикой).

В конце XVIII в. после ожесточенного соперничества держав (Англии, Франции, Голландии) узкая полоса земли вдоль нижнего течения реки Гамбия была признана владением Британии. Вначале колония административно подчинялась Сьерра-Леоне, затем была выделена в отдельную колонию (с 1843 г.), а на рубеже XIX — XX вв., после подавления восстания местного населения во главе с руководителем мусульманской секты марабутом Фоди Кабба, официально стала протекторатом. Будучи затем превращенной в страну монокультуры (гамбийцы выращивают и продают арахис), эта небольшая колония лишь в середине XX в. стала активно бороться за свое освобождение. Конституции 1959 и 1962 гг. предоставили немало политических прав африканскому населению, а вслед за тем в 1965 г. Гамбия добилась независимости.

Золотой Берег (совр. Гана) с его золотыми приисками с XVI в. был объектом соперничества колониальных держав, но постепенно основные позиции здесь заняла Англия. Заселенная племенами фанти, ашанти и некоторыми другими, в основном выходцами из древней Ганы после завоевания ее Альморавидами в XI в. (откуда и современное название государства), эта колония расположена в бассейне р. Вольты. Укрепление здесь с начала XIX в. позиций Англии привело к столкновению ее с конфедерацией Ашанти. В ходе серии англо-ашантийских войн, занявших практически весь XIX век, англичане в 1896 г. добились крушения конфедерации, а в 1901 г. земли Золотого

Берега были объявлены колонией Британии. В созданный англичанами Законодательный совет еще в конце XIX в. включались представители африканцев. Колония была специализирована на выращивании бобов какао. Строились железные дороги, развивалась горнорудная промышленность (добыча золота, бокситов, марганца, алмазов), росли кадры рабочих, интеллигенции. Создавалась англоязычная африканская литература. Уже в 1920 г. здесь была создана организация Национальный конгресс Западной Африки, активно действовавший и вынудивший англичан в 1925 г. согласиться на включение нескольких африканцев в Законодательный совет. В начале 40-х годов в состав Исполнительного совета (кабинета министров) также были включены африканцы. Вообще 40-е годы были временем интенсивного экономического (разработка бокситов, экспорт каучука, рост численности рабочих) и политического (возникновение партий и профсоюзов) развития страны. В 1956 г. Золотому Берегу (и соединенной с ним подмандатной территории Того, до первой мировой войны бывшей колонией Германии) был предоставлен статус доминиона, в 1957 г. он стал независимым государством Гана. В 1960 г. Гана стала республикой во главе с президентом К. Нкрума.

Наиболее важные колониальные владения Британии в Западной Африке были сосредоточены в бассейне нижнего Нигера, причем захват этих по африканским стандартам древних, развитых и многонаселенных территорий, в том числе известных самостоятельных африканских протогосударственных образований, оказался для англичан делом далеко не простым. Еще в 1861 г. англичане захватили Лагос, после чего колония Лагос стала расширяться (сначала, с 1866 г., она была административной частью Сьерра-Леоне, с 1874— частью владений колонии Золотой Берег, с 1886 г.— самостоятельной территорией, ставшей в 1893 г. «Протекторатом побережья Нигера»). Это расширение шло на фоне силового давления и войн колонизаторов с городами-государствами йоруба, особенно с крупнейшим из них — Ойо, с торговыми городами к востоку от устья Нигера, сильнейшим из которых был Опобо, а также с Бенином. Войны затянулись на десятилетия, но в конечном итоге все побережье и некоторые территории, прилегающие к нему, были подчинены Англии, создавшей на этой основе в 1906 г. владение «Колония и протекторат Южная Нигерия».

Войны с Бенином вывели англичан к внутренним районам бассейна Нигера. Здесь уже в 1900 г. был образован протекторат Северная Нигерия, после чего была начата кампания за присоединение к нему хаусанских эмиратов, объединенных в халифат Сокото. Хотя созданный фульбе и населенный в основном хауса халифат Сокото и не был сильным государством, а входившие в него эмираты враждовали между собой, исламская система власти сказала свое веское слово: перед англичанами были не рыхлые полупервобытные политические структуры побережья, а неплохо организованные государства, с которыми нельзя было не считаться. Неизвестно, насколько бы затянулось

дело, если бы не скорострельные пулеметы «максим», принятые в европейских странах на вооружение именно на рубеже XIX — XX вв. Именно это новое оружие, способное в считанные минуты скосить сотни идущих в атаку воинов, и решило исход кампании, которую впоследствии так и назвали: «борьба эмиров против максимов». Объединенная колония в 1914 г. стала именоваться «Колония и протекторат Нигерия». Встал вопрос об управлении этой большой и составленной из очень разных частей колонии.

Система колониального управления английскими владениями в Африке была разработана прежде всего применительно к аннексированным эмиратам и прилегающим к ним с юга территориям Северной Нигерии. Речь идет о так называемом косвенном управлении, смысл которого сводился к сохранению существующей туземной администрации с ее традиционными институтами и вождями и к верховному надзору колониальных властей, что следует считать характерным для подавляющего большинства колоний Британии в Африке и вне ее. Официально принятая англичанами в Африке в 1907 г. для управления Северной Нигерией, эта система затем была введена в Гамбии (1912), в Южной Нигерии (1916), а в начале 30-х годов также на Золотом Берегу и в Сьерра-Леоне. Удачно отработанная система сохраняла в малоизменившемся виде традиционную структуру в целом и в то же время открывала простор для ее постепенной модернизации и приспособления к новым условиям промышленного капиталистического развития, быстрой урбанизации, появления новых социальных прослоек, прежде всего рабочих и образованных интеллигентов.

С начала XX в. в Нигерии стали быстрыми темпами развиваться горнорудный комплекс (добыча угля, марганца, железа, олова), железнодорожное строительство. Предметами экспорта продолжали быть продукты масличной пальмы, какао, земляной орех. Ранее, чем в других районах Тропической Африки, возникают здесь рабочее и политическое движение (в 1920 г. создано отделение Национального конгресса британской Западной Африки, в 1922— Национально-демократическая партия, в 1934—1936 гг.—Движение нигерийской молодежи). С конца XIX в. выходили газеты на английском языке, в которых публиковались статьи против колониализма и расовой дискриминации. В 40-х годах движения за национальное освобождение стали получать массовую поддержку. В 1944 г. была создана общенигерийская партия Национальный совет Нигерии и Камеруна*. С 1947 г. в Нигерии стала действовать конституция, предоставившая

---

* Соседний с Нигерией Камерун, колонизованный в конце XIX в. Германией, был в 1916 г. частично передан Англии и включен в состав Нигерии; остальная и большая его часть была передана Франции. В 1960 г. северная часть английской зоны осталась в составе Нигерии, а южная ее часть после плебисцита была присоединена к французской зоне, после чего в 1961 г. на базе этой зоны была создана независимая республика Камерун.

африканскому населению значительные права и участие в системе администрации при сохранении последнего слова за английским губернатором. В 1958 г. было принято решение о предоставлении Нигерии независимости, а с 1963 г. она стала федеративной республикой.

Вся остальная часть Западной и Центральной Африки, за исключением крайне небольших и малозначительных колониальных анклавов, принадлежащих Португалии (португальская Гвинея) либо Испании (Рио де-Оро, или испанская Сахара), была в конце XIX в колонизована Францией, как, впрочем, и значительная часть Северной Африки, арабского Магриба. Вообще-то французские колонии — и вне Африки, и в Африке — восходят к тому же XVI в., что и первые колониальные захваты других держав. Но, если переселенческая активность французов в Америке в XVII — XVIII вв. была весьма заметна, то в Азии и Африке в это время французских колоний было немного.

Первой и основной африканской колонией Франции был Сенегал, где французы укрепились, выстроив форт Сен-Луи, еще в середине XVII в. Как и другие колонизаторы, французы в то время, да и много позже, занимались здесь преимущественно работорговлей. Складывание французской колониальной империи в Африке практически началось именно со стороны Сенегала как опорного пункта лишь в последней трети XIX в. В 80 — 90-е годы французы стали одно за другим аннексировать мелкие государственные образования в бассейне Сенегала, верховьях Гамбии, на плато Фута-Джаллон, а затем также и в верховьях Нигера, т. е. в тех гвинейских и западносуданских землях, где тысячелетием раньше складывались одни из первых африканских государственных образований — Гана, Мали, Сонгай. Одновременно с этим французы с помощью сенегальских стрелков начали колониальные захваты на Гвинейском побережье в Дагомее, из района верховьев Нигера вышли к Берегу Слоновой Кости. В результате всех этих колониальных захватов Франция овладела большими территориями в Западном Судане и на побережье Гвинейского залива, после чего ее колониальная активность была направлена на восток, в Центральный Судан, включая среднее течение Нигера и район оз. Чад, вплоть до англо-египетского Судана. Все эти колониальные захваты были объединены в рамках колониального образования Французская Западная Африка, просуществовавшего свыше полувека, до 1958 г. В 1920 г. к упомянутым колониальным владениям была присоединена еще и расположенная к северу от Сенегала Мавритания.

Колониальные территории Французской Западной Африки не относились к числу богатых ресурсами и населением. В большинстве это были полупустынные земли, пригодные преимущественно для обитания там кочевников. Удобные для земледелия районы тоже не отличались выгодными климатическими условиями, за исключением тех, что прилегали к побережью. Именно эти последние и были, если так можно выразиться, жемчужиной Французской Западной Африки, из них колонизаторы стремились выжать как можно больше, превращая целые страны в зоны монокультуры, рассчитанной на экспорт: Сенегал вывозил арахис, Дагомея и Берег Слоновой Кости — продукты масличной пальмы, Гвинея — сок гевеи, каучук. В целом же французские колониальные власти рассматривали свою Западную Африку как единое целое, мечтая расширить владения до противоположного берега континента. И хотя мечтам не суждено было сбыться (инцидент в Фашоде в 1898 г. похоронил надежды на это), колонизаторы делали все, что в их силах, для экономического освоения захваченных земель: строились железные дороги, развивались старые и создавались новые города, рос торговый оборот, вкладывались капиталы, правда, преимущественно в форме государственных займов, а не частных инвестиций, что было более характерным для британских колоний в Африке.

Своеобразием отличалась и система колониального управления. Прежде всего обращает на себя внимание привилегированное положение Сенегала. Часть его коренного населения имела некоторые гражданские права, вплоть до избрания депутата во французский парламент. В 1936 г. было 78 тыс. таких граждан, причем именно из их числа, в первую очередь, формировался корпус сенегальских стрелков — военная опора колониальных властей. Остальные колониальные территории чаще всего считались протекторатами, а управляли ими традиционные вожди и короли, эмиры и султаны, причем верховное право контроля сохранялось за колониальной администрацией. Вмешательство французских властей во внутреннюю администрацию протекторатов, вплоть до произвольного выбора кандидатов на руководящие должности, подчас даже на низовые должности старейшин, принято именовать системой прямого управления (в отличие от британской системы косвенного управления). Однако это вмешательство отнюдь не везде и не всегда имело характер произвола, так что на практике разница между обеими системами была не слишком большой.

Период между первой и второй мировыми войнами был для Французской Западной Африки временем хотя и не всюду равно заметного, но неуклонного экономического развития. Развивалась

промышленность, в городах появлялись отряды рабочих, начинала формироваться африканская предпринимательская буржуазия (мелкие предприниматели, чаще всего одновременно и торговцы), возникала интеллигенция. По количеству образованных людей лидировал, бесспорно, Сенегал. Этому способствовало много факторов: и привилегированное положение части населения, и знакомство на протяжении многих десятилетий с парламентской и вообще избирательной процедурой, и развитие образования, издание газет, и т. п. И далеко не случаен тот факт, что наиболее известные умы современной Африки, теоретики ее исторических судеб, как Л. Сенгор, первый президент независимой Республики Сенегал (1960),— выходцы именно из этой страны.

После второй мировой войны колониальная империя Франции начала шататься и приближаться к распаду. Этому способствовали и внешние, и внутренние факторы, в первую очередь подъем национально-освободительного движения, активизация политических партий, усиление борьбы за независимость и вынужденные этим уступки колонизаторов. Что касается Французской Западной Африки, то первой из нее официально вышла в 1958 г. завоевавшая в результате референдума независимость Гвинейская республика. В 1960 г. независимыми стали и все остальные входившие в колониальное образование страны: Сенегал, Мали, Мавритания, Нигер, Верхняя Вольта, Дагомея, Берег Слоновой Кости. Некоторые французские колонии в Центральной Африке (совр. Чад, Центральноафриканская республика, Габон и Конго) были с 1910 по 1958 г. объединены в рамках колониального образования Французская Экваториальная Африка. О Конго, наиболее южной из этих колоний, уже шла речь. Что касается Габона, небольшой территории к северу от французского Конго, то там французы впервые обосновались в 1839 г., создав форпост, а затем и город Либервиль, нынешнюю столицу страны. На рубеже 70 — 80-х годов были колонизованы внутренние районы, после чего территория, до того административно входившая в Конго, была выделена в качестве самостоятельной колонии. Экономически сравнительно отсталая, как и французское Конго (несмотря на наличие ископаемых — нефти, железа, угля), эта страна, значительная часть которой приходится на тропические леса, получила независимость одновременно с другими французскими колониями в 1958 г.

Центральноафриканская колония Франции Убанги-Шари, как и примыкающий к ней с севера Чад,— суданские территории, завоеванные французами лишь в начале XX в. На этих землях, заселенных в значительной части кочевниками, колонизаторы стремились

организовать выращивание экспортных культур — хлопка, кофе. Экономически отсталые и с трудом втягивавшиеся в мировой рынок, эти колонии в 1946 г. получили статус заморской территории с правом представительства во французском парламенте (как, впрочем, и две другие части Французской Экваториальной Африки — Конго и Габон). В 1958 г. обе они получили независимость и стали республиками. И территории Центральной Африки, и все другие экваториальные колонии Франции явно не были доходными для колонизаторов землями. Важность их для колониальной Франции была в том, что они представляли собой непрерывную цепь владений, смыкавшихся с французскими колониями в Западной Африке и имевших немалое стратегическое значение, во всяком случае вначале, в XIX в., до инцидента в Фашоде.

Глава 7

Колонизация арабской Африки и Эфиопии

Вся северная и почти вся северо-восточная часть африканского континента была завоевана арабами еще в раннем средневековье, начиная с VII в., когда воины ислама создавали Арабский халифат. Пережив бурную эпоху завоеваний и войн, этнического смешения в ходе миграций и ассимиляции местного берберо-ливийского населения арабами, страны Магриба (как именуется западная часть арабо-исламского мира) в XVI в. были, за исключением Марокко, присоединены к Османской империи и превращены в ее вассалов. Впрочем, это не помешало европейцам, прежде всего соседям магрибинских арабов, португальцам и испанцам, в то же время, на рубеже XV — XVI вв., начать колониальные захваты в западной части Магриба, в Марокко и Мавритании. Мавритания с 1920 г. стала колонией Франции, о чем уже упоминалось в предыдущей главе. Соответственно и ее исторические судьбы в период колониализма оказались более связанными с судьбами суданской Африки. Марокко же было и остается страной североафриканского Магриба, о котором теперь пойдет речь.

Марокко

Правившие страной в XV — XVI вв. султаны династии Ваттасидов, потомки берберской династии Маринидов (XIII — XV вв.), пытались сдержать натиск колонизаторов, грабивших районы побережья и увозивших марокканцев в качестве рабов. К концу XVI в.

эти усилия привели к некоторым успехам; к власти пришли султаны шерифских (т. е. возводивших свой род к пророку) арабских династий Саадидов и Алавитов, опиравшихся на фанатичных сторонников ислама. XVII и особенно XVIII вв. были временем усиления централизованной администрации и вытеснения европейцев (испанцам удалось сохранить за собой лишь несколько крепостей на побережье). Но с середины XVIII в. наступил период упадка и децентрализации, внутренних междоусобиц. Слабые правительства были вынуждены идти на уступки иностранцам (в 1767 г. были заключены соглашения с Испанией и Францией), но сохранили при этом за собой монополию на внешнюю торговлю, осуществлявшуюся в нескольких портах (в 1822 г. их было пять).

Колониальные захваты французов в Алжире в 1830 г. были восприняты в Марокко с некоторым удовлетворением (был ослаблен грозный сосед и соперник) и с еще большим опасением. Марокканцы поддержали антифранцузское движение алжирцев во главе с Абд аль-Кадиром, но именно это послужило поводом для французского ультиматума Марокко. Попытка под знаменем джихада противостоять натиску колонизаторов успеха не имела и после поражения 1844 г. лишь вмешательство Англии помешало превращению Марокко во французскую колонию. В обмен на это вмешательство и последующее покровительство англичан султан по договору 1856 г. вынужден был открыть Марокко для свободной торговли. Испано-марокканская война 1859—1860 гг. привела к расширению испанских владений на марокканском побережье и к дополнительным торговым уступкам, после чего в 1864 г. прежняя монополия на внешнюю торговлю была упразднена.

60—80-е годы были временем энергичного проникновения европейцев в Марокко. Был создан режим льгот и капитуляций для торговцев и предпринимателей, европеизировались некоторые города, прежде всего Танжер и Капабланка, складывался слой компрадоров-посредников из числа зажиточных марокканцев, связанных деловыми связями с европейскими компаниями (этих посредников именовали французским словом «протеже»). Стремясь предотвратить превращение страны в полуколонию, султан Мулай Хасан (1873—1894) предпринял ряд реформ, включая реорганизацию армии и создание военной промышленности. Но эти реформы, весьма ограниченные по характеру по сравнению, скажем, с турецким Танзиматом, вызвали сопротивление традиционалистов, возглавлявшихся религиозными братствами во главе с их шейхами-марабутами. При преемнике Хасана Абд аль-Азизе (1894—1908) попытки реформ были продолжены, но с тем же результатом: немногочисленные сторонники реформ

и модернизации страны, вдохновлявшиеся идеями младотурок и издававшие свои газеты, мечтавшие даже о конституции, наталкивались на возраставшее недовольство масс, повстанческое движение которых было направлено как против «своих» реформаторов, так и прежде всего против иностранного вторжения, в защиту традиционных, привычных норм существования под знаменем ислама. Движение ширилось, и в 1911 г. султан был вынужден обратиться за помощью к французам, которые не замедлили с оккупацией части Марокко. По договору 1912 г. Марокко стало французским протекторатом, за исключением небольшой зоны, превращенной в протекторат Испании, и объявленного международным портом Танжера.

Начался период быстрого промышленного развития и эксплуатации природных ресурсов страны: добывались и экспортировались фосфориты, металлы (марганец, медь, свинец, цинк, кобальт, железо), выращивались цитрусовые, заготавливалась пробковая кора. Иностранные, преимущественно французские, компании вкладывали в промышленное освоение Марокко огромные капиталы, строили железные дороги, развивали энергетику и торговлю. До миллиона гектаров плодородной земли было передано европейским (в основном французским) колонистам, ведшим фермерское хозяйство с применением наемного труда. Промышленное строительство и связанная с ним модернизация оказывали воздействие на традиционную и еще недавно столь энергично сопротивлявшуюся вторжению европейцев структуру: немалое количество крестьян уходило из деревни в город, где росли ряды рабочих и образованных слоев населения. И хотя сопротивление не прекращалось, а подчас принимало даже несколько неожиданные формы*, традиционная структура не только сопротивлялась, но и как-то приспосабливалась к новым условиям. В 30-е годы возникли первые политические движения — Национальный комитет действия (1934), Национальная партия (1937). В 1943 г. была создана партия Истикляль, выступившая с требованием независимости. Движение за независимость развернулось с особой силой после войны, достигнув своей вершины в конце 40-х — начале 50-х годов. Итогом его были завоевание независимости в 1956 г., воссоединение Марокко, включая Танжер, в 1958 г.

---

* Так, в 1920—1926 гг. в горном районе Риф была создана повстанцами так называемая Рифская республика с выборным Народным собранием и президентом (явное институциональное влияние европейцев), активно боровшаяся с французскими и испанскими колонизаторами.

Алжир

Расположенный к востоку от Марокко Алжир в XVI—XVII вв. находился под властью правителей, считавших себя вассалами турецкого султана. С XVIII в. Алжир стали возглавлять избиравшиеся янычарами их предводители-деи, причем вассальная зависимость страны от султана стала призрачной, тогда как влияние европейцев все усиливалось: существовали консульства держав, развивались торговые связи, расцветали города, ремесла. В стране было множество мусульманских школ и даже несколько высших учебных заведений.

В 1830 г., использовав в качестве повода незначительный конфликт (во время приема французского консула, с которым велись переговоры об алжирском долге, рассерженный дей ударил его хлопушкой для мух), король Карл X начал войну с Алжиром, хотя и завершившуюся быстрой победой, но вызвавшую длительное сопротивление, восстание Абд аль-Кадира. Подавление этого и иных следовавших за ним восстаний потребовало от французов немалых усилий, но не мешало им энергично утверждаться в Алжире в качестве его колонизаторов. Из фонда государственных земель щедро выделялись участки для европейских колонистов, число которых быстро увеличивалось. Так, в 1870 г. в их руках было чуть больше 700 тыс. га, в 1940 г.— около 2700 тыс. га. Среди французских переселенцев было немало и радикалов, даже революционеров: в составе созданной в 1870 г. Республиканской ассоциации Алжира (организация европейских переселенцев) были рабочие с социалистическими убеждениями. Существовала даже алжирская секция I Интернационала, а в дни Парижской коммуны в 1871 г. в городах Алжира проходили демонстрации в ее поддержку.

Что же касается арабо-исламского населения, то оно занимало выжидательные позиции и сопротивлялось европейской колонизации всеми способами, включая спорадически вспыхивавшие восстания, преимущественно во главе с религиозно-сектантскими деятелями. Однако распространение европейских форм организации труда и потребность в рабочих руках в фермерских хозяйствах колонистов, а также на промышленных предприятиях, возникавших в городах, вели к постепенному втягиванию некоторой доли алжирцев в новые производственные связи. Возникали первые отряды алжирских рабочих, приобщались к капиталистическому хозяйству ремесленники и торговцы (первоначально городское население состояло преимущественно из неалжирского населения — из турок, мавров, евреев и др.). В целом же, однако, экономическое господство европейского, в основном французского, капитала было неоспоримым. Что касается форм управления, то до 1880 г. делами коренного населения ведали специальные «арабские бюро» во главе с французскими офицерами, затем в зонах массового проживания алжирцев появились «смешан-

ные» коммуны, управлявшиеся французскими администраторами. Там, где существовало влиятельное по количеству европейское население или европейцы численно преобладали, создавались «полноправные» коммуны, где существовали избирательная процедура, выборные муниципалитеты (алжирцы в любом случае имели не более двух пятых общего числа депутатов муниципалитета). Немногочисленная прослойка состоятельных алжирцев (в конце XIX в.— около 5 тыс.) могла принимать участие в выборах алжирской секции-курии совета при генерал-губернаторе.

На рубеже XIX — XX вв. в Алжире появилась заметная прослойка интеллигентов, которая выступала против «туземного кодекса» (введен в 1881 г.), ограничивавшего права алжирцев и запрещавшего их участие в политической жизни. Стали создаваться различного рода культурные и просветительские ассоциации, издаваться газеты, журналы, книги. Хотя по форме это были преимущественно выступления в защиту ислама, арабского языка (он заметно вытеснялся французским) и шариата, существовала и влиятельная группа младоалжирцев, ориентировавшихся — по аналогии с младотурками — на сближение с западной, французской культурой, требовавших уравнения алжирцев в правах с французами.

Участие многих десятков тысяч арабо-алжирцев (наряду с алжирцами-французами) в первой мировой войне дало сильный толчок развитию национального самосознания в послевоенные годы, чему способствовало и значительное увеличение прослойки арабо-алжирских интеллигентов, в том числе получивших образование в Европе. Возникли влиятельные организации — «Молодой алжирец» (1920), Федерация избранных мусульман (1927 г.— имеются в виду члены муниципалитетов), наконец, знаменитая «Североафриканская звезда» (1926), выдвинувшая в 1933 г. лозунг борьбы за независимость Алжира. Среди интеллигентов стала пользоваться большим признанием и исламская организация «Союз улемов», развивавшая идеи о самобытности алжирцев и их культуры. Вообще 30-е годы дали толчок развитию политической активности среди алжирцев, чему способствовало, в частности, и изменение национального состава рабочих Алжира (если в 1911 г. европейцы численно в нем преобладали, то теперь картина была обратной, алжирцев численно было вдвое больше).

Победа Народного фронта в Париже привела к реформам, предоставившим Алжиру новые демократические свободы и политические права. Вторая мировая война на время прервала процесс развития национального самосознания, но после войны он проявил себя с еще большей силой. Возникали новые политические партии, усиливались требования автономии и независимости. Закон 1947 г. гарантировал алжирцам статус французских граждан, учреждал Алжирское соб-

рание из 120 депутатов, половину которого избирали европейцы, и правительственный совет при генерал-губернаторе. Но этого было уже мало. Движение за торжество демократических свобод, сформировавшееся в 1946 г., стало готовиться к вооруженной борьбе. Был создан Революционный комитет, который в 1954 г. преобразовался во Фронт национального освобождения. Созданная Фронтом Армия национального освобождения начала борьбу во всем Алжире. В 1956 г. Фронтом был избран Национальный совет алжирской революции, а в 1958 г. провозглашена Алжирская республика. И хотя алжирские экстремисты европейского происхождения пытались было помешать решению де Голля в 1959 г. признать право Алжира на самоопределение, следствием чего был поднятый ими в 1960 г. мятеж против правительства Франции, в 1962 г. алжирская революция окончательно победила. Была создана Алжирская Народная Демократическая Республика.

Тунис

Ставший с XVI в. частью Османской империи Тунис, расположенный к востоку от Алжира, длительное время был базой средиземноморских пиратов-корсаров и одним из центров работорговли («товаром» чаще всего были ставшие добычей корсаров пленные европейцы). Большое количество таких рабов, равно как и высланные в начале XVII в. из Испании преследовавшиеся там мавры-мориски, испанские мусульмане, сыграли определенную роль в формировании этнической культуры тунисских верхов, потомков морисков, турецких янычар и христианских рабынь гарема. Беи из династии Хусейнидов (1705—1957) хотя и считались вассалами султана, вели себя как независимые правители и, в частности, заключали соглашения о торговле с европейскими государствами. Связи с европейцами, активная торговля, пиратство, миграция морисков — все это способствовало развитию страны, 20% населения которой в конце XVIII в. жило в городах, переживавших период расцвета после отмены государственной монополии на внешнюю торговлю. В Европу тунисцы вывозили оливковое масло, ароматические эссенции и масла, в том числе особенно высоко ценившееся в Париже розовое масло, а также шерсть, хлеб. Добившись в 1813 г. полной независимости от соседнего Алжира, тунисские беи, однако, вскоре оказались перед серьезными финансовыми затруднениями, чему способствовало прекращение доходов от пиратства и работорговли. Поддержав французскую экспедицию 1830 г. в Алжир, Тунис в 30—40-е годы попытался было с помощью Франции провести в стране реформы и, в частности, создать вместо янычарского корпуса регулярную армию.

Ахмед-бей (1837—1855), отклонив принципы Танзимата (в чем он следовал Мухаммеду Али Египетскому, перед которым преклонялся), тем не менее по примеру того же Мухаммеда Али начал быстрыми темпами налаживать военную промышленность и европейское образование, включая военное. В стране стали основываться колледжи и училища, издаваться газеты и книги. Все это легло тяжелым финансовым бременем на страну и привело к кризису. Преемники Ахмед-бея изменили его политику, поддержали идеи Танзимата и начали перестраивать администрацию и хозяйство по европейским стандартам. В 1861 г. в Тунисе была принята первая в арабо-исламском мире конституция, установившая систему ограниченной монархии с ответственным перед Верховным советом правительством (совет частично назначался, частично избирался по жребию из списка привилегированных — нотаблей). Эти нововведения воспринимались народом, как то было несколько позже и в Марокко, с недоверием и рождали внутреннее сопротивление, неприятие. Возглавляемые религиозными вождями-марабутами крестьяне поднимали восстания. Наиболее сильным из них было выступление 1864 г., участники которого требовали отмены конституции и снижения налогов, восстановления традиционного исламского шариатского суда. Для подавления восстания правительству пришлось прибегнуть к помощи иностранцев, к иностранным займам. Рост задолженности привел в 1869 г. к банкротству Туниса и созданию Международной финансовой комиссии, что сильно ограничило суверенитет страны, поставило ее на грань превращения в полуколонию. Кризис, непосильные налоги, восстания — все это привело еще сравнительно недавно процветавшую страну в состояние глубокого упадка, к сокращению численности населения почти втрое, до 900 тыс. человек.

Пришедший к власти в 1873 г. премьер Хайраддин-паша не стал заботиться о возрождении конституционных норм, но зато предпринял ряд важных реформ, приведших к упорядочению налогообложения, изменению характера землепользования, развитию просвещения, здравоохранения, благоустройства. Он пытался подчеркнуть вассальную зависимость от Османской империи, дабы обезопасить страну от натиска колониальных держав. Однако после Берлинского конгресса 1878 г. Франция добилась признания Туниса своей сферой влияния, а в 1881 г. Тунис был занят французами и превращен в протекторат.

Колониальные власти приступили к активному хозяйственному освоению страны. Строились горнорудные предприятия (фосфориты, железо), железные дороги, причалы. В Тунис привлекались европейские колонисты: на рубеже XIX — XX вв. они составляли около 7% населения и владели 10% лучших земель, дававших товарное зерно (там применялись минеральные удобрения, сельскохозяйственные машины). Приток колонистов способствовал росту националистических настроений тунисцев, среди которых стали появ-

ляться рабочие и увеличивалась прослойка образованных. Появлялись различного рода кружки и ассоциации, устанавливались связи с национальными движениями в Турции и Египте. Как в Алжире, младотунисцы были склонны к переустройству традиционной структуры с помощью французов, а противостоявшие им традиционалисты, напротив, считали нужным опираться на исконные нормы и прежде всего на ислам. Как и в Алжире, наиболее боевую часть профсоюзного движения в начале XX в. представляли рабочие-европейцы, тогда как восстания тунисских крестьян были отражением сопротивления традиционной структуры, не принимавшей, отторгавшей нововведения. Шли на определенные уступки и представители колониальной администрации: в 1910 г. для тунисцев была создана специальная секция-курия при Консультативной конференции, созванной в 1891 г. и состоявшей тогда из депутатов от европейского населения.

В 1920 г. сформировалась партия Дестур. В 1922 г. при колониальной администрации был создан Большой совет с представительством от всего населения Туниса. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. нанес жестокий удар по экономике Туниса. Многие предприятия закрылись, крестьяне разорялись. Все это привело к резкому росту недовольства. В 1934 г. Х. Бургиба на базе Дестура сформировал партию Нео-Дестур, отличавшуюся социалистическими тенденциями и возглавившую выступления недовольных. Победа Народного фронта во Франции в 1936 г. принесла Тунису, как и другим французским колониям, некоторые новые порядки: укрепилась система демократических прав и свобод, возникли условия для деятельности различных партий и группировок. И хотя в конце 30-х годов давление колониальной администрации вновь резко усилилось, а многие партии, включая и оформившуюся в 1939 г. компартию, подверглись репрессиям, борьба за национальное освобождение все усиливалась. В 1946 г. созванный по инициативе партии Нео-Дестур Национальный конгресс принял Декларацию независимости Туниса. Переговоры с французским правительством и массовое антиколониальное движение 1952—1954 гг. привели к признанию Францией в 1954 г. автономии Туниса. В 1956 г. Тунис добился независимости, а в 1957 г. стал республикой.

Ливия

Предки берберов ливийцы, давшие этой стране ее современное название, населяли район к западу от Египта еще в глубокой древности, а в поздний период существования древнеегипетского общества они даже освоили многие земли в дельте Нила, создавали правившие Египтом ливийские династии. После VII в. Ливия, как и весь Магриб, была завоевана арабами и стала исламизироваться и арабизироваться, а в середине XVI в. она превратилась в часть

Османской империи. Как и Тунис, Ливия долгое время была базой средиземноморских корсаров и центром работорговли. Управляли ею выходцы из янычар, после которых власть перешла к турецкой по происхождению династии Караманлы (1711—1835), при которых вассальная зависимость от турок заметно ослабла, а официальным языком стал арабский.

Начало XIX в. прошло под знаком усиливавшегося натиска европейских держав, которые под предлогом прекращения пиратства и работорговли принудили Ливию к заключению ряда соглашений, и в частности неравноправного договора 1830 г. с Францией. Тяжелые налоги и внешние займы здесь, как и в Тунисе, привели к финансовому кризису, но выход из него оказался иным, чем в Тунисе: с помощью Англии, опасавшейся усиления французских позиций в Магрибе, Турция в 1835 г. сумела восстановить в Ливии свой практически давно уже утраченный суверенитет и начать энергичные реформы, основанные на принципах Танзимата. Реформы с их ориентацией на европеизированную систему администрации, суда, торговли, просвещения, издательского дела в немалой степени трансформировали традиционную структуру и тем вызвали резкий протест привычного к ней населения. Протест принял формы религиозного сопротивления, возглавленного орденом сенуситов, основанным марабутом ас-Сенуси, выходцем из Алжира, укрепившимся в 1856 г. в пустынной местности Джагоуб — оазисе посреди обширной южноливийской Сахары.

Из прилегавших к оазису земель сенуситы создали обширные владения (далеко не только в пустыне), своеобразное государство в государстве со своими торговыми центрами и военными укреплениями. Приход в Турции к власти противника Танзимата султана Абдул-Хамида II (1876—1909) был воспринят сенуситами как сигнал к атаке: сенуситы выступили как против либеральных реформ собственного правительства, так и против действовавших к югу от них в районе оз. Чад французских колонизаторов. Влияние ордена все расширялось, и французы были вынуждены вести с ним долгую изнурительную войну, завершившуюся в Центральной Африке в их пользу лишь в 1913—1914 гг. Что же касается Ливии, то только после начала младотурецкой революции в Турции в 1908 г. ситуация здесь вновь стала изменяться в пользу сторонников реформ: были проведены выборы в меджлис, стали активно обсуждаться на страницах периодических изданий проблемы приспособления ислама к новым условиям, включая технический прогресс, права женщин и т. п.

В 1911 г. Италия, развязав войну с Турцией, попыталась захватить Ливию. Однако после захвата Триполи и некоторых районов побережья война приняла затяжной характер. И хотя Турция по договору 1912 г. согласилась признать часть Ливии автономной территорией, находившейся под управлением Италии (с сохранением

верховного суверенитета за султаном), война, которая приняла характер партизанской борьбы, возглавлявшейся сенуситами, продолжалась. В 1915 г. было создано сенуситское правительство в Киренаике, в 1918 г. вожди триполитанского восстания 1916 г. создали республику Триполитания. В 1921 г. было принято решение объединить усилия Триполитании и Киренаики в борьбе за национальное освобождение.

После прихода в Италии к власти фашистов давление этой страны на Ливию вновь усилилось, и к 1931 г. итальянцы добились успеха. Ливия была превращена в колонию Италии, и началось быстрое ее хозяйственное освоение: экспроприировались и передавались итальянским колонистам наиболее плодородные земли, наращивалось производство товарного зерна. Вторая мировая война положила конец итальянскому колониализму. Ливия была оккупирована войсками союзников. После войны здесь стали создаваться политические организации, выступавшие за образование независимой и единой Ливии. В 1949 г. на заседании ООН было принято решение предоставить Ливии независимость к 1952 г. В декабре 1950 г. Национальное учредительное собрание стало готовить конституцию, которая вошла в силу в 1951 г.: Ливия была провозглашена независимым Соединенным Королевством, а глава сенуситов Идрис I стал ее королем.

Египет

Реформы Мухаммеда Али (1805—1849) выдвинули Египет, формально все еще связанный с Османской империей, но фактически независимый от нее и даже не раз побеждавший ее армии и захватывавший ее земли, в число ведущих и наиболее развитых стран Востока. Сильная регулярная армия (до 200 тыс. солдат), строго централизованная администрация, хорошо налаженное сельское хозяйство при правительственной монополии на экспорт товарных культур (хлопок, индиго, сахарный тростник), строительство государственных промышленных предприятий, прежде всего военных, поощрение достижений европейской науки и техники, создание сети учебных заведений различного профиля — все это было основой укрепления власти Мухаммеда Али, отнюдь не случайно ставшего объектом подражания для определенных слоев населения в других странах Магриба. Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что Мухаммед Али не шел по пути танзиматных реформ, но, напротив, всячески подчеркивал национальное «я» Египта и форсировал усиление страны, дабы ее не постигла печальная участь колонии. Столкнувшись с оппозицией держав (особенно Англии), отнявших у него плоды побед в его успешных войнах с султаном, Мухаммед Али в начале 40-х годов не только вынужден был отдать завоеванное

(Сирию, Палестину, Аравию, Крит) и возвратить перешедший на его сторону турецкий флот, но и уступить натиску иностранного капитала, приоткрыв двери для свободной торговли.

Проникновение иностранных товаров нанесло тяжелый удар как по отсталой государственной промышленности (казенные фабрики в условиях свободной конкуренции оказались нерентабельными, не говоря уже о том, что насильно мобилизованные для работы на них вчерашние феллахи работать не хотели и нередко портили дорогие машины), так и по всей истощенной войнами финансовой системе. При преемниках Мухаммеда Али многие из государственных предприятий, равно как и дорогостоящие учебные заведения, были закрыты. Зато частное предпринимательство европейцев, включая строительство железных дорог, хлопкоочистительных и сахарных заводов и, наконец, стратегически бесценного Суэцкого канала, шло полным ходом. Развитие сферы рыночных связей и товарно-денежных отношений вынудило египетские власти издать ряд реформ, направленных на расширение прав собственников в деревне, изменение налогообложения. Расходы страны на строительство [хедив Исмаил (1863 — 1879) настоял на участии Египта как государства в сооружении канала и в создании некоторых других предприятий] и проценты по иностранным кредитам привели финансовую систему к краху: в 1876 г. Исмаил объявил о банкротстве, после чего по настоянию Англии и Франции была создана специальная комиссия, в ведение которой перешла значительная часть доходов казны. Были проданы принадлежавшие хедиву акции Суэцкого канала. Наконец, комиссия египетского долга заставила Исмаила создать правительство во главе с Нубар-пашой, известным своими проанглийскими симпатиями. Посты министров финансов и общественных работ (т. е. те, что контролировали доходы страны) заняли соответственно англичанин и француз.

В стране зрело и все чаще открыто проявлялось недовольство этими уступками и всей политикой хедива и колониальных держав. В 1866 г. была создана палата нотаблей — совещательный орган, в котором стали задавать тон оформившиеся в 1879 г. в Национальную партию (Ватан) представители влиятельных слоев египетского общества. Эта палата потребовала от хедива распустить «европейский кабинет», что он и сделал. В ответ на это державы заставили султана низложить Исмаила, а новый хедив разогнал палату и восстановил иностранный финансовый контроль, ущемив при этом интересы армейских офицеров (была сокращена армия). В сентябре этого же 1879 г. восстал каирский гарнизон во главе с полковником Ораби (Араби-паша). Хедив был вынужден подчиниться давлению недовольных и восстановить национальный кабинет во главе с Шериф-пашой и с участием ватанистов. Но события развивались быстрыми темпами. Скоро новое правительство стало выглядеть весьма умеренным на

фоне требований радикальных участников движения недовольных во главе с Ораби. В феврале 1882 г. армия свергла правительство ватанистов. Утратил свое влияние и видный теоретик Национальной партии, соратник аль-Афгани, основателя теории панисламизма, М. Абдо.

Радикалы во главе с Ораби выступили с антииностранными лозунгами и стали энергично очищать страну от европейской «заразы»: закрывались кафешантаны и публичные дома, рестораны и оперные театры, восстанавливались традиционные нормы ислама. Ораби получил поддержку и со стороны турецкого султана Абдул-Хамида, присвоившего ему титул паши. В феврале 1882 г. был создан новый кабинет, в котором Ораби занял пост военного министра. Напряжение в стране усиливалось. Стали подниматься крестьяне под лозунгами борьбы с неверными. Все европеизированные слои египетского общества бежали в Александрию под защиту прибывшей туда английской эскадры. Вскоре сюда же прибыл хедив. В то же время в Каире был образован Военный совет, созван Национальный меджлис, в котором решающей силой стали сторонники Ораби, в том числе его офицеры. Началось открытое противостояние. В июле 1882 г. хедив сместил Ораби, объявив его мятежником. В ответ на это Ораби заявил, что считает хедива заложником иностранцев, «пленником англичан». Англия поддержала хедива и вскоре ее войска заняли Каир. Ораби был предан суду и выслан на Цейлон, а Египет превратился в протекторат Англии.

Впрочем, формально Египет имел особый статус и по-прежнему считался как бы автономной частью Османской империи. Согласно изданному в 1883 г. Органическому закону здесь были созданы Законодательный совет и Генеральное собрание (в 1913 г. они были объединены в Законодательное собрание), тогда как вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках английского консула, сохранявшего полный контроль над деятельностью кабинета во главе с премьером. Конечно, реальная власть сохранялась за колонизаторами, но сам факт существования и законодательной палаты, и кабинета министров призваны были подчеркнуть, что Египет имеет особый статус.

Английский и иной иностранный капитал, начавший активно внедряться в Египет после 1882 г., способствовал убыстрению развития страны. В начале XX в. промышленные рабочие исчислялись уже почти полумиллионом человек — цифра весьма солидная для того времени (в это число входили и те, кто был занят на мелких предприятиях; чуть меньше половины общего количества рабочих были европейцами). Среди египтян было уже немало образованных людей, интеллигентов; складывалась и национальная буржуазия. Снова появились разгромленные было на рубеже 70—80-х годов внешние атрибуты европеизации: клубы, рестораны, салоны. Работали

телеграф и телефон, кинематограф, университеты, издательства. Снова стали вестись ожесточенные споры о судьбах страны и народа, причем противостояли друг другу выступавшие за вестернизацию либералы, в основном лица с европейским образованием, и отстаивавшие нормы ислама традиционалисты, значительная часть которых была достаточно близка к широким массам египетского населения, недовольного колонизацией страны. Как и в ряде других стран Магриба, на рубеже XIX — XX вв. в Египте начало зарождаться рабочее, профсоюзное и социалистическое движение, но представителями его в основном были выходцы из Европы, рабочие или интеллигенты. Что же касается египетского коренного населения, то оно втягивалось в это движение весьма медленно.

Этому способствовал и становившийся все более явственным религиозно-националистический акцент в социально-политической жизни Египта. Накануне мировой войны в распадавшейся на фракции партии ватанистов усилились позиции религиозных экстремистов, прибегавших к методам вооруженного террора. Убийство в 1910 г. премьера Б. Гали, выходца из коптов, египетских христиан, еще более усилило религиозную рознь в стране. В 1912 г. партия Ватан была запрещена, а на передний план в политической борьбе после войны вышли новые силы, прежде всего созданная в 1918 г. партия Вафд. Эта партия развернула мощное движение с требованием национальной независимости, что сыграло свою роль: в 1922 г. Англия согласилась признать независимость Египта, но при условии сохранения в нем своих войск и комиссара, не говоря уже об экономических позициях британского капитала. По конституции 1923 г. Египет стал конституционной монархией во главе с королем Фуадом I. Были созданы парламент и ответственный перед ним и королем кабинет министров, который возглавили лидеры Вафда. В 1924 г. они поставили перед Англией вопрос о выводе британских войск и об объединении англо-египетского Судана с Египтом. Это требование привело к конфликту, вследствие которого вафдисты вынуждены были подать в отставку. Впрочем, на очередных выборах они вновь победили, а давление кабинета и молодой египетской буржуазии привело в конечном счете к тому, что Англия вынуждена была согласиться и на важные экономические уступки: в 1931 г. был введен новый таможенный тариф, призванный защитить египетскую промышленность и торговлю от конкуренции.

Мировой кризис сказался на ухудшении экономического положения Египта и привел к очередному обострению политической борьбы, в ходе которой вафдисты в 1930 г. вновь были отстранены от власти, а конституция 1923 г. была заменена иной, более реакционной по характеру. Впрочем, в 1934 г. под предводительством все тех же вафдистов была начата очередная политическая кампания, в результате которой король Фуад с согласия англичан восстановил

конституцию 1923 г. По англо-египетскому договору 1936 г. английские войска были выведены из Египта, комиссар стал английским послом и только в зоне Суэцкого канала остались некоторые вооруженные формирования англичан. Это был немалый успех вафдистов, но, как то ни покажется странным, он вызвал новое размежевание политических сил и острую борьбу, нападки на Вафд справа и слева.

На протяжении последующих лет Египет продолжал вести политику, направленную на полное освобождение страны от иностранного вмешательства. Мощное движение, волны митингов, демонстраций, забастовок принудили англичан в 1946 г. сесть за стол переговоров о пересмотре соглашения 1936 г. К успеху переговоры не привели: Англия не хотела отказываться от контроля над Суэцким каналом, от кондоминиума в Судане. В 1951 г. очередное правительство вафдистов во главе с Наххас-пашой внесло в египетский парламент законопроект об отмене договора 1936 г., в ответ на что англичане перебросили в зону канала дополнительные военные контингенты и оккупировали там ряд городов. В стране вновь назревал кризис, проявлявшийся в остром недовольстве различных слоев населения создавшейся обстановкой. В этих условиях на передний план вышла организация «Свободные офицеры», глава которой Нагиб взял власть в свои руки в результате переворота 1952 г. Король Фарук отрекся от престола. Был создан революционный совет, проведены реформы в сфере аграрных отношений, в политической структуре. Были распущены прежние партии, отменена конституция, упразднена монархия. Радикальное крыло движения усиливало свои позиции, следствием чего был выход на передний план Насера, ставшего в 1954 г. премьер-министром. В 1956 г. была принята новая конституция страны, а вскоре президент Насер объявил о национализации Суэцкого канала. В ходе англо-франко-израильской военной кампании 1956 г. против Египта в зоне Суэцкого канала египетская армия выстояла и одержала верх. Войска иностранных государств, включая Англию, были выведены. Египет наконец обрел столь желанную и таких усилий стоившую ему полную независимость.

Судан

В политической лексике, в отличие от географической, понятие «Судан» используется только для обозначения государства, расположенного в восточной части обширного суданского пояса Африки. Это древняя страна, упоминаемая еще в древнеегипетских источниках под названием Куш. В 1820—1822 гг. Судан был завоеван Мухаммедом Али Египетским. Завоевавшее Судан турецко-арабское войско Мухаммеда Али ввело здесь жесткий режим военной администрации. Насе-

ление было обложено тяжелыми налогами. Были созданы провинции, районы и волости и упразднены старые султанаты. Стало поощряться выращивание товарных культур — хлопка, сахарного тростника, мака. Развивалась торговля, главными предметами суданского экспорта были гуммиарабик, слоновая кость, страусовые перья и т. п. Значительное место в суданском экспорте занимала работорговля, причем она процветала, несмотря на официальные запреты. В 60—70-е годы, когда англичане стали активно проникать в экономику и политику Египта, хедив Исмаил продолжил завоевания Мухаммеда Али, присоединив к захваченным ранее суданским землям Дарфур и населенные африканцами-нилотами южные территории, примыкающие к Кении, Уганде и французскому Конго. Губернатором южных губерний был тогда назначен сопровождавший хедива англичанин Бейкер, а в 1877 г. губернатором всего Судана стал английский полковник Гордон. Губернаторами основных провинций тоже были назначены подчиненные Гордону англичане. Налоги были еще увеличены.

Недовольство непосильным налоговым бременем вызвало массовое народное движение, принявшее религиозные формы. В 1881 г. мусульманский проповедник Мухаммед Ахмед объявил себя Махди, т. е. мессией, посланным Аллахом. Он призвал суданцев выступить против неверных — Англии и служащих ей или отошедших от истинной веры турок и египтян. Несмотря на посылку против Ахмеда карательного корпуса, махдисты выстояли и начали развивать свой успех. В 1885 г. они, захватив почти все земли Судана, создали независимое теократическое государство, управлявшееся после смерти Ахмеда халифом (заместителем) Абдаллахом. Организованный по обычному для средневековых исламских государств стандарту, этот халифат продержался до 1898 г., ведя войны с соседней христианской Эфиопией (1885—1889). В 1898 г. медленно продвигавшийся к югу по Нилу (с одновременным строительством железной дороги) десятитысячный вооруженный «максимами» корпус генерала Китченера в нескольких решающих сражениях буквально расстрелял огнем пулеметов многотысячные армии суданцев и захватил в свои руки практически весь Судан. Идя на юг, он в сентябре достиг Фашода, где с удивлением обнаружил отряд капитана Маршана, который шел с запада, ставя своей целью соединить французские колониальные владения в Западном и Центральном Судане через юг Восточного Судана с восточным побережьем, где в районе Сомали у французов уже был колониальный плацдарм.

Инцидент в Фашоде грозил военным столкновением держав, движимых противоположными политическими интересами: англичане, захватывая Судан, осуществляли свою старую мечту — создать непрерывную цепь владений от Кейптауна до Каира. После недолгих консультаций на высоком правительственном уровне Франция все же

отступила. Инцидент был исчерпан. Англия одержала верх. В 1899 г. было заключено соглашение о совместном англо-египетском управлении Суданом (кондоминиуме). Режим кондоминиума был в гораздо большей степени близок к обычной колониальной администрации, нежели то было в Египте: высшая власть в Судане отныне принадлежала английскому генерал-губернатору, назначенному хедивом по рекомендации англичан. Во главе провинций стояли английские губернаторы, контролировавшие традиционную систему администрации на местах. Франция и другие страны отказывались от притязаний на Судан, они не имели в нем даже консулов. Словом, это была обычная колония, в которой хозяйничали англичане, тогда как соучастие Египта в управлении и хозяйственном освоении Судана было более чем второстепенным.

Экономика и вообще промышленное развитие Судана долгое время оставались на невысоком уровне, особенно по сравнению с развитым в этом плане Египтом. По-прежнему предметом суданского экспорта были хлопок, гуммиарабик, скот. Для нужд сельского хозяйства сооружались плотины, водохранилища, железные дороги. В 20-х годах XX в. в стране возникли первые общественные ассоциации и политические партии, начали издаваться журналы. Появились города, первые группы рабочих и интеллигенции. Но только после второй мировой войны национально-освободительное движение в Судане приобрело заметные размеры. По принятой в 1948 г. конституции были проведены выборы в Законодательное собрание. В 1951 г. в связи с денонсацией Египтом англо-египетского договора и конвенции о Судане развернулось движение за уход англичан из Судана, за независимость страны. В 1952 г. был создан Объединенный фронт борьбы за освобождение, чему способствовала июльская революция 1952 г. в Египте. Вообще, как это легко заметить, национально-освободительное движение в англо-египетском Судане ощутимо ориентировалось на успехи Египта в достижении им независимости, что и понятно: Судан на протяжении более чем столетия был связан с Египтом и находился в определенной зависимости от него. Когда успехи Египта в осуществлении его цели стали очевидны, аналогичные успехи были достигнуты и в Судане: в 1955 г. парламент принял решение о провозглашении независимой Республики Судан с 1 января 1956 г.

Сомали

Сомали, как и Эфиопию, и страны, расположенные к югу от них, к числу арабских безоговорочно отнести уже нельзя. Правда, процесс исламизации полуострова, населенного африканцами кушитской языковой группы (близкой родственницы семитской группы в рамках семито-хамитской семьи языков), сопровождался заметным

увеличением арабского и арабоязычного компонентов здесь, но сомалийцы (их язык письменности не имел) численно обычно преобладали. На территории Сомали в XII — XVI вв. спорадически складывались раннегосударственные образования в форме султанатов, но они были непрочными и быстро распадались. Исключения являют лишь города Могадишо, Мерка, Брава, населенные преимущественно арабскими и арабоязычными торговцами. Когда в начале XIX в. маскатский Оман разделился на Оман и Занзибар, эти города и прилегающие районы стали владением султанов Занзибара, как и все восточноафриканское суахилийское побережье. В 70-е годы XIX в. во внутренних районах Сомали возникли султанаты Оббия и Миджуртини.

Первые попытки колониальных держав проникнуть на полуостров относятся к середине XIX в., причем они в значительной мере были вскоре стимулированы перспективой открытия Суэцкого канала. С открытием канала сомалийское побережье стало стратегически важной территорией. Неудивительно, что державы начали бороться за его колонизацию. В 80-е годы Франция оккупировала северную часть Сомали. Именно она служила опорным пунктом в стремлении французов продвинуться на запад и соединить свои восточноафриканские владения с западноафриканскими (инцидент в Фашоде, как упоминалось, положил конец этим стремлениям). Северное Сомали было французской колонией до 1977 г. Основная же часть полуострова была в конце XIX в. поделена между Англией и Италией. Англичанам достались стратегически важные территории побережья, а опоздавшей к разделу колоний Италии — лишь внутренние районы, которые она стремилась расширить за счет экспансии в сторону Абиссинии (Эфиопии). Колониальные захваты в Сомали вызвали стойкое сопротивление отсталой традиционной структуры, принявшее форму затяжного полупартизанского вооруженного движения против колонизаторов. Только в 1920 г. эта вооруженная борьба была подавлена. В 1960 г. колонии объединились в рамках независимой Республики Сомали.

Эфиопия

Эфиопия лежит преимущественно во внутренних районах Восточной Африки, на территории, столь же скудной природными ресурсами и не избалованной плодородными землями, как и Сомали. Эфиопы родственны сомалийцам и по языку: в большинстве они принадлежат к той же кушитоязычной группе африканцев. Но Эфиопия тем не менее существенно отличается не только от Сомали, но и от народов всей остальной Африки: корни ее цивилизации уходят в глубокую древность, причем эта цивилизация всегда была христианской по ее религиозно-культовой основе (впрочем, часть страны была в свое

время исламизирована). Кроме того, ее так и не постигла участь колонии, хотя Италия делала все, что было в ее силах, дабы колонизовать эту страну. Как известно, она добилась своего лишь в середине 30-х годов, а уже в 1941 г. Эфиопия была освобождена войсками союзников.

Справедливости ради следует заметить, что ни древность цивилизации, ни христианские традиции сами по себе не стали на протяжении длительной истории страны фактором существенного экономического либо социокультурного ее развития. Возможно, для такого развития не было природно-климатической базы. Может быть, сыграла свою роль удаленность страны от побережья с его развитой торговлей. Важной причиной замедленного развития была также традиционная рыхлость системы административного управления: на протяжении веков страна представляла собой скорее федерацию автономных княжеств и султанатов, нежели сколько-нибудь централизованную державу, а символически возглавлявшие ее императоры-негусы Соломоновой династии были марионетками в руках правителей этих княжеств. Словом, факт остается фактом: Эфиопия в целом, несмотря на свои древние традиции, была немногим более развита, чем окружавшие ее африканские народы, и значительно уступала в этом плане арабским странам Северной Африки.

Все это хорошо ощущали верхи страны, ее правящие слои. В середине XX в. к власти пришел негус Теодрос II (1855 — 1868), который впервые за долгие века не был представителем Соломоновой династии. Он провел ряд важных реформ, направленных на усиление централизованной администрации, на поддержку церкви с одновременным подчинением ее государству, а также на ускорение темпов развития. Однако эти реформы, которые не были подкреплены достаточными экономическими инъекциями извне, со стороны колониальных держав, не привели к успеху. Встретив сильное внутреннее сопротивление со стороны не желавшего изменений крестьянства, на чье недовольство опирались фрондирующие князья, Теодрос должен был тратить силы на подавление сопротивления. А нежелание его активно сотрудничать с колонизаторами привело к конфронтации с Англией, поддерживавшей его противников, что и привело в конечном счете к гибели негуса.

Его преемники, особенно Менелик II (1889 — 1913), стремились продолжать политику Теодроса и кое в чем преуспели. Они сумели сконцентрировать в своих руках власть, успешно воевали с Египтом (за которым стояли англичане) и с махдистским Суданом, оказывали стойкое сопротивление Италии. Итало-эфиопская война, в ходе которой итальянцы настойчиво, но неудачно пытались расширить свои колониальные владения за счет Эфиопии, привела в 1896 г. к заключению договора, по которому Италия вынуждена была признать

независимость Эфиопии. Эта война и вся внешняя политика страны, ориентированная на отстаивание независимости, стоили неразвитому государству очень дорого, не оставляя ему возможностей для экономического развития. Естественно также, что находившиеся в состоянии войны с эфиопами англичане, итальянцы и союзные им другие европейские народы в силу одного уже этого обстоятельства весьма мало внимания уделяли колониальному освоению Эфиопии. Правда, они получали концессии и строили железные дороги, доминировали в сфере внешней торговли, даже одно время сговаривались было о разделе страны на сферы влияния. Но парадокс в том, что, не чувствуя свободы действий (Эфиопия не была связана неравноправными договорами или колонизована) и к тому же не будучи слишком заинтересованы в освоении эфиопских земель, маловыгодных с экономической точки зрения, колониальные державы тем самым не способствовали развитию этой страны, не вкладывали в нее капиталы, не создавали условий для ее торгово-промышленного развития.

Первые двадцать лет нашего века, особенно после смерти Менелика и перехода престола к его несовершеннолетней дочери, прошли под знаком острой внутриполитической борьбы в стране. Суть ее сводилась к противостоянию прогрессистов-младоэфиопов и традиционалистов-староэфиопов, причем позиции последних вначале были значительно более крепкими. Большинство страны, почти не затронутое колониальной трансформацией, не желало перемен и тормозило все соответствующие весьма слабые и робкие попытки. Ситуация изменилась лишь в конце 20-х годов, когда лидер младоэфиопов и регент при правительнице Тафари Маконнен сумел стать во главе армии, а затем, после смерти дочери Менелика, негусом под именем Хайле Селассие (1930—1974).

При новом императоре младоэфиопами были проведены необходимые для развития страны реформы, прежде всего налоговая и таможенная. Был создан двухпалатный парламент, реконструирована военная система. Но все эти полезные для страны реформы безнадежно запоздали и потому принесли мало пользы. В 1935—1936 гг. очередная итальянская экспедиция привела к успеху. Эфиопия (Абиссиния) стала колонией итальянцев, которые начали было вкладывать в ее развитие свои капиталы и осуществлять необходимые для этого политические, социальные и экономические преобразования. Но, как упоминалось, уже в первые годы войны итальянцы лишились своих колоний. Послевоенная же Эфиопия по-прежнему принадлежала к числу наиболее отсталых стран Африки. Эта стагнация была одной из существенных причин, побудивших организацию радикально настроенных офицеров совершить в стране в 1974 г. государственный переворот, после чего власть перешла к Временному военному административному совету, а негус был низложен. Вслед за тем в Эфиопии была проведена национализация земли, банков, ряда про-

мышленных предприятий. Был также официально провозглашен курс на социалистическое развитие по советской марксистской модели, приведший страну к тяжелейшему экономическому кризису.

Глава 8

Колониальная Африка: трансформация традиционной структуры

Вслед за югом Азии (а частично даже до того либо одновременно) африканский континент стал главным объектом колониальной экспансии европейских государств. Больше того, именно этими двумя обширными регионами практически была ограничена сфера колониальных владений держав в пределах Старого Света. Но зато оба упомянутых региона были колонизованы целиком, за немногими исключениями небольших анклавов типа Сиама, Либерии, Эфиопии. Случайно ли такого рода совпадение исторических судеб? И если нет, то какие конкретные обстоятельства способствовали тому, что именно Африка и юг Азии почти целиком оказались колонизованными, тогда как другие территории неевропейского мира в пределах Старого Света этой участи до известной степени избежали (вопрос о полуколониальном статусе их будет рассмотрен особо)?

О первой и едва ли не главной причине колонизации именно африканских и южноазиатских земель уже достаточно говорилось: европейцы со времен Великих географических открытий стремились найти пути в Индию, дабы взять в свои руки торговлю дорого стоившими и высоко ценившимися в Европе пряностями. Иными словами, речь идет в первую очередь о той природно-климатической зоне, которая была благоприятна для выращивания там экзотических растений. Круг этих растений со временем, особенно после освоения Америки, был расширен; в число продуктов, высоко ценимых и выращиваемых преимущественно в тропических и субтропических природно-климатических условиях, вошли какао, кофе, табак, сахарный тростник, гевея, индиго, орехи, продукты масличной пальмы и т. п. Можно добавить к этому перечню хлопок, джут и еще ряд растений, но с оговоркой, что эти растения выращиваются и в иных зонах, в странах с более умеренным климатом.

Но вызванный поиском дороги к пряностям импульс был лишь начальным толчком к колониальным захватам. «Аппетит приходит во время еды» — этот афоризм вполне применим к колониализму как феномену. Колонизаторы в осваиваемых ими странах жадно тянулись ко всему, что может дать выгоду, будь то добыча золота или торговля невольниками. Вполне логично предположить, что это обстоятельство уже само по себе безбрежно расширяло зону поиска колоний. И если в XVI—XVIII вв. фактическому увеличению этой зоны в пределах

Старого Света мешали объективные причины*, то с XIX в. именно объективные факторы (потребности развитой капиталистической экономики в рынках сбыта и источниках сырья) сделали желанными и даже жизненно необходимыми широкие колониальные захваты. И здесь снова встает все тот же вопрос: почему такого рода захваты были ограничены преимущественно югом Азии и Африкой? Или, иначе, что именно помогло колонизаторам сравнительно легко и быстро укрепиться в этих регионах и что затрудняло, мешало им добиться аналогичных результатов в других неевропейских регионах Старого Света?

Некоторые акценты, позволяющие наметить контуры решения проблемы, были уже сделаны в связи с анализом религиозно-цивилизационной основы и трансформации традиционной структуры под воздействием колониализма на юге Азии. Теперь нечто аналогичное необходимо сделать по отношению к Африке, после чего можно будет попытаться сформулировать хотя бы предварительные соображения по интересующему нас вопросу.

Традиционные общества Африки

Об общей отсталости африканских традиционных обществ, особенно в зоне Тропической Африки, уже шла речь, включая попытки объяснить эту отсталость. Здесь же стоит вспомнить о том, что зоны первобытной периферии были весьма обширны и на юге Азии: она преобладала на островах Индонезии (кроме Явы и Суматры), на Филиппинах, была представлена огромными анклавами в окраинных, особенно горных, районах Индокитая, наличествовала и в Индии, и на Цейлоне. Правда, на фоне блестящих завоеваний многотысячелетней цивилизации той же Индии или менее длительной, но весьма впечатляющей цивилизации Индокитая и Индонезии первобытная периферия отступала на второй план. Но мощь ее тем не менее была огромной, быть может, наиболее весомой по сравнению со всеми остальными регионами Старого Света. Со всеми, кроме Африки.

В Африке первобытная периферия практически не была периферией. Она была первобытным океаном, тем генеральным фоном, на котором анклавами выделялись территории, которые можно отнести к зоне цивилизации и государственности. Да и здесь нужны оговорки: если Северная Африка со времен Арабского халифата была решительно и бесповоротно включена в зону устойчивого цивилизационного развития — хотя и там было немало первобытных

---

* Колонизация стоит немалых средств и оправдана лишь тогда, когда вложенные в нее средства могут окупиться. Для этого как минимум была необходима более или менее развитая капиталистическая промышленность в метрополии — до того вполне достаточно было колониальной торговли, опирающейся на сеть прибрежных торговых форпостов.

анклавов, правда, наряду с такими древними центрами высокой культуры, как Египет,— то остальная часть континента являла собой именно океан первобытности, волны которого то и дело захлестывали небольшие острова цивилизованности, причем захлестывали именно потому, что острова были небольшими, а уровень их едва возвышался над уровнем океана.

Оставив пока в стороне Северную Африку, о которой пойдет речь особо, стоит заметить, что представленная в основном первобытными и — реже — полупервобытными традиционными обществами, к тому же разделенными бесчисленными языковыми и этнокультурными барьерами, Тропическая Африка вплоть до начала ее энергичного колониального освоения в XIX в. находилась в состоянии стагнации. Имеется в виду не абсолютная неподвижность, но именно то, о чем только что шла речь в связи с метафорой о первобытном океане. Пример городов-государств (точнее, разросшихся общин) йоруба, на долгие века как бы застывших во все том же полупервобытном состоянии, равно как и печальная судьба многочисленных прото- и раннегосударственных образований типа Конго, Мономотапы, да и многих политических структур суданского пояса, включая и исламизированные образования типа султанатов и эмиратов,— все это убедительно свидетельствует именно о стагнации, об отсутствии устойчивых и последовательно целенаправленных импульсов в сторону поступательного развития.

В чем причины этого? Почему Тропическая Африка не имела весомых потенций для движения по пути развития? Почему здесь древние государства подчас предстают как свидетельства утраченных достижений, пусть даже не слишком высоких? Почему первобытный океан с его мощными волнами оказался столь необоримой силой? Конечно, ответы на все эти вопросы есть, хотя далеко не всегда африканисты четко осознают саму проблему и правильно ставят такие вопросы. Однако имеются серьезные исследования, вплотную подходящие к решению проблемы. Речь идет прежде всего об изучении африканской общины.

Исследование различных типов и конкретных форм африканской первобытной и полупервобытной общины свидетельствует об ее исключительной внутренней прочности, устойчивости, нерушимости, что может быть объяснено комплексом различных причин. Специалисты обращают особое внимание на коллективный характер труда, отсутствие собственности на землю, на корпоративность общины как формы социальной организации, на обезличенность индивида в ее рамках. Все это, бесспорно, именно так. Но ведь нечто в этом роде характерно и для других, едва ли не для всех первобытных и полупервобытных общин.

Африканисты много пишут о системе каст, которая действительно хорошо известна Африке. Касты чаще всего возникали там в резуль-

тате наложения одного этноса, становившегося господствующим (обычно скотоводческого), на другой, зависимый от него (земледельческий). Но и касты не чисто африканская специфика. Общинно-кастовый строй с крепкой устойчивой общиной и нерушимыми кастами был тысячелетиями известен Индии, но это не помешало ей стать страной высокоразвитой цивилизации. Почему же система устойчивых общин и кастовых связей не выводила Тропическую Африку за пределы уровня полупервобытных кастовых этностратифицированных политических структур, прото- и раннегосударственных образований, к тому же весьма непрочных и недолговечных? Непрочными и недолговечными политические образования были и в условиях общинно-кастовой Индии, но там это никак не меняло того обстоятельства, что эти структуры, как и все общество, были достаточно развитыми, соответствовали стандарту развитой цивилизации. Словом, невольно складывается впечатление, что сам по себе весьма нужный и ценный анализ африканской общины и всего, с ней связанного, ответа на вопрос не дает. Видимо, этот ответ следует искать в иной плоскости, в иных сферах африканских реалий, и в первую очередь в сфере производства и производительности, условий жизни и культуры труда.

Совершенно очевидно, что климатические и природные условия тропиков неблагоприятны как для жизни человека, так и для успешной его производственной деятельности, высокая культура которой требует терпения, усидчивости, регулярности, дисциплины. Жизнь в тропиках не способствует выработке соответствующих навыков и закреплению их в устойчивых стереотипах повседневного поведения. Кроме того, скудные почвы, с трудом отвоевываемые у пышной и буйно растущей тропической растительности, не слишком плодородны и даже при заметных усилиях не обеспечивают высоких урожаев ценных и калорийных сельскохозяйственных продуктов, что опять-таки явно не стимулирует трудовой активности — напротив, охлаждает ее. Отсюда невысокие трудовые усилия, низкая производительность труда. Но самое главное, корень всего в том, что все это вкупе не просто консервирует отсталость, но не способствует созданию излишков — тех самых излишков, того самого избыточного продукта коллектива, без которого и после перехода к производительному труду нет материальных условий для возникновения развитого стратифицированного общества, для сложения устойчивых государственных образований с разделением труда и необходимым обменом деятельностью.

Правда, как бы ни был мал объем излишков, в Африке все же возникали ранне- и протогосударственные образования, которые зиждились на общинных и кастовых принципах, на основе строго соблюдавшихся норм кровнородственных связей, возрастных групп, племенной общности (трибализма) и т. п. Но показательно, что

административно-территориальные и чиновничье-бюрократические формы и органы власти были при этом крайне слабыми, неразвитыми и неэффективными, что и неудивительно: для содержания всех этих оторванных от производства слоев у общества просто не было средств. Конечно, случались и нередкие исключения, когда средства все-таки находились. Но беда в том, что эти средства черпались из источников, внешних по отношению к общине,— из контроля над транзитной торговлей, использования природных ресурсов (например, золота). В принципе это нормально и естественно, но на практике приводило к той самой неустойчивости и слабости, недолговечности надобщинных политических структур, о которой уже шла речь. Африканская община с ее первобытным примитивизмом не была достаточно надежной основой для того, чтобы на ней устойчиво удерживались эфемерные прото- и раннегосударственные образования (это, естественно, касается и кочевых обществ), а попытки опереться на иную основу, внешнюю по отношению к общине, приводили к тому, что само существование государственного образования целиком зависело от хрупкого баланса в торговле и внешних связях. Колебания в нем, столь обычные для транзитной торговли, немедленно отражались на устойчивости власти.

Но могло ли что-либо послужить альтернативой опоре государства на хрупкий баланс внешних сил? Да, могло. Пример Эфиопии в этом смысле достаточно красноречив: столь же неустойчивый, как и в остальной Африке тропической зоны, административно-политический режим веками сохранялся в виде хрупких раннегосударственных структур, княжеств, едва связанных друг с другом в рамках некоего федеративного образования под номинальным господством правителя. Страна не раз была на грани разрушения, но все же не распадалась, а, напротив, возрождалась, хотя в то же время и не шла вперед по пути поступательного развития. Что же держало Эфиопию в рамках единого государственного целого, зиждившегося практически на той же общинной базе, что и другие, быстро распадавшиеся ранне- и протогосударственные образования? Ответ не вызывает сомнений: религиозно-цивилизационный фундамент. Тот самый, что сложился в Эфиопии еще на рубеже нашей эры и упрочивался веками, пусть даже и в неблагоприятной для быстрого поступательного развития цивилизации обстановке. Но сколь бы неблагоприятной эта обстановка ни была, фундамент с его письменной культурой, элементами образования и урбанизации здесь все же был. Именно он служил не просто альтернативой случайному балансу внешних по отношению к структуре обстоятельств, но достаточно прочной основой устойчивого, хотя и структурно слабого, государственного образования.

Все сказанное позволяет при оценке причин отсталости Африки и слабости, неустойчивости, хрупкости ее государственных образований вычленить два наиважнейших фактора. Фактор первый был задан

самой природой тропиков. Он аналогично действовал и на юге Азии, в том числе в зоне островного ее мира. Правда, там географический рельеф смягчал неблагоприятные природные условия за счет близости океана, что оказывало свое воздействие и в Африке, где прибрежные районы выгодно в этом смысле отличались от глубинных, континентальных. Но в целом климат повсюду в тропиках оказывал свое воздействие, тем более на континенте. Природно-климатический фактор был первичным, его можно считать первопричиной отсталости и стагнации. Фактор второй — это культурный потенциал населения, тот цивилизационный фундамент, на который в борьбе с неблагоприятной экологической зоной хозяйствования человек может опереться. Именно этот фундамент — диффузное проникновение в Индокитай и Индонезию индо-буддизма на рубеже нашей эры — обусловил поступательное развитие стран и народов Юго-Восточной Азии. Аналогичный фундамент содействовал сохранению государственности в Эфиопии. И отсутствие такого рода фундамента определяло тот зависимый от внешних сил неустойчивый характер всех остальных государственных образований Тропической Африки, о которых уже шла речь.

Здесь встает законный вопрос: как с точки зрения религиозно-цивилизационного фундамента следует оценивать католицизм в том же распавшемся к XIX в. Конго и тем более ислам государственных образований суданского пояса? Почему в этих случаях фундамент не сработал или работал недостаточно эффективно?

Что касается Конго, то католицизм, привнесенный сюда португальцами, сыграл, конечно, известную роль цементирующей структуру доктрины. Стоит напомнить, что даже мощное движение протеста против колонизаторов на рубеже XVII — XVIII вв. было не столько антихристианским, сколько сектантским. Иными словами, католицизм за два-три века достаточно основательно укрепился в Конго. И все же, во-первых, этого срока было явно недостаточно для создания сколько-нибудь весомого цивилизационного фундамента — во всяком случае при темпах и масштабе нововведений, свойственных XV — XVII векам; во-вторых, значимость нововведений резко снижалась из-за того, что в данном случае религиозный фундамент с его культурой целиком ассоциировался с пришельцами-колонизаторами, по отношению к которым традиционная структура явственно была чуждой.

Что же касается исламизированных государств суданского пояса, начиная с Ганы, то там картина была несколько иной, хотя и во многом сходной: исламский религиозно-цивилизационный пласт был поверхностным, внешним по отношению к традиционной африканской общине, связанным с интересами транзитной торговли. Этот пласт понемногу ложился в фундамент культурных потенций суданских народов, что и вело к тому, что эстафета государственных образо-

ваний здесь практически не прерывалась, одни политические структуры сменяли другие. И это, безусловно, было гораздо лучше, чем ничего. Однако пласт был слишком тонок, чтобы энергично воздействовать на трансформацию традиционного общества. Конечно, общества суданского пояса испытывали определенное воздействие и соответствующим образом трансформировались, приспосабливались. Но процесс шел медленно и не затрагивал глубинные основы, внутриобщинные отношения. Словом, на примере исламских государств можно говорить о некотором движении от состояния застоя, о некоем преодолении стагнации, но в лучшем случае — лишь о первых шагах в этом направлении. Ситуация стала всерьез изменяться только с началом колониальной экспансии в широких масштабах, когда в силу вступил новый для Африки фактор необычайной мощности: колониальный промышленный капитал, принципиально отличный от знакомого ей до того колониального торгового капитала, сравнительно мало воздействовавшего на традиционную структуру континента, во всяком случае в Тропической Африке.

Колониальный промышленный капитал в Тропической Африке

В чем именно была, в первую очередь, трансформирующая функция колониального промышленного капитала и сопутствующих ему институтов в Африке? Было бы наивным ожидать, что вторжение капитала и создание условий для его функционирования, включая сооружение развитой инфраструктуры, налаживание плантационного хозяйства, строительство промышленных предприятий, рудников и городов для обслуживающего их рабочего населения, быстро подорвет устои африканской общины и тем самым изменит глубинные основы традиционной структуры Тропической Африки. Этого, как известно, не произошло в сколько-нибудь серьезной степени даже в наши дни, при всем том, что современная Африка с ее огромными перенаселенными городами как бы символизирует разрушение общины. Дело в том, что главное все-такие не во внешней символике: не следует забывать, что основная масса населения современных городов объединена в земляческие ассоциации, суть которых в колониальной и постколониальной Африке сводилась и сводится не только к объединению мигрантов из определенной населенной преимущественно данным племенем местности, но прежде всего именно к сохранению в новых условиях традиционной, пусть и модифицированной, общинной структуры. Без этого вышедший из деревни африканец не просто чувствует себя неуютно и хуже адаптируется — без этого он едва ли вообще в состоянии выжить, нормально жить. О том, как это сказывается на всем образе жизни городского населения, и в частности о политических функциях такого рода союзов, речь можно

вести особо. Здесь много общего с тем, как политически ведут себя аналогичные земляческие ассоциации в крупных городах на всем Востоке XIX—XX вв., будь то, скажем, Индия или Китай. Но для нас сейчас важно четко выделить и зафиксировать главное: землячества в городах — вариант традиционной общины, близкий к исходному, хотя и существенно отличный от него.

Итак, общинную структуру как таковую колониализм отнюдь не подорвал сколько-нибудь заметно. Она трансформировалась, но сохранилась. Мало того, приобрела в своих новых вариантах (городские земляческие ассоциации) устойчивые и адаптированные к новым условиям формы существования, в целом соответствующие традиционным принципам жизни. Это и есть, если угодно, то самое приспособление, которое — наряду с более или менее активным прямым и косвенным сопротивлением — демонстрируют традиционные структуры в колониальную эпоху практически повсюду. Но к чему же, в свете сказанного, сводится трансформирующая, модернизирующая, вестернизирующая функция колониализма в Африке?

Если абстрагироваться от крайностей и жестокости апартеида и оставить в стороне всю неприглядность колониализма и колониального вторжения в чужие земли как таковую, то главная его функция, особенно в Тропической Африке, сведется к насильственному внедрению цивилизующего начала, цивилизации в ее европейско-капиталистическом варианте. Имеется в виду принципиально чуждая традиционному Востоку и особенно Африке цивилизация с характерными именно для нее развитой частной собственностью, свободным рынком и необходимыми для этого гражданскими правами, свободами, нормами и процедурами. Практически дело свелось к тому, что на первобытный либо полупервобытный фундамент, в лучшем случае с очень слабым религиозно-цивилизационным пластом диффузного суданского ислама, был наложен мощный пласт вестернизованного капитала в его промышленной модификации. Очень важно подчеркнуть, что этот пласт — не чета полусредневековому католицизму, который был привнесен португальцами в Конго или испанцами на Филиппины. Тот куда легче и проще взаимодействовал с местной полупервобытностью, ибо сам был достаточно далек от постреформационного протестантизма как идеологии промышленного капитализма. Во всяком случае филиппинцы адаптировались к католицизму без лишних трудностей, правда, на протяжении ряда веков. Здесь же, в Тропической Африке последнего века, ситуация оказалась намного сложней.

Для взращенного первобытной общностью среднего африканца адаптироваться в обстановке частнособственнического капиталистического чистогана было делом далеко не простым, даже если принять во внимание наличие многочисленных посредников в лице

миссионерских или колониальных школ, которые стали готовить кадры из местных племен для нужд администрации. Конечно же, жизнь оказывала определенное воздействие. И школы учебные, и более суровая школа жизни на руднике либо на заводе делали свое дело. Во всех странах Тропической Африки в XX в.— где раньше, где позже — сформировались свои отряды рабочих, появилась образованная интеллигенция. Кое-где стали возникать и кадры предпринимателей современного буржуазного типа, хотя здесь всегда нужны оговорки: нельзя, разумеется, представлять себе дело таким образом, будто стоит только вчерашнему общиннику всерьез заняться предпринимательством, как он тут же, почти автоматически станет буржуа западного типа. Увы, все далеко не так просто. Достаточно напомнить хотя бы о нормах трибализма, согласно которым твое — это не только твое, но частично и общее, принадлежащее твоей семье, общине, твоему племени, наконец.

И все-таки, несмотря на все трудности, цивилизующее начало активно внедрялось в Тропическую Африку, почти лишенную его в прошлом. Внедрялось грубо, силовыми методами. Несло с собой страдания для людей, не привыкших к этому и не желавших нововведений. Но в то же время несло и новую, невиданную прежде технику, иной характер хозяйства, иные формы производства, условия труда и т. п.— словом, совершенно иную жизнь. Естественно, что африканцы не сразу привыкли к этой новой жизни, как далеко не сразу даже наиболее грамотные из них уяснили, скажем, существо избирательной демократической процедуры, принципы партийно-политической борьбы, специфику профсоюзных организаций. Пожалуй, вся первая половина нашего века ушла на адаптацию в этом смысле хотя бы городского населения, пусть только некоторой части его (вспомним Сенегал). Но вместе с тем нельзя не заметить, что к моменту деколонизации почти все страны Тропической Африки были все же уже готовы к тому, чтобы на основе той же демократической процедуры, партийно-политической борьбы, республиканской организации, различных форм законодательных институтов и т. п. управлять своими государствами самостоятельно. Иными словами, время зря не прошло. Африка за полвека-век обрела то, чего была лишена и без чего век назад говорить о политической самостоятельности и самоуправлении на уровне приемлемых стандартов и достаточной внутренней устойчивости политических образований было бы просто нереально.

Конечно, переоценивать цивилизаторскую миссию колониализма не стоит. Достаточно напомнить о том, что далеко не везде в Африке демократические процедуры привились, о чем свидетельствуют и многочисленные с удивительной легкостью совершаемые военные перевороты, и просто диктаторские режимы. Но одно несомненно: колониальный капитал, вторгнувшись в Тропическую Африку, экс-

плуатируя ее природные и людские ресурсы, одновременно содействовал ее экономическому развитию, вкладывал в это развитие немалые средства и формировал необходимые для функционирования капитала административно-политическую среду и культурно-просветительную систему, способную создавать грамотные и образованные слои населения, кадры для промышленных предприятий и всей инфраструктуры, включая органы управления. Правда, все это затрагивало непосредственно лишь меньшинство в основном городского населения (хотя городское население быстро росло и растет, к моменту деколонизации оно было в явном меньшинстве), тогда как основная сельская часть Африки была затронута новшествами весьма мало и жила по-прежнему общинами, численно даже возраставшими (эффект демографического взрыва в XX в.). Но ситуация в целом вполне очевидна.

Можно напомнить и еще одно немаловажное обстоятельство: колонизаторы принесли с собой не только систему капиталистического предпринимательства, но и европейскую культуру, приобщаться к которой стали африканцы (многие из них учились в Париже либо в Оксфорде и Кембридже). Они принесли с собой свои языки, на которых веками публиковались шедевры мировой литературы, философии, науки, на которых стали издаваться газеты, журналы и книги в Африке. На западноевропейских языках — на языке метрополии — велась вся деловая и административная переписка в той или иной колонии, на них же привычно стали общаться между собой представители различных языковых групп из числа жителей этой колонии, особенно в городах. Причастность к европейским языкам и европейской культуре сказалась и на развитии местной африканской культуры, от философии негритюда Л. Сенгора до поэзии и прозы современных африканских писателей, пишущих чаще всего на европейских языках.

Но на всем этом сравнительно радужном фоне, свидетельствующем о несомненных сдвигах в образе жизни и облике традиционных африканских обществ, особенно в городах континента, остается и немало мрачных пятен. Одним из наиболее крупных следует считать низкую культуру и дисциплину труда, отсталость в сфере производства, технологии и качества труда, что с особой остротой ощутили африканские государства после деколонизации и национализации во многих странах (полностью либо частично) ключевых отраслей экономики. Это и неудивительно: столетие — слишком малый срок для скачка от первобытности к современности. Многое, включая тотальную общинность с ее цепкими традициями, тянет Африку назад. Структура приспосабливается, отчаянно сопротивляясь. И это весьма сурово сказывается, создает дисбаланс, резкий разрыв между желаемым и реальностью, между постоянно растущими потребностями численно резко увеличивающегося населения и невозможностью удов-

летворить эти потребности за собственный счет, т. е. за счет соответственно растущего производства, производительности труда, количества и качества произведенного продукта. Конечно, такого рода нежелательный эффект в той или иной мере можно обнаружить во всем развивающемся мире, но в Африке, особенно в Тропической Африке, он едва ли не наиболее заметен и драматичен.

Колониализм в арабской Африке

Северная и Северо-Восточная Африка — это особый мир, весьма отличный от негритянского, хотя и связанный с ним многими нитями, а порой и общей судьбой. Это не океан первобытности и полупервобытности; при всем том, что и такого рода анклавов здесь немало, это мир сравнительно высокой культуры, базирующейся на весомом религиозно-мировоззренческом фундаменте ислама, не говоря уже о том, что наиболее развитая его часть, Египет, восходит корнями к столь глубокой древности, которая говорит сама за себя.

И все же, несмотря на это, арабская Африка была колонизована одновременно с остальной частью континента, в основном теми же державами и практически так же легко. Если еще в XVIII в. страны Магриба, составлявшие часть Османской империи, были достаточно грозным противником для европейцев, а пиратский террор корсаров заставлял Европу откупаться от него, то в XIX в. все изменилось. Алжир, Тунис, а в начале XX в. и Марокко стали колониями Франции, затем колонией Италии оказалась Ливия. Англичане в те же годы усилили свои позиции в Египте, превратив его если не в колонию, то в полуколонию, а затем подчинили себе Судан и вместе с французами и итальянцами поделили Сомали. Конечно, все эти акции сопровождались активным сопротивлением, восстаниями и войнами местного населения, преимущественно под религиозными лозунгами. Некоторые из войн, как махдистская в Судане, приводили к заметному успеху, но ненадолго: мощь колониальных держав ломала сопротивление слабовооруженных воинов ислама, одерживала верх над мятежами типа выступления Ораби в Египте.

Что касается хозяйственного освоения колоний, особенно плодородного и климатически благоприятного побережья Средиземного моря, то оно шло достаточно активно, хотя и наблюдалась некоторая разница в методах и установках: Франция, а затем и Италия делали ставку на заселение земель колонистами и создание в колониях значительной прослойки европейского населения, ведшего капиталистическое товарное хозяйство с одновременным развитием горнорудных и иных промыслов, предприятий, дорог, портов и т. п. Англичане переселения колонистов в сколько-нибудь заметных размерах не форсировали, но зато весьма активно проникали во все сферы политической администрации и экономики, строили промышленные

предприятия, создавали обслуживавшую их нужды инфраструктуру, модернизировали сельское хозяйство, стимулируя выращивание местным населением товарных продуктов, прежде всего хлопка.

Почему ведущие державы Европы стремились к колонизации исламской арабской Африки? Видимо, здесь сыграли свою роль два важных фактора: во-первых, стратегически важное расположение североафриканских стран, их очевидная роль в торговле и связях с Востоком, особенно после открытия Суэцкого канала, и, во-вторых, политическая слабость соответствующих государств, лишенных защиты со стороны ослабленной Османской империи и враждующих друг с другом. Для Франции и Италии играла определенную роль и территориальная близость захваченных земель, климатическое сходство осваиваемых колонистами территорий на средиземноморском побережье. Добившись желаемого, европейцы, естественно, приступили к энергичной трансформации покоренных ими территорий. Рядом с традиционным сектором хозяйства здесь возник новый, капиталистический. Это сосуществование вызывало не только противодействие со стороны традиционной структуры, но и вынужденное ее приспособление к новым условиям. Однако о гармоническом синтезе старого и нового говорить не приходится: просто старое оттеснялось, а новое занимало его место; только частично элементы старого включались в капиталистическую экономику, как в городах, так и в хозяйствах колонистов. Иными словами, шел постепенный процесс втягивания старого в новое, ломки традиционных норм — процесс медленный и весьма болезненный для традиционной структуры. Результаты его были далеко не однозначны.

С одной стороны, определенная часть местного населения вовлекалась в капиталистическое колониальное хозяйство и приобретала определенные навыки, опыт, образование, профессию. Именно из ее рядов формировались слои фабричных рабочих, шахтеров, работников сферы обслуживания, транспорта. Из этих же рядов выходили грамотные и образованные представители местного населения, интеллигенция, деятели культуры, администраторы, даже менеджеры. В то же время другая, основная часть, особенно крестьянство, оставалась почти целиком в сфере традиционных форм хозяйства и быта. И не только оставалась, но и, ориентируясь на своих лидеров из числа знати или исламских религиозных функционеров-марабутов, начинала активно выступать против нежеланных новшеств, ставивших под угрозу привычный образ жизни и веками апробированные ценности ислама. Общество как бы раскалывалось на два: на ориентировавшихся на традицию и на тех, кто видел зримые преимущества европейской капиталистической культуры, науки и техники и был склонен приобщиться к ним, усиливая за этот счет потенциал и позиции своей страны.

Соответственно и в политической жизни стран Северной и Северо-Восточной Африки и Эфиопии* формировались, а с конца XIX в. вплоть до периода деколонизации задавали тон в общественно-политической жизни две основные силы — традиционалисты и реформаторы («старо» и «младо»), не только противостоявшие друг другу, но и порой ожесточенно боровшиеся за власть и за определение стратегии развития своей страны. Стоит заметить при этом, что далеко не все сторонники традиционалистов (скажем, Ораби-паша) были религиозными фанатиками и реакционерами, как не всегда их противники были способны вести страну к прогрессу. Тем не менее именно такого рода размежевание задавало тон в Северной Африке, что было близко к аналогичной ситуации и в остальной (полуколониальной) части Востока, о которой пойдет речь впереди. Видимо, такого рода размежевание логично и естественно для стран с собственным весомым религиозно-цивилизационным фундаментом. Оно, в частности, было неплохо заметно и в Индии, где деятельности Национального конгресса противостояли силы, ориентировавшиеся на стопроцентный индуизм. Правда, в Индии это противостояние не сыграло сколько-нибудь значительной роли и было оттеснено на задний план главным политическим противоборством (между Конгрессом и англичанами). Это следует объяснять именно тем, что европейцы там были колонизаторами и властью. Нечто подобное, хотя и не в столь явной форме, имело место и в Северной Африке, где заметное размежевание во внутриполитической жизни между традиционалистами и реформаторами было все же второстепенным на фоне общего противостояния традиционных структур колонизаторам. Впрочем, случались и исключения (эпизод с Ораби-пашой в Египте).

Как легко заметить, общая ситуация на севере Африки отличалась от того, что было южнее Сахары: на севере традиционные общества, опиравшиеся на сильный собственный религиозно-цивилизационный исламский фундамент, являли собой не просто особый сектор хозяйства и специфический уклад жизни, но и весомую альтернативу — народу предоставлялся своего рода выбор, что и проявилось в противоборстве реформаторов и традиционалистов. К югу от Сахары альтернативы не было, как не было и собственного фундамента цивилизации; была дихотомия: либо оставаться на уровне первобытности, либо, заимствуя основы европейской культуры и капиталистического хозяйства, развиваться, имея впереди перспективу деколонизации и самостоятельности. Неудивительно, что в Тропической Африке не было противоборства традиционалистов и

---

* Эта страна, не будучи ни северной, ни арабской, функционально тяготеет к северу хотя бы потому, что имеет близкий к нему и весьма отличный от негритянских обществ Африки религиозно-цивилизационный фундамент.

реформаторов,— просто вопрос там стоял иначе. Но было и нечто общее для всей колониальной Африки: сопротивление колониализму. В разных формах, но оно ощущалось везде, как повсюду ему сопутствовало неизбежное приспособление традиции к современным условиям существования.

На что опиралась приспосабливавшаяся традиция в борьбе с внешним вторжением колониального капитала и сопутствующих ему нововведений? В Тропической Африке — на общину в самом широком смысле этого слова, т. е. на общинность как способ жизни, включая и формы существования, и формы ведения хозяйства, и формы общения, и т. д., вплоть до трибализма и земляческих ассоциаций в городах. На севере опора была иной — она уходила в глубины религиозной цивилизации, исламского образа жизни, культуры, принципов и мировоззренческих представлений. Но по отношению к колониализму эти различия, сами по себе весьма существенные, отходили на задний план: и на севере, и на юге традиция противостояла колониальному капиталу, причем в зависимости от обстоятельств такое противостояние принимало разные формы, включая тенденции к характерному для мира ислама эгалитаризму и более свойственные примитивным формам общежития на юге Африке тенденции к деспотизму неограниченной власти диктатора (обе эти тенденции в период деколонизации и становления независимости в странах Африки проявили себя достаточно широко и красноречиво).

Африка и юг Азии как колонии: общность исторических судеб и ее первопричины

Возвращаясь теперь к вопросу, поставленному в начале данной главы, обратим внимание на явную общность условий и обстоятельств, сыгравших немаловажную, а порой и решающую роль в том, что именно эти два региона — Африка и юг Азии — стали практически одновременно колониями европейских держав в пределах Старого Света.

Первое, что объединяет эти регионы,— их природно-климатическая зона, зона тропиков и субтропиков, в немалой степени предопределившая как небывалые возможности эксплуатации природных ресурсов (желанные пряности; возможность специализированного, в том числе плантационного, выращивания многих экзотических товарных культур, в том числе весьма ценных — хлопка, гевеи, пряностей, какао, кофе, чая и др.), так и общую отсталость местного населения, в значительной своей части находившегося на первобытном и полупервобытном уровне существования и уже по одной этой причине не имевшего возможности оказать колонизаторам серьезного сопротивления. Это же обстоятельство косвенно явилось причиной работорговли, которая расцвела именно за счет захвата (ловли),

продажи и перепродажи беззащитных людей, живших мелкими общинами и поэтому являвшихся легкими потенциальными жертвами работорговцев. И хотя на островах Индонезии масштаб работорговли (в основном за счет первобытного населения Сулавеси) был несравним с тем, что происходило в Африке, важен сам факт: торговали преимущественно теми, за кем не стояла сильная политическая структура, заинтересованная в сохранении и защите своего населения.

Отсутствие сильной политической власти, государства — второе, что сближает ситуацию на юге Азии и в Африке. Здесь имеется в виду не только и не столько океан первобытности, сколько слабость мелких и недолговечных государственных образований, зачастую враждовавших между собой и являвшихся сравнительно легкой добычей даже немногочисленного, но хорошо организованного и вооруженного противника, какими были колонизаторы. Это касается и государств Индокитая, Явы и Суматры, и арабских стран Магриба, и еще в большей степени полупервобытных протогосударственных структур Тропической Африки. Но случайно ли государства — речь не о полупервобытных — оказались столь слабыми в момент колонизации, будь то страны Магриба или даже Индия? Отнюдь. И здесь обратим внимание еще на одно важное обстоятельство, сближающее судьбы колоний Африки и юга Азии.

Речь идет о том самом цивилизационном фундаменте, которому было уделено уже немало внимания. Как о том говорилось, индуизм, равно как и буддизм в принципе отличаются социальной инертностью, политической нейтральностью, что на протяжении веков было фактором, внутренне ослаблявшим соответствующие государства. Правда, это не относится к исламу. Но в Индонезии и Малайе ислам, как упоминалось, оказался достаточно поверхностным наслоением на индо-буддийском религиозно-цивилизационном фундаменте и заметной роли в усилении административно-политической структуры не сыграл. Что же касается стран Магриба и особенно Египта, то там исламский цивилизационный фундамент был достаточно мощным, а основанные на нем государства в принципе сильными. Слабость же их была в том, что они оказались вассалами султана, точнее, одряхлевшей, пришедшей в состояние упадка Османской империи. Таким образом, слабость государств юга Азии была вполне закономерной, Магриба — с известным оттенком случайности, но тоже естественной в сложившихся обстоятельствах. Что же касается государств Тропической Африки, то их слабость была настолько очевидной, что они порой рушились даже без воздействия извне, под влиянием изменившегося баланса транзитной торговли или иных случайных и внешних факторов.

Стоит оговориться, что именно там, где цивилизационный фундамент был наиболее мощным и где государство оказалось достаточно сильным (имеется в виду Египет, особенно после правления Мухам-

меда Али), колониальная экспансия в силу необходимости приняла настолько слабый, стертый облик, что есть основания вести речь скорее о полуколониальной зависимости, чем о колониализме,— как формально (Египет оставался вассалом султана), так и по существу. Это исключение из тех, что подтверждают правило. И хотя правило пока еще не очевидно (речь о полуколониях впереди), оно все же напрашивается, в том числе и из сравнения судеб Африки и юга Азии.

Блок третий
Ближний и Средний Восток

Глава 9

Османская империя и республиканская Турция

Кризис империи, становившийся все более очевидным с XVIII в., достиг своего апогея в начале XIX в. Реформы Селима III и Махмуда II на рубеже XVIII—XIX вв. были отчаянной попыткой покончить с пережитками тянувшей страну в средневековье военно-ленной системы. Кое-чего они помогли добиться, но последующий ход событий и, в частности, военные успехи Мухаммеда Али Египетского, поставившего Порту (этим термином в Европе обозначали султанское правительство и Османскую империю в целом) на грань военного краха, свели результаты второго тура реформ практически на нет. От полной гибели империя была спасена лишь в результате вмешательства держав, не желавших этого: неизбежно вставал вопрос об обширном наследстве владений империи в Европе, больной вопрос о проливах, на которые претендовала Россия, что категорически не устраивало другие страны, прежде всего Англию. Уже летом 1839 г. державы официально объявили, что берут Порту под свое «коллективное попечение», а Лондонская конференция, ультимативно потребовавшая от Мухаммеда Али отказаться от плодов его побед, в 1840 г. узаконила это коллективное попечительство, причем у нового султана Абдул-Меджида (1839—1861) не было иного выхода, как принять его.

Острый внутриполитический и экономический кризис, военное поражение, давление держав, успешно добивавшихся все новых уступок и льгот, — все это ставило перед новым султаном и его советниками, наиболее известным из которых был Решид-паша, нелегкие задачи, решить которые можно было только с помощью очередного тура реформ. Требовались радикальные преобразования, и

именно к ним управители империи вынуждены были прибегнуть. Очередной тур реформ (1839—1870) получил наименование Танзимата («реформы», «преобразования»).

Танзимат

Опубликованный в ноябре 1839 г. Гюльханейский хатт-и-шериф гласил, что новый султан ставит своей целью обеспечить всем подданным гарантии безопасности их жизни, чести и имущества, отменить систему откупов и упорядочить налогообложение, а также изменить порядок призыва на военную службу. Для осуществления этой программы в начале 40-х годов был проведен ряд реформ в сфере администрации (создание меджлисов, т. е. совещательных органов с участием немусульман при управителях вилайетов и санджаков), суда (составление уголовного и коммерческого кодексов), образования (создание системы светских школ), а также принят ряд мер для усовершенствования земельных отношений и развития экономики.

Реформы вызвали яростное сопротивление в стране, особенно со стороны духовенства, ревностных приверженцев ислама. В трансформации традиционной системы отношений они видели еще один шаг на пути к европеизации страны и соответственно к ослаблению своего влияния, что не могло не расцениваться ими как крушение основ. Одним из наиболее уязвимых пунктов всей программы Танзимата был вопрос о статусе многочисленных подданных империи, не принадлежавших к числу турок и вообще мусульман: попытка уравнять в правах немусульман с мусульманами встретила наибольшее сопротивление в стране. В результате так и не был изменен порядок призыва на военную службу (армия по-прежнему комплектовалась из мусульман). Более того, проблема статуса христиан вызвала конфликт с Россией, претендовавшей на покровительство по отношению к ним и к «святым местам» в Палестине, что в конечном счете явилось поводом для Крымской войны 1853—1856 гг. По итогам войны Турция оказалась в стане победителей, но эта победа была для нее пирровой, ибо истощила казну и положила начало драматически нараставшей внешней задолженности страны. Главным же результатом войны и связанного с этим очередного нажима держав было продолжение танзиматских реформ.

Реформы 50—60-х годов сделали еще один шаг по пути установления равенства всех подданных империи: был учрежден официальный статус немусульманских общин-миллетов (греческой, армянской, еврейской и др.), объявлено о допуске их представителей к государственной службе (вопрос об участии их в армии остался нерешенным). Был принят важный закон о земле, отменены цеховые регламенты в городах, упорядочена система налоговых откупов. Судебная власть была отделена от административной, а шариатские

суды несколько потеснены. Было создано министерство просвещения, ведавшее светскими учебными заведениями, вплоть до высших. И наконец, реформы предоставили немало прав и льгот иностранному капиталу, прежде всего право на владение недвижимостью. Осуществление всех этих реформ было связано с деятельностью виднейших реформаторов второй половины XIX в. Али-паши и Фуад-паши, советников Абдул-Меджида и его преемника Абдул-Азиза I (1861—1876), руководивших правительством империи. Руководствуясь доктриной османизма (все подданные империи — османы), они стремились сохранить доминирующее положение турок в стране при формальном равенстве всех населяющих империю народов. Понимая необходимость дальнейшей европеизации страны, они делали соответствующие уступки иностранному капиталу, хотя и отчетливо осознавали, сколь непопулярна эта политика и какие мощные силы в империи противостоят ей.

Что касается уступок, то они сводились к тарифным льготам (8 % — единый таможенный налог для иностранных товаров), к подтверждению режима капитуляций, к учреждению ведущего в финансовых делах империи англо-французского Оттоманского банка (1856), вскоре приобретшего статус государственного банка, а также к обширным капиталовложениям в промышленное, железнодорожное строительство, добычу и обработку сельскохозяйственного и иного сырья. Следует заметить, что одновременно рос внешний долг страны, ибо дефицит государственного бюджета со времен Крымской войны погашался за счет займов. Задолженность к 1876 г. достигла огромной суммы в 6 млрд. франков. Платой за это было все более широкое предоставление иностранному капиталу возможностей для проникновения в экономику империи. Результатом этого было постепенное изменение хозяйства страны, втягивавшейся в мировой рынок. Изменялся облик экономики как в сфере традиционного ремесла и торговли, так и в области сельского хозяйства. Все более заметные позиции в хозяйстве занимала нарождавшаяся промышленность, для ее нужд создавалась развитая инфраструктура.

Все эти в общем позитивные для страны перемены, включая и то, что следствием их было экономическое вторжение в страну иностранного капитала, сопровождались ростом национального самосознания, особенно в среде образованных интеллектуалов. В 1865 г. возникло тайное общество «новых османов», ставившее своей целью создать в стране режим конституционной монархии. В начале 70-х годов в Стамбуле начала издаваться газета «Ибрет» («Наставление»), отражавшая их идеи. И хотя газета вскоре была закрыта, позиции сторонников конституции, во главе которых стал видный сановник империи Мидхат-паша, к середине 70-х годов заметно усилились. Массовые выступления учащихся в мае 1876 г. послужили сигналом для начала решительных действий: султан Абдул-Азиз был низложен,

а новый султан Абдул-Хамид II согласился на конституцию, которая была официально принята в декабре 1876 г.

Конституция провозглашала основные права и свободы граждан империи, создала двухпалатный парламент и несколько ограничила прерогативы султана. Но избранный парламент оказался послушным воле монарха, а великий везир Мидхат-паша был в феврале 1877 г. выслан из страны. Султан, несмотря на все конституционные ограничения его власти, явно становился хозяином положения. И для этого были веские причины. Дело в том, что перемены и преобразования 40—60-х годов, т. е. все танзиматские реформы и тесно связанные с ними изменения в экономике страны, бывшие результатом проникновения в империю иностранного капитала, принесли некоторые выгоды лишь городским слоям населения, которые и поддерживали новые реформы, включая конституцию. Стоит напомнить, что это было в то время в значительной мере нетурецкое и даже немусульманское население страны. Что же касается собственно турок, то они не только не имели выгод от нововведений и не могли воспользоваться их плодами, но напротив, чувствовали себя ущемленными в своем привычном привилегированном положении и даже несли некоторые экономические потери, в частности в связи с земельной реформой.

Разжигаемое мусульманским духовенством недовольство со временем становилось все более ощутимым, чем и воспользовался новый султан, нашедший в этом недовольстве мощную опору для противодействия конституционалистам. Поражение в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. лишь подлило масла в огонь: его легко можно было объяснить следствием нововведений, ослаблявших власть правителя. В феврале 1878 г. Абдул-Хамид совершил государственный переворот: парламент был распущен, а империя на долгие годы была превращена в весьма мрачную деспотию (в Турции годы правления Абдул-Хамида стали именовать термином «зулюм» — деспотия, тирания).

Зулюм и младотурки

Режим зулюма обернулся для империи взрывом реакции, фактической отменой всех завоеванных ранее прав и гарантий личности, разгулом беззакония и произвола, взяточничества и казнокрадства, доносов и арестов. Пресса была либо закрыта, либо поставлена под строгий надзор цензуры. Полурегулярная кавалерия «хамидие», исполнявшая жандармские функции и состоявшая из башибузуков, наводила страх на население, особенно в нетурецких районах империи, где произвол и насилие порой оборачивались страшными погромами с десятками тысяч беззащитных жертв, как то произошло в турецкой Армении осенью 1894 г. Беззащитной перед лицом реакции оказалась и слабая еще система светского образо-

вания: школьные учебники строго пересматривались, специальные средние учебные заведения и Стамбульский университет являли собой жалкое зрелище и временами закрывались вовсе. На всех получивших европейское образование смотрели косо, как на неблагонадежных.

Венцом всей системы зулюма стало ее идеологическое обрамление — доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман. Идеологи панисламизма аль-Афгани и М. Абдо, заложившие основы доктрины, вынуждены были ориентироваться на Абдул-Хамида, а аль-Афгани даже провел последние годы жизни (1892—1897) в Стамбуле. Однако следует заметить, что в представлении идеологов доктрины панисламизм являл собой движение, ставившее своей целью как-то приспособить мир ислама к существованию в новых условиях и противопоставить мусульманское единство натиску европейского колониализма. Что же касается Абдул-Хамида, то он воспринимал смысл доктрины иначе, видя в панисламизме лишь хорошее средство укрепления собственной власти в империи и поддержки этой власти за пределами страны. Неудивительно, что на практике (султан и его политика) панисламизм скоро превратился в сугубо реакционную идеологию, сила и влияние которой в мире и империи уменьшались по мере упадка власти султана.

Нельзя сказать, чтобы Абдул-Хамид был чересчур рьяным мусульманином-панисламистом. В частности, он хорошо сознавал зависимость империи от держав, что сильно сдерживало его в глобальных устремлениях. Зависимость эта все росла, особенно финансовая. Еще в 1875 г. впервые был поставлен вопрос о невозможности выплачивать внешние долги, а в 1879 г. империя официально объявила себя банкротом. Результатом было создание Управления оттоманского долга (1881), в ведение которого, т. е. в распоряжение держав, поступали доходы от государственных монополий на табак, соль, спирт и ряд налогов. Вначале в Управлении и вообще в сфере экономической и промышленной экспансии преобладали англичане и французы, но с конца века, особенно после приобретения железнодорожной концессии в Анатолии и начала строительства дороги в Багдад (1888), ведущие позиции в экономике Турции стали переходить к немцам. Немецкие офицеры приступили к реорганизации турецкой армии.

Европеизация Турции, несмотря на сопротивление панисламистов, понемногу делала свое дело. Пусть конституционные права нарушались, но они существовали в умах и стремлениях нового поколения, выросшего и сформировавшегося в борьбе за эти реформы. Нельзя забывать и о городском населении, пользовавшемся плодами экономического роста и промышленного развития страны и тоже стоявшем за реформы, против возврата к прошлому. Наконец, несмотря на притеснения, в стране работали светские учебные заведения, выпускавшие все новые отряды турецкой интеллигенции,

вполне очевидно ориентировавшейся на европейские знания, демократические права и культурные традиции. Словом, в Османской империи складывалась ситуация, обычная для многих стран Востока той эпохи: традиционная структура, поставленная в условия насильственного проникновения в нее колониального капитала, сопротивлялась и приспосабливалась одновременно, причем обе стороны этого процесса были представлены соответствующими тенденциями и политическими силами. В Османской империи конца XIX в. силы традиционализма были представлены режимом зулюма. Но понемногу вновь консолидировались и представители течения реформаторов, у истоков которого в свое время стояли как осуществлявшие реформы сановники империи, так и интеллигенты из числа «новых османов». На смену новым османам в условиях зулюма пришли в конце XIX в. младотурки.

Первые организации младотурок возникли в 1889 г. В Стамбуле это была ячейка среди курсантов военно-медицинского училища, построенная по принципу организаций карбонариев и ставившая целью избавление страны от деспотизма, возврат к конституционным нормам. По ее образцу вскоре были созданы аналогичные ячейки и в других учебных заведениях. Одновременно с этим в Париже, в эмиграции, А. Риза-бей создал общество борцов против тирании. Первая листовка от имени организации «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») стала распространяться в Стамбуле в 1894 г., после чего начались гонения на иттихадистов-младотурок. Значительная часть их бежала в Париж, где в 1895 г. Риза-бей начал издавать газету, излагавшую программу организации: борьба за свободу, справедливость, равенство при единстве прав и интересов всех подданных империи; сохранение империи с учетом необходимых реформ; прогресс и развитие страны в условиях конституционного строя и при невмешательстве иностранцев в ее дела.

Вся образованная часть населения империи, равно как и многие другие слои, в том числе немусульманские народы, со вниманием следили за развитием событий и сочувствовали иттихадистам. Были даже сделаны попытки государственного переворота (1896), на что султан ответил репрессиями. Однако, несмотря на репрессии, количество ячеек иттихадистов быстро росло. В 1902 г. в Париже состоялся первый съезд младотурок, в котором приняли участие несколько десятков делегатов; среди них произошел раскол, в основном по вопросу о том, стоит ли опираться на помощь держав в борьбе за достижение целей младотурок. Но, несмотря на раскол, отделения иттихадистов по-прежнему действовали весьма активно, временами изменяя название своих организаций. В условиях революционного подъема в мире в начале XX в. радикализм стремлений и требований младотурок все нарастал. Второй конгресс их, тоже состоявшийся в Париже (1907), завершился принятием Декларации, которая призва-

ла страну к восстанию против режима Абдул-Хамида. Резко усилилась пропаганда младотурок в армии, особенно среди молодых офицеров. Были также налажены контакты с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи. Назревали решающие события. Центром их оказалась расположенная к северу от Стамбула Македония.

Летом 1908 г. офицеры расквартированных в Македонии турецких войск Ниязи-бей и Энвер-бей выступили со своими отрядами против Абдул-Хамида с требованием восстановления конституции. Султан был вынужден принять это требование, и уже осенью 1908 г. открылись заседания вновь избранной палаты депутатов, где младотурки имели две трети мест. Правда, вскоре султан, опираясь на верные ему войска в Стамбуле, попытался было взять реванш: весной 1909 г. он вновь распустил парламент, восстановил всю полноту власти шариата и начал преследовать деятелей младотурецкого движения. Но лидеры младотурок из Салоник двинули на Стамбул свои вооруженные силы, которые с боями заняли столицу и низложили Абдул-Хамида, захватив при новом султане Мехмеде V всю реальную власть в свои руки. Так завершился военно-революционный переворот, именуемый в историографии младотурецкой революцией.

Младотурки провели в стране ряд реформ, из которых важнейшая касалась реорганизации армии, жандармерии и полиции. Но главную свою цель они видели в том, чтобы отстоять целостность империи в условиях, когда державы стремились расчленить ее. Именно в разгар революции Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, а Россия и Англия вели переговоры о статусе Македонии, что, собственно, и послужило поводом для выступлений армейских офицеров в этой провинции. Для достижения своих генеральных целей иттихадисты вновь выдвинули на передний план доктрину османизма, причем в ее весьма жесткой трактовке: нетурецкие земли и населяющие их народы — это неотъемлемая часть Турции, всё османское, все османы. В соответствии с этой жесткой политикой были и внутриполитические акты младотурок: в 1910 г. начались гонения на нетурецкие народы под лозунгами панисламизма и пантюркизма, что вызвало сильное сопротивление и заметно ослабило позиции иттихадистов.

В 1911 г. на базе существовавших ранее оппозиционных партий и группировок была создана либеральная ассоциация «Хюрриет ве иттиляф» («Свобода и согласие»), причем иттиляфисты, пообещав нетурецким народам автономию в рамках империи, добились быстрых успехов и летом 1912 г. пришли к власти. Однако неудачи в Балканской войне 1912 г. вновь привели к власти младотурок, причем на сей раз в форме еще более жесткой. В 1914 г. вся полнота власти была взята триумвиратом из Энвера, Талаата и Джемаля. Именно эти

лидеры младотурок руководили Турцией в годы мировой войны, когда империя воевала на стороне Германии. Именно они ответственны за страшную резню армян в 1915 г. Поражение Германии в мировой войне, военные неудачи и недовольство в стране, наконец, капитуляция Турции в октябре 1918 г. положили конец власти младотурок, лидеры которых бежали из пределов империи. Султанская империя агонизировала. Союзники аннексировали все ее внешние владения (Балканы, арабские земли). Встал вопрос о том, какой быть послевоенной Турции. В эти трудные дни решение вопроса взял на себя сам турецкий народ во главе с его новыми лидерами, отошедшими от лозунгов младотурок и поставившими во главу угла тезис о независимости собственно Турции.

Кемалистская революция и радикальные преобразования

В начале 1919 г. к власти в стране пришли иттиляфисты, но пределы их власти были весьма ощутимо ограничены войсками Антанты, оккупировавшими ряд территорий империи и введшими свой флот в проливы. В мае 1919 г. в добавление к этому Греция оккупировала Измир и прилегающие территории. А поскольку турецкая армия по условиям капитуляции оказалась демобилизованной, все это открывало простор для дальнейшего расчленения страны. Неудивительно, что подобная перспектива вызвала сопротивление, принявшее вначале стихийный характер.

В зоне оккупации начали действовать партизанские отряды, количество которых быстро росло. По всей стране стали возникать общества защиты прав местного населения, в руководстве которых основную роль играли представители интеллигенции и прежде всего офицерства. В 1919 г., сначала в июле в Эрзеруме, а затем в сентябре в Сивасе состоялись один за другим два конгресса этих обществ, на которых был избран Представительный комитет во главе с генералом Кемаль-пашой. Документы конгрессов призывали страну к борьбе за независимость и против оккупантов, а султана — к созданию нового кабинета. В октябре был создан новый кабинет, а в январе 1920 г. созван вновь избранный парламент, принявший «Национальный обет», т. е. декларацию независимости Турции, содержавшую призывы к уничтожению всех препятствий для развития страны, включая прежде всего привилегии держав. В ответ на эту декларацию державы в марте 1920 г. оккупировали Стамбул и разогнали парламент. Султан был вынужден покориться, а его новое правительство официально выступило против Представительного комитета и Кемаля-паши.

Такой поворот событий вызвал бурный взрыв негодования по всей стране. На волне национально-патриотического подъема в апреле

1920 г. в Анкаре был избран новый меджлис — Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), в которое были включены и 105 бежавших из Стамбула членов разогнанного парламента. Председателем ВНСТ стал Мустафа Кемаль-паша, провозгласивший новый орган власти единственной законной властью Турции. Созданное ВНСТ правительство во главе с Кемалем приняло ряд энергичных мер по упрочению своей власти. Первой дипломатической акцией его была апелляция за помощью к Советской России, изъявившей готовность помочь ему. Вслед за тем в ответ на интервенцию греческих войск в глубь Анатолии турки начали успешную военную кампанию (битвы при Иненю в 1921 г.), завершившуюся осенью 1922 г. изгнанием интервентов.

Успехи кемалистской революции спутали все карты держав Антанты. Условия навязанного султану в 1920 г. кабального Севрского договора, в соответствии с буквой которого и началась, в частности, интервенция греков в Анатолии, были пересмотрены. В итоге конференции в Лозанне была признана независимость Турции в ее современных границах. Еще ранее, 1 ноября 1922 г., ВНСТ приняло закон о ликвидации султаната, после чего осенью 1923 г. Турция была провозглашена республикой. Правда, давление исламского духовенства сказалось в том, что представитель султанской династии Абдул-Меджид II был официально провозглашен «халифом всех мусульман», однако в марте 1924 г. был ликвидирован и халифат.

Ситуация, сложившаяся в результате национально-патриотического подъема, и огромные успехи революции, сумевшей добиться независимости и успешно противостоять натиску держав, — все это создало Кемалю огромный авторитет в стране. Опираясь на этот авторитет, лидер революции и руководство созданной им в 1923 г. Народно-республиканской партии (НРП) приступили к серии решительных и радикальных преобразований, которые заняли свыше 10 лет (1923—1934) и во многом изменили как традиционную структуру страны, так и ее внешний облик.

По конституции, принятой в 1924 г. и уточнявшейся, а также изменявшейся в последующие годы, Турция объявлялась республикой во главе с президентом, облеченным большой властью. Высшим органом власти был однопалатный меджлис, из депутатов которого президент назначал премьера, комплектовавшего кабинет министров. Выборы в парламент были двухстепенными по мажоритарной системе. Женщины вначале к участию в выборах не допускались; с 1930 г. им предоставлялось право избирать и быть избранными в муниципальные органы власти, позже (1934) также и в меджлис. Конституция декларировала все основные демократические права и свободы, что, несмотря на формальный характер подобной декларации в ряде аспектов, было весьма важным шагом в деле трансформации традиционной исламской структуры. В целях централизации управ-

ления изменялась административная структура: страна была разбита на округа-вилайеты, тогда как прежние вилайеты-губернии упразднялись.

Серия реформ была связана с секуляризацией государства. Ислам, вначале объявленный государственной религией, вскоре потерял этот статус и был низведен до уровня отделенной от школы и государства религии. Вакуфное имущество в большинстве своем было национализировано, шариатские суды и духовные школы-медресе упразднены, дервишеские организации ликвидированы. Ни одно из исламских государств никогда не совершало одним ударом столь радикальных преобразований, высвобождавших страну из жесткой паутины ислама. Символом этого высвобождения было не только уравнивание в правах женщин, но также и принятое в специальных законах и обязательное для всего населения распоряжение перейти на европейскую форму одежды, европейский календарь и летосчисление, гражданскую форму брака с ликвидацией многоженства и введение фамилий с упразднением старых форм обращения (бей, паша, эфенди и т. п.). Специальным решением парламента Кемалю была присвоена фамилия Ататюрк («отец турок») с запрещением носить ее еще кому-либо. Был принят латинизированный алфавит, заменивший арабский и облегчивший обучение в многочисленных заново создававшихся по европейскому стандарту начальных и средних школах, специальных и высших учебных заведениях. Упразднение шариатского суда сопровождалось введением судопроизводства по европейскому образцу, что повлекло за собой необходимость создания кадров юридически подготовленных специалистов, прежде всего адвокатов (и поныне это одна из самых почтенных профессий в стране). Вся линия реформ теоретически, в программе НРП, соответствовала принципу лаицизма (светскости).

Вторым кардинальным принципом преобразований был этатизм (огосударствление), проявлявшийся в основном в сфере экономической жизни. Дело в том, что в силу исторически сложившихся обстоятельств турки, как о том уже говорилось ранее, не составляли заметного слоя в числе активного городского населения — торговцев, предпринимателей. Экономически же активные греки, армяне, евреи, кавказцы десятилетия, предшествовавшие кемалистской революции, подвергались гонениям, а то и становились жертвами геноцида. Результатом было ослабление экономических позиций городского населения страны, особенно заметное перед лицом натиска европейских держав, иностранного капитала. Восстановить нарушенный баланс и исправить положение в пользу национального капитала могло лишь государство, что было нормальным и естественным для структуры, традиционно базировавшейся на неизменном приоритете и даже господстве государственного руководства экономикой страны при вторичности и ущемленности частного предпринимательства. Правда,

официально кемалистское правительство — в полном соответствии с духом и буквой буржуазно-демократической по своему характеру конституции — призывало к активизации частнособственнического предпринимательства граждан и их ассоциаций, но на деле слабость экономических позиций страны могла быть быстрыми темпами ликвидирована только целенаправленными усилиями самого государства, что и было реализовано в рамках этатизма.

Турецкое правительство приступило к ликвидации иностранных концессий, которые частично были аннулированы, частично выкуплены. К Центральному республиканскому банку перешло от выкупленного Оттоманского банка право эмиссии. Правительство взяло в свои руки строительство новых железных дорог, портов, промышленных предприятий. Были установлены более высокие таможенные тарифы, защищавшие молодую промышленность страны от иностранной конкуренции. Официально отменялся режим капитуляций, предоставлявший льготы европейскому капиталу. Что касается сельского хозяйства, отсталость которого на фоне многочисленных преобразований становилась все более заметной, то там были проведены налоговые реформы, в частности отменена средневековая система ашара (арабо-исламский ушр, десятина) и созданы условия для повышения товарности сельскохозяйственных продуктов, прежде всего табака и хлопка. В целом политика этатизма принесла свои результаты: была заложена основа промышленного развития страны (только за 1933—1939 гг. стоимость продукции цензовой промышленности возросла втрое). Но оборотной стороной этой политики был жесткий режим в сфере труда, включая строгую регламентацию работы на государственных предприятиях, отсутствие либо запрещение деятельности свободных профсоюзов (их заменяли государственные, «желтые»), а также запрещение свободной деятельности оппозиционных партий, которые то возникали, то распускались, включая и коммунистическую, почти постоянно бывшую вне закона (все это опиралось на соответствующие статьи конституции страны).

Вообще говоря, политика НРП не могла не вызывать сопротивления со стороны разных кругов общества, справа и слева. Слева были представители радикальных партий и группировок, критиковавшие кемалистов за осторожную умеренность их политики. Справа — немалые реакционные силы, опиравшиеся на потесненное, но не сломленное исламское духовенство, на не вписывавшееся в нововведения и мало получившее от преобразований крестьянство. Пока был жив Кемаль (в 1936 г. он заболел и начал отходить от дел; в 1938 г. умер), его колоссальный харизматический авторитет сдерживал силы оппозиции, но после его смерти позиции кемалистов и НРП пошатнулись. Начался новый этап в истории Турции, характеризующийся неустойчивостью многопартийной политической системы.

Турция после Кемаля

В ноябре 1938 г. президентом Турции стал И. Иненю. В новом составе меджлиса (1939) по-прежнему абсолютно господствовала НРП. Успехи во внешней политике были отмечены урегулированием проблемы оттоманского долга и укреплением связей с державами, включая СССР. Но особое место в системе этих связей занимала Германия. Вторая мировая война прошла в Турции под знаком формального нейтралитета, но фактически настроения и политика были прогерманскими, а мобилизация огромной армии и финансовые осложнения военного времени привели к резкому возрастанию задолженности страны.

Поражение Германии во второй мировой войне поставило руководителей Турции в весьма сложное положение, особенно на фоне недовольства населения экономическими затруднениями. Встал вопрос о путях развития и новой ориентации страны. Необходимо было сделать выбор, и он был сделан. Уже в 1945—1947 гг. были приняты несколько законов о земельной реформе, о создании министерства труда, о профсоюзах. Стали издаваться новые газеты и журналы, порой весьма радикального направления. И наконец, была официально признана (в выступлении Иненю в парламенте в ноябре 1945 г.) необходимость отказа от однопартийной системы. В январе 1946 г. группа депутатов из числа бывших членов НРП создала новую Демократическую партию (ДП) во главе с бывшим премьером Д. Баяром. В отличие от правящей партии ДП выступала за широкую свободу действий для частного капитала, включая иностранный, за строгое соблюдение в стране всех декларированных конституцией гражданских прав и демократических свобод. На выборах 1946 г. эта партия получила 61 место в парламенте (НРП — 396).

Доктрина Трумэна, связанные с ней огромные кредиты и американские инвестиции (план Маршалла) завершили процесс переориентации Турции и в немалой степени способствовали отходу от официальной политики этатизма к экономическому развитию страны с упором на частнопредпринимательскую деятельность. Эта политика и новая ориентация усиливали позиции ДП, которая на выборах 1950 г. добилась большого успеха (396 мест против 68 у НРП). Президентом страны стал Д. Баяр, премьером — А. Мендерес. На протяжении 50-х годов ежегодный прирост промышленной продукции в Турции достигал 8 %, хотя это сопровождалось ростом внешней задолженности и прежним жестким преследованием радикальной прессы. Впрочем, обстановка в самой стране постепенно менялась.

Прежде всего, несмотря на преследования, режим поощрения прав и свобод не мог не сказаться на росте оппозиционных сил. Эти силы были разными по характеру. С одной стороны, крепло рабочее

движение, возглавлявшееся профсоюзами и проявлявшееся в забастовках и возрастании требований как экономического, так и политического характера. С другой — активизировалось исламское духовенство, добившееся от ДП ряда важных уступок (преподавание ислама в школе, строительство мечетей, чтение Корана по радио и др.). Влияние духовенства росло довольно быстро, особенно среди необразованного населения, в деревне. Частично это влияние шло в ногу с официальной политикой ДП, делавшей ставку на разжигание национализма в стране и в то же время опиравшейся на реакционные силы как в самой стране, так и за ее пределами. Дело дошло до того, что в апреле 1960 г. была создана парламентская комиссия с чрезвычайными полномочиями для расследования «подрывной деятельности» оппозиции. Это оказалось предельной мерой, вызвавшей взрыв недовольства.

27 апреля состоялся митинг студентов Стамбульского университета, за которым в последующие дни прошли массовые демонстрации студентов в Стамбуле и Анкаре, в других городах. Движение студентов было поддержано недовольным армейским офицерством (в армии с 1954 г. существовала тайная организация «ататюркистов», ставившая целью возврат к политике Кемаля), от имени которого командующий сухопутными силами Д. Гюрсель предъявил правительству ультиматум. 27 мая был совершен государственный переворот. Власть перешла в руки Комитета национального единства во главе с Гюрселем. По решению комитета она была передана Учредительному собранию, которое в мае 1961 г. приняло новую конституцию страны.

Конституция 1961 г. провозгласила верховный суверенитет народа, вновь декларировала свободы и права граждан, в том числе право на создание различных партий и группировок, на свободное издание газет и т. п. Согласно новой конституции, было строго оговорено разделение властей — независимых друг от друга законодательной, исполнительной и судебной. В предвыборной борьбе в октябре 1961 г. приняло участие несколько партий, включая созданную на основе распущенной ДП (лидеры ее были сурово наказаны; трое из них, в том числе Мендерес, казнены) Партию справедливости (ПС). ПС и НРП получили в новом двухпалатном парламенте Турции большинство мест. Президентом страны был избран Гюрсель, премьером стал лидер НРП Иненю.

60-е годы прошли в Турции под знаком бурного роста политической борьбы. Возникали все новые и новые партии и группировки, как левые, так и правые. На фоне партийной борьбы все остальные проблемы страны, в том числе и экономические, оказались как бы на заднем плане. И хотя правительство по-прежнему уделяло им немало внимания и государственный сектор экономики соответственно увеличивался, параллельно с этим росла и задолженность страны — следствие экономической неэффективности государственного хозяйст-

ва. Усиление забастовочной борьбы рабочих, вызванные этим репрессивные меры правительства во главе с лидером ПС С. Демирелем в конце 60-х годов снова создали в Турции обстановку внутреннего кризиса и анархии. В итоге военные опять оказали давление на власть с целью навести порядок.

В марте 1971 г. правительство Демиреля было вынуждено уйти в отставку. И хотя на этот раз руководители армии активно не вмешались в политику, предоставив это дело новому правительству, именно они диктовали правительству его политику, суть которой сводилась к наведению порядка жесткой рукой, т. е. к преследованию радикальных партий, групп и органов печати. Объявленное в апреле 1971 г. чрезвычайное положение в Анкаре и Стамбуле было отменено лишь осенью 1973 г., а собравшийся вслед за этим новый парламент принял ряд важных реформ, в том числе закон об аграрной реформе, предусматривавший выкуп земель у крупных собственников и распределение их среди крестьян.

70-е годы были в некотором роде повторением 60-х. После вмешательства военных вновь началась ожесточенная борьба политических партий за власть. С новой силой разгорелись страсти, принявшие к концу десятилетия характер массовых акций политического экстремизма, что вновь привело страну к состоянию, близкому к анархии. Экономика страны, несмотря на некоторые успехи (в 1975 г. прирост валового продукта составил 8 %), оставалась по-прежнему в основном государственной и потому была неэффективной, ложившейся тяжелым грузом на бюджет. К 1980 г. внешняя задолженность Турции в связи с этим достигла 20 млрд. долл. Дорого обошлась стране и военная экспедиция 1974 г. на Кипре. 12 сентября 1980 г. в условиях резкого обострения внутриполитического кризиса в Турции вновь был совершен военными государственный переворот — на сей раз с роспуском всех политических партий и парламента.

Стоит отметить бросающуюся в глаза закономерность динамики развития страны в послевоенное время. Абстрагируясь от деталей, эту динамику можно зафиксировать примерно в таком виде: от парламентских свобод с политической борьбой к состоянию нестабильности при экономической неэффективности и росте задолженности; от нестабильности к острому кризису и, как результат, к вмешательству военных, восстанавливающих статус-кво и как бы создающих условия для очередного аналогичного цикла. Если эту динамику интерпретировать с точки зрения концепции сопротивления и приспособления традиционной структуры к новым условиям существования страны, где формально декларированы все гражданские права и свободы и предоставлена возможность для развития частнособственнического предпринимательства, то окажется, что структура Турции в целом долгие десятилетия не была вполне готова к радикальной трансформации. Энергия внутренней трансформации, не

будучи в основном направлена в сферу экономики, что имело место, скажем, в Японии, как бы осела в сфере политики, где формально декларированные права и свободы предоставили для этого определенный простор. Этому в немалой мере содействовало то уходящее корнями в историю обстоятельство, что турки всегда были воинами, администраторами и менее всего — торговцами и предпринимателями. Нехватка опыта была компенсирована традиционной формой — слиянием власти с собственностью. Отсюда ведущая роль государственного хозяйства со всеми его особенно заметными в эпоху бурного развития капитализма слабостями, сводящимися в конечном счете к экономической неэффективности бюрократического управления хозяйством и соответственно к росту внешнего долга страны. Можно отметить и еще одну немаловажную закономерность: в условиях жесткой (военной) централизованной власти упомянутая экономическая неэффективность менее заметна, тогда как состояние политической нестабильности усиливает ее импульс, что и ведет страну к кризису.

В заключение несколько слов об исламе. Радикальные кемалистские преобразования почти не оставили ему места в социальной и политической жизни страны — в этом Турция уникальна среди других мусульманских стран XX в. Но, несмотря на это, в годы нестабильности ислам в стране поднимает голову. Его сторонники начинают вести активную пропаганду и быстро находят сочувствующих ей, ибо корни ислама глубоки, ими пронизана вся традиция страны, включая ее культуру, в том числе политическую. И хотя политический экстремизм в наше время распространен достаточно широко и вне мусульманского мира, многое здесь — что касается Турции — явно восходит к фанатизму ислама, с чем нельзя не считаться.

Глава 10

Шиитский Иран в XIX—XX вв.

Став с начала XVI в. центром шиитской оппозиции в мире ислама, шахский Иран не только продолжал последовательно отстаивать свою самобытность, но и весьма болезненно реагировал на вмешательство в его дела извне, особенно со стороны России и Англии, ведших дело к превращению этой страны в полуколонию. Вынужденная приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, традиционная структура Ирана реагировала на них особенно бурно. Именно проявлением такого рода реакции было и восстание бабидов в середине XIX в. — восстание, несколько опередившее давно назревавшие в стране реформы.

Баб и бабиды

В 1844 г. — ровно через тысячу лет (по европейскому календарю) с момента легендарного исчезновения двенадцатого скрытого имама — сеид Али Мухаммед объявил себя Бабом, т. е. вратами, через которые ожидаемый имам в качестве мессии Махди вот-вот должен спуститься на землю. Прихода скрытого имама шииты всегда ожидали с нетерпением, а в периоды острых кризисов это нетерпение стократ возрастало. Неудивительно, что проповедь, с которой выступил набожный торговец из секты шейхитов, вызвала широкий отклик в стране. Махди ожидали со все возрастающим напряжением, а идеи Баба, распространявшиеся его последователями вначале в весьма неопределенной форме и потому получавшие различную интерпретацию в зависимости от обстоятельств (то это были призывы к справедливости и снижению налогов, то осуждение богатства и роскоши, то возмущение бесцеремонностью иностранцев, то требования социальных и имущественных прав и гарантий), день ото дня обретали все большую силу, особенно в Азербайджане, где произвол персидских властей ощущался наиболее остро. Встревоженные власти заключили Баба в 1847 г. в тюрьму, но это его не остановило: именно сидя в крепости Баб написал свою знаменитую книгу Беян, в которой он провозгласил себя долгожданным Махди и изложил принципы своего учения. Вкратце эти принципы сводились к тому, что новая эпоха рождает нового пророка, устами которого говорит Аллах, что он, Баб и Махди, является именно таким пророком, несущим миру справедливость, гарантирующим защиту прав и имущества и в то же время выступающим против произвола власти и засилья иностранцев. Распространяя идеи Баба, его последователи во многом шли дальше него, требуя раздела и общности имущества, выступая за всеобщее равенство, включая и равенство женщин. Эти эгалитарные призывы оказывали едва ли не наибольшее воздействие на крестьянские массы, следствием чего были быстрое возрастание количества бабидов и радикализация этого движения.

В стране одно за другим начиная с осени 1848 г. вспыхивали бабидские восстания, причем казнь самого Баба летом 1850 г. лишь подлила масла в огонь. И хотя восстания вскоре были подавлены, ушедшие в подполье бабиды не сдавались, а в 1852 г. пытались даже убить шаха. Естественно, что после этого преследования бабидов усилились. Расправа с восставшими бабидами и бегство уцелевших предводителей и идеологов движения в соседние страны, в основном в Ирак, находившийся под властью Османской империи, привели к изменению характера самого протеста. Подхвативший знамя бабидов Бехаулла заявил себя сторонником ненасильственных действий и, восприняв многое из западных идей, выступил против войн, за терпимость, равноправие, передел имуществ и некую наднациональ-

ную всемирную общность людей. Хотя бехаизм, в отличие от бабизма, не получил широкого распространения и поддержки в Иране, его идеи, как и движение бабидов, сыграли определенную роль в изменении обстановки в стране. Впрочем, в этом же направлении пытались в те годы действовать и власти, о чем свидетельствуют реформы премьера Таги-хана (эмира Низама). Реформы, проводившиеся в основном в армии, хотя затронувшие и сферу ремесла и торговли, а также просвещения (первая газета, первая светская школа-лицей), могли и должны были послужить началом для серии преобразований, в которых давно нуждалась страна и которые и без того сильно запоздали (по сравнению, скажем, с эпохой Танзимата в Турции). Но подозрительность шаха Наср ад-Дина, ревниво относившегося к популярности Таги-хана и увидевшего в нем возможного соперника, привела к отставке реформатора.

Прекращение реформ не замедлило сказаться: успешный поход шаха на Герат в 1856 г. завершился отступлением под давлением англичан, навязавших Ирану унизительный мирный договор. Вслед за тем начался период активного проникновения иностранного капитала в Иран. Займы, концессии, полуколониальный характер внешней торговли — все это за короткий срок подчинило экономику страны иностранцам. И хотя шах после нескольких поездок в Европу в 70—80-х годах ввел в систему управления страной некоторые новшества, включая попытку ограничить судебную власть шиитского духовенства и несколько европеизировать систему администрации, эти сильно запоздавшие попытки уже мало что могли изменить.

В отличие от Османской империи, где благодаря танзиматским реформам была сохранена политическая независимость, шахский Иран эту независимость быстро утрачивал. Дело дошло до того, что в конце XIX в. Россия и Англия практически поделили между собой сферы влияния в этой стране. Север страны, включая ее столицу, находился под сильным политическим давлением России, а наиболее надежным армейским формированием на долгие десятилетия стала созданная и возглавлявшаяся русскими офицерами казачья бригада. Район Персидского залива почти целиком зависел от англичан. Правда, шах время от времени под давлением недовольных в стране выступал против иностранного господства, особенно в сфере экономики, что проявлялось в виде отмены некоторых кабальных концессий, но ситуация в целом была очевидной: Иран после бабидского восстания и урезанных реформ Таги-хана оказался внутренне слабым. Его традиционная структура не успевала приспособиться к быстрым изменениям в мире и вокруг страны, следствием чего и явилось экономическое, а затем и политическое закабаление, превращение страны в полуколонию России и Англии. Однако, несмотря на все сказанное, традиционная структура не была сломана. Мало того, она постепенно и достаточно активно созревала для трансформации, а

проникновение в Иран влияний извне и усиленный контакт с Россией способствовали этому.

Иранская революция 1905—1911 гг.

Пожалуй, именно на примере Ирана известный тезис о пробуждении Азии под влиянием русской революции 1905 г. работает наиболее зримо и очевидно. Уже на рубеже XIX—XX вв. большое количество иранских отходников, особенно из иранского Азербайджана, работали на предприятиях русского Закавказья. Только в Баку, по некоторым данным, их в 1904 г. насчитывалось 7 тыс. — свыше 20 % всего бакинского пролетариата. Русские революционеры вели с ними работу, и, возвращаясь на родину, отходники несли с собой новые идеи, порой весьма радикальные. Эти идеи жадно впитывались голодающими крестьянами на рубеже XIX—XX вв., когда в Иране резко обострилась продовольственная проблема, что вело к спорадическим голодным бунтам и народным демонстрациям, сопровождавшимся разгромом домов спекулянтов и торговцев зерном, и способствовало возникновению революционной ситуации. Для взрыва нужен был лишь повод, и этот повод не замедлил появиться: жестокое избиение старика-сеида по приказу властей вызвало в декабре 1905 г. взрыв недовольства населения страны. Увидев в этом акте издевательство над верой (сеиды — потомки пророка) и торжество несправедливости, жители Тегерана вышли на улицы. Недовольное шахскими администраторами шиитское духовенство подстрекало массы. Тысячи видных горожан демонстративно засели в бест* в мечети близ столицы и стали требовать от шаха наказания виновных и учреждения «дома справедливости» (это не очень определенное требование означало как справедливый суд, основанный на общем для всех законе, так и нечто вроде законосовещательного собрания). Напуганный волнениями шах согласился на предъявленные ему требования, но вскоре после этого начались репрессии. В ответ на них летом 1906 г. поднялась новая волна протестов: тегеранские горожане во главе с духовниками 30-тысячной процессией направились в священный город Кум (где похоронена дочь пророка Фатима), тогда как другие засели в бест на территории английской миссии.

Напуганный еще больше, чем в январе, шах вынужден был капитулировать, на сей раз всерьез. 5 августа 1906 г. был опубликован указ о введении в стране конституционного режима и о созыве меджлиса, члены которого должны были избираться по куриальной системе в два этапа. Собравшийся осенью того же года меджлис принял ряд важных законоположений, включая закон о максимальной

---

* *Бест* — в Иране право убежища на территории некоторых священных мест.

цене на хлеб. Главной же заботой депутатов была разработка Основного закона. Принятый меджлисом и подписанный шахом, этот закон (конституция) предусматривал ограничение власти шаха меджлисом, прежде всего во всем том, что касалось бюджета и вообще финансов и экономики страны, включая и взаимоотношения с иностранцами. Осенью 1907 г. меджлис принял дополнения к этому закону, включавшие основные гражданские права и свободы и создание, наряду с религиозными, светских судов. Был также принят принцип разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной. Однако при всем том шиитский ислам оставался государственной религией, а высшим духовным сувереном всех иранских шиитов признавался двенадцатый скрытый имам. Шах оставался лишь главой исполнительной власти — обстоятельство, сыгравшее немалую роль в последующей судьбе шахского престола.

Революционные перемены шли не только на высшем уровне. В городах Ирана один за другим возникали революционные энджумены, своего рода советы, организации типа полуклубов-полумуниципалитетов, которые на местах устанавливали контроль над представителями власти, контролировали цены, основывали школы, издавали газеты и т. п. Одних только газет и журналов в эти революционные годы в Иране издавалось до 350 названий. Сильная поддержка и все новые требования снизу давили на депутатов меджлиса, вынуждая их принимать все новые законы — об упразднении условных земельных держаний типа тиулей, сокращении пенсий знати, смещении реакционных губернаторов, о борьбе со взятками и вымогательствами и т. п. В апреле меджлис узаконил статус энджуменов, хотя и ограничил их права вмешиваться в политические дела. В ответ на это в стране усилилось движение муджахидов — борцов за веру, за идею, за справедливость. Многочисленные, в том числе и нелегальные организации муджахидов выдвигали различные требования, подчас радикальные. Из числа муджахидов выходили и молодые борцы за веру — федаи (федаины), готовые на крайние меры, в том числе и на самопожертвование во имя идеи. Радикализм муджахидов и особенно федаев вызвал беспокойство не только шахских властей, но и большинства депутатов меджлиса, опасавшихся разгула страстей. Еще больше боялся дальнейшей радикализации событий шах, который в конце 1907 г. заручился согласием меджлиса на сохранение статус-кво. Англо-русское соглашение 1907 г. о формальном разделе сфер влияния в охваченном революцией Иране вызвало сильное противодействие руководства Ирана, не признавшего данный документ, причем именно это обстоятельство сыграло немалую роль в сближении позиций меджлиса и шаха.

Соглашение с меджлисом усилило позиции шаха. В то же время накал революционной борьбы несколько ослаб. Летом 1908 г. шах счел момент подходящим для контрреволюционного переворота: ка-

зачья бригада по его приказу разогнала меджлис и энджумены в столице. Однако этот успех оказался непрочным. Эстафету революции взяла столица иранского Азербайджана Тебриз, где позиции радикальных организаций были особенно сильны. Восставшие тебризцы к октябрю 1908 г. изгнали из города сторонников шаха и выступили с требованием восстановить действие конституции и созвать новый меджлис. В феврале 1909 г. перешла к сторонникам конституции власть в Реште, после чего то же самое произошло и в других городах соседнего с Азербайджаном Гиляна. Гилянские федаи стали готовиться к походу на Тегеран. Весь север Ирана выступил против шаха. Выступили против него и отряды бахтиарского хана на юге, в Исфагане. Обеспокоенные развитием событий англичане на юге и русские войска на севере в ответ на это заняли некоторые города, в том числе Тебриз. Но вмешательство держав было не в пользу шаха. Конечно, наиболее радикальные группы были разоружены, однако энджумены в Тебризе и при вошедшем в город русском войске продолжали осуществлять свою власть, не признавая и не допуская в город вновь назначенного шахского губернатора. Тем временем гилянские федаи с возглавившим их Сепахдаром и бахтиарские отряды вошли в Тегеран и свергли шаха Мухаммеда Али, вскоре эмигрировавшего в Россию. Во главе правительства стал Сепахдар, а в ноябре 1909 г. новый шах Ахмед созвал 2-й меджлис. Отказ от куриальной системы привел к тому, что по составу новый меджлис был правее первого. Все же, несмотря на это, новый меджлис и его правительство пытались упрочить революционную власть.

Сделать это было нелегко. Финансы страны после нескольких лет революции оказались, как и экономика в целом, в крайне запущенном состоянии. Прибегнуть к помощи России либо Англии новое правительство не желало. Был избран компромиссный вариант: в Иран был приглашен американский финансовый советник М. Шустер, получивший огромные полномочия. Шустер прибыл в Иран в мае 1911 г. и приступил к энергичной деятельности, сводившейся прежде всего к реорганизации всей службы налогов. Похоже на то, что эта деятельность стала быстро давать результаты. Это вызвало раздражение со стороны России и Англии, которые не желали серьезного укрепления в Иране американского влияния и выступили против поддерживавшего Шустера революционного режима. Вначале в качестве пробного шара была предпринята попытка восстановить на престоле привезенного из России экс-шаха, а когда эта попытка провалилась и позиции революционных войск на севере Ирана вследствие этого укрепились, Россия вновь ввела войска на территорию Северного Ирана. Англичане стали высаживать свои войска на юге страны. Одновременно обе державы, используя в качестве предлога пустячный повод (конфликт налоговой администрации Шустера с представителями России в Тегеране в связи

с конфискацией имущества брата экс-шаха), предъявили Ирану ультиматум с требованием высылки Шустера. Меджлис отверг ультиматум. Тогда русские войска были приведены в действие. Их поддержали англичане на юге. Революция была разгромлена, меджлис и энджумены распущены, газеты закрыты. В феврале 1912 г. новое шахское правительство официально признало англо-русское соглашение о разделе страны на сферы влияния, в обмен на что оно получило от России и Англии новые ссуды.

Иран в борьбе за национальную независимость

Поражение революции и восстановление имперских позиций России и Англии в стране сыграло немалую роль в переориентации внешнеполитических симпатий иранцев. Как и в Турции, в Иране накануне мировой войны активно и весьма успешно действовала немецкая агентура, а официальная восточная политика кайзеровской Германии не уставала напоминать о своих симпатиях к миру ислама и даже о некоем родстве немецких потомков ариев с иранскими. Если принять во внимание, что Германия была едва ли не единственной из великих держав, почти не имевшей колоний и заметных сфер влияния, и что у нее не было сколько-нибудь существенных экономических позиций и интересов в самом Иране, то нетрудно заключить, что семена ее пропаганды имели немалые шансы дать хорошие всходы. Именно это и случилось в начале мировой войны.

Оккупация Ирана с первых дней войны англо-индийскими войсками на юге страны (под предлогом охраны стратегически важного района Персидского залива и перекачивавшего иранскую нефть в Средиземноморье нефтепровода), а также успешные действия русских войск против Турции на севере привели в марте 1915 г. к очередному англо-русскому соглашению о разделе Ирана на сферы влияния, что послужило резким толчком для подъема в стране национального движения. С одной стороны, это была непрекращавшаяся на протяжении ряда лет серия народных восстаний, особенно в окраинных районах страны; с другой — ряд решительных выступлений политических верхов, возглавленных депутатами 3-го меджлиса, в котором основной силой были члены Демократической партии Ирана. Правительство иранских демократов уже с начала 1915 г. было откровенно германофильским, а оккупация осенью того же года русскими войсками Тегерана, а затем и Кума, куда на время перебралось правительство, привела к формированию национального кабинета в Керманшахе, ставшем в 1916 г. зоной оккупации Турции. И хотя параллельно в Тегеране был сформирован кабинет министров из тех, кто соглашался сотрудничать с Россией и Англией, совершенно очевидно, что немецко-турецкая ориентация была в те годы

преобладающей, что, в частности, проявлялось в позициях руководителей то и дело вспыхивавших в разных провинциях народных восстаний, получавших помощь именно из враждебных русским и англичанам источников.

Революция в феврале 1917 г. в России привела к заметному ослаблению ее позиций и соответствующему усилению англичан. Вывод же из Ирана русских войск советским правительством в марте 1918 г. способствовал установлению английского контроля над всем Ираном и заключению кабального англо-иранского соглашения в августе 1919 г., по условиям которого Иран, как никогда прежде, оказался близок к статусу английского протектората (английский контроль над иранской армией, финансами, нефтью и внутренней политикой). Впрочем, соглашение 1919 г., как и раздел страны на сферы влияния в 1915 г., лишь подлило масла в продолжавший бушевать огонь национальных восстаний в Иране. В некоторых из восставших районов, как, например, в Гиляне, где власть попала в руки весьма радикально настроенных и идейно ориентировавшихся на революционные события в соседнем Закавказье дженгелийцев (дженгель — труднопроходимый лес), возникали даже временные правительства. Главным же итогом развития событий в Иране в годы мировой войны оказался переворот 21 февраля 1921 г., в результате которого на гребне освободительного движения при поддержке англичан, уже не видевших иной возможности выправить положение в стране, к власти пришло новое сильное правительство, центральную роль в котором стал играть руководивший переворотом глава персидских казачьих частей Реза-хан.

Ставший военным министром Реза-хан жесткой рукой подавил уже затухавшие очаги восстаний и приступил к реорганизации армии: в каждом из шести созданных им в стране военных округов было сформировано на основе казачьих и иных правительственных формирований по одной хорошо организованной дивизии, строго подчинявшейся министру в Тегеране. Несмотря на вынужденную ориентацию на англичан, новое правительство и сам Реза-хан не только учитывали антианглийские настроения, но и стремились за этот счет ослабить позиции Англии в Иране и тем усилить собственные. Одним из путей к достижению этой цели явилось соглашение с Советской Россией: по условиям русско-иранского договора 1921 г. в Иране более не должны были находиться иностранные войска, однако советская сторона оговорила за собой право вмешательства в целях обеспечения безопасности своей страны в тех случаях, когда эта безопасность окажется под реальной угрозой.

Сделав ставку на национальную консолидацию страны под своей властью, Реза-хан, остававшийся неизменным всемогущим военным министром при любых перемещениях в кабинете, вскоре решил сам выйти на арену политических событий. Вначале он поддержал было

движение с требованием установления в стране республики, рассчитывая в качестве президента — наподобие того, как это сделал Кемаль в Турции,— заменить угасавший род слабеющих каджарских шахов. Но, в отличие от Турции, идея республиканизма была враждебно встречена как высшим шиитским духовенством, влияние которого в стране было огромным, так и неподготовленным к ней отсталым крестьянством страны, охотно поднимавшимся на защиту национальных интересов против англичан и их ставленников, но остававшимся весьма далеким в своей массе от политического радикализма. Реза-хан был вынужден учитывать это. В феврале 1925 г. он заставил меджлис провозгласить себя верховным главнокомандующим, сместив тем самым с этого формального поста Ахмед-шаха, которому пришлось уехать за границу. Затем, опираясь на созданную им и поддерживавшую его партию «Таджеддод», Реза-хан вынудил 5-й меджлис согласиться на низложение династии Каджаров и созыв Учредительного собрания, которое должно было решить судьбу страны. В итоге созванное в декабре 1925 г. Учредительное собрание провозгласило Реза-хана новым шахом новой династии Пехлеви.

Сильный и энергичный новый правитель Ирана предпринял прежде всего ряд важных реформ, в которых остро нуждалась отсталая и все более отстававшая, попадавшая в зависимость от других держав страна. Как и Ататюрк, Реза-шах стремился быстро преодолеть это отставание, для чего он провел ряд законов, связанных с земельными отношениями, финансами, судебной системой. В стране ускоренными темпами строились — в основном государством и за счет казны — новые промышленные предприятия, железные дороги. Стремясь ограничить влияние англичан, Реза-шах охотно принимал экономическую помощь Германии. Был создан Национальный банк Ирана (1928), введена государственная монополия внешней торговли (1931) и даже поставлен вопрос о пересмотре условий договора с Англо-иранской нефтяной компанией и о некотором ограничении иных экономических льгот и привилегий англичан в Иране. В стране были проведены важные реформы, призванные способствовать развитию образования и культуры: учреждены светские школы и принят закон об обязательном начальном образовании; открыты многочисленные средние учебные заведения и вузы, включая Тегеранский университет (1934), где обучение было платным. Вслед за реформами Ататюрка в Иране были проведены аналогичные реформы, предписывавшие переход на европейскую форму одежды, что сопровождалось, как и в Турции, отменой традиционных титулов и званий и введением фамилий.

Результаты всех этих реформ не замедлили сказаться. Промышленное развитие страны привело к появлению определенной прослойки городского промышленного пролетариата. В деревне усилились товарные связи и появилось немалое количество землевладельцев,

связанных с рынком. Сформировалась прослойка образованной интеллигенции, что способствовало демократизации политической жизни страны, при всем том что влияние шиитского духовенства, как и отчаянное сопротивление его реформам, оставались весьма значительными, а временами даже усиливались. Что касается сферы внешней политики, то здесь Реза-шах следовал уже устоявшейся традиции — ориентации на те силы, что могли противостоять англичанам, экономическое засилье которых в стране было еще чрезвычайно ощутимым. Такой силой в 30-х годах была фашистская Германия. А так как ирано-германские связи и политические контакты имели уже свою историю, то неудивительно, что рост значения фашистской Германии в международных делах накануне второй мировой войны имел одним из своих результатов усиление немецких позиций в Иране. На рубеже 30—40-х годов дело дошло до того, что Германия уже рассматривала Иран как вполне реальный военный плацдарм на случай военных действий на Среднем Востоке.

Вторжение Германии в СССР резко изменило внешнеполитическую ситуацию в Иране и вблизи него. В августе 1941 г. СССР, опираясь на соответствующий пункт советско-иранского договора 1921 г., ввел свои войска в Северный Иран. Одновременно англичане оккупировали иранский юг. Все внешнеполитические расчеты Реза-шаха оказались перечеркнутыми, а сам он в сентябре того же 1941 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Мухаммеда Реза. Мухаммед Реза в январе 1942 г. подписал новый договор с СССР и Великобританией, по условиям которого территория Ирана на время войны предоставлялась в распоряжение союзников (через эту территорию в годы войны шла немалая доля военных поставок, в том числе и в СССР).

Следует заметить, что введение советских войск в Северный Иран способствовало, естественно, усилению в этих районах страны позиций радикалов и революционеров. В октябре 1941 г. была создана Народная партия Ирана (Туде), выполнявшая функции компартии. Эта партия стала вести активную работу; в 1944 г. она насчитывала уже 25 тыс. членов, издавала немало газет и иных печатных публикаций. Впрочем, одновременно с Туде усилили свою работу и противостоявшие ей политические партии и группы, в том числе и ориентировавшиеся на шиитское духовенство, выступавшие вообще против всяких реформ, против европеизации, за возвращение к нормам ислама. В меджлисе 14-го созыва, собравшемся в 1944 г., большинство принадлежало деятелям именно такого рода. В этой обстановке правительство Ирана обрушилось с репрессиями на партию Туде, что сопровождалось резким усилением антисоветских настроений.

События разворачивались довольно драматически. Центром сопротивления нажиму со стороны тегеранского правительства стал

иранский Азербайджан, где уверенные политические позиции имела Туде. Гибкое лавирование правительства позволило ему, медленно, но неуклонно усиливая нажим на азербайджанское провинциальное правительство, сначала спровоцировать его на выступление против центральной власти, а затем подавить это выступление. В конце 1946 г. Азербайджан был занят войсками тегеранского правительства, а созванный в 1947 г. 15-й меджлис был еще более реакционным, чем его предшественник.

Урегулирование острых внутренних проблем имело своим непосредственным результатом большее внимание к проблемам международным, и в частности к всегда болезненно воспринимавшемуся в Иране вопросу, связанному с зависимостью страны от держав. Пытаясь по-прежнему лавировать между соперничавшими державами (как это было вначале по отношению к Англии и России, позже — к союзникам и Германии), шахское правительство в конце 40-х годов стало склоняться в сторону США. И хотя финансовая миссия американца Мильспо — как то было прежде с Шустером — быстро была вынуждена из-за английских интриг прекратить свою деятельность, новый этап сотрудничества с США был начат в связи с реализацией так называемого «четвертого пункта» доктрины Трумэна, предусматривавшего американскую помощь слаборазвитым странам. Тем не менее, несмотря на помощь, экономическое положение страны на рубеже 40—50-х годов становилось все хуже. Это ухудшение происходило на фоне начавшейся в соседних с Ираном странах (Индия, Пакистан) деколонизации, связанной с уходом английских колонизаторов. Неудивительно, что в этих условиях национальные чувства иранцев находили свое наиболее полное выражение в возмущении условиями эксплуатации богатств страны англичанами. Вновь на повестку дня встал вопрос о взаимоотношениях Ирана с Англо-иранской нефтяной компанией, ежегодно вывозившей из страны миллиардные богатства и выплачивавшей за это Ирану лишь ничтожную часть своего дохода.

В марте 1951 г. иранский меджлис принял закон о национализации нефтяной промышленности Ирана, а в апреле того же года правительство возглавил М. Мосаддык, энергично принявшийся за проведение этого закона в жизнь. Все нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы Ирана были взяты под контроль правительства, стали управляться назначенными им представителями. Несмотря на попытки вмешательства извне (вплоть до Совета Безопасности ООН и Международного суда в Гааге), закон о национализации был доведен до конца, включая изгнание из Ирана работавших в Англо-иранской компании английских специалистов и последовавший затем в октябре 1952 г. разрыв дипломатических отношений с Англией. Однако размах возглавленного Мосаддыком движения и быстрый рост его личной популярности, объем сосредото-

ченной в его руках власти напугали шаха и его окружение. Этим воспользовались враждебные Мосаддыку слои правящей верхушки Ирана, и в результате государственного переворота в августе 1953 г. кабинет Мосаддыка был низвергнут, а новое правительство Захеди не только восстановило в конце 1953 г. дипломатические отношения с Англией, но и согласилось на создание Международного консорциума для управления нефтяным хозяйством страны (40 % акций консорциума получила все та же Англо-иранская компания). Создание консорциума было мерой, в немалой степени вынужденной: в стране не было достаточного количества собственных специалистов, необходимого для успешной эксплуатации нефтепромыслов и наращивания нефтедобычи. Кроме того, консорциум сыграл определенную позитивную роль в деле дальнейшего промышленного развития Ирана, способствуя привлечению в страну капиталов из многих стран.

Экономическое развитие Ирана в 60—70-е годы

Вступивший в 1955 г. в так называемый Багдадский пакт и тем твердо определивший свои внешнеполитические позиции Иран охотно открыл двери для иностранного капитала, для инвестиций. Уже в 1958 г. в стране активно действовало около тысячи иностранных компаний и фирм с многомиллиардным годовым оборотом. Резко возросло и национальное промышленное строительство, в основном за счет казны, что вело к быстрому увеличению государственного долга Ирана (в 1959 г. — около 27 млн. риалов). И наконец, со всей остротой перед экономически развивающейся страной встал вопрос о системе аграрных отношений, тянущей хозяйство страны в прошлое, т. е. вопрос об аграрной реформе.

Вначале это был закон 1960 г. об ограничении земельной собственности (максимум — 800 га богарной и 40 га орошаемой земли; остальное выкупается казной и раздается крестьянам на условиях выплаты с рассрочкой на 15 лет). Затем — закон 1962 г., урезавший земельный максимум до 400 га, опять-таки с выкупом излишков казной и раздачей земель нуждающимся на условиях выплаты с рассрочкой. И наконец, решительная серия реформ 1963 г., по условиям которой максимум (500 га) был сохранен лишь для тех хозяйств, где применялись современная техника и наемный труд (т. е. для хозяйств фермерско-капиталистического типа), тогда как для всех остальных, в зависимости от района и местных условий, — от 20 до 100 га. Кроме того, реформа предусматривала создание крестьянских кооперативов типа акционерных обществ, национализацию лесов, а также распродажу (приватизацию) государственных промышленных предприятий для финансирования земельной реформы.

Осуществление земельной реформы заняло около десятилетия и оказалось делом весьма сложным и крайне болезненным для страны. И дело отнюдь не в том, что преобразования были недостаточно радикальными. Скорее напротив, слишком радикальными для недостаточно подготовленного к ним крестьянства с его традиционными установками и стереотипами привычного мышления, веками воспитывавшегося в русле жесткого шиитского ислама. Во всяком случае, откровенная ставка на быстрое развитие капиталистических методов хозяйства в иранской деревне оказалась явно преждевременной. Старые методы хозяйства разрушались много быстрее, чем формировались и давали сколько-нибудь позитивные результаты новые. Итогом были не столько даже неудовлетворительные темпы роста сельскохозяйственного производства (за 15 лет, с 1960 по 1975 г., производство пшеницы выросло более чем в полтора раза), сколько неудовлетворенность самих производителей, далеко не все из которых сумели быстро приспособиться к радикально изменявшимся обстоятельствам. При этом по мере проведения реформы число не вписавшихся в нее пауперизованных крестьян все возрастало. По некоторым данным, за 60—70-е годы до 41 % сельского населения — его беднейшая, нищая, неприспособленная часть — вынуждено было покинуть деревню и в поисках заработка переселиться в города. Неудивительно, что реформы были встречены в Иране с неодобрением, как естественно и то, что движение против шаха и проводимых им реформ было возглавлено шиитским духовенством, видевшим в нововведениях прежде всего отступничество от ислама и капитуляцию перед враждебным традиции западнокапиталистическим образом существования. Как известно, именно в 1964 г. и как раз за активное участие в народных движениях против реформы и был выслан шахом из Ирана аятолла Хомейни, ставший с тех пор его злейшим врагом и в то же время символом сопротивления шахскому режиму.

Следует заметить, что аналогичным образом развивались события и в иранском городе, в промышленности и торговле, в сфере культуры. Начавший движение за так называемую «белую революцию», т. е. за радикальные преобразования капиталистического типа и ускоренную модернизацию страны сверху, усилиями властей и за счет решительных реформ, шах опять-таки явно недооценил ситуацию в стране. Можно понять его стремление ускоренными темпами развивать страну, тем более что нефтяные доходы Ирана с каждым годом все росли и за их счет сравнительно безболезненно форсировалась экономическая трансформация, строились промышленные предприятия, создавалась развитая инфраструктура. Ежегодно объем промышленной продукции увеличивался на 10—15 %. Возникали современные отрасли промышленного производства. Стимулировалось создание и укрепление частнособственнического сектора в иранской

экономике. Предпринимались меры по вовлечению в эту экономику промышленных рабочих за счет распродажи им акций государственных и частных предприятий. Одновременно формировалась большая сеть школ и высших учебных заведений, создавались условия для вовлечения в общественную жизнь женщин, энергично развивались современное здравоохранение, культура и т. п.

Словом, если оценивать объективно, делалось много для развития страны. Закладывались основы для ее модернизации. В принципе подобные меры могли принести и часто приносили позитивные результаты, как это очевидно на примере многих соседних с Ираном стран, живущих на доходы от нефти, например стран Аравийского полуострова. Но несчастье Ирана было в том, что темпы преобразований оказались слишком быстрыми, реформы недостаточно продуманными, а сопротивление шаху очень сильным. Здесь важно заметить, что шиитское духовенство, в отличие от суннитского, было в основном в оппозиции к власти, которую оно не считало сакрально санкционированной (если в суннитских исламских странах правитель — халиф, эмир, султан — считался не только политическим, но и духовно-религиозным главой страны и народа, то у шиитов духовно-религиозным вождем считался «скрытый имам», тогда как шах был лишь временным, до возвращения имама, руководителем страны). Говорившие как бы от имени истинного правителя Ирана, «скрытого имама», вожди шиитов во главе с аятоллами не только не одобряли радикальных реформ шаха, но видели в них реальную угрозу исламской норме, привычным традициям. В этом аятоллы находили глубокое понимание едва ли не у всего народа — как крестьян, так и горожан.

Иран в некотором смысле может рассматриваться как вычлененный в наиболее чистом виде эталон, на примере которого можно видеть противостояние традиции и модернизации, привычных принципов «своего» и силой навязываемых норм «чужого». Если в других странах ислама это противостояние принимало формы длительной борьбы различных сил в парламенте и общественной жизни, если там, как, например, в Индии или в Турции, это противостояние развивалось на протяжении жизни нескольких поколений и, будучи растянутым во времени, оказывалось не столь деструктивным, то в Иране все было не так. С одной стороны — воинствующий шиизм, гораздо более жестко, чем суннитские богословы, противостоявший светской власти и соответствующему модусу поведения. С другой — в силу обстоятельств быстрые, протекавшие на глазах жизни одного поколения радикальные экономические преобразования, выбившие за 10—20 лет из привычной колеи веками налаженной жизни десятки миллионов людей, вынужденных приспосабливаться к переменам в жизни страны и не готовых к этим переменам. Наконец, многовековые традиции народных массовых

движений, коими Иран (как, впрочем, и Китай) отличался от многих других стран Востока.

Все эти, равно как и многие другие факторы слились воедино и вылились в форме иранской революции конца 70-х годов. Об этой революции и ее значении подробнее пойдет речь в следующей части работы. Но пока стоит заметить, что при всей своей уникальности для революционного XX в. она все же была в известной мере типичной. Во всяком случае, она позволила лучше понять принципы массовых движений прошлого, нередко трактовавшиеся чересчур прямолинейно и идеализированно. Конечно, было трудно ожидать революцию такого типа после кажущегося пробуждения страны в начале века. Но если предположить, что сам факт пробуждения был переоценен либо принять во внимание механизм сопротивления традиционного общества, то в самой революции, т. е. в той форме, которую она приняла, не окажется ничего необычного: иранская революция типична для аналогичных движений во всех традиционных обществах, суть которых обычно сводилась к стремлению восставших восстановить нарушенные привычные условия существования, вернуться к традиционным нормам, сохранить статус-кво. Необычно здесь лишь то, что революция (или массовое народное движение) такого масштаба и характера оказалась реалией конца XX в., когда многое в мире, в том числе и на традиционном Востоке, изменилось, когда Восток в целом, казалось бы, смирился с уготованным ему будущим и активно стремился к развитию и модернизации. Собственно, именно к этому сводится загадка феномена иранской революции.

Глава 11

Арабские страны Азии и Афганистан

В этой главе речь пойдет о периферии исламского мира — периферии по отношению к Турции и Ирану. Несколько искусственное и условное объединение арабов и афганцев соответствует именно этому критерию. Страны, о которых пойдет речь, весьма разные. Прежде всего, среди них выделяется группа государств, территория которых совпадает с зоной древнейшего развития ближневосточной цивилизации (Ирак, Сирия, Ливан, Палестина). Есть и группа весьма отсталых государственных образований Аравии, населенных преимущественно кочевниками-бедуинами. И, наконец, Афганистан, эта своеобразная контактная зона между арабо-иранским и тюрко-среднеазиатским регионами исламского мира. Начнем с первой из них.

Ирак и страны Леванта

С начала XVI в. эти страны, на протяжении ряда предшествовавших столетий переходившие из рук в руки (здесь господствовали арабские халифы и тюрки-сельджуки, фатимидские военачальники и

монгольские завоеватели, крестоносцы и всесокрушающее воинство Тимура), попали под власть империи Османов. Разоренные непрерывными войнами, то и дело разрушавшими плоды мирного труда земледельцев и наносившими непоправимый вред тонкому и сложному ирригационному хозяйству, эти страны в XVI—XIX вв. уже почти ничем не напоминали своих процветавших в древности предшественников — Финикию, Месопотамию (Двуречье, Вавилон), Ливан с его царственными кедрами или благословенную Палестину. Следует заметить, однако, что положение стран Леванта* было более благоприятным по сравнению с Ираком, пришедшим в эти века в состояние полного экономического упадка.

В соответствии с генеральными принципами ислама все земли в завоеванных Османской Турцией арабских странах были формально объявлены собственностью султана, обложившего их рентой-налогом. Но фактически землей от имени султана распоряжались наместники и губернаторы, отчего тяжесть налога сильно возрастала. Так, например, доходы ливанского эмира, считавшегося одним из богатейших людей в Османской империи, достигали в XVII в. 900 тыс. ливров в год, 340 тыс. из которых шли в казну султана. Впрочем, всесилие наместников не следует преувеличивать: султан держал жесткий контроль над завоеванными землями и бдительно следил за чрезмерно богатевшими своими вассалами — тот же эмир Ливана, о котором только что было упомянуто (Фахр эд-Дин II), был казнен в султанской темнице. Вассалы, в свою очередь, пользовались любым удобным случаем, чтобы ослабить власть султана. В частности, правители Ливана и Палестины активно апеллировали к помощи русских войск в годы русско-турецких войн XVIII в.

Что касается Ирака, то он уже с XVII в. стал зоной особых интересов английских колонизаторов, укреплявшихся в районе Персидского залива. В XVIII в. здесь действовали постоянные представители и резиденты английской Ост-Индской компании, причем экономическая деятельность агентов компании со временем все более очевидно приобретала и политический характер. Ирак был сравнительно далеко от Турции, что в немалой степени способствовало некоторой автономии багдадского паши, подчас действовавшего практически независимо от администрации султана и ориентировавшегося на англичан. В первой половине XIX в. эта тенденция привела к тому, что Дауд-паша прекратил выплату дани султану. Однако позиции самого Дауда, несмотря на проведенные им в стране реформы и помощь англичан, оказались слабыми. Турецкие войска легко

---

* *Левант* — этим термином именуют Сирию, Ливан и Палестину; в узком смысле *левантийцы* — потомки осевших в Ливане крестоносцев, смешавшихся с местным арабским населением, но сохранивших католическую веру и слившихся поэтому с древнесирийскими монофизитами-маронитами.

вошли в Багдад, и в 1831 г. с претензией иракских пашей на независимость от Стамбула было покончено.

Впрочем, это был в те годы едва ли не единственный успех султана. В ходе первой египетско-турецкой войны (1831—1833) Мухаммед Али Египетский отобрал у султана страны Леванта, что способствовало росту могущества ливанского эмира Башира II. И хотя по условиям навязанного Мухаммеду Али державами соглашения арабские страны, включая и Египет, в 1840 г. вновь формально стали вассалами султана, фактически турецкое влияние в Леванте было подорвано. Зато с середины XIX в. Левант, как и Ирак, стал объектом активного экономического и политического проникновения колониальных держав.

Ливан издревле был центром религиозных конфликтов. Существовавшая здесь крупная христианская община маронитов конфликтовала преимущественно с шиитской сектой друзов. Столкновения друзов с маронитами приняли в 40—60-е годы прошлого века характер вооруженной борьбы, даже религиозной резни, причем формальное разделение страны на два округа, маронитский и друзский, лишь подлило масла в огонь. Когда конфликт достиг апогея (резня христиан в Дамаске в 1860 г.), Франция, покровительствовавшая маронитам, высадила в Ливане свой экспедиционный корпус. В 1861 г. этот корпус под давлением англичан был выведен из Ливана, а специальная международная комиссия в составе представителей Франции, Англии, Австрии, Пруссии, России и Турции выработала «Органический статус Ливана», в соответствии с которым Горный Ливан становился особым районом — им управлял назначенный турками христианин; упразднялись также старые звания, титулы и привилегии, провозглашалось равенство всех перед законом и упорядочивалось управление страной.

«Органический статус» сыграл большую роль в развитии Леванта. Турецкие войска были выведены, гражданские права способствовали быстрому росту экономики, включая активные связи с колониальными державами. Речь идет в первую очередь о Ливане, который с конца XIX в. быстро становился одной из наиболее развитых стран арабского мира. Центром его экономических интересов были, как в древности у финикийцев, прежде всего торговые и финансовые контакты в Средиземноморье. Богатые ливанцы ориентировались преимущественно, как упоминалось, на Францию. Позиции Франции в Ливане были, в свою очередь, экономически весьма прочными: Ливан был поставщиком сырья для процветавшей шелкоткацкой промышленности Лиона. На рубеже XIX—XX вв. в Ливане стремительно развивались просвещение и культура, издавались книги и журналы, множились ряды интеллигенции.

Не имевшая выхода к морю Сирия была более отсталой, как и Палестина. Эти страны были своего рода тыловой частью Леванта.

Впрочем, с открытием судоходства по Суэцкому каналу (1869) стратегическое значение расположенной рядом с каналом Палестины стало расти. Здесь оказались сосредоточенными интересы не только соперничавших друг с другом Англии и Франции, но также и Германии, поддерживавшей Турцию.

Ирак, как упоминалось, был зоной английского влияния. Английские купцы держали в своих руках его внешнюю торговлю и контролировали судоходство по реке Тигр. Именно Ирак, как и Иран, стал ареной борьбы между Англией и Германией, прокладывавшей с благословения Турции через его территорию Багдадскую железную дорогу. Сооружение этой дороги давало Германии значительные экономические и политические преимущества как в самой Турции, так и в турецком Ираке. Англичане были этим, естественно, недовольны: усиление Германии в арабских странах грозило подрывом их позиций. Неудивительно, что они прилагали немало усилий для того, чтобы помешать успешному строительству, — и они добились этого, воспрепятствовав выходу новой железной дороги к морю в районе Кувейта. Но все же влияние Германии в Ираке, как и в соседнем Иране, тоже зоне английского господства, росло. Немцы вели борьбу за рынки Сирии и Ирака, особенно в районах, где была проложена дорога. Они создали ряд сельскохозяйственных колоний в Палестине. Конец этой экспансии положила война, итогом которой для арабских стран Азии был некоторый передел зон влияния.

По соглашению 1916 г., дополненному рядом документов несколько позже, Ирак перестал быть турецким и вначале стал владением Англии. В 1920 г. Англия предоставила ему некоторое самоуправление. В 1921 г. Ирак был превращен в монархию во главе с хашимитским (изгнанным французами из Сирии) эмиром Фейсалом, власть которого была ограничена составленной англичанами конституцией. Конституция и монархия обеспечили позиции Англии в экономике Ирака (контроль за нефтью и внешней торговлей), а по договору 1930 г. Англия формально отказалась от своего мандата на Ирак, который стал независимым государством, членом Лиги Наций. 30—50-е годы XX в. были периодом внутренней политической борьбы противоборствующих политических коалиций в стране, как ориентировавшихся на англичан, так и выступавших против них. В годы второй мировой войны, когда фашистская Германия попыталась использовать в Ираке — как и в Иране — антианглийские настроения и соответствующие выступления, Ирак стал ареной борьбы с немецко-фашистским влиянием. Англичане оккупировали страну и вывели свои войска лишь после войны. Рост антианглийских настроений и усиление национально-освободительного движения в Ираке вылились в 1958 г. в выход на передний план радикальных политиков. Антимонархический переворот повлек за собой активное сотрудничество нового правительства страны с СССР. Этот период был отмечен

аграрной реформой начала 60-х годов, а несколько позже — национализацией ключевых объектов экономики страны, включая ее основное богатство — нефть.

Сирия и Ливан по соглашению 1916 г. стали подмандатной территорией Франции. Сирия при власти французов была вначале разделена на ряд полуавтономных государств (именно в связи с этим переделом был изгнан эмир Фейсал, ставший королем Ирака), подчиненных французскому верховному комиссару в Бейруте, который был и главой Ливана. Вся экономическая и финансовая власть, включая право эмиссии в обеих зонах, принадлежала вначале Банку Сирии и Ливана. Позже, с конца 20-х годов, политически и экономически Сирия и Ливан стали обособляться. Более развитые территории прибрежного Ливана получили в 1926 г. статус республики, управлявшейся парламентом и президентом. Французами была разработана ливанская конституция, призванная учесть сложную этно-конфессиональную структуру Ливана, в соответствии с которой должны были распределяться места в парламенте. В Сирии было созвано Учредительное собрание, подготовившее в 1928 г. проект конституции, предусматривавший провозглашение независимости страны. Французы заявили, что это требование противоречит условиям мандата, и распустили Учредительное собрание. В 1930 г. они приняли другой проект конституции, предусматривавший создание парламентарной республики под контролем Франции.

В 1936 г. правительство Народного фронта в Париже пообещало скорое предоставление независимости Сирии и Ливану. Но с падением этого правительства французский парламент изменил свое решение. С началом второй мировой войны власть в Леванте оказалась в руках генералов правительства Виши, что привело к выкачиванию отсюда продуктов в Германию. Это вызвало резкое недовольство в Сирии и Ливане, энергично поддержавших переход власти в руки представителей «Сражающейся Франции», правительства де Голля. В 1943 г. из конституции Сирии и Ливана были исключены статьи, предполагающие зависимость от Франции. Обе страны, невзирая на продолжавшийся нажим французского правительства, стали независимыми.

Парламентарные демократические системы в Сирии и Ливане были слабыми и недостаточно устойчивыми. И в той, и в другой стране одни правительства сменяли другие, шла острая партийная, а в Ливане еще и религиозная борьба, уточнялись конституционные нормы, менялись внешнеполитические ориентиры. В Сирии демократические правительства подчас сменялись диктатурами (режим А. Шишекли в начале 50-х годов). В 1958 г. была совершена даже попытка политического объединения Сирии с Египтом в рамках Объединенной Арабской Республики (ОАР). Вначале это привело к реформам по египетскому образцу — аграрной прежде всего. Были также национализированы некоторые банки и предприятия.

Национализация вызвала недовольство и экономическую неустойчивость, что и послужило в 1961 г. причиной выхода Сирии из ОАР, а также изменения принципов аграрной реформы и денационализации. Сирия вновь вступила в полосу политических неурядиц, пока власть в середине 60-х годов не перешла к Партии арабского социалистического возрождения (БААС) с ее ярко выраженной социально-националистической ориентацией.

В Ливане ситуация была несколько иной. Здесь не было почвы для диктатуры, напротив, представители различных партий и групп едва договаривались друг с другом в стремлении сохранить стабильность. Экономика Ливана после второй мировой войны развивалась весьма энергично. По сравнению со своими соседями Ливан процветал. Но, как известно, это процветание прекратилось в середине 70-х годов, когда противоборство религиозно-партийных группировок вышло за пределы допустимой нормы и страна оказалась на грани политической, а затем и экономической катастрофы.

Особо следует сказать о Палестине, где Англия с 20-х годов поддерживала еврейскую иммиграцию и колонизацию. Уже в 1936 г. была сделана попытка разделить Палестину на части, что вызвало негодование арабов. Попытки же примирить арабов и евреев и тем более ограничить еврейскую иммиграцию привели лишь к конфликту Англии с рядом еврейских сионистских организаций, за спиной которых была американская поддержка. В 1947 г., вскоре после второй мировой войны с сопровождавшим ее геноцидом евреев, вопрос о Палестине, приобретший особое звучание, был передан в ООН. Генеральная Ассамблея постановила ликвидировать мандат Англии и разделить Палестину на два государства — еврейское и арабское, с выделением Иерусалима в город с особым статусом и международным режимом. В мае 1948 г. палестинские евреи создали государство Израиль, оккупировавшее в ходе спровоцированной арабами-палестинцами первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. часть территории, которая решением ООН предназначалась для арабского палестинского государства, и занявшее западную часть Иерусалима.

С 1948 г. Израиль — парламентарная республика во главе с президентом, обладающим преимущественно представительными функциями, и премьером. Существующий в основном за счет щедрой финансово-экономической помощи США, Израиль являет собой развитое современное государство с еврейским большинством и арабским меньшинством (имеются в виду те арабы, которые изначально проживали на территории Израиля и пользуются гражданскими правами). Хотя права арабского населения Израиля несколько ограничены по сравнению с теми, которыми пользуются евреи, они все же принципиально отличают эту часть населения от тех арабов, которые были присоединены к Израилю в результате второй арабо-израильской войны 1967 г. (иорданские территории к

западу от р. Иордан, сирийские Голанские высоты и часть земель в полосе Газа) и статус которых поныне — бесправный статус беженцев. Следует заметить, что внутри государства Израиль среди лидеров различных партий, входящих в кнессет (парламент) и время от времени участвующих в формировании правительства, существуют немалые разногласия по поводу того, какую внешнюю и внутреннюю политику проводить. Но по отношению к арабам насильственно присоединенных территорий мнение всегда было практически (за небольшим исключением) единым: палестинским арабам не следует предоставлять возможности для создания самостоятельного государства. Именно эта установка привела не только к конфронтации Израиля со всем арабским миром, но и к возникновению острой ближневосточной проблемы, решение которой не достигнуто и по сей день.

Арабские государства Аравии

В отличие от Ирака и Леванта родина арабов Аравия с ее кочевниками-бедуинами и немногочисленным земледельческим населением оазисов и в XIX в. продолжала оставаться отсталой периферией Ближнего Востока, своего рода заповедником полупервобытности — и это при всем том, что протогосударственные образования в Аравии существовали еще задолго до нашей эры. Аравия в географическом и соответственно политическом плане довольно отчетливо подразделяется на линию побережья с его оазисами, обычно становившимися центрами многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных эмиратов, султанатов, имаматов, и обширные районы пустынь с их немногочисленными оазисами, являющимися центрами притяжения для окрестных племенных групп кочевников-бедуинов.

Значительная часть Аравии с начала XVI в. принадлежала империи Османов, управлявшей племенами и государственными образованиями, правители которых считались вассалами турецкого султана и выплачивали ему дань. Эта дань, как и степень зависимости от Османов, обычно была небольшой, нередко просто номинальной. К XIX в. зависимость аравийских государств от Турции еще больше ослабла. Примерно так же обстояло дело с теми из аравийских государств, которые были близки к Ирану и находились в формальной зависимости от него. Со второй половины XVIII в. некоторые из них усиливаются и начинают проводить самостоятельную политику.

В обширных пустынных районах Неджда, к востоку от Хиджаза с его Меккой и Мединой, в середине XVIII в. сформировалось оппозиционное исламское движение ваххабитов. Его основатель Абд аль-Ваххаб выступил под знаменем возврата к чистоте раннего ислама, к аскетизму племенной жизни. Ваххабиты осуждали роскошь и праздность изнеженных властителей султанской Турции, выступали

против музыки и вина, кофе и табака, против пышного культа святых и т. п. Будучи в чем-то предтечей иранского шиитского фундаментализма конца нашего века, ваххабиты довольно легко нашли поддержку у бедуинов. Примкнувший к ним эмир небольшого государства в Недже Сауд возглавил движение после смерти аль-Ваххаба и начал активную завоевательную деятельность под флагом ваххабизма. Вскоре Саудиды подчинили себе большую часть Аравии, включая святые города ислама Мекку и Медину. По просьбе обеспокоенного турецкого султана против саудидского государства выступил в начале XIX в. Мухаммед Али Египетский. Саудиды были потеснены, и едва ли не весь XIX век прошел в этой части Аравии под знаком борьбы государства Саудидов с его противниками.

Борьба завершилась в пользу потомков Сауда. В 1902 г. в Недже был восстановлен ваххабитский эмират со столицей в Эр-Рияде. Территория этого государства вновь стала расширяться — к государству Саудидов был присоединен Хиджаз (1924), его границы достигли Ирака и Кувейта. С 1932 г. оно стало официально именоваться королевством *Саудовская Аравия*. В стране были проведены реформы, укрепившие центральную власть короля и его правительства. С 1938 г. на побережье Персидского залива, часть которого вошла в пределы Саудовской Аравии, началась добыча нефти, производившаяся в основном американской компанией АРАМКО, построившей в 1950 г. трансаравийский нефтепровод и способствовавшей неслыханному росту доходов от продажи нефти (как известно, все возраставшая часть этих доходов заложила основу экономического процветания Саудовской Аравии).

К северу и северо-западу от Неджда на границе с Левантом, в Заиорданье, издревле существовали арабские государства, активно взаимодействовавшие с крупными государствами различных времен, включая Вавилонию, Египет, Рим и Византию. С начала XVI в. Трансиорданье было подчинено Османской Турции. Расположенная к востоку от Ливана и Палестины, лишенная выхода к морю и не отличающаяся обилием оазисов и плодородной земли, эта северная часть Аравии не была слишком лакомым куском для завоевателей и не отличалась плотностью населения. Преобладали здесь, как и на большей части территории Аравии, кочевники-бедуины. После первой мировой войны Заиорданье было включено по решению Лиги Наций в состав английского мандата в Палестине. Англия в 1921 г. создала здесь особый эмират Трансиордания во главе с эмиром Хусейном. Именно здесь, в Трансиордании, был создан англичанами из бедуинов знаменитый Арабский легион, отряды которого составляли боевой костяк вооруженных сил Англии в Аравии и использовались в случае нужды для подавления враждебных англичанам выступлений в Сирии, Ираке и в самой Аравии.

В 1928 г. англичане разработали и приняли конституцию эмирата. В стране была создана конституционная монархия с парламентом. Однако экономически она продолжала быть крайне отсталой; в годы второй мировой войны эта страна — прежде всего Арабский легион — существовала за счет все увеличивавшихся английских субсидий. В 1946 г. Англия официально отказалась от мандата, а Трансиордания получила независимость. В 1950 г. ее парламент провозгласил единство страны с Восточной Палестиной (западный берег Иордана — ныне в составе оккупированных Израилем арабских земель) в рамках *Иорданского Хашимитского королевства.* Это объединение способствовало увеличению численности населения страны и ее развитию за счет палестинской экономики. Впрочем, ненадолго: арабо-израильская война 1967 г. привела к отторжению западноиорданских земель от Иордании.

Расположенный на юге Аравии древний *Йемен* (Саба; Химьяритское государство) с XVI в., как и остальная Аравия, был завоеван османами. Однако турецких войск здесь практически почти не было, и уже с XVII в. Йемен стал фактически независимым. Во главе его были имамы шиитской секты зейдитов, стремившиеся расширить свою власть за счет владений соседних арабских племен. На рубеже XVIII—XIX вв. ваххабиты, а затем Мухаммед Али Египетский временами оккупировали отдельные оазисы Йемена, а в 1849 г. здесь была даже восстановлена верховная власть султана — более номинальная, нежели реальная. Попытки турок закрепиться в Йемене вызвали активное сопротивление имамата, что привело в конечном счете (1911) к признанию Турцией полной автономии Йемена. С 1919 г. вассальная зависимость от Турции была окончательно ликвидирована, а Йемен провозглашен независимым королевством.

Стратегически важный мыс *Аден* на юге Йемена еще в 1839 г. был оккупирован англичанами, а после открытия судоходства по Суэцкому каналу он стал важнейшим портом-крепостью Великобритании. Английский губернатор Адена активно вмешивался в дела Йемена, и в ходе длительного так называемого англо-йеменского конфликта (1918—1928) значительная часть страны оказалась под контролем англичан. В 1934 г. Англия выступила гарантом независимого существования Йемена, подвергшегося нападению со стороны Саудовской Аравии, что привело к заключению англо-йеменского договора. Пытаясь противостоять Англии, король Йемена Яхья решил наладить контакт с фашистской Италией, стремившейся в это время овладеть Эфиопией и потому заинтересованной в благожелательности расположенного в этом же районе мира Йемена. Однако намерение Италии закрепиться и даже построить военную базу в Йемене не соответствовало интересам Англии и потому не могло быть реализовано. В 1943 г. Йемен разорвал отношения с Италией, с 1947 г. стал членом ООН.

Отсталое государство с немногочисленным населением активно боролось за свою независимость, что привело в 1949—1951 гг. к очередному англо-йеменскому вооруженному конфликту, итогом которого на сей раз стала демаркация пограничной линии между собственно Йеменом и протекторатом Аден (Южный Йемен). С 1962 г. Северный Йемен стал Йеменской Арабской Республикой (ЙАР) с конституционным режимом. Южный Йемен (английский протекторат Аден) в 1967 г. был провозглашен Народной Демократической Республикой Йемен, правительство которой взяло курс на развитие по марксистскому социалистическому пути.

На крайнем востоке Аравии расположен *Оман*, оазисы которого издревле были базами для торговых связей и дальнего мореплавания. С VIII в. здесь существовал практически независимый от халифата имамат шиитской секты ибадитов (абадитов), временами оказывавшийся под властью завоевателей, но затем восстанавливавший свое автономное существование. С XV в., в связи с эпохой Великих географических открытий и переходом основных морских коммуникаций под контроль португальцев значение оманских портов в мировой торговле стало падать. Однако в XVII в. могущество Португалии в районе Персидского залива объединенными усилиями Ирана и англо-голландского флота было подорвано, а имамы вновь стали полновластными правителями. С середины XVII в. их флот подчинил Оману Занзибар и район восточноафриканского побережья. В конце XVIII в. в Омане укрепилась Ост-Индская компания Англии, вмешивавшаяся в династийные распри и способствовавшая разделу имамата на части: оманский султанат Маскат стал властителем африканских территорий; существовали также фактически превращенный в английский протекторат Договорный Оман (ныне Объединенные Арабские Эмираты) и сильно уменьшившийся в размерах старый Оманский имамат. Позиции Англии в султанате Маскат и в Договорном Омане в XIX в. укрепились и сохранялись вплоть до середины XX в. Политическая власть в этих государствах временами изменялась, но социально-экономическая структура была крайне отсталой вплоть до начала активной нефтедобычи уже после деколонизации этого района Аравии (1970).

Расположенный к северо-западу от Омана в зоне Персидского залива *Кувейт* в XVI в., как и вся Аравия, был завоеван империей Османов. Однако уже в середине XVIII в. кувейтские шейхи стали фактически независимыми правителями. Впрочем, с усилением позиций английской Ост-Индской компании в том же XVIII в. в зоне Персидского залива эта независимость становилась все более призрачной. Англичане усиливали свой контроль над местной торговлей и вмешивались в политические и династические распри местных правителей. Временное восстановление османского владычества в 70-х годах XIX в. и реальная угроза усиления позиций Германии в этом

районе Азии побудили Англию обратить особое внимание на Кувейт, намеченный в качестве конечного пункта Багдадской железной дороги. Англичане спровоцировали в Кувейте острый династийно-политический конфликт и в конечном счете добились выгодного для них англо-кувейтского договора 1899 г., который похоронил надежды Германии довести железную дорогу до Персидского залива. В 1914 г. Кувейт стал британским протекторатом. С 1934 г. англо-американская Кувейт ойл компани начала здесь активную добычу нефти, которая после второй мировой войны и национализации (1976) нефтедобычи стала основой экономического процветания страны. С 1961 г. Кувейт — независимое государство.

Завершая краткий обзор истории арабских государств Аравии в период колониализма, следует заметить, что большинство их — кроме разве что расположенной в основном в песках Аравии державы Саудидов — рано или поздно становились протекторатами либо зависимыми от иностранных держав, в основном Англии. Правда, степень зависимости сильно варьировала: там, где это диктовалось стратегическими интересами (Аден, Маскат, Кувейт), она была сильной; в остальных районах подчас едва заметной. Экономических доходов (до начала добычи нефти) колонизаторы здесь не имели — скорее несли немалые расходы, как, например, на содержание трансиорданского Арабского легиона или на весьма дорого обходившуюся разведывательно-подрывную деятельность, которая была связана прежде всего с именем легендарного полковника Лоуренса, активно действовавшего в арабских странах Азии в первой трети XX в. Впрочем, все эти расходы окупались политическими дивидендами — достаточно напомнить о поражениях Германии в ее попытках закрепиться в исламских странах. Что же касается доходов от нефти, то, отнюдь не умаляя их, стоит все же напомнить, что на долю колонизаторов выпала не столь уж легкая задача наладить производство нефтедобычи, создать дорогостоящую инфраструктуру — и это при весьма дешевых ценах на нефть и сравнительно небольшой ее добыче. То и другое (цены и объем добычи) неизмеримо выросли в те годы, когда нефтедобыча была национализирована нефтедобывающими странами, включая Ирак и Иран, а также Саудовскую Аравию. Экономическое процветание многих из них и по сей день держится на эксплуатации природных ресурсов при сравнительно незначительных темпах социально-политического прогресса.

Афганистан

В начале XIX в. империя Дуррани — символ наивысшего могущества Афганистана, расцвета его политических успехов — распалась на части (Кабульское, Гератское, Кандагарское и Пешаварское ханства). Кабульский Дост Мухаммед, провозгласивший себя в 1836 г. эмиром

Афганистана, немало сделал для объединения страны. Сложность ситуации состояла в том, что в середине XIX в. Афганистан был уже окружен сильными державами — каджарским Ираном, сикхским Пенджабом и все ближе подходившими к нему с севера и юга колониальными империями, Россией и Англией. Неудивительно, что отсталая горная страна, не имевшая ни притягательных природных ресурсов, ни сколько-нибудь значительных иных богатств и доходов, но зато оказавшаяся в стратегически важном районе Азии, оказалась центром политических устремлений и интриг.

Англо-афганская война 1838—1842 гг. показала, что Афганистан — крепкий орешек. Хотя 30-тысячная английская армия и заняла города Кабул, Кандагар и Газни, она в конечном счете вынуждена была с позором отступить, вернув Дост Мухаммеда к власти. Воспользовавшись этим успехом, Дост Мухаммед, а затем его преемник эмир Шер Али сумели довести до конца объединение афганских земель. В 70-х годах границы России и аннексировавшей еще в 1849 г. сикхский Пенджаб Англии подошли уже вплотную к афганским землям. Обе державы явственно претендовали на определенное влияние в Афганистане, а перед афганскими правителями стояла нелегкая задача сохранить независимость в условиях заметного давления на страну с севера и юга.

Миссия генерала Столетова в Кабул в 1878 г. с проектом русско-афганского договора вызвала у Шер Али взрыв антианглийских настроений, чем умело воспользовалась Англия, использовав ситуацию в качестве предлога для новой военной экспедиции. Вторая англо-афганская война 1878—1880 гг. принудила преемника умершего Шер Али эмира Якуба заключить Гандамакский договор, по условиям которого Афганистан фактически признавал свою вассальную зависимость от Англии. Однако этот договор вызвал сильное недовольство выше всего ценивших свою независимость свободолюбивых горцев. В Афганистане вспыхнуло восстание, которое вскоре возглавил проникший в афганские земли из завоеванной русскими Средней Азии племянник Шер Али Абдуррахман. Опираясь на некоторую — не слишком явную — поддержку России, Абдуррахман одерживал победу за победой, так что англичане летом 1880 г. сочли за благо вступить с ним в переговоры. Признав Абдуррахмана эмиром Афганистана, они в то же время добились от него согласия на контроль Англии над внешней политикой страны (вести внешние сношения, «сообразуясь с мнениями и желаниями английского правительства»).

Хотя эмир Абдуррахман был вынужден согласиться на проанглийскую внешнеполитическую ориентацию, что вполне соответствовало реальному соотношению политических сил в то время (русские

были далеко, а английские войска рядом с Афганистаном), он главной своей задачей сделал укрепление центральной власти и пресечение сепаратистских тенденций. Тем временем Россия и Англия в условиях сложных политических интриг решали свои внешнеполитические споры, в том числе в районе Афганистана и близ него. Так, в 1893—1895 гг. была проведена — практически без участия афганских представителей — демаркация англо-афганской (точнее, индо-афганской) границы по так называемой линии Дюранда, а затем и русско-афганской границы в районе Памира.

Начало XX в. прошло в Афганистане под знаком некоторого подъема в сфере политических движений, культурно-просветительской деятельности. Хотя эта страна и была очень отсталой, и до нее дошли отзвуки тех событий, которые прокатились по соседним азиатским странам (Турция, Иран). Они привели к всплеску так называемых младоафганских реформаторских настроений. Движение младоафганцев было очень слабым, но все-таки это была возникшая на местной почве идеология реформ, модернизации страны. Именно на нее как на свою главную опору сделал ставку пришедший в 1919 г. к власти Аманулла-хан. В поисках поддержки против англичан, от которых он в том же году добился признания полной независимости страны, Аманулла апеллировал к Советской России, тоже признавшей эту независимость и заключившей с Афганистаном договор.

Хотя акт признания независимости вызвал подъем в стране, к решительным структурным реформам она не была готова. Младоафганцы в стремлении осуществить такие реформы взяли слишком крутой курс, что вызвало недовольство крестьянства и исламского духовенства. Опираясь на него, противники реформ добились в 1929 г. отречения Амануллы от власти. Королем страны стал Надир-шах, официально принявший конституцию (1931), которая закрепляла в стране режим умеренного характера, учитывавший и силу духовенства, и отсталость крестьянства, и значение племенных связей в Афганистане. В 1933 г. королем стал Закир-шах, ведший политику осторожного внешнеполитического лавирования, особенно накануне второй мировой войны, когда заметно усилилась активность агентов Германии в Афганистане. Эти агенты с началом войны были изгнаны, а ситуация в послевоенном Афганистане, когда Англия лишилась своих колоний и перестала быть важным фактором во внешнеполитической ориентации страны, привела к усилению связей Афганистана с Советским Союзом. В 1973 г. в результате государственного переворота Афганистан стал республикой, в итоге следующего переворота 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан, которую возглавил Революционный совет, ориентирующийся на сотрудничество с СССР.

Глава 12

Мир ислама: традиционная структура и ее трансформация в период колониализма

Общность группы стран Ближнего и Среднего Востока, включенных в третий блок, вполне очевидна и легко может быть продемонстрирована в нескольких важных для анализа отношениях. Во-первых, это вполне определенный историко-географический регион с древними культурными традициями. Во-вторых, это ядро арабо-мусульманского мира, обогащенного за счет соседних исламизированных народов, в первую очередь иранцев и тюрок. В-третьих, для подавляющего большинства стран этой группы была характерна в период колониализма лишь большая или меньшая зависимость от держав — при сохранении формальной политической независимости и внутреннего самоуправления. Все эти особенности, формирующие определенную общность судеб интересующей нас группы стран, органически связаны между собой. Даже больше того, они создают определенную метатрадицию, густо окрашенную в еще более определенный религиозно-цивилизационный цвет — в зеленый цвет ислама.

Конечно, мир ислама не ограничивался лишь группой стран Ближнего и Среднего Востока, о которых сейчас идет речь. Сильное влияние ислама ощущалось на протяжении многих веков и в тех странах Южной и Юго-Восточной Азии, а также Африки, которые рассматривались выше, в рамках первых двух блоков колонизованных европейцами стран. Но здесь все же есть определенная разница, о которой необходимо еще раз сказать.

В Индии, как о том специально говорилось, исламу противостоял индуизм, что и помешало ему, несмотря на политическое господство, обрести ту всеобъемлющую силу и создать такую структуру, которые были нормой на мусульманском Ближнем Востоке. В Индонезии или Малайе, тем более на юге Филиппин и вообще везде, где в юго-восточноазиатском регионе со временем стал играть значительную роль и даже абсолютно преобладать ислам, он в принципе был все же далеко не столь сильной и всеобъемлющей религией, как в местах расселения арабов, персов или тюрок. Местные религиозно-цивилизационные традиции в немалой мере ограничивали и ослабляли его воздействие, что с особой наглядностью видно на примере Индонезии. Тем более то же самое характерно для исламизированных районов и народов Тропической Африки, включая ее суданский пояс. Пожалуй, только для северной арабской Африки, для стран Магриба и особенно Египта следует сделать исключение. Именно потому, что это страны с арабо-исламским населением и что исламский религиозно-цивилизационный фундамент здесь, как и в Западной Азии, опирается на мощные пласты древних культур (от долины Нила

до Карфагена), наблюдается определенное сходство в исторических судьбах Магриба, Египта с судьбами западноазиатского исламского региона.

Учитывая сказанное, мы имеем все основания включить в предстоящий анализ мира ислама арабо-исламские страны Северной Африки и воспринимать их вместе с включенной в третий блок группой стран Ближнего и Среднего Востока как — применительно к периоду колониализма — нечто единое и цельное (оставляя при этом в стороне исламизированные страны Африки, Южной и Юго-Восточной Азии). Разумеется, при этом должны быть учтены и различия между североафриканскими и западноазиатскими мусульманскими странами — различия, которые наиболее очевидны при оценке степени колониальной зависимости той или иной группы стран.

Итак, перед нами мир ислама. Что являла собой традиционная исламская структура и какое воздействие на нее, на ее способности и потенции трансформации оказал мусульманский религиозно-цивилизационный фундамент? Как сказалось это на судьбах соответствующих стран в период колониализма?

Ислам: религия и общество

Об условиях и обстоятельствах, сопутствовавших возникновению и распространению ислама среди арабов, а затем и во всей Западной Азии, а также на североафриканских территориях (Арабский халифат), уже шла речь во второй части работы, где специально упоминалось и о некоторых генеральных принципах социальной политики мусульман (формы земельных владений и налогообложения, слитность религии и политической власти и др.). Говорилось вскользь и о специфике шиитского ислама. Теперь в центре внимания будет рассмотрение более глубинных признаков и характеристик ислама, которые во многом определяли на протяжении веков (и продолжают это и в наши дни) не только верования и мировоззрение мусульманского населения, но также, что существеннее, образ и принципы жизни, систему ценностей и соответствующие социально-нравственные установки мусульман, т.е. то, что можно было бы назвать исламским менталитетом.

Так что же такое ислам? Сформировавшись сравнительно поздно, доктринально эта монотеистическая религия восходит к ее предшественникам, иудаизму и христианству, к библейским идеям, образам и легендам. Обогатившись за счет влияния иранского зороастризма, а также впитав в себя многое из древних традиций и культурных достижений древневосточных цивилизаций и греко-античного мира (вспомним эпоху эллинизма), ислам оказался в определенном смысле весьма богатым в духовно-идейном плане наследником многих цивилизаций. Но выгодно и умело распорядиться этим богатым

наследием ему в немалой степени помешал реальный уровень развития того народа, который волею судеб оказался творцом и основным носителем новой религии,— арабов. Едва вышедшие за пределы первобытности арабы (речь идет о передовых племенных группах их; более отсталые бедуинские кочевые племена остаются на полупервобытном уровне и в наши дни) не были в состоянии активно освоить весь высокоинтеллектуальный потенциал религиозно-доктринального наследия, доставшегося им через основавшего новую религию пророка Мухаммеда. Впрочем, они не очень-то в этом и нуждались. Хорошо известно, что многое из высших достижений арабской культуры на рубеже I — II тысячелетий охотнее заимствовали европейцы (включая арабские переводы античных авторов), чем сами арабы. Что же касается арабов — разумеется, той части их, которая была причастна к грамоте и получала образование,— то они были более склонны, не вдаваясь в глубины интеллектуальных поисков, ориентироваться главным образом на жесткую религиозную догму ислама, на сформулированные им принципы жизни.

Здесь следует оговориться: арабская культура, прославленная именами аль-Газали, Аверроэса, Авиценны и многих других, немало внесла в сокровищницу мировой цивилизации. Но все это мало отразилось на жизненном стандарте и интеллектуальном потенциале мусульман, веками воспитывавшихся в русле арабо-мусульманского знания. Мало потому, что в основе стандартизованного исламского знания лежали не вершины арабской средневековой мысли, а священная книга мусульман Коран, хадисы устного предания Сунны и заповеди мусульманского права шариата. Именно Коран, Сунна и шариат веками формировали сознание, поведение, образ жизни, систему ценностей, генеральные установки среднего мусульманина, полноправного члена великой исламской общности-уммы. Речь идет поэтому об исламе как религии, оказавшей огромное воздействие на общество и во многом изменившей облик тех стран, где ислам оказался господствующим, особенно в пределах Ближнего и Среднего Востока, африканского Средиземноморья.

Религиозные догматы ислама до примитивности просты и весьма жестко фиксированы. Генеральная установка здесь — на покорность человека воле Аллаха, его посредника-пророка и замещающих пророка лиц, от халифа либо святого шиитского имама до обладателей власти на местах. Полное повиновение власть имущему объясняется как сакрально авторизованным принципом божественного источника высшей власти («Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк Его») при упоминавшемся уже полном слиянии политической администрации с религизным авторитетом, так и сознательно культивируемыми фатализмом («на все воля Аллаха») и приниженностью личности, этой жалкой песчинки по сравнению со все тем же всемогущим Аллахом. Приниженность конформной личности, всецело

преданной воле Аллаха, фатализм и покорность судьбе — вот источники не только религиозного фанатизма, коим отличались и по сей день отличаются многие преданные вере воины ислама (федаи, фидаи, федаины), но и того самого «поголовного рабства» как принципа социальной структуры, о котором писали в свое время Гегель и Маркс.

Ислам подчеркнуто эгалитарен: перед Аллахом все равны. Причастность к истинной вере, к всеобщей умме много важнее деления на расы, народы, племена и языковые группы. Поэтому классическая арабо-исламская и вообще мусульманская традиция практически не признает социальную замкнутость сословий, наследственное социальное неравенство. Напротив, религиозно освящен и практически всегда реализовывался принцип социальной мобильности: сила, способности, случай открывают двери наверх перед каждым, достойным того. Раб мог стать эмиром и султаном, бедняк-крестьянин — уважаемым знатоком ислама, высокопоставленным улемом, солдат — военачальником. Речь идет не о равенстве статуса и тем более прав: в обществе «поголовного рабства» все было как раз наоборот — низший всегда бесправен перед вышестоящим и легко может стать жертвой его произвола. Речь о равенстве возможностей, о равенстве жребия, реализации чего никогда не мешали ни покорность, ни фатализм мусульманина: честолюбивый и энергичный всегда в своих стремлениях и претензиях опирался на то и на другое, причем именно покорность его воле Аллаха и позволяла реализовать уготованную ему судьбу.

Но что существенно: генеральная установка и реальные общественно значимые и престижные целеустремления мусульманина всегда ограничивались продвижением его вверх по лестнице власти или религиозного знания. Других престижных путей обычно не было. И хотя в мире ислама всегда были богатые купцы, практически условия для активной частнопредпринимательной деятельности были крайне неблагоприятны. Отсутствие надежных правовых гарантий индивида-предпринимателя и, главное, полный произвол власти, всегда ревниво следившей за богатеющим торговцем, существенно ограничивали возможности частного лица, не облеченного властью (впрочем, подчас не помогала и причастность к власти: более крупные акулы без стеснения заглатывали тех, кто поменьше). Поголовное рабство и бесправие — это оборотная сторона эгалитаризма. Все равны и все одинаково бесправны. Право у тех, кто обладает силой, а овладевший силой и захвативший власть вместе с нею приобретает и сакральный авторитет. Исключение — и весьма существенное — являют собой шииты, признающие законной высшей властью лишь правление прямых потомков Мухаммеда, святых имамов или их родственников по боковым линиям (алиды, фатимиды, сеиды, шерифы).

Слабая социальная защищенность индивида и даже целой корпорации (семьи, общины, клана, цеха и т.п.) в мусульманских обществах лишь усиливала мощь власти. Неудивительно, что мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных. Впрочем, исламские государства тоже нередко распадались, уступая место более мелким. Однако характерно, что и приходившие на смену крупным мелкие государства (например, султанаты и эмираты распавшегося халифата) тоже были централизованными государствами, хотя и меньшего масштаба. Эффекта феодальной раздробленности мир ислама — по крайней мере в описываемом регионе — практически не знал, что вполне соответствует особенностям исламского социума.

Впрочем, здесь нужна оговорка. В тех нередких случаях, когда речь идет о зависимых полуавтономных странах (например, о странах Магриба, включая Египет, подчиненных Османской империи), ситуация усложнялась за счет того, что правители этих стран, обладая немалой автономией и реальной властью, все же были скованы в своих действиях. Это вело к относительной слабости власти в соответствующих странах, что, как говорилось, сыграло свою роль в процессе их колонизации. Но стоит заметить, что и в этой ситуации, как о том свидетельствуют годы правления Мухаммеда Али Египетского, многое зависело от конкретных условий, в частности от личности правителя. Можно сформулировать некую закономерность, смысл которой сводился бы к тому, что исламская система власти в принципе благоприятствует существованию сильного централизованного государства, хотя при некоторых обстоятельствах благоприятные факторы могут и не сработать.

Ислам нетерпим. Нетерпимость его проявляется не в том, что правоверные стремятся обратить в ислам всех неверных под угрозой их уничтожения. Не в том он, что правоверные всегда готовы начать священную войну — джихад — против неверных. То и другое не раз случалось в истории, но не в этом суть. Суть в том, что правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными, что это превосходство с самого возникновения ислама фиксировалось на государственном уровне (мусульманин платит более легкие налоги и освобожден от подушной подати, джизии), что выше всего ценится принадлежность человека к умме, что неверный всегда рассматривается в мусульманском государстве как не вполне равноправный, причем это особенно заметно на примере тех судебных казусов, когда перед мусульманским судьей-кади предстают в качестве тяжущихся

сторон мусульманин и немусульманин. Впитанное веками и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции, такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным — одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама. Это чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение. Естественно, что все это не могло не отразиться не только на нормах поведения и ценностных ориентациях всех тех, кто с гордостью всегда причислял себя к умме, но и в конечном счете на психике людей, точнее, на их социальной психологии.

Ощущая себя членом наиболее совершенно организованного социума, подданным исламского государства, во главе которого стоит сакрализованный правитель, мусульманин был не только надежным слугой Аллаха и ревностным правоверным, но и той силой, на которую Аллах и правитель всегда могут положиться. Отсюда — неслыханная внутренняя прочность и сила ислама и мусульманских государств. Если не считать Ирана, то во всем остальном исламском мире массовые движения обычно никогда не были прямо направлены против власти, власть имущих; они, как правило, принимали характер сектантских движений. Это и понятно: восставшие выступали не против ислама и исламского правителя, но за то понимание ислама, которое представлялось им наиболее верным и за которое они готовы были поэтому сражаться со всем присущим воинам ислама фанатизмом. Авторитет же сакрализованной власти как принцип оставался при этом незыблемым, что, помимо прочего, было гарантом внутренней силы исламских государств, залогом их внутренней прочности.

Особый случай — шиитский Иран. Сакральность правителя здесь была минимальной именно в силу того, что, не будучи потомком пророка, этот правитель по строгой норме доктрины шиитов вообще не имел права возглавлять правоверных, быть их религиозным вождем. Соответственно в Иране сформировалась несколько иная структура власти. Духовно-религиозный авторитет, представляемый группой наиболее уважаемых шиитских богословов-улемов (высший их разряд — аятоллы), обычно нарочито противопоставлялся светской власти. Это противопоставление вело к тому, что шиитское духовенство не только часто выступало в качестве оппозиции, но и нередко возглавляло те самые народные выступления, обилием которых Иран резко отличался среди других исламских стран. Это существенно ослабляло силу и эффективность администрации иранских шахов, делало шахский Иран — по сравнению, скажем, с султанской

Турцией — более легкой добычей колониальных держав. Однако такая ситуация ни в коей мере не ослабляла внутреннюю структуру страны, которая цементировалась шиитским исламом не менее прочно, чем в других мусульманских государствах, а в некоторых отношениях, видимо, и более крепко. Во всяком случае фанатизм воинов ислама у шиитов всегда отличался наиболее крайними формами, что хорошо видно на примере секты исмаилитов.

И еще одно, что необходимо иметь в виду, коль скоро заходит речь о мире ислама, о вселенской умме и ее ревностных представителях. Мусульманин, строго воспитанный в жестком русле немногих, но обязательных правил и принципов жизни, редко сетует на свою долю. Не то чтобы он всегда был доволен состоянием своих дел или равнодушен к хорошо сознаваемой им социальной справедливости. Напротив, то и другое заботило его и нередко было причиной массовых движений, чаще всего под религиозно-сектантскими лозунгами, за выправление нарушенной привычной нормы жизни. Но, если норма соблюдается, он спокоен. В неторопливом ритме делает свое привычное дело и редко стремится к чему-то большему, тем более к новому и неизведанному, чуждому привычной норме и грозящему ее разрушить. Конечно, крестьянин консервативен везде, особенно на Востоке. Но в исламских обществах он консервативен вдвойне, ибо на консерватизм земледельца здесь накладывается жесткая норма ислама с его предельной нетерпимостью к отклонениям. Консерватизм и конформизм ислама, фатализм и фанатизм его ревнителей, сакрализованный статус правителей и сила возглавляемого ими аппарата власти, внутренняя мощь и огромная сопротивляемость социума, мусульманской уммы,— все это реально действующие факторы, с которыми нельзя не считаться при анализе процесса трансформации исламских обществ в период колониализма.

Сопротивление и приспособление традиционных исламских обществ в период колониализма

Сопротивление и приспособление к изменяющимся обстоятельствам было общей нормой поведения Востока в годы активной колониальной экспансии. Однако характер и сила сопротивления, равно как адаптационные способности, т.е. умение и желание приспособиться к изменившимся обстоятельствам и извлечь из этого максимальную пользу для себя, были в разных странах Востока очень различными. Во многом это зависело от исторических судеб, от внешних факторов, от уровня развития, но более всего — при прочих сравнительно равных условиях — от религиозно-цивилизационного фундамента, т.е. от тех норм, принципов жизни, ценностных ориентаций и стереотипов поведения, которые формировались на базе упомянутого фундамента, отливались по его матрицам.

Так, англичане довольно легко и при минимальных для себя потерях укрепились в Индии не столько благодаря испытанной тактике «разделяй и властвуй», но едва ли не в первую очередь потому, что задававшая тон в стране индуистская традиция была безразлична к политической власти и весьма терпима к инакомыслию. В Тропической Африке или на островах Юго-Восточной Азии колонизаторы сравнительно легко подчиняли себе слабые полупервобытные социально-политические образования, опиравшиеся на очень тонкий пласт религиозно-цивилизационного фундамента, к тому же разнородного по типу, плюралистического по характеру. Иное дело — мир ислама. Здесь европейцы столкнулись с более или менее сильными государствами и с мощным, активно функционирующим в весьма определенном ключе религиозно-цивилизационным фундаментом. Привычная тактика «разделяй и властвуй» в этих условиях почти не срабатывала. Неудивительно, что и формы колониальной зависимости оказались в большинстве случаев иными, хотя они и варьировали в зависимости от обстоятельств.

Как о том уже шла речь, даже в тех странах, которые по статусу были близки к колониям, считались протекторатами, далеко не вся власть принадлежала представителям колониальной державы. Колонизаторы были вынуждены считаться с традициями и действовать преимущественно иными, экономическими методами. Лишь там, где население было малочисленным и власть сравнительно слабой, играла определенную роль военная сила держав (это касается и войн, и содержания войск типа Арабского легиона, и военных экспедиций типа суданской в конце XIX в.). Ну и, конечно, по мере укрепления держав в той или иной стране многое начинало зависеть от хода событий. Здесь можно было бы выделить несколько различных моделей-вариантов развития.

Первый из них — египетский. Будучи при Мухаммеде Али едва ли не наиболее могущественной и экономически развитой страной ислама, Египет во второй половине XIX в. был вынужден расплачиваться за чрезмерное экономическое напряжение, позволявшее Мухаммеду Али поддерживать мощь страны. Банкротство Египта в 1876 г. дало возможность англичанам резко усилить свои экономические позиции в этой стране, интерес к которой стимулировался еще и стратегически важным для Англии Суэцким каналом. Вскоре в связи с мятежом Ораби англичане ввели в Египет свои войска, которые надолго там остались (не говоря уже об охранявшейся ими зоне канала). Но, хотя англичане и вели себя в стране как хозяева, в полном смысле слова колонией Египет все же не стал, да англичане и не могли лишить эту страну независимости, ибо формально она была частью Османской империи. В то же время с автономией хедива и его властью колонизаторы считались.

Египетский вариант в некотором смысле можно считать оптимальным — с точки зрения успеха исламской страны, приспосабливающейся к изменившимся обстоятельствам. Несмотря на стойкое сопротивление традиционной структуры и считаясь с этим сопротивлением, англичане, не слишком форсируя перемены, все же способствовали развитию страны. На смену экономически неэффективной государственной экономике Мухаммеда Али пришла частнопредпринимательская деятельность, причем не только сами предприниматели, но и половина занятых на производстве рабочих были иностранцами, преимущественно европейскими колонистами. Колонизация Египта сопровождалась его европеизацией и модернизацией также и в сфере политических институтов, образования и культуры, городского строительства, даже быта городского населения. Став к 1923 г. независимой конституционной монархией, Египет к этому времени достиг на пути трансформации традиционной структуры достаточно многого, хотя сопротивление нововведениям не утихало. И все же, несмотря на сопротивление, традиционные институты постепенно сдавали свои позиции, а европеизированные нормы жизни завоевывали их.

Казалось бы, процесс внутренней трансформации и приспособления внутренней структуры к изменившимся обстоятельствам необратим. Однако все не так просто. Уход англичан из Египта (вывод войск в 1936 г. и национализация Суэцкого канала в 1956 г.) создал здесь новую обстановку. На передний план вышли силы, отнюдь не безразличные к традиции, после деколонизации вновь начавшей активно стремиться к восстановлению утраченных ею позиций. Усиленный курс на огосударствление экономики, а затем явственно проявившиеся тенденции к ограничению частнопредпринимательской деятельности и к усилению роли государства и вообще аппарата власти в жизни страны и общества — весьма ощутимое проявление силы приспособившейся, но отнюдь не ушедшей в прошлое традиции. Силу традиции демонстрируют и многочисленные группы исламских фундаменталистов («братья-мусульмане» и др.), выступающие против преобразований и даже в наши дни не теряющие, порой увеличивающие свое влияние.

Турция — *второй* вариант развития, в чем-то близкий египетскому. Близость в том, что Турция, длительное время находившаяся под энергичным воздействием со стороны европейских стандартов и прошедшая через серию реформ, революций и радикальных преобразований, за последние два века сильно изменилась. В стране наряду с сильным государственным сектором в экономике заметно развивается частнопредпринимательская деятельность. Укрепились, особенно после преобразований Кемаля, правовые нормы гражданского общества. Как ни в одной из других исламских стран, здесь потеснен со своих привычных позиций ислам как религия, ставший теперь отде-

ленным от государства, частным делом граждан. Но отличие Турции от Египта не только в том, что эта страна никогда не была ни колонией, ни протекторатом, ни даже политически зависимой. Более важное отличие, пожалуй, состоит в том, что, не будучи колонией и не имея соответствующего экономического давления, Турция в аналогичных условиях постепенных преобразований в чем-то оказалась более зависимой от традиции. С исламом как религией Кемаль поступил круто. Но ислам как традиция остался. И в этом смысле исламская традиция сильно сказывается. По уровню промышленного развития Турция не уступает Египту, даже превосходит его, но тип развития отличен и вплоть до недавнего времени был более близок к нормам традиционной структуры с ее ведущей ролью государства, со всеми ее проблемами, от экономической неэффективности до политической нестабильности. Впрочем, события последних одного-двух десятилетий в чем-то, похоже, существенно изменили турецкий вариант развития, о чем будет сказано в последней части книги.

Третий вариант — Иран. Будучи, как Турция и Египет, крупной исламской страной с большим населением и древними культурными традициями, с немалыми политическими амбициями, Иран в то же время отличается от остальных мусульманских стран прежде всего тем, что здесь абсолютно господствует шиитский ислам, т.е. ислам в его наиболее крайней, активной, сектантской форме. Влияние шиизма на структуру общества двояко. С одной стороны, он десакрализует власть и тем как бы ослабляет политическую администрацию, силу государства. Но, с другой — это ослабление (чем-то похожее на ситуацию с кастами и общинами в Индии) с лихвой компенсируется мощными социальными интегрирующими силами, сплачивающими шиитское население страны в нечто единое и цельное, возглавляемое духовенством. Роль воинствующего шиитского духовенства — это то, что отличает иранский социум от индийского. Непримиримость шиитского духовенства и ведомого им народа к переменам и нововведениям, угрожающим позициям ислама,— наиболее сильный импульс в Иране. Слабость власти, неспособной последовательно и успешно провести необходимые реформы, причем сделать это в нужном для страны темпе,— еще один сильный импульс, объективно умножающий мощь первого, т.е. ислама. Консервация отсталости, связанная с силой обоих импульсов и восходящая к мощи исламской традиции в ее шиитском варианте, воинственность духовенства и слабость той опоры, которая в иных обстоятельствах могла бы служить базой для развития и формирования новых социальных, экономических и политических сил в стране,— вот в самых общих чертах те факторы, которые предопределили судьбы современного Ирана, а косвенно также и ислама в его наиболее реакционной фундаментальной модификации.

Вариант *четвертый* — периферийные арабские страны. Это страны Магриба (кроме Ливии) и Западной Азии (кроме тех, кто имеет выход к нефтеносным промыслам Персидского залива). Общее для всех них — существенная роль вмешательства колониальных держав и их капитала при ограниченности внутренних ресурсов (как природных, так и людских), сравнительно невысоком уровне развития и стратегически важном, как правило, расположении. Во всем остальном это достаточно пестрая группа небольших государств, весьма отличных друг от друга даже в пределах своего региона (Марокко, Тунис и Алжир в Магрибе; Ливан и Сирия, а также Палестина в Леванте; Иордания и Йемен в Аравии). Колониальная политика держав и европейский капитал способствовали некоторому развитию указанных стран, хотя сопротивление их иностранному вторжению ощущалось постоянно. Формально ни одна из перечисленных стран не была лишена независимости, ибо и не имела ее — все они являлись частью Османской империи. Но фактически колониальное вторжение воспринималось как болезненная ломка привычных условий жизни и вызывало яростное сопротивление.

После крушения Османской империи все страны активно стремились к независимости и деколонизации, освобождению от иностранной опеки. Впрочем, колониализм содействовал модернизации и трансформации этих государств, правда, в различной степени. Наиболее заметно экономическое развитие и модернизация реализовывались в Леванте. Но и в других странах имели место европеизация политических институтов (включая нормы демократической процедуры), изменения в сфере культуры, быта, инфраструктуры и т.п. Что касается влияния исламской традиции, то она совершенно очевидно уступала свои позиции в более развитых из этих стран, хотя это и не был однозначный процесс: сложная религиозная обстановка в Ливане и Палестине привела со временем, как известно, не только к возрождению силы ислама, но и к превращению религиозной розни в один из главных элементов внутриполитической нестабильности на Ближнем Востоке.

Вариант *пятый* — Ливия и страны района Персидского залива с его нефтересурсами. Как правило, это едва ли не самые отсталые в прошлом страны арабо-исламского мира. Вмешательство колониализма здесь, кроме разве что Ливии, было ограничено политическими интригами и экономическими проектами, направленными на разработку ресурсов, организацию добычи и первичной обработки нефти. Как известно, именно нефть сказочно обогатила эти страны после их деколонизации. Экономика стран этой группы развивается ныне весьма ускоренными темпами, соответственно быстро идет и городское строительство, создание инфраструктуры (включая грандиозные проекты, связанные с опреснением воды и озеленением прежде безжизненных территорий Аравийской пустыни),

современной системы образования, подготовки кадров и т. п. Но в том, что касается развития политических институтов, элементов гражданского общества и всего с этим связанного, в том числе и культуры повседневного труда (т. е. именно того, формирование чего требует длительных и напряженных усилий, немалого времени и постоянного воздействия со стороны внешних цивилизационных факторов), эти страны отстают. Характерно, что не собственными силами создают они и современную экономику и инфраструктуру: это делается руками многочисленных иммигрантов, стекающихся сюда в поисках высоких заработков, живущих здесь, но, как правило, лишенных полных гражданских прав, которые являются привилегией лишь местных жителей. Что касается силы исламских традиций, то именно в этой группе стран она наибольшая из всех. Можно вспомнить об исламских теориях ливийского руководителя Каддафи, напомнить о роли ислама в современной Саудовской Аравии, в Кувейте, да и во всех остальных малых странах Персидского залива.

Наконец, еще один, *шестой* вариант — Афганистан. Уровень развития и сила ислама в этой стране сопоставимы с тем, что характерно для арабских стран пятого варианта. Но ни ресурсами, ни богатством с этими странами Афганистан сравниться не может. Зато по степени готовности отстаивать свою независимость, в том числе и с оружием в руках, Афганистан заметно выделяется даже на фоне весьма активных в этом плане мусульманских стран, не исключая и шиитского Ирана.

Вычлененные варианты свидетельствуют о богатстве конкретных путей развития исламских стран в период колониализма, о различиях в формах и степени сопротивления и приспособления исламской традиции к изменившимся обстоятельствам. Но при всех различиях можно подчеркнуть и нечто общее для стран современного ислама, включая Пакистан и Бангладеш, возникшие уже после деколонизации Востока и близкие по условиям и результатам развития к странам четвертого варианта. Это общее сводится к нескольким пунктам, вытекающим из вышеприведенной характеристики исламской традиции.

Прежде всего стоит напомнить, что, за исключением шиитского Ирана, исторические корни которого непосредственно восходят к глубокой и высококультурной древности (империя Ахеменидов), подавляющее большинство остальных народов и этнических общностей, которые составляют основу в изучаемых странах (арабы, тюрки, афганцы; в меньшей степени это касается исламизированного населения Пакистана и Бангладеш), относятся к числу вышедших на историческую арену сравнительно поздно и потому в массе своей достаточно отсталых. Ислам жестко и искусно законсервировал эту отсталость, во всяком случае на уровне подавляющего большинства населения. А так как в странах ислама не существовало наследствен-

ных замкнутых сословий правящих верхов или близких к ним, то неудивительно, что высшие слои общества по уровню мало отличались от низов, а выделявшиеся на этом общем фоне образованные интеллектуалы ислама опять-таки в основном, за редкими исключениями, были знатоками только все того же ислама. Кроме того, приниженность и строгая консервативность, конформность исламского социума, состоявшего из мусульман, привычно ориентированных на удовлетворенность жесткой нормой, на фанатичную преданность идее, нетерпимость и покорность судьбе, гарантировали устойчивость традиции. На страже этой стабильности стояло и сильное государство.

Все перечисленные факторы действовали в одном направлении — в пользу сопротивления переменам, особенно навязанным извне, со стороны неверных. Нужно было немалое время и сочетание благоприятных для колониализма обстоятельств, чтобы сила упомянутых факторов была хоть сколько-нибудь нейтрализована. Вот для того, чтобы оценить наличие такого рода обстоятельств, их силу и вызванные ими процессы, и были вычленены разные варианты развития и приспособления исламских обществ. В конечном счете эти варианты, суммируя близкие из них и воспринимая их в качестве модификаций примерно одного типа развития, можно свести к двум основным моделям.

Первая из них — модель длительного взаимодействия колониального капитала и исламской традиции. Суть ее в том, что традиционная исламская структура в процессе интенсивного воздействия на нее извне вынуждена приспосабливаться, преодолевая естественный и столь свойственный ей мощный импульс сопротивления, отторжения всего чуждого. Сюда следует отнести близкие друг к другу первый и второй варианты (Египет и Турцию), большинство стран четвертого варианта (в первую очередь страны Магриба и Леванта), кроме разве что очень уж отсталого Йемена, а также Пакистан и Бангладеш, т.е. некоторые части Северной Индии времен колониализма. Для стран, причисляемых к первой модели развития, характерен длительный период внутренней, нередко насильственной либо, как в Турции и Леванте, вынужденной трансформации в направлении европеизации политических институтов и элементов культуры, модернизации экономики, к тому же при заметном участии в этом процессе этнически и цивилизационно чуждых компонентов.

Для всех них, включая и саму Турцию, долгое время бывшую центром империи и сюзереном по отношению к окружавшим ее арабским странам, характерно, что процесс внутренней трансформации под воздействием извне был тесно связан, даже взаимообусловлен ослаблением государства. И наоборот, по мере их деколонизации, обретения ими независимости и усиления степени централизации власти (как в Турции после крушения империи) параллельно с

некоторым ослаблением импульса извне фиксируется если и не возрождение в полном объеме, то заметное усиление влияния исламской традиции, вплоть до появления влиятельных течений фундаменталистов. Существенно также заметить, что ослабление колониализма и усиление центральной власти в ставших независимыми после деколонизации исламских странах, о которых идет речь (включая Пакистан и Бангладеш), влекло за собой традиционное укрепление сферы государственной системы хозяйства, теперь уже в промышленной современной ее модификации, причем нередко за счет ослабления так и не набравшего силы в период колониализма местного частнопредпринимательского сектора. И все же, при всем том модель первая — это модель энергичной трансформации, европеизации и модернизации традиционных исламских стран.

Модель вторая — иная. К ней следует отнести те страны, где сила традиции и в период колониализма продолжала быть безусловно ведущим и определяющим фактором существования и развития соответствующих обществ. Суть ее в том, что традиционная исламская структура, как правило в ее наиболее примитивной форме, легко преодолевая все импульсы извне и как бы вообще не замечая, игнорируя их (бедуинам Аравии это было, например, очень несложно), воспроизводится в почти неизменном виде, независимо не только от силы того или иного государства, но даже и от уровня жизни. К этой модели, тоже представленной рядом неодинаковых модификаций, следует отнести страны, развивавшиеся весьма различно, но в чем-то весьма сходные (Иран, Афганистан, богатые нефтью арабские страны). Сходство в том, что, независимо от богатства и связанного с ним уровня жизни, ультрасовременной инфраструктуры, эти страны целеустремленно продолжают культивировать свой образ жизни и все привычные нормы ислама, а иногда, как это имело место в шиитском Иране, не останавливаются и перед тем, чтобы осознанно вернуться к фундаментальным нормам и древним порядкам времен раннего, «чистого» ислама. Конечно, многое в странах, развивающихся по этой модели, неодинаково. Но для всех них, будь то Ливия или Ирак, Аравия или Иран, Кувейт или Афганистан, характерно именно однозначное стремление жить по традиционным нормам ислама, что, впрочем, не мешает тем из них, кто для этого достаточно богат, пользоваться услугами и вещами, предоставляемыми модернизацией, купленными — но не самими созданными!— за счет этого богатства.

Итак, перед нами две разные модели, в чем-то заметно противостоящие друг другу. Именно этими различиями, очень важными для понимания процесса трансформации исламских обществ, и отличается ситуация в странах третьего (исламского) блока стран, к которому по религиозному и некоторым иным признакам следует прибавить исламские страны севера Африки и севера Британской (в прошлом)

Индии. И хотя обе модели демонстрируют незаурядную силу и консерватизм, способности к возрождению исламской традиции, все-таки различие между обеими моделями очень существенно. Первая соответствует общей норме, характерной для трансформации колоний в Африке, Индии, Юго-Восточной Азии, и сама причастна к колониальным и зависимым (в той или иной, но заметной степени) странам. Вторая — выпадает из этой нормы, вне зависимости от того, насколько те или иные страны испытали на себе воздействие колониализма. Конечно, можно найти причины, объясняющие, почему, скажем, в Иране, где влияние колонизаторов было весьма сильным и долгим, развитие пошло не так, как в странах, относимых к первой модели (можно говорить о силе отторжения шиитского ислама, о древних доисламских традициях и т.п.). Но факт остается фактом: Иран оказался в рамках другой модели, типичными обществами которой следует считать отсталые страны, почти не затронутые воздействием колониального капитала и в силу этого весьма воинственные, причем с ориентацией на привычную для ислама нетерпимость (Ливия, Афганистан) либо в любом случае высокомерно довольные собой и своей преданностью все тому же исламу.

Вторая модель в некотором смысле уникальна. Во многом сила ее — от нефтедолларов, придающих соответствующим странам прочность и уверенность, горделивое довольство собой. Но не только от этого. Второй исток силы — сам ислам, особенно в его наиболее простой и «чистой» модификации, хорошо усваиваемой отсталыми социумами и приобретающей поэтому огромную силу.

Блок четвертый

Дальний Восток

Глава 13

Китай в середине XIX — середине XX в.

Первая опиумная война и открытие Китая для европейской колониальной экспансии означали вступление огромной многотысячелетней империи в новый этап ее существования, в период колониализма. К этому времени маньчжурская династия Цин уже пережила период своего расцвета и явно клонилась к упадку. Собственно, поражение цинского Китая в опиумной войне и было наглядным проявлением этого упадка, а навязанная стране система неравноправных договоров, предоставлявшая иностранному капиталу торговые, таможенные и иные экономические, политические и правовые льготы и привилегии, стала неким символом нового этапа в ее

истории. Многое теперь зависело от того, как традиционная структура столь мощной и обширной империи с ее тысячелетними исключительными по силе и значимости традициями будет реагировать на перемены в жизни страны. Реакция эта не могла быть слабой — слишком большие силы пришли в движение. Вопрос был лишь в том, какую форму примет ответ древней империи на вызов эпохи и символизировавшей ее чужеземной системы колониального капитала.

Крестьянская война тайпинов

Эта форма вначале оказалась традиционной для Китая, т.е. такой, в которой почти не была заметной антииностранная, антизападная линия недовольства. Даже напротив, чуждые традиционной структуре западные христианские идеи сыграли чуть ли не решающую роль в формировании той идейной доктрины, под знаменем которой многомиллионные массы китайского крестьянства выступили против царствующей династии и даже были близки к тому, чтобы одержать над ней верх. Как это могло случиться и как это понимать?

Кризис империи начался, как упоминалось, с увеличения ввоза в Китай опиума, результатом чего было как массовое отравление населения южных провинций страны, так и выкачка из нее серебра и связанный с этим резкий финансово-экономический дисбаланс (лян, т.е. унция серебра, в 1830 г. соответствовал примерно 1000 медяков-вэней, в начале 40-х годов — полутора тысячам, в 1848 г. — двум тысячам, а в начале 50-х годов — почти пяти тысячам). Обесценение медяков, в которых вели свои расчеты миллионы крестьянских семей, вело к росту налогов (ставки налога традиционно исчислялись в лянах) и массовому разорению земледельцев, что, в свою очередь, послужило причиной восстаний, вспыхивавших в Китае одно за другим, особенно на юге, в конце 40-х годов. Восстаниями руководили различные тайные общества, идейно-доктринальная основа которых при всем разнообразии восходила примерно к одинаковому набору лозунгов и требований, окрашенных чаще всего в религиозные, преимущественно даосско-буддийские цвета: восстановить социальную справедливость, покарать нерадивых чиновников, отнять излишки у богатых. На этом общем фоне в начале 50-х годов выделилось движение тайпинов.

Идея тайпин (великое равенство) восходит к рубежу нашей эры и в свое время вдохновила участников восстания «Желтых повязок» в Хань. Однако теперь она стала интерпретироваться несколько иначе. Идеолог движения тайпинов Хун Сю-цюань (1814—1864), неудавшийся претендент в конфуцианские сюцаи (он трижды терпел поражение на экзаменах на первую степень), в начале 40-х годов в Гуанчжоу (Кантоне), куда он ездил сдавать экзамены, сблизился с христианскими миссионерами и проникся их идеями. Из христианства

Хун взял, во-первых, идею о высшем едином Боге, чьим пророком он вскоре стал себя воспринимать, а во-вторых, столь близкую китайской традиции идею о социальном равенстве и справедливости, которую он идентифицировал с принципом тайпин*.

Хун основал новое «Общество поклонения Богу» с традиционной для китайцев внутренней сплоченностью, железной дисциплиной, полным повиновением младших и низших высшим и старшим. Он резко выступил против привычных для восставшего китайского крестьянства даосско-буддийских лозунгов и изображений, заменив их почитанием высшего христианского Бога, идентифицированного в какой-то мере с конфуцианским Небом, что, однако, на практике вполне сочеталось как с традиционным конфуцианским культом морального совершенства, самодисциплины, ритуального церемониала, так и со столь же традиционными даосско-буддийскими требованиями равенства в его наиболее примитивной уравнительной форме. Эта смесь оказалась достаточно жизнеспособной для того, чтобы увлечь миллионы ставших тайпинами китайских крестьян. Войско тайпинов, хорошо организованное, разбитое на мелкие военно-религиозные ячейки с совместным строго регламентированным бытом (общность имущества и снабжение из общих складов, казарменные условия существования), стало быстро одерживать победу за победой, занимать один южнокитайский город за другим. Сделав своей столицей Нанкин, тайпины вскоре оказались перед необходимостью организовать управление уже достаточно большим государством. Казарменный аскетизм был для этого недостаточен. Пришлось ориентироваться на традиционные китайские формы управления, вплоть до конфуцианских экзаменов на ученую степень. Естественно, это не могло не поколебать прежних устоев и принципов идеологии тайпинов.

Уже в середине 50-х годов движение тайпинов, как это не раз случалось в аналогичной ситуации с крестьянскими восстаниями в Китае, обрело очертания привычной для империи бюрократической структуры. Руководители движения получили княжеские титулы, обзавелись дворами и гаремами, стали ожесточенно соперничать между собой за власть. Тем временем события в Китае и явная неспособность маньчжурской династии справиться с восставшими начали всерьез беспокоить европейские державы, лишь недавно открывшие двери Китая для колониального капитала. Воспользовавшись незначительным инцидентом в качестве предлога, англичане осенью 1856 г. высадили войска в Гуанчжоу. Позже к ним присо-

---

* В китайской лексике знак «пин», как и многие другие иероглифы, полисемантичен. Это символ мира, равенства, справедливости, благоденствия. Но прежде всего он символизирует именно социальное равенство.

единились французы. Гуанчжоу был захвачен, войска стали продвигаться к Шанхаю, затем (в мае 1858 г.) были высажены на севере, близ Пекина и Тяньцзиня. Цинские власти предпочли пойти на переговоры и новые уступки державам (Тяньцзиньский договор 1858 г.). Правда, вскоре после подписания договора чуть оправившиеся от испуга маньчжурские власти решили было частично изменить его условия, но новая серия вооруженных столкновений китайских войск с экспедиционным корпусом держав, завершившаяся поражением Китая и разгромом знаменитого комплекса летних императорских дворцов Юаньминьюань, разграбленных и сожженных колонизаторами, привела к подписанию в 1860 г. Пекинских соглашений. На сей раз последовали еще большие уступки державам — уже не только Англии и Франции, но и России.

Тем временем тайпины, некоторое время находившиеся в состоянии острого внутриполитического кризиса, как бы обрели свое второе дыхание. В 1859 г. в Нанкин прибыл один из близких родственников Хун Сю-цюаня — Хун Жэнь-гань, ряд лет проведший в Гонконге в общении с христианскими миссионерами. Он принес с собой программу новых реформ, явственно несших отпечаток иноземного влияния. Суть преобразований сводилась к тому, чтобы содействовать частнособственническому предпринимательству, заимствуя при этом у Запада его опыт, достижения и даже некоторые институты. Но при этом следовало по-прежнему укреплять дисциплину, бороться с суевериями и всемерно укреплять власть государства. Впрочем, нововведения Хун Жэнь-ганя в том, что касается следования западному опыту, не могли быть реализованы. Более того, поладившие с цинским двором державы теперь, с начала 60-х годов, были заинтересованы в том, чтобы покончить с тайпинами (по букве новых договоров с Китаем после разгрома тайпинов они приобретали некоторые привилегии в районе бассейна Янцзы, оплота государства восставших).

Это привело к тому, что державы, с одной стороны, стали вооружать маньчжурское войско, а с другой — сами решили вмешаться в ход военных действий. Была создана бригада во главе с англичанином Уордом (после его смерти ею командовал Гордон), которая нанесла тайпинам ряд существенных поражений. Активизировали военные действия и добились некоторых успехов и цинские армии. Началась блокада Нанкина. И хотя отдельные группировки войск тайпинов (в частности, армии Ши Да-кая) время от времени еще достигали успехов, участь восстания в целом была уже решена. В 1864 г. Нанкин был взят штурмом, Хун Сю-цюань покончил с собой, Хун Жэнь-гань был взят в плен и казнен. Вскоре и оставшиеся войска тайпинов прекратили сопротивление. С последней в истории императорского Китая великой крестьянской войной было покончено. Восставшие потерпели поражение.

Феномен тайпинского восстания поучителен во многих отношениях. Но для нашего анализа важнее всего обратить внимание на его общую политико-идеологическую направленность. Это не была антизападная, антиколониальная акция, не было сопротивление традиционной структуры нежелательным нововведениям. Дело в том, что нововведения как таковые еще не успели сказаться и повлиять на структуру, вызвать с ее стороны сопротивление. А то, что уже успело проявить себя (ввоз опиума, утечка серебра и финансово-экономический кризис), было лишь привычными в истории империи сигналами, свидетельствовавшими о нарушении приемлемой жизненной нормы и о необходимости противостоять такого рода нарушениям. К этому китайская традиционная структура привыкла, на этот случай существовали веками отработанные нормы социально-политической реакции. Именно так и следует расценивать крестьянские движения 40-х годов, приведшие в итоге к восстанию тайпинов. Целью тайпинов, как это явствует из их лозунгов и практики, было стремление восстановить нарушенную норму, добиться социальной справедливости (такой была цель всех китайских, да и не только китайских крестьянских движений). Средством для достижения цели были опять-таки привычные для традиционного Китая формы, сводившиеся к созданию нового государства, организованного по обычной для Китая модели (альтернативы просто не было), но более непримиримого к отклонениям, наносящим вред стране и народу. Непривычным было идейное наполнение политических программ.

Речь идет как о христианстве, так и о программе реформ Хун Жэнь-ганя с ее попытками провозгласить курс на поддержку частнопредпринимательской деятельности. То и другое оказало сравнительно слабое воздействие на ход и идейное содержание движения тайпинов. Для реализации курса на частное предпринимательство просто не было условий. Что же касается христианских идей, то ориентация на них в политике свелась по сути лишь к борьбе с привычными даосско-буддийскими суевериями (не вполне ясно, дала ли эта борьба желаемые результаты, что сомнительно). В остальном от христианства мало что осталось. Судя по всему, идея Бога была поглощена привычным представлением о конфуцианском Небе, а сакральность пророка Хуна слилась в представлении масс с обычной для них сакральностью верховного правителя, сына Неба. Поэтому вернее вести речь не столько о роли западной религии и западных влияний в идеологии тайпинов, сколько о самом факте, самом феномене. Суть и смысл этого феномена в том, что Запад и его идейный символ — христианство в середине прошлого века, на заре колониальной экспансии в Китае, не воспринимались как нечто чуждое, угрожающее, одиозное. Это было что-то новое, необычное и даже в чем-то близкое своему, привычному — именно эти близкие к китайской традиции моменты и были заимствованы из христианства Хун Сю-цюанем.

Иными словами, тайпинское восстание не было в полном смысле реакцией традиционной китайской структуры на колониализм. Оно было реакцией на кризис, хотя сам кризис был спровоцирован колониализмом. Что же касается христианства, то о католической его версии, связанной с пребыванием в Китае в XVI—XVII вв. иезуитов, страна уже успела забыть за долгие века ее изоляции от европейцев. Протестантская же версия, с которой и познакомился Хун после открытия Китая для колониальной экспансии, еще не успела стать символом чуждого влияния. Просто то, что было в этом учении созвучным с традицией, оказалось воспринятым идеологами тайпинов.

Поражение тайпинов сняло проблему влияния христианских идей среди крестьян, но поставило немало новых вопросов, важных для страны. Первым из них был вопрос о формах существования Китая в новых условиях. Условия эти характеризовались, с одной стороны, слабостью династии, с трудом восстанавливавшей свои силы после изнурительной войны с тайпинами и энергичного натиска колониальных держав; с другой — проникновением в страну иностранного капитала и связанным с этим постепенным крушением традиционной структуры, неизбежной и мучительной переоценкой ценностей под воздействием европеизации. Найти выход из сложившейся ситуации оказалось для Китая делом весьма нелегким. Решение проблемы затянулось более, чем на столетие. Но его основные принципы начали отчетливо вырисовываться сразу же после тайпинского восстания. Они сводились к тому же, что было характерно для всего Востока: к сопротивлению и приспособлению. Впрочем, в Китае и то, и другое приняло, естественно, свои, китайские, обусловленные тысячелетней традицией формы.

Политика самоусиления и попытки реформ

Продемонстрированная в годы опиумных войн и тайпинского восстания слабость цинской империи и энергичное укрепление в Китае колониального капитала вызвали к жизни естественную реакцию самосохранения. Проявлением ее стала политика самоусиления, ставшая генеральной линией империи в последней трети прошлого века. Поставленные перед очевидным фактом, правители империи, начиная от всесильной императрицы Цыси и ее ближайших помощников типа Ли Хун-чжана и кончая чиновниками на местах, вынуждены были признать превосходство европейского оружия и западной техники. Стремление заимствовать все это и поставить на службу Китаю и явилось основой политики самоусиления. Иными словами, дело модернизации страны руководители цинского Китая решили взять в свои руки, оставив за колониальными державами лишь право на торговые операции и финансирование промышленного и иного строительства. Конечно, колониальный капитал тоже быстро

укреплял свои позиции в Китае в конце прошлого века, создавая там свои предприятия и расширяя внешнеторговый оборот, но все же основной рост промышленного потенциала и всей инфраструктуры шел преимущественно за счет централизованных усилий китайского государства.

Здесь надлежит сделать существенную оговорку. Речь идет не о хорошо продуманной и официально принятой на высочайшем уровне новой экономической политике. Как раз напротив, верхи империи во главе с Цыси были сравнительно мало озабочены проблемами самоусиления, да и не были готовы для этого. Другое дело — влиятельнейшие деятели империи, фактически державшие в своих руках власть над теми или иными регионами страны и имевшие в своем распоряжении сильные армии и огромные средства. Существуя как бы сами по себе, они в то же время не только не были в оппозиции к центру, но практически действовали от его имени, будучи облечены высокими полномочиями, сохраняя за собой высшие официальные посты. Регионализация Китая по этому принципу не была чем-то новым. Напротив, по меньшей мере с конца Хань это было нормой в тех условиях, когда центральная власть оказывалась не в состоянии сохранить свои позиции либо справиться с крестьянским восстанием. В этих случаях инициативу и брали на себя сильные дома, создававшие собственные армии, вступавшие в борьбу с повстанцами и затем вершившие делами империи. Так было в конце Хань. Нечто похожее стало реальностью и после подавления восстания тайпинов.

Внесшие весомый вклад в это дело высшие сановники империи Ли Хун-чжан, Цзэн Го-фань, Цзо Цзун-тан и некоторые другие уже с начала 60-х годов стали на путь энергичного строительства в своих регионах арсеналов, верфей, механических предприятий с тем, чтобы перевооружить собственные армии и тем усилить вооруженную мощь империи. Частично эта деятельность финансировалась за счет казны, отчасти — за счет поборов с имущих слоев того региона, который находился под контролем данного сановника, в немалой степени — за счет награбленного в ходе войны с тайпинами. Компании, строившие арсеналы и заводы, верфи и шахты, не останавливались и перед тем, чтобы привлечь частный капитал — средства купцов, шэньши, земледельцев. Но вносившие его собственники, как правило, не имели голоса при решении проблем, связанных с производством и финансами компании; в лучшем случае они регулярно получали свою долю дохода в виде процентов на вложенный капитал. Практически это означало, что заимствованный у иностранцев принцип капиталистического производства в китайской реалии конца прошлого века обрел форму государственного капитализма. Теоретически это было обосновано в классическом тезисе самоусиления: «Китайская наука — основа, западная — (нечто) прикладное». Смысл его состоит в том, что китайская конфуцианская основа во всех отношениях не

ставится под сомнение, тогда как все заимствованное с Запада перенимается для того, чтобы дополнить основу. К этому стоит добавить, что в Китае стали появляться многочисленные сочинения, разрабатывавшие этот постулат в том смысле, что вообще-то все великие изобретения и достижения Запада не что иное, как результат заимствованных в свое время из Китая идей, так что нет ничего удивительного в том, что теперь все эти несколько видоизмененные идеи китайцы вправе взять на вооружение.

Рост иностранной торговли в Китае вел к накоплению в стране немалых средств за счет таможенных сборов. Эти средства, как и иностранные займы, тоже шли на форсирование политики самоусиления, в первую очередь на создание индустрии вооружения. Впрочем, немалая доля их прилипала к рукам гигантского аппарата власти, вплоть до императрицы, которая предпочитала строить дворцы на деньги, предназначавшиеся для перевооружения армии. Регионализация страны и продажность аппарата власти сильно ослабляли империю и во многом нейтрализовывали возможные успехи политики самоусиления. Протекционизм и коррупция вели к назначению на важные посты бездарных протеже высших сановников — и это тоже делало свое дело. Отсюда — недостаточная эффективность политики самоусиления, что стало очевидным при первых же серьезных испытаниях, какими явились война Китая с Францией за Индокитай в 1884—1885 гг. и японо-китайская война 1894—1895 гг. Обе войны, в ходе которых империя столкнулась с хорошо вооруженными и умело руководимыми армиями, привели Китай к поражению и немалым потерям: Вьетнам, а затем Корея и Тайвань перестали быть вассальными по отношению к Китаю территориями, частями империи. Это был уже крах политики самоусиления, оказавшейся несостоятельной.

Военные поражения и крушение политики самоусиления логически привели к очередному натиску на Китай колониальных держав, усиливавших свои экономические и политические позиции в дряхлеющей империи. Основной финансово-экономической силой в Китае стали иностранные банки; в ходе так называемой битвы за концессии державы получили в свои руки контроль над быстроразвивающимся железнодорожным строительством; немалые деньги иностранный капитал вложил также в судоходство, хлопчатобумажную и некоторые иные отрасли промышленности. Правда, параллельно с этим продолжалось и создание казенных предприятий — горнорудных, металлургических, текстильных. Но все они, как правило, были экономически неэффективными, технически отсталыми.

Первые шаги в конце века начала делать и китайская национальная частная промышленность, хотя частные фабрики и иные предприятия были еще, как правило, мелкими и экономически

слабыми. В целом капиталистическое развитие Китая наращивало свои темпы, но формы его были типичными для традиционных восточных структур: преобладали предприятия иностранного капитала и казенные, государственные. Для развития национального капитала в стране еще не были созданы необходимые условия, в частности правовые, экономические. И это несоответствие вполне ощущалось в конце XIX в. Передовые умы Китая, уже немало заимствовавшие из европейского опыта и многое узнавшие о Западе, все более настойчиво пропагандировали необходимость серьезных внутренних реформ, которые были бы способны освободить страну от сковывавших ее оков традиционной структуры и открыть двери для активных преобразований.

Движение за реформы связано прежде всего с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ю-вэя (1858—1927), пытавшегося сочетать блестящее традиционное конфуцианское образование с глубоким анализом современной ему эпохи. В своем знаменитом сочинении «Датун шу» Кан Ю-вэй на базе древних китайских учений о социальной справедливости, а также заимствованных им у европейских философов утопических доктрин пытался создать генеральную теорию всеобщего благоденствия в условиях столь привычного для Китая отсутствия частной собственности и умело организованного общественного хозяйства. В этой теории было немало и от тех эгалитарных устремлений, которыми вдохновлялись восставшие китайские крестьяне со времен ханьских «Желтых повязок» до тайпинов. Но заслугой Кана было то, что он не ограничился теоретическими утопиями, а весьма ревностно взялся за практические дела, обличая в своих меморандумах трону царящие в стране произвол, коррупцию, выступая в защиту угнетенного народа. Конечно, и это все не было новым в истории Китая: еще сравнительно недавно, несколько веков назад, минские конфуцианцы столь же страстно обличали пороки временщиков и звали к восстановлению утраченных конфуцианских порядков. Но Кан не стал повторять их призывы. В отличие от своих предшественников, тоже выступавших за реформы, он призвал к преобразованиям, направленным на изменение всей системы государственного устройства. Опираясь на авторитет Конфуция, Кан Ю-вэй потребовал введения в стране конституционной монархии на парламентарной основе, демократизации, активного заимствования западных стандартов, включая введение новых законов, поддержку частного предпринимательства, решительных преобразований в сфере экономики, администрации, просвещения и культуры и т.п.

Меморандумы Кан Ю-вэя и его сторонников с середины 90-х годов приобрели достаточно широкую поддержку. В 1895 г. была создана «Ассоциация усиления государства», члены которой выступали за реформы. С сочувствием отнесся к предложениям Кан Ю-вэя и

молодой император Гуансюй*. По всей стране стали возникать организации Ассоциации, издаваться газеты и журналы, в которых пропагандировались идеи реформаторов. Борьба за реформы вспыхнула с особой силой после знаменитого инцидента 1898 г., когда в ответ на убийство двух немецких миссионеров Германия оккупировала район бухты Цзяочжоу с городом Циндао на полуострове Шаньдун, а вслед за ней изрядные куски китайской территории захватили Англия (Коулун), Франция (побережье Гуанчжоувань) и Россия (Порт-Артур и Дальний).

Эти захваты, означавшие по сути переход к разделу Китая колониальными державами, были весьма болезненным сигналом для империи и не могли не вызвать в стране взрыв негодования. Сторонники реформ стали создавать «Союзы защиты государства», а летом того же 1898 г. Гуансюй решился на проведение реформ. Кан Ю-вэй и его сторонники (наиболее известны из них Лян Ци-чао, Тань Сы-тун) разработали обстоятельную программу, включавшую содействие развитию промышленности, отмену ряда старых и введение новых административных институтов, открытие новых школ и вузов, издание книг и журналов, реорганизацию армии, поощрение современной науки и т.д. Однако как реформаторы, так и сам Гуансюй имели мало реальной власти для того, чтобы осуществить эту программу. Высшие должности в стране занимали их открытые противники, явно саботировавшие нововведения. А за спиной оппозиции и самого Гуансюя стояла выжидавшая развития событий всесильная Цыси. Было очевидно, что без решительных акций успеха реформаторам не добиться.

Наиболее радикальные из лидеров реформаторов предложили Гуансюю убрать Цыси и ее сторонников. Переворот был намечен на октябрь 1898 г., когда должны были состояться большие маневры войск. Однако привлеченный реформаторами для осуществления этого плана генерал Юань Ши-кай выдал их планы, после чего Цыси, опередив события, приказала арестовать Гуансюя и вождей реформаторов. Тань Сы-тун и многие другие реформаторы были казнены. Гуансюй лишился трона. Кан Ю-вэй и Лян Ци-чао, которым удалось бежать, опираясь на помощь Англии и Японии, сумели спастись, но дело их оказалось проигранным. Сто дней реформ не дали результата, породили мощную ответную волну репрессий, вызвавших сочувственную поддержку со стороны масс китайского населения. Китай увидел в попытке реформ козни иностранцев. После казни группы реформа-

---

* После смерти императора Тунчжи его мать Цыси, исполнявшая функции регента, возвела на престол Гуансюя, приходившегося ей племянником. Поскольку это было сделано в нарушение принятой в стране традиции престолонаследия, позиции Гуансюя на троне были достаточно слабыми, что и сыграло немалую роль в стремлении молодого императора обрести политическую опору и вырваться из-под тиранической опеки Цыси.

торов в Пекине начались открытые антииностранные выступления, для подавления которых были вызваны войска охраны. В то же время цинские власти во главе с Цыси не спешили с наведением порядка, опять-таки выжидая, как пойдут события дальше.

Восстание ихэтуаней

Взрыв ненависти по отношению к иностранцам подспудно вызревал уже давно. Недовольство «заморскими дьяволами», «иностранными варварами» становилось весьма широким, причем проявлялось оно прежде всего на местном уровне, главным образом в антимиссионерских выступлениях. Миссионеры активно действовали в Китае; именно они прежде всего контактировали с китайским крестьянством. Естественно, что они первыми испытали на себе мощь традиционной структуры и силу сопротивления Китая всему чуждому, что как раз и олицетворяли в конце XIX в. миссионеры. С лета 1898 г. и особенно после провала реформ антимиссионерское движение все нарастало и в ряде мест начинало принимать организованные формы. Под лозунгом «Поддержим Цин, уничтожим иностранцев!» повстанцы в различных провинциях страны разрушали христианские церкви и дома миссионеров, преследовали принявших христианство китайцев (их было весьма немного), а заодно громили лавки иностранных торговцев, помещения иностранных консульств в торговых центрах. Открытая поддержка державами курса на реформы расставила все на свои места. Страна после ста дней реформ оказалась накануне мощного народного взрыва, взрыва ярости, направленного против хозяйничавших в стране иностранцев, против вторгшегося в Китай колониального капитала, против всех тех новых порядков, которые противостояли старому, привычному, нормативному, опиравшемуся на мощные пласты тысячелетий, на окрашенный в конфуцианские и даосско-буддийские тона цивилизационный фундамент.

Ощущая поддержку населения, правительство Китая в конце 1898 г. встало на более жесткие позиции по отношению к иностранцам, отказывая им в просьбах о концессиях либо аренде территорий. Обстановка в Пекине становилась все более накаленной. Иностранные миссии ввели в город вооруженные отряды для своей охраны. В Пекине и по всей стране распространились слухи о предстоящей расправе с иностранцами, а также листовки, в которых высмеивались европейцы, особенно миссионеры. Возглавило антииностранное движение общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), доктринальная основа которого восходила к даосско-буддийским верованиям, суевериям, традиционным приемам китайской гимнастики и кулачного боя (за что восставшие позже получили в европейской

прессе наименование «боксеров»), не говоря уже о ритуалах, амулетах, заклинаниях и т.п.

Выступления ихэтуаней начались в провинции Шаньдун еще в 1898 г. и были направлены против немецких миссионеров, солдат и специалистов, намечавших трассу железной дороги. Местные власти пытались навести порядок, но движение, несмотря на это, все ширилось. В 1899—1900 гг. оно переместилось в столичную провинцию Чжили. Многочисленные отряды расположились близ Пекина и Тяньцзиня. Обеспокоенные иностранные дипломаты настаивали на принятии решительных мер против повстанцев, но цинское правительство не спешило с этим. Обстановка тем временем становилась все более угрожающей. В конце мая 1900 г. на совещании посланников держав было принято решение направить в Пекин дополнительный контингент войск для охраны миссий. Кроме того, в адрес цинского правительства были направлены заявления угрожающего характера, которые 17 июня были подкреплены захватом крепости Дагу близ Тяньцзиня сводным отрядом иностранных войск, что фактически означало объявление войны.

Цыси колебалась, не зная, что предпринять. Большинство ее советников склонялось к поддержке ихэтуаней и использованию подходящего момента для того, чтобы дать отпор державам. Именно эта точка зрения и возобладала. Императрица открыла ворота Пекина перед ихэтуанями, а также ввела в город регулярную армию, солдаты которой тоже были резко настроены против иностранцев. 11 июня в Пекине солдаты убили на улице советника японского посольства Сугияму, 20 июня — немецкого посланника Кеттелера. Это означало объявление войны, что и было официально подтверждено императорским указом от 21 июня (в ответ на ультиматум держав от 19 июня). Указ официально санкционировал восстание ихэтуаней, хотя и стремился поставить их действия под контроль властей.

Следует заметить, что и после официального объявления военных действий цинское правительство продолжало колебаться и стремилось сохранить за собой пути к отступлению. В принципе это можно понять: несмотря на официальную защиту ихэтуаней, власти отчетливо сознавали, что они имеют дело с неуправляемой стихией, которой следовало опасаться. И хотя стихия пока что шла в русле лозунга «Защитим Цин, уничтожим иностранцев», ручаться за будущее не представлялось возможным. Державы же реагировали на ситуацию бурно и действовали весьма активно. В короткий срок была создана 20-тысячная союзная армия восьми держав, 3 августа она выступила на Пекин. Хорошо вооруженные дисциплинированные войска интервентов легко одолели сопротивление повстанцев и 14 августа заняли столицу. Бежавшая в Сиань Цыси, быстро оценив обстановку, взвалила всю вину за поражение на ихэтуаней. Указ от 7 сентября обвинил именно их в создавшемся положении, после чего

цинские войска выступили против ихэтуаней. Восстание было подавлено, потоплено в крови, а год спустя, 7 сентября 1901 г., Ли Хун-чжан от имени цинского правительства подписал с державами так называемый Заключительный протокол, по условиям которого Китай извинялся за причиненный державам ущерб, обеспечивал им ряд новых льгот и привилегий и к тому же обязывался выплатить в качестве контрибуции 450 млн. лянов серебра.

Восстание ихэтуаней было, по сути, последней вспышкой агонии старого Китая. Оно не было обычным крестьянским движением, ибо острие его не было направлено — как то было во времена тайпинов — на защиту социальной справедливости, против произвола властей, за восстановление желанной нормы. Это было отчаянное выступление рушащейся старой традиционной структуры в свою защиту, за сохранение привычной нормы, против вмешательства чужаков, против колониализма. Именно поэтому и стал возможным пусть временный, но все же союз восставших с властями — тех и других объединяли общие интересы. Почему же их союз не привел к победе?

Традиционный Китай оказался слаб не потому, что восставшие были плохо вооружены, хотя это сыграло свою роль. Слабость его определялась совокупностью многих причин и не в последнюю очередь тем, что империя находилась на нисходящем витке своего цикла, что внутренняя коррупция и произвол в стране достигли предела, что уже не было единого стержня, единой политики, вокруг которой могли бы сплотиться все. Страну раздирали противоречия, верхи боялись низов и не доверяли им, а низы, в свою очередь, презирали верхи за разложение и приспособленчество, за их готовность сотрудничать с колонизаторами. Конечно, подобные ситуации не раз бывали в истории Китая на аналогичном витке циклического династийного развития империи. И они, как о том говорилось, решались за счет мощных народных движений либо внешних вторжений, игравших очистительную роль, восстанавливавших порушенную злоупотреблениями норму. Собственно, тайпинское восстание и было такого рода движением, но оно не преуспело, причем в значительной мере из-за вмешательства тех же держав. Восстание ихэтуаней было иным по духу, по направленности, что и естественно: в этот момент главным, что угрожало привычной норме, было вмешательство чуждых привычной норме сил — не просто иностранцев, которые со временем могли бы китаизироваться, как то случилось с теми же маньчжурами, но структурно иных сил, грозивших всей системе как таковой. Как знать, при ином стечении обстоятельств события, быть может, могли бы повернуться иначе. Но в самом начале XX в. Китай был еще не готов к организованному сопротивлению. Оно началось стихийно, запуталось в противоречиях и не имело времени для стабилизации. Все это и предопределило сравнительно легкую победу небольшого войска держав над беспо-

мощным одряхлевшим гигантом. И победу эту не следует считать неожиданной: она была логичной в ряду других поражений Китая, например в войнах с Францией и Японией.

Вслед за победой держав Цыси предприняла, теперь уже от своего имени, вторую попытку реформ. Целью ее «новой политики» было стремление как-то приспособиться к изменившимся обстоятельствам, модернизировать экономику страны, аппарат административного управления. Были проведены реформы армии, судопроизводства, создано министерство по делам торговли. В 1905 г. была отменена система государственных экзаменов, альтернативой которой стала сеть начальных, средних и высших учебных заведений. В Китай вернулись бежавшие из него несколько лет назад реформаторы, причем основное знамя преобразований поднял теперь Лян Ци-чао, призвавший страну к осознанию чувства национальной общности, к пробуждению в народе гражданских чувств. И эти призывы находили свой отклик. Китай стремительно радикализировался. Образованная молодежь, немалая часть которой получала образование за границей, прежде всего в быстро развивавшейся Японии, была настроена весьма патриотично, ее буквально переполняли гражданские чувства, звавшие на борьбу за возрождение родины, за ее будущее. Страна была накануне новых важных событий.

Сунь Ят-сен и Синьхайская революция

Южные районы Китая, где ранее всего закрепились колонизаторы и были созданы наиболее благоприятные условия для модернизации и европеизации, включая миссионерские школы и колледжи, постепенно становились центром формирования радикально настроенной молодежи, будущих китайских революционеров. Одним из наиболее известных среди них был Сунь Ят-сен (1866—1925), учившийся в молодости в Гонолулу, где проживал его брат-эмигрант, а затем получивший образование в миссионерских школах и медицинском колледже Гуанчжоу и Гонконга. Хорошо образованный, широко эрудированный, повидавший мир, Сунь Ят-сен, как и в свое время Кан Ю-вэй, попытался соединить в своем лице и своем учении традиции классического Китая и необходимые нововведения, заимствованные с Запада. Созданный им еще на Гавайях и затем воссозданный в Гуанчжоу «Союз возрождения Китая» в конце XIX в. объединял в своих рядах сотни членов; он ставил своей целью свержение цинской династии, создание в стране демократического правительства и проведение в Китае радикальных реформ. Попытки сблизиться с реформаторами встретили непонимание со стороны Кан Ю-вэя и только после поражения и бегства реформаторов, уже в Японии, в эмиграции (Сунь Ят-сен был вынужден эмигрировать после неудавшейся попытки восстания в 1895 г.), эти попытки дали неко-

торые результаты (соглашение Сунь Ят-сена с Лян Ци-чао), но ненадолго. Вскоре пути реформаторов и возглавляемых Сунь Ят-сеном революционеров окончательно разошлись.

Еще одна попытка поднять восстание — в разгар движения ихэтуаней, в 1900 г.,— снова потерпела поражение. Но после разгрома восстания ихэтуаней и второй попытки реформ ситуация в стране, как упоминалось, стала изменяться. В Китае и вокруг него, в центрах эмиграции китайских студентов и иных лиц, начали один за другим возникать союзы и организации, ставившие своей целью радикальные перемены в стране. Организации издавали газеты и журналы, в которых излагались программы их действий, печатались лозунги и призывы, порой также серьезные аналитические статьи. В 1902—1903 гг. Сунь оживил деятельность своего союза и создал ряд его новых филиалов. Именно к этому времени относится и окончательное формирование основ его доктрины — знаменитых «трех принципов»: национализм (свержение династии маньчжуров), народовластие (республиканско-демократический строй) и народное благоденствие. Вслед за тем Сунь Ят-сен посетил ряд стран и провел большую работу по сплочению единомышленников, прежде всего среди активных эмигрантов. В 1905 г. он созвал в Японии учредительный съезд членов разных организаций, создавший «Объединенный союз» (Тунмэнхуэй). Став во главе союза и начав издавать журнал «Миньбао», Сунь Ят-сен приступил к пропаганде своих идей (трех принципов) и программных документов организации, включая проекты конституционного устройства будущего Китая (в значительной степени по европейской модели) и ликвидации социального неравенства.

Призывы к конституционным реформам не миновали и ушей цинского правительства, которое сочло за благо опередить события и, в свою очередь, поставить вопрос о конституционной монархии с парламентарной системой. Обещания на этот счет, вначале смутные, были затем, под нажимом со стороны реформаторов и под влиянием мощной — в духе классической конфуцианской нормы — петиционной кампании 1907—1908 гг., выражены в форме проекта, предлагавшего созвать парламент и ввести в действие еще не разработанную конституцию в 1916 г. Этот проект мало кого устроил, а смерть всесильной Цыси в 1908 г. резко ускорила ход событий. Спор теперь в открытую шел о том, вести дело к революции или нет: реформаторы считали, что революционный взрыв спровоцирует державы и приведет к разделу Китая; революционеры же полагали, что революция как раз спасет Китай от гибели и сплотит его народ.

Тунмэнхуэй взял курс на подготовку вооруженного восстания, рассчитывая при этом на поддержку многочисленных в Китае тайных обществ, издавна в кризисное время поставлявших многочисленные отряды восставших. Расчет был достаточно верен: кризисные явления в стране все сильнее давали о себе знать и крестьяне то здесь, то там

брались за оружие. В ответ на это цинские власти попытались было проводить более жесткую политику. Был, в частности, снят с должности и уволен сделавший карьеру после предательства 1898 г., но продолжавший считаться достаточно либеральным генерал Юань Ши-кай, пользовавшийся поддержкой держав. Жесткая политика вызвала еще большее недовольство и привела к новой волне массовых выступлений. Началось также брожение в войсках, где активно действовали агитаторы Тунмэхуэя.

Словом, в стране назревал революционный взрыв. В январе 1911 г. в Гонконге был создан штаб восстания во главе с помощником Сунь Ят-сена Хуан Сином. И хотя попытка поднять восстание в апреле 1911 г. в Гуанчжоу потерпела провал, а Хуан Син едва спасся, революция была уже неотвратима. Попытки предотвратить ее путем предоставления взбудораженной общественности новых уступок, в частности, в форме провинциальных Совещательных комитетов с ограниченными полномочиями (1908—1909), в виде формирования нового — по европейскому образцу — кабинета министров (май 1911 г.), уже не могли помочь. Восстание 10 октября 1911 г. в Учане привело к свержению императорской власти. Маньчжурская династия рухнула, как карточный домик. Власть в стране оказалась у руководителей на местах. На севере страны она постепенно стала консолидироваться в руках Юань Ши-кая, ставшего в ноябре премьер-министром и объявившего о созыве всекитайского парламента. 12 февраля 1912 г., в день «синь-хай» по китайскому календарю, монархия была официально упразднена. На юге страны вернувшийся в Китай Сунь Ят-сен был избран временным президентом Китайской республики со столицей в Нанкине, но после низвержения монархии и во имя единства страны он согласился отказаться от поста президента в пользу Юань Ши-кая. Премьером при Юань Ши-кае был назначен по условиям соглашения с революционным югом член Тунмэнхуэя Тан Шао-и.

В апреле 1912 г. в Пекине из членов Нанкинского собрания и депутатов от провинций был создан временный парламент. Но добиться создания ответственного перед ним правительства этот парламент так и не сумел. Больше того, бэйянские (представители северной группы армий) генералы принудили депутатов парламента проголосовать за министров, избранных Юань Ши-каем. Становилось очевидным, что Юань Ши-кай предпочитал править без санкции парламента и вел дело к созданию сильной центральной власти, даже диктатуры. Сунь Ят-сен, вначале было смирившийся с этим, осенью приступил к созданию на основе Тунмэнхуэя новой политической партии Гоминьдан, что было необходимо в связи с намечавшимися на конец 1912 — начало 1913 г. выборами в постоянный парламент. Но Юань Ши-кай, игнорируя созванный в апреле 1913 г. парламент, начал готовиться к борьбе с Гоминьданом, к вооруженному походу на революционный республиканский юг страны. Гоминьдановцы, составлявшие в парламенте большинство, мешали ему, и в ноябре 1913 г.

он распустил парламент, а в начале 1914 г. также провинциальные и местные демократические учреждения. В марте того же года он открыто выступил против суньятсеновской временной конституции, принятой в Нанкине в 1912 г., а 1 мая 1914 г. опубликовал проект новой конституции, согласно которому президенту предоставлялись почти неограниченные права, а также восстанавливались многие должности, звания и титулы только что свергнутой монархии. В декабре 1914 г. облаченный в императорские регалии президент совершил торжественный обряд в храме Неба, что должно было символизировать верность имперским порядкам.

В январе 1915 г. Япония овладела захваченными Германией в 1898 г. территориями в Шаньдуне и, укрепившись на китайской земле, предъявила Китаю 21 требование, суть которых сводилась к превращению Китая в зависимое от нее государство. Поторговавшись, Юань Ши-кай вынужден был принять значительную часть этих требований, что заметно усилило позиции Японии в Китае. Стремясь сыграть на этом, Юань Ши-кай сетовал на слабость власти в новом Китае, а усиление ее он видел в отказе от республиканского строя, в возвращении к монархии. Выдав свою дочь замуж за последнего китайского императора Пу И, он уже готовился к тому, чтобы провозгласить себя новым императором Китая. Но кампания за восстановление монархии вызвала сильное сопротивление в стране. Вновь заявил о себе регионализм: генералы, бывшие хозяевами в той или иной провинции, не хотели подчиняться центру. Юань Ши-кай вынужден был отказаться от своих планов восстановления монархии и вскоре после этого летом 1916 г. умер.

Смерть Юань Ши-кая сняла на время проблему восстановления монархии в Китае (в 1917 г. к ней попытался было вновь вернуться преемник Юаня Дуань Ци-жуй, планировавший посадить на трон Пу И, но его замысел потерпел неудачу), а главным следствием этого было ослабление власти в Пекине и постепенный переход ее, как упоминалось, к местным генералам-милитаристам. Как то не раз бывало в кризисные периоды в истории Китая в прошлом, на первый план в политической жизни страны вновь и надолго вышли военные. Парламент разгоняли и собирали вновь то в Пекине, то в Нанкине, но роль его была уже второстепенной: он мог лишь санкционировать свершавшиеся помимо его воли события, будь то назначение того или иного президента, изменение или восстановление конституции. В аналогичном положении находился и лидер китайской революции Сунь Ят-сен: то его избирали президентом, то он вновь терял этот пост, причем практически все зависело от воли милитаристов, обладавших реальной властью в том или ином регионе на юге страны. На севере на протяжении ряда лет президентом был Дуань Ци-жуй, опиравшийся на военную клику Аньфу, с которой соперничала чжилийская клика во главе с У Пэй-фу. Именно Дуань Ци-жуй настоял на том, чтобы в 1917 г. Китай официально объявил войну Германии.

Гоминьдан и борьба за единый независимый Китай

Версальский мирный договор, санкционировавший право Японии на германские владения в Шаньдуне, вызвал бурю возмущения в Китае, где надеялись на иные итоги войны, в которой и Китай принял некоторое участие, послав в Европу на тыловые работы своих кули. Возмущение вылилось в так называемое движение «четвертого мая» — в этот день в 1919 г. студенты вышли на демонстрацию протеста с требованием аннулировать уступки Японии (ее «21 требование»). Выступление пекинских студентов было поддержано широкими слоями китайской молодежи и интеллигенции и сопровождалось движением за «новую культуру», результатом которого было введение в политическую публицистику, а затем и в литературу нового письменного языка байхуа, соответствовавшего разговорному. Это была подлинная культурная и литературная революция, позволившая приобщить к грамотности и облегчить образование для многих миллионов китайцев. Движение выдвинуло в гущу революционной борьбы новый мощный отряд китайской молодежи, немалая часть которой затем влилась в ряды суньятсеновской партии и оформившейся в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК). Движение 4 мая способствовало также консолидации молодого китайского рабочего класса, что нашло проявление в его первых организованных выступлениях, в забастовках. Словом, это стало началом нового этапа в революционном процессе Китая, причем революция 1917 г. в России оказала немалое воздействие на те формы, которые это движение в Китае стало обретать.

В первую очередь это сказалось на оформлении партии Гоминьдан. Сунь Ят-сену с каждым годом становилось все очевиднее, что без собственных вооруженных сил революционная партия в Китае обречена на неудачи; в 1923 г., когда он вновь оказался у власти в Гуанчжоу, он начал вести работу по созданию новой партии и собственной армии. На I конгрессе Гоминьдана в 1924 г., в котором приняли участие и коммунисты, была провозглашена политика единого фронта, ядром которого должна была стать спаянная дисциплиной и строго централизованная по советской модели группа революционеров радикального толка. С помощью советских военных советников — М.М. Бородина, П.А. Павлова, В.К. Блюхера — была налажена работа военной школы в Вампу, ставшей кузницей кадров революционных командиров и комиссаров. Авторитет правительства Сунь Ят-сена в Гуанчжоу возрастал. Гоминьдановцев стали поддерживать и некоторые милитаристы Северного Китая, как, например, Фэн Юй-сян. Гоминьдановцы, как и бывшие с ними в союзе коммунисты, вели активную работу в различных общественных организациях — студенческих, рабочих, крестьянских, особенно на юге страны. Постепенно закладывались основы для дальнейшего усиления власти революционного гоминьдановского юга. Смерть Сунь Ят-сена в марте 1925

г. была большой утратой для революции, но не приостановила уже наметившегося процесса. Создались условия для выступлений в поход на север, причем первым из них была крепкая революционная армия.

1 июля 1925 г. гуанчжоуское правительство объявило себя Национальным правительством Китая и начало борьбу за объединение страны. Вначале это была борьба за укрепление позиций на юге. После II конгресса Гоминьдана весной 1926 г. наметилась определенная перегруппировка сил в партии, в результате которой фактическая власть оказалась в руках Чан Кай-ши, ставшего главнокомандующим. В июле гоминьдановские войска выступили в свой знаменитый Северный поход, план которого был разработан при участии советских специалистов, в частности Блюхера. Результатом похода было присоединение к территориям, контролируемым Чан Кай-ши, Шанхая, Нанкина, Ухани и ряда других больших городов и многонаселенных провинций Китая. По мере продвижения и новых захватов в гоминьдановскую армию вливались переформированные отряды разгромленных армий генералов-милитаристов, так что к весне 1927 г. численность ее возросла едва ли не втрое. Естественно, изменялся и состав армии, и ее настроения: революционный дух постепенно выветривался, а традиционные нормы все ощутимее давали о себе знать. К этому следует добавить, что армия становилась опорой новой власти в завоеванных провинциях, где происходило сращивание военной и административно-политической функций, партийного и государственного аппарата, что всегда было нормой для конфуцианского Китая (конфуцианство как идейное течение и бюрократия как аппарат власти были в старом Китае синонимами).

Все эти процессы усиливали позиции главнокомандующего Чан Кай-ши, который весной 1927 г. провозгласил в Шанхае собственное Национальное правительство. Лидеры гоминьдановцев в Ухани, куда еще раньше переместилась столица прежнего Национального правительства из Гуанчжоу, вначале пытались сопротивляться этому перевороту, но осенью того же года Чан Кай-ши занял Ухань. Фэн Юй-сян и еще несколько северных милитаристов признали власть правительства в Нанкине, где отныне обосновался Чан Кай-ши. Объединение Китая на этом фактически было завершено. Все политические силы в стране, кроме коммунистов, резко осудивших переворот и начавших собственную революционную борьбу, признали правительство Чан Кай-ши. В конце 1928 г. ЦИК Гоминьдана принял официальное решение о завершении военного этапа революции и о начале политических преобразований.

Конечно, и в последующее десятилетие было немало военных столкновений. Но в целом это был все-таки период более или менее мирной политической консолидации, сложения новой государственности и формирования новых форм жизни. Какими же они были? Что принесли с собой гоминьдановцы? Что было характерным для их политики?

Первая четверть XX в., несмотря на сотрясавшие Китай революционные войны, была временем достаточно быстрого экономического развития страны, немалых изменений в образе жизни людей, особенно в городах, перемен в сфере образования, культуры и т.п. В экономике страны по-прежнему лидирующее положение занимал английский капитал, но по уровню инвестиций к нему быстро приближался японский. Доля национальной буржуазии была невелика и концентрировалась преимущественно в сфере торгового капитала, в мелких предприятиях. Зато все большее значение приобретала доля казенных предприятий. Унаследовав владение ими, гоминьдановское правительство центром своей социально-экономической политики сделало дальнейшее укрепление государственного сектора экономики. Оно взяло под свой контроль систему финансов страны — банки, страховые общества, налоговые и таможенные сборы,— а также создало сильный механизм государственного контроля над экономикой, государственного планирования экономического развития. Видные чиновники и ответственные лица правительства поощряли и частные вложения в экономику, сами вносили вклады в нее, но в смешанных государственно-частных предприятиях явно задавало тон государство, что вполне соответствовало китайской традиции. При этом существенно, что подобная экономическая политика сильного правительства, к тому же склонного ограничить прежние привилегии иностранного капитала, вела к быстрому возрастанию в экономике Китая доли национального (государственного и смешанного государственно-частного) капитала и к уменьшению влияния капитала колониального.

Гоминьдановское правительство приняло ряд законов о труде, создало систему официальных государственных профсоюзов, установило минимальный уровень зарплаты. Был принят и ряд других законов, призванных гарантировать определенные права граждан, и в особенно право собственности, что поощряло развитие частного предпринимательства. Был принят аграрный закон (1930), который ограничил размеры арендной платы, установил потолок для земельных владений, выступил в защиту арендатора. Этот закон был призван погасить социальные конфликты в деревне. И хотя большого эффекта программа реформ не дала, ибо для проведения ее в жизнь у гоминьдановского правительства не хватило ни сил, ни времени, общий принцип был очевиден: сильное централизованное правительство в новом Китае опиралось в целом на привычные для китайской традиции методы регулирования социальных и экономических отношений в стране. Пусть стали шире открываться двери для новых веяний, методов и процессов, но страна в целом, особенно крестьянство, еще не очень-то готовое к переменам, управлялись в принципе теми же методами, что и прежде. Более того, сращивание политических, экономических и иных интересов на высшем уровне правящей группы вело к укреплению привычной для традиционного Китая (да и всего Востока) государственной системы управления хозяйством, той самой древней системы, в рамках которой государство

выступает в функции верховного собственника и высшего субъекта власти, а олицетворяют государство и вершат дела его именем те, кто причастен к власти, кто составляет руководящий слой общества. Именно такая система администрации доминировала в качестве главной и ведущей в годы гоминьдановского правления Китаем, хотя справедливости ради следует сказать, что в эти же годы было немало сделано и для развития частнопредпринимательского сектора экономики и в принципе дело шло к постепенному превращению именно этого сектора в ведущий, как то и было продемонстрировано Гоминьданом во главе с тем же Чан Кай-ши после революции 1949 г. на Тайване, куда эмигрировали гоминьдановцы, до того стоявшие у власти в континентальном Китае.

Японо-китайская война и победа КПК

Укрепившись на континенте (Корея, Маньчжурия) и все усиливая свои экономические позиции в самом Китае, Япония в середине 30-х годов начала готовиться к завоеванию этой страны. В июле 1937 г., не встретив серьезного сопротивления, японцы оккупировали значительную часть восточного побережья, включая Пекин, Тяньцзинь, Шанхай. В 1938 г. под власть японского командования попали Ухань и Гуанчжоу. Практически это означало, что все важнейшие экономические районы Китая, все его крупнейшие города были оккупированы. Ограничившись этим, японцы пригласили «новый Китай» принять участие в совместном с Японией и Маньчжурией (где во главе с Пу И было создано марионеточное государство Маньчжоу-го) установлении «нового порядка в Восточной Азии». В оккупированном японцами Нанкине было создано новое правительство во главе с бывшим лидером гоминьдановцев Ван Цзин-вэем, тоже ставшим марионеткой японцев.

Чан Кай-ши, переместившийся вместе с Национальным гоминьдановским правительством на запад, в Чунцин, с помощью союзников, которая резко увеличилась с началом второй мировой войны, возглавил сопротивление Японии, пригласив включиться в антияпонскую борьбу вооруженные силы КПК. Но единству в этой борьбе мешали политические разногласия. Дело в том, что КПК выступила против гоминьдановской политики сразу после переворота Чан Кай-ши. Ею было организовано несколько восстаний еще в конце 1927 г., но они не имели успеха. VI съезд КПК, состоявшийся под Москвой в 1928 г., выдвинул задачу борьбы за массы и укрепление революционных вооруженных сил. В 1928—1930 гг. в ряде районов страны были созданы контролируемые коммунистами территории, где формировались Советы. В 1931 г. в Жуйцзине был даже созван съезд Советов, образовавший Китайскую советскую республику, просуществовавшую, однако, недолго. В середине 30-х годов КПК и ее вооруженные силы, правда, поставили вопрос о создании Единого фронта с гоминьдановцами в связи с японской агрессией, но с приходом к

руководству КПК Мао Цзэ-дуна (1935) эта линия стала пересматриваться. После начала открытой агрессии Японии в 1937 г. она была вновь выдвинута на передний план в качестве первоочередной задачи. Однако борьбу с японцами коммунисты предпочитали вести обособленно, сами по себе.

КПК закрепила за собой власть в контролируемых ею районах (северо-западные провинции Китая), где в 1940 г. проживало, по разным данным, около 50—100 млн. человек. Две армии, восьмая и четвертая, численность которых, включая отряды местной самообороны, достигала 500 тыс. бойцов, были немалой частью китайских вооруженных сил, противопоставленных японской агрессии. Существенно, впрочем, заметить, что рост контролируемых территорий и населения, увеличение численности армии и самой партии сопровождались естественным процессом растворения немногочисленных идеологически ориентированных членов КПК в массе традиционно настроенного китайского крестьянства, которое видело в КПК не столько марксистскую партию, сколько сильную и сплоченную, спаянную дисциплиной и имевшую немалую реальную власть организацию, которая ставит своей целью восстановление социальной справедливости. Для традиционно ориентированного китайского крестьянства в годы кризиса и безвластия этого было вполне достаточно, чтобы активно поддержать КПК.

1941—1943 годы были достаточно тяжелыми для КПК. Стабилизация фронтовой линии и некоторые успехи гоминьдановцев в антияпонской войне позволили Чан Кай-ши потеснить позиции китайских коммунистов. С конца 1943 г. в связи с общими изменениями в ходе второй мировой войны КПК и ее армии вновь перешли в наступление, стремясь потеснить японцев в Северном Китае. А когда в августе 1945 г. СССР вступил в войну с Японией и оккупировал Маньчжурию, захваченные им военные трофеи способствовали укреплению базы КПК в Северном Китае. 1945—1949 годы прошли под знаком наращивания сил КПК и начала военных действий между ее вооруженными армиями и армиями гоминьдановского правительства. Как известно, эта борьба завершилась победой китайских коммунистов и образованием КНР. Гоминьдановцы во главе с Чан Кай-ши эвакуировались на остров Тайвань. Как для континентального Китая, так и для Тайваня этот момент явился отправной точкой, началом нового отсчета их истории. Гоминьдановцы на Тайване довели до успешного конца преобразования, позволившие населению острова быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути и добиться немалого экономического эффекта. Континентальный Китай, КНР, оказался на долгие годы ареной гигантских социальных экспериментов Мао Цзэ-дуна, явно не способствовавших экономическому развитию страны. Только со смертью Мао в 1976 г. началась в КНР эпоха энергичных реформ, давшая за короткий срок немалые результаты и положившая начало преобразованию континентального Китая.

Глава 14

Трансформация и модернизация пореформенной Японии (1868—1945)

Япония была едва ли не единственной страной Востока, в чьем развитии период колониализма совпал не с состоянием общего, порой весьма острого внутреннего кризиса, а, наоборот, с моментом бурного внутриполитического подъема, связанного с преодолением кризисных тенденций в ходе так называемой реставрации Мэйдзи и последовавшей за тем серии важных конструктивных реформ. В те самые десятилетия, когда в одних странах Востока на передний план вышла клерикальная реакция, в других одряхлевшие династии не были в состоянии дать должный отпор колонизаторам, а в третьих политическая администрация, как и экономика, оказались под контролем иностранцев, японцы практически безо всякого заметного вмешательства извне, но с привлечением необходимых для быстрой модернизации страны заимствований наращивали темпы экономического роста, модернизировали принципы и методы промышленного производства, энергично и умело добивались необходимых для этого нововведений в политических институтах, правовых нормах, в сфере гражданских свобод, образования, культуры и т. д. Причем все это происходило без радикальной ломки устоявшихся традиций, без болезненного отказа от привычного образа жизни, но на основе гармонического усвоения и логической трансформации принципов и ценностей прошлого, благотворного синтеза своего и чужого, старого и нового. В этом отношении Япония оказалась уникальным феноменом Востока, и эту уникальность она продолжает демонстрировать в наши дни.

Загадка феномена Японии еще далеко не разгадана, в том числе и самими японцами. Подробней об этом будет идти речь в следующей главе. Пока же очертим те вехи, через которые прошла страна после реставрации власти императора до второй мировой войны. При этом постараемся отказаться от привычных стереотипов, вовсе не объясняющих японский феномен. Одним из них является представление о том, что так называемая токугавская мануфактура в XVIII—XIX вв. представляла собой нечто большее, нежели аналогичные явления в других странах, и что, возможно, именно это объясняет причины того, что в Японии сложилась система капитализма. Следует сразу же заметить, что принципиально токугавская мануфактура ничем не отличалась от цинской китайской, а кое в чем и явно уступала ей. Что же касается частнопредпринимательской деятельности как таковой, то и она ни по масштабам, ни по роли в хозяйстве Японии ничем не отличалась от того, что имело место в то же время в цинском Китае. И если Япония в чем-то все же была не такой, как Китай, то

об этом «чем-то» следует говорить специально, его нужно вычленять и аналитически исследовать, ибо невооруженным глазом само по себе оно не так уж бросается в глаза. Итак, каким же был путь Японии после 1868 г.?

Как и Китай, Япония была «открыта» для колониальных держав в середине прошлого века. Как и в цинском Китае, купечество Японии было слабым и политически бесправным, тогда как власть имущие (в Японии это были не чиновники-бюрократы, а самураи и князья во главе с сёгуном) не были заинтересованы в усилении связей с колониальными державами. В Японии, как и в Китае времен опиумных войн, насильственно навязанная стране иностранная торговля была экономически невыгодной, ибо выкачивала из страны драгоценный металл и вела к финансовому дисбалансу. Собственно, все эти, равно как и многие другие, факторы предопределили ослабление, а затем и падение режима сёгуната.

Разница в развитии между Китаем и Японией начинает сказываться и становиться заметной именно с этого момента. В Китае реакция традиционной структуры на перемены, вызванные вмешательством колониализма, выразилась в форме крестьянской войны тайпинов, а в Японии эквивалентом тайпинам стал революционный переворот 1868 г., приведший к переходу власти в руки 15-летнего императора Муцухито (Мэйдзи). Революционным этот переворот следует считать не столько по форме, сколько по результатам, ибо вслед именно за этим важнейшим изменением в привычной для Японии традиционной структуре (император в истории Японии практически никогда не управлял делами страны; за него это делали сначала регенты, потом сёгуны) последовали все остальные, радикально изменившие облик страны.

Реформы и становление основ японского капитализма

Муцухито и действовавшие от его имени советники начали с того, что радикально реформировали систему социальных связей в стране. С целью ослабить и сделать невозможными в дальнейшем феодальные распри реформа 1871 г. ликвидировала феодальные уделы и наследственные привилегии князей-даймё, а также подорвала социальную и экономическую базу самурайства. Вся Япония была разделена на губернии и префектуры во главе с назначаемыми из центра чиновниками. Кадры чиновников, за неимением альтернативы, комплектовались из числа тех же князей и самураев, но теперь это были уже не независимые аристократы или рыцари, но именно стоящие на службе у государства и получавшие за это жалованье из казны чиновники. Причем это были чиновники, сформировавшиеся как социальный слой практически заново, не имевшие ни опыта, ни

корней, ни традиций и потому еще не погрязшие в коррупции, не научившиеся практике бюрократических проволочек, взяточничеству и всему остальному, что неизбежно сопутствует бюрократической структуре и что, в частности, было традиционной нормой в Китае. Конечно, связи и протекционизм при этом продолжали сохраняться и играли свою роль, но это зло в условиях всеобщих перемен не было угрожающим для трансформирующегося общества.

Реформа официально отменила сословные различия. Хотя титулы и звания сохранились, лишившиеся владений князья и самураи (те, что не стали чиновниками, в первую очередь) были в социальном плане приравнены ко всем остальным сословиям страны. В качестве средств существования им были назначены выплачивавшиеся из казны пенсии — практика не столь уж необычная для Японии, во всяком случае для самураев. Важной составной частью первой серии социально-сословных преобразований стала реформа 1872 г., вводившая всеобщую воинскую повинность, которая была призвана окончательно подорвать позиции самураев, в лучшем случае теперь имевших основание претендовать на офицерские должности в регулярной армии.

Радикальный характер первой серии реформ очевиден. Пришедшее к власти новое руководство во главе с императором решительно отказывалось от старых принципов, чреватых феодальной раздробленностью и междоусобицами, ведших к децентрализации и своеволию сильных и независимых, опиравшихся на собственные воинские формирования князей. Взамен этого создавалась стройная административно-бюрократическая система, основанная на равенстве сословий, на усилении роли казны и единой финансовой системы страны, на подчиненных центру регулярных воинских подразделениях. Значение всех упомянутых нововведений едва ли можно переоценить: впервые в истории Японии император и его правительство оказывались не одной из соперничающих политических сил, но единственной, полной и общепризнанной властью.

Серия реформ 1872—1873 гг. уделила внимание также перестройке системы аграрных отношений, весьма радикальной по характеру. Земля, законодательно признанная собственностью тех, кто ею реально владеет, была закреплена за крестьянами. Правда, при этом значительная часть мелких землевладельцев теряла свои участки и, не будучи в силах выплатить выкуп за землю и налоги, переходила в разряд арендаторов и батраков либо переселялась в города. Но это в принципе не изменяло сути дела. Суть же сводилась к тому, что зажиточное крестьянство было освобождено от земельной ренты в пользу князей (собственно, именно за это князья и получили от казны свои крупные пенсии) и получило возможность за не столь уж тяжелый выкуп владеть своей землей и работать на рынок. Иногда эту реформу сопоставляют с прусским путем развития капитализма в

сельском хозяйстве. Независимо от того, насколько это сопоставление справедливо, оно разумно в том смысле, что аграрная реформа внесла свой немалый вклад в становление японского капитализма, обеспечив хотя бы частично необходимый для этого капитал (первоначальный капитал, японский вариант первоначального накопления).

Реформы открыли перед японским купеческим капиталом достаточно широкий простор для частнопредпринимательской деятельности, социально и юридически защищенной и активно поощряемой властями. В стране развернулось достаточно быстрое промышленное строительство. Расцветало банковское дело, чему способствовало решение правительства в 1876 г. капитализировать княжеские пенсии, заменив ежегодные выплаты единовременной компенсацией. Резко увеличившийся в результате этого акта банковский капитал не только обеспечил бывшим князьям их существование в будущем, но и позволил превратить их в предпринимателей, по меньшей мере в рантье, что также содействовало первоначальному накоплению японского капитала.

И наконец, еще одной принципиально важной акцией японского правительства, направленной все в ту же сторону, было решение вначале взять на себя строительство наиболее крупных и экономически неэффективных промышленных предприятий (арсеналы, металлургические заводы, верфи и т. п.), а затем, согласно принятому в 1880 г. закону, за бесценок продать их в руки наиболее крупных и умело действовавших торгово-промышленных компаний, таких, как Мицуи, Мицубиси, Фурукава и др. Тем самым японское правительство не только ясно продемонстрировало твердый курс на поддержку защищенного законом частного предпринимательства, но и избавило Японию как государство от невыносимого груза неэффективной казенной промышленности, тяжесть которого всегда ощущали и ныне ощущают подавляющее большинство развивающихся стран.

Реформы 70-х годов привели к энергичной трансформации японского общества и пробудили к жизни новые социальные и экономические силы, в свою очередь требовавшие для оптимизации условий своей деятельности новых преобразований, на сей раз в сфере политической. С начала 80-х годов в стране развернулось широкое движение за конституцию, в первых рядах которого шли оформлявшиеся в партийные группировки сторонники новых методов ведения хозяйства, т. е. частные предприниматели города и деревни, вписавшиеся в новые условия существования вчерашние самураи, первые поколения получивших европейское образование японских интеллигентов, частично и выходцы из высших слоев японского дворянства, из княжеских семей. Движение за свободу и права народа (оно именовалось «минкэн ундо») привело к обещанию правительства ввести в 1890 г. конституцию, для чего, в частности, в Европу и США была послана специальная миссия Ито, которой следовало озна-

комиться с соответствующими нормами, институтами и процедурами за рубежом и выбрать наиболее подходящие из них для Японии. Ито остановился на прусском варианте Бисмарка, что было по-своему весьма логичным итогом поисков: быстро развивавшаяся усилиями Бисмарка полуфеодальная Пруссия в конце прошлого века действительно была по многим параметрам наиболее сопоставима с Японией.

В 1889 г. от имени императора был опубликован текст конституции. Создавалась конституционная монархия с большими правами императора, которому по-прежнему принадлежала законодательная инициатива. Хотя парламент контролировал финансы, он был лишен права создавать ответственное перед ним правительство. Зато конституция официально провозглашала демократические свободы и гражданские права для всех граждан страны — условие, без которого успешное развитие капитализма в Японии было бы невозможным. Парламент был созван в 1890 г., причем правом избрания нижней и основной его палаты (верхняя была чем-то вроде палаты лордов) пользовались лишь некоторые из налогоплательщиков, вначале примерно 1 % населения страны, что следует считать нормальным для общества, еще не подготовленного к парламентским институтам и вообще к нормам демократической процедуры. Первый японский парламент оказался достаточно самостоятельным и строптивым. Правительство несколько раз распускало его за строптивость, в частности за отказ голосовать за те или иные расходы, особенно на военные цели.

Провозглашение и реализация демократических прав и свобод открывало путь для быстрого развития японского капитализма, развязывало руки молодой японской буржуазии, но необычно быстрые для отсталой восточной страны темпы ее социальной, экономической и политической трансформации во многом оплачивались страданиями простых людей — крестьян, лишавшихся земли и шедших в города, рабочих, которых нещадно и порой бесконтрольно эксплуатировали. Но это было нормой для всех стран раннего развивающегося капитализма — и рабочий день, длившийся 12 — 14 часов, и нищенские условия существования, и бесправие, и даже плетки надсмотрщиков и десятских. Японию не миновала эта доля, хотя преимуществом ее было то, что она прошла этот путь довольно быстро, чему способствовали, в частности, раннее развитие рабочего движения, появление профсоюзов. Но главное, что сыграло свою роль, — это культивирование патерналистских традиций, стремление предпринимателей наладить прямой контакт со своими рабочими на началах гармонии труда и капитала. Вначале весьма слабые, эти попытки в дальнейшем, с ростом уровня благосостояния страны и народа, стали реализовываться все успешнее, пока не достигли оптимального характера, каким отличаются взаимоотношения труда и

капитала в Японии в наши дни. Ведь далеко не случайно бурно развивающаяся капиталистическая Япония вот уже на протяжении ряда десятилетий практически не знает мощных забастовок, подобных тем, что время от времени сотрясали ведущие капиталистические страны Европы и Америки.

Уже на рубеже XIX—XX вв. сформировались основные черты и характерные особенности японского капитализма. Важно заметить, что с самого начала XX в. это был сильный и сплоченный, динамично эволюционирующий капитал, вполне способный конкурировать на международном рынке с крупнейшими капиталистическими странами. Японский капитал и созданная им промышленная база послужили прочной основой для всей политики Японии, особенно для ее внешней политики.

Агрессивная внешняя политика Японии

Хотя самураи после 1868 г. перестали быть ведущим сословием Японии, дух самурайства не исчез. Лишенные прежних прав и привилегий потомки вчерашних самураев культивировали свои воинские доблести и воспитывали в соответствующем духе солдат регулярной армии. Разница была лишь в том, что если прежде дух и деятельность самураев реализовывались внутри страны, в междоусобных войнах и феодальных схватках, то теперь воинственность самураев оказалась направленной на внешний мир, на соседние с Японией страны и народы. Строительство сильной армии и особенно флота стало задачей номер один с первых же шагов новой японской администрации. И далеко не случайно государство на первых порах взяло в свои руки создание арсеналов и верфей — без них оно не сумело бы создать сильных вооруженных сил.

Первым из агрессивных шагов внешней политики пореформенной Японии стала борьба за японское влияние в Корее. В 1876 г. высадившийся в Корее японский экспедиционный корпус навязал этой стране неравноправный договор, предоставлявший японцам ряд прав и привилегий. В 1885 г. по японо-китайскому соглашению Китай признал японские интересы и права в Корее практически равными своим (до того Корея официально считалась вассалом Китая). В итоге японо-китайской войны 1894—1895 гг. по Симоносекскому договору Япония получила право владения островами Тайвань и Пэнхуледао и еще более укрепила свои экономические и политические позиции в Корее. Дело дошло до того, что в 1895 г. японские агенты убили антияпонски настроенную корейскую королеву, а король был вынужден искать убежища в русском посольстве. Все эти военные и внешнеполитические успехи Японии привели к тому, что на рубеже XX в. она не только по своему экономическому потенциалу и характеру развития, но и по агрессивности своей политики стала

одной из ведущих империалистических держав в мире. Япония была, в частности, в числе тех восьми держав, чьи миссии организовали интервенцию в Китае в 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней. Япония в 1902 г. заключила выгодный для нее военный союз с Англией, что помогло ей усилить свои позиции на континенте и выступить в феврале 1904 г. против России.

Русско-японская война, завершившаяся бесславным поражением русских войск, привела к тому, что южная Маньчжурия и Корея превратились в протекторат Японии. Японский капитал мощным потоком устремился в эти районы, способствуя их экономическому развитию и превращая их в плацдарм для дальнейшей агрессии на континенте, в основном против Китая. Десятилетие перед первой мировой войной было периодом быстрого промышленного развития Японии. На первых порах оно сопровождалось ростом активности рабочего движения и распространением социалистических идей в Японии, созданием там социалистического движения во главе с Сен Катаямой, но перед войной это движение пошло на убыль, а вся страна была охвачена националистическим угаром, под знаком которого Япония стала активно действовать в годы войны.

Тонко рассчитав свои ходы, японцы выступили против позиций Германии в Китае, потребовав от нее уступки ее владений на полуострове Шаньдун. Занятая военными действиями в Европе, Германия не могла противостоять натиску японцев, экспедиционный корпус которых в сентябре 1914 г. занял принадлежавшие Германии территории на этом полуострове. Вскоре после этого, как уже о том шла речь, японцы предъявили Юань Ши-каю свои «21 требование», значительную часть которых Китай был вынужден принять. И хотя после войны, в немалой мере из-за энергичных протестов в Китае в ходе движения «четвертого мая», на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Япония была вынуждена вернуть Китаю захваченные ею в 1914 г. территории, позиции японского капитала в Китае все укреплялись.

Япония между первой и второй мировыми войнами

Итоги первой мировой войны были выгодны для Японии. Ее экономика развивалась, внешняя торговля завоевывала все новые рынки, особенно в Азии, куда сильно сократился поток товаров из Европы. Хотя в самой Японии вскоре после войны ощущались ее последствия («рисовые бунты», вызванные дороговизной риса, потрясли в 1918 г. страну), в целом страна была на подъеме. За 1914—1919 гг. валовой национальный продукт возрос впятеро, с 13 до 65 млрд. иен. Неудивительно, что все это уже с начала 20-х годов

стало служить надежной экономической базой для поддержания агрессивной внешней политики.

Хорошо известно, что Япония сыграла немалую роль в интервенции держав против молодой Советской России. Пыталась она, как упоминалось, сохранить свои территориальные приобретения и в Китае, не говоря уже о поставленной в колониальную зависимость от нее Корее. Но в целом 20-е и даже начало 30-х годов, были периодом сравнительно умеренной внешнеполитической экспансии Японии. В некотором смысле можно сказать, что это было время накапливания ею сил и выжидания благоприятной обстановки. В то же время эти годы были периодом ожесточенной внутриполитической борьбы, основной смысл которой сводился к стремлению наиболее радикальных слоев японского общества выйти на передний план и сформировать в стране определенное общественное мнение. Речь идет о так называемой группировке «молодых офицеров».

Здесь напрашивается бросающаяся в глаза аналогия с послевоенной Германией. Хотя между потерпевшей поражение в войне Германией и нажившейся на войне Японией была немалая разница, не говоря уже о различиях в культуре, политических и иных традициях, сходство все же есть, пусть даже более функциональное, нежели сущностное. Проявлялось оно прежде всего в воинственном радикализме социальных групп, делавших ставку на силу и агрессию, на культ исключительности и вседозволенности, на войну и уничтожение. «Молодые офицеры», чье влияние в Японии в 20—30-е годы все усиливалось, требовали практически того же, что и нацисты в Германии, — отказа от многопартийной системы и ответственных перед парламентом кабинетов, диктатуры внутри страны и экспансионистской политики вне ее.

Далеко не сразу — как и в Германии — они добились своего. Вначале процесс шел скорее в обратную сторону. Капитализм успешно развивался, рос рабочий класс, увеличивались ряды интеллигенции, укреплялись завоеванные в социальных боях права трудящихся. В 1919 г. был снижен имущественный ценз, вследствие чего электорат в стране увеличился до 3 млн. (из 56 млн. населения), а в 1925 г. избирательное право стало всеобщим, правда, только для мужчин. В Японии одна за другой возникали и укрепляли свои позиции новые политические партии, в том числе коммунистическая (1922). Парламентские кабинеты стремились, хотя и не всегда удачно, противостоять энергичному натиску «молодых офицеров», чьи представители временами включались в кабинет министров. Словом, баланс сил пока сохранялся, хотя и становилось все более очевидным, что энергия воинствующего радикализма берет верх.

В 1927 г. к власти пришел кабинет генерала Танака, настроенного весьма агрессивно. Именно при нем вновь был направлен японский экспедиционный корпус в Китай, в Шаньдун. Вскоре, однако, войска

были выведены, что послужило одной из причин падения кабинета Танака. Однако «молодые офицеры» не сдавались. В 1930—1932 гг. они совершили несколько путчей и политических убийств, что приблизило их к цели. Осенью 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в 1932 г. было создано упоминавшееся уже государство Маньчжоу-го во главе с марионеткой Японии Пу И, последним китайским императором.

В 1933 г. Япония, чтобы развязать себе руки, демонстративно вышла из Лиги Наций, отказавшейся признать Маньчжоу-го. Снова был послан японский экспедиционный корпус в Китай, на сей раз в провинцию Жэхэ; с 1935 г. началось военное проникновение японских войск в степи Монголии. Правда, выборы 1936 г. прошли в Японии под знаком несомненного успеха сил, выступавших против агрессии и фашизма. Неугодный правительству новый парламент был распущен, но и проведенные вслед за тем выборы в марте 1937 г. дали тот же результат. Правительству и стоявшим за ним правящим кругам, сочувствовавшим «молодым офицерам», становилось все более очевидно, что демократической процедуре следует противопоставить сильный авторитарный режим, что и было сделано. В ноябре 1936 г. Япония подписала с Германией известный антикоминтерновский пакт, чем привязала себя к немецкому фашизму, а летом 1937 г. началась японо-китайская война, под знаком которой прошло почти целое десятилетие. С началом войны экономика Японии была переведена на военные рельсы. С партийной борьбой и парламентской деятельностью практически было покончено. Был взят твердый и решительный курс на расширение военной экспансии и провокаций, в том числе и против СССР. «Молодые офицеры» были довольны: армия и генералитет в Японии не только вышли на передний план, но и стали как бы символизировать силу, мощь, процветание и беспощадность страны, с 1938 г. начавшей открыто претендовать на установление «нового порядка» в Восточной Азии.

Япония во второй мировой войне

Осенью 1939 г., когда началась война и западноевропейские страны одна за другой стали терпеть поражения и становиться объектом оккупации со стороны гитлеровской Германии, Япония решила, что ее час пробил. Туго закрутив все гайки внутри страны (были ликвидированы партии и профсоюзы, взамен создана Ассоциация помощи трону в качестве военизированной организации фашистского типа, призванной ввести в стране тотальную политико-идеологическую систему жесткого контроля), высшие военные круги во главе с генералами, возглавлявшими кабинет министров, получили неограниченные полномочия для ведения войны. Усилились военные действия в Китае, сопровождавшиеся, как обычно, жестокостями

против мирного населения. Но главное, чего выжидала Япония, — это капитуляции европейских держав, в частности Франции и Голландии, перед Гитлером. Как только это стало фактом, японцы приступили к оккупации Индонезии и Индокитая, а затем Малайи, Бирмы, Таиланда и Филиппин. Поставив своей целью создать гигантскую подчиненную Японии колониальную империю, японцы объявили о стремлении к «восточноазиатскому сопроцветанию».

После бомбардировки американской базы Пёрл-Харбор на Гавайях в декабре 1941 г. Япония оказалась в состоянии войны с США и Англией, что, несмотря на некоторые первые успехи, со временем привело страну к затяжному кризису. Хотя японские монополии немало выгадали, получив бесконтрольный доступ к эксплуатации богатств почти всей Юго-Восточной Азии, положение их, как и японских оккупационных войск, было непрочным. Население оккупированных стран выступало, нередко с оружием в руках, против японских оккупационных войск. Содержание войск одновременно во многих странах, ведение непрекращавшейся и все очевиднее становившейся бесперспективной войны в Китае требовали немалых средств. Все это вело к ухудшению экономического баланса и к обострению внутреннего положения в самой Японии. Это с особой силой проявилось в начале 1944 г., когда в войне на Дальнем Востоке наметился определенный перелом. Американские войска высаживались то в одном, то в другом из островных районов и вытесняли оттуда японцев. Изменялись и отношения Японии с СССР. В апреле 1945 г. СССР денонсировал заключенный в 1941 г. пакт о нейтралитете с Японией, а в августе того же года, вскоре после атомной бомбардировки Японии американцами, советские войска вступили на территории Маньчжурии и принудили к капитуляции Квантунскую армию, что означало не только поражение Японии, но и начало революционных преобразований в Маньчжурии, а затем и на остальной территории Китая.

Капитуляция Японии в августе 1945 г. привела к краху замыслов японской военщины, крушению того агрессивного внешнеполитического курса Японии, который на протяжении нескольких десятилетий опирался на экономическое развитие и экспансию японского капитала, на самурайский дух прошлого. Как и самураи в конце прошлого века, милитаристы первой половины XX в. потерпели банкротство и вынуждены были сойти с исторической сцены. Япония лишилась всех своих колониальных владений и завоеванных территорий. Встал вопрос о статусе послевоенной Японии. И здесь сказали свое слово оккупировавшие страну американцы.

Смысл преобразований, которые были проведены созданным ими Союзным советом для Японии, сводился к радикальной перестройке всей структуры этой страны. Была осуществлена серия демократических реформ, включая возрождение партий, созыв парламента

и принятие новой конституции, оставлявшей за императором весьма ограниченные права и отсекавшей возможность возрождения японского милитаризма в будущем. Был проведен показательный процесс с осуждением японских военных преступников, не говоря уже об основательной чистке государственного аппарата, полиции и т. п. Была пересмотрена система образования в Японии. Особые меры предусматривали ограничение возможностей крупнейших японских монополий. Наконец, в стране была проведена радикальная аграрная реформа 1948—1949 гг., ликвидировавшая крупное землевладение и тем окончательно подорвавшая экономические позиции остатков самурайства.

Вся эта серия реформ и радикальных преобразований означала еще один важный рывок Японии из мира вчерашнего дня в новые условия существования, соответствовавшие современному уровню. В сочетании с выработанными за пореформенное время навыками капиталистического развития эти новые меры оказались мощным импульсом, способствовавшим быстрому экономическому возрождению побежденной в войне Японии. И не только возрождению, но и дальнейшему развитию страны, ее энергичному процветанию. Раны второй мировой войны были залечены достаточно быстро. Японский капитал стал в новых и весьма благоприятных для него условиях, когда на развитие его не оказывали своего воздействия внешние силы (типа наполненных воинственным духом самурайства «молодых офицеров»), наращивать темпы роста, что и заложило фундамент того самого феномена Японии, который столь хорошо известен в наши дни. Как это ни парадоксально, но именно разгром Японии в войне, ее оккупация и связанные с этим радикальные преобразования в ее структуре окончательно открыли двери для развития этой страны. Были сняты все преграды для такого развития — и результат оказался поразительным...

Важно отметить еще одно существенное обстоятельство. В своем успешном продвижении по пути капитализма Япония полностью воспользовалась всем тем, что может предоставить для такого развития демократизация европейско-американского образца. Однако она не отказалась и от многого из того, что восходит к ее собственным фундаментальным традициям и что тоже сыграло свою позитивную роль в ее успехах. Об этом плодотворном синтезе пойдет речь в следующей главе. Пока же — несколько слов о Корее.

Корея под гнетом японского колониализма

Корея, на долю которой выпало быть в вассальной зависимости от Китая на протяжении многих веков, имеет все же уникальную судьбу для страны Востока в период колониализма: это единственная страна, оказавшаяся под колониальным господством не западной державы, а

восточной, т. е. Японии. Это обстоятельство само по себе изменило в судьбах Кореи не так уж много, но о нем все же стоит напомнить, как и о том, что Япония была единственной восточной державой, имевшей колониальные владения, — не вассальные территории, как Китай, а именно колониальные владения, эксплуатировавшиеся колониальными методами, включая колониальную торговлю, ввоз капитала, разработку ресурсов и промышленное освоение колонии, в том числе создание необходимой для всего этого инфраструктуры.

Хотя Корея была вассальной от Китая территорией (вассалитет этот был, к слову, не очень заметен), в конце XIX в. многие влиятельные слои ее населения ориентировались более на Японию, видя в ее пореформенном развитии образец для своей страны. Реформаторы прояпонской ориентации в начале 80-х годов прошлого века попытались было устроить при поддержке японского консула переворот, но он потерпел неудачу. Результатом этого было усиление в стране позиций Китая, но ненадолго: японо-китайская война 1894—1895 гг. покончила с китайским влиянием в Корее. К власти пришли сторонники реформ. И хотя наряду с японским в стране в эти годы усилилось и влияние русского капитала, по условиям русско-японского соглашения 1898 г. Россия официально признала преобладающие экономические интересы Японии в Корее. После же русско-японской войны 1904 г. Корея, как упоминалось, была превращена в протекторат Японии.

Япония, сама почти лишенная природных ресурсов, активно взялась за капиталистическое освоение Кореи. Рудники и леса, железные дороги и легкая промышленность, внешняя торговля Кореи — все оказалось в руках японских компаний, во всяком случае, главным образом в их руках. В 1910 г. была официально провозглашена аннексия Кореи, управление которой от имени японского императора стала осуществлять колониальная администрация во главе с японским генерал-губернатором. В стране были созданы оптимальные условия для развития японского капитала, интересы которого защищала хорошо продуманная система военно-полицейского принуждения. Искусственно насаждался японский язык — в ущерб корейскому. Корейские рабочие на предприятиях подвергались жестокой эксплуатации. Что касается сферы аграрных отношений, то в Корее была провозглашена приватизация земли, причем значительная часть ее оказалась собственностью японских переселенцев, капиталистов или генерал-губернаторства как представителя японского государства. Как и в самой Японии, аграрная реформа содействовала повышению товарности земледелия, а обезземеленные крестьяне массами шли в города, где они пополняли ряды рабочих на промышленных предприятиях и в рудниках, число которых все время росло.

Мощное народное восстание 1919 г., с трудом подавленное колонизаторами, вынудило их пойти на определенные уступки и

отменить военные формы управления. Были введены корейские законосовещательные собрания при японских административных органах. Увеличилось количество корейских и смешанных японо-корейских компаний. В Корее стали создаваться профсоюзы, общественные ассоциации, партии. После вторжения Японии в Китай и создания Маньчжоу-го Корея стала японским военно-промышленным плацдармом на континенте. Промышленное производство здесь, как и в самой Японии, развивалось ускоренными темпами. Строились металлургические заводы, электростанции, химические комбинаты. С конца 30-х годов, после начала японо-китайской войны, японцы пытались привлечь корейцев на свою сторону, выдвинув псевдопатриотический лозунг «японцы и корейцы — братья».

Поражение Японии во второй мировой войне имело своим следствием появление в Корее советских и американских войск и раздел полуострова на две части. В северной части, как известно, был взят курс на строительство марксистского социализма в его наиболее жесткой модификации. Южная Корея подверглась примерно тем же преобразованиям, что и Япония. Эти преобразования на основе созданной японскими колонизаторами социально-политической и финансово-экономической промышленной базы способствовали развитию страны в том же направлении и теми же быстрыми темпами, что было в свое время в Японии. Более низкий стартовый уровень не позволил пока южнокорейскому государству во всех сферах экономики и образа жизни достичь таких же впечатляющих результатов, каких достигла современная Япония. Но все же южнокорейский стандарт в этом отношении достаточно близок к японскому.

Глава 15

Религиозно-цивилизационный фундамент и особенности развития стран Дальнего Востока

Цивилизационным фундаментом всего Дальнего Востока, включая Китай, Японию и Корею, следует считать китайское конфуцианство. Наряду с ним с первых веков нашей эры здесь стал играть активную роль и появившийся из Индии буддизм, который в Японии и Корее порой становился идеологически господствующим. И хотя параллельно существовали здесь также местные религии типа даосизма и синтоизма, именно конфуцианство всегда составляло основу. В чем это проявлялось и как это сказалось на развитии стран Дальнего Востока, особенно Китая и Японии?

Конфуцианство в Китае и XX век

Во второй половине XIX и особенно в начале XX в. традиционное китайское конфуцианство постепенно теряло свое значение. Конечно, оно во многом по-прежнему определяло систему ценностей страны и народа, принципы жизни китайцев, основы их мировоззрения и менталитета. В этом смысле каждый китаец оставался, даже если он не сознавал этого, все-таки конфуцианцем. И все же конфуцианство как господствующая доктрина, как генеральный принцип жизни под ударами извне давало трещины, сквозь которые в империю проникали новые веяния — от христианства, под знаком которого формировались идеи тайпинов, до различных европейских социально-политических идей, как либерально-демократических, так и радикальных, включая различные формы социализма, анархизма и коммунизма. В идейно-доктринальном плане, значение которого для Китая последнего столетия невозможно переоценить, проблема здесь практически сводилась к тому, чтобы оптимально сочетать традиционные и заимствованные идеи и институты и на этой синтетической основе создать определенный фундамент для строительства на нем нового Китая.

Что же внесла в создание этого фундамента традиция, прежде всего конфуцианская, и что в нем появилось нового? Собственно, к ответу на этот весьма важный вопрос и должен привести предлагаемый анализ.

Сначала несколько слов о традиции, о религиозно-цивилизационном фундаменте старого Китая, о его ценностях, ориентированных, как упоминалось, прежде всего на ценности конфуцианства. В самом сжатом виде это можно изложить в форме нескольких тезисов:

— Китай в принципе нерелигиозен и, в отличие от индо-буддийской либо исламской цивилизаций, считает наивысшим смыслом существования людей достижение социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства, к чему призывали Конфуций и конфуцианцы и что было основной заботой великих правителей доконфуцианского прошлого (от легендарных Яо, Шуня и Юя до вполне реальных Вэнь-вана и Чжоу-гуна), на мудрость которых не уставал ссылаться Конфуций.

— Мудрость разумного правления, обеспечивающего социальную гармонию, отрабатывалась веками и закреплялась в социальном генотипе, на страже которого и стояли конфуцианцы. Неудивительно, что единственно стоящей мудростью в Китае всегда считалась именно она, так как только она способна научить людей жить по правилам, как то и подобает цивилизованному человеку, т. е. китайцу. Отсюда логичный вывод: лишенные этой мудрости народы суть жалкие варвары, у которых китайцам нечему учиться и которые, войдя в

соприкосновение с китайцами, сами рано или поздно китаизируются и конфуцианизируются, чему немало примеров дает столь высокочтимая и хорошо известная в Китае история, особенно история взаимоотношений Китая с его соседями, включая и завоевывавшие Китай народы.

— Но коль скоро мудрость известна и истина познана, причем именно китайскими мудрецами, то любое новое слово заслуживает внимания лишь постольку, поскольку оно сочетается с конфуцианской традицией и камуфлируется в ее одежды. Разумеется, новизна его от этого тускнеет, а сущность может всерьез трансформироваться, но зато традиционная мудрость за этот счет лишь выгадывает, крепнет, обрастает новыми идеями, которые позволяют ей выжить и даже расцвести в новых условиях существования. И для этого конфуцианская мудрость имеет надежный механизм самосохранения и самосовершенствования, сводящийся прежде всего к мобилизации умных и способных, т. е. к концентрации мозговых усилий всех тех, кто на это способен (речь идет прежде всего о тройном сите конкурсного отбора, в результате которого к власти в бюрократической иерархии империи приходят лучшие знатоки конфуцианства).

— Система в целом бдительно следит за престижем мудрости и священного канона, в котором она запечатлена, за стандартом конфуцианского ученого-чиновника, в котором она воплощена. Конечно, чиновник — не. идеал цзюнь-цзы. Но он обязан ориентироваться на этот идеал, и именно потому публичное уличение его во взятке, в коррупции важно не столько с точки зрения правосудия и правовой нормы, сколько с позиций этической нормы: «потеря лица» в традиционном Китае всегда означала гражданскую смерть для чиновника, образованного интеллектуала.

— Стремление к постоянному постижению мудрости древних, к самоусовершенствованию на основе выработанных ими предначертаний, к примату высокой морали, с которой не идет ни в какое сравнение низменная материальная выгода (хотя при этом всегда имеется в виду, что высокая мораль в статусе чиновника очень неплохо материально вознаграждается), — таков эталон поведения в Китае, воспетый в литературе, всегда высоко почитавшийся в реальной жизни и приносивший немалую практическую пользу каждому, кто добивался успеха на этом пути. Не богатый и знатный, но исполненный мудрости древних конфуцианский ученый-чиновник всегда стоял на вершине престижных ценностей в старом Китае. Залог же любого успеха — труд, постоянный и упорный. Культура и высокая дисциплина труда, как умственного, так и физического, — важнейший элемент конфуцианской цивилизации.

— Форма, ритуал, церемониал — основные способы закрепления и сохранения нормы, консервации социального порядка, обеспечения строгой организации общества, дисциплины и послушания. Общество

в целом, как и его части, социальные корпорации (включая семью), всегда стояли на страже формы, главной сутью которой был строгий принцип патернализма. Долг как социальная категория намного выше чувства, особенно личностного, диктуемого неконтролируемыми эмоциями, включая низменные суеверия.

В этом пункте конфуцианство всегда соприкасалось с противоположным ему полюсом в биполярной структуре идейно-доктринального фундамента китайской традиции — с мистикой и метафизикой даосов и буддистов, во многом ориентированными на чувства крестьянской массы, особенно в критические периоды истории страны. Биполярная структура, о которой идет речь, находилась в состоянии неустойчивого баланса: в длительные периоды функционирования крепкой центральной власти конфуцианский полюс преобладал, порой абсолютно; в сравнительно краткие, но бурные периоды кризиса на передний план выходил даосско-буддийский полюс с его бунтарскими эгалитарно-утопическими идеями, магией и мистикой. Впрочем, за эгалитаризмом всегда легко просматривалась все та же конфуцианская в основе идея: восставшие стремились к регенерации нарушенной кризисом нормы, т. е. в конечном счете к возрождению сильного централизованного государства, в котором традиционно управляли бы все те же ученые-конфуцианцы, знатоки великой мудрости древних, отстаивавшие генеральный для китайской цивилизации принцип социальной гармонии и справедливости с равенством жребия для каждого, кто обладает соответствующими потенциями и стремлениями.

Охарактеризованный выше конфуцианский в своей основе религиозно-цивилизационный фундамент старого Китая во многом определял судьбы этой страны в XIX и тем более в XX в. Открытая для заимствований и даже достаточно охотно перенимавшая чужие идеи традиционная китайская мудрость имела тем не менее определенный предел, потолок заимствований, не говоря уже о практике переработки чужих идей до неузнаваемости. Выработанная веками, эта практика трансформации чуждого интеллектуального потенциала создала определенные стереотипы, сущность которых сводилась к тому, что перенимается прежде всего то, что как-то созвучно своему, привычному, и что может поэтому укрепить хорошо известное свое, придав ему новые возможности. Именно это было продемонстрировано в случае с тайпинами, а позже стало лозунгом в официальной политике самоусиления. Это же определило собой отношение к европейским идеям и институтам, от демократии и либерализма до социализма и коммунизма, после крушения империи.

Идеи равенства и справедливости, поиск социальной гармонии и ориентация на стремящегося к ней, ищущего его авторитетного лидера-мудреца — в крови китайской традиции. Отсюда — с легкостью воспринятая Китаем идея революции с ее ориентацией на

лозунги Сунь Ят-сена; отсюда же и взлет влияния компартии во главе с Мао. Идея о ведущей роли государства и аппарата власти с его бюрократической иерархией — опять-таки в крови китайской традиции с ее неизменной ставкой на централизованное регулирование хозяйства. Именно это проявило себя во времена самоусиления, в годы успешных экспериментов гоминьдановского правительства до второй мировой войны, и, наконец, в период экспериментов Мао в КНР. Привычное отношение к частному предпринимательству как к поискам низменной выгоды, наносящим в конечном счете вред обществу в целом, определило и жалкое положение частного китайского капитала в годы самоусиления, и немногим лучший его статус в период власти гоминьдановцев, и тем более его ликвидацию при Мао. И еще одно: Китаем должны править мудрые правители, опирающиеся на хорошо знающих господствующую доктрину помощников. В свое время это были императоры с конфуцианскими чиновниками, рекрутировавшимися посредством системы экзаменов, а также многочисленными шэньши, составлявшими их опору на местах. При гоминьдановцах во главе страны встали лидеры этой партии, опиравшиеся на хорошо знакомых с теорией Сунь Ят-сена функционеров, включая и военных. При Мао их место заняли активисты КПК, получившие сводное наименование «ганьбу» (кадровые работники-профессионалы).

В этой генеральной схеме, как то легко заметить, практически не было места тем институтам, которые не вписывались в традицию либо решительно противоречили ей. Нет слов, колониальный капитал немало сделал для того, чтобы разложить изнутри традиционную хозяйственную, а затем и социально-политическую структуру империи. Промышленное и торгово-экономическое развитие Китая в XX в. создало благоприятные условия для становления частного предпринимательства и проникновения в Китай соответствующих западных принципов и институтов. Однако приспособление мощной традиционной структуры к этим новшествам шло столь замедленными темпами и встречало столь яростное сопротивление (речь не только о восстании ихэтуаней, хотя оно говорит само за себя), что успехов в этом направлении было немного, даже несмотря на порой официальное поощрение со стороны государства, особенно гоминьдановского. Парадокс, но факт: те самые китайцы (хуацяо), которые во всей Юго-Восточной Азии, да и во многих других районах мира, вплоть до Америки, столь успешно проявляли себя на протяжении веков в качестве весьма динамичной и активной группы торговцев, а затем и удачливых предпринимателей, у себя дома оказывались совсем иными. И если задаться вопросом, что же им мешало, то ответ будет один: мощная государственная машина, т. е. бюрократический аппарат, опиравшийся на веками апробированную конфуцианскую традицию.

Формально эта традиция в XX в. уже как бы не признавалась, а китайский парламент вскоре после синьхайской революции даже принял на этот счет (правда, крайне мизерным большинством) официальное решение, отвергнув конфуцианство как государственную идеологию. Но реально традиция продолжала функционировать, время от времени даже весьма активно и демонстративно. Именно она лежала в основе поведения китайского крестьянства — того самого, которое накладывало наиболее заметный отпечаток на весь ход событий в Китае в первой половине XX в. и привело, в частности, к победе КПК. И когда весь мир с удивлением следил за гигантскими социальными экспериментами Мао, стремившегося вогнать огромную страну в коммунистическую казарму, в самом Китае все это воспринималось несколько иначе, ибо пусть не во всем, но в целом вписывалось в привычные нормы поиска социальной справедливости, государства высшей гармонии, управляемого обладающим харизматическим авторитетом великим мудрецом... Иными словами, традиция и здесь если формально и не вышла на передний план, то подспудно оказывала свое едва ли не решающее воздействие, причем традиция в ее полном объеме, включая не только конфуцианство, но и даосско-буддийский ее полюс со всей свойственной ему мистикой и магией, столь хорошо заметными на примере культа самого Мао.

И все-таки, учитывая все сказанное, нельзя не видеть и другого: в ходе длительного и болезненного приспособления старого Китая к новым условиям существования в стране многое менялось. Новые, в том числе заимствованные извне институты, нормы, стереотипы поведения постепенно усваивались, пусть порой в весьма трансформированном виде. Менялась традиционная система образования, ориентированная теперь на европейские стандарты. Это влекло за собой изменения в образе жизни и мышления новых поколений грамотного и образованного слоя людей, по-прежнему традиционно управлявших страной. Развивались города, превращаясь в центры современной промышленности и культуры. Экономика Китая, несмотря на все потрясавшие ее войны и революции, деструктивные социальные катаклизмы и эксперименты, не только не разваливалась, но даже постепенно укреплялась, что во многом достигалось за счет упорства и трудолюбия, организованности и дисциплины, традиционной культуры труда населения. Развивалась инфраструктура современного типа. Словом, традиционно практичный и прагматичный Китай как бы интуитивно, порой вопреки его признанным лидерам, усваивал все то полезное, что могло пригодиться для последующего процветания страны. И пусть этот процесс усвоения был непоследовательным и противоречивым, пусть он то и дело встречал яростное сопротивление как со стороны традиции, так и в лице экспериментаторов вроде Мао, тенденция все же ощущалась.

Словом, традиционный Китай не был, начиная с середины прошлого века, закрыт для перемен. Напротив, он, несмотря на мощный пласт традиционного фундамента, был открыт для трансформации, которая и составляла едва ли не главное внутреннее содержание развития страны за последние теперь уже почти полтора века. Но, в отличие от Японии, о которой пойдет речь дальше, Китай был не столько даже более сильно скован традицией, сколько был несколько по-другому ориентирован и ограничен ею. Сила государства и бюрократической власти, помноженная на века отработанной техники управления, опирающаяся на многотысячелетнюю общепризнанную традицию, не могла быть сломлена с легкостью, тем более что речь шла не столько о ломке одряхлевших институтов, сколько о крушении привычных стандартов бытия, о радикальной трансформации веками воспитывавшегося социального сознания. Неудивительно поэтому, что прагматичный Китай воспринимал, причем весьма избирательно, из потока нахлынувшего в страну нового именно то, что было ему наиболее близко и понятно, что хоть как-то вписывалось в хорошо знакомые ему нормы, порядки и ценности. Неудивительно и то, что все новое в китайских условиях привычно трансформировалось и приспосабливалось, обретая несколько иные формы, а порой и иное содержание, будь то промышленное развитие или идеи социализма.

Существенно и еще одно важное обстоятельство. Китай не стал, да и не мог стать легкой добычей колониального капитала. Вовсе не случайно также и то, что в отличие от Индии эта страна оказалась не по зубам державам, включая и агрессивную Японию. Здесь вновь сказалась сила традиции: можно, иногда даже сравнительно легко, завоевать империю, но практически невозможно быстро и с легкостью трансформировать ее. Китай не раз бывал завоеван — но при этом всегда оставался Китаем, тогда как завоеватели неизменно окитаивались. Практически это значит, что колониальные державы не могли рассчитывать на превращение Китая в колонию, в чем с наибольшей определенностью убедились японцы в 30—40-е годы нашего века. Но при всем том столетие колониальной экспансии не обошлось Китаю дешево. Конечно, страна многое получила за счет навязанных ей едва ли не силой идей и институтов и в конечном счете сама стала ориентироваться на европейские стандарты в экономическом и социально-политическом развитии. Однако все это шло не просто на фоне яростного внутреннего сопротивления традиционной структуры, а в условиях почти непрерывной борьбы, в том числе вооруженной, ослаблявшей Китай и то и дело вновь ввергавшей его в состояние глубокого кризиса.

Все вышесказанное — от состояния перманентного кризиса, длившегося едва ли не столетие, до потрясших страну гигантских экспериментов Мао, стоивших ей столь дорого, — было в некотором смысле той весьма высокой ценой, которую Китай был вынужден

заплатить за процесс структурной трансформации и приспособления, болезненный, но жизненно необходимый ради самосохранения страны и народа в новых условиях существования. Что же касается внутренних потенций для подобного рода трансформации, то именно в Китае, как и во всей зоне ориентированной на Китай дальневосточной цивилизации, они реально существовали едва ли не в большей степени, чем в любом из других неевропейских регионов, не исключая, пожалуй, и Латинской Америки. Подробнее об их сути речь пойдет в следующей главе. Пока же весьма целесообразно продемонстрировать аналогичные и во многом родственные им потенции на примере соседней с Китаем и дочерней по отношению к нему в цивилизационном плане Японии.

Феномен Японии

То, что обошлось Китаю так дорого, Японией было достигнуто с завидной легкостью, причем оказалось для нее лишь неким стартовым уровнем, в довольно скором времени не просто превзойденным, но и оставленным далеко позади. Япония — единственная из неевропейских стран, чье развитие уже к рубежу XIX—XX вв. позволило ей не просто сравняться с ведущими европейскими державами, но и стать одной из наиболее влиятельных и успешно развивающихся капиталистических стран мира. Так в чем же разгадка феномена Японии?

Конечно же, речь должна идти о сложном комплексе причин, об уникальном стечении благоприятных условий и обстоятельств, определивших успех Японии в те весьма неблагоприятные для развития неевропейского мира десятилетия активной экспансии европейских держав, которые ознаменовали собой колониальный раздел мира и насильственное втягивание внутренне не готовых к этому стран в жесткие сети мирового капиталистического хозяйства. Внешне, по сути своей, ситуация была в принципе одинаковой для всех, хотя каждая из стран Востока переносила ее по-своему и имела собственную судьбу, как правило, весьма незавидную. Исключением оказалась Япония, так что неудивительно, что ее судьба заслуживает особого, специального анализа.

Япония, как и Китай, «открывалась» капиталистической Европой дважды. Первый раз это было в XVI в. и сопровождалось знакомством с христианской (католической, преимущественно в ее иезуитской модификации) религиозной культурой и с достижениями европейской науки и техники того времени. Второй раз — после длительных веков «закрытия» страны и строгих официальных ограничений на сношения с Западом. Интенсивные контакты начались лишь в середине прошлого века. Однако, в отличие от Китая, изоляция Японии от европейского мира не только не была абсолютной (абсолютной она не была

и для Китая), но и не сопровождалась высокомерным официальным отторжением всего иноземного, демонстративным пренебрежением по отношению к нему. Напротив, японцы, привыкшие перенимать у других народов (прежде всего из Китая) все полезное и пригодное для собственного развития и не видевшие в том ничего для себя зазорного либо унизительного, активно продолжали следовать этому весьма благоприятному для себя принципу и в период формального закрытия страны от влияний Запада. Более того, именно на протяжении веков «закрытия» продолжались энергичные контакты японцев с господствовавшими в юго-восточноазиатском регионе голландцами, а результатом подобных контактов оказалось достаточно широкое и энергичное распространение в Японии достижений западной науки и техники, получившей наименование «голландской науки» (рангакуся). Можно, таким образом, сформулировать первое из благоприятных обстоятельств, способствовавших формированию феномена Японии: это веками воспитанная склонность к активным полезным заимствованиям извне при отсутствии столь характерного для Китая почитания собственной мудрости и пренебрежения к представителям иных культур.

Островное положение Японии, обусловившее периферийность статуса этой страны в системе дальневосточной цивилизации и вызвавшее к жизни только что упомянутую склонность к полезным заимствованиям, имело своим следствием и еще одно немаловажное обстоятельство, а именно — особую роль торговли и мореплавания (вспомним о той роли, которую то и другое в свое время сыграло в судьбах финикийцев и древних греков). Вообще-то формально торговцы в Японии, как и в Китае, занимали приниженное положение: среди официально признанных сословий (самураи — крестьяне — ремесленники — торговцы) им принадлежало последнее место. Но тем не менее реальный статус торговцев был более предпочтительным, нежели в Китае, так как их поддерживали заинтересованные в развитии своих княжеств всесильные даймё. Эти последние не только предоставляли соответствующие льготы своим городам и их торговому люду, но и заботились о развитии морской торговли. Слабость же централизованной власти и специфика сёгуната как системы, ориентированной прежде всего на поддержание военной силы и сохранение статус-кво во взаимоотношениях с влиятельными даймё, объективно способствовали тому, что торговля и мореплавание в позднесредневековой Японии были чем-то вроде частного предпринимательства, находившегося под верховной опекой заинтересованных в этом князей. Еще раз можно напомнить, что нечто похожее было в эти же века и во взаимоотношениях Китая со странами южных морей, где активно действовали китайские торговцы. Но если китайцы были при этом формально не связаны с властями империи и даже как бы официально исключались из сферы их

внимания, то с японцами дело обстояло иначе. Менее многочисленные и более тесно связанные с родными местами, они находились под покровительством своих даймё, что уже в XVII в. привело к возникновению в Японии богатых торговых домов, в том числе знаменитых впоследствии Мицуи и Сумитомо.

Именно через посредство связей такого рода торговцев с внешним миром осуществлялись, в частности, и контакты с голландцами, проникали и заимствовались достижения европейской науки и техники. Этот важный фактор, сыгравший свою серьезную роль в появлении феномена Японии, следовало бы в общих чертах охарактеризовать примерно так: торговля и мореплавание японцев, имевшие — как и в случае с китайцами в те же века и в том же регионе — характер частнопредпринимательской деятельности, опирались в своем развитии на активную поддержку со стороны власть имущих в Японии, что не могло не сыграть определенной роли в укреплении формального и, главное, реального статуса торговцев в этой стране.

Итак, японские торговцы и покровительствовавшие им князья вели частнопредпринимательскую по характеру активную внешнюю торговлю и заимствовали достижения западной (голландской) науки и техники — прежде всего те из них, которые способствовали развитию все той же торгово-предпринимательской хозяйственно-экономической деятельности, включая плантационное хозяйство, горнодобывающие промыслы и металлургию, судостроение, изготовление оружия. Те же отрасли экономики развивались и усилиями централизованной власти, сёгуната, т. е. были объектом внимания со стороны государства и являли собой неотъемлемую часть государственной экономики, хорошо известной в традиционной Японии, как и на всем Востоке. Однако существенная разница была в том, что, по сравнению с Китаем, государство в Японии было несколько иным, причем разница в конечном счете была в пользу частнопредпринимательского начала.

Как о том уже шла речь, в Японии по ряду причин не сформировалась гражданско-бюрократическая система власти с соответствующим аппаратом чиновников, который рекрутировался бы по китайской модели с помощью системы экзаменов. Альтернативой здесь оказалась система военной власти в форме сёгуната, где функции чиновников исполняли в основном самураи, воины-рыцари с характерным для них кодексом воинской доблести и рыцарского долга (бусидо). Восходя по основным параметрам к китайской традиции (верность долгу чести, преданность господину, почтение к старшему, культ добропорядочности и готовность отдать жизнь во имя соблюдения священных принципов и норм поведения), кодекс самураев бусидо лишь внешне соответствовал требованиям конфуцианства. По сути же он уводил самураев в сторону выполнения ими военной и военно-феодальной функции, что вполне соответствовало реалиям

Японии, но кардинально отличало ее в этом смысле от Китая. Практически это означает, что в Японии не сложилось всеобъемлющего государства с его тотальным контролем над населением — того самого государства, которое в Китае сковывало китайских торговцев и позволяло им развертывать их возможности лишь там и тогда, где и когда сильной опеки государства не ощущалось, т. е. вне Китая, в тех же странах южных морей. Отсутствие такого государства в Японии сыграло важную роль в успехах этой страны, особенно после реставрации Мэйдзи, когда молодое, буквально на глазах создававшееся государство во главе с императором не только не было обременено многовековыми традициями бюрократизма со всеми свойственными ему пороками, включая косность и коррупцию, но напротив, было широко открыто для полезных заимствований. Именно эти заимствования, хлынувшие потоком в конце XIX в., во многом способствовали созданию государственного аппарата на принципиально новых началах, включая европейские принципы конституционной монархии, гражданского общества, демократической процедуры и т. п.

Как о том уже говорилось, Япония в годы энергичного натиска колониализма оказалась в условиях национального подъема, быстрого роста и внутреннего развития, что выгодно отличало ее от подавляющего большинства других стран Востока, которые находились в эту пору в состоянии упадка, столь облегчившего колонизаторам осуществление их целей. Если прибавить к этому, что скудные природные ресурсы не делали в глазах колониальных держав Японию привлекательной, то на поверхность выступит еще один важный фактор, сыгравший свою роль в феномене Японии: эта страна в силу ряда причин оказалась как бы вне пристального внимания колонизаторов. Разумеется, со временем европейские государства приобрели свои позиции в экономике Японии, но не их усилиями здесь осуществлялся процесс энергичной внутренней трансформации традиционной структуры. Он осуществлялся усилиями молодого ориентировавшегося на европейские стандарты государства, проведшего ряд радикальных реформ, а также стараниями весьма подготовленных к упомянутой трансформации торгово-промышленных кругов, немалое место в ряду которых заняли и вчерашние даймё, и самураи.

Что же касается нового японского государства, пришедшего на смену многовековому сёгунату, то о нем тоже стоит сказать несколько слов. Это было для Востока действительно необычное государство. Не имевшее в прошлом собственных традиций и ориентированное на разрыв с этим прошлым (с системой сёгуната), японское государство сознательно ориентировалось на иные стандарты, на заимствования с Запада. Это, в частности, проявилось в его отношениях с частнопредпринимательским сектором народного хозяйства. Если во всех без исключения странах Востока традиционное государство стремилось сосредоточить в своих руках контроль над трансформирующейся

экономикой, строить новые промышленные предприятия и вообще управлять хозяйством страны, то в Японии дело обстояло совершенно иначе. Распродажа государственных предприятий в руки частных фирм была важным сигналом, свидетельствующим о том, что японская империя вполне сознает преимущества и экономическую эффективность именно частнокапиталистической формы управления экономикой и что государство не только легко смирилось с потерей им контроля над бурно развивающейся экономикой страны, но даже и весьма удовлетворено этим процессом, готово активно ему содействовать. Главными же функциями японского государства с конца прошлого века стали те, что характерны именно для государства западного типа — функции политические, т. е. осуществление политики, в которой заинтересованы прежде всего господствующие классы и социальные слои новой Японии. И в этом пункте пора перейти к еще одному важному фактору, определившему не только феномен Японии как таковой, но и облик японской империи, ее агрессивную политику в первой половине XX в., да и в конце XIX в.

Речь пойдет все о той же военной функции, о которой уже упоминалось в связи с оценкой статуса и позиций самураев в традиционной Японии. Откуда в Японии столь сильная и развитая военная традиция? Почему конфуцианство именно в этом важнейшем для себя пункте — принцип строго централизованной бюрократической гражданской администрации — оказалось вынужденным отступить? Можно было бы представить дело таким образом, что здесь сыграл свою роль основной идейный соперник конфуцианства в Японии — буддизм, на протяжении ряда веков бывший официальной идеологией сёгуната. И в этом есть определенный резон, ибо хорошо известно, что буддизм в его специфически-японской форме дзэн-буддизма (вариант китайского чань-буддизма) сыграл весьма существенную роль в воспитании поколений самураев, проходивших выучку в дзэнских монастырях с их суровой ориентацией на дисциплину и повиновение наставнику. Но если даже так, то нельзя отделаться от мысли, что сам буддизм, столь невоинственный по своей сути, по доктринальной его основе, стал воинственным именно в условиях Японии. Почему же?

Видимо, здесь решающую роль сыграли исторические условия становления Японии как государства, расчлененность страны на острова и постоянная политическая вражда влиятельных сил при общей слабости власти центра. Как бы то ни было, но все это способствовало выходу на передний план военной функции в ее столь специфической для Японии военно-феодальной форме, во многом сходной с Китаем времен Чуньцю или со средневековьем в Европе. Принципы воинской доблести веками оттачивались, достигнув совершенства в виде упоминавшегося уже кодекса бусидо, свода норм

поведения самурая (вплоть до известного харакири). Не исчезли они и после реставрации Мэйдзи.

Конечно, ликвидация сёгуната и реформы японской армии сыграли свою роль. Однако дух бусидо не ушел в прошлое. Напротив, с выходом на передний план находившейся до того в состоянии упадка национальной японской религии — синтоизма (вариант китайского даосизма) — с ее культом императора как потомка богини Аматерасу воинский дух японцев как бы обрел новое содержание: все воины страны, в том числе вчерашние самураи и их потомки, ставшие офицерским корпусом новой армии, должны были быть готовы умереть во имя величия новой Японии и ее императора. Отсюда — тот самый дух милитаризма, та откровенная агрессивность, которая стала проявляться во внешней политике Японии по мере развития экономической и прежде всего военно-экономической базы этой страны в конце прошлого века.

Выйдя на просторы континентальной Азии, капиталистическая Япония с конца XIX в. и особенно в первой половине XX в. стала откровенно демонстрировать не столько свои экономические успехи, хотя они были весьма заметными, и даже не столько свои заимствованные у европейцев формы организации государства и общества — хотя именно это в первую очередь привлекало симпатии многих реформаторов и революционеров разных стран Азии, в первую очередь китайских,— сколько чуть ли не средневековую по уровню жестокости свою воинскую традицию, нормы которой сводились к безжалостному уничтожению не только побежденных воинов, но и гражданского населения в завоеванных странах, как то было особенно заметно на примере Китая. Неизвестно, сколь далеко завел бы Японию этот ее питавшийся традицией агрессивно-милитаристский дух и соответствующая внешняя политика, если бы не поражение страны во второй мировой войне, которое послужило исходным пунктом трансформации страны и своего рода завершающим ключевым аккордом в том процессе, который можно назвать феноменом Японии.

Поражение Японии привело, как упоминалось, к коренной ломке внутренней структуры общества. Оккупационные власти США во главе с генералом Макартуром и его командой немало сделали для того, чтобы привить японцам буржуазно-демократические нормы поведения и заодно вытравить тот милитаристский дух, который сыграл свою роль в предшествующие поражению десятилетия. Результатом этих преобразований явился выход на передний план тех стандартов и характерных черт японского образа жизни, которые в итоге и обусловили бурное процветание страны во второй половине нашего столетия. Речь идет о возрождении традиций, гармонично сочетавшихся с теми необходимыми заимствованиями, без которых эффективное функционирование капитализма невозможно.

В отличие от Китая, длительное время относившегося к заимствованиям осторожно и весьма отрицательно, Япония решительно взяла те из них, которые были для нее в новых условиях жизненно необходимы и способствовали дальнейшему развитию либерально-демократических правовых и политических норм, процедур и гарантий существования собственника. Развитие в этом направлении в конечном счете — уже в наши дни — привело к индивидуализации молодого поколения страны (феномен, вызывающий немалую озабоченность в современной Японии), а его возможные деструктивные последствия были в немалой степени компенсированы традиционной коллективистской этикой, конфуцианским патернализмом. Сочетание заимствованного и своего в японских условиях оказалось достаточно гармоничным: японская фирма действует на рынке как собственник, но в то же время представляет собой нечто вроде традиционной социальной корпорации, построенной на принципе патернализма и взаимной поддержки низших и высших во имя успеха общего дела, т. е. процветания фирмы.

Японское государство, будучи вынужденным решительно отказаться от агрессивной внешней политики, энергично переключило свою активность на поддержку экономической деятельности фирм, в свою очередь выступая по отношению к ним все в той же привычной функции всеобщего отца в рамках патерналистских взаимосвязей. И это опять-таки оказалось не только гармоничным, но и экономически весьма эффективным: не вмешиваясь в экономику непосредственно, государство всемерно содействует ее процветанию, разумно перераспределяя при этом в интересах общества в целом получаемые от упомянутого процветания огромные доходы. Демилитаризованные потомки японских самураев, приобретя необходимую подготовку и навыки, заняли свое место в рядах служащих все тех же фирм («самураи с портфелями», как их нередко называют) и соответственно переключили свою активность в производящее конструктивное русло. Во многом восходящее к традиционной конфуцианской дисциплине, культуре и этике труда поведение рабочих, гораздо более склонных к искреннему сотрудничеству с фирмой, нежели к борьбе с ее верхушкой во имя отстаивания своих прав, тоже вносит немалый вклад в процветание страны. Словом, радикальная переориентация японской активности в мирное русло дала бесценные плоды, превратив современную Японию в передовую по многим параметрам страну, включая самые престижные и наукоемкие современные отрасли производства, новейшую технологию, социально-психологический комфорт.

Разумеется, у современной Японии есть свои проблемы. Но феномен Японии важен в том отношении, что он как бы высвечивает внутренние потенции эволюции, которые были в определенной степени свойственны всей дальневосточной цивилизации и обязаны

своим существованием специфической мировоззренческой и социально-этической ориентации, сложившейся еще в древнем Китае и развитой затем конфуцианством. В том, что дело обстоит именно так, убеждают сами японцы с их опытом, навыками, дисциплиной, с их заимствованной от конфуцианства (и не деформированной буддизмом или синтоизмом) этикой труда и быта, практикой патернализма. В этом же убеждают современные темпы и особенности развития ряда других стран конфуцианского культурного круга, от Сингапура до Кореи, да и неслыханные темпы преобразований и развития в современном Китае. Ничего похожего не в состоянии продемонстрировать другие регионы неевропейского мира, включая и Латинскую Америку. Не представляют исключения в этом смысле и страны, разбогатевшие на нефтедолларах, чьи успехи во многом основаны на труде наемников из других регионов, в том числе и с Дальнего Востока (имеются в виду, в частности, корейцы).

Трансформация Востока в период колониализма (теоретический анализ и сравнительное сопоставление)

Глава 16

Колониальный капитал и традиционный Восток

Сильное экономическое, а затем и политическое давление колониальных держав, включая и прямые военные захваты, сыграли роковую и решающую роль в судьбах Востока. Практически каждая из стран Азии и Африки (это в той или иной мере коснулось и всего остального неевропейского мира) оказалась втянутой в мировой рынок, поставленный на службу капиталу, и уже хотя бы в силу этого подверглась заметной внутренней трансформации. Изменялось многое: и характер производства, и его объем, и связанные с ним привычные трудовые навыки, и образ жизни значительной части населения, особенно городского, и веками считавшиеся незыблемыми духовные ценности, в том числе отношение человека к обществу, природе, миру в целом, к жизни... Но как именно все это изменялось? Как традиционная структура, в силу необходимости приспосабливавшаяся к новым условиям существования, реагировала на вынужденные перемены, сочеталась с теми чуждыми ей структурными элементами, которые были связаны с европейской традицией и

без которых колониальный капитал в странах Востока не мог эффективно функционировать?

Для ответа на эти вопросы нужно прежде всего выявить и проанализировать параметры и элементы обеих сопоставляемых структур, европейской и традиционной восточной, а также обратить внимание на связывающие эти структурные элементы типовые связи и на иерархию упомянутых связей.

Европа и Восток: структурный анализ

Как о том уже шла речь в первой части работы, европейская (античная) модель общества сложилась на основе ранней модификации восточной, бывшей в то отдаленное время единственной исходной структурой для развития цивилизации и государственности. Можно спорить на тему о том, были ли в Греции до реформ Солона структуры, в чем-то близкие к ней (например, крито-микенская), но несомненно, что эти предшественники гораздо ближе к типичной для ранних восточных обществ структуре, нежели к античности. Иными словами, античная Греция складывалась на фундаменте, подготовленном ранними политическими структурами восточного типа. Общность исходного фундамента — даже при условии радикальных изменений, которые имели характер социальной мутации и вызвали к жизни феномен античности,— означает существование какого-то минимума общих исходных элементов структуры. Попытаемся вычленить их.

Прежде всего, это производительное хозяйство на базе достижений неолитической революции и ранней металлургии, знакомое с избыточным продуктом и, как следствие этого, с разделением труда, обменом общественно полезной и необходимой для общества деятельностью, с восходящими к реципрокным связям первобытности принципами обязательного взаимообмена продуктами, товарами и услугами в натуральной либо товарно-денежной форме. Формами организации социума являются община с традиционными свойственными ей элементами самоуправления и политическая организация (надобщинная структура) с тенденцией к превращению ее в более или менее развитое государство, как централизованное, так и децентрализованное, вплоть до города-государства, полиса. Оба типа социума знакомы с неравноправием различных категорий населения, вплоть до бесправия чужаков-рабов, и, следовательно, с эксплуатацией чужого подневольного труда, хотя степень и формы неравноправия и эксплуатации во многом зависели именно от типа социума. Для каждой из сравниваемых структур характерна определенная система общественных отношений, соответствующая уровню, образу и принципам жизни коллектива, регулирующая жизнедеятельность общества и контролирующая все стороны его жизни, включая брачно-семейные отношения. Имеется также система жестко фиксирован-

ных нормативных установок, санкционированная религией и ставящая своей целью легитимизировать всю систему связей и статус каждого слоя населения.

Общих элементов, как видим, не так уж мало. К тому же они фундаментальны по характеру и значению — обстоятельство, во многом объясняющее привычку не придавать большого значения различиям между Востоком и Западом и связанное с этим стремление втискивать восточные общества и историю в жесткие рамки европейского стандарта. Однако, при всей их фундаментальности, эти общие элементы явственно отступают на второй план, как только заходит речь о различиях. Обратим внимание именно на них.

Производительное хозяйство античного общества, связанное с торговлей и мореплаванием, ориентировалось на рынок, было товарным и находилось в руках частных собственников, коллектив которых и составлял гражданскую общину. Она состояла из равноправных, но в имущественном плане неодинаковых граждан, тогда как остальная (как правило, меньшая) часть населения общины-полиса принадлежала к неполноправным, включая и рабов. На базе традиций общинного самоуправления сложилась политическая организация, государство, считавшееся органом власти коллектива (лат. res publica). Причастность к власти не давала ни материальных выгод, ни привилегий; скорее напротив, это была обременительная, хотя и престижная обязанность. Демократическая процедура выборов обеспечивала регулярную сменяемость стоявших у власти, а правовые гарантии способствовали гражданской защищенности члена общины от посягательств со стороны властей. И хотя античный мир знал не только демократию, но и олигархию, даже тиранию, элементы античной структуры с древности оказались теми несущими конструкциями, на которые опирался каркас общества: понятия и представления о правах, свободах, гарантиях, демократических процедурах, достоинстве гражданина и прерогативах собственника формировали нормы жизни, мировоззрение и всю духовную культуру. Общество безусловно доминировало над государством, а государство было его слугой (или, по Марксу, орудием в руках господствующего класса) — при всем том что на практике бывало разное, особенно в период упадка Римской империи, при господстве императоров типа Нерона или Калигулы.

Структура античного типа подверглась существенной деформации после падения Рима. Германская Европа раннефеодального типа была структурно чуждой ей. Правда, христианизация способствовала усвоению цивилизационного наследия античности, но процесс шел медленно. Только с начала II тысячелетия н. э. во многом благодаря развитию городской жизни и городских республик (Венеция, Флоренция, Ганза и пр.), где в силу необходимости элементы античной структуры с их правами и гарантиями частного собственника, покровительством торговле и мореплаванию стали выходить на передний

план, наследие античности начало усваиваться более быстрыми темпами, которые еще возросли в эпоху Возрождения и в последующие столетия, когда на смену германскому феодализму пришли абсолютистские государства с поднимающим голову третьим сословием, т.е. зарождающимся классом буржуазии. Капитализм в интересующем нас плане структурного анализа — наследник, детище античности, проявивший свои потенции в условиях преодоления феномена феодализма, чуждого ей. Именно он не только возродил основные элементы античной структуры (господство частного собственника, ведущего ориентированное на рынок товарное хозяйство; защищающие этого собственника-гражданина права, свободы и гарантии; конституционное государство с демократическими процедурами и нормами; свобода мысли, развитие наук, искусств и т. п.), но и, опираясь на них, достиг небывалых темпов развития буквально во всех сферах экономики, что к эпохе колониализма создало ему выгодные позиции, особенно по сравнению с Востоком, куда и была устремлена его экспансия.

Восток структурно был во многом противоположен античнокапиталистической Европе, о чем было уже немало сказано. Альтернативой частной собственности здесь была власть-собственность, альтернативой гражданской общины-полиса и демократии, прав и свобод были всесильное государство с административным аппаратом власти и приниженность, «поголовное рабство» подданных, не имевших представления о свободах и гарантиях частноправового характера, но живших по нормам санкционированного религией обычного права и объединенных при этом в рамки социальных корпораций, растворявших в себе все индивидуально-личностное. Конечно, в обществах Востока, как об этом тоже шла речь, на определенном этапе их развития возникали и частная собственность, и товарно-денежные отношения, и эксплуатация зависимых. Все это, однако, существовало как бы на другом уровне, вне сферы взаимоотношений между государством и его подданными, вносившими рентуналог в казну. Кроме того, государство, как правило, бывало недовольным, если частный сектор чрезмерно развивался. Для подавления частного собственника использовались, причем весьма успешно, рычаги власти, что превращало частнособственнические отношения не просто во вторичный, но в подконтрольный власти и всецело зависимый от нее сектор народного хозяйства. Собственно, обо всем этом уже шла речь в первой и второй частях работы. Но напоминание об этом имеет свой смысл, как то сейчас станет очевидным.

Дело в том, что было бы неверным недооценивать роль и место, даже жизненно важную значимость сектора частной экономики, о вторичности, зависимости и несамостоятельности которого только что шла речь. Восточная структура как гигантская саморегулирующаяся система отнюдь не случайно всегда сохраняла этот сектор, хотя и

держала его под контролем. Здесь нет противоречия. С точки зрения самосохранения структуры, частный сектор нельзя было выпустить из-под контроля, ибо стихия частнособственнического предпринимательства в этом случае грозила не просто немалыми экономическими и социальными потрясениями. Она была в состоянии подорвать структурные основы и тем поставить под сомнение стабильность, даже само существование социума и государства — речь не о создании иной структуры, скажем, капиталистической, а именно об ослаблении существующей и о крушении ее, о гибели соответствующего государства, об уходе с исторической арены соответствующего социума, а то и вообще данного народа. В то же время с точки зрения устойчивости и стабильности сложного и развитого социума и государства частнопредпринимательская активность, этот второй и, в отличие от первого, государственного, необычайно активный, тесно связанный с рынком и товарно-денежными отношениями сектор хозяйства всегда был жизненно важным, необходимым. Почему?

Потому что это своего рода антично-капиталистический механизм в миниатюре. Без прав и свобод, без демократии и конституции, без гарантий и даже в условиях жесткого контроля и повседневного надзора властей частный сектор и в условиях традиционного Востока делал примерно то, что он с несравненно большим успехом делал и делает в античной и капиталистической Европе. Он способствовал нормальному функционированию экономически развитого гигантского социального организма, наполнял его разветвленные кровеносные сосуды, всю систему кровообращения свежей, незастоявшейся кровью. Конечно, чрезмерная активность этого сектора могла привести, как только что упоминалось, к кризису и гибели традиционной структуры — своего рода апоплексическому удару. Примеры тому в немалом количестве даются самой историей, и об этом уже шла речь, особенно в связи с династийными циклами в Китае. Но чрезмерное ослабление рыночного сектора и тем более насильственная его ликвидация чреваты не менее серьезными кризисами и последствиями, что опять-таки показала история на примере того же Китая, правда, в несколько иные времена и при других обстоятельствах, но тем не менее в структурно аналогичной ситуации (речь об экспериментах Мао, попытавшегося было в годы «большого скачка» отменить товарно-денежные отношения).

Сказанное означает, что, помимо общности фундамента, есть и еще нечто общее в структуре Востока и Запада — частный сектор в экономике. Но, если этот сектор на традиционном Востоке исполнял функции, аналогичные тем, которые он осуществлял в Европе со времен античности и до капитализма, то в чем же разница? Разница есть, и принципиальная. Однако она заключена не столько в структуре, хотя в ней несходство кардинальное, сколько в характере и

иерархии типовых связей, соединяющих между собой различные элементы и тем придающих структуре тот или иной облик.

Типовыми связями господствующего типа для антично-капиталистической Европы являются рыночные, которые соединяют основные элементы структуры (собственников и производителей, свободных и зависимых, общество и государство) при наличии соответствующих прав, свобод и гарантий как фундамента этих связей, явно господствующих. Есть, конечно, и иные — семейные, клановые, сословные, властные связи, причем временами, особенно на первом этапе феодализма в Европе, они весьма давали о себе знать, порой даже выходя на передний план. И все же в целом для антично-капиталистической Европы была всегда характерна именно только что описанная иерархия связей: на первом плане рыночные, опосредованные частной собственностью, на втором — все остальные.

Совершенно иная иерархия связей на традиционном Востоке. Связи рыночные, опосредованные не только и даже не столько частной собственностью в ее привычной для Европы форме (недаром Маркс считал отсутствие таковой «ключом к восточному небу»), сколько многочисленными иными нормами привычных взаимоотношений, на Востоке в любом случае вторичны и второстепенны, при всей их жизненной важности для структуры в целом. На первом месте в иерархии типовых связей здесь находятся иные — те, что опосредованы государством, властью-собственностью и просто властью, господством административного аппарата или аналогичного ему аппарата военно-административного, т. е. системой централизованной редистрибуции. Речь идет о традиционных типовых связях между социальными низами (производителями) и правящими верхами, независимо от конкретных форм их, вплоть до таких, которые имеют облик варново-кастовых. Второй важный тип связи, характерный для традиционного Востока, это связи корпоративные, сила которых вполне ощутима на протяжении всей его истории, вплоть до наших дней. Сущность таких связей сводится прежде всего к вертикальным патронажно-клиентным связям, жизненно необходимым для выживания небольших социумов в условиях произвола власти и отсутствия прав, свобод и гарантий. Этот тип связей тесно переплетается как с первым (официальным, государственным, административным), так и с третьим, опосредованным частнособственническими отношениями. Таким образом, на традиционном Востоке можно зафиксировать определенную иерархию переплетающихся типовых связей. Высшее место занимают официальные, государственные, второе — корпоративные патронажно-клиентные, тесно переплетенные с официальными, а третье — рыночные, тоже, к слову; далеко не свободные, как на Западе, но, напротив, опутанные связями двух других типов.

При всей кажущейся усложненности общая схема здесь предельно проста, как и в Европе. Только там она ясна и сравнительно чиста, стройна, ибо рыночные связи лишь в очень незначительной степени сплетаются и тем более обусловливаются чем-то привходящим, будь то связи других типов (семейно-клановые, сословные, властные, патронажно-клиентные) или вообще любые формализованные и неформальные контакты. Решения диктуются обычно или, во всяком случае, прежде всего жестким законом прибыли, перед которым любые иные расчеты, связи, контакты, интересы и т. п. отходят на задний план, а то и исключаются вовсе. Что же касается традиционного Востока, то именно рынок и прибыль здесь не то чтобы мало ценятся, но в любом случае иерархически подчинены иным ценностям и веками складывающимся типовым связям, от официально-административных, властных, командных до патронажно-клиентных, семейно-клановых, формализованных и неформальных. Едва ли не все типы связей на Востоке более предпочтительнее, нежели товарный рынок и прибыль, как бы отстраненные от людей, от общества, от привычек, интересов и предпочтений коллектива. Словом, здесь господствует иная, чем на Западе, система общепризнанных ценностей.

Дело, таким образом, не только в отношении к частной собственности и тем более к прибыли, которая, как известно, является признаком прежде всего развитого капитализма. Вопрос следует поставить шире и провести грань между ориентацией на материальную выгоду индивида-собственника в одной структуре и корпоративными связями, коллективизмом, свойственными другой. И речь здесь отнюдь не о предпочтениях либо склонностях. Имеется в виду жесткий закон жизни: либо он на стороне собственника, либо на стороне коллектива, завершающей и высшей формой организации которого является всемогущее государство. Закон, о котором идет речь,— это не только и даже не столько материальные условия бытия, формы организации хозяйства или соответствующие им правовые нормы, права, свободы и гарантии. Это нечто гораздо большее. Это весь стиль жизни, санкционированный веками складывавшейся нормативной практикой, за спиной которой стоит тот самый религиозно-цивилизационный фундамент, которому было уделено специальное внимание в предшествующем изложении. Это именно тот порядок, который гарантирует незыблемость и стабильность данной структуры, того или иного традиционного государства и общества. Поколебать такой порядок крайне рискованно, ибо это грозит структуре кризисом и крушением, не говоря уже о том, что внутри самих традиционных структур практически нет сил, которые были бы столь мощны и опирались на достаточно надежную опору для того, чтобы изнутри взломать традицию. Для этого необходимо было вмешательство извне.

Но не всякое вмешательство имеется в виду. Вспомним еще раз тысячелетний период эллинизации, романизации и христианизации Ближнего Востока. Медленно и крайне неэффективно шел здесь процесс преодоления восточных традиций — там, где он все-таки шел. Но что поразительно: стоило исламу начать свое победоносное шествие, как на протяжении жизни одного поколения ситуация решительно изменилась. От западных влияний почти ничего не осталось, если не считать немногочисленных элементов античной духовной культуры, запечатленных на арабском языке и переданных в таком виде европейскому средневековью (в самом мире ислама, как о том уже упоминалось, эти элементы не закрепились).

Пример весьма убедительный. Он наглядно демонстрирует силу традиции на Востоке. Силу эту практически можно было преодолеть только еще большей силой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что структурная трансформация Востока началась лишь с эпохи колониализма, да и то не сразу, но только после того, как торговая колониальная экспансия была заменена промышленной, капиталистической, настоятельно требовавшей для своих нужд расширения рынков сбыта, превращения всего мира в гигантский рынок. Именно сила частнособственнической стихии, безудержно растущей, хорошо организованной и надежно защищенной всей мощью европейских государств, оказалась необходимой и достаточной для того, чтобы взломать защитный панцирь восточной традиции и заставить восточные общества приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам. Выше было показано, как конкретно происходило это в разных регионах Востока. Теперь необходимо дать теоретический анализ этого процесса.

Что происходит с традиционной структурой, когда она подвергается воздействию со стороны колониального капитала? На первых порах, если не поставить преград активности торгового капитала (как то было сделано, в частности, в странах Дальнего Востока в XVI — XIX вв.), идет процесс постепенного усиления того вида типовых связей, который по нашей типологии находился на последнем месте, т. е. связей рыночных. Постепенно, как это происходило наиболее заметно в юго-восточноазиатском регионе, а затем также в Индии, на Цейлоне, на побережье Африки, чуть позже и в других странах Востока, рыночные связи укреплялись и развивались, причем происходило это не только за счет усиления позиций местных торговцев и подключения к торговым операциям все новых слоев населения, от крестьян до правителей (стоит напомнить, что именно вожди и правители прото- и раннегосударственных образований были чуть ли не главными поставщиками живого товара, как это особенно характерно было для Африки), но и вследствие создания многочислен-

ных торговых форпостов европейцев. Форпосты, о которых идет речь, становились не просто анклавами чужой структуры; сосредоточивая в своих пределах едва ли не всю предназначавшуюся на экспорт торговую массу (а также соответственно импорт, т. е. европейские товары, как ни мало их было), эти центры оказывались гигантскими рынками, причем рынками нового, капиталистического типа.

Практически это означало, что торговые связи на территории форпостов, как и вообще стимулированные колониальным капиталом предприятия, в том числе выращивавшие пряности и иные продукты плантации, реализовывались на иных основах, нежели то было принято в мире восточных традиций. Законы раннекапиталистического рынка со всеми их жесткими нормами, с их откровенным культом удачливого собственника постепенно обретали права гражданства и в некотором смысле, в частности, в сфере торговли, начинали задавать тон. Речь не о том, что нравы на Востоке были мягче или человеческая жизнь стоила дороже. Имеется в виду нечто иное: традиционный Восток столкнулся с незнакомым ему жестким индивидуалистическим поведением собственника (пусть собственники объединялись в компании — все равно они оставались именно частными собственниками, а компании лишь усиливали их позиции). К этому столкновению он не был готов; от такого контакта он многое терял, причем не столько в материальном плане, сколько во всем остальном, включая ослабление традиционной структуры. Неудивительно, что те государства, что были сильнее, пытались ставить процессу проникновения определенные преграды. Одни закрывали свою территорию для иностранной торговли, другие всячески ограничивали эту торговлю. Однако рано или поздно, путем введения льготных режимов капитуляций либо прямо военными экспедициями типа «опиумных войн» все восточные рынки были открыты для колониальной торговли. Что за этим следовало?

Как упоминалось, вначале торговля носила несколько односторонний характер: восточный экспорт в значительной степени покрывался ввозом европейского (а точнее — американского) серебра. И коль скоро торговля шла однобоко, затрагивая лишь небольшие зоны производства, специально работавшие на экспорт, рынок в странах Востока не был единым. Было как бы два рынка: один по-прежнему обслуживал нужды местного общества традиционными для него товарами и в традиционных формах, тогда как другой, все развивающийся и связанный с европейскими форпостами, был элементом внесенной на Восток и укрепившейся там колониальной капиталистической структуры. Конечно, связь между обоими рынками существовала, причем один из них — капиталистический — все более очевидно питался за счет соков другого, или, иначе, через посредство местного рынка питался соками колонизованного общества в целом. Позже, однако, ситуация стала изменяться.

Капиталистическая Европа все активнее завоевывала восточные рынки за счет экспорта своих товаров, проникавших на местные рынки Востока. Это вело к сближению колониальных рынков-форпостов с традиционными рынками восточных обществ, к постепенному втягиванию части традиционного рынка в операции с капиталистическими товарами. А это, в свою очередь, означало, что законы капиталистического рынка все ощутимее проявляли себя уже не только на территории форпостов, но и на всей территории восточных государств, прежде всего в городах. В тех странах, которые были превращены в колонии ранее других (Индонезия, Индия), такому процессу весьма активно способствовала колониальная администрация, которая на первых порах даже организована была в торговые компании, т. е. вполне откровенно ставила своей целью завоевать рынки. Такая же судьба, безусловно, постигла бы и Африку в XVII — XVIII вв., если бы Африка не была Африкой и тем самым не ограничивала бы реальные возможности колонизаторов тех времен.

На той стадии колониализма, о которой пока что шла речь (торговый колониализм XVI—XVIII вв.), традиционная структура в обществах Востока еще почти не была поколеблена, даже в тех странах, что были превращены в колонии. Правда, в колониях, и прежде всего в Индии, давление колониализма было уже весьма заметным, а рыночные связи с метрополией вели ко все усиливавшемуся выкачиванию материальных ценностей. Колонизаторы, стремясь укрепиться в колониях и будучи заинтересованными в последующей их рыночной эксплуатации, начинали все более очевидно заботиться о налаживании оптимальной администрации, что и привело, как известно, к ликвидации Ост-Индских компаний. Процесс такого рода был тесно связан с изменением характера колониализма, что в свою очередь было обусловлено становлением в метрополиях развитого промышленного капитализма, заинтересованного в рынках сбыта и источниках сырья. Собственно, именно с этого момента, как о том шла речь в начале третьей части работы, и начинается период колониализма на Востоке в собственном (полном) смысле этого слова.

Промышленный капитализм по-прежнему был заинтересован в развитии восточных рынков, в продаже там промышленных товаров и закупке во все возрастающих количествах сырья. Но для того, чтобы обеспечить удовлетворение бурными темпами возраставших потребностей в том и другом, следовало столь же быстро наращивать в странах Востока производство сырья (хлопка, каучука, минеральных ресурсов или чего-либо иного) и, главное, превращать все произведенное в товар, т. е. создавать все новые рынки, а точнее — единый всеохватывающий мировой рынок, организованный по капиталистическим стандартам и служащий интересам колониального капитала. А для того, чтобы такой рынок на всем Востоке был создан и достаточно эффективно функционировал, следовало, во-первых,

поставить страны Востока в политическую зависимость от европейских капиталистических держав, а во-вторых, создать в этих странах ту инфраструктуру, от банков и предприятий до железных дорог, портов, баз и т. п., без которой рынок нормально существовать не может. К этому следует добавить необходимое количество грамотных и образованных людей, кадровых администраторов, работников банков и предприятий, без которых необходимая новая инфраструктура не в состоянии функционировать. Важно также поставить по-европейски образованных людей, проникнутых европейскими ценностными ориентациями, во главе стран Востока или хотя бы на ключевые социальные, экономические и политические позиции в этих странах.

Как легко заметить из материала предшествующих глав, именно все это и стремились осуществить колонизаторы и в захваченных ими колониях, и в тех странах Востока, от Турции до Китая, которые хоть в какой-либо степени находились от них в зависимости. Но как реагировал на это Восток?

Первой и естественной реакцией побежденной или, во всяком случае, потесненной со своих привычных позиций стороны было стремление приспособиться к новым условиям существования. Для традиционной структуры это означало многое, даже очень многое. Прежде всего переоценку привычных ценностей при сравнении их с теми, что несли с собой колонизаторы, будь то торговцы или бизнесмены, солдаты или колонисты, миссионеры или администраторы. А сравнивать, конечно, было что. Европейская наука и техника, включая в первую очередь военную, говорила сама за себя. Быстро растущий западный стандарт уровня жизни, непривычные и все завоевывавшие новые позиции конституционно-демократические права, свободы, гарантии, защищавшие не только интересы собственника, но и достоинство гражданина, наконец, плюрализм политической жизни, ограниченная роль религии и санкционированных ею традиций — все это оказало немалое воздействие на социальные верхи Востока. Они были готовы активно сотрудничать с европейцами, жадно перенимали достижения науки и культуры, получали европейское образование и, пользуясь столь же активной поддержкой со стороны колониальной администрации, стремились сотрудничать с ней. Симптомом и проявлением такой позиции были и реформы соответствующего плана как в колониях, так и в иных странах Востока. Реформы XIX в., если взять их в целом, были именно отражением стремления Востока вырваться чуть ли не единым резким рывком из состояния отсталости и в чем-то главном сравняться с демонстрировавшими свое превосходство европейцами.

Европейский эталон в то время был если и не знаменем, то во всяком случае надежным ориентиром для власть имущих. И хотя структура в целом обычно сопротивлялась реформам (олицетворением

сопротивления были, как правило, религиозные круги, опиравшиеся на консервативную массу крестьянства), это сопротивление сравнительно легко преодолевалось, особенно в колониях, где политическая власть находилась в руках колонизаторов. Как в колониях, так и в других странах Востока осуществлялись конституционно-демократические преобразования по европейскому образцу, создавались законосовещательные советы или парламенты, начинала реализовываться процедура демократических выборов. Словом, вторая половина XIX в. была в некотором смысле временем надежд на то, что с традиционной структурой Востока справиться сравнительно легко и что в результате ряда реформ и умелой администрации Восток впишется в европейские стандарты или, во всяком случае, легко смирится с той ролью, которую он издавна играл в масштабах мирового рынка, а может быть и добьется большего на пути экономического развития. Иллюзия такого рода во многом объясняется тем, что в XIX в. Восток еще не был пробужден, что от его имени выступали немногочисленные слои социальных верхов, находившие общий язык с колониальными властями.

Ситуация стала изменяться к концу XIX в. и особенно в начале XX в. Меньше всего это было заметно в колониях, где шел непрерывный процесс преобразований, а административная власть была в руках колонизаторов. Правда, и здесь преобразования сопровождались сопротивлением пробуждавшейся традиционной структуры, все острее ощущавшей свое кризисное состояние и мобилизовывавшей силы для самосохранения. Однако, лишенная реальной политической власти структура в колониях оказывала преимущественно пассивное сопротивление. Зато в тех странах, где политическая власть находилась в руках местных правителей и где вмешательство колониального капитала рассматривалось как вторжение чуждых сил, угрожающих привычному существованию, обстановка накалялась. Не превращенные еще в колонии страны Востока быстрыми темпами пробуждались. Но каков был характер этого пробуждения, наиболее яркое выражение которого олицетворено младотурецкой, иранской и китайской революциями?

Снова обратимся к экономической сути процесса взаимодействия колониального капитала и традиционных восточных структур. В колониях создание промышленных предприятий, банков и всей инфраструктуры шло за счет соответствующей активности колониального, т. е. европейского капитала, и лишь сравнительно небольшая доля частнособственнической активности приходилась на местное население, причем и среди его представителей ведущую роль часто играли представители не коренного населения, а мигранты, как, например, китайцы-хуацяо в Юго-Восточной Азии. Связанная с рынком частнопредпринимательская деятельность, хотя в принципе она и была знакома традиционному Востоку, по-прежнему стояла как

бы особняком по отношению к привычной структуре и в гораздо большей степени была элементом капиталистической (т. е. чужой) структуры в данной колонии. В аналогичном положении была и вся созданная колонизаторами и приспособленная для нужд предпринимательской деятельности и мирового рынка система администрации. Хотя и опиравшаяся на местное население, вписывавшаяся в местные реалии, эта администрация тоже была как бы чуждой для большинства народа. Возникал феномен своего рода симбиоза, вынужденного сосуществования. На нижнем уровне (в Индии — в общине, в Африке — тоже в общине, но несколько иной по характеру и уровню развития; примерно то же и в других колониях) господствовала традиция с характерными для нее типовыми связями семейно-кланового и корпорационного типа, с патронажно-клиентными отношениями, опутывавшими все другие, в том числе и рыночные, товарно-денежные. На верхнем — колониальная администрация и капиталистические предприятия, работавшие по законам мирового рынка. Где-то посередине одно с другим состыковывалось, традиционные связи сочетались с рыночно-капиталистическими, но ситуация в целом напоминала именно симбиоз, пусть не всегда в чистом виде.

Иначе обстояло дело в политически самостоятельных странах (к их числу следует отнести и те, что формально не были самостоятельными, но обладали весомой автономией, как многочисленные вассальные от Османской империи арабские государства). Здесь наряду с двумя только что описанными чуждыми друг другу секторами экономики, жившими по различным законам, существовало и нечто третье, как бы соединявшее признаки обоих. Это третье, синтетическое по характеру,— государственное хозяйство. Остережемся именовать описываемое явление госкапитализмом и обратим внимание на суть его. В политически самостоятельных структурах власть и связанная с нею верховная собственность (власть-собственность) традиционно была атрибутом государства, выступавшего в функции совокупного хозяина по отношению к платившим ренту-налог в казну подданным. Функции хозяина традиционно сводились к праву на избыточный продукт производителя с последующей его редистрибуцией в интересах структуры в целом и государства как аппарата власти в первую очередь. В условиях, когда в трансформировавшейся под воздействием колониального капитала традиционной структуре появился новый сектор экономики, связанный с мировым рынком и быстро прогрессирующий во многих направлениях, государство от имени общества и во имя сохранения и укрепления существующей и приспосабливающейся к новым условиям структуры берет на себя функции совокупного частного предпринимателя и создает государственный сектор ориентированной на рынок промышленной экономики.

Этот третий, протокапиталистический по типу сектор в трансформирующемся восточном обществе (или, если угодно, третий уклад в его хозяйстве) генетически восходит к первым двум, но не похож ни на один из них. Это принципиально новый сектор экономики Востока, возникающий в конце XIX в. и усиливающийся в XX в. По-разному выглядит он в Турции, Иране, Китае или Японии, но везде суть его одинакова: государство традиционно берет на себя функции генерального субъекта в системе производства, выступает в функции предпринимателя и в то же время представителя общества, гарантирующего стабильность структуре в целом. Риск неудачи тем самым сводится до минимума (момент конкуренции — одно из наиболее уязвимых мест для тех, кто к ней не привык), но соответственно резко уменьшается и средняя экономическая эффективность сектора в целом и всех его предприятий в частности. Неэффективность государственного протокапиталистического хозяйства объясняется многими факторами и причинами (незаинтересованность обеспеченной гарантированным окладом государственного жалованья администрации, неповоротливость на рынке, отставание в темпах модернизации и т. п.), но прежде всего тем, что это хозяйство опутано теми самыми типовыми связями традиционного восточного общества, о которых уже шла речь, т. е. связями первых двух типов — официальными государственными и патронажно-клиентными. Эти связи не просто искажают рыночно-капиталистический тип отношений, они делают государственную экономику современного типа не только неконкурентноспособной, но обреченной на отставание от капиталистической. Какую же роль сыграл сектор государственного протокапиталистического хозяйства в судьбах традиционного Востока?

Восток после пробуждения (XX в.)

В первом-втором десятилетиях нашего века, по свежим следам революций в ряде неколониальных стран Востока, многое казалось в иной перспективе. Революционеры, стоявшие у истока соответствующих революций, предпринимали очередное отчаянное усилие с тем, чтобы вырвать свою страну из пут отсталости и традиционной косности, чтобы резким рывком изменить характер власти, всю систему администрации, веками господствовавшие социальные и политические связи и, заимствуя у развитого капиталистического Запада многие из его идей и институтов, не просто резко ускорить, но и кардинально изменить характер и направление развития. Как известно, иранская революция потерпела поражение, а младотурецкая и синьхайская победили. Но парадоксален тот факт, что далеко идущих и различных по значению последствий эта разница не имела, ибо и победившие революции к подлинному пробуждению (если иметь в виду под этим термином преобразование традиционных порядков быстрыми темпами, да к тому же с ориентацией на

европейские стандарты, идеи и институты) не привели Правда, победившие революции вызвали к жизни следующие (кемалистскую — в Турции, гоминьдановскую — в Китае), несколько более радикальные и результативные, но и в этом случае следует говорить не столько о пробуждении всей страны, всего народа, сколько об определенной поляризации сил, характерной для всего Востока в XX в.

Дело в том, что реформы и революционные преобразования шли в основном сверху, порой осуществлялись силами революционной армии, но при этом далеко не всегда встречали понимание и признание со стороны низов. Создавалась парадоксальная ситуация: преобразования будили страну, а разбуженный народ не понимал и не принимал их, что привело в конечном счете в Китае к массовому антирыночному, антикапиталистическому крестьянскому движению, возглавленному КПК, а в Иране — к не менее массовой и такой же по характеру исламской революции 1978 г. В странах, где массовые движения не были характерны, эквивалентом их было пассивное сопротивление преобразованиям или навязываемым колонизаторами порядкам; там, где это было привычной нормой (в частности, в Индокитае), сопротивление принимало характер мощных народных движений. Ситуация совершенно очевидная: крестьянские массы преобразований по буржуазно-демократическому стандарту не желали, причем это было общей нормой.

Подытожим сказанное. Структурно трансформирующийся в период колониальной экспансии европейского капитала и соответствующего ему цивилизационного и частноправового стандарта Восток заметно изменился. Наряду с традиционным сектором его экономики, олицетворенным крестьянством и опутанным привычными типовыми связями, появились два новых — колониально-капиталистический, свободный от традиционных типовых связей и ориентированный на мировой рынок, и государственный, созданный по образцу колониально-капиталистического, но опутанный традиционными типовыми связями. Приспособление трансформирующегося Востока к изменяющимся обстоятельствам шло за счет двух новых сил и связанных с ними секторов хозяйства, т. е. за счет колониального капитала и государства. Основной силой сопротивления были традиционный сектор и связанные с ним крестьянские массы. Постепенное ослабление позиций колониального капитала, во всяком случае его политических позиций в зависимых странах, и деколонизация колоний привели в середине XX в. к тому, что основная тяжесть в решении нелегких экономических проблем легла на государство, выступившее в некотором смысле в качестве преемника колониального капитала — преемника не только в смысле политической власти, но во многом и в плане экономическом.

Перед государством и государственным протокапиталистическим сектором экономики в деколонизованном Востоке середины XX в. оказалась сложная задача: как наилучшим образом добиться желаемых преобразований, быстрых темпов развития? Конечно, перед всеми странами Востока был уже эталон, на который можно было бы равняться, т. е. Япония. Но она оказалась эталоном не для всех. Главным препятствием при поисках оптимальных возможностей для развития оказалось все то же несоответствие стандартов или, говоря проще, нежелание и неподготовленность основной части населения большинства стран Востока, особенно Африки, к тем радикальным структурным переменам, которые необходимы для ускорения развития. Естественно, что в этих условиях государство вынуждено было брать на себя основную долю усилий в области промышленного развития и всей экономической модернизации той или иной страны. Но практически это означало, что трансформирующиеся страны Востока оказались лишенными главного фермента, ускоряющего развитие: частнособственнического (капиталистического) сколько-нибудь развитого сектора экономики и пользующейся всеобщим престижем частнопредпринимательской деятельности. То и другое оставалось неразвитым.

Итак, трансформация пробужденного Востока вынужденно сводилась прежде всего к укреплению позиций традиционного государства. В колониях оно было возрождено после деколонизации, в зависимых странах стало укрепляться в процессе реформ и революционных преобразований. И хотя сформировавшиеся таким образом государства в разных странах Востока были весьма различными, хотя каждое из них соответствовало веками складывавшейся традиционной нормативной культуре общества, исконному религиозно-цивилизационному фундаменту, а также обстоятельствам, вызвавшим его к жизни, все они в целом имели и нечто общее, функционально обусловленное. Этим общим была традиционная государственная система хозяйства. Разумеется, государственная протокапиталистическая экономика XX в., о которой идет речь, отличалась от того, что было характерным для доколониального Востока (характеристика традиционной государственной системы контроля над экономикой была дана в первых частях работы, что избавляет от необходимости вновь вести о ней речь). В новых условиях колониализма и тем более после обретения независимости и деколонизации государственное хозяйство стало иным, сочетавшим в себе признаки как традиционного, так и рыночно-капиталистического, о чем только что шла речь. Это означает, что наряду с простым симбиозом двух чуждых друг другу секторов хозяйства, что было характерным для колониального мира на ранних этапах его существования, появлялся сектор хозяйства, являющий собой как бы синтез прежде чуждых друг другу структур.

Проблема синтеза, поднимаемая в последние годы специалистами для объяснения феномена современного Востока, отнюдь не проста и не однозначна. Существуют различные трактовки этого феномена, но чаще всего речь идет отнюдь не о полном и тем более не о гармоничном синтезе своего и чужого. Конечно, в ряде случаев, будь то развитые государства дальневосточного региона или процветающие разбогатевшие арабские монархии, синтез более или менее очевиден, порой, как японский, гармоничен. Но в большинстве случаев можно говорить лишь о вынужденном синтезе, неполном и уродливом, т. е. все о тех же попытках традиционного восточного государства взять на себя роль хозяина, собственника, предпринимателя. Государство на Востоке всегда выступало в функции хозяина и собственника. Но одно дело выполнять эти функции в условиях медленно развивающегося или даже почти не развивающегося, ограничивающегося простым воспроизводством традиционного общества и совсем другое — вступить в соревнование с капитализмом и попытаться добиться быстрых темпов развития, сопоставимых с капиталистическими. В невыполнимости этой задачи как раз и заключается уродливость, неполноценность вынужденного синтеза: государство не в силах справиться с бременем, которое на него легло. И это не может не сказаться на результатах, т. е. на процессе развития. Хотя, как о том будет идти речь в следующей главе, и здесь все далеко не однозначно: не все традиционные структуры Востока имели равные тенденции и возможности их реализации в процессе развития.

Глава 17

Факторы и потенции трансформации

Если в предыдущей главе речь шла преимущественно об элементах структуры и соединявших их между собой типовых связях, а также об определенных переменах в характере и иерархии связей в ходе трансформации восточных обществ в период колониализма, то теперь задача будет несколько иной. Какие именно конкретные факторы влияли на процесс трансформации отдельных стран или групп (блоков) стран Востока? Каковы внутренние потенции упомянутой трансформации? Иными словами, теперь речь пойдет о том, как общие принципы проявляли себя в каждом особом случае. Но прежде, чем перейти к сравнительному сопоставлению и соответствующим оценкам, необходимо четко сформулировать, о чем именно пойдет речь.

Факторы и обстоятельства, влиявшие на процесс трансформации

Итак, структурно традиционные общества Востока отличны от европейских; на переднем плане у них — иные типовые связи; в

иерархии типовых связей последнее место занимают те (рыночные, товарно-денежные, безличностные), которые доминируют в античнокапиталистической Европе, причем и этот вид связей представлен здесь не в чистом виде, как в Европе,— он опутан связями остальных типов, более весомых и значительных для традиционных структур. Первоначальные контакты колониального капитала с традиционным Востоком не смогли преодолеть структурные различия и привели к феномену симбиоза. Позже, однако, промышленный колониальный капитал, поддержанный политической силой держав, взломал защитный панцирь традиций и принудил Восток к трансформации. Как же трансформировался Восток и от чего именно зависели формы, темпы и конечные результаты его трансформации?

Среди многочисленных факторов и обстоятельств, сыгравших при этом свою роль, можно вычленить три основные группы их, о которых теперь и пойдет речь.

Группа первая: внешние факторы. К их числу следует отнести природно-климатические, экологические, о значимости которых уже шла речь в связи с оценкой феномена Африки, а также первоначальной экспансии колониального капитала. Имеются в виду как жаркий климат тропической зоны, так и соответствующие условия жизни, в том числе непроходимые джунгли, пустыни. Можно напомнить и о суровых условиях вне тропиков, в том числе о горных долинах Афганистана. Совершенно очевидно, что образ жизни живущих в суровых природно-климатических условиях этнических общностей зависит от этих условий. Это, в частности, касается и кочевников, знаменитых арабо-африканских бедуинов, и представителей иных этноязычных групп Азии и Африки. Именно зона обитания делает кочевников кочевниками, но она же при этом и ставит определенные пределы их развитию — пределы, не выходящие за рамки прото- и раннегосударственных образований, за рамки самой начальной стадии формирования цивилизации и государственности.

Другой аспект природно-климатического фактора — природные ресурсы, как минеральные (нефть и т. п.), так и прежде всего растительные (пряности, хлопок, кофе, какао, чай, каучук, сахарный тростник, индиго и т. п.). Будучи, как и зона обитания, внешним по отношению к населению фактором, ресурсы в период колониализма не в меньшей степени определяли судьбы соответствующих стран, чем климат или почва.

К числу внешних факторов относятся и те, что связаны с непосредственным вторжением колонизаторов. Во-первых, это колониальный капитал, олицетворенный в торговых связях, в капиталистическом рынке с его жесткими законами частнопредпринимательской экономики. Во-вторых, давление колониальных держав, сила политической и военной мощи европейцев. И наконец, в-третьих,— демонстрационный эффект, т. е. наглядная демонст-

рация достижений и преимуществ европейской цивилизации и капиталистической экономики, в меньшей мере также образа жизни, прав, свобод и гарантий личности. Все эти факторы можно свести к одному — эффекту колониализма. В таком случае стоит говорить о двух типах внешних факторов — *природном* и *колониальном.*

Группа вторая: факторы внутренние. Среди них исходный уровень развития данной этнической общности едва ли не на первом месте. Ведь в конечном счете именно он, обусловленный прежде всего внешним природным фактором, определяет едва ли не все остальное. Первобытность и полупервобытность населения Тропической Африки убедительно доказывает этот тезис. Второй важный внутренний фактор, тесно связанный с первым,— это религиозно-цивилизационный фундамент или, точнее, мощь этого фундамента. От него зависят все остальные внутренние факторы — характер и тип ориентации общества, его мировоззрения и культуры; готовность и интерес к плодотворным заимствованиям; сила традиции и ее готовность к сопротивлению; внутренняя сила общества и государства. Если свести все эти факторы к основным, то на передний план выйдут три: *уровень развития*, *религиозно-цивилизационный фундамент* и *сила опирающегося на традицию государства.*

Группа третья: обстоятельства. Здесь имеются в виду исторические случайности, включая непредсказуемый исход военных столкновений, нахождение того или иного общества в данный момент (например, в период колонизации) на той или иной фазе его циклического развития. Следует принимать во внимание и расклад внутриполитических сил в тот или иной критический для данной страны момент, и случайно сложившуюся в данном регионе геополитическую конфигурацию (Сиам как барьер между английской и французской зонами колониальных владений в Индокитае). Важную роль в судьбах той или иной страны может сыграть драматическое или, наоборот, счастливое сочетание благоприятных случайностей и обстоятельств. Обобщая, вычленим два основных типа факторов, которые стоит принять во внимание,— *случай* и *стечение обстоятельств.* Оба фактора в истории чрезвычайно важны, ибо они могут повернуть ход событий, т. е. являются залогом неоднолинейности исторического развития.

Выстроим теперь вычлененные факторы в определенную цепь:

природный фактор;
уровень развития (речь о периоде колониализма);
религиозно-цивилизационный фундамент;
сила государства;
эффект колониализма;
случай;
стечение обстоятельств.

Если пропустить сквозь сито вычлененных факторов государства или группы (блоки) государств, о которых шла речь в предшествующем изложении, многое может проясниться и, в частности, можно будет достаточно обоснованно вести речь о потенциях трансформации различных стран Востока. Попытаемся это проделать.

Страны Востока и факторы трансформации

Необходимо оговориться, что в распоряжении исследователей нет строгой шкалы отсчета или каких-либо надежных количественных данных. Разговор может идти только о сопоставлении с единственно нужной для анализа позиции: что содействует трансформации традиционной структуры и что препятствует этому процессу?

Начнем с колониальных стран первого блока.

1. Природные условия *Индии*, несмотря на экваториальную зону и джунгли, в целом удовлетворительны, хотя ни особым количеством пряностей, ни слишком благоприятными условиями для выращивания товарной продукции эта страна не отличается. Уровень развития этого гигантского субконтинента, при всей пестроте его огромного населения, для Востока безусловно выше среднего. Роль религиозно-цивилизационного фундамента огромна, государства как института — незначительна. В этих условиях эффект колониализма в Индии оказался едва ли не наивысшим из вообще возможных: англичане сыграли огромную роль в судьбах этой страны, чему способствовали и неблагоприятные для Индии случайности и обстоятельства.

Резюмируя итоговый расклад всех факторов, заметим, что природные условия, хотя они и были импульсом, привлекшим колонизаторов, решающей роли в последующем не сыграли. Уровень развития был благоприятным для возможной трансформации, традиционная слабость государства также этому способствовала, равно как и эффект колониализма, и исторические случайности. Что касается религиозно-цивилизационного фактора, то это была главная сила, противостоявшая трансформации. Иными словами, вектор силы мощного религиозно-цивилизационного фундамента всегда был направлен в сторону, противоположную усилиям колонизаторов. Примерно так же обстояло дело на Цейлоне, где к двум противостоящим факторам следует добавить и роль природных условий, объективно усиливавшую позиции колониализма (стремление европейцев к пряностям).

2. *Индонезия* и *Индокитай*, если исключить некоторые острова с их полупервобытным населением, а также близкие к ним по стандарту некоторые районы Северной Бирмы и Лаоса, соответствуют среднему уровню развития и считаются весьма богатыми ресурсами. Государство здесь, кроме Вьетнама, не слишком сильно, хотя сильнее, чем в Индии. Но не очень велика и мощь религиозно-цивилизационного фундамента, к тому же многослойного, с взаимно

погашающими влияние друг друга разнородными элементами. Случай и стечение обстоятельств здесь работали как в пользу колониализма, так и в пользу традиционного общества (исламизация, в частности, усилила его позиции). Если вывести из анализа, как нейтральные, случай и обстоятельства (они, как упоминалось, сыграли свою роль в Сиаме) и уровень развития, то расклад сил будет выглядеть примерно так: опирающийся на богатые ресурсы эффект колониализма против сравнительно слабых, но действующих воедино религиозно-цивилизационного фундамента и государственности.

3. Второй блок, *Тропическая Африка.* Богатые ресурсами, но крайне неблагоприятные для жизни людей природные условия, равно как и определенный ими уровень жизни здесь — факторы отрицательные. Религиозно-цивилизационный фундамент и государственность крайне слабы. В этих условиях о случае и стечении обстоятельств говорить не приходится, ибо ни то, ни другое ситуации изменить не в состоянии. Остается эффект колониализма, которому противостоит лишь опирающаяся на первобытные нормы отсталая традиция (включая религию и государственность). Исключения типа Эфиопии, увы, лишь подтверждают общее правило.

4. Второй блок, страны *Магриба*, *Сомали* и *Судан* (без Египта). Природный фактор и уровень развития можно считать средними, хотя на юге (Судан, Сомали) они ниже среднего. Религиозно-цивилизационный фундамент (ислам) исключителен по силе и устойчивости, по своей консервативной стабильности и сопротивляемости. Государственность и сила власти выше средней, хотя и ослаблена случайностями и обстоятельствами, которые оказались против нее и в пользу колониализма. Примерный общий расклад сил: эффект колониализма, опирающийся на благоприятные случайности и обстоятельства, против исламской традиции и государственности.

5. Третий блок, мир ислама, *Турция* и *арабские страны*, включая *Египет*, т. е. страны, испытавшие сравнительно длительное воздействие колониализма. Природные ресурсы (если не считать поздно открытых запасов нефти) средние, даже ниже средних; уровень развития средний. Сила ислама и исламского государства (Османской империи) огромна. Случай и стечение обстоятельств скорее в пользу государства, чем против него (стоит вспомнить, что державы по ряду внешнеполитических причин не желали развала этой империи и в меру своих сил сохраняли ее). Эффект колониализма заметен, но не одинаков: очень силен в Египте, наиболее слаб в Турции. Общий расклад сил: колониализм против ислама и сильного исламского государства. В случае с *Ираном* расклад тот же, но в еще более жесткой форме противостояния. В случае с *Афганистаном* примерно то же, но при более низком уровне развития страны и народа и более

жестких и неблагоприятных природных условиях, что на пользу традиции и объективно против колониализма. Примерно это же касается и отсталых арабских стран *Аравии*.

6. Четвертый блок, *Китай*. Природные условия средние, даже выше средних. Уровень развития выше среднего, может быть даже наивысший на фоне всех остальных стран Востока. Здесь — гигантская сила цивилизационной традиции и огромная мощь традиционного государства. Эффект колониализма ниже среднего. Но вот случай и стечение обстоятельств в XIX — XX вв. оказались против традиции и в пользу колониализма. Общий итог: сравнительно слабый эффект колониализма против мощной традиции, олицетворенной высокой цивилизацией и сильной государственностью.

7. Четвертый блок, *Япония*. Природный фактор и уровень развития средние, сила государства невелика, но роль цивилизационного фундамента огромна, причем в его пользу случай и стечение обстоятельств. Эффект колониализма уникален по характеру: сила его крайне незначительна, а влияние колоссально. Здесь фактически нет противостояния (опять-таки нечто уникальное на общем фоне), а общий вектор примерно таков: динамичная традиция, опирающаяся на цивилизационный фундамент и использующая благоприятные для нее случайности и обстоятельства, активно впитывает все полезное и усваиваемое из того, что выше было названо эффектом колониализма, учитывая при этом, что в данном случае этот эффект предстает в наиболее благоприятном варианте, при почти не ощущаемом военно-политическом нажиме держав и колониальной торговле, выгодной для самой Японии.

Итак, семь вариантов. Соединив четвертый и пятый (исламские), получаем шесть основных моделей:

Модель первая, исламская: эффект колониализма или, иначе говоря, Запад против ислама, его мощной религиозной традиции и сильного государства.

Модель вторая, африканская: колониально-капиталистический Запад против первобытности и полупервобытности, опирающихся на примитивную традицию и крайне слабую государственность.

Модель третья, индийская: мощный эффект колониализма против мощной цивилизационной традиции с ослабленной государственностью.

Модель четвертая, юго-восточноазиатская: мощный эффект колониализма против сравнительно ослабленной цивилизационной традиции и государственности.

Модель пятая, китайская: слабый эффект колониализма против необычайно мощной традиции, цивилизации, государственности.

Модель шестая, японская: динамичная традиция, обогащаемая за счет Запада.

Из этих шести моделей для последующего разбора можно исключить — коль скоро идет речь о возможных потенциях трансформации — модель вторую, африканскую. Совершенно очевидно, что здесь внутренних потенций для трансформации практически нет, что только силовое воздействие извне и в буквальном смысле слова навязывание Тропической Африке европейских капиталистических стандартов оказались практически единственным импульсом, способствовавшим трансформации. Логично сделать из этого вывод, что и в последующем, т. е. после деколонизации, трансформация будет идти преимущественно за счет капиталистических методов, тогда как попытки изменить ее характер за счет усиления роли государства и огосударствленной по марксистско-социалистическому стандарту экономики объективно могут лишь привести к выходу на авансцену той самой первобытной общинной традиции, о которой уже упоминалось.

Можно также объединить в подварианты третью и четвертую самостоятельные модели. В этом случае количество их сведется к четырем: *исламская*, *индо-юговосточноазиатская* (сильные позиции колониализма против слабой местной государственности, но с подвариантами: при сильной и при ослабленной цивилизационной традиции), *китайская* и *японская*. О феномене Японии уже шла речь, так что эту уникальную модель из анализа можно исключить. Остаются три — исламская, индо-юговосточноазиатская и китайская. Собственно, именно эти три охватывают собой практически весь Восток (кроме территориально небольшой Японии и Тропической Африки), именно они соответствуют трем великим цивилизациям Востока — исламской, индо-буддийской и дальневосточной, конфуцианской. Это означает, что основные факторы и потенции трансформации в конечном счете логично сводятся к цивилизационным в своей глубинной основе моделям.

Индия и Юго-Восточная Азия: потенции трансформации

О факторах, оказывающих воздействие на процесс трансформации, уже говорилось; составлена и генеральная формула модели в двух ее модификациях — для Индии и для Юго-Восточной Азии. Основная характеристика модели — исключительно важная роль колониального капитала и колониальных держав для стран, давно и надолго превращенных в колонии. Само собой разумеется, что государства здесь, если они были, оказывались под высшей властью колониальной администрации, имели мало реальной власти и

отличались внутренней слабостью. Как упоминалось, разница между обеими модификациями этой модели сводится к сильной индийской и слабой, сущностно разноречивой юго-восточноазиатской цивилизационной традиции. Что можно в связи с таким раскладом сказать о потенциях внутренней эволюции и вызванной воздействием колониализма трансформации?

Сначала об Индии. Казалось бы, здесь потенций крайне мало. Мощная сила общинно-кастовой структуры почти не была поколеблена английской администрацией и колониальным капиталом. Но зато ее инертность позволила англичанам практически без особых усилий наращивать промышленный капитал и соответствующую инфраструктуру и тем самым создавать промышленно развитые анклавы. А поскольку работали в сфере промышленности и инфраструктуры не только англичане, но и индийцы, равно как и представители иных религиозно-цивилизационных групп населения (мусульмане, парсы и др.), то феномен симбиоза осуществлялся здесь не в чистом виде. Напротив, английская в своей основе капиталистическая экономика постепенно втягивала в сферу своего воздействия индийцев. Основное большинство населения традиционно жило в общинах и не имело с внешним миром никаких связей, кроме тех, что диктовались законами общины и касты. Меньшинство же, своего рода аутсайдеры, среди которых, особенно на уровне социальных верхов, было немало выходцев из брахманских каст, не то чтобы вовсе разрывали связи с традицией, особенно кастовыми нормами, но как бы ослабляли эти связи (заботливо их сохраняя, как своего рода надежный тыл, опору на родную почву) и включались в сферу воздействия колониального капитала, английской администрации и вообще принципов западной цивилизации.

Это значит, что, несмотря на мощную инерцию индуистской традиции, в Индии были определенные потенции для внутренней эволюции и капиталистической трансформации. Но, во-первых, эти потенции могли быть реализованы только в ходе длительного, постоянного и целенаправленного силового воздействия внешних факторов, эффекта колониализма во всей его полноте. А во-вторых, они были весьма ограниченными, затрагивали лишь меньшинство населения и, главное, формировались строго под воздействием и в русле тех стандартов, что были принесены англичанами. Стоит оговориться, что эти стандарты, прежде всего вестминстерская парламентская демократия, английские принципы судопроизводства и всей администрации, оказались весьма подходящими именно для Индии с ее традиционно незначительной ролью бюрократической государственности, ее терпимостью и склонностью к плюрализму ориентиров и мнений, что и было весьма тщательно учтено руководством Республики Индия после обретения страной независимости. Но все же речь идет именно

о чужих, заимствованных извне стандартах буржуазной демократии. Поэтому, в-третьих, потенции эволюции и трансформации были не только ограниченными и сформировавшимися в результате длительного воздействия со стороны западных стандартов, но и как бы результатом взаимодействия своего и чужого. При этом едва ли не вся институциональная основа была чужой (о возникновении в Индии государственной экономики, функционально сблизившей ее с другими развивающимися странами, можно говорить лишь применительно к временам республики), тогда как своими были лишь те традиционные нормы жизни, включая и законы каст, которые со временем наложили столь существенный и заметный отпечаток на заимствованные у англичан институты и процедуры, включая парламент, суд, выборы и т. п.

Другими словами, можно сделать вывод, что потенции, о которых идет речь, не были чем-то спонтанно существующим и лишь ждущим благоприятных обстоятельств для того, чтобы быть вызванным к жизни. Они были буквально созданы англичанами за долгие годы их колониального господства, примерно так же, как это было сделано в Африке, скажем, в Нигерии. Разница лишь в исходной стартовой позиции, т. е. в уровне развития, который давал Индии с ее многотысячелетней цивилизацией несомненные преимущества при сравнении с той же Нигерией. Но, будучи чуть ли не искусственно созданы, эти потенции тем не менее начинали активно функционировать и развиваться в достаточно благоприятных условиях, что и вело к успешной трансформации традиционной Индии. Существенно при этом заметить, что, функционируя на генетически чуждой институциональной основе, элементы новой структуры в колониальной Индии отнюдь не были слепком соответствующих английских институтов, о чем уже вскользь было упомянуто. Совсем напротив, они были достаточно тесно связаны с традицией и не только опирались на нее, но и черпали именно в этой опоре свою внутреннюю силу — ту самую, что со временем позволила Национальному конгрессу сменить английскую администрацию и возглавить независимую республиканскую Индию. Важно обратить внимание и на то, что традиционная структура Индии и ее цивилизационный фундамент не были благоприятны для поиска радикальных и тем более насильственных способов социального переустройства. И далеко не случайно, как о том в свое время уже шла речь, именно Национальный конгресс с его ненасильственными действиями и заимствованными у англичан буржуазно-демократическими институтами и процедурами оказался признанным выразителем интересов всей Индии.

Что же касается экономики современного типа, то она к моменту деколонизации Индии представляла собой сектор частнособственнического предпринимательства, активно функционировавший усилиями

английских и индийских фирм наряду с продолжавшим существовать сектором традиционным, охватывавшим преимущественно сельское хозяйство, промыслы, традиционное ремесло и торговлю. Третьего — государственного — сектора в колониальной Индии практически не было, если не считать предприятия, обслуживавшие нужды колониальной администрации и по характеру отличные от традиционного государственного хозяйства на Востоке.

Юго-восточноазиатская модификация отличалась от индийской как слабостью и внутренней разноречивостью религиозно-цивилизационного фундамента, так и некоторым отставанием в уровне развития, что, впрочем, кое-где компенсировалось сравнительно большей ролью государства, сосуществовавшего с колониальной администрацией или лишь формально подчинявшегося ей. Здесь тоже был, особенно в Индонезии, Малайе и в других странах, распространен феномен симбиоза, хотя и здесь симбиоз со временем терял свою чистоту, ибо в сектор колониальной экономики активно втягивалось местное население или прибывшие из других азиатских стран мигранты. Как и в случае с Индией, длительное воздействие колониализма вело здесь к формированию в недрах традиционных обществ элементов капиталистической структуры, ориентировавшихся на европейский стандарт институтов. Однако более низкий исходный уровень развития в большинстве стран этого региона тормозил этот процесс. Роль катализатора в юго-восточноазиатском регионе сыграли китайцы-хуацяо.

Феномен хуацяо, в последние десятилетия привлекавший к себе все большее внимание специалистов, имел огромное значение в судьбах Индонезии, Индокитая и Филиппин. Именно китайцы с наибольшей легкостью и умением вписывались в те параметры создававшейся колонизаторами новой экономической структуры, которые оказывались чуждыми для большинства местных жителей. Китайцы-хуацяо, как это ни парадоксально, оказались сущностной основой тех потенций эволюции и капиталистической трансформации, которые мы можем вычленить в странах Юго-Восточной Азии. Что же касается местного населения, особенно мусульманского (но также и католического на Филиппинах или буддийского в странах Индокитая), то оно демонстрировало эти потенции в неизмеримо меньшей степени. Трудно даже сказать, как эволюционировали бы страны региона без хуацяо. Во всяком случае о внутренних потенциях среди местного населения особенно много говорить не приходится: оно и по сей день в этом плане сильно отстает. К слову, именно это обстоятельство сравнительно рано вызвало к жизни феномен государственного протокапиталистического хозяйства в странах региона, особенно в независимом Сиаме, а также в Малайе, Индокитае и Бирме после их деколонизации.

Подводя итоги, можно заметить, что как ни невелики элементы капиталистической структуры в колониальной Индии, в Юго-Восточной Азии они, если не считать хуацяо, еще меньше. И речь идет не столько о спонтанных внутренних потенциях, которых практически не было, сколько о тех, что могли были быть сформированы и действительно формировались на протяжении длительного периода активного воздействия колониализма на традиционную структуру Южной и Юго-Восточной Азии. Что же касается хуацяо, решительно изменивших ситуацию в этом смысле, то о них целесообразно вести речь, когда будет говориться о потенциях дальневосточной группы стран.

Потенции мира ислама

Генеральная формула модели: колониальный капитал и европейские институты против норм и стандартов ислама, его мощной традиции и государственности. Эта модель тоже имеет модификации. Отдельно можно вести речь о Турции, особого слова заслуживают Египет, шиитский Иран, не говоря уже о горцах Афганистана. Даже арабские страны, длинной полосой протянувшиеся от северо-западной части Африки до Персидского залива, весьма неодинаковы, особенно если иметь в виду нефтедобычу последних десятилетий и связанные с огромными доходами преобразования в богатых нефтью отсталых странах. Учитывая все эти модификации, можно тем не менее выработать общую характеристику потенций трансформации исламских стран, включая бывшие до деколонизации частью колониальной Индии Пакистан и Бангладеш.

Мусульманские торговцы всегда были хорошо известны на средневековом Востоке. Именно за счет их усилий далекие товары, а с ними и идеи ислама проникали в Юго-Восточную Азию еще до появления там европейских колонизаторов. Торговле покровительствует и Коран, что вполне естественно, если принять во внимание обстоятельства появления этой книги, происхождение пророка Мухаммеда, выросшего на торговом пути вдоль Аравии и в молодости бывшего торговцем. Но средневековая торговля, которой арабы активно занимались на всем Востоке, включая Африку, была традиционной и вписывалась в нормы ислама. Большим престижем она не пользовалась, а отсутствие прав и гарантий для богатых собственников делало занятие ею безубыточным лишь на расстоянии от сильного государства. Между тем именно сильное государство было чуть ли не неотъемлемым атрибутом развитого исламского общества.

Упадок исламской государственности (кризис Османской империи, а затем и шиитского Ирана) способствовал колонизации стран Магриба и установлению английского протектората в Египте в XIX в. Он же привел к колонизации арабских государств или к превращению

этих государств в зависимые в XX в., а также к вмешательств. держав в дела Турции и особенно Ирана и Афганистана. Как сказался эффект колониализма на потенциях трансформации мира ислама, включая и мусульман Индии?

В самом общем виде ситуация примерно такова. В отсталых странах, где влияние колониализма было сравнительно недолгим (Аравия, Афганистан, часть арабских стран Африки), трансформация вообще почти не была заметной, если не считать чужеродных колониальных анклавов типа Танжера или Адена. Конечно, проникновение колониальных товаров, создание элементов инфраструктуры, организация промышленных предприятий меняли традиционный облик соответствующих стран. Но при этом большую роль в такого рода переменах играли сами колонизаторы или поселенные в мусульманских странах европейцы-колонисты. Исламское же традиционное большинство продолжало жить по привычным нормам и активно сопротивлялось нововведениям. Примерно та же картина была и в странах, где влияние колонизаторов или их давление сказывалось долго и где первоначальный уровень развития был более высоким (Турция, Египет, Иран, Пакистан и Бангладеш). Сходство в том, что подавляющее большинство продолжало жить по нормам ислама и сопротивлялось чуждым влияниям, а также в том, что элементы колониально-капиталистической структуры, равно как и институты буржуазной демократии, вносились преимущественно за счет усилий колониалистов, хотя в Турции это происходило иначе и шло от европеизировавшихся руководителей страны (имеются в виду как реформы, так и революционные преобразования). Но разница была в том, что длительное воздействие колониализма (в Египте, в странах Магриба, Пакистане, Бангладеш) или просто давление извне (в Турции и Иране) вело к постепенному внедрению в традиционную структуру элементов иной, капиталистической. При этом именно в тех странах, где существовало более или менее независимое государство (Турция, Иран, Египет), а также и в остальных после достижения ими независимости наиболее сильным в экономическом плане быстро стал сектор государственный.

Государственная протокапиталистическая экономика была альтернативой частнокапиталистической европейского типа. И тот факт, что во всех странах ислама, где появлялось самостоятельное государство, наиболее быстрыми темпами развивалось именно государственное хозяйство современного типа, убедительно свидетельствует об отсутствии в мире ислама внутренних потенций для активизации частнопредпринимательской деятельности, да и вообще потенций для трансформации по еврокапиталистическому стандарту. Длительное воздействие извне создавало некоторые условия для появления такого рода потенций, но это шло еще более медленно и менее активно, нежели то было в Индии, не говоря уже о Юго-Восточной Азии с ее

хуацяо. Практически наиболее ощутимые элементы капиталистической структуры фиксируются лишь в Турции и Египте. В Иране они были менее заметны, а попытки шаха искусственно форсировать процесс капиталистической модернизации при ведущей роли государственной экономики привели к революции 1978 г. Пакистан и Бангладеш близки к Турции и Египту по типу развития, но отстают по темпам и уровню (объективно это как раз свидетельство того, о чем только что упоминалось: в рамках колониальной Индии аналогичный процесс шел быстрее, чем в странах ислама, отчего сравнительно отсталая исламская часть Индии типологически наиболее близка к самым развитым странам ислама).

В целом мир ислама с его усилившейся после деколонизации государственностью настроен едва ли не наиболее непримиримо по отношению к еврокапиталистической структуре и соответствующим институтам, включая элементы цивилизации и буржуазной демократии. Здесь наиболее часты (если не считать Тропическую Африку) военные перевороты, свидетельствующие о слабости и внешней чуждости институтов буржуазной демократии; здесь наиболее воинственно подчеркивают приверженность к собственной религии и санкционированным ею социальным, моральным и духовным ценностям и стандартам (кроме Турции, едва ли не все исламские государства официально провозгласили ислам государственной религией); здесь наибольшее (опять-таки если не считать Тропическую Африку) значение имеет сектор государственной экономики и, пусть не везде, достаточно слаб сектор частнокапиталистический. Даже приток нефтедолларов не изменил сущность структуры, хотя и резко изменил уровень жизни в богатых исламских странах. Словом, внутренние потенции для трансформации по еврокапиталистическому стандарту в мире ислама едва ли не наименьшие из трех моделей, о которых идет речь. И не только слабы потенции трансформации, но необычайно сильны противостоящие им силы противодействия, сопротивления трансформации.

Потенции трансформации стран дальневосточной цивилизации

Дальневосточная (конфуцианская) модель характеризуется противостоянием слабых позиций колониализма сильной цивилизационной традиции. Известна она в двух основных модификациях — китайской, с традиционно сильным государством, и японской (вариант — хуацяо), с ослабленной или вовсе, в случае с хуацяо, почти отсутствующей государственностью. Хотя японская модель была выделена типологически особо, причем было оговорено, что о ней речь идти не будет, упоминание о ее существовании в качестве модификации китайской существенно для того, чтобы вычленить феномен хуацяо,

стоящий как бы между китайским и японским вариантами некоей общей модели, которую в этом случае можно было бы именовать дальневосточной.

Что характерно для китайской модели в интересующем нас плане? Высокий уровень развития цивилизации и санкционированная конфуцианством еще более высокая культура труда, этика и дисциплина труда. А это частично сближает китайско-конфуцианский стандарт с тем самым пуританско-протестантским образом жизни, в котором М. Вебер видел один из важных истоков капитализма. Ни в мире ислама, ни в индо-буддийской цивилизационной традиции ничего подобного нет — при всем том, что и там люди исправно делают свое дело. Это и есть основа тех внутренних потенций трансформации, которые мы пытаемся выявить на традиционном Востоке.

В чем тут смысл? Из предшествующего изложения очевидно, что права и свободы, гарантии собственности и личности и вообще все буржуазно-демократические институты и процедуры были нужны антично-капиталистическому обществу не сами по себе (хотя их самоценность очевидна, особенно в наши дни), но именно в качестве условий, обеспечивающих эффективную экономику, которая основана на энергии и инициативе предпринимателя, осуществляется на его страх и риск и на его средства. На всем Востоке прав и гарантий не было, но опиравшаяся на высокое качество труда эффективная экономика все же могла существовать, если для этого были необходимые условия.

Именно такие условия создались в системе конфуцианской цивилизации с ее культом посюсторонней ориентации, патернализма, высокой морали, дисциплины и постоянного самоусовершенствования, даже активной соревновательности во всем, прежде всего в труде. Все это можно в какой-то мере воспринимать в качестве эквивалента отсутствующих прав и гарантий. И правомерность такого подхода лучше всего видна именно на примере хуацяо: попадая в страны с более низким уровнем развития, китайские мигранты несут с собой все основные элементы развитой китайской конфуцианской цивилизации, что дает быстрый экономический эффект.

На вопрос, почему же аналогичного эффекта китайцы не добиваются у себя дома, ответ, как говорилось, известен: в Китае реализации внутренних потенций мешало всесильное государство с его стригущим всех под одну гребенку могущественным бюрократическим аппаратом власти. Вне Китая сильного государства не было.

Слабая государственная администрация не препятствовала проявлению потенций хуацяо, а для защиты себя от зависти и недоброжелательства со стороны местного населения китайские мигранты

организовывались в спаянные жесткой дисциплиной социальные корпорации мафиозного типа, функционировавшие на основе хорошо известных всему Востоку патронажно-клиентных связей, к тому же резко усиленных традиционным конфуцианским духом патернализма.

Эффект колониализма на Дальнем Востоке оказался сравнительно слабым, так что традиционная китайская структура, даже в условиях ослабленного неблагоприятными обстоятельствами государства, сумела противостоять его воздействию и во многом нейтрализовать его. После революций (даже и до них, еще в XIX в.) быстрыми темпами развивался сектор государственной протокапиталистической экономики, оказавшийся к середине XX в. много более сильным, чем сектор экономики частнокапиталистической.

Что же касается сектора традиционной экономики, то он в условиях трансформации развивался медленно. Более того, сопротивлялся преобразованиям. Здесь ситуация близка к тому, что имело место в странах ислама. Однако это сходство ситуации не должно заставить нас забыть, что, в отличие от мира ислама, в Китае были внутренние потенции для трансформации. Эти потенции уже были охарактеризованы на примере хуацяо. Они были продемонстрированы Японией. Ждали своего часа они и в Китае, как это стало вполне очевидно в наше время, в 80—90-е годы.

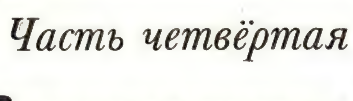
В чем суть потенций, продемонстрированных странами дальневосточной цивилизации? В самом общем виде — в том, что они обеспечивают эффективное экономическое развитие при определенных обстоятельствах.

К числу этих обстоятельств относится отказ от традиционного для Китая сильного государства с могущественной бюрократией и соответственно изменение характера традиции. В измененном виде традиция склонна к полезным заимствованиям, в первую очередь элементов еврокапиталистической структуры, как это было продемонстрировано, в частности, Японией и хуацяо. Однако при этих заимствованиях сохранялись не менее сильные и значимые элементы культуры традиционной, что и позволяет в случае с Японией говорить о плодотворном гармоничном синтезе.

Менее гармоничным, но делающим свое дело следует считать и тот синтез, который демонстрируют хуацяо с их мафиозными корпорациями. Таким образом, сущность потенций в том, что они могут обеспечить плодотворный и гармоничный синтез, принципиально отличный от того уродливого силового синтеза, который являет собой государственная экономика в Китае.

Принципиальная разница здесь в том, что государственная экономика — эквивалент частнокапиталистической в тех обществах, которые не могут трансформироваться по еврокапиталистическому

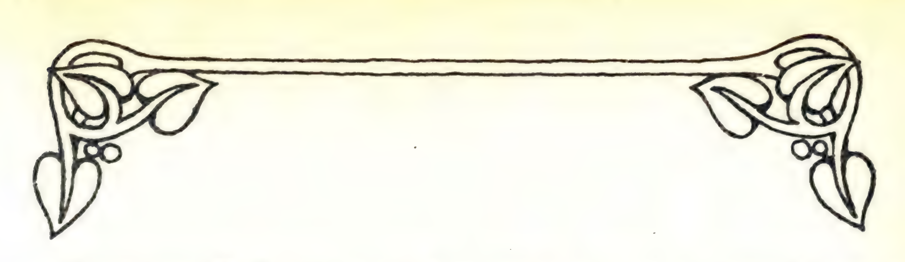
пути и (или) сознательно отвергают такой вариант развития, тогда как гармоничный синтез японского типа или типа хуацяо базируется на капиталистической основе и лишь обогащается (гармонизируется) за счет традиции. Отсюда и принципиально разный экономический эффект, не говоря уже о социально-политических, правовых и прочих институтах.



Часть четвёртая

Современный Восток: процессы и проблемы





Современный Восток — особая, весьма емкая и специфическая часть истории Востока в целом. Специфика прежде всего в ее политической актуальности, калейдоскопическом динамизме. События следуют одно за другим, ситуация меняется едва ли не ежедневно, причем нередко весьма радикально. То и дело происходят военные и политические конфликты в том или ином регионе, государственные перевороты и многие иные события, из которых, собственно, и составляется ткань современной политической жизни. А так как стран, о которых идет речь, не менее сотни (не считая тех, что исторически и культурно близки к Востоку, но формально, т. е. географически, к нему не относятся, как, например, страны Латинской Америки), причем каждая из них закономерно претендует на внимание, то из этого следует, что излагать в рамках генерального очерка в деталях и подробностях современную историю каждой из стран практически нереально. Впрочем, этого и не нужно, ибо для знакомства с отдельными странами существует немало страноведческих изданий любого профиля, не говоря уже об обилии различного рода справочников. Перед нами иная задача: обратить внимание на важнейшие процессы и наиболее существенные проблемы, характерные либо для всего современного Востока в целом, либо для важнейших его регионов, цивилизаций и стран. Сквозь призму анализа этих процессов и проблем и высветится то главное, что составляет квинтэссенцию событий современной истории Востока.

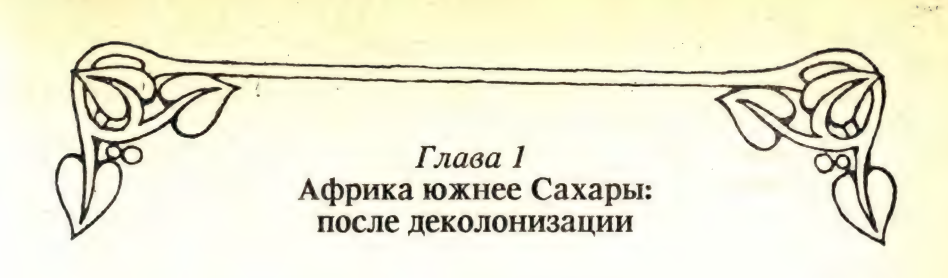
Современная (contemporary; current) история во всем мире обычно выделяется в особый раздел или этап истории всемирной. Но если для Запада хронологическая грань между нею и новой (modern) историей в некотором смысле размыта и может быть сформулирована лишь весьма условно, то для Востока она более очевидна, формально и политически весьма отчетливо выражена. Речь идет о деколонизации, происходившей в середине XX в., в основном между 1945 и 1960 гг. Правда, деколонизация как обретение политической независимости коснулась не всего Востока, ибо многие страны его колониями не были и независимость не утрачивали, по меньшей мере формально. Однако фактически она так или иначе затронула весь Восток, и не только в том смысле, что зависимые страны обрели подлинную независимость, но прежде всего тем, что фактическое обретение всеми странами Востока реальной политической независимости означало превращение их в свободных субъектов современного мира. Свобод-

ных потому, что каждый имел возможность избирать свой путь развития.

Разумеется, на выбор пути оказывали свое, порой решающее воздействие многие существенные факторы. Но при всем том была все же и некоторая свобода выбора пути трансформации традиционного восточного общества. О проблемах, с которыми традиционный Восток столкнулся под давлением колониального капитала в период колониализма, речь уже шла достаточно подробно в третьей части работы. Болезненность процесса трансформации, вынужденной внешними обстоятельствами, была очевидной и в некотором смысле общей для всех, включая шедшую особняком и добровольно по этому пути Японию. Но эта общность судеб никак не исключала их неодинаковости. Напротив, по мере углубления процесса трансформации все явственней становилась эта неодинаковость, корни которой уходили как в глубинные пласты истории, в религиозно-цивилизационный фундамент, так и порой в факторы природно-географические (нефть и нефтедоллары). Отсюда и результат: современная история разных стран Востока весьма различна.

Восток никогда не был единым и одинаковым, между его передовыми и процветавшими государствами и отсталыми районами всегда существовала заметная грань, подчас цивилизационная и имущественная пропасть. Но при всем том было и нечто общее для всего Востока, и об этом общем выше немало уже говорилось. Однако именно в наши дни современный Восток демонстрирует наибольшую степень неравномерности и неравноценности развития, различий во внутренней структуре. И эти структурные различия — результат успешной внутренней трансформации некоторых успешно развивающихся стран Востока, что наиболее отчетливо видно на примере Японии, структурно западной (вся техника, технология, наука, образование, инфраструктура и т. п.), но цивилизационно восточной. И это органичное сплетение, этот гармоничный синтез в немалой мере обусловили и обусловливают ее процветание и выдающиеся успехи в темпах и качестве развития.

Из сказанного ясно, какого рода процессы и проблемы следует считать главными для современного Востока. Именно они и все связанное с ними будут стоять в центре внимания и анализа, что во многом обусловило и композицию четвертой части работы. Первые ее главы посвящены краткому обзору конкретных данных из истории ряда стран, сгруппированных по основным регионам современного Востока. Эти данные сопровождаются аналитической оценкой с вычленением основной динамики развития соответствующих стран или групп стран. В последующих главах речь пойдет об общих для современного Востока процессах и проблемах. Здесь будет обращено внимание на причины и факторы, обусловливающие неравномерность развития и повлиявшие на выбор пути, а также пойдет речь о генеральном направлении развития Востока в наши дни и в ближайшем будущем.



Глава 1

Африка южнее Сахары: после деколонизации

Освобождение от колониальной зависимости на рубеже 60-х годов нашего века народов Тропической Африки было завершающим и наиболее мощным по звучанию аккордом деколонизации: свыше четырех десятков независимых и в подавляющем большинстве прежде не существовавших государств возникло на развалинах колониальных империй Англии, Франции, Португалии. Главным общим признаком всех этих новорожденных государств оказался их политический инфантилизм. Возникнув на базе вчерашних колониальных территорий, будучи воспитаны колониальной администрацией и соответствующими нормами метрополий, все они, обретя независимость, не имели собственного политического опыта, если не считать за таковой реминисценции, связанные с существованием протогосударственных образований, да и то не везде, преимущественно на западном побережье.

Оказавшись в столь незавидном состоянии, новые африканские государства стали быстро самоопределяться. Но на какой основе? Естественной традиционной основой были племенные связи, общинно-клановые структуры самоуправления, принципы социально-корпоративных и патронажно-клиентных взаимоотношений. Все это сыграло свою роль в процессе становления африканской государственности, но роль эта была скорее негативной, нежели позитивной, ибо апелляция к традиции не столько сплачивала жителей нового государства, сколько разъединяла их по племенному, клановому либо земляческому признаку. Поэтому нужна была весомая альтернатива традиционной основе. Эта альтернатива и была выработана десятилетиями усилий колониальной администрации, немало сделавшей для того, чтобы воспитать в колониях будущую правящую элиту, политически ориентированную на нормы и принципы соответствующей метрополии. Речь идет прежде всего о нормах и принципах буржуазной парламентарной демократии, основанной на фундаменте из рыночно-частнособственнических отношений, гражданского общества и правового государства.

Разумеется, ни того, ни другого, ни третьего во вчерашних колониальных территориях Тропической Африки не было. Все это следовало создать заново, как заново создавались и сами государства,

границы которых определялись не этническими или природными факторами, но исключительно случайностью колониального захвата. Понятно, что при этом родственные племенные группы оказывались в различных государствах, а неродственные и даже враждующие между собой соединялись жребием судьбы в одном. Логично, что это влекло за собой и вплоть до сегодняшнего дня порождает массу проблем, а то и ведет к кровавым межплеменным столкновениям, раздирающим многие молодые государства Африки. Но справедливости ради необходимо заметить, что здесь не было произвола коварных колонизаторов, хитроумно следовавших классическому принципу «разделяй и властвуй». Отнюдь. Просто иного варианта формирования государственности в Тропической Африке 60-х годов нашего века не было.

Раздел Африки между державами породил современные границы ее государств, соответствующие вчерашним колониальным территориям. Колониальная администрация в рамках каждой из такого рода территорий немало, как упоминалось, делала для того, чтобы приобщить племенную знать к ценностям, которые предпочитались в Европе. Образованные африканцы, выпускники Кембриджа, Оксфорда и Сорбонны, постепенно, поколение за поколением, обретали уважение к этим ценностям, что и неудивительно: противостоять им могли лишь традиционные нормы африканской жизни, для создания устойчивой политической структуры, как правило, не приспособленные. Это не значит, что образованная элита пренебрегала традицией. Напротив, она уважала ее и опиралась на нее. Эта опора и сыграла свою роль в 60-е годы, когда от лозунга «Независимость при жизни настоящего поколения!» африканцы перешли к более радикальному — «Независимость немедленно!» — и добились своего. Однако, добившись цели, правящие образованные верхи новых африканских стран в поисках модели для оптимальной политической структуры возникавших государств обратились к хорошо знакомой им метрополии. Это было логично, особенно если учесть, что и господствующий язык, и система администрации в той или иной колонии соответствовали тем, что господствовали в метрополии.

Но это было лишь первым шагом новых государственных образований. Далее следовал выбор пути, кое-где приведший к смене приоритетных ориентаций. Однако вне зависимости от того, какой путь был избран, как и когда этот выбор менялся — если он вообще изменялся,— каждая из молодых стран Африки прошла свой нелегкий и в какой-то мере общий для всех них путь становления государственности. Собственно, именно этот путь и есть история — вся их история, в основном не превышающая тридцати с небольшим лет (имеется в виду история современных государств Африки в нынешних их границах). Как она выглядит, эта история, пусть даже в самом кратком изложении?

Страны Западной Африки

К этой группе стран Тропической Африки условимся отнести те, что лежат к западу от Нигера и Нигерии. За исключением Мали, все они территориально сравнительно невелики, а некоторые и вовсе малы. Но зато многие из них принадлежат к числу сравнительно развитых или, во всяком случае, достаточно успешно развивающихся, что в немалой мере обусловлено их выгодным географическим расположением, частично также древними традициями государственности, торговыми связями с миром ислама и исламизацией, пусть слабой и не всеобщей.

1. Мали, бывшая французская колония, стала независимой республикой в 1960 г. Ориентация на марксистский социализм в 60-х годах под руководством М. Кейта привела это слаборазвитое и немногочисленное (ок. 9 млн.* человек) государство к серьезному кризису. Гипертрофированная роль государственного сектора в промышленности и кооперирование сельского хозяйства подорвали экономику, а экономические просчеты привели к политическому кризису, итогом которого был военный переворот 1968 г. Пришедший к власти генерал М. Траоре свыше десяти лет правил как глава Военного комитета национального освобождения, а в 1979 г., после вступления в силу конституции 1974 г., он стал президентом. Конституция предусматривала однопартийную систему (Демократический союз малийского народа с филиациями в виде национальных союзов женщин, молодежи, профсоюзов и т. п.), которая к 1991 г. изжила себя, погрязнув в коррупции, бюрократических злоупотреблениях и т. п. Весной 1991 г. недовольные потребовали отставки президента, а вскоре он был свергнут в результате очередного военного переворота, возглавленного А. Туре. Туре пообещал покончить со злоупотреблениями и затем отдать власть гражданским лицам. Оппозиция в стране потребовала введения многопартийной системы и приватизации экономики.

2. Гана, в прошлом знаменитая английская колония Золотой Берег, стала независимой республикой во главе с президентом К. Нкрумой в том же 1960 г. Достаточно развитая, даже богатая ресурсами (золото, бокситы, какао-бобы) республика сразу же после возникновения на очередном съезде правящей Народной партии конвента летом 1962 г. избрала в качестве ориентира пути марксистский социализм. Результаты не замедлили сказаться: национализация про-

---

* Цифры, касающиеся численности населения современных стран Востока, здесь и далее даются на основании данных справочников или иных материалов, относящихся к концу 80-х — началу 90-х годов. Цифры, естественно, не всегда вполне точны и должны поэтому восприниматься лишь как приблизительные, дающие представление о количестве населения страны.

мышленности и ставка на кооперацию по-марксистски достаточно быстро привели к развалу и без того весьма слабой экономики страны, чему способствовали и объективные факторы экономической конъюнктуры, в частности снижение мировых цен на какао-бобы. Естественной была и реакция: военный переворот 1966 г. сверг Нкруму, распустил правящую партию и решительно отказался от социалистических экспериментов. Конституция 1969 г. открыла путь для многопартийной системы, но избранный на этой основе парламент не сумел создать крепкую власть. В стране продолжались падение производства и инфляция. Очередной военный переворот 1972 г. и созданный военными Совет национального спасения привели к роспуску парламента и партий. Новые руководители заявили о решимости продолжить развитие по марксистско-социалистической модели. Ситуация повторилась, причем к развалу экономики добавилась процветавшая коррупция.

В 1979 г. очередной военный переворот привел к власти капитана Д. Ролингса. Совет был распущен и вновь был сделан поворот к конституционному правлению. На многопартийной основе состоялись парламентские и президентские выборы. Но новый президент X. Лиманн не сумел навести порядок в стране, в результате чего в 1981 г. Д. Ролингс совершил еще один военный переворот, отменил конституцию, распустил парламент и партии и, создав Высший совет национальной обороны, принялся за решительные реформы, ориентируясь на рыночно-частнособственнические отношения. Гана стала быстрыми темпами (5% прироста в год) развиваться, магазины наполнились товарами, усилился приток зарубежных инвестиций. В 1991 г. Высший совет выступил с инициативой демократизации политической структуры в стране. Престиж Ганы с ее 15-миллионным населением вновь заметно возрос.

3. Гвинея (7 млн. чел.) добилась независимости в 1958 г., причем правящая Демократическая партия во главе с президентом А. Секу Туре сразу же взяла курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Национализация промышленности, кооперирование сельского хозяйства, ограничения в сфере торговли и т. п. привели к заметному росту коррупции в администрации, разочарованию и недовольству населения. Авторитет президента помогал ему удерживаться у власти, несмотря на экономический кризис. Но после его смерти в 1984 г. к власти пришли военные и с социалистическим экспериментом в Гвинее было покончено. Поощрение частной инициативы, привлечение иностранных инвестиций, активное экономическое сотрудничество с развитыми странами, реорганизация финансовой системы — все это предпринято за последние годы с целью выйти из кризиса.

4. Кот-д'Ивуар, в прошлом Берег Слоновой Кости,— президентская республика с 1960 г. Правящая и единственная Демократическая

партия успешно руководит страной, опираясь на профсоюзы, организации молодежи и женщин. Устойчивое правительство с отчетливой ориентацией на рыночно-частнособственническое развитие обеспечивает политическую стабильность и экономический рост (в среднем 7% в год), что позволило этому государству с его 11-миллионным населением занять место в числе наиболее преуспевающих стран Тропической Африки. Успехи в стране связаны с именем ее президента Ф. Уфуэ-Буаньи.

5. Буркина-Фасо (б. Верхняя Вольта) — государство, расположенное между Мали и Ганой к северу от республики Кот-д'Ивуар. Население — около 8,5 млн. чел.; республика — с 1958 г., независимое государство — с 1960 г. Авторитарное правительство, подавляющее оппозицию, было в 1966 г. свергнуто военными, распустившими парламент и партии. В 1970 г. была принята конституция и проведены выборы в Национальное собрание на многопартийной основе, а в 1974 г. армия вновь взяла власть в свои руки, приостановив действие конституции и распустив парламент. В 1977 г. была принята новая конституция, укрепившая руководящие позиции военных: возникшее в результате соперничество между военными и гражданскими политиками привело в 1980 г. к новому военному перевороту, под знаком которых прошло все десятилетие 80-х. Военный переворот 1982 г. создал Временный совет народного спасения, в 1983 г.— Национальный совет революции. С 1983 г. делались попытки революционными методами покончить с обуревавшими страну невзгодами — коррупцией, отсталостью и т. п. К успеху эти методы не привели. Переворот 1987 г. ничего в этом смысле также не изменил, хотя и усилил было на некоторое время акцент в сторону создания «планируемой экономики». Естествен и результат: Буркина-Фасо является ныне одной из самых бедных и отсталых стран Африки. Правит страной Народный фронт. Промышленность практически не развивается, сельское хозяйство в упадке, уровень жизни очень низок.

6. Сенегал с населением ок. 7 млн. чел.— одно из древних государственных образований Западной Африки, обладавшее определенными привилегиями и в годы французской колонизации (вспомним о сенегальских стрелках и о сенегальцах, имевших статус французских граждан и посылавших своего депутата во французский парламент). Став независимой республикой в 1960 г. Сенегал вплоть до наших дней сохранил в качестве действующей конституцию 1963 г. Долгие годы президентом страны был великий африканец Л. Сенгор, а после его отставки в 1980 г. этот пост занял А. Диуф. Вначале в парламенте и политической жизни страны господствовала одна партия — социалистическая, входившая в Социнтерн. Затем возникли и другие. С 1981 г. официально введена многопартийная система. Экономика развивается не быстро, но стабильно. На рубеже

80—90-х годов страну начали сотрясать межплеменные конфликты, причем территориальные и политические притязания народности диола негласно поддерживаются соперничающей с Сенегалом Мавританией.

7. **Сьерра-Леоне** с ее 4 млн. населения — небольшое государство на побережье к югу от Гвинеи, бывшее в прошлом форпостом англичан в Западной Африке. Обретя в 1961 г. независимость, страна стала многопартийным парламентарным государством (главой его признавалась английская королева). После военного переворота 1967 г. около года страной управляли военные, затем действие конституции было восстановлено. С 1971 г. Сьерра-Леоне — республика, а в 1978 г. была принята новая конституция, основанная на президентской власти и однопартийной системе. Президент Д. Момо, сделавший ставку на разгосударствление экономики, на протяжении 80-х годов добился незначительных успехов и в 1990 г. был вынужден прибегнуть к радикальным реформам, включающим либерализацию экономики, приватизацию, многопартийную систему и т. п. Переворот 1992 г. привел к свержению и бегству Момо. Власть в стране взяли военные.

8. **Либерия**, государство потомков американских рабов-переселенцев, имела конституцию еще в 1847 г., причем эта конституция действовала до 1980 г., когда в стране был совершен первый военный переворот. На протяжении 80-х годов обстановка в стране была нестабильной, а междоусобицы военных претендентов на власть ее усугубляли. С 1986 г. начал функционировать двухпалатный парламент на многопартийной основе. Население страны невелико — приблизительно 2,5 млн. чел. Экономический рост, заметный в 60—70-х годах (до 8% в год), затем существенно снизился. Начало 90-х годов отмечено углублением политического кризиса.

9. **Того**, узкой полосой тянущееся вдоль восточной границы Ганы с выходом на побережье Гвинейского залива,— небольшое государство с 3 с лишним млн. жителей. Став независимой республикой в 1960 г. и испытав в 1963 и 1967 гг. два военных переворота, Того затем обрело завидную политическую устойчивость. Президент Г. Эйадема, вначале (до 1979 г.) бывший главой военного режима, утвердил в стране президентскую республику с однопартийным парламентарным режимом и немало сделал для развития экономики, осуществив, в частности, зеленую революцию в сельском хозяйстве. Неплохие темпы развития (3—4% в год) способствовали прогрессу. В 1990 г. оппозиционные молодежные организации начали активно выступать с требованиями плюрализма, демократизации политической жизни, многопартийности. Позиции генерала-президента заметно пошатнулись.

10. **Бенин** (в прошлом — Дагомея) с его свыше чем 4-миллионным населением — еще одна узкая полоска африканской территории, иду-

щая от Гвинейского залива в глубь континента, вдоль восточных границ Того. Независимая республика с 1960 г., Бенин до 1972 г. пережил пять военных переворотов, последний из которых, возглавленный М. Кереку, привел к созданию военно-революционного правительства, склонного к ориентации на марксистский социализм. Эта политика не привела страну к успеху. Пришедший к власти в 1991 г. новый президент Н. Согло предпринял реформы, направленные на демократизацию страны и преобразование ее отсталой экономики по рыночно-частнособственнической модели. Бенин стал многопартийной республикой.

11—13. Гамбия (0,8 млн. чел.), **Гвинея-Бисау** (0,9 млн.), **острова Кабо-Верде**, в прошлом острова Зеленого Мыса (0,35 млн.),— небольшие государства Западной Африки, обретшие независимость соответственно в 1965, 1973 и 1975 гг. Гамбия, в прошлом французская колония,— стабильная парламентарная многопартийная республика, с 1982 г. связанная унией с Сенегалом. Гвинея-Бисау и Кабо-Верде — в прошлом португальские колонии, близкие друг к другу,— в первые годы после получения независимости имели в качестве правящей партии ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и Кабо-Верде), ориентировавшуюся на марксистский социализм. В 1990 г. эта партия в Кабо-Верде (с 1981 г.— ПАИКВ, т. е. Африканская партия независимости Кабо-Верде) выступила за введение многопартийной системы и на выборах потерпела поражение, уступив место оппозиции, выступающей за развитие по рыночно-частнособственническому пути с приватизацией государственной собственности и созданием основ гражданского общества. В Гвинее-Бисау ситуация аналогичная.

* * *

Итак, перед нами тринадцать современных стран Западной Африки, в основном небольших (за исключением Ганы, население их не превышает 10 млн. чел., часто значительно меньше; невелика и территория). Кроме Либерии, все они — вчерашние колонии Англии, Франции и Португалии. Впрочем, принципиальной разницы между вчерашними колониями и Либерией с точки зрения стабильности конституционных и иных буржуазно-демократических институтов нет: в Либерии, имевшей конституцию еще полтора века назад, те же военные перевороты и жестокие межплеменные столкновения, что и в других странах Африки, а образцом политической стабильности и уважения к буржуазно-демократическим принципам жизни могут считаться вчерашние колонии Сенегал и Сьерра-Леоне, т. е. именно те, где колонизаторы чувствовали себя в свое время наиболее прочно. Напрашивается вывод о явной пользе колониализма для политической

стабильности вновь возникающих государственных структур современной Африки.

Еще бросающаяся в глаза закономерность: едва ли не половина из стран этого региона так или иначе отдала дань идеям марксистского социализма, а некоторые из них зашли в свое время достаточно далеко в осуществлении преобразований по соответствующей модели. Хороших результатов это не дало нигде и практически везде страны от упомянутой модели рано или поздно отошли, что заметно способствовало изменению ситуации в лучшую сторону. И еще об одном: и в странах, ориентировавшихся на марксистско-социалистическую модель развития, и в тех, что шли по буржуазно-демократическому пути, ощущается явная тяга к однопартийной системе. Многопартийность фиксируется как эпизод в истории той или иной страны, причем нередко с неудачным исходом. Обратим теперь внимание на то, как все эти закономерности и особенности развития проявили себя в иных регионах Африки к югу от Сахары.

Страны Центральной Африки

К этой группе молодых государств Африки относятся как расположенные к востоку от западноафриканских страны суданского пояса, так и несколько экваториальных.

1. Нигерия — крупнейшая из них и самая населенная из стран Африки (около 110 млн. жителей); расположена рядом с Бенином и тяготеет к побережью в районе Гвинейского залива (в прошлом Невольничий Берег). Населенная этническими общностями хауса, йоруба, фульбе и многими другими, Нигерия обрела независимость в 1960 г. Ныне это государство состоит из прибрежных районов юга и территорий прежних мусульманских эмиратов (Кано, Сокото, Борну и др.) на севере. Объединение обеих частей в рамках единой административной структуры, осуществленное английскими колониальными властями еще в начале нашего века, сыграло определенную роль в развитии страны, хотя одновременно породило и массу конфликтных ситуаций. Современная Нигерия с 1963 г.— федеративная республика. Сложные взаимоотношения и межплеменные распри внутри страны не раз кончались военными переворотами. В январе 1966 г. в результате первого из них страну возглавил генерал А. Иронси, а в июле того же года результатом нового переворота был приход к власти генерала Я. Говона. Примерно в то же время в наиболее экономически развитой провинции страны Биафре начался сепаратистский мятеж, подавление которого обошлось Нигерии в миллион жизней. Только в январе 1970 г. мятежники капитулировали.

Очередной военный переворот 1975 г. заменил Говона другим генералом, который, однако, уже в 1976 г. пал жертвой еще одного

переворота. В 1979 г. военные передали власть гражданскому правительству во главе с лидером победившей на выборах Национальной партии Нигерии Ш. Шахари, ставшим президентом. Впрочем, гражданское правление скоро увязло в коррупции и вызвало всеобщее недовольство, за которым последовали перевороты 1983 г., а затем и 1985 г. Приходившие к власти один за другим нигерийские генералы то вводили парламентские нормы с многопартийностью, то — чаще — запрещали и то, и другое. Впрочем, это мало влияло на экономическое развитие страны, шедшее сравнительно быстрыми темпами (8,5% в год в 70-х годах; около 1000 долл. дохода на душу населения в 1980 г.— очень высокая для Африки цифра), в основном за счет богатейших ресурсов Нигерии, прежде всего нефти.

2. Заир, в прошлом Бельгийское Конго, затем Конго со столицей Леопольдвиль (ныне Киншаса),— еще одно крупное государство центральноафриканского региона, около 35 млн. жителей. Став независимым в 1960 г., Конго под руководством П. Лумумбы было вначале настроено на радикальные преобразования по марксистско-социалистической модели. Но после убийства Лумумбы в 1961 г. страна на ряд лет превратилась в острый клубок конфликтов на политической и прежде всего племенной основе. С 1965 г. во главе страны стал генерал Ж. Мобуту, который в качестве руководителя единственной в стране партии Народное движение революции сохраняет свою власть и поныне, несмотря на ряд сепаратистских выступлений против него в наиболее промышленно развитой части страны Катанге (Шабе) в 1977—1978 гг. Важно заметить, что внутренние смуты в Заире были подавлены с помощью европейских держав, заинтересованных в стабильности богатого ресурсами государства. Начало 90-х годов ознаменовано резким политическим кризисом, усугубившим нестабильность и нищету в стране.

3. Камерун расположен к востоку от Нигерии с выходом на побережье Гвинейского залива. Обретя независимость в 1960 г. и воссоединившись затем со своей западной частью, входившей вначале в состав Нигерии и решившей свою судьбу в ходе плебисцита в 1961 г., Камерун с его 11-миллионным населением являет собой одно из редких для Африки государств с внутренней политической стабильностью. Это парламентарная республика, основанная на однопартийной системе. Председатель правящей партии (А. Ахиджо, затем П. Бийя) автоматически избирается президентом. Курс на рыночно-частнособственническую экономику позволил Камеруну обеспечить себя продовольствием, что не так уж часто встречается в государствах современной Африки. Промышленность развита сравнительно слабо и жизненный уровень населения невысок.

4. Нигер — бывшая французская колония в центральноафриканской зоне суданской саванны, к северу от Нигерии. Население — ок. 7 млн. чел. С 1960 г.— президентская республика с однопартийным

режимом. После военного переворота 1974 г. действие конституции приостановлено, правящая партия распущена. Экономика развивается очень медленными темпами.

5. Чад — независимая республика с 1960 г., население — 5 с лишним млн. человек. Все тридцать с небольшим лет существования насыщены межплеменной борьбой с периодическими военными переворотами. В борьбу нередко вмешивались иностранные государства, чаще всего Ливия и Франция. Отсталая в экономическом плане страна с низким уровнем жизни населения.

6. Центральноафриканская республика (ЦАР) с населением ок. 3 млн. чел. стала независимой в 1960 г. В 1966 г. после военного переворота в стране был введен жесткий режим единоличной власти. В 1976 г. республика была преобразована в империю во главе с императором Бокассой, ставшим печально известным своей склонностью к каннибализму. После свержения Бокассы в 1980 г. была на короткий срок введена многопартийная система, но военный переворот 1981 г. ввел однопартийную республиканскую систему. Глава правящей партии А. Колингба стал главой и государства, и правительства. Экономика развита слабо, уровень жизни низок.

7. Конго, в прошлом Французское Конго, затем Народная Республика Конго,— небольшое государство (2 млн. чел.), обретшее независимость в 1960 г. В 1963 г. республиканское правительство во главе с аббатом Ф. Юлу было свергнуто в результате революционного переворота, лидеры которого стали ориентироваться на марксистско-социалистическую модель. В 1968—1969 гг. пришедший к власти М. Нгуаби продолжил движение по этому же пути. В 1977 г. он был убит в результате заговора, но его преемники один за другим продолжали идти проложенным курсом. Богатые природные ресурсы, прежде всего нефть, даже при обилии нерентабельных предприятий государственного сектора позволили не только сводить концы с концами, но и добиться весьма высокого для Африки жизненного уровня (около 1000 долл. дохода на душу населения). Правящая Конголезская партия труда до последнего времени стойко держалась на позициях марксизма и лишь в начале 90-х годов в стране приступили к радикальным реформам, включая демократизацию политической структуры и трансформацию экономики по рыночно-частнособственнической модели.

8—10. Габон(1,3 млн. чел.),Экваториальная Гвинея (0,4 млн.) и острова Сан-Томе и Принсипи (0,1 млн.) в Гвинейском заливе — три небольших государственных образования, добившихся независимости соответственно в 1960, 1968 и 1975 гг. Габон прежде был французской колонией, Гвинея — испанской, острова — португальскими. Зажиточный Габон демонстрирует политическую стабильность в рамках однопартийной республики с парламентом и президентом, причем это одна из наиболее богатых по африканским стандартам стран. В бывшей

испанской Гвинее первоначально функционировал аналогичный режим; в 1979 г. он был замещен правлением военных, а с 1982 г. там вновь была установлена президентская республика с однопартийной системой. Такого же типа республика и на островах, где политическая власть стабильна, но правящая партия была склонна ориентироваться на марксистско-социалистическую модель.

* * *

Если попытаться подвести общую черту, то картина окажется достаточно пестрой. Государства очень разные — и по размеру, и по населенности, и по экономическому развитию, и по политической ориентации. Заслуживает внимания Нигерия, которая, несмотря на спорадические военные перевороты, развивается динамично. Удивляет маленькое Конго, которое в условиях длительного марксистско-социалистического эксперимента и неэффективной экономики ухитрялось не только сводить концы с концами, но и иметь высокий доход на душу населения. Общей закономерностью, подтверждающей уже сделанный вывод, является отсутствие или крайняя слабость политических структур, основанных на многопартийном парламентаризме.

Страны Восточной Африки

Группа восточноафриканских государств демонстрирует еще большую степень различий, даже контраста, причем здесь отдельные страны заметно выделяются на фоне остальных, как бы выходят из общего ряда. Это касается и Эфиопии, и Сомали, и Танзании, и некоторых других стран. Вообще страны восточноафриканского региона заслуживают в упомянутом смысле особого внимания.

1. Эфиопия — крупнейшая и древнейшая из них. Ее история уходит в глубь веков и о ней уже не раз шла речь в предыдущих частях работы. В 60-х годах нашего века Эфиопия была самостоятельным и весьма уважаемым в Африке государством во главе с почитаемым монархом императором Хайле Селассие I. Правда, эту многонаселенную (свыше 50 млн. чел.) и скудную ресурсами страну постоянно донимали стихийные бедствия, особенно засухи, почти регулярно доводившие ее хозяйство до катастрофического состояния. Засухи, голод, неудачи с аграрной реформой привели страну в 1973 г. к острому политическому кризису, следствием которого стало низложение императора. С 1974 г. власть перешла к Временному военному административному совету, лидеры которого в острой междоусобной борьбе уничтожали друг друга, пока к власти не пришел в 1977 г. М. Хайле Мариам, твердо взявший курс на развитие по марксистско-социалистической модели.

Национализация промышленности и земли, жесткий контроль власти над населением привели хозяйство страны за полтора десятилетия к полной деградации. Засухи участились, последствия их становились все более тяжелыми. Миллионы людей умирали от элементарного голода и беспорядка в стране, в то время как правящая бюрократия погрязала в беззаконии и коррупции. Решающий удар по правящей партии и ее руководству нанесли события в нашей стране, связанные с перестройкой и общим изменением идейно-политической ориентации, а также приостановившие поток поставок из СССР. Ослабление позиций правительства, усугубленное поражениями в борьбе с сепаратистами и повстанцами на севере, привело в 1991 г. к краху режима. Диктатор бежал, а его преемникам досталось нелегкое наследство. О марксистско-социалистической модели больше не было речи. Эфиопия ныне стоит перед тяжелой задачей обретения своего нового лица, выхода к нормальной жизни.

2. Сомали, расположенное к востоку от Эфиопии, на побережье, в районе Африканского Рога,— государство сравнительно небольшое (население ок. 6 млн. чел.). Независимость жители британского Сомали обрели в 1960 г.; была учреждена демократическая парламентарная республика на многопартийной основе, одна из первых в своем роде в Африке. Но многопартийная демократия привела к ослаблению политической структуры, подорванной к тому же трибализмом и клановыми патронажно-клиентными связями. Переворот 1969 г. привел к власти С. Барре с его мечтами о Великом Сомали и с ориентацией на марксистско-социалистическую модель развития. В 1977—1978 гг. в войне с Эфиопией за Огаден Сомали потерпело поражение, причем это сказалось на смене ориентации: сомалийские власти отказались от прежней ставки на СССР, руководство которого предпочло взять сторону Эфиопии, и начали искать поддержки на Западе. В 1984 г. Сомали было вынуждено отказаться и от притязаний на часть Кении, населенную сомалийцами. Рухнула идея Великого Сомали. Наступила эпоха острого внутреннего кризиса, вызванного непосильными для маленькой страны военными тратами, разрухой, инфляцией. Начались выступления повстанцев против режима С. Барре. В 1989 г. он попытался было смягчить свой режим, взял курс на либерализацию экономики и приватизацию, обещал многопартийную систему и демократию, в октябре ввел даже новую конституцию. Но было уже поздно. В начале 1991 г. режим Барре пал под ударами повстанцев. В 1992 г. в стране началась кровавая междоусобица. Неустойчивость власти в ходе борьбы за политическое господство различных этнополитических групп создала в Сомали ситуацию опасной нестабильности, привела страну к голоду.

3. Кения, расположенная к югу от Эфиопии и юго-западу от Сомали, в прошлом английская колония, обрела достаточно широкую известность в первые послевоенные годы, когда здесь развернулось

широкое национальное движение во главе с Д. Кениатой. Это движение было тесно связано с террористическими акциями общества Мау-мау, наводившими ужас на англичан. В 1953 г. движение Мау-мау было разгромлено, а Кениата оказался за решеткой. В 1960 г. страна обрела независимость, а ее президентом стал Кениата. В 1978 г. после его смерти страну возглавил Д. Мои. Однопартийная президентская система дала серьезные сбои при этом президенте: стала заметной коррупция, активизировалась оппозиция, требовавшая многопартийности. В 1990 г. Мои пошел на уступки и в конце 1991 г. объявил о введении многопартийной системы. Экономика страны по-прежнему в трудном положении, уровень жизни населения (ок. 25 млн. чел.) невысок, но на недавних выборах (1993) президентом вновь был избран Мои.

4. Уганда — государство к западу от Кении с населением 16—17 млн. чел. В 1962 г. оно обрело независимость и стало республикой с бывшим королем Буганды Мутесой II в качестве президента и М. Оботе в качестве премьера. В 1966 г. всю полноту власти взял Оботе, а конституция 1967 г. упразднила монархию в стране. В 1971 г. в результате военного переворота к власти пришел кровавый диктатор Иди Амин. Режим Амина был свергнут в 1979 г. при поддержке Танзании, а в 1980 г. одержавший победу на выборах Оботе вновь стал президентом. Военный переворот 1985 г. сместил Оботе; с 1986 г. страной руководит Й. Мусевени. Уганда — одно из немногих государств Африки, где достаточно длительное время, пусть с перерывами, действовала и действует многопартийная система. Хозяйство страны неразвитое, уровень жизни населения очень низок. Либерализация экономики на рубеже 80—90-х годов, однако, начала давать позитивные результаты (6—7% прироста в год).

5. Танзания, расположенная к югу от Кении и озера Виктория, была создана в 1964 г. в результате объединения независимой с 1961 г. Танганьики с островом Занзибар, получившим независимость в 1963 г. Это едва ли не единственный случай, когда такого рода объединение оказалось жизнеспособным. Население ок. 25 млн. чел. Танзания — президентская республика с весьма стабильной политической системой. Долгие годы президентом страны был Д. Ньерере, при котором предпринимались эксперименты, связанные с ориентацией на марксистско-социалистическую модель (национализация, кооперирование в стиле «уджамаа» и т. п.). Сменивший Ньерере в конце 80-х годов президент А.Х. Мвиньи склонен поддерживать принятую в 1986 г. программу экономического возрождения, связанную с либерализацией экономики и отходом от социалистических экспериментов.

6—7. Руанда (ок. 7 млн.) и **Бурунди** (ок. 5 млн. чел.) в 1908—1912 гг. были включены в состав германской Восточной Африки, с 1923 г. стали подмандатной территорией Бельгии, а в

1962 г.— соответственно независимыми республикой и монархией. Республиканская структура Руанди оказалась устойчивой. Бурунди, испытав ряд военных переворотов, тоже стала республикой. В обоих государствах — однопартийная система, экономика слабо развита, жизненный уровень низок.

8—12. Джибути (0,5 млн. населения), а также ряд островных государств — Реюньон (0,6 млн.), Сейшелы (0,07 млн.), Коморские острова (0,5 млн.), Маврикий (1,1 млн.) — являют собой небольшие независимые страны Восточной Африки, обретшие свою независимость сравнительно поздно, в 1968—1977 гг. (Реюньон остается в статусе заморского департамента Франции). Маврикий — многопартийная парламентарная республика, формально признающая главой государства английскую королеву. Джибути — однопартийная президентская республика. На Сейшельских островах переворот 1979 г. привел к власти партию, ориентировавшуюся на марксистско-социалистическую модель. На Коморских островах аналогичный переворот 1975 г. имел иную судьбу: очередной переворот 1978 г. вернул к власти правительство А. Абдаллаха, которое затем устойчиво управляло страной долгие годы. Общим для всех этих небольших государств являются их сравнительная молодость как независимых структур (это не относится к Реюньону), достаточно заметная степень политической стабильности и, кроме Джибути, отдаленность от материка, что в немалой мере сказывается на их судьбах. Существенно заметить, что на Коморах преобладают арабы, на Маврикии — индо-пакистанцы, на Сейшелах и в Реюньоне — креолы-христиане.

13. Мадагаскар, крупный остров к востоку от Африки, обрел свою независимость в 1960 г. Население — свыше 11 млн. чел. Вначале руководителем государства и правительства был лидер социал-демократов Ф. Циранана. Переворот 1972 г. привел к власти военных, в 1975 г. Верховный революционный совет во главе с Д. Рациракой взял курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Созданный советом Национальный фронт защиты революции объединил 7 политических партий, запретив деятельность остальных. Национализирована экономика, государственный сектор абсолютно преобладает. В начале 90-х годов власть Рацираки и его политический курс потерпели крах. В стране развернулось мощное оппозиционное движение.

* * *

Итак, среди 13 больших и мелких стран региона в четырех больших (Эфиопия, Сомали, Танзания и Мадагаскар) и по меньшей мере в двух остальных (Сейшелы, Коморы) были предприняты попытки развиваться по марксистско-социалистической модели, причем в трех случаях (Эфиопия, Танзания и Мадагаскар) это были

длительные эксперименты, исчисляемые десятилетиями. Столь же длительным эксперимент мог бы оказаться и в Сомали, если бы политическая конъюнктура не побудила С. Барре сменить взятую ранее ориентацию. И только в Уганде, да и то с перерывами, функционировала многопартийная система. Все крупные страны региона развиты слабо, имеют низкий уровень жизни. Только некоторые из островов (Маврикий, Реюньон и крохотные Сейшелы) выделяются на общем безрадостном фоне в лучшую сторону. С оговорками это же можно сказать о Джибути. Чуть выше, чем в других крупных странах региона, уровень жизни в политически сравнительно благополучной Кении.

Страны Южной Африки

Страны юга Африки, не говоря уже об ЮАР, несколько более развиты по сравнению со среднеафриканским уровнем. Но у многих из них свои проблемы.

1. Ангола, вчерашняя португальская колония (население — ок. 10 млн. чел.) обрела независимость в 1975 г., после крушения салазаровского режима в Португалии. Так как в предшествующие годы в стране уже существовали национально-освободительные движения различных ориентаций, то неудивительно, что после 1975 г. между ними началась борьба за власть. Ориентировавшаяся на марксистско-социалистическую модель развития группировка во главе с А. Нето с помощью СССР сумела одолеть противников и стать у власти, образовав правительство Народной Республики Ангола. Основная часть соперничавших группировок отступила на юг. Началась длительная война между правительством, на помощь которому были мобилизованы регулярные войска с Кубы, преимущественно из числа кубинских негров, и войсками оппозиционеров, возглавленных Ж. Савимби и опиравшихся на поддержку США и ЮАР. В некотором смысле Ангола в 70—80-х годах была своего рода полигоном, острой точкой соперничества великих держав, двух мировых сил. Вторая половина 80-х годов, прошедшая в СССР под знаком перестройки, медленно, но неуклонно изменяла ситуацию в Анголе в пользу антиправительственных сил, пока не было наконец в 1989—1991 гг. достигнуто соглашение о мирном урегулировании проблем Анголы. Кубинские войска были выведены из страны, великие державы отказались от активной поддержки воюющих сторон, встал вопрос о всеобщих выборах с участием всех политических сил Анголы. Выборы 1992 г. должны были поставить точку на военном этапе истории независимой Анголы. Однако результаты выборов не удовлетворили оппозиционеров (МПЛА), в стране сохраняется напряженность.

2. Мозамбик — еще одна португальская колония, обретшая независимость в 1975 г. и имеющая сходную с Анголой судьбу. Здесь

тоже власть оказалась в руках марксистски ориентированных лидеров национально-освободительного движения. Страна с населением ок. 15 млн. чел. на протяжении полутора десятков лет энергично шла по привычному для марксистско-социалистической модели развития пути национализации и насильственной кооперации в деревне. Прогрессирующее ухудшение экономического положения вызвало к жизни мощное движение сопротивления, опирающееся на национально-трибалистскую основу. Рубеж 80—90-х годов был ознаменован отказом руководства Мозамбика от многих из его первоначальных позиций. Руководитель правящей партии и президент страны Ж. Чиссано, сменивший в 1986 г. С. Машела, провел реформы, связанные с приватизацией экономики и отказом от насильственной кооперации. Положение в стране стало понемногу улучшаться.

3. Замбия, в прошлом Северная Родезия, расположена между Анголой и Мозамбиком (ок. 7,5 млн. чел.). В 50-х годах включенная в состав Федерации Родезии и Ньясаленда, она в 1964 г. была провозглашена независимой республикой, во главе которой стал один из местных лидеров партии Африканский национальный конгресс (АНК) К. Каунда. Конституция 1973 г. установила в стране однопартийную президентскую систему с правящей Объединенной партией национальной независимости, преемницей замбийской части АНК. При Национальном собрании страны была создана в качестве совещательного органа палата вождей, что способствовало политической стабилизации режима. Экономика была частично национализирована, но сохранила активные позиции частного капитала. Богатые природные ресурсы (в первую очередь медь) способствовали энергичному развитию смешанной экономики Замбии (6—8% годового прироста в среднем). В начале 90-х годов Каунда отказался от монополии на власть, объявив о переходе к многопартийной системе.

4. Малави, в прошлом Ньясаленд,— небольшая (ок. 8 млн. населения) республика к востоку от Замбии, расположенная вдоль западного побережья оз. Ньяса. Как и Замбия, она вначале была включена в Федерацию Родезии и Ньясаленда, а в 1964 г. стала независимой. По конституции 1971 г. в стране установлен президентский однопартийный режим с правящей Партией конгресса Малави, в прошлом малавийской частью АНК. Пожизненным президентом стал глава этой партии К. Банда. Как и Замбия, Малави демонстрирует политическую стабильность. Экономика страны развита слабо, но уходящая на заработки в ЮАР часть населения обеспечивает некоторый приток доходов в страну.

5. Зимбабве, в прошлом Южная Родезия, расположена к юго-востоку от Замбии, с населением ок. 9 млн. чел., включая заметную часть (ок. 100 тыс.) европейцев, прежде всего фермеров. Это одно из древних государств Африки (Мономотапа), колонизованное в конце прошлого века англичанами во главе с Сесилом Родсом. После

распада Федерации Родезии и Ньясаленда Южная Родезия в 1965 г. провозгласила независимость, причем во главе страны стал лидер партии белых поселенцев Родезийский фронт Я. Смит, опиравшийся на поддержку ЮАР. Против правительства Смита энергично выступили африканские национально-освободительные организации ЗАПУ (Союз африканского народа Зимбабве) во главе с Д. Нкомо и ЗАНУ (Африканский национальный союз Зимбабве) во главе с Р. Мугабе. Обе группировки были достаточно радикальны, с марксистско-социалистическим уклоном, но первая из них при этом пользовалась активной поддержкой СССР. В 1978 г. обе они вошли в Патриотический фронт, а в 1979 г. на переговорах в Лондоне между фронтом и правительством, в то время уже возглавлявшимся африканским епископом А. Музоревой, было достигнуто соглашение о будущем страны. На выборах в 1980 г. победил союз ЗАНУ и премьером страны стал Р. Мугабе; этот же выбор населения был подтвержден и в последующие годы. По итогам Лондонского соглашения 1980 г. и выработанной на нем конституции Зимбабве — многопартийная парламентарная республика, причем 20% мест в парламенте зарезервировано за европейцами. В верхней палате парламента была выделена квота для вождей. Политика разумных компромиссов Р. Мугабе за десятилетие с лишним принесла свои плоды. Не отказываясь от марксистско-социалистической ориентации в принципе, Мугабе в то же время поощряет частнособственническую экономику в сельском хозяйстве, включая европейских фермеров, да и следующих за ними африканцев. Аналогичная картина в промышленности. Уровень жизни населения по африканским меркам выше среднего.

6. Ботсвана, в прошлом Бечуаналенд, с населением 1,2 млн. чел.— небольшое, с 1960 г. независимое государство в пустыне Калахари, к югу и юго-западу от Замбии и Зимбабве. Многопартийная система с парламентом и президентом, сравнительно высокий для Африки уровень жизни населения, немалая часть которого выезжает на заработки в ЮАР.

7. Намибия (ок. 1,8 млн. чел., включая примерно 100 тыс. европейцев) до 1989 г. оставалась подмандатной территорией ЮАР и обрела независимость лишь несколько лет назад, в немалой степени в связи с достижением договоренности великих держав по проблемам Анголы, где базировались намибийцы, выступавшие за независимость страны под руководством СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) во главе с С. Нуйомой. Долгие десятилетия СВАПО вела борьбу за освобождение Намибии под знаменем марксистского социализма, но приход этой организации к власти в результате свободных выборов, проводившихся под контролем ООН, который совпал с мировым кризисом марксистского социализма на рубеже 80—90-х годов нашего века, многое изменил в лозунгах, политике,

да и стратегических установках СВАПО. Ныне руководство Намибии во главе с президентом Нуйомой действует в рамках многопартийной парламентской республики и явно отходит от прежней ориентации на марксистско-социалистическую модель развития.

8—9. Лесото (1,6 млн. чел.) и **Свазиленд** (0,7 млн.) — территориальные анклавы в ЮАР, формально независимые королевства соответственно с 1966 и 1968 гг. Лесото до военного переворота 1986 г. было многопартийным государством; многопартийная структура долгие годы была нормой и в Свазиленде. Оба королевства — их иногда именуют бантустанами,— будучи анклавами на территории ЮАР, сильно зависят от нее. Значительная часть населения уходит на заработки в ЮАР.

10. Южно-Африканская республика (ЮАР) — единственное на континенте современное развитое капиталистическое государство с многорасовым составом населения (из 36 млн. населения около 5 млн. белых, еще 4 млн.— так называемые цветные, т. е. мулаты, и выходцы из Азии). О возникновении его шла речь в предыдущей части работы. Надо заметить, что страх белого меньшинства потерять власть явился причиной жестких расовых ограничений, апартеида, долгие десятилетия бывшего зловещим символом ЮАР. Апартеид вызвал мощное национальное, даже расовое движение черного населения, основной поток которого был возглавлен АНК. Вооруженные отряды АНК одно время были серьезной силой, угрожавшей стабильности ЮАР и опиравшейся на активную поддержку окружающих ЮАР стран так называемой прифронтовой зоны. Ситуация стала заметно меняться после прихода в 1989 г. к власти правительства Ф. де Клерка, который выступил за достижения компромисса и создание государства без апартеида. Многие апартеидные запреты и ограничения были официально сняты уже в 1990 г., но психология апартеида, естественно, жива. Часть белого населения недовольна реформами. Не удовлетворены ими и радикалы из АНК, хотя Н. Мандела, выпущенный из тюрьмы, где он провел долгие годы, и ставший во главе этой организации, склонен к сотрудничеству с правительством де Клерка.

Обстановка в ЮАР сильно осложняется трибализмом, проявляющимся, в частности, в противостоянии многочисленной зулусской организации Инката и АНК. Это противостояние нередко выливается в кровавые межплеменные столкновения. Переговоры между АНК и Инкатой в 1991 г. сняли остроту разногласий, но не ликвидировали их. В целом важно констатировать, что начало 90-х годов прошло в ЮАР под знаком поиска и достижения компромисса, что внушает надежды на позитивное решение расовых и политических проблем в этой развитой и богатой стране Африки. Что касается экономики ЮАР, то уровень жизни здесь высок именно из-за ее развитости

(золото, алмазы, машиностроение, металлургия, химия, судостроение и т. п.).

Более высокий уровень жизни, чем где-либо еще в Африке, позволяет и черным жителям ЮАР обрести сравнительно высокий уровень жизни, получать образование, участвовать в работе многочисленных партий и общественных организаций, вырабатывать — что видно, в частности, на примере АНК — уже не племенное, а национальное самосознание (за АНК, по некоторым подсчетам, стоит 56% черного населения, представителей разных племен).

* * *

Итак, юг Африки — группа стран весьма своеобразного облика. Здесь и развитый промышленный многорасовый гигант ЮАР с крошечными бантустанами в нем, и явственно тяготеющие к нему и связанные с экономикой ЮАР небольшие государства Ботсвана, Намибия, частично и Малави. Здесь и уникальный эксперимент Р. Мугабе в Зимбабве, сочетающий умеренные марксистско-социалистические установки с трезвым и основанным на рыночных реалиях расчетом, что позволяет добиваться заметных успехов в развитии. Здесь и истощившие себя в междоусобных войнах под знаменем чистоты радикального марксистского социализма Ангола и Мозамбик.

В целом, учитывая оговорки относительно Зимбабве, юг Африки подтверждает выводы, сделанные при изложении ситуации в иных регионах Африки южнее Сахары: попытки развиваться по радикальной марксистско-социалистической модели ведут к краху экономики и острому внутреннему кризису; многопартийные режимы редки, как не часто встречается и политическая стабильность. Спецификой региона является вынужденная связь большинства его стран с ЮАР, что, в частности, способствует повышению жизненного уровня в этих странах.

В заключение несколько общих замечаний. Даже беглый взгляд на особенности истории сорока с лишним ныне независимых государств Африки за три десятка (а кое-где и меньше) лет существования их государственности позволяет сделать ряд наблюдений.

Первое из них: весьма многие из стран Африки к югу от Сахары при выборе пути склонились в сторону марксистско-социалистической модели, но, за редкими исключениями, каждое из которых имеет свое объяснение (Конго, Зимбабве), этот выбор привел их к кризису, даже к краху. В одних случаях это случилось достаточно скоро, в других заняло десятилетия, однако конец режимов подобного рода всюду был одинаков.

Второе: почти все политические режимы новых самостоятельных государств оказались внутренне слабыми. Это проявлялось в их политической нестабильности, в обилии военных переворотов. На этом фоне политически стабильные структуры, чаще всего в весьма небольших странах, выглядят пусть и благоприятным, но все же исключением из общей нормы.

Третье: политическая нестабильность чаще всего была связана с внутренними противоречиями, с трибалистскими конфликтами. Попытки преодолеть их вели обычно к ликвидации многопартийности, а выход противоречий на передний план совпадал с требованиями многопартийности. В результате демократия по-европейски (многопартийность) в Африке оказывалась элементом политической нестабильности, ибо возрождала трибалистские и сепаратистские тенденции.

Глава 2

Африка южнее Сахары: специфика этносоциополитической структуры

Даже в силу необходимости беглое, поверхностное знакомство с каждой из сорока с лишним стран неарабской Африки, точнее, с молодыми независимыми государствами, возникшими здесь после деколонизации, сразу же сталкивает с множеством проблем социального, политического, экономического, этнического и иного характера. Африка южнее Сахары в этом смысле — туго затянутый клубок проблем, анализ каждой из которых существен для оценки ситуации в целом.

Отсталость социальной структуры

Проблемы социальные среди них стоит вынести на передний план не потому, что они наиболее значимы, но из-за того, что социально-цивилизационная отсталость, как о том уже говорилось в третьей части работы, лежит в фундаменте современной Африки, являясь первопричиной всех остальных ее проблем, прежде всего сложностей ее независимого существования и развития. Африка южнее Сахары — в отличие от большинства стран Азии и даже от северной арабской части той же Африки — еще в недавнем прошлом была океаном первобытности и полупервобытности, морем этнических общностей, многие из которых еще не достигли в своем развитии уровня структурированного племени, т. е. устойчивых протогосударственных племенных образований во главе с вождями. Однако даже этот

уровень означал для африканцев доколониальной эпохи не более чем стандарт полупервобытности. Лишь в немногих ее регионах, в основном благодаря транзитной торговле и влиянию извне, складывались прото- и раннегосударственные образования чуть более высокого уровня. Но и они, как правило, были хрупки и существовали, за редкими исключениями, не слишком долго. К числу исключений можно отнести, например, Эфиопию, хотя и здесь требуются оговорки.

О причинах социально-политической отсталости тоже уже специально шла речь. Здесь же следует более детально рассмотреть формы социальной структуры, ибо именно эти формы определяют многое из того, что характерно для современной Африки. Основой социальной организации здесь были, как и повсюду, семья и община. Но и то, и другое были всегда опутаны огромным количеством иных социальных связей, начиная с родовых (патри- и матрилинейных) и кончая земляческими, половыми (мужские союзы), возрастными (возрастные классы) и т. п. Среди них едва ли не ведущую социальную роль издревле играли клановые связи, объединявшие друг с другом группы родственных по определенной, чаще всего по мужской линии семей, а также связи патронажно-клиентного типа.

Все эти связи в условиях привычной патриархально-первобытной жизни служили важному делу устойчивости общества. Они были элементом общей культуры отношений, регулировали эти отношения и обеспечивали стабильное их существование и воспроизводство. Каждый рождавшийся человек с малолетства хорошо знал свое место в этой не столь уж сложной социальной сети, возникавшей в результате переплетения связей различного типа. А так как упомянутая сеть была практически единственной, знакомой ему, ибо административно-политической системы в подавляющем большинстве африканских обществ просто не существовало (ее функции как раз и исполняла, причем достаточно успешно, сеть социальных связей), то неудивительно, что соответствующим образом формировался культурный стереотип и менталитет.

Дело в том, что все связи и вся их сеть в целом были не только знаками, обозначавшими место каждого в системе взаимоотношений: кому за кого выходить замуж или на ком жениться, от кого ждать помощи в случае беды, с кем в первую очередь объединяться в момент опасности и т. п. Значимость социальной сети была обширнее и весомее: она как бы навечно закрепляла *каждого среди своих.* Практически это означало, что от *своих* уйти нельзя, что каждый всегда и при любых обстоятельствах зависит от своих и связан с ними множеством жестко фиксированных стандартом нитей. Хорошо это или плохо — вопрос бессмысленный. Такого рода связь рождена условиями первобытной структуры и является фактом бытия, не-

рушимой и непререкаемой традицией, причем свойственной отнюдь не только африканцам. Об этих связях уже шла речь в первой части работы, где давался анализ древним обществам. Но там на этом не делалось акцента потому, что связи описываемого типа, постепенно трансформируясь под воздействием динамики политического и экономического развития, понемногу и достаточно гармонично на протяжении веков дополнялись, а затем и во многом замещались связями иного типа, свойственными развитому государству, и тем самым теряли свое первоначальное значение, обретая иную форму — форму социальных корпораций (община, клан, секта, цех, землячество, каста и др.), о месте которых в традиционном восточном обществе специально говорилось. Не то в Тропической Африке.

Здесь сильных государств не было, а потому и не возникали сотрудничавшие с властью социальные корпорации. Точнее, эти корпорации или потенциальные их зародыши как раз и переплелись в ту социальную сеть, о которой идет речь и которая выполняла функции и корпораций, и административно-политической власти одновременно. Но принципиальным отличием типичной для африканцев социальной сети как раз и является то, что определяет ее отсталость: она безразлична к надобщинным политическим административным отношениям и фиксирует незыблемость принципа «каждый прежде всего среди своих и для своих».

Казалось бы, что тут особенного?! Тем более, что нечто в этом роде можно встретить у многих народов мира — достаточно вспомнить, к примеру, о горцах Кавказа и о многих странах Азии. Но особенное все-таки есть, включая и степень силы упомянутой социальной сети, дающей много очков вперед даже спаянным традицией кровной мести социальным обязательствам тех же кавказских горцев. Это особенное в той роли, какую играют в Тропической Африке патронажно-клиентные отношения, в принципе хорошо знакомые и многим другим народам.

Вообще-то отношения патрон-клиент базируются на классических реципрокных связях. Но, будучи включены в сложную социальную сеть взаимных обязательств, они обретают новые и более жесткие очертания постоянных взаимоотношений между старшими и различными категориями младших. Старший по возрасту, по социальному положению, по счету в системе родства автоматически оказывается и более зажиточным, и обладающим авторитетом среди окружающих, и в конечном счете носителем власти. В процессе трибализации примитивных этнических общностей именно эти старшие становятся вождями и королями, главами племен. Но далеко не всегда за этим следует становление государственных административно-политических связей. Очень часто альтернативой их в африканских раннеполитических структурах оказываются именно

традиционные патронажно-клиентные отношения, включенные в привычную социальную сеть.

Суть отношений, о которых идет речь, сводится к тому, что каждый в рамках этой социальной структуры имеет свою строго определенную нишу, обусловленную многими жестко фиксированными параметрами. Соответственно своей нише каждый имеет право на строго определенную долю совокупного общественного пирога. Вся эта практика складывалась веками, освящена традицией и потому весьма прочна, закреплена в умах африканцев социопсихологическими стереотипами. Жить нужно и можно только и именно так — и не иначе. В этом суть стереотипов. И они, естественно, не могут не оказывать своего влияния на жизненные реалии. Особенно отчетливым это становится и проявляет себя, когда речь заходит о столкновениях интересов «своих» и «чужих». А такого рода столкновения в современной Африке на каждом шагу, если вспомнить о том количестве племен и племенных групп, которые обитают на обширных территориях Африки южнее Сахары и из причудливого конгломерата которых по прихоти судьбы составлены все современные африканские государства. Это вплотную сталкивает нас с проблемами этническими.

Этнические проблемы и трибализм

Этнические проблемы в Тропической Африке необычайно обострились именно после обретения новыми странами их государственности. За редкими исключениями типа воссоединения части Восточной Нигерии с Камеруном в результате плебисцита, этнические проблемы и нагнетание в связи с ними напряженности, а также все проявления этих проблем, имеющие в современной политологической лексике сводное наименование «трибализм»,— это стремление «наших» противопоставить себя «чужим» и добиться в чем-то лучших позиций и вообще жизненных условий, чем имеют другие. Иными словами, этнические проблемы сродни сепаратистским устремлениям, что при благоприятных условиях может вылиться в политический сепаратизм, как то случилось с Биафрой в Нигерии в конце 60-х годов, с Катангой (Шабой) в Заире в 60-х и снова в 70-х годах. Иногда этнические противопоставления усугубляются религиозным антагонизмом, однако в Африке южнее Сахары религиозные конфликты явно отступают на задний план перед этническими, может быть, из-за недостаточной эффективности и христианства, и ислама в этих странах (господствующая же здесь местная религиозная система, обычно неточно именуемая анимизмом, этнически нейтральна и потому не накладывает своего отпечатка на национальные конфликты).

Всего в Африке, по данным специалистов, насчитывается три — пять сотен этнических групп различного размера, от многомиллионных до весьма малочисленных. Каждая группа имеет свой язык — по языку они и классифицируются. Логично и понятно, что каждому этносу дорог свой язык, и это одна из важных причин (хотя и не единственная) того, что государственным языком в описываемых молодых государствах обычно становился не язык какого-либо из этносов, хотя бы численно преобладающего, но чужой язык, язык колониальной метрополии. Образованные люди, городское население (а оно численно и в процентном отношении очень быстро растет) говорят чаще всего по-английски, по-французски, по-португальски — в зависимости от того, чьей колонией была та или иная страна в прошлом. Впрочем, это немаловажное обстоятельство никак не исключает того, что вне пределов города и в домашних условиях в городах те же люди, как правило, говорят на родном языке, который является важнейшим для них этноидентифицирующим признаком.

Нормой едва ли не для всех молодых независимых африканских государств является то, что деревня остается этнически цельной, населенной данным племенем, его представителями, тогда как город, напротив, полиэтничен. Это, впрочем, никак не исключает того, что и в городе, особенно большом, приходящие из деревень новопоселенцы стремятся селиться земляческо-племенными коллективами, образуя соответствующие районы, микрорайоны или кварталы. Неудивительно в этой ситуации и то, что трибализм сильнее и жестче проявляет себя не в деревне, где соседние поселки, населенные разными этническими группами, вполне могут длительно и бесконфликтно сосуществовать (им, собственно, чаще всего нечего делить — у каждого своя земля, а то и своя природная ниша), но именно в городе, где этнические процессы и проблемы тесно переплетаются с политическими и экономическими.

Еще более очевидной этническая основа проявляет себя в тех случаях, когда в государстве разгорается внутренний конфликт. О сепаратистских конфликтах в этой связи уже упоминалось. Но ими одними дело отнюдь не ограничивается. Вспомним Анголу, где полтора десятилетия существования этого одного из наиболее молодых независимых государств Африки шла острая борьба между, казалось бы, двумя политическими группировками, ориентировавшимися соответственно на социализм и СССР, либо капитализм и помощь со стороны ЮАР, а также США. Если изменить уровень наблюдения и, оставив в стороне верхние эшелоны власти и высшие политические задачи, обратить внимание на тех, кто воевал, то окажется, что за Луандой и ее властями шли одни племенные группы, а за Савимби — другие, этнически близкие именно ему. И так в основном везде. И кровавый Иди Амин в Уганде опирался на поддержку своего племени и был изгнан из страны тогда, когда лидеры иных этнических групп

той же Уганды сумели, правда, с помощью соседей одолеть его и его сподвижников.

Трибализм — это своего рода знамя, символ современной Африки. Гордиться им не приходится, но и обойтись без него никто не может. В дни вооруженных конфликтов он выходит на передний план в его наиболее резкой форме, генетически восходящей все к тому же классическому и всем понятному членению на «наших» и «чужих». Но и в дни относительной стабильности он незримо присутствует в каждой из стран, накладывая свой весомый и очень заметный отпечаток на ее жизнь, в первую очередь политическую, хотя и не только. Стоит заметить, что лидеры африканских государств лучше других понимают это и со своей стороны делают все, чтобы держать трибализм в приемлемых рамках. Совсем обойтись без него они не в состоянии — на кого еще им опереться в трудную минуту, как не на своих? Ведь сколько-нибудь развитой и устоявшейся социально-классовой структуры ни в одном из молодых африканских государств, о которых идет речь, пока нет. Она, эта структура, в лучшем случае только формируется, да и то далеко не везде. Однако в то же время политические лидеры хорошо осознают, что ради достижения желанной стабильности необходимо держать трибализм и все связанные с ним племенные и иные предпочтения в определенных рамках. Как конкретно это достигается и в чем проявляется?

Трибализм и политическая власть

Прежде всего, на передний план выходят все те же патронажно-клиентные связи, вся та сеть традиционных социальных взаимоотношений, которая столь привычна для африканцев с их полупервобытным менталитетом. Можно сказать, что эта сеть не просто целиком переносится из деревни в город, но в условиях крупномасштабной городской жизни как бы заново воссоздается. Далеко не случайно один из африканских политологов как-то даже заметил, что трибализм в этом смысле является для Африки чем-то искусственным, заново созданным для нужд правящей элиты. При всей рискованности такого рода тезиса в целом, в нем немало от справедливой истины. Дело в том, что эта сеть приходит в город не просто с земляками того или иного из формирующихся политиков. Она действительно переносится и к тому же обрамляется новыми, еще более надежными скрепами.

Система личных связей формируется как за счет действительных родственников и соплеменников, которые приходят из родных мест в город и, естественно, оказываются клиентами своего добившегося сколько-нибудь заметных политических либо иных успехов соплеменника, становящегося их патроном, так и за счет адаптации различного рода аутсайдеров, почему-либо выпавших из собственной

кланово-племенной структуры случайных лиц, также изъявивших готовность стать клиентами влиятельного патрона. Возникает надежный социальный механизм на племенной (частично псевдоплеменной, адаптированной) основе, который является элементом все той же трибалистской практики. И чем выше на политической лестнице стоит патрон, тем мощнее его клиентелла, тем крепче и шире, разветвленней его опирающийся на родное племя клан. А все это в порядке обратной связи влияет на рост политических потенций патрона. И если мысленно представить себе, что такова в принципе социально-трибалистско-политическая структура в любом из независимых государств современной Тропической Африки, то мы и получим политическую администрацию, состоящую из ряда соперничающих влиятельных деятелей, каждый из которых опирается на свой клан, на своих клиентов и в конечном счете на свое племя. В крупных племенных группах может быть ряд аналогичных структур — скажем, по числу подразделений племени. Но в конечном счете главное состоит в том, что принцип создания политических структур и функционирования политической элиты именно таков.

Специалисты давно обращали внимание на то, что стоит кому-либо из политиков в той или иной африканской стране получить, скажем, министерский пост, как он тут же заполняет это министерство своей родней, соплеменниками. И это не только не удивительно (удивительным это может показаться лишь незнакомому с африканскими реалиями иностранцу), но, напротив, закономерно. Во-первых, потому, что традиционные нормы реципрокности и социальных связей вынуждают того из родни и соплеменников, кто поднялся по социально-политической лестнице выше других, позаботиться о своих ближних. И эти ближние в такого рода случаях не церемонятся. Они окружают преуспевшего родственника, объявляя себя его клиентами и законно требуя за это места, должности, вспомоществования и т. п. Во-вторых, клиенты такого рода — это и есть привычная в Африке социальная опора каждого высокопоставленного представителя элиты. И если ты получил министерство — оно *твое* в буквальном смысле этого слова. Ты не только можешь, ты обязан отдать должности в нем своим клиентам. Неважно, могут они выполнять при этом необходимые функции или нет. Гораздо важнее то, что это твои люди, на которых ты всегда можешь положиться.

Трибализм, обусловивший функционирование и даже господство подобного рода кланово-патронажных структурных ячеек в политической жизни едва ли не всех стран Африки*, оказал свое решающее воздействие и на выживаемость тех или иных форм политического

---

* Только в немногих из них структура подобного рода испытала определенную модернизацию, став чем-то вроде моноклановой, как в Кении, где политическое господство выходцев из племени кикуйю оказалось признанным другими этническими группами, добровольно выступающими в позиции младших партнеров.

режима в независимых странах Африки. Обратим внимание на два аспекта режима, на характер государства и проблему многопартийности. В современной Африке, как то видно из предыдущей главы, республиканская форма правления абсолютно доминирует. Правда, есть мелкие королевства типа Лесото и Свазиленда, временами тот или иной правитель типа Бокассы объявлял себя монархом, даже «императором». Но все это скорее карикатура, нежели норма. Нормой оказалась республика — и это при всем том, что Британия, одна из главных колониальных держав, была и формально остается ныне монархией; да и во всех африканских странах до колонизации и во времена колониальной зависимости всегда хватало, есть и сегодня немало королей и вождей с явно монархическим стилем существования и соответствующим менталитетом их племенного окружения. Причина видна невооруженным глазом и сродни тому, о чем уже говорилось в связи с упоминанием о государственном языке: любой вождь или король, став во главе нового государства, уже одним этим восстановил бы против себя все те племена, к которым он не принадлежит и по отношению к которым заведомо является чужим — со всеми вытекающими из этого негативными и политически дестабилизирующими последствиями. Отсюда логичный вывод: нужна не монархия, а республика; во главе страны должен быть не обожествленный несменяемый монарх, но избранный большинством сменяемый президент.

Президент в большинстве стран современной Африки — это не столько символизирующая государство политическая фигура, сколько фиксированный результат определенного общественного компромисса, баланса политических сил. Разумеется, бывают случаи, когда во главе того или иного государства оказывается выдающаяся личность, чьи деяния как бы возносят ее над племенными предпочтениями, выносят за скобки элементарных политических расчетов. Но это — своего рода выход за пределы нормы, пусть даже выход желанный и благотворный для страны, хотя и не всегда. Нормой же остается баланс сил, и это убедительно проявляет себя в тех случаях, когда на смену выдающейся личности в той же стране приходит обыкновенная.

Наряду с президентской практически во всех молодых государствах Африки принята парламентская форма правления. Парламенты во всех возможных модификациях — национальные собрания, палаты представителей, национальные ассамблеи, революционные советы, даже советы вождей, как демократически избранные, так и порой наспех скомплектованные, созданные по воле военных диктаторов,— неизбежная и немаловажная часть политической власти почти во всех африканских странах. У этих представительств может быть весьма разная доля власти, от почти полной до едва заметной консультативной, но всех их объединяет нечто общее: все они являются более или менее точным инструментом, отражающим совокупность

этнических групп данного социума, а также соотносительную силу и значимость каждой из упомянутых групп. Можно сказать и более определенно: парламентарное представительство такого типа, о котором идет речь, является необходимым условием нормального осуществления политической администрации в стране, без него сколько-нибудь эффективная власть вообще невозможна.

Казалось бы, все сказанное должно по логике вещей вести к практике политического плюрализма и к системе многопартийности. Многопартийность как таковая присуща любой нормальной парламентарной демократии. А уж Африке с ее групповыми интересами вроде бы сам бог велел быть многопартийной. Между тем на деле все не так. Многопартийность как политическая система не только не распространена, но и с трудом находит себе место в молодых странах. Даже напротив, практика показывает, что эта система вредна и деструктивна, во всяком случае на раннем этапе становления государственности. Нетрудно понять, в чем дело: партии в рамках той структуры и той социальной сети, которые уже были охарактеризованы, неизбежно и очень быстро становятся племенными. Вместо партий появляются хорошо политически организованные противостоящие друг другу мощные этнополитические организации, каждая из которых радеет за своих и претендует на максимум власти и влияния. В любой стране, где подобное происходило, дело шло, как правило, к дезинтеграции и политической нестабильности и обычно завершалось военным переворотом и запретом на деятельность партий. Правда, военные режимы с их однопартийными организациями типа народных фронтов тоже на практике оказывались малоэффективными и обычно бывали нестабильными. Но одно преимущество таких режимов, как и функционально родственных им революционных, марксистски ориентированных, несомненно: это стремление и практическая возможность собрать под национально-революционными лозунгами все население страны, отодвинув на задний план этнические предпочтения и своекорыстные цели групп. Как правило, программы фронтов и общенациональных правящих партий крайне расплывчаты, как размыты сами эти организации по их внутренней структуре (в некоторые из них автоматически включается все взрослое население страны). Но свое дело они делают. Впрочем, здесь необходимы оговорки и дополнительные пояснения.

Парламентарная демократия и реалии африканских стран

Совершенно очевидно, что принятая практически всеми деколонизованными странами система парламентарных режимов с президентской властью и демократическими выборами, пусть даже не регулярными и далеко не всегда истинно демократическими,— это

историческая неизбежность. Никакой иной системы власти молодые страны изобрести не могли, а принятая ими была хороша не только тем, что соответствовала этническому плюрализму в каждой из вновь возникших стран, но также и тем, что была неплохо известна и отработана веками в парламентской традиции Европы. С этой традицией была знакома получившая образование в метрополии правящая элита, которая, собственно, тот или иной политический режим и создавала, начиная с выработки (с помощью колониальной администрации или под ее влиянием) конституции. Но одно дело — респектабельная внешняя форма демократической президентско-парламентарной республики и нечто совершенно иное — наполняющие эту форму жизненные реалии.

Совершенно очевидно, что реалии африканских стран не соответствовали принятой ими политической форме, во всяком случае в том смысле, что все тонкости процедуры и хитросплетения разделения властей — а на этом стоит любая развитая демократическая система власти — были чужды массе электората. Люди привычно шли за своими и голосовали за своих. Это характерно не только для Африки, но и для всего Востока, даже и для Латинской Америки, т. е. встречается практически везде, куда демократия была привнесена извне и где тысячелетиями до того господствовали привычные нормы командно-административной системы. Но специфика Африки в том, что в ней не была развита даже эта самая командно-административная система. Альтернативой ее была уже упоминавшаяся социальная сеть, вписанная в привычную форму этноцентризма. И потому демократический плюрализм естественно и однозначно принимал облик полиэтнической дезинтеграции и способствовал дестабилизации.

Однако отказ от политического плюрализма, ставший почти нормой в странах Тропической Африки, где многопартийность вначале решительно не привилась, имел свои существенные недостатки. Главными из них были даже не деспотизм и произвол власти — к этому на Востоке привыкли издревле,— а то, что оппозиция лишалась голоса. Иными словами, немалая часть этнических групп оказывалась как бы отодвинутой от рычагов власти. Разумеется, им всегда предлагалась определенная доля формального соучастия в отправлении власти в пределах народного фронта либо правящей партии. Но эта доля низводила оппозиционные группы на уровень несамостоятельных младших партнеров, что обычно рождало чувство неудовлетворенности, а то и обиды. Отсюда — мощные взрывы недовольства, которые проявлялись то в сепаратистских выступлениях, а то и в открытом противостоянии претенденту на диктаторскую власть или очередному диктатору. Вспомним события в Чаде в 70—80-х годах, когда за мощными политическими группировками Г. Уэддея и Х. Хабре при всем различии их политической ориентации (с опорой соответственно

на Францию и Ливию) стояли все те же племенные разногласия, все тот же привычный и всесильный трибализм. И это не только не удивительно, а закономерно и естественно, ибо иной надежной социальной опоры у представителей власти в молодых африканских государствах просто не было и пока еще нет.

Словом, недовольные оппозиционеры в рамках однопартийной системы обычно накапливают недовольство, которое ищет выхода и проявляется обычно тогда, когда однопартийная власть входит в состояние кризиса. Кризис же как таковой для этой формы власти неизбежен примерно так же, как неизбежно наступление дня после ночи. Дело в том, что за однопартийной и тем более диктаторской (революционной, марксистской, народной и т. п.) властью, как правило, следуют по пятам такие хорошо знакомые командно-административной системе явления, как непотизм, коррупция, неэффективность экономики, особенно государственного сектора (а стремление усилить этот сектор жизненно связано с однопартийной формой власти, отнюдь даже не обязательно в ее марксистско-социалистическом варианте), инфляция и т. д. Ведь слабость создаваемой диктаторским режимом административной системы как раз в том, что она не институционализирована, что она вынуждена вписываться в те реалии, которые у нее есть. А это значит, что министерства заполняются чиновниками по кланово-трибалистскому признаку, что администрация неумела, чиновники берут взятки и воруют, сколько могут, не видя в этом даже криминала: если тебе досталось право распоряжаться общим достоянием, то как не взять себе солидную его часть?! Это значит, что частнособственнический сектор экономики находится в подчиненном, зависимом от чиновников положении, что процветает коррупция, растут цены и инфляция и т. п.

Это, собственно, и есть кризис. Кризис ведет к ослаблению и дестабилизации власти. Вот здесь-то и наступает час оппозиции, представители которой выходят на улицу с требованиями многопартийности, плюрализма, приватизации и либерализации экономики. И нередко добиваются требуемого. Наступает период многопартийности, у которого свои уже описанные слабости и который, в свою очередь, ведет к дестабилизации и ослаблению власти. И снова переворот, чаще всего военный, ведущий к новому витку однопартийности, диктаторского по сути режима.

Бывают, разумеется, варианты, в том числе связанные с тем, что у власти в стране оказывается на долгие годы, десятилетия влиятельный выдающийся деятель, пользующийся всеобщим уважением и признанием и потому обретающий возможность соединить в своем лице разноречивые тенденции и выступить в качестве верховного медиатора. Это способствует стабильности структуры, будь то Сенегал при Сенгоре, Танзания времен Ньерере или Заир под властью Мобуту. Однако в большинстве случаев ситуация именно такова:

правящие однопартийные режимы, погрязая в коррупции, рушатся под давлением оппозиции, а многопартийные режимы, приходящие им на смену, не выдерживают испытания властью, следствием чего являются военные перевороты, снова ведущие к однопартийности.

За последние годы все чаще раздаются голоса, смысл которых сводится к тому, что в рамках многопартийных режимов следует вводить конституционные ограничения, запрещающие создание партий на моноплеменной основе. Может быть, на новом этапе существования независимых стран Африки это будет иметь шансы на осуществление и как-то повлияет на политическую реальность. Но это в лучшем случае дело будущего. Пока же ситуация в основном остается именно такой, как она выше была описана, пусть с исключениями и вариантами. В политическом цикле, характерном для развития большинства стран Тропической Африки в период их независимости, остался пока без специального внимания один аспект— тот, что связан с военными переворотами и вообще с ролью военных и войн в современной Африке.

Политика и военные

Независимое государство должно иметь свою армию. Армия, как на то обращал внимание специально исследовавший эту проблему Г. Мирский, едва ли не единственная структура, которая не создается и не может создаваться в полиэтническом государстве по племенному признаку. Это не значит, что в рядах офицерского корпуса не существует клановых и земляческих связей, патронажно-клиентных отношений. Но это означает, что армейская структура как таковая неэтнична и потому в наименьшей степени поддается трибалистским настроениям. Поэтому армия в современных африканских странах являет собой хорошо организованную и как бы стоящую над этническими интересами типично государственную структуру, к тому же имеющую немалую внутреннюю силу и соответствующий авторитет. Армия обычно хорошо вооружена, базируется чаще всего на профессиональной основе и потому хорошо оплачивается. Быть военным, кроме всего, престижно, ибо открывает потенциально для каждого путь наверх, в правящую элиту, а то и непосредственно к власти.

Кризисная ситуация, вызываемая многими причинами (политические описаны выше, об экономических речь пойдет в следующей главе), подчас приводит не только к дестабилизации и слабости власти, но и просто к вакууму власти. Этот вакуум требует своего заполнения — и именно тогда наступает время армии. Генералы, офицеры, а то и сержанты во главе военных подразделений выступают на передний план и с завидной легкостью берут власть, объявляя себя правителями страны. Некоторые из них после этого

укрепляются в правящих кругах, проявляя себя умелыми политиками, другие быстро сходят на нет, подчас уступая место более удачливым и напористым своим сотоварищам. Но в принципе ситуация очевидна: военные становятся у власти, наводя при этом армейскую дисциплину и порядок. Военные перевороты способствуют стабилизации власти после кризиса, это несомненно. И в этом смысле они часто играют позитивную роль, являясь своего рода санитарами, оздоровляющими обстановку в целом. Однако этим, как правило, их роль и ограничивается. Управлять страной в армейской форме с автоматом наперевес практически невозможно. Поэтому либо военные снимают форму и баллотируются на очередных объявленных ими же выборах в президенты, что нередко бывало во многих странах, как крупных типа Нигерии, так и небольших, будь то Того или ЦАР, либо, что реже, они вновь уступают место гражданским правителям, как то случилось в Гане в 1979 г.

В обоих случаях армия вскоре после переворота уходит в казармы и как бы дистанцируется от носителей власти. Власть же ведет себя как обычная власть, более всего склонная, особенно после кризиса и переворота, к введению сравнительно жесткого однопартийного режима, нередко усиленного революционной фразеологией. После этого динамика политического развития идет своим чередом, со всеми теми этапами, о которых уже говорилось.

Обращает на себя внимание то немаловажное обстоятельство, что роль военных в современной Африке южнее Сахары наиболее выявляется именно в политических переворотах. Реже она проявляет себя на поле брани. Если не считать не слишком большого числа внутренних войн и сепаратистских выступлений, пусть даже чреватых миллионами жертв (для сорока с лишком полиэтнических государств с неустоявшейся системой власти считанные серьезные конфликты в Анголе, Мозамбике, Нигерии, Заире, Чаде, Эфиопии — это в общем-то немного), то межгосударственные конфликты, особенно с применением военной силы, здесь редки. Это конфликт Сомали с Эфиопией, военные действия намибийских партизан за освобождение Намибии, конфликт Чада с Ливией, вмешательство Танзании в дела Уганды в годы правления там диктатора Иди Амина. Пожалуй, почти все. Даже если в перечне опущены кое-какие другие небольшие войны, это не влияет на общий вывод: межгосударственных военных столкновений на огромном континенте было мало. И вообще, как то ни покажется странным, почти нет пограничных проблем, взаимных претензий(кроме разве что претензий на создание Великого Сомали, завершившихся полным крахом). Все как бы удовлетворены тем, что имеют. Видимо, отсутствие существенных и осознанных национально-территориальных притязаний — результат все той же инфантильности политических структур, племенной дробности и отсутствия исторических споров в прошлом между не существовавшими ранее

государствами. В принципе это весьма позитивный фактор. Правда, нет уверенности, что он и впредь будет постоянно действующим.

Как показывают специальные исследования, Африка в целом весьма быстрыми темпами вооружается, закупает оружие, а в некоторых ее странах, во многом благодаря советской помощи, численность вооруженных сил достигла уровня, сопоставимого с уровнем богатых, развитых и могущих себе такое позволить стран. Это внушает определенные опасения за будущее. Но пока что ситуация в военном плане спокойная. Создается впечатление, что африканцы удовлетворены обретенной ими независимостью в тех рамках, какие были посланы судьбой. Они ценят свое и, как правило, не притязают на чужое, пусть даже родственное им в языковом и этническом плане. Не встает и проблема мирного соединения соседних стран. Если не считать соединения Занзибара с Танганьикой, добровольно объединившихся еще в 1964 г., никто больше такого рода проектов не выдвигал. Зато сепаратистские выступления подавляются жестко и бескомпромиссно. Словом, случайные границы уважаются и, похоже, обретают стандарты политической вечности. Причем делается это не столько за счет пограничных шлагбаумов с армейскими вооруженными заставами, сколько за счет взаимного уважения к границам, своим и соседей.

Проблема расизма и поиск самоидентичности

Специфика жизненных реалий, искажающая облик парламентарной демократии и во многом превращающая режим африканских стран в псевдодемократии, имеет еще один важный аспект, с которым, как правило, не сталкиваются народы иных современных государств Востока. Это расовая проблема. Правда, в подавляющем большинстве африканских государств этой проблемы внешне как бы и нет по той простой причине, что инорасовые вкрапления в них малы, а немногочисленная колония европейцев обычно ведет себя в этом смысле не только осторожно, но даже и подчеркнуто лояльно по отношению к местному негритянскому населению. Но это только внешне. Внутренне любая из стран, о которых идет речь, ощущает свою неполноценность по отношению к развитым странам европейского или американского Запада. И хотя эта неполноценность имеет цивилизационные, технологические, экономические, культурные и прочие корни, подспудно она неизбежно как бы опрокидывается на неравенство расовое. Другими словами, образованные слои местного населения (о прочих речи нет, ибо они над этими проблемами в абстрактном плане не задумываются, а в реальной жизни с ними редко сталкиваются) в той или иной степени почти всегда затронуты комплексом расовой неполноценности.

Этот комплекс после достижения независимости усилился и нашел свое проявление в теории в форме концепций типа негритюда, смысл которых в том, чтобы подчеркнуть расовое достоинство, даже превосходство негритянской расы. Концепция эта, детально разработанная Л. Сенгором, получила достаточно широкое распространение, хотя и не была принята всеми. Характерна в этом плане реплика знаменитого африканского писателя, нобелевского лауреата нигерийца В. Шойинка, смысл которой в том, что тигр не провозглашает тигритюд, он просто прыгает. Реплика явно призвана погасить комплекс расовой неполноценности не за счет выпячивания мнимых достоинств своей расы, но за счет признания и трезвого учета своих потенций.

Иная формула преодоления комплекса, о котором идет речь,— в призыве к самоидентичности. Наиболее отчетливо эта политика проводится в Заире усилиями прежде всего самого президента маршала (едва ли не единственный маршал в негритянских странах Африки) Мобуту. Мобутизм как доктрина, претендующая на изложение основ национальной самобытности заирцев, исходит из того, что африканский путь самобытен и тем ценен, что необходимо максимально сохранять эту самобытность (для чего Мобуту, в частности, переименовал все европейские названия в стране), культивируя ее всеми средствами, прежде всего с помощью национального телевидения. Самобытным, чисто африканским политическим принципом (в этом маршал не ошибся) был провозглашен и однопартийный режим власти в стране. Другим аналогичным самобытным принципом был обозначен факт сосредоточения всей власти в руках полуобожествленного правителя-президента, не только теоретика, но и пророка африканцев. В менее яркой и претенциозной форме с проповедью аналогичной самобытности выступали и другие руководители африканских стран, в частности президент республики Кот-д'Ивуар Ф. Уфуэ-Буаньи, также прибегающий для пропаганды своих идей к помощи телевидения.

Но если в большинстве стран Африки расизм и внутренняя потребность преодолеть связанный с этим комплекс неполноценности проявляются в общем в почти невинной форме негритюда или стремления к самоидентичности, то совершенно иначе обстоит дело с этим в тех странах, где из-за наличия заметных инорасовых прослоек расовая проблема реально ощутима, а то и крайне остра. Речь идет прежде всего о Зимбабве и ЮАР. В Зимбабве с ее сотней тысяч европейцев-предпринимателей, в основном богатых фермеров, дающих товарную продукцию, расовая проблема в свое время выразилась в нежелании правительства Я. Смита отдавать власть африканцам. Трудные поиски выхода, вначале решавшиеся было попыткой создать невыносимые условия для европейцев с целью заставить их покинуть страну, в конечном счете дали оптимальный итог: Лондонские соглашения 1979 г. сохранили европейцев в Зимбаб-

ве, чему страна в немалой мере обязана своими экономическими успехами, и нашли разумный баланс интересов, смягчив расовую проблему.

Иное дело — ЮАР. Здесь долгие десятилетия власть белого меньшинства была абсолютной, и только в самые последние годы ситуация стала заметно изменяться. Апартеид благодаря мудрой политике де Клерка уходит в прошлое, пусть не без сопротивления консерваторов из числа белых. Но каким будет компромисс? Ведь расовые проблемы в ЮАР тесно переплетаются с политическими, а радикальная репутация крупнейшей партии негритянского населения АНК никак не способствует легкому решению проблемы. Сумеют ли лидеры белого, черного и цветного населения найти компромисс, способный обеспечить разумный баланс в стиле того же Зимбабве? Вопрос неясен, и только будущее покажет, как пойдут в этом смысле дела. Одно несомненно: расовая проблема в ЮАР, в отличие от иных африканских стран, отнюдь не сводится к внутреннему комплексу неполноценности и к поискам его нейтрализации. В ЮАР все много серьезнее, ибо там расовые противоречия, даже антагонизмы еще вчера имели крайне жесткую, бесчеловечную форму, да и сегодня остаются весьма острыми.

Глава 3

Африка южнее Сахары: экономика и ориентация в развитии

Несовершенство политической системы, нестабильность власти и свойственные новоявленному примитивно-бюрократическому режиму административные пороки, такие, как непотизм, коррупция, злоупотребление служебным положением, неумение эффективно управлять и т. п.,— все это явилось в африканских странах следствием не только отсталой сети социальных связей и отсутствия сколько-нибудь развитой политической структуры, но также и отсталости экономического развития, низкого уровня образовательной и специальной подготовки тех, кто оказывался причастен к управлению. Все это следует считать естественным в молодых государствах, быстрыми темпами структурировавшихся на базе полупервобытности, пусть даже и обогащенной несколькими десятилетиями практики колониальной администрации. Но молодые африканские государства стремились как можно быстрее преодолеть свою вопиющую отсталость. А для этого следовало решить прежде всего две основные проблемы, экономическую и социокультурную. Первая сводилась к организации управления хозяйством и развитию экономического потенциала страны. Вторая — к решению проблем образования населения и подготовки квалифицированных работников. Обе они в конкретных условиях

современной негритянской Африки могли решаться лишь при активном содействии и участии государства, административной власти. Это, разумеется, тоже наложило свой заметный отпечаток как на характер власти, так и на выбор пути развития.

Ресурсы и экономический потенциал

Природными ресурсами Южная и Тропическая Африка не обделена. Медь и золото, нефть и алмазы, бокситы и фосфаты, да и многое другое обильно представлены в ее недрах и уже давно и в немалых количествах добываются. Но добычей полезных ископаемых заняты преимущественно иностранные компании или — если иметь в виду ЮАР — те, что основаны некоренным населением. Разумеется, при этом для работы в шахтах, на нефтепромыслах и в иных предприятиях привлекаются как раз коренные жители, африканцы. А в таких странах, как ЮАР, где промышленность хорошо развита и существует огромное число неплохо оплачиваемых рабочих мест, немалое количество работающих составляют так называемые отходники, т. е. мигранты из соседних африканских стран.

О ЮАР особо говорить не приходится. Это высокоразвитая современная держава с высоким уровнем жизни, причем высоким для представителей всех рас, хотя при этом важно оговориться, что представители белой расы в этой стране апартеида до последнего времени получали за ту же работу в несколько раз больше африканцев. Впрочем, стоит заметить, что уровень зарплаты африканца в этой стране выше, чем в других. Но не только ЮАР, а и многие другие страны все активнее и результативнее разрабатывают богатства своих недр.

Успешно качают нефть Нигерия, Конго и Габон. Маленький Габон практически за счет нефти обеспечивает своим немногочисленным жителям сказочный, невероятный по африканским стандартам уровень жизни — средний ежегодный доход на душу населения равен здесь 3 тыс. долл. Нигерия и Конго тоже за счет нефти не только сводят концы с концами, но и добиваются ощутимых успехов как в темпах годового экономического прироста, так и в доходах на душу населения, хотя Нигерия многонаселенна, а Конго долгие годы истощалось экспериментом в марксистско-социалистическом духе. Богата цветными металлами, а также и нефтью Замбия, причем для активной промышленной разработки ресурсов в этой стране создана хорошая энергетическая база. Отсюда сравнительно высокие темпы экономического роста, хотя при этом уровень жизни достаточно скромен. К числу стран со сравнительно развитой промышленностью обычно относят также Заир с его индустриальным центром в Катанге (медь, кобальт, цинк и пр. металлы), но при этом с весьма низким уровнем жизни населения, Намибию (медь, цинк, урановые руды,

алмазы), Ботсвану (алмазы, цветные металлы) с ее сравнительно высоким уровнем жизни населения, Либерию (железная руда, алмазы).

Ценными ресурсами справедливо считаются и растительные. Так, богата красным деревом республика Кот-д'Ивуар, Гана экспортирует какао-бобы, Кения — кофе и чай, Камерун — какао-бобы, кофе и каучук, Сенегал — арахис, Мозамбик — кешью. И хотя по уровню благосостояния перечисленные страны, как правило, уступают тем, в которых имеется сравнительно развитая промышленность, на общем фоне остальных стран Африки они все же выделяются в лучшую сторону (кроме разве что Мозамбика, обессиленного длительной войной и рискованными социальными экспериментами). Неплохо зарабатывают экспортом собственных ресурсов также небольшие островные государства, в первую очередь Реюньон (ваниль, гвоздика, табак, сахар), а также Сейшелы (рыба и копра), Маврикий (сахар, чай). Достаточно развитым на общем фоне выглядит и королевство Свазиленд с его почти 700 долл. годового дохода на душу населения (сахар, табак, хлопок, цитрусовые).

Как легко заметить из вышеизложенного, экономический потенциал сравнительно развитых африканских стран измеряется природными ресурсами. Есть ресурсы —их разрабатывают и экспортируют, за счет чего и повышается уровень жизни населения. Нет ресурсов — страна, естественно, лишена возможностей для экспорта и оказывается отсталой, нищей. Более того, общие темпы экономического роста Африки в целом за последние десятилетия (приблизительно 5% в год в 70-х и 3—4% в 80-х годах) достигались в основном тоже за счет добывающей промышленности, наращивания экспортного производства. В принципе это вполне нормальный путь экономического развития слаборазвитого государства. Проблема в том, что для большей части новых государств Африки такой возможности просто не было. В этом случае должен встать вопрос об альтернативном развитии. Но где было искать альтернативу? Для стран Тропической Африки с их полупервобытной социальной структурой и соответствующим уровнем социокультурного стандарта, цивилизованности альтернативы практически не было. Вот она, жестокая закономерность современных африканских реалий: нет ресурсов — нет развития. И далеко не случайно 28 стран Тропической Африки вошли в число 42 самых отсталых стран мира по классификации специализированных организаций ООН, как не случаен и тот показательный факт, что совокупный валовой продукт полусотни африканских стран за год в конце 80-х годов оказался равным примерно 150 млрд. долл., что соизмеримо с аналогичным продуктом одной Бельгии.

Если говорить экономическим языком, все перечисленные печальные факты означают одно: среди экономического потенциала новых государств Африки нет главной его составной части, без которой

процветание в современном смысле невозможно,— нет подготовленного к производительному труду работника. Во всяком случае, во многих странах Африки таких работников в сколько-нибудь достаточном количестве пока еще нет. Имеются в виду как работники, имеющие навыки и квалификацию для регулярного труда на современных промышленных предприятиях, промыслах, плантациях, так и те работники преимущественно городского типа, которые могли бы взять на свои плечи всю массу необходимой работы по налаживанию современной инфраструктуры,— речь идет прежде всего о торговле, бытовом обслуживании, мелком и частично среднем предпринимательстве.

Грех обвинять в этом недостатке самих африканцев, ибо это не их вина, а их беда. Но тем не менее в этом — корень зла. В чем же конкретно все это проявляется? И как эта проблема сегодня решается?

Государство и экономика

Пути решения различны, но в конечном счете почти все они так или иначе упираются в государство, в проводимую им экономическую политику, в ориентацию на ту или иную модель развития. Далеко не случаен при этом тот знаменательный факт, что едва ли не половина из новых государств Африки отдала дань марксистско-социалистическим экспериментам. О пагубности этой дани еще будет идти речь ниже в специальной главе. Пока же заметим, что причиной ее было то, что в странах, претендовавших на реализацию идей «научного» социализма, осуществлялась суперцентрализация власти при лишении населения практически всех прав и свобод и превращении его в трудовую армию, что во многом отвечало реалиям стран с отсталой экономикой и неразвитым общественным сознанием. Руководителям соответствующих государств казалось, что путем небольших усилий, не меняя коренным образом привычной структуры и при сохранении привычных норм бытия можно за счет энтузиазма и организации сконцентрировать трудовую мощь населения и таким образом решить проблему отсталости. Увы, практика показала, что расчет этот был неверен в самой своей основе. Просчет был в том, что такими методами свободную рыночную экономику не создать. Что же касается несвободной хозяйственной системы, основанной на известных с древности нормативах власти-собственности и централизованной редистрибуции, командно-административной системы управления, то для ее формирования нужны, как показывает история, столетия и тысячелетия, не говоря уже о скромных ее возможностях с точки зрения современных темпов и качества развития.

Если же учесть стартовый полупервобытный, а то и вовсе первобытный уровень, с которого многим из числа отсталых стран Африки

приходилось начинать, то станет совершенно понятным, почему марксистско-социалистическая модель с ее откровенным акцентом на коллективизм и эгалитаризм в потреблении (нормы, близкие полупервобытности и первобытности) и неприятием частной собственности и свободного рынка, в основе своей неведомых и африканскому населению, оказалась не просто экономически неэффективной, но и явственно ведшей в тупик. Социалистические марксистские лозунги подчас с энтузиазмом подхватывались массами и создавали иллюзию как в верхах, так и в низах. Но иллюзия не могла превратиться в реальность, так что рано или поздно трезвая реальность вынуждала правительства соответствующих стран отказываться от ведшего в никуда пути и возвращаться на иной, рыночно-капиталистический.

Не был устлан розами и этот путь. Для тех стран, кто вернулся на него после эксперимента с социализмом, многое оказалось упущенным, прежде всего темп. Достаточно привести в качестве примера Гвинею, раньше и активнее многих вступившую уже в 1960 г. под руководством Секу Туре на путь марксистского эксперимента. Владея $^2/_3$ мировых запасов бокситов, эта небольшая страна могла бы только за этот счет стать вровень с теми, кто мудро распорядился своими ресурсами. Но национализация львиной доли промышленности, включая горнодобывающую, воспрепятствовала этому. Отсюда и результат: уровень жизни крайне низок, экономика неэффективна. Реформа 1986 г. с курсом на приватизацию промышленности и активизацию иностранного капитала привела к улучшению положения, но время было безвозвратно утеряно. Однако не слишком многим лучше положение тех стран, кто с самого начала прочно встал на путь капиталистического рыночного развития.

Конечно, умелая эксплуатация ресурсов дала тем, у кого эти ресурсы были, много очков, о чем уже упоминалось. Но тем, у кого их не было или было мало, этот фактор помочь не мог. Нужно было опираться на собственные силы и возможности. А их-то как раз и нехватало. И здесь тоже было вынуждено выходить на передний план государство. Экономически неэффективные, но крайне нужные для развития страны производства государство брало на себя, национализировало (не из принципа, как в марксистском эксперименте Секу Туре, а в силу необходимости), что сразу же вело к усугублению упомянутой экономической неэффективности, отягощенной к тому же коррупцией и злоупотреблениями администрации. Разумеется, при этом государство обычно проводило политику стимулирования частного предпринимательства и мелкого рыночного хозяйства (о крупном, естественно, речи не было, если не считать, что государственные предприятия наряду с иностранными были субъектами мирового рынка). Но втягивание местного населения даже в мелкое рыночное хозяйство с акцентом на развитие предприниматель-

ства требовало времени и усилий, а потому долго не могло дать необходимого эффекта.

Следует еще раз напомнить, что для абсолютного большинства стран, о которых идет речь,— практически для всех них, кроме разве что ЮАР,— характерен необычайно низкий уровень производительности и культуры производительного труда. Это и неудивительно, скорее закономерно, если учесть исходный уровень работников. Повышение качества труда — дело медленное, требующее кроме терпения и настойчивости еще и условий. Условия же в данном случае сводятся к тому, чтобы обеспечить все возрастающее, причем весьма быстрыми темпами, городское население подходящими для него рабочими местами. Только обеспечение этими рабочими местами, т. е. строительство, в первую очередь, промышленных предприятий, как и инфраструктуры, способно необходимым образом дисциплинировать и цивилизовать массы прибывающих в города выходцев из общинной деревни, из привычного доиндустриального племенного быта.

Специальное исследование проблем развития мелкого и среднего предпринимательства в современных молодых государствах Африки показало, что в последние годы в этом деле произошел своего рода поворот, т. е. что все большее количество частнособственнических предприятий, в большинстве своем мелких, практически индивидуальных, появляется в экономике и на рынке африканского континента. Это обнадеживающий признак, даже если принять во внимание, что многие из такого рода предприятий еще далеки от того, чтобы уподобиться современным рыночным фирмам, ибо несут на себе заметный отпечаток привычных старых форм торговли или ремесленного производства. Дело в том, что путь к рынку тем сложнее, чем с более низкого уровня экономического существования населения он начинается. Ниже африканского этот уровень едва ли еще где-либо можно встретить. Поэтому тенденция к развитию рынка и некоторому его насыщению за счет самодеятельного африканского населения — факт отрадный и заслуживающий внимания.

Этот факт заслуживает внимания прежде всего в том плане, что он свидетельствует о массовом выходе на рынок мелкого местного предпринимателя. Только такой предприниматель может если не насытить рынок — это с успехом делают и без него, в основном зарубежные фирмы,— то хотя бы освоить, сделать его своим для масс местного населения. А от такого рода освоения рынка и вообще рыночного хозяйства местным населением и зависит в конечном счете будущее национальной экономики каждой из новых современных стран Африки. Иными словами, экономический успех, успех в развитии станет заметен в Африке южнее Сахары тогда, когда место

предприниматели. Пока до этого, увы, еще далеко. И обусловлено это многими причинами. Частично о них уже шла речь. Обратим теперь внимание на социокультурный аспект проблемы.

Социокультурные стандарты и ориентиры

Как и во многих развивающихся странах, в отсталых странах Африки — а в интересующем нас аспекте они все могут быть отнесены именно к такой категории — наивысшим социальным престижем пользуется причастность к власти. Или, точнее, место служащего в государственном учреждении. А так как вследствие огромной роли государства не только в политической администрации, но и в хозяйстве страны государственных учреждений в городах достаточно много, то весь вопрос сводится к тому, чтобы найти себе в них место. Именно так обстоит дело со всеми теми, кто получил какое-либо образование в своей стране и тем более где-то за рубежом (как известно, во многих странах мира существовали и существуют квоты студенческих мест для выходцев из африканских стран, которые получают образование за небольшую плату, а то и вовсе бесплатно). Какая-то доля выпускников вузов, встав благодаря полученному образованию в ряды социальной элиты, может заняться бизнесом или пополнить ряды лиц так называемых свободных профессий. Однако это меньшинство. Большинство заполняет собой многочисленные государственные учреждения и к тому же, по упоминавшемуся уже закону клановой солидарности, наполняет низшие должности в этих же учреждениях своей родней.

Воспринимать государственные учреждения в качестве кормушки — это типичное проявление психологии иждивенчества, социального паразитизма, которая генетически связана с общинно-коллективистской кланово-трибалистской психологией и функционально родственна психологии любого лишенного собственности и индивидуальности субъекта, что очень хорошо известно нам по собственному опыту. Естественно, это рождает определенный социопсихологический стандарт, устойчивый, четко ориентированный стереотип: главное — хорошо устроиться, рассчитывать же на самого себя приходится тогда, когда устроиться не удалось.

Преодолеть такого рода стереотипы, уходящие корнями в социопсихологический стандарт полупервобытности, очень непросто. Когда на рубеже 50—60-х годов в формирующихся странах Африки стал вопрос о том, кто заменит ушедших колонизаторов и как организовать производство на предприятиях, в большинстве стран пошли по пути резкого увеличения заработной платы рабочих, особенно имевших хорошую квалификацию. Этим была повышена

престижность их труда и обеспечена ломка привычного стереотипа. Работать и зарабатывать свой хлеб в условиях города за счет собственного труда стало достаточно престижным, хотя и престиж государственной службы по-прежнему оставался вне досягаемости. Кроме того, высокая заработная плата оказалась стимулом к хорошему регулярному труду, учиться которому тоже следовало практически почти заново.

Той же цели преобразования привычных общинно-первобытных стандартов служило стимулирование образования в африканских странах. С 1950 по 1988 г. общее число учащихся на континенте возросло в 10 раз, с 9,3 до 92,2 млн., причем в средней школе — в 27 раз (ныне количество учащихся свыше 20 млн.), а студентов — в 30 (теперь около одного миллиона). Правда, эти цифры, если исключить арабскую Африку, окажутся несколько ниже, как в абсолютных, так и в относительных величинах. Но при всем том рост весьма заметен. И пусть даже стремление к получению образования, особенно среднего и высшего, стимулируется возможностью влиться в ряды правящей элиты и получить свой кусок пирога, не слишком утруждая себя трудом. В конечном счете важен процесс и итог: чем больше в странах Африки станет образованных людей, тем быстрей они психологически преодолеют синдром коллективистской первобытной общинности. И, преодолев, сумеют переориентироваться в быстро меняющихся условиях жизни, стать активными работниками, влиться в сферу производства и предпринимательства.

Проблема, о которой идет речь, для Африки сегодня крайне актуальна. Известно, в частности, что на континенте проживает 14% населения мира (цифра с каждым годом увеличивается), а промышленной продукции здесь производится менее 1%, сельскохозяйственной — 6% (без ЮАР). Привлечение и приучение населения к регулярному производительному труду является, таким образом, делом жизненной необходимости. И именно для этого нужны резкая ломка привычных стереотипов, повышение уровня образованности и культурности населения, для чего — если учесть быстрый рост городского населения и вообще влияние стандартов полиэтнического города в отличие от родной кланово-трибалистской деревни-общины — объективно создаются неплохие возможности. Важно уметь и хотеть ими воспользоваться.

Определенную роль в качестве стимула играет и хорошо известный социологам и культуроведам так называемый демонстрационный эффект. Ведь все страны Африки (быть может, за исключением немногих из числа стабильно ориентировавшихся на марксистскую модель или ведших постоянные войны ради этого), являя собой обширный рынок, буквально забиты хорошими товарами, включая

японскую электронику, красивую одежду и обувь и многое-многое другое. Нельзя сказать, чтобы эти товары по ценам были всем доступны. Но и нельзя считать, что они вовсе недоступны простому человеку. Рынок есть рынок, так что тот, кто хочет, чтобы товары не залеживались, соизмеряет цены на них с финансовыми возможностями населения. Практически это означает, что почти любая городская семья, как и многие деревенские, могут себе позволить покупать и пользоваться этими товарами. А это, собственно, и есть демонстрационный эффект: каждый хочет иметь то, что уже есть у других. Но для этого нужно работать и зарабатывать. Отсюда — дополнительный стимул к производительному труду, к предпринимательской инициативе. Кроме того, овладение современными товарами, особенно электроникой и иной сложной техникой, косвенно содействует как повышению культурного уровня владельцев, так и развитию их грамотности и образованности, хотя бы за счет радиовещания и телевидения (как в недавнем прошлом во всем мире — за счет кино).

Кризис развития и иностранная помощь

Африка по признанию специалистов понемногу изменяется и явно идет вперед. Наметившийся на рубеже 80—90-х годов в связи с крушением марксистского социализма переход избравших было эту модель стран на рельсы рыночно-частнособственнического развития дал дополнительный импульс движению к экономическому прогрессу. Все большее количество стран одна за другой заявляют о своем стремлении к либерализации и приватизации экономики, о готовности заимствовать идеи плюрализма и практику многопартийности. Не вполне пока ясно, насколько эти намерения серьезны и насколько их осуществление поможет движению вперед. Но сам импульс отчетливо заметен, это в некотором смысле знамение нашего времени, чутко воспринятое на континенте, где до того к развитию по рыночно-частнособственническому капиталистическому пути многие относились настороженно, считая его как бы чужим, негодным для Африки (иное дело генетически близкий марксистский социализм с его коллективистскими установками, командной дисциплиной и священной ненавистью к частной собственности и богатым вообще).

Однако одно дело — благие намерения, и совсем другое — реальность. Даже если принять как желаемые и обнадеживающие движение Африки в сторону рыночной экономики и некоторые достижения в этом направлении, включая адаптацию городского населения и определенное развитие мелкого и среднего предпринимательства, об успехах здесь говорить рано. Зато о суровом кризисе, кризисе развития

континента, говорят уже многие и достаточно давно, как в самой Африке, так и вне ее. И для этого есть серьезные основания.

Во-первых, 80-е годы прошли в Африке под знаком спада в темпах развития, существенного обострения продовольственной проблемы. Поразившая обширный пояс Сахеля и некоторые прилегающие районы жестокая засуха, связанная с наступлением песков Сахары, принесла бедствия ряду стран, от Мали до Мозамбика. Но особенно пострадали Эфиопия, Чад, ЦАР, Нигер. В Эфиопии, наиболее многонаселенной из перечисленных стран, это привело к массовым вынужденным перемещениям населения и соответственно к резкому обострению нищеты, а в сочетании с марксистско-социалистическими экспериментами, обескровившими экономику страны,— к голоду и голодной смерти сотен тысяч, если не миллионов людей.

Во-вторых, распространенность социальных экспериментов по марксистской модели привела к кризису, аналогичному эфиопскому, многие из стран Тропической и Южной Африки. Сократились зарубежные инвестиции — для них не было в упомянутых странах ни простора, ни условий. Нарушился привычный баланс во внешнеторговых связях, а торговые связи с так называемым миром социализма всегда имели уродливый характер и обычно не способствовали развитию, в лучшем случае содействовали вооружению и усилению военной мощи соответствующих стран, что опять-таки ложилось на слабую экономику этих стран невыносимым бременем.

В-третьих, Африку буквально потряс мощный демографический взрыв. Издревле этот полупервобытный континент был малонаселенным вследствие хотя бы неблагоприятных условий для обитания человека. Темпы прироста населения были достаточно стабильными в своей неторопливости, причем массовый вывоз рабов — вопреки имеющимся на этот счет предвзятым представлениям — не слишком на них влиял. К началу XVII в. на континенте ориентировочно проживало 55 млн. чел., к началу XIX в.—70, к началу XX в.—110 млн. чел. Однако энергичная колонизация и освоение Африки европейцами, знакомство с основами европейской культуры, в частности с медициной и гигиеной, успешная борьба с африканскими болезнями (малярией, сонной болезнью и т. п.) — все это уже к моменту деколонизации за какие-то 60 лет привело к тому, что население континента возросло более чем вдвое — до 275 млн. чел. Освобождение Африки дало еще один мощный толчок росту темпов прироста, которые ныне достигли 3,1% в год. В результате население континента за 30 лет увеличилось еще раз более чем вдвое, достигнув 600 млн. И продолжает расти такими же темпами. К 2010 г., как ожидается, африканцев будет один миллиард.

Нетрудно из этого заключить, что при общем падении темпов экономического прироста, наметившемся в 80-х годах, демографический взрыв привел к тому, что доход на душу населения на континенте стал уменьшаться. Иными словами, люди начинают жить беднее, чем вчера. Это и есть кризис развития. Кризис, составляющими которого являются многие факторы — социальные, экономические, политические, цивилизационно-культурные, но решающий вклад в который внес фактор демографический, тоже в конечном счете тесно связанный со всеми остальными.

Кризис не явился неожиданностью для мира. О нем предупреждали давно, оперируя серьезными экономико-статистическими выкладками, социологическими, демографическими и иными специальными исследованиями. В ряде стран, как в Кении и Ботсване, Нигерии и Замбии, Сьерра-Леоне, Сомали, Зимбабве, Заире и некоторых других, ведутся даже на национальном уровне кампании в пользу малосемейности, ограничения рождаемости. Но эффект их пока невелик. Кроме того, корни кризиса уходят не только в демографический фактор. Социокультурная отсталость населения, о которой уже шла речь, играет здесь большую роль, ибо именно она сдерживает темпы экономического роста и благоприятствует рискованным социальным экспериментам. А для преодоления ее нужно немалое время. Времени же у африканцев нет, ибо каждый прожитый год приносит новые проблемы, в первую очередь все те же демографические. Как вырваться из этого порочного круга?

Конечно, лучше всего было бы сделать это, поднатужившись, собственными силами — примерно так, как решает свои проблемы, гордясь этим, тоже весьма перенаселенный Китай. Но Африка — не Китай. Разность потенциалов весьма ощутима. И на собственные силы африканцам рассчитывать не приходится, что хорошо понимает и весь остальной мир. Поэтому проблемы Африки — это проблемы всего мира, что человечество достаточно адекватно осознает, пытаясь помочь.

Прежде всего это помощь продовольствием, помощь в беде, в трудную минуту. Такое случается нередко, причем чаще всего — в бедных странах с марксистским режимом, как то было в 80-х годах в Эфиопии. Мир до сих пор помнит, как в дни, когда правящая верхушка страны помпезно отмечала десятилетие своей революции, народ умирал от голода, а помогали людям те самые «империалисты», которых поносила официальная пресса. Западная помощь Африке исчисляется в среднем в 15 млрд. долл. в год, а к 2000 г., как ожидается, эта цифра возрастет до 22 млрд. Вообще за 1963—1982 гг. бесплатный продовольственный импорт в Африку увеличился, по некоторым подсчетам, в 6,5 раза. В середине 80-х годов потребность

в продовольствии уже на 20% удовлетворялась за счет такого рода импорта. Все более очевидным становится, что Африка прокормить себя не может и в обозримом будущем, видимо, не сможет.

За определенную, причем все возрастающую часть импорта приходится платить. Платить же странам Тропической и Южной Африки, кроме разве что некоторых зажиточных стран, практически нечем. Отсюда угрожающий и быстрыми темпами увеличивающийся рост задолженности. Только за 1982—1990 гг. она увеличилась вдвое, со 138,6 до 272 млрд. долл., что составляет примерно 93% ВВП (валового внутреннего продукта) континента. И эти долги — в основном за счет неарабской Африки. Правда, частично быстрый рост задолженности связан с игрой мировых цен на некоторые виды сырья, поставляемые Африкой. Однако игра цен в этом смысле — норма мирового рынка, как закономерно и постоянное относительное возрастание цен на технический импорт, импорт промышленных товаров высокой технологической сложности, по сравнению со всем тем же сырьем. Баланс, естественно, не в пользу Африки.

За последние годы в связи с экономическими проблемами Африки раздаются голоса о необходимости установления так называемого нового международного экономического порядка. Под этим терминологическим нововведением скрыта, попросту говоря, надежда на продолжение и закрепление в нормативной форме практики постоянных дотаций, хотя бы за счет части средств, сэкономленных в результате сокращения гонки вооружений. В наши дни, когда весь баланс мировых политических сил решительно изменился в связи с крушением марксистско-социалистического режима в СССР и странах Восточной Европы, такие надежды уже не только не беспочвенны, но весьма реальны. Мир, видимо, сможет в близком будущем усилить свою помощь Африке, может быть, даже искусственно повысить цены на некоторые виды ее сырья, подобно тому как делал десятилетиями СССР с кубинским сахаром. Но эта и любая иная помощь — следует четко себе представлять — не может решить проблем Африки, может даже усугубить их.

Любая искусственная экономическая стимуляция, любые формы помощи и дотаций могут иметь значение лишь как поддержка собственных усилий Африки. Без собственных усилий, направленных на налаживание самообеспечивающего хозяйства, помощь уйдет в песок, как то весьма убедительно продемонстрировала наша собственная разрушенная режимом экономика на рубеже 80—90-х годов. Как ни несопоставимы по многим параметрам негритянская Африка и бывшие страны марксистского социализма на стыке Европы и Азии, между ними есть и нечто общее: только решительный поворот к рыночно-частнособственнической экономике и превращение массы

люмпенов и социальных иждивенцев в хозяев собственной жизни, отвечающих за себя и свои семьи участников рыночного экономического процесса, могут решительно изменить судьбы оказавшихся в жестоком кризисе стран.

Как и когда, при каких обстоятельствах сумеет Африка добиться такого — это вопрос вопросов. Но иного выхода у нее нет. А возможности, при всех сложностях достижения желаемой цели, есть. Важным залогом успеха является отмеченный уже решительный поворот «заблудших» было стран Африки в сторону капиталистического рынка, рыночно-частнособственнической экономики — имеются в виду тенденции к либерализации и приватизации, к многопартийности и плюрализму и т. п. Осознав постигшие их неудачи, те страны Африки, которые отдали дань поиску легких путей без кардинальной ломки внутренней структуры, возвращаются и начинают свой путь почти сызнова. И в этом — залог завтрашнего успеха, которому будет стараться содействовать внешний мир. Еще одним залогом успеха может считаться тенденция к кооперации и сотрудничеству между странами Африки.

Стремление к сотрудничеству и компромиссам

Последние годы, особенно рубеж 80—90-х, были отмечены заметными изменениями на континенте именно в этом плане. Враждующие стороны в странах, разрывавшихся, казалось бы, непримиримыми противоречиями и ведших между собой многолетние регулярные или партизанские боевые действия, начали искать путь к примирению. Решительные шаги по такому пути делает многострадальная Ангола, хотя результатов пока мало. Большего успеха добились правящие круги Мозамбика. Успешно завершилась долгая партизанская война за освобождение Намибии, причем завершилась не в результате победы одной из сторон, а в ходе поиска мирного и удовлетворившего обе стороны решения проблемы. Все три примера — знамение времени, того самого времени, параметры которого были обусловлены ликвидацией противостояния двух миров в связи с крахом марксистско-социалистических режимов в одном из них. В этом смысле можно сказать, что поиски компромисса и прекращение внутренних войн в ряде стран Африки — да и не только Африки, вспомним Никарагуа,— явились результатом генерального изменения баланса сил в мире в связи с крахом идеи мирового коммунизма.

Впрочем, стремление к компромиссу, пусть не в такой степени, проявляло себя и раньше, начиная с конца 70-х годов, когда в Лондоне за стол переговоров сели и достигли приемлемого результата

враждующие стороны в стоявшем на грани внутренней войны Зимбабве. Завершились связанные с сепаратистскими выступлениями войны в Нигерии и Заире. На рубеже 80—90-х годов стало ощущаться постепенное затихание вооруженных конфликтов в Восточной Африке (Эфиопия — Сомали — Судан). Разумеется, нет оснований предаваться эйфории, но тенденция все же ощущается достаточно определенно: количество войн и конфликтов заметно снизилось, многие из них сошли на нет. Количество компромиссов и заметная тяга к решению проблем путем мирных переговоров нарастают. В общем это может быть определено как некий поворот континента в сторону сотрудничества — сотрудничества ради выживания.

На этом фоне совершенно по-иному выглядят сегодня и проблемы ЮАР. Еще совсем недавно воинственные группы из АНК и так называемые прифронтовые государства, окружающие ЮАР, делали откровенную ставку на конфронтацию. ЮАР в ООН подвергалась осуждению и бойкоту. И хотя многое в этой политике было справедливо, ибо апартеид как режим для XX в. решительно неприемлем, сам способ решения проблемы представлялся, очевидно, бесперспективным. ЮАР была заведомо сильнее всех прифронтовых государств, вместе взятых, вкупе с АНК, не говоря уже о том, что ее экономика питала многие из этих стран, тем самым на деле накрепко привязанных к ненавистной им ЮАР. Совершенно очевидно, что ставка на конфликт была бесперспективной, как ясно и то, что изменение мирового баланса сил сыграло свою роль в смягчении позиций африканских стран и всего мира по отношению к ЮАР. Но при всем том важнейшую роль в повороте к поиску компромисса внутри ЮАР сыграл приход к власти правительства де Клерка, ориентированного на слом одиозного апартеида. В итоге сочетание внутреннего и внешнего импульсов создало равнодействующую, направленную своим вектором на компромисс, что и является сегодня доминантой на юге Африки.

В Африке существуют и за последние годы усиливают свою активность и иные формы континентального и регионального сотрудничества. Многие годы функционирует Организация африканского единства (ОАЕ), на ежегодных сессиях которой рассматриваются важнейшие проблемы континента, вырабатывается общая позиция по многим из них, включая проблемы развития, задолженности, апартеида, региональных конфликтов. Существуют организации территориально-зонального характера — экономические сообщества, таможенные союзы, кредитные учреждения. Создаются время от времени организации, ставящие своей целью решение какой-либо одной из важных проблем экономического или экологического характера, будь то Комиссия по освоению бассейна оз. Чад (с 1964 г.),

Администрация бассейна р. Нигер (1964 г.), Организация по освоению бассейна рек Сенегал (1972), Мано (1973), Кагеры (1977), Гамбии (1982), Организация по борьбе с засухой (1973 и 1986). Каждая из этих организаций разрабатывает проекты, намечает планы совместных согласованных действий, формирует свою администрацию, договаривается о координации и т. п. Пусть межгосударственные и региональные связи в рамках перечисленных организаций еще слабы, как не имеют обязательной силы их рекомендации, особенно если они противоречат интересам какой-либо из заинтересованных сторон. Однако сам интеграционный импульс, стремление к сотрудничеству весьма существенны для Африки, для преодоления ее отсталости и раздробленности.

Сотрудничество, компромисс, интеграция — важнейшие способы решения проблем Африки, тех самых, которые в состоянии решить только она сама, пусть даже при активной и существенной помощи извне. В начале 90-х годов в мире сложилась обстановка, благоприятствующая решению этих проблем. Правда, озабоченность мирового сообщества оказанием помощи бывшему Советскому Союзу, этому рухнувшему колоссу с ракетно-ядерной начинкой, потребовала внимания и огромных финансовых затрат, что косвенно может повлиять на возможности оказания финансовой помощи отсталым странам, и в частности Африке. Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, общая ситуация в мире сейчас благоприятна для Африки и для всего развивающегося мира в целом, ибо она сняла двойственность и колебания в выборе пути, нацелила правящую элиту этих стран и прежде всего беднейших из них на теперь уже всеми осознанную цель: идти по пути рынка, рыночно-частнособственнического хозяйства или, проще, по капиталистическому, еврокапиталистическому пути (имея в виду европейское происхождение и европейские цивилизационные основы, формы и современный облик капитализма).

Труден это путь для вчера еще полупервобытной, а то и просто первобытной Африки. Но с помощью других, опираясь на уже достигнутое, ориентируясь не на конфликты, а на поиски компромиссов и на сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами, Африка вполне может рассчитывать на успех. Пусть не быстрый и не легкий, но на успех в конечном счете. И это очень важно, как важно осознать и самой Африке, и всему миру, что происходящие на континенте на рубеже 80—90-х годов благотворные перемены, даже если они и не сразу дадут результаты, в конечном счете могут стать решающими для судеб Африки. Отмечая это, нельзя еще раз не напомнить, что одним из важнейших импульсов, приведших к этим переменам, явился крах в масштабах планеты марксистско-социалистического эксперимента.

Глава 4

Арабские страны Африки

Группа современных арабских государств Африки в историко-цивилизационном плане является прямым наследником арабского мира времен халифата, хотя некоторые из них, как Египет и Ливия, уходят корнями в глубь истории. Все они позже оказались в вассальной зависимости от турецкого султана и еще позже — в колониальной зависимости различной степени от европейских держав. Пройдя таким образом свой нелегий исторический путь, арабские страны Африки обрели в середине нашего века политическую независимость и вместе с другими странами арабского мира стали играть заметную роль на политической арене.

Всего в мире сейчас около двадцати арабских стран, причем все они входят в основанную в 1945 г. Лигу арабских стран, созданную для защиты интересов арабских государств, для сплочения их и координирования их общей политики. Надо заметить, что арабы практически всех современных арабских государств, объединенные общей исторической судьбой, языком, религией, культурой, да и многими прочими этническими признаками, считают себя частями единой арабской нации. Однако это самосознание мало способствует их интеграции. Если не считать объединения в рамках Лиги, все прочие попытки интеграции обычно давали отрицательный эффект. Можно напомнить о непрочном, рухнувшем после нескольких лет существования объединении Сирии и Египта в рамках Объединенной Арабской Республики (1958—1961), упомянуть о нескольких экстравагантных попытках ливийского руководителя М. Каддафи соединить Ливию чуть ли не с каждым из ее арабских соседей, от чего все решительно отказывались. Единственное исключение на этом фоне — созданный сравнительно недавно из двух частей, северной и южной, единый Йемен.

Территориально современные арабские страны, о которых в этой и последующей главе пойдет речь, подразделяются на три большие зоны, африканскую, восточно-средиземноморскую и аравийскую. У каждой из этих зон своя судьба, но при этом первые две в чем-то ближе друг к другу, а крупнейшая из арабских стран, Египет, в котором проживает около трети общего числа арабов, как бы сближает их между собой, так как принадлежит одновременно к обеим. Дело в том, что по многим параметрам разница между африканской и восточносредиземноморской зонами невелика, хотя приоритет средиземноморской достаточно ощутим. Третья, аравийская зона до недавнего времени была отсталой периферией арабского мира, но нефтедоллары позволили ей за последние четверть века преобразиться, как Золушке из известной сказки.

На сегодняшний день арабские страны очень неодинаковы, среди них есть большие и малые, богатые и бедные, многонаселенные и

малолюдные. И хотя в рамках арабского единства существует практика взаимопомощи (богатые государства помогают нуждающимся), каждая страна имеет собственную судьбу и дорожит ею. Это сыграло свою роль в том, что тенденция к политической интеграции арабов не дала должного эффекта. Более того, когда попытки интеграции осуществлялись посредством насилия, как то было в 1990—1991 гг. в зоне Персидского залива (аннексия Ираком Кувейта), большинство арабского мира решительно выступило вместе с другими странами мира против агрессора.

Африканская зона арабского мира часто именуется сводным термином Магриб (Запад), хотя в строгом смысле этого понятия термином Магриб обозначаются страны лишь к западу от Египта. Но так как в Африке расположены и Египет, и еще одна арабская страна, Судан, которые находятся восточнее, то целесообразнее говорить просто об арабских странах Африки, об арабской Африке или африканских арабах.

Страны Магриба : Алжир, Марокко, Мавритания, Тунис, Ливия

Крупнейшей страной арабского Магриба считается Алжир (ок. 25 млн. жителей). Завоевав в нелегкой борьбе с французскими колонистами свободу и торжественно объявив на Учредительном собрании 1962 г. о создании независимой Алжирской Народной Демократической Республики, новое государство с первых дней своего существования стало на путь радикальных реформ и преобразований. Оказавшаяся в руководстве страны марксистски ориентированная правящая элита вчерашних борцов за свободу сочла первое алжирское правительство А. Бен Беллы недостаточно радикальным, и в 1965 г. сместивший Бен Беллу глава Революционного Совета Х. Бумедьен и правящая партия Фронт национального освобождения (ФНО) взяли курс на построение «социализма в рамках национальных ценностей и ислама». Национальная хартия и новая конституция 1976 г. выработали собственную линию развития, которая не совпадала с развитием по марксистско-социалистической модели, но кое-что из нее взяла. Социально-экономические преобразования свелись к национализации значительной части собственности и национальных ресурсов страны при сохранении, однако, определенных позиций за частным капиталом; политико-идеологические — к стремлению совместить несколько секуляризованные ценности ислама с идеями социализма. Пятилетние планы с установкой на индустриализацию страны выявили неэффективность государственной экономики, которая до определенного момента гасилась доходами от нефти. Упадок наблюдался и в сельском хозяйстве: кооперативы и иные формы коллективного труда в деревне оказались нерентабельными, так что после эвакуации европейских колонистов до того кормивший себя Алжир стал удовлетворять свои потребности в продукции сельского хозяйства лишь на 30%.

Все это, включая и падение цен на нефть в середине 80-х годов, привело к острому кризису в экономике.

Встал вопрос об экономической реформе (1986—1987), направленной на приватизацию промышленности, предоставление определенной самостоятельности государственным предприятиям, на поощрение частного сектора в городе и деревне. Однако реформы явно запоздали. Несмотря на рост частного сектора — а в какой-то степени именно из-за этого,— в стране усилились кризисные явления, возросли безработица, инфляция и социальная напряженность, чем не преминули воспользоваться противники режима из числа исламских фундаменталистов. Преемник умершего в 1978 г. Бумедьена Ш. Бенджедид быстро терял доверие населения, явно уставшего от истощивших страну экспериментов, сопровождавшихся коррупцией и некомпетентностью руководителей страны и ее хозяйства. Под давлением изменившейся ситуации и оппозиции власти были вынуждены в 1989 г. принять новую конституцию, допускавшую многопартийность.

Этим воспользовались оппозиционеры из числа экстремистских мусульманских группировок. На выборах в муниципалитеты в июне 1990 г. Исламский фронт спасения получил большинство голосов избирателей и большинство мест в двух третях областей страны. Воодушевленные победой фундаменталисты стали требовать новых выборов в парламент. Этим требованием и успехами фундаменталистов были напуганы власти, да и не только они. Многие партии, вышедшие на арену политической жизни в 1990—1991 гг., заняли достаточно умеренные позиции. Назначенные на лето 1991 г. выборы в парламент были в последний момент отложены на полгода. Первый тур выборов на рубеже 1991—1992 гг. принес победу фундаменталистам, после чего руководство Алжира отменило второй тур, ликвидировало результаты первого и, воспользовавшись террористическими актами недовольных сторонников Исламского фронта спасения, объявило это движение вне закона. В стране резко ускорились темпы реформ, направленных в сторону создания основ рыночной экономики и светского плюралистического государства. Однако параллельно резко усилилась и политическая напряженность.

Марокко — независимое государство с 1956 г., конституционная монархия с населением ок. 25 млн. чел. По конституции 1972 г., дополненной в 1980 г., король Хасан II делит власть с парламентом, созванным на многопартийной основе. В политическом плане Марокко демонстрирует завидную стабильность, чему способствует устойчивая плюралистическая система с ориентацией на буржуазно-демократические нормы. Будучи страной в основном аграрной и в этом смысле более отсталой по уровню экономического развития, чем Алжир, Марокко, тем не менее, уверенно идет вперед по пути наращивания экономического потенциала. В стране преобладает частный капитал, включая иностранные инвестиции. Богатые залежи фосфоритов (3-е место в мире), а также уголь, металлические руды создают условия для развития горнодобывающей промышленности.

Продукции сельского хозяйства, включая рыболовство, стране с избытком хватает для удовлетворения собственных нужд, остается и для вывоза. Среди экспортных товаров — цитрусовые, сардины. Немалая часть марокканцев выезжает в поисках заработков за границу, прежде всего во Францию.

Марокканско-алжирские отношения резко ухудшились в 70-х годах из-за вопроса о так называемой Испанской (ныне она именуется Западной) Сахаре, малонаселенной территории на Атлантическом побережье Африки к юго-западу от Марокко. В спор за Западную Сахару вступили Марокко, Алжир и Мавритания, граничащие с ней. В 1975 г. Испания официально передала административные функции в Западной Сахаре Марокко и Мавритании. В 1979 г. Мавритания под нажимом организации западно-сахарских националистов ПОЛИСАРИО отказалась от претензий на часть Западной Сахары. Марокко, напротив, аннексировало значительную часть ее территории, причем бежавшие от аннексии нашли убежище в Алжире, оказывавшем поддержку ПОЛИСАРИО, что в немалой степени, видимо, определялось и марксистско-социалистическими симпатиями руководителей этой организации, борющейся за независимость Сахары. Война с ПОЛИСАРИО сильно истощила экономику Марокко — достаточно напомнить о многокилометровой стене, которой Марокко попыталось отгородить свои владения от набегов националистов. Тем не менее Марокко и ныне являет собой достаточно редкий в Африке пример политической стабильности и экономических успехов.

Мавритания с ее 2 млн. жителей, в основном арабов и арабо-берберов, с 1960 г. является независимой исламской республикой. Расположенная к югу от Марокко, в основном на песках Сахары, она являет собой малонаселенное и в экономическом отношении слаборазвитое государство с доходом на душу населения в 370 долл. (в середине 80-х годов). С 1965 г. в стране господствует однопартийная система, а с 1978 г. власть в руках военных. Вывозит железную руду и продукцию рыболовства; неплохо развито скотоводство. Частная инициатива в стране поощряется, что способствует развитию экономики и торговли. Мавритания на юге граничит со странами Тропической Африки, в частности с Сенегалом. Иногда это соседство ведет к вовлеченности Мавритании в дела соседей, как это имело место в случае с сепаратистскими волнениями в Сенегале.

Тунис (население ок. 8 млн. чел.) с 1957 г. стал республикой. К власти вместо упраздненной монархии пришла партия Нео-Дестур с ее социалистическим (но не марксистско-социалистическим!) уклоном. Во главе партии стоял создавший ее в 1934 г. Х. Бургиба. Конституция 1959 г. ввела в стране президентское правление, президентом страны был Бургиба до его ухода от власти в 1987 г. по состоянию здоровья. В 1987 г. президентом стал, согласно конституции, премьер З. Бен Али, который одновременно возглавил дестуровскую партию. С 1981 г. в стране введена система многопартийного плюрализма, однако созданные и легализованные в

результате этого акта партии пока еще не в состоянии составить серьезную конкуренцию правящей дестуровской.

Экономическая доктрина дестуровцев, предполагавшая гармоничное сочетание государственного, кооперативного и частного секторов экономики, достаточно быстро, за десятилетие с небольшим, выявила слабость и неэффективность. С 1969 г. в стране начался энергичный процесс реформ, в частности приватизации государственных предприятий. Были либерализованы система торговли и финансов, ликвидированы не оправдавшие себя кооперативы, стали активно поощряться частное владение землей и предпринимательство. Небольшое количество добываемой в Тунисе нефти и частичный ее экспорт обеспечивают страну необходимой валютой, равно как и вывоз продуктов обработки фосфоритов, традиционных фиников и оливкового масла. Большая статья дохода — тунисский туризм: достаточно напомнить о развалинах Карфагена. Вообще стабильность политической структуры, динамичное развитие экономики и сравнительно высокий уровень развития в стране культуры и необходимой инфраструктуры выгодно выделяют не слишком богатый, но весьма привлекательный для иностранца Тунис среди прочих стран Африки, в том числе и Северной. Пожалуй, из всех стран Магриба Тунис является если не наиболее процветающим, то, во всяком случае, наиболее респектабельным и близким к европейским стандартам.

Ливия с ее пустынями и немногочисленным (4 млн. чел.) населением могла бы считаться одной из самых отсталых среди арабских стран Африки. Она и была именно такой, когда в 1951 г. при поддержке ООН обрела свою независимость. Тогда это была монархия, тесно сотрудничавшая со странами Запада. Но открытие в Ливии нефтяных месторождений и их интенсивная эксплуатация круто изменили судьбу страны. Поток нефтедолларов вначале способствовал укреплению позиций конституционной монархии и ее главы Идриса I. Однако в недрах богатевшей и понемногу решавшей свои проблемы страны созревал заговор, нити которого шли к Организации свободных офицеров, созданной в Ливии в 1964 г. по образцу египетской и имевшей сходные установки и цели. В результате военного переворота 1969 г. монархия была низвергнута, а власть в стране перешла к Совету революционного командования во главе с М. Каддафи.

Экстремист по натуре, Каддафи жесткой рукой принялся за радикальные реформы, руководствуясь при этом собственными представлениями о благе народном и не останавливаясь перед самыми рискованными экспериментами. В сфере политико-административной были упразднены привычные формы власти. Ливия стала в 1977 г. джамахирией, т. е. общенародным самоуправляемым государством. В центре и на местах были созданы народные собрания, руководители которых составили Всеобщий народный конгресс, заменивший собой парламент. Эти и им подобные эксперименты сопровождались

национализацией экономики под лозунгами исламского социализма, обоснованию доктрины которого сам Каддафи посвятил свои книги. Вместо упраздненных в стране партий были созданы «революционные комитеты», руководившие деятельностью собраний, а руководитель страны стал именовать себя не иначе, как лидером революции.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы не нефтедоллары, десятки миллиардов которых не только щедро оплачивают издержки экспериментов, но и сохраняют необходимый жизненный уровень. Для работы на нефтепромыслах и функционирования всей обслуживающей их инфраструктуры Ливия энергично импортировала рабочую силу: около полумиллиона рабочих из Турции, арабских стран, даже из Южной Кореи были заняты в этой стране, собственное население которой из-за его отсталости и неквалифицированности не могло их заменить. Правда, с годами ситуация в этом плане изменилась, так что сегодня число иностранных рабочих наполовину уменьшилось. Сокращение потока нефтедолларов в связи с падением цен на нефть в начале 80-х годов вызвало в Ливии некоторые экономические затруднения. Однако и оставшихся денег с избытком хватало не только на импорт продовольствия и иных товаров для снабжения ими населения, давно уже оказавшегося не в состоянии само себя прокормить, но и для закупок современного оружия, широкомасштабного строительства военных объектов, включая предприятия по изготовлению оружия, в том числе массового поражения.

Ливия имеет хорошо обученную и до зубов вооруженную армию, много более сильную, чем это можно было бы считать нормальным для столь небольшой страны. Мало того, Каддафи, опираясь на провозглашенную им внешнеполитическую доктрину, суть которой сводится к решительной борьбе с империализмом, энергично поддерживает все вооруженные партизанские и террористические группировки в мире, будь то палестинские или ирландские. И не только поддерживает финансами, но и обеспечивает условия для их успешной деятельности, создает на своей территории базы для их обучения и оснащения и, следовательно, в глазах мирового общественного мнения несет ответственность за различного рода террористические акты, убийства политических противников, взрывы на самолетах и т. п. Словом, усилиями Каддафи Ливия за последние десятилетия обрела устойчивую репутацию страны, поощряющей международный терроризм и принимающей в нем едва ли не наиболее активное участие среди других стран, особенно если иметь в виду именно государственный уровень.

Конец 80-х — начало 90-х годов прошли в мире под знаком крушения позиций марксистского социализма. Хотя Каддафи исповедует социализм несколько иного толка, по своей деструктивности и ряду других параметров он достаточно близок марксистскому, так что перемены в мире не могли косвенно не затронуть и Ливию. В 1986 г. там были предприняты некоторые меры, направленные на либе-

рализацию экономики («зеленая перестройка»). Тем не менее Ливия лишь на 30%, как и соседний Алжир, удовлетворяет свои потребности в сельскохозяйственных продуктах, компенсируя расходы нефтедолларами. Однако стоит заметить, что изменилась тональность общения лидера Ливии с миром. В 1991—1992 гг. в связи с уличением его сотрудников в совершении взрывов на авиалайнерах и предпринятыми в связи с этим международными санкциями Каддафи громко заявил, что он не поддерживает и не будет поддерживать террористов. И хотя громогласные заявления Каддафи, как показывает жизнь, мало чего стоят, тон их заслуживает быть принятым во внимание.

Египет и Судан

Египет, как уже упоминалось,— главная страна арабского мира, его наиболее населенная (св. 50 млн. чел.) и развитая часть. После достижения независимости, ликвидации монархии, успешной войны 1956 г. и национализации Суэцкого канала руководство страны во главе с президентом Насером взяло курс на строительство социализма по марксистской модели. За 1961—1964 гг. были национализированы вся крупная и средняя промышленность (в 1965 г. государственный сектор давал 85% промышленной продукции), финансы, транспорт, внешняя торговля и т. п. Были также приняты меры по социальному обеспечению населения, особенно неимущей его части. В Хартии национальных действий 1962 г. говорилось о необходимости научного планирования экономики, ограничении крупного капитала и строительстве социализма, правда, без диктатуры пролетариата и с сохранением неэксплуататорского мелкого частного предпринимательства. В том же году был создан Арабский социалистический союз как правящая партия страны в рамках парламентарной однопартийной структуры. Декларация 1964 г. объявила все национализированное хозяйство страны общенародной собственностью. Во всех этих преобразованиях СССР оказывал Египту большую и дорогостоящую помощь — достаточно напомнить о вооруженной нами египетской армии и об Асуанской плотине.

Поражение в арабо-израильской войне 1967 г. и вынужденный курс Насера на союз с богатыми аравийскими государствами(которые прежде он именовал «реакционными монархиями»), взявшимися компенсировать ущерб, а также временное закрытие Суэцкого канала явились началом некоторой переоценки ситуации в стране. Экономика оказалась в состоянии стагнации, причем даже все возраставшие доходы от нефти не могли существенно изменить положение. Смерть Насера в 1970 г. и новая война с Израилем в 1973 г. окончательно расставили все точки над «i». Неэффективность государственной экономики становилась очевидной и, более того, угрожающей для то и дело терпевшей политические неудачи страны. Преемник Насера А. Садат с 1974 г. взял решительный курс на реприватизацию экономики и поощрение частного сектора. В стране

была восстановлена многопартийная система, а тесные связи с СССР стали свертываться. Эта же линия была продолжена сменившим Садата в 1981 г. президентом Х. Мубараком и в целом она принесла свои позитивные для экономики Египта результаты. Конец 70-х и 80-е годы были периодом бурного экономического развития страны, уверенно вступившей на путь капиталистического развития. Изменился и политический курс Египта, что нашло проявление в кэмп-дэвидском соглашении и заключении мирного договора с Израилем (1979), а затем и в урегулировании взаимоотношений с недовольными этим арабскими странами.

Гибкая внешняя политика Египта пришлась не по вкусу многим арабским странам, обвинившим правительство Садата в том, что оно предало интересы палестинцев. Как известно, многие из этих стран разорвали дипломатические отношения с Египтом, было приостановлено и членство его в Лиге арабских стран. Но Египет не уступил. Время показало, что избранная Садатом политика поиска мирного решения отношений с Израилем оправдала себя, и это в конечном счете были вынуждены признать прежде осуждавшие ее арабские страны. В 1987 г. порванные дипломатические отношения были восстановлены, затем Египет снова стал полноправным членом Лиги.

Поворот политического курса в годы правления президента Садата проявился не только в экономике и внешнеполитических актах, но также и в сфере внутренней политики. Была открыта дорога многопартийному плюрализму, изменился характер деятельности парламента, нейтрализованы экстремистские группировки. Правда, члены одной из них, «братья-мусульмане», убили Садата во время военного парада. Но это убийство не изменило политики страны и ее уверенной рыночно-частнособственнической ориентации. В Египте появилось довольно много богатых предпринимателей, что явно свидетельствует о процветании экономики. Средний доход на душу населения в конце 80-х годов составлял 700 долл., что для Африки в целом неплохой показатель. Кроме того, Египет — страна высокой культуры, с большим количеством почитаемых древних развалин и памятников, включая великие пирамиды и богатейшие музеи, наполненные раритетами. Индустрия туризма дает экономике страны немалый доход. Большое количество, временами до 2 млн., египтян работает вне страны, пересылая на родину немалую часть своих заработков, как правило, в высоко ценимой валюте.

В дни спровоцированной Ираком в 1990 г. войны в Персидском заливе Египет проявил себя с лучшей стороны, решительно выступив в защиту жертвы агрессии — Кувейта. Умеренных позиций придерживался он и в ходе попыток начала 90-х годов найти мирные пути решения палестинской проблемы. Высокий авторитет страны проявился в конце 1991 г. в том, что ООН подавляющим большинством голосов избрала ее представителя Б. Гали, египетского копта-христианина и одного из наиболее опытных руководителей, в

недавнем прошлом министра иностранных дел, новым Генеральным секретарем этой всемирной организации.

Судан — еще одно крупное арабское государство в восточной части континента, с населением около 23 млн. чел. Только половину этого населения составляют арабы, сконцентрированные в основном на севере страны, близ границ с Египтом. Южная часть Судана населена африканцами из числа негритянских этнических общностей, причем это этнорасовое несходство обеих частей страны является одной из важных причин внутренней политической нестабильности Судана, обретшего независимость в 1956 г.

На протяжении 1958—1969 гг. в стране произошло несколько переворотов, пока к власти не пришел генерал Д. Нимейри, ставший президентом. Политические партии после 1969 г. были запрещены, была проведена широкомасштабная национализация в сфере экономики, установлены тесные связи с СССР и получена помощь от него в строительстве ряда промышленных предприятий и иных сооружений. Было ограничено право собственности прежних властителей, особенно негритянских вождей южной части страны. В то же время Нимейри приложил немало усилий, чтобы блокировать сепаратистские выступления на юге, где мятежные выступления никогда не прекращались. С 1971 г., после неудачной попытки радикального переворота, Нимейри изменил свой политический курс, отказавшись от сотрудничества с СССР и сделав заметный крен в сторону ислама. Новое законодательство 1983 г. формально выдвинуло на передний план законы шариата.

Военный переворот 1985 г. низложил Нимейри. Пришедшие к власти генералы распустили его партию Суданский социалистический союз и объявили о введении многопартийного плюрализма. В 1986 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, после чего было создано коалиционное правительство во главе с лидером партии «аль-Умма». Рубеж 80—90-х годов был ознаменован ростом политической нестабильности и яростным всплеском исламского фундаментализма в Судане, что, кроме всего прочего, тесно связано с этноплеменными столкновениями, особенно на юге страны, и с крайней экономической неразвитостью. Судан — отсталая сельскохозяйственная страна. Средний доход на душу населения здесь вдвое меньше египетского. Около 80% населения неграмотно — при всем том, что эта страна древней культуры и что далекие предки суданцев, мероиты, были причастны к грамоте еще задолго до нашей эры.

Арабская Африка: успехи и неудачи

Арабские страны Африки, как это видно из всего, изложенного выше, очень разные. Однако за этой разницей прослеживаются определенные закономерности, о чем и следует сказать теперь в первую очередь. Начнем с того, что две из арабских стран Африки резко выделяются на общем фоне в сторону отсталости. Это

Мавритания и Судан, крайние звенья цепи государств, протянувшихся по северной кромке континента с запада на восток, точнее, с северо-запада через север на северо-восток. Обе стороны получившейся таким образом дуги смыкаются своими краями с неарабским негритянским миром Африки, так что неудивительно, что в Мавритании и в Судане заметная доля населения — негроидные этнические общности. Это не могло не наложить своего отпечатка, что проявилось как в сравнительной отсталости соответствующих стран, так и в силе сепаратистских тенденций, рождающих серьезную внутриполитическую нестабильность. В этом смысле Мавритания и Судан как бы оттеняют собой остальную часть арабской Африки, демонстрируя ее цивилизационное и экономическое превосходство по сравнению с негритянскими странами Тропической Африки.

Что касается других арабских стран Северной Африки, то все они, имея свое лицо, в то же время как бы вписываются в некие общие закономерности, частично уже выявленные на примере современной Африки южнее Сахары. Речь идет прежде всего об экспериментах в духе марксистского социализма с нарочитым упором на тотальную национализацию экономики и кооперацию, на ограничение частного сектора и свободного рынка. Как хорошо известно, эти эксперименты в экономике и социальных отношениях тесно сопряжены с соответствующими принципами во внутренней политике — ограничением демократии, однопартийностью, сильным президентским правлением, нередко перерастающим в деспотическую диктатуру.

Из пяти стран, о которых идет речь, три избрали в свое время такого рода эксперименты. И хотя лишь Египет откровенно ориентировался на марксистскую модель, тогда как ливийский лидер и алжирское руководство отступили от этой модели в сторону более приспособленной к исламу ее модификации, в каждой из этих двух стран особой, общие результаты одинаковы: во всех трех случаях (к ним можно было бы добавить и четвертый, суданский, если бы не кратковременность там эксперимента, не давшая ему проявить себя в полную силу) экономика достаточно быстро оказалась неэффективной. С особенной силой это проявило себя в Египте, где поворот в сторону частнособственнической рыночной экономики был наиболее резким и решительным. В Алжире и тем более в Ливии нефтедоллары заметно смягчили негативные результаты экспериментов, что и позволило лишь в некоторой степени отступить от сомнительной доктрины в сторону прагматических отношений. Но и в Алжире, и даже в Ливии поворот все же стал фактом и об обратном пути в сторону чистого эксперимента уже не может быть речи. Еще раз заметим, что на этот поворот повлияли события, связанные с кризисом мирового марксистского социализма на рубеже 80—90-х годов.

Политическая стабильность в Марокко и Тунисе, с самых первых лет независимого существования уверенно шедших в своем развитии по рыночно-частнособственническому пути, достаточно убедительно

свидетельствует о вреде сомнительных социальных экспериментов. Дестуровское движение умеренного буржуазно-социалистического направления экспериментом называть нет оснований. Это лишь определенная тенденция, вполне ощутимая и в ряде развитых стран мира. В любом случае заслуживает внимания то, что лишенные нефти Марокко и Тунис вполне в состоянии прокормить себя и к тому же немало продуктов вывозят на мировой рынок, тогда как имеющие нефть Алжир и особенно Ливия себя не кормят, только нефтедоллары позволяют им сводить концы с концами. И здесь опять-таки приговор системе, склонной к утопическим идеям и экспериментам.

Из всех пяти стран, как богатых нефтью, так и лишенных ее, выделяется Египет. Не то чтобы он очень богат. Если посчитать, маленькая щедро осыпанная нефтедолларами Ливия в расчете на душу населения окажется много богаче. Но Египет добился такого уровня развития экономики, сельского хозяйства и культуры, который позволил ему не только в численном отношении, но и по многим другим параметрам стать подлинным лидером арабского и одним из ведущих лидеров исламского мира. Египет, несмотря на свои эксперименты насеровского времени — а может быть именно потому, что нашел в себе силы и решимость энергично от них отказаться и преодолеть все связанные с ними потери,— ныне уверенней многих других идет по капиталистическому пути и больше других преуспел в движении по нему.

Если рассматривать и оценивать страны арабской Африки в целом, то за десятилетия независимого существования они сумели достичь достаточно многого. Возрос их престиж в мире, заметны успехи в развитии — где благодаря отказу от рискованных экспериментов, а где вне зависимости от этих экспериментов. Если не говорить о Мавритании и Судане, то остальные страны арабской Африки развиваются в целом достаточно успешно, особенно по сравнению со всей остальной Африкой, не считая ЮАР. Арабские страны Африки мало участвовали в войнах. Египет потерпел ряд неудач в войне с Израилем; Ливия предприняла несколько в общем неудачных военных экспедиций в Чаде; Марокко вело боевые действия против ПОЛИСАРИО. Но все эти военные кампании были маломасштабными и даже в случае их неудачи не слишком сказались на соответствующих странах и их политике (стоит разве что сделать оговорку о неудачах Египта в войнах с Израилем, которые сыграли определенную роль в изменении его политики). В общем, это вполне согласуется с аналогичной незначительной ролью военных действий на всем африканском континенте с его этнополитической пестротой и случайными границами.

Африку как гигантский континент развивающегося мира нередко воспринимают и оценивают в целом, делая при этом лишь необходимые оговорки относительно ЮАР и арабского севера. В этом есть определенный смысл. Но для нашего анализа важно подчеркнуть, что — оставляя в стороне ЮАР — между негритянской и арабской зонами

существует серьезная разница. Она ощущается во многом, а прежде всего — в общем уровне развития и в цивилизационном фундаменте. Именно поэтому первые три главы четвертой части работы были специально посвящены Африке южнее Сахары, тогда как данная глава — и об этом уже упоминалось в ее начале — является частью раздела, посвященного арабским странам и миру ислама в целом. Соответственно и все приводившиеся выше данные, оценки и выводы целесообразно рассматривать именно сквозь арабо-исламскую призму. Если подходить с этой меркой, то окажется, что страны Магриба и Египет — не просто часть мира арабов, но самая многонаселенная и в этом смысле весьма значимая его часть. Здесь, в Африке, проживает свыше $^2/_3$ всех арабов, а Египет, как упоминалось, является крупнейшей и едва ли не наиболее важной частью арабского мира, в этом с ним может соперничать разве что Саудовская Аравия с ее Меккой.

Глава 5

Арабские страны Азии

Арабы Азии достаточно отчетливо подразделяются на две зоны. Во-первых, это восточносредиземноморская, к которой тяготеет по ряду параметров также и Ирак. Во-вторых, аравийская с ее преимущественно бедуинским населением. Разница между обеими зонами весьма ощутима во многих отношениях. Правда, за последние десятилетия ситуация сильно изменилась, но тем не менее различия остались. Разница прежде всего в глубине цивилизационного фундамента, а суть ее сводится к тому, что арабы восточносредиземноморской зоны пришли сюда из Аравии в VII в., причем до их прихода эта земля уже много тысячелетий интенсивно осваивалась земледельцами, была едва ли не центром мировой цивилизации, во всяком случае наиболее древней ее частью (Египет и Двуречье). Иными словами, цивилизационный фундамент этого региона был наиболее мощным и плодоносным, а навыки земледелия и ремесла уходили корнями в глубь многих тысячелетий. Что же касается аравийской зоны, то это древние места обитания арабов и иных семитских этнических групп, причем в силу природных условий они в основном пригодны лишь для кочевой жизни бедуинов, с редкими и небольшими земледельческими оазисами типа той же Мекки.

Разница, о которой идет речь, многое может объяснить и в последующей судьбе арабских государств обеих азиатских зон, когда поток нефтедолларов стал решительно менять структуру стран аравийской зоны и соотношение между зонами. Это касается и темпов, и качества, и направления развития. Почему, например, Кувейт или Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стали процветающими мирными государствами, а качающий ту же нефть Ирак — агрессивной диктатурой? Разумеется, здесь сыграли свою роль многие факторы, начиная с размеров и населенности той или иной страны.

Но среди прочих — и практика имперского мышления с соответствующими традициями, столь хорошо знакомая восточносредиземноморской зоне и столь мало — бедуинам Аравии. Впрочем, чтобы разобраться в этом, обратим внимание на сами страны, о которых идет речь.

Страны Восточного Средиземноморья

В этом регионе четыре арабские страны — Сирия, Ливан, Иордания, Ирак (проблема Палестины будет рассматриваться особо). Две из них, Сирия и Ирак,— сравнительно крупные, сильные, даже агрессивные государства, если иметь в виду господствующие в них политические режимы; две другие — государства небольшие и слабые, особенно это касается Ливана.

Сирия с ее 15 млн. населения после неудачной попытки объединения с Египтом в 1963 г. оказалась под властью лидеров ПАСВ (БААС), партии арабского социалистического возрождения. По духу своему это была партия национального единства арабов, и в ней было немало сторонников восстановления унии с Египтом и даже прибавления к этой унии Ирака. Однако в ПАСВ достаточно быстро верх одержала националистическая фракция с ориентацией на тоталитарный социализм, во многом близкий к классической советской марксистской модели (национализация предприятий и ресурсов страны, акцент на общественную собственность, правда, с признанием роли мелкой частной собственности и предпринимательской инициативы). Вскоре социалистический акцент в экономике был смягчен, но за этим последовал военный переворот 1966 г., вновь приведший к руководству страной радикалов. Курс на укрепление роли государственного сектора в экономике был продолжен.

Конституция 1969 г. определила Сирию как демократическую, народную и социалистическую республику с плановой экономикой, с ограниченной рамками закона частной собственностью. В 1972 г. во главе республики стал президент Х. Асад, а по конституции 1973 г., одобренной всеобщим референдумом, к формуле о плановой экономике был добавлен тезис о ликвидации «всех форм эксплуатации». Явный светский социалистический уклон политики нового руководства был уравновешен реверансами в адрес ислама. Арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг. способствовали увеличению роли Сирии в общем противостоянии арабов Израилю, что также говорило в пользу признания заслуг сирийского руководства в борьбе за ценности ислама. На волне этого признания Сирия попыталась было в конце 70-х годов улучшить свои взаимоотношения с арабскими соседями, Иорданией и Ираком, но в силу ряда причин, включая и вмешательство Сирии в дела раздираемого внутриполитическими и религиозными конфликтами Ливана, этого не удалось достичь. Зато постепенно становилось все более очевидным сближение Сирии с экстремистски настроенным лидером Ливии Каддафи.

Несмотря на ряд мер, предпринятых в 1974 и 1979 гг. и направленных на либерализацию экономики, руководство Сирии не изменило своего курса, более того, постепенно радикализировало его. Эта радикализация проявлялась не только в дружбе с Ливией, но и в противостоянии умеренной политике Египта, и в той позиции, которую руководство страны заняло в ирано-иракском конфликте 1980—1988 гг., когда Ливия и Сирия оказались союзниками радикального, даже экстремистски настроенного правительства Ирана, но не Ирака, правитель которого, к слову, в то время еще не был символом радикализма и экстремизма на Ближнем Востоке. Кроме того, Сирия все эти годы была одним из ближайших, если не самым близким союзником СССР на Ближнем Востоке.

Политика и позиция Сирии в Ливане, исторически связанном с нею многими корнями, требует особого разговора. Вкратце можно сказать, что долгие годы это вмешательство выглядело более негативным, нежели позитивным, даже имея в виду совместное всеарабское противостояние Израилю. Но в начале 90-х годов оно неожиданно оказалось залогом оздоровления ситуации в Ливане. Едва ли это заслуга Сирии, скорее так сложились обстоятельства. Но факт остается фактом, как фактом остается и резкое противостояние Сирии и Ирака, что на первый взгляд может показаться удивительным хотя бы потому, что обе страны держатся почти одинакового курса во внешней, внутренней и экономической политике, имеют сходные режимы (буквально режимы-близнецы) и в обеих у власти стоит одна и та же партия ПАСВ, точнее, ответвления одной и той же первоначально единой партии. Видимо, здесь следует говорить уже не столько о близости режимов и политических курсов или партий, сколько о национальных интересах, которые Сирию и Ирак в основном и разделяют, прежде всего потому, что в рамках арабского Ближнего Востока обе страны объективно выступают как два сильных соперника.

В заключение существенно заметить, что социальные эксперименты, проводимые правительством Сирии в экономике, не могли привести эту страну к процветанию, скорее наоборот. И если неэффективное национализированное хозяйство не привело страну к экономическому кризису, то это не столько потому, что частный сектор в определенных пропорциях всегда продолжал существовать, хотя это весьма существенно, сколько из-за того, что Сирии, на чьи плечи падает весомая доля в борьбе с Израилем, активно помогают нефтедобывающие арабские страны (не стоит забывать и о немалой советской помощи, причем не только оружием).

Ирак с его 17 млн. населения — вторая крупная арабская страна ближневосточной и восточносредиземноморской зоны. После революции 1958 г. эта страна, занимающая территорию древнего Двуречья, перестала быть монархией. В 1963 г. на передний план в Иране, как и в соседней на западе Сирии, вышла партия ПАСВ, хотя она и не сразу укрепилась в позиции правящей партии, ибо между претендентами на руководство страной шла ожесточенная борьба.

1969—1971 годы были отмечены реформами, направленными на усиление государственного сектора в экономике и кооперацию в сельском хозяйстве. В 1974 г. на долю государственной экономики приходилось около 3/4 промышленной продукции, чему способствовало и заметно усилившееся сотрудничество с СССР.

Политическая власть в стране не была стабильной, перевороты следовали один за другим, острая внутриполитическая ситуация то и дело осложнялась национальными конфликтами с иракскими курдами на севере страны. Рискованные социальные и экономические эксперименты не приносили и не могли принести успеха. Положение спасла национализация нефтяной промышленности страны с полной ликвидацией здесь позиций иностранных компаний. Резкое увеличение доходов от нефти в 70-х годах, когда цены на нефть были весьма высокими, позволило Ираку компенсировать все экономические неудачи и еще остаться в выигрыше, несмотря на большие расходы, связанные с закупкой оружия. Ежегодный доход от нефти составлял 21—26 млрд. долл. Это усиление потока нефтедолларов могло бы сыграть важную позитивную роль в судьбах Ирака, если бы не война с Ираном, стоившая огромных жертв и материальных затрат и завершившаяся безрезультатно.

Приход в 1979 г. к власти в партии ПАСВ и в государстве С. Хусейна явился важной вехой в истории страны. Жестокий и беспринципный политик, коварно уничтоживший всех своих потенциальных соперников и умело установивший в стране режим тоталитарной диктатуры, Хусейн достаточно быстро сориентировался в обстановке и принял ряд мер, которые должны были способствовать росту его популярности. Прежде всего, он либерализовал экономическую политику, признав роль и место частной собственности и перестав рассуждать на каждом углу о социализме, чем обычно грешили его предшественники. Затем он стал играть на чувствительных струнах национального достоинства, выдвинув на передний план образ врага, против которого всем надлежало сплотиться. Хусейн был бы рад найти этого врага в Израиле, что принесло бы ему, бесспорно, много больше очков. Но Израиль оказался вне сферы его возможностей; кроме того, с ним уже успешно вела политику жесткого противостояния Сирия, соперничество Ирака с которой все время обострялось. Оставался один возможный враг — Иран. Была и причина вражды — спорные территории в районе Персидского залива. Именно с приходом Хусейна к власти в 1979 г. то и дело возникали в районе этих территорий конфликты и вооруженные столкновения, которые в 1980 г. переросли в широкомасштабную войну.

Война затянулась почти на десятилетие. Хотя она не принесла успеха ни одной из сторон и дорого обошлась каждой, победителем в ней оказался С. Хусейн. Это с особой силой выявилось на рубеже 80—90-х годов, когда в глазах населения Ирака Хусейн стал почти обожествленным национальным вождем, подлинным харизматическим лидером, которому верят и за которым готовы идти если не все, то очень многие. И вот здесь-то Хусейн решил играть ва-банк, пойдя на

авантюру, которая могла в случае удачи сделать его лидером всего арабского, может быть даже арабо-исламского мира. Речь идет об аннексии Кувейта с дальним прицелом: в случае войны держав против агрессора обрушить всю накопленную страной военную мощь, включая оружие массового уничтожения, на Израиль и тем расколоть мир на враждующие лагеря и спасти свое положение. Как известно, авантюра провалилась. Кувейт был почти бескровно для войск коалиции, куда вошли и многие арабские страны, освобожден, а Израиль не дал спровоцировать себя, несмотря на регулярные ракетные обстрелы. Но показательно, что даже эта неудача не выбила Хусейна из седла, как того многие ожидали. Напрашивается вывод, что агрессивная тоталитарная структура пока не отторгается Ираком, а харизма всесильного лидера, несмотря на неуспех двух его войн, еще не изжила себя.

Иордания, расположенная к югу от Сирии и к западу от Ирака,— наиболее отсталая из стран восточносредиземноморской зоны. Слабонаселенная (ок. 3 млн.), она по многим параметрам тяготеет к странам аравийской зоны арабского мира. Правда, после объединения западноиорданских земель Палестины с Трансиорданией в рамках Хашимитского королевства (1950) ситуация в этом смысле несколько изменилась: вновь присоединенные районы были относительно развитыми и многонаселенными. Правящий страной с 1953 г. король Хусейн установил режим умеренной конституционной монархии с парламентом и многопартийной системой. Отторжение западноиорданских территорий после арабо-израильской войны 1967 г. нанесло удар по экономике страны и привело к обострению внутриполитической обстановки, ибо отступившие на восток палестинцы стали представлять серьезную угрозу власти короля. В 1971 г. Хусейн добился вывода палестинских отрядов с территории Иордании, хотя он при этом вплоть до 1988 г. поддерживал население оккупированного Израилем Западного Иордана, выплачивая жалованье чиновникам, предоставляя социальную поддержку нуждающимся, чему израильские власти не препятствовали. Следует заметить, что Иордания, как и Сирия, не имеет нефтяных запасов. Неразвитость же экономики, особенно после потери западноиорданских территорий, привела к тому, что Иордания, как и Сирия, стала получать регулярную помощь от богатых нефтью аравийских монархий. В 1988 г. в связи с решением признать территорию Палестины (в том числе западноиорданские земли) подвластной арабскому государству в лице Организации освобождения Палестины (ООП) Хусейн отказался от остатков своего суверенитета над Западным Иорданом, включая и упомянутые выплаты.

Соседство с Израилем и постоянная вовлеченность в дела палестинцев позволяют Иордании рассчитывать на поддержку богатых нефтедолларами соседей, что сильно помогает этой бедной стране с неразвитой экономикой сводить концы с концами. Тем более удивительной выглядела позиция короля Хусейна в дни кувейтского

кризиса, когда Иордания, пусть с колебаниями, но встала на сторону агрессора, своего могучего соседа Ирака (как это сделали и тесно связанные с ней едиными судьбами палестинцы во главе с Я. Арафатом) и тем самым как бы бросила вызов аравийским монархиям, оказывавшим ей помощь.

Ливан — тоже небольшая страна восточносредиземноморской зоны с населением св. 3 млн. чел. В отличие от Иордании, она всегда была едва ли не наиболее развитой частью арабского мира, а левантийская буржуазия издревле заправляла делами на рынках Магриба, как и в Египте, и в неарабском Средиземноморье. Став независимой республикой с 1943 г., Ливан с его сложным этнорелигиозным составом населения (христиане, мусульмане-сунниты, мусульмане-шииты, друзы; арабы, арабы-палестинцы из числа беженцев с юга, армяне, курды и пр.) два-три десятилетия с трудом поддерживал внутриполитический баланс, основанный на Национальном пакте, который предусматривал строгую систему распределения высших должностей в республике в зависимости от принадлежности к той или иной общине. В 50-х годах при президенте К. Шамуне Ливан в экономическом плане был процветающей страной, выступая в качестве богатого посредника между Западом и арабским рынком. На рубеже 60-х годов Ливан оказался вовлеченным во внутриарабские конфликты, прежде всего в противостояние арабов Израилю. Июньская же шестидневная война 1967 г. и перемещение едва ли не главного центра деятельности антиизраильских политических организаций в Ливан, где обосновалось до 400 тыс. изгнанных или уехавших из Палестины, а затем и из Иордании арабов, усугубили это противостояние и к тому же сильно осложнили и без того напряженную внутриполитическую ситуацию в стране. 70-е годы принесли с собой дальнейший рост напряженности, которая в 1975 г. переросла в острый кризис власти, сопровождавшийся постоянными междоусобными войнами между различными общинами страны.

Некогда процветавшая экономика Ливана за последовавшие затем полтора десятилетия была подорвана практически не прекращавшимися войнами между христианами и мусульманами, шиитами и суннитами, ливанцами и палестинцами и всеми ими вместе — с израильтянами. Южная полоса Ливана, граничащая с Израилем, была фактически оккупирована союзной с израильтянами ливанско-христианской армией, создавшей в этой полосе нечто вроде буфера, который предохранял Израиль от террористических актов со стороны базирующихся в Ливане боевых отрядов Организации освобождения Палестины (ООП). Итог был плачевным: правительство Ливана оказалось в состоянии паралича, боевые отряды ливанских общин действовали на свой риск и страх, а некогда цветущий Бейрут был превращен в разделенную на части груду развалин.

Вмешательство Сирии в ливанские дела долгое время было лишь усложняющим ситуацию моментом, пока в начале 90-х годов оно не стало способствовать консолидации страны и примирению враждующих сторон, чему способствовали принятие в 1989 г. и ратификация

членами парламента 1972 г. (после этого выборов в стране больше не было) новой Хартии национального согласия. Есть надежда, что Ливан в 90-х годах встанет на путь политического выздоровления.

Аравийские монархии

Если не считать республики Йемен, возникшей на рубеже 80—90-х годов в результате объединения Йеменской Арабской Республики с Народно-Демократической Республикой Йемен, бывшим Аденом (единственной из аравийских стран, которая еще в 70-х годах взяла курс на развитие по марксистско-социалистической модели, но в движении по этому пути, как и другие аналогичные страны, не преуспела), то все остальные государства аравийской зоны — это монархии. В отличие от бедного и слаборазвитого, лишенного нефти Йемена, 11—12 млн. населения которого не могут похвастать высоким уровнем жизни (ок. 500 долл. в год на душу населения), все монархии аравийской зоны сегодня — это богатейшие и процветающие государства. Правда, процветание их — скорее результат щедрости судьбы, своего рода подарок Аллаха, нежели плод собственных целенаправленных усилий. Имеются в виду нефть и обильный поток нефтедолларов.

Саудовская Аравия — крупнейшая и богатейшая из этого ряда стран (население — ок. 10 млн. чел.). Родина арабов и ислама, Аравийская пустыня с ее немногочисленными оазисами издревле была малонаселенной, что, впрочем, не мешало ей время от времени выплескивать на север очередные волны семитских племен и народов, последней в ряду которых была именно арабо-исламская. Расцвет арабо-исламской культуры, однако, мало затронул бедуинов Аравийской пустыни, сохранивших свой привычный образ жизни до наших дней. Активность ваххабитов, приведшая к созданию в XIX в. государства Саудидов, заложила основу современной монархии, существующей в ее нынешнем политическом оформлении с 1932 г.

Основа процветания саудоаравийской экономики — нефть, добыча которой по объему сопоставима с российской и американской. Если принять во внимание, что эта нефть добывается в малонаселенном (в основном кочевниками) государстве и почти целиком идет на экспорт, то нетрудно заметить, что нефтедоллары, объем поступления которых резко возрос после национализации нефтяной добычи (1975) и особенно после увеличения цен на нефть, сыграли роль золотого дождя для не ожидавшей такого подарка судьбы страны. За счет нефтедолларов в 70-х и особенно 80-х годах стала быстро развиваться экономика страны, укрепляться вооруженная новейшей техникой армия. Многие десятки и сотни аравийских миллиардов осели в банках и реализованы в акциях капиталистических стран (стоит напомнить, что богатейшим человеком мира был назван в 1988 г. аравийский миллиардер). Заметное количество их (до 12 млрд. в год) идет в форме помощи на нужды арабских государств, противостоящих Израилю. Немало делается для развития образования, культуры, для

строительства и обслуживания туристов, особенно приезжающих в Мекку в дни хаджа. Однако все это принципиально пока не изменило образ жизни большинства населения страны. По-прежнему преобладают кочевники-бедуины (хотя их верблюды уже не нужны для дальних перевозок товаров — с этим отлично справляется современный автотранспорт), и лишь некоторая часть их, оседая в городах или орошаемых заново районах, постепенно адаптируется к новым условиям жизни и вкушает плоды бурного процветания. В частности, стоит особо сказать о полутораста сотнях тысяч субсидируемых государством современных ферм, производящих в бывших песках пустыни миллионы тонн первоклассной пшеницы, идущей и на экспорт.

Кувейт с его 2 млн. жителей, из которых половина не является гражданами этой небольшой страны, обрел независимость в 1961 г. Будучи формально конституционной монархией во главе с эмиром из династии Сабах, он по конституции имеет парламент и избираемого из членов клана Сабахов правителя-эмира. Но в реальности эта традиционная политическая структура не всегда функционировала. В частности, кувейтский парламент был малодеятелен и маловлиятелен, а в 1986 г. вовсе прекратил свою деятельность. Это и неудивительно: традиционные формы исламского эмирата гораздо более привычны для жителей страны, в подавляющем своем большинстве вчерашних бедуинов-кочевников, возглавляемых своими шейхами.

Нефтяной бум 70—80-х годов превратил это небольшое государство в обладателя многих сотен миллиардов нефтедолларов, которые были умело вложены в ряд программ, обеспечивших за четверть века процветание преображенной страны. Усилиями нанятых за хорошую плату десятков и сотен тысяч опытных рабочих и специалистов, мигрантов из разных стран, с помощью новейшей техники и технологии Кувейт сумел создать в буквальном смысле слова чудо в пустыне, стать своего рода жемчужиной Ближнего Востока. Это пример того, что может дать современная развитая техническая цивилизация даже в столь неблагоприятных для обитания человека пустынных землях с небольшими оазисами, какие характерны для Кувейта.

Миллиарды Кувейта оказались яркой приманкой для иракского диктатора, который вскоре после окончания длительной и бесплодной ирано-иракской войны 80-х годов решился на своего рода блицкриг, аннексировав в начале 90-х годов Кувейт. Эта аннексия вызвала решительный отпор со стороны арабских соседей Кувейта, хотя и не всех. Возглавленные американской армией войска, как упоминалось, изгнали иракскую армию из Кувейта, достаточно быстро восстановившего свои тяжелые потери,— достаточно напомнить о примерно пятистах нефтяных скважинах Кувейта, которые были подожжены отступающими войсками Хусейна и с трудом в течение многих месяцев и ценой миллиардных затрат потушены специалистами из разных стран. Богатый Кувейт не только оплатил весомую часть расходов, связанных с войной за его освобождение, но и остался

достаточно богат для того, чтобы продолжать быть процветающей страной Аравии.

Нечто похожее на Кувейт представляют собой и остальные небольшие эмираты аравийской зоны — Бахрейн, Катар, Оман и ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты), разбогатевшие на нефтедолларах и быстрыми темпами развивающиеся на хорошо продуманной коммерческой основе. Если и можно применительно к этим странам с их общим населением в 4—5 млн. чел. говорить о некоторых социальных и экономических проблемах, то только по отношению к тем иностранцам-мигрантам, которые своим трудом и за хорошую плату создают развитую экономику и инфраструктуру нефтедобывающих стран, оставаясь при этом людьми второго сорта, лишенными гражданства, не имеющими права на те многочисленные бесплатные социальные блага, которые полагаются гражданам этих стран — к слову, опять-таки преимущественно кочевникам-бедуинам или вчерашним кочевникам, далеко не все из которых спешат воспользоваться предлагаемыми им льготами и благами, нередко предпочитая привычную жизнь в пустыне со своими верблюдами.

Вообще аравийские монархии конца нашего века — интересный парадокс истории, в некотором смысле витрина возможностей современных техники, технологии и цивилизации Запада на далеком от всего этого и недавно еще заброшенном судьбой нищем Востоке. Здесь царство крайностей. С одной стороны, неслыханные богатства и соответственно сказочные, почти в духе сказок «Тысячи и одной ночи» возможности, с другой — уходящая в родоплеменную первобытность отсталость образа жизни кочевников-бедуинов; с одной стороны, наиблагоприятнейшие возможности для получения хорошего современного бесплатного образования и соответствующего рывка в мир современности, с другой — нежелание многих, имеющих на то право, воспользоваться этим; с одной стороны, высокие темпы экономического роста и уровень дохода на душу населения, а с другой — подчас полное безразличие к этому и явное отсутствие желания привести уровень процветания в соответствие с социально-политическими нормами бытия (имеются в виду многопартийный плюрализм парламентарной демократии и связанные с этим иные институты).

Правда, кувейтская трагедия сильно повлияла на изменение привычных стереотипов в аравийских монархиях. Пережитые регионом потрясения заставили осознать, что, во-первых, небольшим странам нужно объединиться, дабы трагедия не повторилась,— объединиться хотя бы в форме некоей конфедерации с общей или находящейся под общим командованием хорошо вооруженной, совместно содержащейся армией. Во-вторых, война дала толчок сотрудничеству с оказавшим помощь Кувейту Западом, восприятию западных форм политического устройства. В Кувейте вновь воссоздан закрытый было в 1986 г. парламент. Нечто вроде аналогичного пока еще консультативного совета планируется создать в Аравии. Тяга к вестернизации ощущается и в иных аравийских эмиратах.

Пока что аравийские монархии в целом — это страны-рантье, пользующиеся готовым, не созданным своими руками. В этом их внутренняя слабость, которую новые поколения сегодня, видимо, уже осознают. И пусть психология рантье еще преобладает, сдвиг уже ощущается. Если вчера престижем пользовалась в основном профессия военного, то сегодня немало вчерашних бедуинов уже получили образование и адаптировались к потребностям и возможностям современной городской жизни. Видимо, в недалеком будущем достигнутая столь легко высокая стартовая основа позволит адаптироваться к новым условиям жизни большинству местного населения (тем более, что есть неплохой пример и ориентир в виде массы наемных и хорошо работающих тружеников-мигрантов). Переход к регулярному созидательному труду в недалеком уже будущем может решительно преобразовать эту отсталую в недавнем прошлом периферию арабского мира.

Арабы Азии и мир арабов сегодня

Еще сравнительно недавно, как о том уже шла речь, отсталой периферией были аравийские монархии; наиболее передовой зоной арабского мира считалась восточносредиземноморская с Египтом, Сирией и Ливаном в качестве и экономических, и политических лидеров, а страны Магриба стояли как бы посередине. Сегодня в этой расстановке сил многое изменилось. По-прежнему общим для всех арабских стран являются их генетические связи и этнорелигиозное родство. Общим следует считать их давнишнюю — до середины нашего века — политическую несамостоятельность или неполную самостоятельность в качестве сначала периферии Османской империи, а затем колоний или колониально-зависимых стран. Для всех деколонизация стала исходным моментом нового развития, и практически все арабские государства, за редкими исключениями вроде Мавритании, Судана, Иордании или Йемена, развиваются достаточно успешно и сравнительно быстрыми темпами, особенно по сравнению с государствами Тропической и Южной Африки (кроме ЮАР). Безусловно, здесь сказался исходный более высокий цивилизационный фундамент. Но сыграло свою роль и нечто другое, причем именно это «другое» и разделило современный мир арабов на несходные судьбой группы стран. Речь идет о нефти и нефтедолларах.

В Алжире и Тунисе нефтедоллары лишь помогают сводить концы с концами, зато в монархиях Аравии, в Ливии и Ираке нефть льется потоками и оказывается не просто основой основ экономики, но и залогом процветания, богатства. Более того, за счет нефтедолларов даются дотации тем странам (Иордания, Сирия, Ливан), где нефти нет и где в противном случае — без вливаний извне — было бы трудно свести концы с концами. Практически сказанное означает, что все арабские страны Азии — кроме, быть может, Йемена — так или иначе существуют за счет нефти либо вливания нефтедолларов. Это не ликвидирует существенную разницу между группой стран, богатых

нефтью, и группой тех, кто ее не имеет, но это позволяет странам второй группы поддерживать их жизненный стандарт. В странах Магриба нефть тоже играет аналогичную роль. Только лишенное нефти Марокко и мало ее имеющий Египет (оставляя в стороне периферийные и полуарабские Мавританию и Судан) живут не за счет нефтедолларов. Но, не будучи вовлечены в рискованные социальные эксперименты, как Марокко, либо преодолев последствия таких экспериментов и решительно вступив на путь капиталистического развития (как Египет), они успешно развиваются и без потока нефтедолларов.

Резюмируя, можно сказать, что нефть и нефтедоллары в какой-то степени разделили арабский мир и поддержали те его части, которые оказались без нефти. Без нефти и нефтедолларов оказалось явное меньшинство стран. Подавляющее же большинство их так или иначе от нефти зависит. Более того, все их вооружение, количество которого особенно впечатляет в Ираке и Сирии, равно как и все их рискованные социальные эксперименты с марксистским акцентом (это касается Алжира, Сирии, Ирака), оплачивались все теми же нефтедолларами. Словом, мир арабов отличается от остальных регионов не столько своими цивилизационными особенностями, сколько обилием нефти. Неудивительно поэтому, что нефтяное хозяйство здесь пользуется очевидным приоритетом и что в первую очередь создается та инфраструктура (дороги, трубопроводы, насосные станции, нефтеперерабатывающие предприятия, терминалы и т. п.), которая нужна для бесперебойной работы скважин и реализации нефти и нефтепродуктов. Во всех экспортирующих нефть странах существуют министерства нефтяного хозяйства, а министры регулярно представляют свои страны на совещаниях стран ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти).

Если говорить о вненефтяном развитии промышленности, то наивысшего уровня она пока что достигла в Египте, кое-чего в этом смысле добились Сирия, Алжир и особенно Ирак, сделавший акцент на военной промышленности. Что касается сельского хозяйства, то в ряде случаев радикальные аграрные реформы способствовали росту производства продовольствия, однако тот печальный факт, что эти реформы нередко сопровождались рискованными экспериментами, направленными на кооперирование крестьянства и против частного сектора, объясняет, почему, скажем, богатые хорошими землями Алжир и Ливия обеспечивают себя продовольствием лишь примерно на 30%.

В целом результаты развития арабского мира гораздо более внушительны, чем можно было бы ожидать, имея в виду и социальные эксперименты, и истощающие Ближний Восток частые войны, и безудержную гонку вооружений, и традиции кочевой жизни бедуинов, да и многое другое, включая неприятие исламом и особенно исламским фундаментализмом западных капиталистических норм, ценностей и порядков. Причин здесь две: во-первых, нефтедоллары, о которых много уже было сказано, а во-вторых, существенная

тенденция к всеарабской солидарности, что также было отмечено. Впрочем, об этом стоит сказать еще несколько слов.

Дело в том, что реальной политической солидарности арабы в современном мире обычно не демонстрируют. Уже обращалось внимание на то, что случаи объединения между соседними странами уникальны и к тому же не всегда прочны. Говорилось и о расколах между арабскими странами в серьезные моменты, например в ходе ирано-иракской войны, когда радикально настроенные Сирия и Ливия поддержали Иран. То же, хотя и с иным раскладом сил (Иордания, Ливия за Ирак), произошло в дни войны в связи с аннексией Ираком Кувейта. Но если так, то на чем держится экономическая солидарность арабов, почему миллиарды нефтедолларов ежегодно текут из богатых аравийских стран в некоторые восточносредиземноморские арабские государства, в связи с чем? Ответ один, и он хорошо известен. Речь идет о проблеме Палестины, проблеме, которая не просто объединяет всех арабов, но и является для них столь принципиально важной, что, коль скоро заходит речь о ней, все остальное остается на заднем плане. Не случайно миллиарды щедро текут на помощь палестинцам, а также тем странам, которые несут на себе тяжесть противостояния с Израилем. И далеко не случайно С. Хусейн мечтал разыграть израильско-палестинскую карту и тем не только сохранить за собой аннексированный Кувейт, но и стать признанным лидером всего арабского мира. Хусейн, как известно, проиграл. Но при несколько ином раскладе сил и как-либо изменившихся обстоятельствах он вполне мог и выиграть. Так в чем же суть проблемы палестинцев?

Палестина, Израиль* и ближневосточный конфликт

Образование государства Израиль в 1948 г. стало отправной точкой ближневосточного конфликта. Все началось с первой арабо-израильской войны, вспыхнувшей в связи с решением ООН создать в Палестине государство евреев. Придя на помощь палестинцам, группа арабских стран (Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, а затем также Саудовская Аравия и Йемен) объявила войну Израилю. Результаты войны были печальны для арабов: Израиль захватил большую часть предназначавшейся палестинцам территории, а остальная попала под власть Иордании (западный берег р. Иордан) и Египта

---

* В параграфе, посвященном проблеме Палестины, фактически не идет речь о почти уже полувековой истории государства Израиль. История эта заслуживает серьезного внимания, но по сути своей как бы выходит за рамки издания, посвященного истории Востока. Дело в том, что современное государство Израиль — при всех восточных корнях евреев как этноса — к государствам Востока не может быть отнесено. Оно по всем основным параметрам структуры и традициям культуры относится к Западу, даже принимая во внимание деятельность и традиции правоверных хасидов и иных групп ревностных сторонников древнего иудаизма.

(сектор Газа). Именно в это время, на рубеже 1948—1949 гг., из Палестины было изгнано около 900 тыс. арабов, нашедших убежище в различных арабских странах. Возникла острая проблема беженцев, причем попытки расселить их с выплатой компенсации и последующей адаптацией на новых местах (с такого рода инициативой выступили, в частности, США) вызвали бурю возмущения и были с негодованием отвергнуты. Палестинцы стремились вернуться на свою родину, а родственные им арабские страны горели желанием осуществить это, а заодно и наказать Израиль.

Спустя почти двадцать лет, когда Египет времен Насера был, как казалось, в расцвете сил и, в частности, обрел достаточно хорошо вооруженную с помощью СССР армию, наступил момент для нового вооруженного конфликта. Политика Египта, не скрывавшего своих намерений в скором времени вновь скрестить оружие с Израилем, вызвала настороженность последнего. Упредив удар, израильская армия в июне 1967 г. разгромила египетскую армию и потеснила на других фронтах вооруженные формирования Сирии и Иордании. Результатом этой войны было присоединение к Израилю западного берега Иордана и сектора Газа с соответствующим включением в государство нескольких сотен тысяч проживавших на этих землях арабов, не получивших, однако, израильского гражданства (как упоминалось, в определенной степени они продолжали находиться — что касается западноиорданских территорий — под опекой и юрисдикцией Иордании). Очередная война 1973 г., ставившая своей целью возвратить утраченное, также не принесла успехов арабским государствам. Можно сказать и больше: новая война убедительно показала, что военной силой ближневосточной проблемы не решить.

Это был сильный удар по престижу арабского мира. Ничего не оставалось, как пойти на решительный пересмотр всей стратегии противостояния Израилю, за спиной которого была поддержка США. Дальше всех в направлении пересмотра своей ближневосточной политики пошел Египет, для которого 70-е годы были временем переоценки многих позиций, в первую очередь социально-экономических, внутриполитических. Президент А. Садат в 1979 г. заключил мир и восстановил дипломатические отношения с Израилем, что позволило ему вернуть утраченные в 1967 г. территории сектора Газа. И хотя остальные арабские страны дружно осудили за этот шаг Садата, расценив мир с Израилем как предательство общеарабских интересов (Египет после этого был исключен на несколько лет из Лиги арабских государств), решение прекратить состояние войны с Израилем со стороны крупнейшей и влиятельнейшей страны арабского мира означало как раз то, о чем уже только что было сказано: военными средствами проблему не решить. Нужно искать иные. Какие же?

Прежде всего, с середины 70-х годов центр тяжести противостояния Израилю переместился в сторону самих палестинцев, которые для этого должны были организоваться и добиться международного

признания. Собственно, именно достижение этой цели и легло в основу новой стратегии арабов в ближневосточном конфликте после войны 1973 г. Созданная еще в 1964 г. Организация освобождения Палестины (ООП), к руководству которой в 1969 г. пришел Я. Арафат, начала энергично бороться за международное признание. В 1974 г. она приняла участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН, затем получила официальный статус наблюдателя при ООН, была принята в ЮНЕСКО и ряд других организаций, существующих под эгидой ООН. Территориальной базой для существования ООП и различных ее боевых и иных подразделений стали Сирия и Ливан (Иордания, как уже говорилось, настояла на выводе палестинцев со своей территории), финансовой основой — нефтедоллары из арабских стран.

Особый разговор о методах и средствах борьбы ООП. Рассчитывать на быстрое международное признание эта организация — при всей поддержке арабского мира — могла лишь при условии, если бы о ее целях, стремлениях и заботах узнали все, если бы палестинская проблема стала в центре внимания мирового сообщества. Но у мира множество проблем, и палестинская — лишь одна из них, причем далеко не самая животрепещущая. Стало быть, нужно было сделать так, чтобы ее заметили все, чтобы палестинцы и их дело были у всех на устах, чтобы все газеты мира писали о них.

И палестинцы сумели добиться этого, начав с террористических актов, потрясших мир. В 1972 г. во время мюнхенской олимпиады группа специально подготовленных боевиков проникла в здание, где находились израильские спортсмены, и хладнокровно уничтожила группу невооруженных людей. Затем начались взрывы и похищения людей, захваты самолетов и угроза жизни случайно захваченных заложников. Не проходило и года, чтобы очередной страшный террористический акт не напоминал миру о том, что палестинцы существуют и требуют к себе внимания мировой общественности. Мало того, с легкой руки именно палестинских террористов, сумевших добиться своей цели и доказавших эффективность методов террора в век массовой информации, эти же методы стали успешно использовать и другие агрессивные меньшинства и экстремистские группы, от басков и ирландцев до «красных бригад» или групп «прямого действия». После 1978 г. едва ли не лидирующие позиции заняли в терроризме шиитские сторонники иранского аятоллы. К слову, к этому времени палестинский терроризм стал постепенно уходить в прошлое. Террористических актов, совершаемых палестинцами, становилось все меньше, и они терялись среди массы других аналогичных экстремистских выступлений.

Разумеется, официальные руководители ООП всегда открещивались от действий боевиков. Но свое дело эти боевики, подчас смертники, сделали. Они заставили весь мир со вниманием

отнестись к палестинскому делу. ООП была признана в качестве руководителя палестинского движения практически всеми государствами мира, установившими с ней отношения и предоставившими ей право представительства в своих столицах. Ближневосточный конфликт на долгие годы оказался в центре внимания мировой прессы. Проблема палестинцев стала объектом заботы многих держав, включая и великие. Было принято решение об организации международного совещания по ближневосточной проблеме с участием всех заинтересованных сторон и так или иначе озабоченных решением проблемы великих держав. Практически проблема долгие годы упиралась лишь в то, чтобы на такого рода совещание согласился Израиль.

Но как раз в этом пункте, что называется, нашла коса на камень. Сумевший защититься от ударов палестинских боевиков, Израиль не без оснований обвинил в терроре всю Организацию освобождения Палестины и наотрез отказался иметь с ней дело, считать ее официальным и тем более единственным представителем народа Палестины. Формально в этом Израилю помогал и отказ ООП признать право Израиля на существование, для чего необходимо было публично заявить о принятии соответствующей резолюции ООН, с чем Арафат долго не торопился. Если задаться вопросом, почему ООП не торопилась официально признать право Израиля на существование, которое и сегодня многие из арабских стран не признают, то окажется, что здесь сыграли свою роль разногласия и в мире арабских стран, и в рядах самой ООП по поводу того, как вести дела с Израилем.

Аннексировав Кувейт, Ирак в 1990 г. неожиданно для многих обрел горячего союзника в лице Арафата. Неожиданно потому, что несколько сотен тысяч палестинцев работали в Кувейте и жили за счет кувейтских нефтедолларов, что, казалось бы, подразумевало их лояльность по отношению именно к Кувейту. Решительный выбор противоположного характера означал, что палестинцы во главе с Арафатом меньше всего были озабочены долгом благодарности по отношению к приютившему и давшему хорошие заработки немалой их части Кувейту. Их мечты сводились к одному: наконец-то нашелся лидер, проявляющий решимость, имеющий силу, пользующийся доверием людей и к тому же явно намеренный решительно покончить с Израилем, о чем Хусейн не стеснялся громко напоминать. Стоит добавить к этому, что ряд лидеров ООП считают Арафата весьма умеренным, за что он постоянно критикуется сторонниками более жесткой линии по отношению к Израилю.

Сказанного достаточно, чтобы понять, сколь накалена обстановка вокруг Палестины и как велика ненависть к Израилю не только и

не столько как к агрессору, захватившему принадлежащие палестинцам земли, сколько как к государству, само существование которого недопустимо. И любой диктатор, берущийся помочь в уничтожении Израиля,— друг и брат палестинцев. Такова неприкрашенная реальность, даже если она порой смягчается явно вынужденными обстановкой заявлениями о готовности признать право Израиля на существование при определенных условиях. К такого рода заявлениям лидеры ООП вынуждены были прибегнуть после провала авантюры Хусейна в Кувейте, благодаря чему международный рейтинг Израиля, проявившего сдержанность, резко повысился, а рейтинг ООП, Арафата и соответственно палестинцев и их дела явно понизился (причем понизился в глазах не только внешнего мира, но и наиболее богатых арабских стран — можно вспомнить о том, что Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива приостановил в связи с поведением палестинцев регулярную помощь им). Конечно, палестинское дело по-прежнему осталось в глазах всех арабов делом правым и касающимся всех арабов. Но престиж его на некоторое время. упал

На этом новом фоне сразу же после победы над Ираком США и СССР предприняли меры для решения сложной палестинской проблемы. Однако многосторонние переговоры, проходившие на виду у всего мира и постоянно осложнявшиеся непредсказуемыми политическими поворотами, не могли дать и тем более быстрого результата. Зато к ошеломляющему и никем не ожидавшемуся результату привели конфиденциальные встречи представителей Израиля и ООП, проходившие в Осло под патронажем норвежского министра иностранных дел и завершившиеся в сентябре 1993 г. торжественно подписанным соглашением: ООП и Израиль официально признали друг друга, а сектор Газа и город Иерихон были переданы под управление ООП. Конечно, окончательное решение палестинской проблемы еще далеко, но соглашение 1993 г. — политический прорыв, который не случайно сравнивается с падением берлинской стены.

Проблема Палестины долгие годы была и еще будет одной из острых на Ближнем Востоке. Однако стоит заметить, что в том же регионе есть и не менее острые другие проблемы, например курдская, привлекшая внимание мира вскоре после поражения Хусейна, когда иракские курды попытались было еще раз открыто выступить против иракского господства вообще и диктатуры Хусейна в частности. Под покровительством держав-победительниц, в первую очередь США, в иракском Курдистане летом 1992 г. были проведены выборы в парламент. Во всю остроту встал вопрос об автономии. Как будут развиваться события дальше, пока неясно. Но стоит напомнить, что проблема курдов имеет отношение далеко не только к Ираку и даже не только к арабам, ибо немалая часть 20-миллионного курдского народа проживает и в Иране, и в Турции. Проблема Курдистана еще не поставлена перед миром достаточно определенно, ибо слишком многие из стран, поделивших между собой курдские земли и насе-

ление, не заинтересованы в этом. Но она, проблема, все же существует и время от времени дает о себе знать. Чаще и больше всего — в арабском Ираке, где курды подверглись в последние годы особо жестокому обращению.

Глава 6

Турция, Иран, Афганистан

На всем Ближнем, а также и Среднем Востоке лишь эти три страны не принадлежат к числу арабских, являясь вместе с тем странами традиционной исламской культуры*. Общее между ними и в том, что все они в прошлом не были — в отличие от арабских государств — колониями, хотя каждая из них достаточно ощутимо зависела от Запада. Отсутствие колониального статуса позволило сохранить в этих странах традиционную государственность, что, впрочем, не помешало ей в наши дни претерпеть серьезные испытания, а подчас и существенно трансформироваться. Особо выделяются из интересующих нас в данной главе стран две, Иран и Афганистан, судьбы которых в 80-х годах оказались в некотором смысле близки. Турция в этом плане стоит особняком, да и о ее недавней истории уже было достаточно сказано в предыдущей части работы. Поэтому ее проблемам мы уделим сравнительно немного внимания.

Турция

Как о том уже шла речь, современная Турция (ок. 55 млн. чел.) достаточно уверенно развивается по капиталистическому пути, причем динамика ее развития (почти регулярные военные перевороты с последующим выходом на передний план парламентского демократизма) свидетельствует о том, что страна в целом достигла достаточной зрелости в процессе модернизации и трансформации. Ни фундаментализму, ни социальному экстремизму — ради пресечения влияния которых, собственно, и брали власть военные — уже не одолеть наметившейся тенденции поступательного развития капиталистических методов в экономике и парламентарных в политике. В этом смысле у страны, несмотря на недавно еще характерную для нее нестабильность, вполне надежные позиции, чего нельзя сказать ни об Иране, ни об Афганистане.

---

* При этом не имеются в виду ставшие недавно независимыми бывшие советские республики Средней Азии, в основном с тюркским и неарабским населением. Если принимать во внимание эти новые государства, без чего далее мировая политика обойтись уже не сможет, то картина, естественно, будет несколько иной, что в любом случае должно быть учтено в последующих изданиях.

В конце 80-х — начале 90-х годов эта тенденция была уже ощутима практически во всем — и в экономике, и в политике, и в социокультурных стандартах. Экономические реформы, совершавшиеся рывками, но в конечном счете давшие желаемый результат, привели к преобразованию хозяйства страны. Упорядочены валютно-финансовые связи: только за пять лет, 1986—1990, объем зарубежных инвестиций превысил их сумму за предшествовавшие 30. Этому способствовали и явно наметившаяся наконец политическая стабильность в стране, и либеральное законодательство, и конвертируемость турецкой лиры, и сравнительно дешевая рабочая сила.

Политический плюрализм в современной Турции вполне удовлетворяет мировым стандартам, что косвенно способствует включению этой страны не только в ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), но и в другие организации объединяющейся ныне на глазах всего мира западнокапиталистической Европы. Турция демонстрирует миролюбивую внешнюю политику, что особенно существенно отметить в наше время, когда на территории бывшего СССР возникло несколько самостоятельных государств, в том числе не только мусульманских, но и тюркоязычных. От того, какие связи установят с ними их восточные соседи и едва ли не в первую очередь Турция, зависит во многом будущее большого региона. Если курс на связи с Ираном означает сегодня курс на исламский фундаментализм, то связи с Турцией ведут к иному пути, к становлению демократического современного капитализма. И важно заметить, что руководители Турции хорошо сознают и активно содействуют этому. Можно заметить в этой связи, что, видимо, уходит понемногу в прошлое и жесткий армяно-турецкий антагонизм, долгие десятилетия питавшийся страшными воспоминаниями о геноциде турецких армян. В сегодняшних условиях возникают возможности для плодотворного сотрудничества Турции с ее ближайшим соседом, независимой Арменией, весьма нуждающейся в таком сотрудничестве. Тесные контакты устанавливает Турция с Азербайджаном и новыми государствами Средней Азии, в первую очередь тюркоязычными.

Иран под знаком исламской революции

«Белая революция» сверху или курс шаха на ускоренное развитие Ирана по еврокапиталистическому образцу при участии государства, взявшего на себя львиную долю расходов и забот, привели в середине 70-х годов к резкому обострению внутренних противоречий и к массовому недовольству в стране. Экономический бум, стимулированный увеличившимся потоком нефтедолларов (повышение цен на нефть позволило шаху с 1973 по 1975 г. более чем вдвое увеличить объем ассигнований на индустриализацию страны), привел к диспропорциям. В частности, возрастание денежной массы в руках работающих не было приведено в соответствие с товарной массой необходимых населению продуктов. Да и само это население (всего

— ок. 50 млн.), особенно из числа недавно осевших в городах маргинальных слоев, не было еще готовым к столь быстрым темпам трансформации. Нужны были силовые методы, чтобы заставить людей энергичнее врастать в меняющуюся на глазах новую и непривычную для них структуру. И шах, как типичный восточный деспот, в средствах не стеснялся. Он не очень-то считался с нормами конституции, ограничивал права и свободы, предоставив огромные полномочия охранке (САВАК), стремился зажать рот оппозиции и высылал из страны влиятельных ее руководителей.

В числе важных просчетов шаха были ставка на голую силу и пренебрежение к духовенству. Вместо того чтобы как-то наладить контакт с шиитскими лидерами либо опереться на часть их, осыпав именно ее льготами, шах вступил в конфронтацию со служителями ислама. Одной из самых крупных его ошибок было лишение духовенства доходов (секуляризация их земель, вакуфов). Рассчитывая этим ослабить духовенство, шах на деле лишь восстановил его против себя. Вожди шиитского духовенства умело воспользовались ошибками шаха и начали против него ожесточенную кампанию. В ход пошло все: и вестернизаторские симпатии правителя Ирана, и его экономические просчеты, и вызывавшие недовольство чересчур быстрые темпы трансформации привычных норм бытия, и не в последнюю очередь отношение к служителям ислама. В результате идейное знамя ислама оказалось у противников шаха. Может быть, в иных условиях это еще и не было бы столь уж страшным — вспомним Ататюрка, бросившего вызов исламу в Турции пятьюдесятью годами раньше и выигравшего бой. Но в Иране все было не так. Не было революционного подъема снизу. Не было лишившегося авторитета суннитского духовенства, обанкротившегося вместе с претендовавшим на верховенство (халифат) султаном. Зато был ненавистный всем тиран, формально к тому же не имевший права господствовать над правоверными (напомним, что у шиитов глава государства не имеет сакрально освященного права на власть). Были поруганное духовенство и выбитый из привычной колеи жизни народ. И отсутствовала понятная людям идея, которая могла бы объяснить народу необходимость преобразований.

Можно прибавить к сказанному, что и образованные круги иранской интеллигенции, за которыми, в частности, шли студенты, тоже высказывались преимущественно за сохранение исламской традиции. Левые группировки влиянием в стране не пользовались. Таким образом, единственным по сути источником индоктринации оказался традиционный шиитский ислам со всеми его характерными чертами, включая фанатизм, непримиримость в борьбе за идею, веру в мессию-Махди и следование за руководителями-имамами, наиболее авторитетные из которых имели почетное звание аятоллы. Аятолла Хомейни в этой ситуации оказался тем, кто не только бросил открытый вызов шаху и поднял против него народ, но и сумел возглавить исламскую революцию и довести ее до успешного конца.

В обстановке небывалого подъема революционной активности народа вопрос о власти в начале 1979 г. был решен. Шах покинул Иран, в стране был проведен референдум, следствием которого было провозглашение 1 апреля 1979 г. Исламской Республики Иран. В декабре того же года была принята новая конституция страны, в которой было специально оговорено, что высшая власть в стране принадлежит духовенству в лице имама Хомейни (после его смерти — его преемнику), а гражданскую политическую власть осуществляют президент, меджлис и премьер.

Государственная, кооперативная и частная собственность — три сектора экономики новой республики. Вмешательство и влияние западных держав ликвидируются. Страна принципиально отвергает капитализм и коммунизм и противопоставляет им собственный, «исламский» путь развития. Что все это означает практически — не вполне ясно. Известно лишь, что развитие страны по тому пути, который был избран для нее шахом, приостановилось. Не то чтобы капиталистический свободный рынок вовсе был свернут. Нет, он продолжает существовать, как существует и мощнейший созданный усилиями шаха государственный сектор в экономике. Но в условиях резко обострившегося противостояния Ирана вначале чуть ли не всему миру, затем в основном странам Запада (в первую очередь — США) говорить о продолжающемся развитии капиталистических связей приходится с осторожностью и оговорками. Если они и продолжали существовать и более или менее активно развиваться, так только в тех сферах; которые были жизненно необходимы для страны,— в реализации иранской нефти и в закупках оружия, которое требовалось для войны.

Что же касается войны, то именно она с начала 80-х годов стала основным содержанием внешней политики, а во многом и всего образа жизни новой республики. Не затрагивая в подробностях поводов, которые сыграли решающую роль в развязывании ирано-иракской войны, стоит заметить, что война эта была необходима прежде всего Ирану, точнее тем, кто стал управлять страной. В войне духовные пастыри иранского народа видели едва ли не подарок Аллаха: где, как не в ожесточенной бойне за великое дело исламской революции может отстоять Иран свое право на существование, мобилизовав и сплотив весь народ, консолидировав власть новых верхов под неоценимым патриотическим лозунгом борьбы за правое дело? И хотя противником иранцев оказались их единоверцы-мусульмане, в том числе и шииты (в Ираке свыше половины населения составляют шииты), это не изменило положения. Свыше восьми лет шла борьба, унесшая более миллиона жизней с обеих сторон и не давшая ни одной из них ощутимого результата. Но не добившийся успеха в войне и вынужденный в конечном счете согласиться на мировую Иран все же не проиграл. Точнее, не проиграли те, кто руководил страной. Власть имама Хомейни не только не была поколеблена, но даже как бы приобрела новый ореол, оттенок борца за великое дело со всем миром.

И это не пустые слова. Авторитет имама вплоть до его смерти в 1989 г. действительно был необычайно высок. Шииты в разных странах мира считали его своим духовным главой. От его имени и в его пользу действовали они, в частности, в Ливане, где шиитские группировки чаще других похищали людей (особенно представителей западных стран) и держали их в качестве заложников, пытаясь в нужный момент сыграть на этом при решении тех или иных политических проблем. Стоит напомнить, что и разоблачения, связанные с попыткой продажи Ирану американского оружия (события, связанные с этим, будоражили Америку и весь мир несколько месяцев, получив наименование «ирангейта»), во многом были связаны с тем, что руководящие деятели США пошли на сомнительную сделку с Ираном именно во имя спасения жизней заложников.

Каковы перспективы Ирана? Что он представлял и представляет собой после прекращения войны и смерти всесильного имама? Ответить на эти вопросы далеко не просто. Сегодня страной уверенно управляют фундаменталисты наиболее жесткого толка. В их руках немалая сила. И эта сила движет страну в весьма определенном направлении: в сторону поисков принципиально нового, «исламского» пути развития. Но что составляет суть такого пути? Она — в сочетании традиционных форм экономической активности, характерных для мусульманских стран в прошлом, со значительным простором как для частнособственнического предпринимательства, так и, особенно, для государственного хозяйства. Правда, государственная экономика неэффективна, что хорошо известно и Ирану. Компенсацией неэффективности являются нефтедоллары. В недавнем прошлом едва ли не все они уходили на войну, затем пошли на восстановление разрушенного войной хозяйства. Но что дальше?

Пока что годы, миновавшие после прекращения ирано-иракской войны и кончины всесильного имама, к сколько-нибудь заметным переменам в политике страны не привели. Быть может, Иран при новом руководстве стал более сдержанным в своих внешнеполитических акциях и чуть менее радикальным во внутриполитических. Но принципы его поведения и генеральные его установки остаются прежними. Как и раньше, считается действующей и не дезавуирована новыми властями анафема аятоллы в адрес писателя-еретика С. Рушди, до сих пор вынужденного скрываться от жаждущих его крови убийц, причем не столько наемных (хотя награда за голову Рушди немалая), сколько идейных, стоящих за чистоту и честь фундаментального ислама. По-прежнему Иран принадлежит к числу самых яростных противников Израиля — практически только из Тегерана донесся голос, близкий по тону к анафеме, когда готовилась одобренная даже всеми арабскими странами конференция в связи с ближневосточным кризисом в конце 1991 г.: по мнению иранских лидеров, с Израилем говорить не о чем и не следует — он просто не должен существовать. Да и поведение Ирана в дни кризиса в связи с аннексией Ираком Кувейта можно назвать

двусмысленным: не столько жертва агрессии, сколько агрессор, вчера ёще на протяжении многих лет воевавший с Ираном, воспринимался иранским общественным мнением с некоторым даже сочувствием. Причина очевидна: Иран активно поддерживал антиизраильский пафос и намерения иракского Хусейна.

Будущее покажет, как будут развиваться события и сколь долго Иран сможет еще позволить себе активно противостоять миру капитализма, позиции которого в связи с крушением СССР заметно укрепились. Стоит напомнить, что выборы 1992 г. склонили чашу весов в пользу умеренной политики президента Хашеми Рафсанджани. Но пока эта страна все еще остается оплотом исламского фундаментализма и в нынешней ситуации, когда мусульманские республики бывшего Советского Союза ищут союзников и ориентиры, Иран, как, впрочем, и Турция,—один из возможных объектов выбора. Ясно, что миру этот выбор новых тюрко-исламских государств не безразличен.

Афганистан в годы войны и после нее

Политика и позиции нового Афганистана всерьез определяются с 1992 г., когда активное вмешательство держав в дела этой многострадальной страны решительно кончилось. От того, склонится Афганистан к исламскому фундаментализму типа иранского или изберет иной путь развития, будет кое-что зависеть и в ориентации тюркско-исламских республик бывшего Советского Союза. Какова же ситуация в Афганистане?

В середине нашего века, когда лишенная своих владений в Индии Англия перестала играть сколько-нибудь заметную роль в афганских делах, а попытавшиеся было потеснить ее на Среднем Востоке немцы потерпели поражение в войне, СССР превратился в главного и наиболее влиятельного соседа этой страны, о чем уже упоминалось. Соседство такого рода сыграло свою роль и в сфере экономики (участие СССР в строительстве ряда важных промышленных объектов), и в области политики (основанный на договоре 1931 г. дружественный по отношению к нашей стране нейтралитет Афганистана), и в идеологической ориентации. После ликвидации монархии правительство М. Дауда явственно ориентировалось на советскую помощь и содействие, хотя и не очень-то стремилось открыть дорогу к власти для радикальных групп. Курс на неприсоединение и независимость страны был зафиксирован в конституции 1977 г., закрепившей в стране (ныне ок. 19 млн. населения) парламентарный однопартийный режим, президентское правление. Однако контроль над армией Дауд установить не сумел. Многие армейские части оказались под руководством радикально настроенных офицеров, что и привело к военному перевороту в апреле 1978 г., в результате которого власть перешла к Революционному совету, возглавленному

лидерами бывшей до того на полулегальном положении Народно-демократической партии Афганистана(НДПА).

В апреле 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан, а в декабре того же года между этой республикой и СССР был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, ознаменовавший качественно новый этап во взаимоотношениях между двумя странами. Новое качество сводилось к тому, что Советский Союз как бы брал на себя роль политического гаранта существования ДРА. В том, что такая роль была жизненно необходимой для новой республики, можно убедиться при знакомстве с последующим ходом событий. Дело в том, что к радикальным преобразованиям Афганистан не был готов. Отсталая экономика, низкий исходный уровень развития, социально-психологическая неподготовленность населения к трансформации, да к тому же еще и глубокие корни ислама, препятствовавшие распространению марксистско-социалистических идей и идеалов (при всем том, что сами мусульмане часто и охотно говорят о социализме, нельзя не заметить, что для правоверных все это имеет значение лишь постольку, поскольку основой основ продолжает оставаться ислам, пусть даже чуть перекрашенный в социалистические тона),—все это сужало социальную базу НДПА до минимума. Опереться внутри страны этой партии с ее радикальными установками было почти не на кого — и альтернативой стала опора на СССР.

Но и это еще не все. Внутри НДПА существовала устойчивая вражда между двумя составляющими ее фракциями — Хальк и Парчам. Вражда была, что называется, не на жизнь, а на смерть. Несмотря на все попытки сверху и со стороны (имеется в виду СССР) погасить ее, она продолжала пылать. В огне жестокой борьбы погибли многие сотни, если не тысячи членов НДПА, что не только ослабило партию, но и создало обстановку внутренней нестабильности в стране. В сентябре 1979 г. руководитель НДПА и Революционного совета Н. Тараки был свергнут и уничтожен его соперником Х. Амином, после чего была развернута кампания преследования сторонников Тараки. Похоже на то, что Амин склонен был противопоставить поддержке СССР какую-либо иную внешнюю силу. Это и сыграло роковую роль в его судьбе: в декабре 1979 г. в Кабул были введены советские войска, президентский дворец был окружен, Амин убит, а во главе НДПА и Революционного совета стал еще недавно бывший послом ДРА в Чехословакии Б. Кармаль.

С этого момента Афганистан оказался в огне войны, которая длилась свыше 13 лет. Речь идет как о гражданской войне, так и о войне с введенными в Афганистан советскими войсками, численность которых была для этой страны достаточно внушительной — около 100 тыс., не говоря уже о техническом оснащении и армейской выучке. Введение советских войск в Афганистан было не только ошибкой, но и грубым политическим просчетом, а фактически — преступлением бывшего советского руководства, привыкшего полагаться на силу.

Нежелание познакомиться со страной и ее историей, пренебрежение к реальности привели к бессмысленной гибели нескольких десятков тысяч жизней советских солдат, не говоря уже о миллионе, если не больше, уничтоженных современным оружием афганцев, о бесчисленных страданиях афганского народа. Кроме того, введение советских войск не только оттолкнуло от СССР большинство афганцев, но и еще резче выявило слабость социальной базы правительства в Кабуле. Запоздалые попытки выправить перекосы времен Тараки и Амина не дали заметных результатов, как и замена Кармаля новым президентом страны Наджибуллой и срочная институционализация власти (новая конституция, созыв парламента, призыв к многопартийному сотрудничеству на широкой политической основе и т. п.). Все эти реформы, равно как и укрепление достаточно хорошо оснащенной и обученной армии ДРА, позволили НДПА удержаться у власти. Но дни ее были сочтены.

Длительная война привела к неслыханным разрушениям, к уничтожению сотен и тысяч деревень, к разрушению городов, к массовой миграции населения (до 3—5 млн. афганцев находились в качестве беженцев в соседних Пакистане и Иране). Но главное — она вызвала резкий рост сопротивления, рост национализма в Афганистане, многократное усиление позиций различного рода фундаменталистских, исламско-националистических и монархических политических течений, которые в ходе вооруженной борьбы выявили себя в рамках различного рода племенных и политических группировок. Как известно, борьба завершилась в 1992 г. капитуляцией лишившегося поддержки извне правительства в Кабуле. Силы вооруженной оппозиции заняли столицу Афганистана и установили свою власть в стране. Как будут развиваться события дальше, покажет будущее. Можно надеяться, что противостоящие друг другу вооруженные группировки все же в состоянии найти общий язык. Но одно можно сказать со всей определенностью: годы войны оказали сильнейшее воздействие на судьбы Афганистана. И едва ли не важнейшим результатом войны следует считать рост позиций исламского фундаментализма.

Есть ли будущее у исламского фундаментализма?

Здесь мы подходим к весьма тонкой материи футурологических прогнозов. Несомненным фактом последних десятилетий является усиление позиций ислама и исламских государств в мировом сообществе. Этот процесс заметен и в Турции, казалось бы, давно покончившей с засильем ислама и вполне светской после реформ Ататюрка; ощущается он и в Египте, хотя там группа «братья-мусульмане» — олицетворение фундаментализма — после убийства президента Садата была поставлена вне закона. Во многих других арабских странах, в том числе и в палестинской ООП, позиции

сторонников фундаментализма еще более ощутимы. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует и недавний взрыв фундаменталистского ислама во вполне, казалось бы, благополучном в этом смысле, долгие годы ориентировавшемся на социалистические ценности и идеалы Алжире. Не приходится напоминать об Иране, признанном центре наиболее жесткого и активного исламского фундаментализма. Влиятельные позиции у сторонников фундаментализма в Афганистане. Наконец, стоит упомянуть о тенденции к возрождению чистоты ислама в Пакистане, об исламских настроениях в тюркоязычных среднеазиатских государствах и Азербайджане, да и некоторых иных странах ислама, которых в мире свыше сорока. О чем говорит сегодня повышенный интерес к исламу? И что являет собой исламский фундаментализм, каковы его идеи и потенции? Частично об этом уже шла речь. Но пора посмотреть в корень проблемы.

Фундаментализм — это не просто возвращение к истокам, к чистоте подлинного древнего ислама, когда был жив великий пророк и не было еще деления правоверных на шиитов и суннитов, хотя и это очень важно для всех его сторонников. Фундаментализм — это прежде всего требование единства всех мусульман в качестве ответа на вызов современности. Тем самым выдвигается претензия на создание мощного консервативного политического потенциала. Фундаментализм в его крайних формах ведет речь, таким образом, об объединении всех правоверных в их решительной борьбе с изменившимся миром, за возврат к нормам очищенного от позднейших наслоений и искажений настоящего ислама, и в этом он чем-то напоминает распространенные в прошлом веке идеи панисламизма.

Популярны ли подобные идеи и если да, то где именно и почему, в какой степени? Стоит сразу же заметить, что, если не считать небольших групп фанатиков, фундаментализм как всеобъемлющее и влиятельное течение мысли и тем более реальная политическая сила явно не грозит тем странам, которые уже успешно движутся по капиталистическому пути, будь то Турция, Египет или Пакистан. Пусть даже в этих странах движение за чистоту ислама станет заметным — оно не имеет в них серьезных шансов на успех по той простой причине, что здесь ненависть к чужим стандартам ушла в прошлое, а многие из этих заимствованных стандартов с успехом прижились и способствуют процветанию, чего не может не ценить население (опять-таки если не принимать всерьез небольшие группы фанатиков). По той же причине нет условий для роста фундаменталистских идей и настроений в современных аравийских монархиях, при всем том, что здесь позиции ислама как такового крепки, как, может быть, нигде. Достаточно напомнить, что Саудовская Аравия с ее Меккой — признанный центр ислама, цель хаджа. Но при всем том и в Аравии, и в соседних с ней эмиратах высочайший современный технический и цивилизационный, капиталистический в своей техно-

логической основе стандарт гармонично сочетается с ненарушенным привычным исламским, подчас исламо-бедуинским образом жизни. Для такого рода гармонии нужны были большие деньги — эти деньги появились и сыграли свою благотворную позитивную роль, прежде всего в том смысле, что сняли внутреннюю социально-политическую, экономическую и любую иную напряженность, рождаемую обычно нехватками и жизненными невзгодами.

Разумеется, эти рассуждения не абсолютны. Им можно противопоставить, например, ситуацию в Ливии, где все перечисленные факторы вроде бы действуют или, точнее, могли бы действовать так же, как в аравийских монархиях, но где тем не менее усилиями Каддафи все перевернуто с ног на голову и в результате для исламского фундаментализма созданы все условия. Спорить тут не с чем. Но Ливия все же исключение, отнюдь не отменяющее, скорее оттеняющее правило. Для анализа же важна именно норма, но не исключение, хотя и его нельзя не принимать во внимание.

Если исходить из предложенных реалий, то логично заключить, что в основе фундаментализма лежат неудовлетворенность успехами в развитии, социопсихологический дискомфорт основной массы населения и, как следствие, ностальгия по идеализированному прошлому. Этот комплекс достаточно распространен в разных странах и в разные времена, нечто в этом роде типично и для нашей страны в переживаемое сейчас тяжелое время. Он сыграл свою роковую роль в судьбах Ирана, определив характер, успехи и направленность событий 1979 г. и, как итог, взрыв исламского фундаментализма. Где еще он может сыграть аналогичную роль?

Практически, если иметь в виду современные страны ислама, мало где. Небольшие государства вроде Ливии явно не в счет — там негде развернуться. Из более или менее крупных государств Магриба и восточносредиземноморской зоны арабского мира всерьез заражен вирусом фундаментализма разве что Судан, одно из самых отсталых исламских государств. Теоретически фундаментализм имеет неплохие шансы также и в Алжире, Сирии и Ираке. Алжир, где революционное правительство потерпело неудачу со своими социалистическими экспериментами, чуть было не стал жертвой этих неудач — только решительные действия властей преградили путь фундаменталистам в 1991—1993 гг. Сирия и Ирак, находящиеся под властью баасистских режимов скорее национал-социалистического, нежели религиозно-исламского характера, в принципе достаточно энергично развиваются по капиталистическому пути, хотя и несколько ослаблены экспериментами того же социалистического характера. Слабости свои Ирак компенсирует нефтедолларами, а Сирия — дотациями от богатых нефтедолларами стран. Поэтому, строго говоря, почвы для серьезного недовольства жизнью и осознанного массового социополитического дискомфорта, для стремления в ностальгических поисках счастья обратиться к глубокому прошлому здесь пока что вроде бы нет. Однако эта почва при неудачном развитии событий и ухудшении

ситуации, кризисных явлениях может, как то показывает пример Алжира, появиться. И в этом смысле Сирия, Алжир и богатый нефтью Ирак —это как бы резерв фундаменталистов, хотя реально рассчитывать на успех исламский фундаментализм в этих странах пока не имеет оснований. По сути, единственное государство, где такого рода основания имеются в избытке, это Афганистан.

Афганистан в чем-то близок к иранским реалиям. Правда, у него нет столь давней истории, древних и развитых традиций, которыми можно было бы гордиться. Зато он потенциально в еще большей степени, чем Иран, оказался неподготовленным к радикальным преобразованиям современного типа. У него нет и нефти, которая могла бы помочь. И главное, именно здесь оказались наиболее живучими восходящие к первобытным племенным нормам свободолюбие и горделивое стремление к независимости горцев, готовых сражаться за свой привычный образ жизни с кем угодно и сколько угодно. Идейной опорой этой позиции сегодня в Афганистане служит ислам. И этот ислам буквально на наших глазах перерастает в исламский фундаментализм, чему в немалой степени способствует тот комплекс, о котором только что упоминалось и все составные элементы которого в избытке представлены в современных афганских реалиях.

Надо заметить, что афганский фундаментализм отличен от иранского. Он не столько внешне-формальный (женщин здесь пока не призывают поголовно надевать чадру), сколько глубинно-истинный, доктринально-сущностный. В фундаменталистских тенденциях афганцы видят и то *свое*, что дорого каждому из них, каждой племенной или политической группе, и то *общее*, что сплачивает всех их в нечто единое целое. Практически это означает, что взрыв фундаментализма в Афганистане — это вполне реальная возможность, ибо потенциал для этого накоплен, причем немалый. Но значит ли это, что все будет именно так? Вопрос далеко не праздный, ибо от того, каким будет Афганистан через несколько лет, зависит немало, особенно если иметь в виду неустоявшуюся еще политическую ориентацию среднеазиатских молодых государств, где потенциал по ряду параметров подчас близок к афганскому. Ведь граничат бывшие среднеазиатские республики именно с Афганистаном или с Ираном. Можно добавить к сказанному, что реакция афганской оппозиции на аннексию Кувейта Ираком на рубеже 1990—1991 гг. была хотя и сдержанной, но более проиракской, нежели направленной в защиту Кувейта и других аравийских монархий, откуда оппозиционеры получали поток нефтедолларов, оплачивавших вооружение. Проиракской именно потому, что Ирак олицетворял собой всеисламское стремление покарать Израиль, а эта политика небезразлична для любого, склонного к исламскому фундаментализму.

Разумеется, исламскому фундаментализму в Афганистане есть альтернативы. Могут быть найдены компромиссные варианты, которые позволят надежно объединить Афганистан не на фундаменталистско-исламской основе. Но вероятность прихода к власти

фундаменталистов здесь тем не менее достаточно велика, чтобы всерьез обратить на нее внимание.

Существен и вопрос о потенциях исламского фундаментализма в случае его успехов в Афганистане, а тем более в Средней Азии или Азербайджане. Здесь трудно строить прогнозы, но все говорит в пользу того, что эти потенции в любом случае достаточно ограничены. И хотя это слабое утешение, особенно для неисламского населения тех же бывших советских республик, которые имеются в виду, все же можно заметить, что условий для распространения и превращения в фактор мирового значения исламский фундаментализм сегодня не имеет. Рано или поздно, но он будет вынужден пойти по пути приспособления к мировым реалиям. Прежде всего это касается Ирана, где фундаментализм давно уже является фактом и где он демонстрирует свою неприспособленность к принципам существования современного мира.

Глава 7

Южная Азия после деколонизации

После того как план Маунтбэттена обрел юридическую силу в качестве Закона о независимости Индии (15 августа 1947 г.), на смену прежней колонии пришли два доминиона — Индийский союз и Пакистан, причем второе из этих государств оказалось состоящим из двух частей, расположенных как к востоку от Индии (совр. Бангладеш), так и на западе от нее, в долине Инда. Разделенные по религиозному признаку, оба государства с самого начала оказались резко враждебными по отношению друг к другу, не говоря уже о том, что само их формальное размежевание происходило в огне резко обострившейся индо-мусульманской вражды, порой в обстановке жестоких гонений и кровавой бойни, стоившей едва ли не миллионов человеческих жизней (по некоторым подсчетам, только в Пенджабе резня и погромы унесли около полумиллиона жизней). Ситуация была еще более усугублена тем, что княжествам давалось право свободного выбора, вследствие чего ряд князей на территории Индии (большинство их были мусульманами) выразили желание — вопреки воле населения княжества, по преимуществу индуистского,— присоединиться к Пакистану, что повлекло дополнительные эксцессы и потребовало вооруженного вмешательства правительства Индийского союза. В результате княжества на территории Индии были включены в состав этого государства, включая и северное, Кашмир, хотя часть этого последнего так и осталась за Пакистаном.

Кровавые столкновения вызвали многомиллионный поток беженцев и, как следствие этого, взрыв националистических и шовинистических настроений, жертвой которых, в частности, пал пытавшийся погасить страсти М. К. Ганди, убитый в 1948 г. членом религиозно-националистической группировки Хинду Махасабха. Не-

легкой задачей была и перестройка экономики каждой из частей прежде единого организма: к Пакистану отошли богатые сельскохозяйственные районы, дававшие хлопок и джут для текстильных предприятий Индии.

Реформы и политический курс независимой Индии

1949 год прошел под знаком подготовки конституционных реформ, которые были оформлены в конце ноября Учредительным собранием в качестве конституции новой Индии, вступившей в силу в январе 1950 г. Была провозглашена Республика Индия, которая при этом оставалась членом Британского содружества наций, т. е. сохраняла привычные связи с прежней метрополией. На первых выборах в центральный парламент и законодательные собрания штатов (1951 — 1952) почти три четверти мест получил ИНК — с тех пор почти бессменная правящая партия страны. Возглавил правительство Д. Неру.

Первой серьезной реформой нового правительства была аграрная, о необходимости которой ИНК давно уже ставил вопрос. Суть реформы сводилась к ликвидации слоя посредников-заминдаров и к передаче земли тем, кто ее обрабатывает (прежде всего, это касалось арендаторов). За конфискованные земли посредники-заминдары получали выкуп. Результатом реформы было сокращение доли арендаторов за десятилетие с 70% до 12 — 18% и превращение основной части индийских крестьян в землевладельцев. Параллельно при поддержке государства шло развитие кооперации, призванной уменьшить в стране влияние ростовщиков. Аграрные преобразования в 60 — 70-х годах были дополнены серией передовых агротехнических методов и приемов, связанных с так называемой «зеленой революцией» и имевших целью резко усовершенствовать сельскохозяйственный процесс. Все эти меры способствовали тому, что, несмотря на явно чрезмерные темпы демографических перемен, Индия в наши дни все-таки в основном справляется с продовольственной проблемой, хотя при этом значительная доля ее населения питается крайне скудно, а то и находится на грани выживания.

Доля государства в экономике Индии, как и всех деколонизованных стран Востока, быстро увеличивалась за счет энергичного промышленного строительства в ходе осуществления пятилетних планов. Как это обычно бывает, государство брало на себя осуществление наиболее трудоемких и дорогостоящих программ и проектов, включая металлургию, химию, ядерную энергетику. Однако при всем том правительство Индии с первых же шагов своего существования взяло четкий курс на поддержку частного капиталистического сектора в экономике, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. С начала преобразований в духе «зеленой революции» в середине 60-х годов результаты с особенной силой проявились в земледелии, где был

взят курс на всемерную поддержку использующих передовую агротехнику зажиточных и богатых фермеров. Активное внедрение капиталистических методов в экономику и ориентация на свободный рынок с конкуренцией товаропроизводителей способствовали постепенному, но заметному наращиванию экономического потенциала страны. И хотя в целом этот потенциал не слишком велик, особенно если его сопоставить с масштабами страны, он все же достаточно весом. Современная Индия имеет собственную металлургию (наиболее значительные заводы построены при содействии СССР), развитую энергетическую базу, разностороннюю обрабатывающую промышленность, необходимую инфраструктуру. Политика государства сводится к всемерному поощрению развития при использовании для этого всех возможностей, включая привлечение зарубежного капитала и различных транснациональных корпораций (ТНК). Общая доля государственного сектора в валовом национальном продукте (ВНП) страны сегодня составляет лишь около 20%, хотя в ряде ведущих отраслей экономики, как это уже упоминалось, ему принадлежат более весомые позиции.

Ориентация на капиталистическое развитие гармонично сочеталась в республиканской Индии с генеральными установками в сфере политической и правовой, корнями уходящими в ту классическую вестминстерскую парламентарно-демократическую систему власти, в русле которой были на протяжении почти двух веков английского колониального господства воспитаны те образованные слои индийского общества, в чьи руки перешла власть после деколонизации страны. В соответствии с принятой в 1950 г. конституцией республика Индия — это союз, который включает 25 штатов и 6 союзных территорий (учтены последующие территориальные изменения). Законодательная власть в стране принадлежит двухпалатному общеиндийскому парламенту (Народная палата и Совет штатов), а в штатах — законодательным собраниям; исполнительная власть в руках общеиндийского совета министров в Дели и правительств штатов во главе с главными министрами. Формально президент считается верховным главой исполнительной власти страны, фактически власть в руках премьера. Судебная власть и в центре, и на местах отделена от исполнительной и законодательной, функционирует она в соответствии с классическим европейским стандартом.

Политический процесс в стране основан на состязательности партий с полной свободой для партийных коалиций в ходе избирательных кампаний. Общеиндийским языком по-прежнему считается английский, тогда как первоначальная попытка сделать таковым к 1965 г. хинди не смогла быть осуществлена, ибо этому энергично противодействовал ряд южных штатов, для которых хинди является чужим. Так как большинство избирателей неграмотны (речь идет о письменности, в частности об избирательных бюллетенях и соответствующей предвыборной литературе, не говоря уже о газетах

и текущей прессе), то важную роль в борьбе за избирателей играют символы. Для ИНК, в частности, это изображение священной коровы.

Избирательные кампании — реальный и очень важный барометр политической жизни страны. Они свидетельствуют об устойчивости симпатий основной массы избирателей: при наличии коммунистического левого (с 1964 г. — две компартии с примерно равными силами) и религиозно-коммуналистского правого крыльев основная доля голосов избирателей приходится на центр, представленный прежде всего ИНК, позже также и коалицией оппозиционных ему группировок типа Джаната парти. Если не считать небольшого промежутка времени, 1977 — 1979 гг., когда у власти оказалось правительство Джаната парти, все остальные годы уже свыше сорока лет во главе Индии стояло правительство ИНК, которое после смерти Неру возглавляла его дочь И. Ганди, а после ее убийства — ее сын Раджив Ганди, внук Неру. Ныне, после убийства Р. Ганди, во главе правительства стоит Н. Рао. В штатах картина аналогичная. В большинстве их правительство устойчиво возглавляет ИНК, но в некоторых — местные национальные группы либо их коалиции, подчас также и правительства во главе с коммунистами. Нередки обострения внутриштатных политических противоречий на национальной, религиозной или иной основе, для решения или погашения которых Дели обычно вводит временное президентское правление.

Внешнеполитическая позиция Индии во многом объясняется геополитической конфигурацией сил в Азии, в частности конфронтацией с КНР и ставшим ее союзником Пакистаном, что привело в свое время страну, декларировавшую независимость, нейтралитет и неприсоединение в качестве принципиальных основ политического курса, к тесному союзу с СССР. Этот союз и сотрудничество способствовали укреплению государственной экономики Индии (имеется в виду строительство современных предприятий) и заключению ряда важных договоров о мире, дружбе и сотрудничестве, включая Делийскую декларацию 1986 г. С распадом СССР его место заняла Россия. Существенно заметить, что независимая и по многим параметрам обретающая в наши дни облик великой державы Индия активно сотрудничает и с другими странами, является членом региональной группировки стран Южной Азии, выступает с различными призывами и инициативами в деле разоружения, борьбы за справедливый международный экономический порядок и т. п.

Проблемы Индии

Едва ли не важнейшая из внутренних проблем страны — национально-религиозная рознь. Несмотря на раздел 1947 г., в республике проживает не менее 85 — 90 млн. мусульман. Большую и влиятельную общину составляют сикхи. Индо-мусульманские столкновения в различных районах и борьба сикхского меньшинства вначале за политическую автономию, а затем и за собственное

независимое государство — серьезные проблемы для страны. Причем обе они практически неразрешимы, так что радужной перспективы здесь пока нет. К числу упомянутых проблем национально-религиозного характера может быть добавлена та напряженность, которая возникла в 80-х годах на крайнем северо-западе Индии, в Ассаме и некоторых других районах, где беженцы-мигранты из Бангладеш создают серьезную нестабильность. Воспринимая мигрантов в качестве нежелательных пришельцев, местное население активно выступает против них. Правительство всячески стремится погасить конфликт, но не всегда добивается успеха. Следует учесть также и сепаратистские настроения тамилов на юге и некоторых племенных групп пригималайского района страны.

Другая группа проблем, внешне менее острая, но чреватая далеко идущими последствиями,— это демографическая, о которой вскользь уже упоминалось. Неслыханно быстрый прирост населения (со времени деколонизации почти вдвое) угрожает стране катастрофой. Правда, наиболее тяжелые его последствия — прежде всего голод — были смягчены успехами «зеленой революции» и фермерского хозяйства тех районов Индии, где и то, и другое достигли наибольших успехов, в частности Пенджаба. Однако проблема не только остается, но и продолжает быть крайне острой. Попытки решить ее ускоренными темпами, с административным нажимом, результатов не дали, более того, привели И. Ганди к поражению на выборах 1977 г. Вернувшись к власти спустя несколько лет, И. Ганди более к такого рода мерам не возвращалась, а демографический прирост по темпам и результатам все возрастал (ориентировочная численность населения страны на рубеже 80 — 90-х годов 800 млн. чел.). Если эти темпы не снизятся, то к концу века проблема перенаселения станет самой острой для страны.

Проблема каст — еще одна из тех, что не могут не волновать Индию. Хотя законы формально провозглашают равенство людей вне зависимости от кастовой принадлежности, а за представителями низших каст даже забронированы определенные квоты в вузах, государственных учреждениях и т. п., касты играют в Индии практически ту же роль, что и в прошлом. Но что характерно: в отличие от первых двух острых для Индии проблем, создающих дестабилизирующие импульсы, кастовая структура в некотором смысле — как на то обращают внимание специалисты, в частности Л. Б. Алаев,— играет в современной Индии роль стабилизирующего фактора. Вошедшее в норму неравенство держит три четверти населения страны (если даже не семь восьмых) на уровне бытия вчерашнего дня. Оно, это принадлежащее к низшим кастам большинство, привычно не претендует на ту долю имущества страны, которая по справедливости должна была бы ему принадлежать. Оставаясь на низком уровне развития и едва влача существование, оно тем самым дает возможность меньшинству, прежде всего городскому населению и социальной верхушке деревни, пользоваться благами современных достижений

экономики и техники. Если бы не сдерживающие функции кастовой системы, бурный рост в скором будущем уже почти миллиардной Индии мог бы вести к катастрофическому усилению экстремизма.

Впрочем экстремизм в Индии ощущается, хотя и преимущественно среди мусульман и особенно сикхов. Он практически долгое время был незаметен в среде индуистского большинства страны, что свидетельствует о сдерживающей функции системы каст. Однако за последние годы он дал о себе знать, в частности, в связи с проблемой индуистской святыни в Айодхье, где на месте разрушенного Моголами храма несколько веков назад была возведена мечеть, которую радикально настроенные индуисты недавно снесли. Это, естественно, вызывало энергичный протест мусульман и привело к серьезным конфликтам. К числу внутриполитических проблем стоит отнести и неспособность городских властей справиться с притоком в города, особенно большие, переселенцев из деревни, вынужденных существовать без жилья и работы, ночевать на тротуарах. И это еще при сдерживающей функции каст, которая заметно сокращает обычную для развивающегося мира долю сельского населения, выбитого из привычной колеи бытия и стремящегося в города.

Внутриполитическая напряженность, кастовая и национальная рознь обычно являются подоплекой той предвыборной борьбы, которую ведут партии и их коалиции в ходе избирательных кампаний. Апеллируя к поддержке своих, кандидаты обычно опираются на веками складывавшиеся в той или иной части страны патронажно-клиентные связи, кастовые предпочтения, даже на престиж имени, особенно княжеского (княжества в Индии были упразднены, но получившие от правительства пенсии семьи правивших в недавнем прошлом князей по-прежнему имеют в стране немалый престиж, что играет свою роль на выборах). И в этом смысле партии в современной Индии, особенно на уровне штатов, не следует воспринимать как организации европейского типа, союзы политических единомышленников. Скорее это форма организации своих, сплоченность которых способна обеспечить поддержку тому, кто пользуется у своих достаточным престижем, во многом уходящим в традицию.

Вообще многие демократические нормы и институты современной Индии не просто вписываются в традицию, но и воспринимаются привыкшим к ней сознанием людей в привычно традиционном духе. Здесь сказывается определенная структурная близость того и другого (идейная терпимость, плюрализм, уважение к правам меньшинства, ненасилие и т. п.), как и играют свою роль двухвековое колониальное владычество англичан, определенная ориентация общего развития современной Индии. Но при всем весьма существенном типологическом сходстве с европейской парламентарной демократией индийская политическая система во многом остается восточной. Причем не просто восточной, но именно индийско-индуистской с характерной для нее общинно-кастовой основой.

Община и каста живы в Индии и сегодня. Больше того, их сохранение — одна из серьезных проблем Индии. Собственно, это именно та проблема развития, которая ныне столь важна для всего развивающегося мира. Там, где каста слаба, а место общины занял фермер (например, в том же Пенджабе, прежде всего среди сикхов), там и зримы реальные итоги развития. О стабилизирующей функции касты уже шла речь, но не менее, если даже не более значима консервирующая ее функция, явно противостоящая задачам развития. Можно, конечно, надеяться на то, что со временем эта функция ослабнет, а развитие возьмет свое. Но когда это будет? И не случится ли раньше что-либо иное, более значимое? Например, не приведет ли демографический взрыв в последующие полвека к очередному удвоению населения страны? А если такое случится, то сумеет ли общинно-кастовая Индия, которая к тому времени явно не превратится в фермерскую, прокормить страну? И как быть с более отдаленной перспективой?

Снова одна проблема упирается в другую — и снова не видится приемлемых решений. Конечно, Индия здесь далеко не одинока (стоит вспомнить аналогичные проблемы Африки), но от этого не легче. Не легче хотя бы потому, что по абсолютным цифрам в сочетании с темпами прироста Индия не только лидирует, но и далеко оторвалась от остальных (численность всей Африки пока что меньше, чем население Индии, а скромные темпы прироста населения в миллиардном Китае несравнимы с индийскими).

По сравнению с острыми внутренними проблемами все остальные, включая и внешнеполитические, представляются незначительными и второстепенными. Международный авторитет страны высок, а противостояние и противоборство с Пакистаном или КНР, временами достигавшее за последние десятилетия уровня военных действий, правда, ограниченных и кратковременных, не доставляют стране слишком больших забот. Хорошо известны и заслуживают уважения миролюбие Индии, ее многочисленные внешнеполитические инициативы, ее завидная для всего развивающегося мира прочная внутренняя стабильность, вполне гармонично уживающаяся с ее упоминавшимися уже серьезными проблемами. Достаточно напомнить, что Индия не знакома ни с политическими переворотами, ни с попытками армии играть политическую роль, ни с чересчур острыми и одинаково значимыми для всей страны социальными конфликтами. И, видимо, это является и долгое время будет нормой для Индии — нормой, уходящей корнями в традицию и огражденной соответствующими институтами парламентарной демократии, тоже уже обретающей прочность традиции.

Пакистан и Бангладеш

Мусульманские районы Британской Индии были в 1947 г. выделены в особый доминион, который принял наименование «Пакистан»

и географически состоял, как говорилось, из двух частей, оторванных друг от друга. Основной частью Пакистана считалась западная, с центром в долине Инда, быстрыми темпами превращавшаяся в житницу нового государства. Восточная, населенная бенгальцами, на протяжении ряда лет, вплоть до ее отделения от Пакистана в 1971 г. в качестве самостоятельного государства Бангладеш, воспринималась как сравнительно отсталая периферия Пакистана, что проявлялось, в частности, в экономической ее дискриминации: валютные доходы от торговли джутом шли на нужды в основном западных провинций, хотя джут поставляли бенгальцы.

Если говорить об исторических судьбах, то Пакистан был частью Индии, плотью от плоти ее. Однако почти полная исламизация именно этой части Индостана имела своим следствием существенные структурные изменения, прежде всего ослабление той стабилизирующей функции, которую в основной части континента издревле играла общинно-кастовая система. Взамен здесь окрепли отношения, которые были характерны для мира ислама с типичной для него политической нестабильностью при достаточно сильной и не очень-то считающейся с народом власти как таковой. Все это не преминуло сказаться на судьбах молодой исламской республики с первых лет ее существования.

Начать с того, что управлявшее страной правительство Мусульманской лиги не спешило с институционализацией своей власти. Первое созванное с этой целью Учредительное собрание было распущено в 1954 г. при обстоятельствах, связанных с угрозой власти Лиги, особенно со стороны сепаратистов восточной части страны. Созванное в 1955 г. второе Учредительное собрание выработало конституцию, которая вступила в силу в марте 1956 г.: Пакистан был объявлен исламской республикой, генерал-губернатор стал президентом. В стране, в отличие от Индии, было введено президентское правление, а правительство во главе с премьером, равно как и двухпалатный парламент, стали обладать ограниченными полномочиями. Еще в большей мере эта особенность организации власти в республике проявилась после военного переворота 1958 г., в результате которого к власти в качестве нового президента пришел генерал М. Айюб-хан.

Айюб-хан приостановил деятельность политических партий и ввел в 1962 г. новую конституцию, укреплявшую власть президента. После этого деятельность партий была восстановлена (кроме компартии), а президентом в 1969 г. стал генерал Яхья-хан, правивший, впрочем, недолго: кризис 1971 г., в результате которого отделилась от Пакистана его восточная часть, привел к власти правительство народной партии во главе с З. Бхутто. Он управлял страной до тех пор, пока в 1977 г. не произошел очередной военный переворот, в ходе которого к власти пришел генерал Зия-уль-Хак,— он погиб в авиационной катастрофе в 1988 г. На смену генералу пришло правительство гражданских лиц во главе с дочерью Бхутто — Беназир Бхутто. Это было в течение некоторого времени чуть ли не сенсацией: женщина,

к тому же молодая, во главе одного из крупнейших (свыше 100 млн. населения) исламских государств мира. Но правила Б. Бхутто недолго: в 1990 г. ее противники, используя в качестве предлога злоупотребления правящих кругов и недовольство населения, вынудили ее уйти от власти. Б. Бхутто сменил вновь избранный премьер.

Примечательна динамика политической власти. Примерно то же, даже в еще более калейдоскопичной форме, происходило в Бангладеш (население — около 110 млн. чел.), где с момента образования самостоятельной республики в 1971 г. сменили друг друга в результате военных переворотов три президента, двое из которых были генералами.

Обратим внимание на экономическую политику обоих государств. Вначале, когда Пакистан был еще единым, генерал Айюб-хан провел ряд серьезных реформ, направленных на укрепление экономики страны. Были ликвидированы посреднические слои в сфере аграрных отношений (с выкупом земли за счет государства), а земли переданы крестьянам, что способствовало ускоренному капиталистическому развитию в деревне, особенно в западной части страны. Были заложены серьезные основы для роста государственного сектора в промышленности параллельно с активной поддержкой частного предпринимательства и иностранных капиталовложений. Однако экономические достижения были сведены на нет неудачами в политической сфере, прежде всего во взаимоотношениях обеих частей страны. Именно это привело к отставке президента, а затем и к образованию Бангладеш. После разделения на два государства и прихода к власти правительства Пакистанской народной партии президент З. Бхутто попытался было сделать серьезный акцент на развитии государственного сектора. Он провел национализацию некоторых важных отраслей промышленности и банков страны, сделал дальнейший шаг с целью продолжения аграрной реформы. Правительство Зия-уль-Хака приостановило эту политику и заменило ее стремлением к укреплению частного предпринимательства, что в конечном счете дало некоторые позитивные результаты и привело к заметным успехам в промышленном развитии страны, включая и активный выход пакистанского капитала во внешний мир, участие пакистанцев в реализации строительных программ в богатых нефтедолларами аравийских монархиях.

Бангладеш, несравненно более отсталое государство, испытало приблизительно ту же динамику эволюции в сфере экономической политики: на смену неудачным опытам, связанным с национализацией экономики и разбуханием государственного сектора в 70-х годах, после прихода к власти президента Х. Эршада был взят курс на приватизацию экономики и поддержку частного предпринимательства. Впрочем, заметных результатов это пока не дало. Спорадические грандиозные стихийные бедствия, обрушивающиеся на страну, равно как и явная ее перенаселенность при крайне

низком общем уровне экономического развития, держат экономику Бангладеш на одном из последних мест в мире.

Рубеж 80—90-х годов Пакистан и Бангладеш проходят под знаком заметного оживления в политической жизни. В обеих странах активно функционирует многопартийная система, уважается конституция, проводятся выборы. Однако той стабильности, что характеризует Индию, здесь нет, и это является типичным для большинства мусульманских государств. Влияние ислама в обоих государствах весьма заметно, что соответствует и официальной политике исламизации или, точнее, усиления роли ислама и его институтов. В числе других влиятельные позиции в обоих государствах занимают и группировки мусульманских фундаменталистов.

Несколько слов о внешнеполитической ориентации обеих стран. Что касается Бангладеш, то роль этой республики в международных делах сравнительно невелика. Более заметна она в сфере региональной: именно Бангладеш выступила в 1985 г. с инициативой создания Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), в которую вошли Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан и Мальдивы. Цель ассоциации — содействовать развитию и сотрудничеству членов СААРК. Не вполне пока ясно, насколько эта цель реализуется на практике. Но одно несомненно: в помощи других нуждается прежде всего именно Бангладеш. И эту помощь республика получает, в том числе со стороны развитых государств мира, богатых нефтью стран ислама. Однако решение собственных проблем в любом случае зависит от нее самой.

Пакистан ведет себя на международной арене много более активно. Занимая важное стратегическое положение, эта страна долгое время была объектом серьезного интереса со стороны других стран, включая, в первую очередь, КНР и США. Пакистан в свое время был активным членом СЕАТО и СЕНТО. Именно на его территорию в 80-х годах мигрировали миллионы беженцев из Афганистана и здесь же, в районе Пешавара, были созданы базы вооруженной борьбы партизан с правительством НДПА. Не вполне ясно, какую роль будет играть в этом смысле Пакистан после окончания борьбы за власть в Афганистане. Но заметно постепенное изменение общей международной ориентации Пакистана. После развала военных блоков Пакистан стал членом движения неприсоединения. Несколько улучшены были в 70-х годах отношения Пакистана с Индией и есть реальные шансы на то, что в 90-х годах эта политика будет продолжена — во всяком случае как результат общего улучшения международного климата во второй половине 80-х годов.

Непал, Бутан, Шри-Ланка

Два небольших пригималайских государства, Непал и Бутан, издревле территориально, политически, да и в религиозно-культурном плане тяготеют к Индии (Бутан также и к Тибету). Эти монархии

принадлежат, как и Бангладеш, к числу наиболее бедных и отсталых среди развивающихся стран.

Королевство Бутан с населением около полутора миллионов человек, этнически близких тибетцам (70%) и непальцам, после 1947 г. связало себя договором с Индией, по букве которого оно обязалось во внешних сношениях руководствоваться курсом и позицией своего великого соседа. Эти особые связи Бутана с Индией, однако, не слишком ограничивают его самостоятельность в международных делах, зато весьма помогают стране в экономическом плане, включая помощь со стороны Индии. Впрочем, помощь Бутану оказывают также некоторые международные организации и богатые страны. Цель ее — создать в Бутане необходимую современную инфраструктуру и помочь развить сельское хозяйство хотя бы до той степени, которая решила бы проблему самообеспечения страны продовольствием.

Непал — страна значительно более крупная (около 19 млн. чел.). Это королевство издревле было связано с Индией, да и населено оно по большей части выходцами из Индии, не говоря уже о том, что коренное население страны, гурки, еще в прошлом веке активно использовалось англичанами в качестве выносливых солдат, что опять-таки говорит в пользу связей его с Индией. Как королевство Непал возник в середине прошлого века в результате политического объединения нескольких княжеств. Управляли страной вплоть до 1951 г. представители феодально-аристократического дома Рана, выступавшие в официальной функции премьер-министров. Переворот 1951 г. привел к реставрации власти короля, к оживлению норм современной политической жизни, включая парламентарную демократию. Впрочем, эти нормы оказались для Непала преждевременными и были отторгнуты. На смену им пришла система панчаятов (советов или самоуправления), причем на референдуме 1980 г. население высказалось в пользу именно этой системы. В Непале был создан и Национальный панчаят (парламент с совещательными функциями). На выборах 1991 г. немалую долю голосов собрали непальские коммунисты, впрочем, пока охотно сотрудничающие с монархом. Промышленность в основном перерабатывающая, развита слабо. Расходы по экономическому развитию страны чуть ли не на 70% покрываются за счет внешней помощи, в том числе из Индии и КНР. Китай весьма заинтересован в укреплении связей с Непалом.

Государство Шри-Ланка, расположенное на острове Цейлон, возникло как самостоятельное политическое образование после деколонизации. В 1948 г. оно получило статус доминиона, в 1972 г. стало республикой с парламентарной основой и многопартийной системой. Борьба ведущих партий и смена правительств сопровождались изменениями в политическом курсе и в основах экономической политики страны. Акцент на преимущественное развитие государственной экономики сменялся предоставлением наибольшего благоприятствования частному предпринимательству, причем именно этот последний курс

осуществляется и сейчас. В республике господствует президентская форма правления.

Население острова (около 17 млн. чел.) состоит в основном, на две трети, из сингалов, но существенную долю его на севере составляют выходцы из Южной Индии, тамилы. Сингало-тамильская национально-религиозная вражда сильно осложнила положение на острове в 80-х годах. Остроконфликтная ситуация сделала необходимым официальное вмешательство правительства Индии, которое вместе с правительством Шри-Ланки попыталось погасить бушующие страсти и было вынуждено даже на время ввести в северные районы острова свои войска. Частично это дало результаты, острота конфликта спала. Однако до решения проблемы далеко. Взрывы и террористические акты, вера в действенность которых докатилась до Цейлона, то и дело происходят на острове. И предоставление тамилам частичной автономии, и вмешательство Индии не удовлетворили экстремистов. Именно от их рук, как стало известно в результате расследования, пал премьер Индии Р. Ганди.

Экономически Шри-Ланка принадлежит к числу быстро развивающихся, даже процветающих стран Азии, особенно после отказа в 1977 г. от государственного вмешательства в экономику. Шри-Ланка активно экспортирует чай, каучук, производит достаточное количество риса, принимает немалое количество туристов, привозящих с собой валюту. Энергично наращиваются темпы промышленного развития.

Все эти три страны — Непал, Бутан, Шри-Ланка — входят, как упоминалось, в Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии и весьма активно сотрудничают с Индией. Влияние Индии, ее мощи, ее культуры и религии, ее этнических корней, ощутимо в каждой из них. Столь же ощутима помощь Индии, как и играет свою роль ее вмешательство в случае необходимости.

Южная Азия и проблемы политической культуры

Страны региона, о котором идет речь, различны. Они достаточно очевидно распадаются на две группы — группу индо-буддийскую (Индия, Шри-Ланка, Непал, Бутан) и группу исламскую (Пакистан и Бангладеш). Хотя у обеих групп общие этногенетические и цивилизационные корни (пусть не совсем общие, ибо исламизация принесла кое-что свое там, где она одержала верх, т. е. в Пакистане и Бангладеш), разница между упомянутыми группами стран бросается в глаза. Индо-буддийская группа демонстрирует завидную политическую стабильность. Там, где с помощью англичан была взята за основу вестминстерская модель парламентарной демократии (Индия и Шри-Ланка), правительства приходят на смену друг другу в цивилизованном порядке, в результате свободных многопартийных выборов. И пусть эти выборы не вполне адекватны европейским,

главная их идея реализуется достаточно убедительно. В малых странах (Непал, Бутан), где цивилизационный уровень ниже, а парламентарная демократия пока еще развита недостаточно, тогда как позиции монархов весомы, ситуация несколько иная, но тоже отличается стабильностью. Зато в группе исламских стран политическая нестабильность является фактически нормой.

Почему так? Ведь в конечном счете и пакистанцы, и тем более бенгальцы Бангладеша — это те же индийцы, разве что исламизированные за последние несколько столетий. Однако, если рассмотреть указанную странность на фоне всех остальных, в основном уже охарактеризованных выше исламских республик, нельзя не обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев нормой здесь является именно политическая нестабильность. Монархии — Марокко, Иордания, страны Аравии — напротив, демонстрируют собой стабильность. Создается впечатление, что республиканский строй исламским странам как бы противопоказан. Существует некая четко фиксируемая историей несовместимость ислама и республиканской демократии. Не то чтобы исламские страны и народы были в принципе против республики. Но коль скоро есть республика — есть и перевороты. Это, конечно, не означает, что переворотов не бывает и не бывало в прошлом в монархиях. Бывали, и не раз. Ими насыщена история практически любой исламской страны в прошлом. Тем не менее факт остается фактом: современная история мира ислама жестко фиксирует политическую нестабильность именно в республиках. Монархии по сравнению с ними стабильны.

Этот факт заслуживает особого внимания в нашем случае, когда речь идет о сопоставлении исламских и неисламских политических структур в рамках одного достаточно гомогенного в цивилизационном плане региона Южной Азии. Условия сопоставления делают анализ достаточно чистым в логическом плане и заставляют прийти к выводу, что политическая культура ислама относится к республиканскому строю как к своего рода нелегитимной или не вполне легитимной системе власти. Или, говоря проще, того, кто пришел к власти, опираясь не на силу (силу в мире ислама всегда уважали, уважают и, видимо, долго еще будут уважать, что и делает в глазах правоверных опирающихся на нее правителей легитимными), а на некую комбинацию чисел, на голоса избирателей, не за что уважать. Поэтому-то голоса и парламентарные демократические нормы не могут служить препятствием тому, кто ощущает за собой какую-то силу, чаще всего военную,— и совершает переворот.

В то же время для политической культуры, воспитанной на иных принципах, в частности религиозно-общинных и религиозно-кастовых на индо-буддийский манер, ситуация выглядит и расценивается совершенно иначе: кто почитается народом и заслуживает почитания, тот и достоин власти, тем более что на социально-политическом верху, в числе правящей элиты обычно оказываются (и баллотируются) прежде всего выходцы из высших каст, из традиционной правящей

верхушки. Соответственно традиционная политическая культура здесь оказалась функционально и духовно близкой традициям парламентарной культуры англичан, что и сыграло свою роль в усвоении странами Южной Азии этих чуждых ей западноевропейских традиций. Правда, англичане сумели навязать свои вестминстерские нормы и другим бывшим колониям, например Египту, где парламент на многопартийной основе функционирует давно и устойчиво. Но при всем том парламент в Египте не столь уважаемый политический институт, как в Южной Азии. Поэтому и перевороты в Египте еще в недавнем прошлом были достаточно часты. В этом смысле нет принципиальной разницы между Египтом и Пакистаном, равно и давно знакомыми с демократией по-британски.

Напрашивается еще один вывод, вытекающий из уже сделанного. Современные исламские монархии стабильнее республиканских исламских режимов не потому, что в них нет парламентов,— они могут быть и часто бывают. Монархические режимы сильнее парламентарных потому, что опираются не только и не столько на закон, на по-европейски понимаемое право, источником которого считается и должен быть народ, сколько на волю правящего лица. А это и есть то, о чем уже шла речь: в исламской традиционной структуре уважается сила и ее носитель, будь то марокканский король или иракский диктатор. И хотя силе монарха или диктатора при случае тоже может быть противопоставлена сила рвущегося к власти кандидата в монархи или диктаторы, свергнуть его, как правило, много труднее, чем опирающееся на парламент правительство. Отсюда и результаты.

Глава 8

Китай, Вьетнам, Северная Корея

Эту группу стран объединяет не только общее для всех них развитие по марксистско-социалистической модели в рамках однопартийной системы при решительном уничтожении рыночно-частнособственнических отношений. Они близки между собой в том плане, что следовали и следуют по упомянутому пути наиболее решительно и неуклонно, даже после того, как этот путь убедительно выявил все свои пороки. Правда, две из этих стран, Китай и Вьетнам, сделали необходимые выводы из неудач и провели ряд радикальных реформ, изменивших путь и направление развития при сохранении пока еще идеологического курса и привычной политической системы с соответствующими ей марксистско-социалистической лексикой и лозунгами. Третья, Корея, не сделала этого, отчего ее развитие все более очевидно заходит в тупик.

Все три страны близки друг к другу. В сравнительно недавнем прошлом, всего несколько веков назад, Вьетнам и Корея были вассальными территориями могущественной китайской империи. У

всех трех стран единая цивилизационная база, общие исходные ценности и традиции. Но при всем том у каждой, особенно за последние столетия,— своя история, свой путь. Более подробно об этом историческом пути уже говорилось в предшествующих частях работы. Теперь речь пойдет о сравнительно небольшом отрезке их истории, о последних нескольких десятилетиях, когда каждая из этих стран избрала путь развития, ориентированный на марксистскую модель в ее наиболее жесткой, по ряду параметров карикатурной (особенно в Корее), «оруэлловской» модификации. Сейчас перед всеми тремя стоит сложная проблема, как найти выход из тупика. И каждая страна решает эту проблему по-своему.

Современный Китай: просчеты и достижения

Что касается Китая, то эта страна после первых нескольких лет восстановления ее экономики и проведения необходимых реформ в 50-х годах нашего века (здесь сыграла огромную роль помощь СССР, хотя эта же помощь привела и к внедрению в структуру Китая жесткой сталинской модели со всеми ее органическими противоречиями и пороками) стала ареной рискованных экспериментов Мао Цзэ-дуна. Первым из них вскоре после XX съезда КПСС был так называемый «большой скачок», в ходе которого Мао стремился противопоставить новому курсу КПСС собственную политическую линию. Суть ее сводилась к стремлению опередить время и обогнать Советский Союз в деле строительства новой жизни. Не имея возможности за короткий срок создать в стране развитую экономическую базу, Мао решил пренебречь этим и свести скачок в будущее к реформе человеческих взаимоотношений, к стимулированию трудового энтузиазма в условиях эгалитарного быта, казарменных форм существования и при крайней степени официальной индоктринации.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в конце 1958 г. и еще больше в 1959 г. страна стала испытывать голод. Трудовая активность лишенных земли и всякой собственности крестьян снизилась, прежде бережно хранившиеся на год припасы были беззаботно потреблены в рамках народных коммун за совместными трапезами. Производство было в сильной степени дезорганизовано, причем не только в деревне, но и в городе. В ответ на критику эксперимента со стороны ряда партийных лидеров, в частности Пэн Дэ-хуая, Мао обрушился на партию со всей мощью своего ставшего уже харизматическим авторитета. Вначале это не привело к заметным результатам, а взявшая в свои руки руководство страной партия и, в частности, такие ее деятели, как Лю Шао-ци, сумели несколько выправить положение на рубеже 60-х годов. Но конфликт между Мао и противостоявшими его экспериментам партийными лидерами не прекращался и в конечном счете привел к новому грандиозному эксперименту — к «культурной революции», под знаком которой прошло целое десятилетие — последнее десятилетие жизни Мао (1966 — 1976). Смысл этого социального

эксперимента сводился к стремлению Мао посчитаться с помешавшей ему и поставившей под сомнение его действия партией, что и привело к погромам партийных органов, аппарата власти и всей интеллигенции страны отрядами красногвардейцев-хунвэйбинов. Хунвэйбины свято верили в обожествленного ими вождя и преданно исполняли его указания, сводившиеся в конечном счете к главному: «Открыть огонь по штабам!»

Культурная революция дорого обошлась стране и довела экономику КНР до предкризисного состояния. Неудивительно, что после смерти Мао встал вопрос о дальнейшем пути развития. Эксперименты Мао явственно продемонстрировали, что жесткая (сталинская в своей основе) модель социалистического строительства не дает желаемых результатов. Напротив, она оказывается деструктивной. Ее установки выключают созидательную энергию незаинтересованных в плодах своего труда работников и принижают значимость знаний, опыта, высокой творческой квалификации, сконцентрированных в головах образованных слоев населения. Перед преемниками Мао в 1976 — 1977 гг. во весь рост встала острая жизненная проблема: как выйти из созданного экспериментами тупика, восстановить заинтересованность работника в плодах своего труда и обратить его творческую энергию на благо страны и народа? Выход был найден на путях решительной перестройки всей созданной Мао структуры общественных отношений. Как конкретно это выглядело?

Сегодняшнее более чем миллиардное население страны отчетливо делит свою историю на два различных этапа — до третьего пленума и после него. Третий пленум (декабрь 1978 г.) был той гранью, за которой остались эксперименты Мао, а с ними и вся жесткая сталинская модель существования. Реформы, санкционированные этим пленумом ЦК КПК, положили начало принципиально новым формам бытия и всей системе общественных отношений в огромной стране, измученной десятилетиями непрекращающихся войн, революций и экспериментов. Суть этих реформ до удивления проста, даже банальна: был открыт путь к возвращению заинтересованности труженика в плодах своего труда, для чего были ликвидированы коммуны (китайские колхозы), а земля отдана крестьянам. В стране возникли тысячи, десятки тысяч рынков, коммерция была официально легализована. Что касается города и промышленности, то здесь были сильно ограничены роль государственного плана и централизованного регулирования, созданы возможности для развития кооперативно-коллективного и индивидуального секторов деловой активности и изменена вся система административных связей, финансирования, оптовой продажи и т. п. Директорам государственных предприятий предоставлялись невиданно широкие права и возможности, включая право организации на свой страх и риск дополнительных производств и свободной продажи внеплановой продукции, даже с самостоятельным выходом на внешний рынок, право свободного определения цен на сверхплановую продукцию, право

выпуска акций и свободных займов в целях расширения сверхпланового производства и т. д.

Реформы были радикальными и осуществлялись быстро и решительно, для чего первые три года (1979—1981) были объявлены годами реконструкции, а плановые задания на эти годы были сняты либо пересмотрены. Были резко уменьшены ассигнования на военные нужды, а затем заметно сокращена армия, не говоря уже о том, что армейским частям и военной промышленности было вменено в обязанность всемерно содействовать перестройке экономики страны. Были существенно ограничены права и полномочия административных органов, включая и партийные комитеты. Несколько позже было уделено внимание проблемам демократизации жизни общества, необходимым для этого изменениям в системе права, в привычной для однопартийных структур избирательной процедуре.

Результаты реформ сказались столь быстро, что это удивило весь мир. Резко возросло производство продовольствия: к 1984 г. страна вышла на уровень 400 млн. т зерна в год, что вполне достаточно для обеспечения ее гигантского населения необходимым минимумом питания. Активность трудолюбивого китайского крестьянства привела к резкому повышению его благосостояния: за годы после реформы средний жизненный стандарт вырос (если учитывать доход на душу) в два-три раза. И хотя неизбежная в условиях резкого роста рыночного хозяйства инфляция съела часть этого выигрыша, значительная доля его все же осталась и продолжает возрастать. Нечто подобное, хотя и более замедленными темпами, происходит и в китайском горсде, где бурное развитие частного и коллективного — приватизированного — секторов хозяйства радикально изменило образ жизни людей, особенно в сфере обслуживания.

Соответственно сильно видоизменился и весь общий стандарт существования. В стране проявились слои зажиточных крестьян и горожан, работающих на рынок. Промышленность в значительной мере тоже обратилась лицом к внутреннему рынку, о чем, в частности, свидетельствует переход автотракторного и автомобильного производства к изготовлению многих сотен тысяч мелких тракторов и грузовичков, приобретаемых в собственность, обеспечивающих механизацию работ на полях и регулярное снабжение городов производимой в деревне продукцией. Ликвидация громоздких и экономически не заинтересованных в плодах своего труда многочисленных посреднических организаций, служб и контор привела к налаживанию прямых связей между заинтересованными сторонами на рыночной и договорной основе. Изменился и общий стандарт поведения людей: отбросив скованные доктриной принципы жизни, они стали свободнее, у них появились личные вкусы, предпочтения, что повело к изменениям в одежде (куда делась униформа времен Мао?), поведении, образе мышления, в стремлении к основам гражданского общества и правового государства.

Конечно, на пути реформ были и препятствия. Сопротивлялся привыкший к власти партийный аппарат. Давали о себе знать негативные явления, вызванные к жизни рыночным хозяйством (злоупотребления властью, коррупция, контрабанда, инфляция, социальная напряженность во взаимоотношениях между бедными и процветающими, особенно в деревне, и т. п.). Однако на фоне несомненных успехов и неслыханных темпов экономического роста, до 12 — 18% в год, а то и выше, все эти негативные явления оставались лишь досадными издержками развития, что и признавалось официально на очередных партийных съездах или сессиях китайского парламента. Съезды и сессии полностью и безоговорочно поддерживали взятый Дэн Сяо-пином и во многом успешно осуществленный благодаря его руководству курс на реформу. Идеологически этот курс был обоснован официальным признанием того несомненного факта, что Китай являет собой отсталую развивающуюся страну и что говорить о серьезном строительстве социализма в таком обществе еще рано. Пока Китай находится на начальном этапе строительства социализма, причем социализма китайского типа. Считалось, что именно этому соответствует избранная страной теперь модель развития со значительным включением элементов рыночного хозяйства и даже частнопредпринимательской деятельности, не говоря уже о весьма существенной роли приватизированного сектора, работающего прежде всего на свободный рынок, функционирующий на конкурентной основе.

К концу 80-х годов реформы в Китае привели страну к примечательным достижениям. Эти достижения измеряются не столько миллионами тонн или штук той или иной продукции, сколько принципиально новым образом жизни людей, их раскованностью и устремленностью вперед, желанием приложить свои усилия ради общей и зримой для всех пользы, ради укрепления быстро развивающейся экономики Китая, ради будущего страны, наконец-то освободившейся от дурмана тотальной индокринации и уверенно идущей к лучшему. Все это проявилось и в уровне жизни людей, и в их внутренней уверенности в себе, и в их отношении к труду. При этом то лучшее, что вышло в Китае на передний план, во многом опиралось на ожившие традиции, включая тысячелетиями воспитанную культуру труда — труда заинтересованного, оплаченного, приносящего пользу себе и другим, в конечном счете всем. Сыграли свою роль и привычное,воспитанное конфуцианством отношение к жизни, стремление к достижению социальной гармонии и зависимость этого от собственных усилий, от постоянного движения вперед и самоусовершенствования человека.

Успехи Китая в десятилетие реформ были обусловлены многими причинами. Не исчезли, не были уничтожены экспериментами Мао навыки людей к производительному труду, хотя для этого Мао приложил немало усилий. Сказались века и тысячелетия традиции, что проявилось и в том, как отнесся крестьянин к возвращенной ему

земле. Сыграло свою роль сохранившееся в 900-миллионном крестьянстве отношение к труду. Даже безжалостный разгром противников Мао из штабов, т. е. китайской административной бюрократии, сыграл, как это ни парадоксально, позитивную роль: было резко ослаблено сопротивление реформам, так что Дэн Сяо-пину оказалось сравнительно несложно одолеть сопротивление мощного, но напуганного и измордованного хунвэйбинами отряда китайской партийной и административной бюрократии.

Словом, осуществленная в Китае перестройка экономики оказалась не просто удачным экспериментом. Она стала спасением для Китая, чья судьба в XX в. была крайне драматичной. Однако взятые страной на рубеже 70 — 80-х годов быстрые темпы реформы неожиданно привели ее руководство к проблемам, с которыми справиться оказалось не так-то легко. Но это были проблемы уже не столько экономического, сколько социально-политического и, как следствие, идеологического характера, и в попытке их решения руководство страны начало на рубеже 80 — 90-х годов буксовать, даже пятиться назад. В чем же причины, суть дела?

Современный Китай: проблемы развития

Убедившись в том, что экономические принципы марксистского социализма с его отрицанием частной собственности и лишением людей заинтересованности в труде ведут к тупику,— а это наглядно и неоспоримо проявилось в ходе гигантских социальных экспериментов Мао, начиная с большого скачка 1958 г.,— руководство страны буквально вынуждено было предпринять радикальные реформы с тем, чтобы возродить интерес людей к труду, к его результатам. В этом и была суть реформ, наделивших крестьян собственными участками земли и предоставивших возможность каждому завести собственное дело или принять участие в работе приватизированного предприятия, основанного на так называемой коллективной собственности и получившего права юридического лица.

Реформа быстро дала необходимый эффект, особенно в деревне. Но реализация ее означала крах маоистского, а по большому счету — марксистско-социалистического режима в Китае. Практически Китай достаточно быстрыми темпами возвращался к тем отношениям, которые в нем господствовали до Мао. Структура такого рода уже не раз характеризовалась в предшествующих главах применительно к разным странам и даже в разное время (XIX и XX вв.). Это была переходная структура, которая хранила в себе мощный пласт традиционных форм хозяйства, основанных на привычной восточно-деспотической командно-административной системе отношений с существенной ролью государственного сектора в экономике, и которая в то же время была уже хорошо знакома с рыночно-частнособственническим хозяйством. Возникла она в Китае еще в конце XIX в. и благополучно просуществовала, пережив ряд модификаций, до

середины XX в., когда и начала гнуться и ломаться под нажимом экспериментов Мао, целью которых было изжить в этой структуре ее рыночно-частнособственнический пласт, оставив лишь модернизованный в сталинском духе традиционный восточно-деспотический. Крах маоистских экспериментов и всей сталинской модели в ее китайско-маоистской интерпретации как раз и означал возврат к смешанной домаоистской структуре, еще хорошо знакомой массе переживших маоизм китайских тружеников. Возврат, собственно, и обеспечил тот экономический эффект, которому не устают удивляться наблюдатели со стороны: измученный десятилетиями бесплодного труда на обезличенных огосударствленных предприятиях в городе и деревне китайский труженик с охотой взялся за производительный труд на себя. Но у импульса, о котором идет речь, были свои естественные пределы действия, причем очень скоро стало ясно, что пределы уже достигнуты.

Речь о том, что при смешанной экономике с преобладающими еще государственным сектором и командно-административной системой нет условий для подлинного расцвета рынка. И отнюдь не только потому, что в Китае нет демократических свобод.

Такого рода свобод долгие десятилетия не было и на Тайване, они вообще не свойственны традиционной китайской культуре. На Тайване после 1949 г. была достаточно деспотическая власть, по сути та же традиционная командно-административная система. Но коренным отличием ее от пекинской было то, что эта власть — наподобие, скажем, современной турецкой — изначально ориентировалась на еврокапиталистическую модель и потому активно поддерживала процесс становления частного капитала, собственности, предпринимательства. Пекинские власти в ходе реформ после Мао не могли себе позволить открыто взять курс на капитализм, даже если бы захотели. С 1989 г. они отчетливо видели не внушающий оптимизма пример СССР, вступившего на путь структурной перестройки и быстрыми темпами обретавшего состояние нестабильности. Впрочем они и до этого вполне адекватно ощущали, что любое послабление в сфере социально-политической и идеологической, любая уступка требующим демократических реформ студентам и интеллигентам означали бы не просто дестабилизацию жесткой коммунистической структуры, но и быстрый развал страны. Не забывали они и об ответственности, которую каждый из причастных к власти после этого должен был бы нести.

Собственно, к этому и сводится основная проблема развития страны после успешной реформы и убедительно проявивших себя первых ее результатов. Все дело в том, что у экономического развития по рыночно-частнособственническому пути есть своя жесткая внутренняя логика. Цены отпущены, значительная часть ресурсов и предприятий приватизирована, рынок заработал и набирает обороты. Обороты раскручивают гигантский механизм, который грозит серьезными осложнениями. Любому специалисту понятно, что сколь-

ко-нибудь развитый рынок несовместим с авторитарным режимом и с командно-административными формами контроля над страной. Всюду, где упомянутый рыночный механизм раскручивался, командно-административные структуры, до того энергично и целенаправленно его поддерживавшие, должны были уйти, сойти с политической сцены. Так было на Тайване, в Южной Корее, Турции. Необычность Китая в том, что механизм раскрутился, а представляющие командно-административную структуру коммунистические руководители уходить не хотят, да и не могут. В результате возникает эффект перегретого котла, вот-вот готового взорваться.

Стоит напомнить читателю, что «перегрев экономики» как термин вошел в официальную лексику Китая еще в середине 80-х. И термин вполне соответствовал реалиям. Экономика развивалась быстрыми темпами, а административно-политическая структура за ними не поспевала и сознательно делала все, что от нее зависело, дабы умерить темпы развития, грозившие снести все преграды. Создавалась явственная ситуация перенапряжения, рождавшая эффект массового дискомфорта. Производители напирали, управители с трудом сдерживали напор, а отражавшая интеллектуальный потенциал нации интеллигенция начинала все громче требовать демократизации, что на практике означало завуалированные требования к коммунистическому руководству уйти от власти. Требования эти в конце 80-х годов звучали год от года все громче, причем к ним прислушивались влиятельные лица в руководстве, включая генсека КПК Ху Яо-бана и сменившего его на этом посту Чжао Цзы-яна. Беда была в том, что у обоих генсеков не было той власти, что в других коммунистических странах обычно бывала у генеральных секретарей правящей партии. В Китае реальная власть продолжала оставаться в руках формально отошедшего от нее архитектора реформ Дэн Сяо-пина. И именно к нему, к Дэну, апеллировали недовольные партаппаратчики, вполне справедливо видевшие в возможных уступках демократическому напору начало конца режима.

Дэн Сяо-пин, насколько можно понять по ситуации, достаточно долго колебался. Он не мог не сознавать, что требование политических реформ разумно и справедливо, что без них, т. е. без приведения политической, социальной, правовой структуры общества в соответствие с энергичным движением по рыночно-частнособственническому пути, упомянутое движение застопорится, а «перегрев» внутри страны будет способствовать стагнации. Но он не менее четко сознавал — имея к тому же перед глазами то, что происходило в конце 80-х годов в СССР и Восточной Европе,— что согласие на радикальные политические реформы быстро приведет режим к краху с непредсказуемыми последствиями для страны. Выбор между Сциллой и Харибдой был сделан в пользу меньшего, как его понимали коммунистические руководители Китая, зла. Демократическое движение студентов, выплеснувшееся летом 1989 г. на улицы и площади Пекина, было раздавлено проехавшимися по живому на

площади Тяньаньмынь танками. Студентов направили по вузам на идеологическое перевоспитание. Снова подняли голову махровые коммунистические реакционеры. Главным козырем обвинителей стали упреки демократам в том, что они — сторонники буржуазного либерализма, какими они в действительности и были (стоит заметить, что сам этот термин, будучи использован в соответствующем контексте, стал в Китае на рубеже 90-х годов не только идеологическим клеймом, но прямо-таки чем-то вроде ругательства).

Экономика Китая после 1989 г. продолжала развиваться, хотя и более сдержанными темпами. Все чаще сталкивалось это развитие с невидимыми преградами и очевидным противодействием, связанным с сохранением правящей однопартийной структуры и административно-командного режима, отнюдь не отказавшихся от своих лозунгов и принципов. Более того, требование сохранения и усовершенствования «социализма с китайской спецификой» стало привычной нормой официальной лексики, как целиком сохранилась и соответствующая этой лексике манера поведения правящих верхов. А после крушения СССР коммунистические верхи явно с облегчением вздохнули, поздравляя друг друга с их выбором в 1989 г. Впрочем, уже весной 1992 г. все тот же неутомимый Дэн Сяо-пин снова повернул руль в сторону продолжения радикальных реформ. Капитализм и буржуазный либерализм, похоже, скоро уже не будут клеймиться в Китае. Напротив, они станут маяком, ориентиром в пути. Это вполне ясно уже сегодня, в 1993 г.

Совершенно очевидно, что об успехах в движении по пути марксистского социализма не может быть и речи. Что же тогда такое «социализм с китайской спецификой»? Если кто-либо в современном Китае все еще полагает, что это и есть движение страны к светлому будущему в стиле Маркса и Мао, то он ошибается. Сегодня Китай в пути. Конечно, путь может продлиться еще долго — страна огромная и не спешит, даже нарочито тормозит. Но путь уже совершенно определен. Это общий для всего развивающегося мира путь, давно уже реализованный передовыми странами Дальнего Востока с его конфуцианскими цивилизационными ценностями, установками и традиционной моделью поведения. Это путь Японии и Тайваня, Южной Кореи и Сингапура. И разговоры о «социализме с китайской спецификой» в этой связи не более, чем камуфляж. Смысл же лозунга в том, чтобы выиграть время и предотвратить взрывчатый процесс,что так наглядно проявил себя в ходе детоталитаризации иных марксистско-социалистических режимов прежде всего СССР.

Китай идет по пути того самого буржуазного либерализма, с которым всех в этой стране еще призывают бороться. Иного пути у него нет по той простой причине, что без норм и институтов буржуазного либерализма (разумеется, в дальневосточной их модификации — японской, тайваньской и т. п.) не может быть простора для активной рыночно-частнособственнической экономики, а без такой экономики, как показал собственный столь дорого обо-

шедшийся стране опыт последних десятилетий, нет выхода из нищеты и отсталости, нет и не может быть успехов в развитии. Но — с точки зрения руководства, от которого это прежде всего и зависит,— пусть страна идет по этому пути как можно медленнее и плавнее. Пусть уйдет в небытие поколение ветеранов войн и революций и займет свое место у руля правления страной следующее, более прагматичное поколение, все еще, как показывает опыт, приверженное коммунистическим идейным ценностям. За ним вскоре придут новые люди, для которых эти ценности будут уже относительными и которые не будут нести на себе груз ответственности за содеянное в ходе экспериментов. Вот им и карты в руки. Именно они и начнут поворачивать руль политических реформ, приводя административную практику в соответствие с требованиями рынка. По сравнению с сильно обогнавшими его соседями, Южной Кореей, Гонконгом или Тайванем, Китай запаздывает. Он слишком много времени и сил отдал не оправдавшим себя экспериментам. Но он уже идет по единственно верному пути и рано или поздно окончательно покончит с марксистским социализмом.

Вьетнам

К моменту капитуляции Японии во второй мировой войне наиболее серьезной организованной силой во французском Индокитае была компартия, руководитель которой Хо Ши Мин в сентябре 1945 г. возглавил временное правительство Демократической Республики Вьетнам. Правда, последующие события и процессы внесли свои коррективы и во многом изменили ситуацию. Франция способствовала формированию независимого от Ханоя южновьетнамского государства со столицей в Сайгоне, вследствие чего Вьетнам на долгие годы оказался в огне гражданской войны. После ухода французов из Индокитая в 1954 г. южновьетнамское правительство стало опираться на активную поддержку США, причем неудачи в борьбе с Северным Вьетнамом побудили США ввести во Вьетнам свои войска. Почти десятилетие, с 1965 по 1973 г., американцы принимали участие в войне во Вьетнаме, но успеха не добились. В 1975 г. пал Сайгон, и весь Вьетнам вновь оказался под контролем северовьетнамских коммунистов.

Распространение на южную часть страны с ее процветающим сайгонским регионом марксистской экономической модели в ее весьма жестком сталинско-маоистско-вьетнамском варианте привело к ликвидации там частной собственности и рынка и, как следствие, к быстрой экономической стагнации. Конец 70-х — начало 80-х годов прошли во Вьетнаме под знаком нарастающего ухудшения экономического положения, несмотря на ту весомую помощь, которую оказывали этой стране СССР и другие страны марксистского социализма. Еще более ухудшилась обстановка во Вьетнаме после введения вьетнамских войск в Камбоджу и конфликта в связи с этим с Китаем.

Конфликт с Китаем побудил Вьетнам еще более сблизиться с СССР, который, однако, в 80-х годах уже был не в состоянии спасти Вьетнам от экономического краха, с каждым годом становившегося все очевиднее и ощутимее. В пришедшем после смерти Хо Ши Мина (1969) к власти руководстве возникли противоречия по вопросу о том, как выйти из кризиса, по какому пути пойти. Пример реформ в Китае был толчком к решительным действиям, а начало перестройки в СССР (1985) — сигналом для них. Смена руководства означала, что Вьетнам с его 65-миллионным населением готов к решительным реформам.

Экономическая реформа во Вьетнаме, во многом напоминавшая по духу ту, что была начата за несколько лет до того в Китае, принесла, причем достаточно быстро, существенные результаты. Рынок наполнился товарами, темпы развития стали быстро расти. Как и в Китае, некоторые слои населения пытались сочетать движение в сторону реформ с требованиями политической либерализации. Но вьетнамское руководство компартии, как и китайское, осталось твердым не столько в своих убеждениях, сколько в стремлении крепко держать власть в своих руках. Курс на социалистическое развитие формально продолжал декларироваться, хотя в реальности Вьетнам, как и Китай, на рубеже 80 — 90-х годов уже уверенно шел по рыночно-частнособственническому пути. Правда, движение его по этому пути было значительно медленнее и труднее, чем в Китае, да и сопровождалось оно прежними административными притеснениями. Не случайно многие вьетнамцы именно в эти годы стремились покинуть свою родину. Впрочем, Вьетнаму все же удалось выбраться из состояния кризиса, и ныне он демонстрирует экономические успехи, что, вопреки каждодневным лозунгам, убедительно доказывает в глазах его же собственного населения преимущества рыночного капитализма перед редистрибутивной системой марксистского социализма.

Северная Корея

В результате изгнания японцев из Кореи в 1945 г. эта страна обрела свою независимость. Но реалии послевоенного времени и советско-американское соперничество на Дальнем Востоке привели к тому, что в 1948 г. Корея оказалась разделена на две части вдоль 38-й параллели. В Северной Корее, находившейся в зоне влияния СССР, в 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика, во главе которой стал офицер советской армии Ким Ир Сен. Достаточно быстро новый руководитель решительными мерами обеспечил себе диктаторскую власть в стране. Используя привычные методы тоталитарного режима, умноженные на восточно-деспотические традиции и культ социальной дисциплины среди населения, ставший президентом Ким добился абсолютного господства, сделался кем-то вроде живого бога для населения КНДР.

Введенный Ким Ир Сеном режим существования не раз описывался очевидцами и не имеет себе равных. Абсолютный регламент со строгими проработками и жестокими наказаниями за его нарушения превратил страну с 22-миллионным населением в коммунистическую казарму, в реальное воплощение самых страшных утопий типа оруэлловской.

Индустриальная основа страны, заложенная и с успехом совершенствовавшаяся еще японцами, была реконструирована и усилена новым режимом. Высокая традиционная культура труда в сочетании с жесткой дисциплиной казармы позволила достичь определенных результатов в экономике. Пропаганда, закрывшая доступ людям к иным средствам массовой информации, кроме тех, что даются по официальным каналам, создала в стране культ великого руководителя, а заодно и его сына, которого Ким Ир Сен официально провозгласил своим наследником. Ветры перемен, охватившие на рубеже 80 — 90-х годов страны марксистского социализма, пока что обошли север Кореи. Здесь все по-прежнему. Однако престарелый президент не может не волноваться за будущее своего режима, не может не сознавать, что рано или поздно изменения коснутся и КНДР. С одной стороны, он лихорадочно готовится к борьбе не на жизнь, а на смерть, ускоренными темпами создавая оружие массового уничтожения. С другой — стремится наладить контакты с процветающей Южной Кореей, тесных связей с которой он тем не менее боится как огня.

В конце 1991 г. Южная Корея заключила с КНДР соглашение о перемирии, ненападении, сотрудничестве и обменах, что призвано было способствовать снижению напряженности в отношениях между обеими частями в прошлом единой страны. Параллельно с этим американцы вывели из Южной Кореи подразделения, оснащенные ядерным оружием, и тем лишили КНДР оснований для продолжения работ над созданием атомной бомбы. Но в 1993 г. режим Кима демонстративно отказался от сотрудничества с МАГАТЭ, что означало неприятие любого контроля за его ракетно-ядерной программой. Не вполне ясно, как пойдут события дальше. Северная Корея явно приближается к состоянию кризиса.

Конфуцианская традиция и марксистский социализм

Все три только что охарактеризованные страны демонстрируют с некоторыми вариациями единую и весьма жесткую модель марксистского социализма. Эта модель создана на основе конфуцианских традиций, причем именно это обстоятельство многое в ней объясняет.

Прежде всего речь идет о сравнительной легкости создания и завидной устойчивости существования модели. Как-то очень просто и даже по-своему гармонично на конфуцианской административно-ко-

мандной основе создавалась марксистско-социалистическая: никаких внутренних неразрешимых противоречий и несоответствий. Трудно сказать, что при этом сыграло решающую роль: то ли привычка уважать сильную власть и стабильную администрацию, то ли привычно пренебрежительное отношение к торговцам и собственникам, к частникам, против которых при всяком социальном кризисе обращалась ненависть народа в странах конфуцианской традиции; то ли, наконец, высокий, воспитанный тысячелетиями уровень социальной дисциплины, готовность не показным образом, а всей глубиной натуры, воспитанной на идеях великого Конфуция, почитать старших и мудрых. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что сила и авторитет власти сыграли при этом свою важную роль.

В странах ислама власть тоже сильна. Более того, держится в основном на силе. Но она не имеет того авторитета, даже если апеллирует к Аллаху. И это сказывается в момент решающих переломов, в период реформ. Некоторые из стран ислама тоже пытались реализовать марксистско-социалистическую модель — достаточно напомнить о Египте, Йемене, с оговорками можно вспомнить об Алжире, где социализм не вполне марксистский. Тупик, в который завело каждую из упомянутых стран движение в сторону марксистской модели, и связанная с этим необходимость реформ сразу же выявляли внутреннюю нестабильность власти, ее неавторитетность и ослабленность. Известен и результат. Нечто подобное происходит и в европейских странах марксистского социализма — с аналогичным результатом. Не то в странах конфуцианской традиции.

Несмотря на то что модификация марксистской модели здесь наиболее жестка, она оказалась достаточно жизненной и не ослабляет авторитета власти даже в момент серьезного кризиса. Ведь далеко не случаен тот факт, что в странах, о которых идет речь и которые оказались в том же тупике, реформы проходят если и не безболезненно, то во всяком случае без слишком радикальных осложнений, порождающих острую политическую нестабильность.

Практически сказанное означает, что конфуцианская традиция создает и хранит некий социальный ген устойчивости внутренней структуры. Это не значит, что конфуцианские страны не знали социальных катаклизмов. Напротив, они хорошо с этим знакомы. Но катаклизмы здесь — реакция на нарушение нормы, не более того. Эксперименты Мао, Хо или Кима не слишком нарушали привычную норму, а вынужденные реформы возвращали к этой норме. Неудивительно, что реформам в Китае и Вьетнаме сопутствует не кризис, а стабилизация и даже процветание. Другое дело, что после этого в силу вступает логика современного развития, суть которой сводится к неизбежной либерализации всей структуры во имя дальнейшего развития рыночно-частнособственнической экономики. При этом радикальная ломка привычной структуры неизбежна. Но, как показывает опыт иных стран конфуцианской традиции, в условиях

современных реалий и эта ломка вполне может вписаться в традицию и даже добиться дополнительных позитивных результатов за ее счет.

Глава 9

Монголия, Лаос, Камбоджа и Бирма

Это еще одна группа стран, развивавшихся определенное время по марксистско-социалистической модели, но их развитие шло на иной — буддийской — цивилизационной основе, отсюда и несколько иные результаты. Существенно также оговориться, что неодинаковы исходные позиции. Кочевники Монголии были силой втянуты в социалистические преобразования. Лаос и Камбоджа волею судеб оказались в зоне, где эти преобразования давно уже происходили. Что же касается Бирмы, то она избрала свой и достаточно особый путь к социализму, причем социализм по-бирмански — это не вполне марксистский социализм, хотя кое-что от него и было заимствовано. Но взглянем на каждую из только что перечисленных модификаций отдельно.

Монголия

Монголы вплоть до XX в. оставались кочевниками. Монгольские ханы — как и бедуинские шейхи — были, к слову, не феодалами, как их подчас считают и именуют, а едва вышедшими за пределы первобытности племенными вождями, главами протогосударственных образований, выше уровня которых кочевники подняться не в состоянии именно в силу их образа жизни. Таким был уровень существования подавляющего большинства монголов в начале XX в. несмотря на то, что страна и народ в XIII — XIV вв. знавали лучшие времена и что распространившийся в Монголии буддизм, равно как и имевшаяся у них собственная письменность, являли собой необходимый фундамент для дальнейшего развития.

Собственно, развитие такого рода понемногу и шло. Еще в XVIII — XIX вв. территория Монголии была уже не только царством кочевников. Существовали крупные монастыри, рядом с которыми строились жилые дома, возникали городские сооружения, развивались ремесла и торговля. Правда, ремесло, торговля и городской образ жизни во многом были связаны не с самими монголами, а с оседавшими в Монголии иностранцами. Но факт остается фактом: страна развивалась, причем все большее количество монголов становились городскими жителями. А после революции 1911 г. в Китае, частью которого в то время была Монголия, создались даже условия для возникновения самостоятельного монгольского государства, во главе которого стал самый уважаемый в то время в стране человек — духовный глава монгольских буддистов.

После переворота 1921 г. в столице Монголии Урге страна стала народной республикой и оказалась под сильным влиянием СССР, без ведома и согласия руководителей которого местные власти, как правило, не принимали сколько-нибудь важных решений. Советское влияние позволило монголам, во всяком случае многим из них, уйти от первобытного кочевого быта. С помощью советских специалистов и рабочих в богатой ресурсами стране было построено несколько крупных предприятий, особенно в сфере горнодобывающей промышленности. С помощью советских тракторов распахивались целинные земли, на которых дети кочевников учились вести земледельческое хозяйство. Разумеется, вся экономика страны контролировалась государством и принадлежала ему, а сельское хозяйство строилось по советской модели. По этой же модели развивались политическая структура, социальные отношения — словом, все, вплоть до беспредельной власти репрессивных органов. Известно, что около 70% лам в стране, где существовала традиционная норма одного из сыновей отдавать в монастырь и обучать там, дабы он стал монахом, ламой, было физически уничтожено. Соответственно разрушались и храмы.

Конец 80-х годов прошел в Монголии под знаком серьезного и всестороннего кризиса. Непопулярная власть, лишившись поддержки советского руководства, которому было уже не до этого, стала быстро сдавать позиции. В стране формировалась оппозиция, благо количество грамотных и образованных городских жителей в этом двухмиллионном государстве было уже достаточно внушительно. Активизация оппозиции и широкое движение за демократические реформы привели к решительным преобразованиям в стране. Начало 90-х годов проходило в обновленной Монголии под знаком многопартийного плюрализма. В Монголии быстро стали осуществляться радикальные реформы, широким фронтом шла приватизация, создавались мелкие и средние частные предприятия, была сокращена армия, энергично росло национальное самосознание, выразившееся прежде всего в прославлении национального героя монголов Чингисхана.

Сегодня Монголия достаточно уверенно смотрит в будущее. Имея не такой уж плохой для слабой в общем-то страны доход на душу населения (ок. 500 долл.), она активно прибегает к иностранной помощи, открывает простор для инвестиций и очень рассчитывает на то, что ее богатейшие природные ресурсы в скором времени смогут обеспечить стране высокий экономический стандарт. Не приходится и говорить, что восстанавливается монастырская инфраструктура, увеличивается количество новых лам и возрождаются утраченные было нормы и ритуалы монголо-тибетского буддизма.

Камбоджа*

Камбоджа была признана независимым государством по условиям Женевского соглашения 1954 г. Поначалу страну возглавлял король Н. Сианук, который затем отрекся от престола и остался во главе страны в качестве ее президента. В 1970 г. в результате военного переворота к власти пришло правительство Лон Нола, что вызвало реакцию со стороны коммунистического подполья. Захватив в 1975 г. власть в стране, коммунистические отряды красных кхмеров под водительством Пол Пота превратили свою небольшую страну (сегодня в ней ок. 8 млн. населения) в полигон для страшного социального эксперимента, перед которым отходят на задний план даже те, что осуществляли Ким Ир Сен в КНДР или Мао в Китае. Кровавый эксперимент Пол Пота привел к уничтожению всех камбоджийских городов с их промышленностью и развитой инфраструктурой, к физической ликвидации миллионов людей, прежде всего образованных и специалистов, к превращению страны в огромный концлагерь, где безнаказанно распоряжались красные кхмеры. Для полпотовцев, ориентированных на ценности марксистского социализма, жизнь человека ничего не стоила: чтобы не тратить пули, людей убивали лопатами и иными подручными средствами, морили голодом, не говоря уже об изощренных издевательствах. Стоит заметить в этой связи, что попытки коммунистов ряда стран, прежде всего советских, отмежеваться от этих преступлений и не увидеть в них родственные всем коммунистическим диктатурам репрессии малоубедительны. Конечно, кхмерский красный террор может восприниматься как карикатурный, но если присмотреться и сравнить его с тем, что стало известно, скажем, о нашем собственном красном терроре за последние годы открытых публикаций и разоблачений, то сомнений в родстве не будет. Источник убеждений красных кхмеров, равно как и их бесцеремонности и неуважения к жизни людей, все тот же — марксистская теория диктатуры пролетариата, идея уничтожения враждебных классов и вообще всех врагов революции, к которым, как известно, можно отнести любого, кто сам не убивает лопатой (а при случае и его самого тоже).

В начале 1979 г. в результате сложной борьбы политических сил (кхмеров поддерживал Китай, Вьетнам склонялся к тесному союзу с СССР) вьетнамская армия вошла в Камбоджу, после чего остатки полпотовцев вынуждены были уйти в пограничные с Таиландом горные районы, а власть в стране оказалась в руках немногих случайно оставшихся в живых образованных камбоджийцев, прокоммунистически настроенная часть которых объединилась в Единый фронт национального спасения. Была создана народная республика, гарантом независимости которой стал Вьетнам.

---

* Одно время, в 70 — 80-х годах, страна именовалась Кампучией.

Освобожденная от полпотовцев Камбоджа лежала в руинах. Все следовало воссоздавать заново, причем в первую очередь с помощью Вьетнама, который тем самым взял на себя ответственность за все камбоджийские дела. Это вызвало, как известно, международные осложнения: новое правительство Хун Сена не было признано в ООН. Сианук и Китай активно выступали против его признания, видя в нем марионетку Вьетнама. Началась длительная эпоха переговоров и поисков компромисса, в которые были вовлечены многие страны мира, как соседние с Камбоджей, так и весьма далекие от нее. На рубеже 80 — 90-х годов наметились контуры решения проблемы. Были выведены из Камбоджи вьетнамские войска, и на специальных конференциях и встречах заинтересованных сторон выработано решение, суть которого сводилась к тому, что представители всех сторон возвратятся в Пномпень и получат свое определенное место в коллегиальном органе, призванном временно управлять страной и подготовить намеченные на 1993 год выборы. Во главе страны вновь стал Сианук.

Конец 1991 г., когда этот план начал реализовываться, был отмечен в Пномпене и всей Камбодже серией энергичных реформ, направленных на развитие страны по рыночно-капиталистической модели. Были приватизированы предприятия, открыт путь для иностранных инвестиций и приглашены вернуться в страну покинувшие ее в свое время бизнесмены как кхмерского, так и китайского происхождения (китайцы всегда имели прочные экономические позиции в хозяйстве Камбоджи). Словом, был открыт путь для возрождения Камбоджи. 1992 год принес, однако, немало разочарований и был отмечен усилением в стране позиций красных кхмеров. Политическая обстановка в год выборов (1993) заметно накалилась.

Лаос

В Лаосе, добившемся, как и Камбоджа, независимости по условиям Женевских соглашений 1954 г., уже в 60-х годах создалась обстановка острой политической нестабильности. Борьба враждующих группировок в этой небольшой (ок. 4 млн. чел.) и отсталой стране вела к расколу и гражданской войне. Тот самый 1975 год, который был годом падения сайгонского режима и триумфа в Камбодже красных кхмеров, сыграл роковую роль и в судьбах Лаоса — стоит напомнить в этой связи о так называемой теории домино, которая часто поминалась политиками в то время и смысл которой сводился к тому, что падение южновьетнамского режима неизбежно повлечет за собой крушение нестабильных режимов в соседних странах (примерно так, как упавшая костяшка домино, когда несколько из них стоят на ребре рядом друг с другом, приведет к падению всех остальных). Это предсказание, как известно, сбылось, во всяком случае в том, что касается Камбоджи и Лаоса.

В 1975 г. коммунистически настроенные повстанцы одержали победу над всеми своими соперниками и провозгласили Лаос народно-демократической республикой. Ведущим сектором экономики стал государственный, были национализированы банки, поставлена под строгий контроль мелкая частная собственность и декларировано движение к социализму марксистского толка. Лаос счастливо избежал катастрофы, подобной той, что принесли в Камбоджу красные кхмеры. Но отсталая его экономика пришла в результате марксистско-социалистического эксперимента в еще более убогое состояние. Дух реформ конца 80-х годов способствовал тому, что к такого рода реформам приступили и в Лаосе, благодаря чему тяжелое экономическое положение стало понемногу выправляться.

Бирма (Мьянма)

Бирма (ок. 40 млн. чел.) несколько отличается от группы стран с ориентацией на марксистскую модель социализма. Разница прежде всего в том, что в других странах во главе соответствующих партий, правительств и преобразований стояли коммунисты (даже если сами партии при этом именовались несколько иначе). В Бирме было по-другому. Коммунисты с 40-х годов существовали и здесь, причем в виде различных групп, включая и организации экстремистского толка. Но в дальнейшем они предпочли позицию борьбы с существующим правительством, подчас вооруженной борьбы, при всем том, что в первые годы после войны входили в состав правящей Антифашистской лиги народной свободы. Впрочем, изменялись и позиции лиги, равно как и составлявшей ее ядро социалистической партии.

Первое десятилетие ее власти (1948 — 1958) прошло под знаком укрепления государственной экономики и борьбы с вооруженной оппозицией, включая коммунистов. Но добиться экономических успехов в состоянии перманентной вооруженной борьбы было невозможно, что и привело к политическому кризису в конце 50-х годов. Вначале гражданское правительство У Ну было заменено военным, во главе с генералом Не Вином, причем военные и поддерживавшие их силы взяли курс на некоторую демократизацию в стране. Затем на недолгое время возвратилось гражданское правительство У Ну, что, впрочем, привело к нарастанию кризисных явлений в экономике и политике, а в марте 1962 г. в Бирме был совершен военный переворот, и власть снова попала к Не Вину — на сей раз в качестве главы Революционного совета. Буквально через несколько недель после захвата власти Революционный совет опубликовал программу «Бирманский путь к социализму», под лозунгом реализации которой Бирма существует вот уже около 30 лет.

Суть программы сводится к отказу от парламентарной демократии и эксплуатации человека человеком, к национализации основных средств производства и провозглашению экономической основой ново-

го общества государственной и кооперативной собственности. Частное предпринимательство резко ограничивается, а рабочие и крестьяне провозглашаются опорой нового социалистического строя. Декларация звучит вполне в духе, который привыкли воспринимать в качестве нормы все те партии и страны, где шло развитие по марксистско-социалистическому пути с ориентацией на сталинскую модель. Это означает, что при всей специфике ситуации в Бирме (коммунисты не в правительстве, а в вооруженной оппозиции) официальный курс был близок к тому, который провозглашался взявшими власть коммунистами. И именно этот курс стал реализовываться в стране.

Национализация иностранного и крупного капитала, ликвидация экономических позиций землевладельческой знати, серьезное ограничение возможностей национальной буржуазии, объявление государственных монополий в ряде важных сфер хозяйства, затем едва ли не полная национализация всех предприятий в стране и введение такой налоговой системы, которая ограничила частное накопление,— все эти и другие шаги привели на рубеже 60 — 70-х годов к превращению экономики Бирмы в государственную. Государство же, со своей стороны, приняло ряд мер для развития инфраструктуры, сельского хозяйства, системы трудового законодательства, образования и т. п. Неудивительно, что уже на рубеже 60 — 70-х годов стали обозначаться первые серьезные проблемы, резко упали экономическая эффективность и темпы роста экономики. Подрыв позиций мелкого производителя в городе и деревне привел к упадку рынка и товарного производства и соответственно к расцвету черного рынка и теневой экономики. Появились инфляция и заметная безработица, причем все это сочеталось с непрекращавшейся внутриполитической нестабильностью. Лидеры созданной в 1964 г. Партии бирманской социалистической программы во главе с Не Вином предпринимали усилия для урегулирования своих взаимоотношений с оппозицией, во всяком случае в первые годы существования новой партии. В народе пропагандировались идеи бирманского социализма, заметно окрашенного в привычные буддийские тона. Опорой партии стали народные советы. Все иные партии в стране были запрещены, причем эти нововведения были официально закреплены конституцией 1974 г.

Последующий ход событий показал, что жесткая линия на ограничение частного сектора и свободного рынка не может быть компенсирована апелляцией к буддийским традициям. Кризис в стране нарастал. Темпы развития были неудовлетворительными, росло сопротивление, прежде всего со стороны студенчества. Ответом на недовольство были репрессии, но они уже не помогали. Позиции правительства становились все слабее. В стране нарастал взрыв. Под давлением народного возмущения военные в 1988 г. вначале были вынуждены отступить, но затем достаточно быстро пришли в себя и стали укреплять свою власть. Было объявлено о введении новых принципов управления, проведены некоторые реформы экономическо-

го характера, открывшие простор для рыночных отношений. Было дано согласие на восстановление норм парламентской демократии на многопартийной основе. Страна получила новое имя (Мьянма — впрочем, это новая транскрипция ее имени) и ждала выборов, состоявшихся в 1990 г.

На выборах неожиданно для властей одержала решительную победу Национальная демократическая лига во главе с дочерью национального героя Бирмы Аун Сана — Су Чжи. Генералы, фактически правящие страной, не признали их результата и отказались передать власть Су Чжи и ее сторонникам. Более того, руководители Лиги оказались под арестом, причем сама Су Чжи была взята под домашний арест еще до выборов, в 1989 г. Опираясь на первые достигнутые в результате реформ экономические успехи, генералы упорно держатся за власть и лишь туманно обещают в будущем созыв Учредительного собрания, которое должно решить политические проблемы. Присуждение Су Чжи осенью 1991 г. Нобелевской премии мира не повлияло на их позиции и даже не помогло лауреату освободиться из-под ареста.

Марксистский социализм в странах буддизма

Таковы четыре страны, из которых три небольшие демонстрируют неодинаковые модификации одной и той же марксистско-социалистической модели развития на фундаменте цивилизации буддизма. Многое неодинаково в этих странах. Сильно различается цивилизационный фундамент, весьма слабый в культурном плане у кочевников Монголии или горцев Лаоса и много более мощный, уходящий корнями в глубь тысячелетий — у кхмеров и бирманцев. Еще более разительны отличия в судьбах. Красные кхмеры не поколебались самым зверским образом уничтожить миллионы своих сограждан, убивая их просто за то, что те не отвечали признанному ими за норму стандарту. Монголы терпеливо и вынужденно ждали часа своего освобождения и в этом смысле мало чем отличались от любой из азиатских республик СССР. Бирманцы долгие десятилетия находились под жестким гнетом власти военных. Лаосцы почти покорно испытывали на себе очередные удары судьбы, во многом зависевшие от политической конъюнктуры и баланса сил вне своей страны. Но что общего у всех этих стран, даже имея в виду все особенности и контрасты?

Общим был и остается цивилизационный фундамент, во многом предопределивший принципиальный характер социальных отношений и государственной власти. Преобладающей чертой социума являются здесь веками воспитывавшиеся буддизмом терпеливое смирение, покорность, готовность к страданиям. Правда, сквозь привычную покорность порой прорывается и готовность к сопротивлению, как например, в Бирме в конце 80-х годов. Да и далеко не одни буддисты

вынуждены склоняться перед жестокой силой. Но, тем не менее, обстоятельства, когда сотни тысяч и миллионы людей покорно дают убивать себя лопатами и не пытаются восстать, вооружившись хотя бы теми же лопатами, говорят сами за себя. В мире ислама, в Китае в годы социальных катаклизмов люди вели себя в аналогичной ситуации иначе.

Впрочем, у только что отмеченной цивилизационной особенности буддийских стран есть и иной аспект: буддистов трудно воодушевить и заставить с энтузиазмом строить светлое будущее. Китайцев или мусульман — легче, как, к слову, и европейцев. Те, кто привык не очень-то ценить земную жизнь и в чьи цивилизационные ценности входит видеть светлое будущее в иной жизни, не проявляют подобного энтузиазма. А это неизбежно сказывается на манере поведения и жизненных стандартах, обрекая любую марксистско-социалистическую модель даже в момент развития ее по восходящей линии на вялость. Другое дело — рыночно-частнособственнические отношения, не требующие особого энтузиазма и удовлетворяющиеся размеренным трудом собственника. Пусть не слишком быстро, но эта стихия и в странах буддизма способна проявить себя и дать должный эффект, как то будет показано ниже на примере буддийского Таиланда.

В целом сравнение модели марксистского социализма на конфуцианском и буддийском цивилизационном фундаменте демонстрирует существенное различие именно в основах, причем оно, это различие в основах, весьма отчетливо сказывается на результатах. И Китай, и Вьетнам, и Северная Корея в процессе развития марксистско-социалистической модели по восходящей, т. е. на первых ее порах, когда она еще не выявила своих органических внутренних пороков и даже могла зажечь сердца людей энтузиазмом и верой в светлое будущее, продемонстрировали определенные успехи. Ни одна из стран с буддийской цивилизационной основой этим не может похвастать. Правда, кое-чего в плане развития достигла за семьдесят лет Монголия. Но здесь нужно принять во внимание не только советскую помощь, но и постоянную советскую опеку, которая позволяет, как упоминалось, приравнивать в этом смысле Монголию к обычной советской азиатской республике, что в корне меняет точки отсчета и оценки.

Разумеется, здесь следует учитывать и разницу в исходном уровне. Страны конфуцианской традиции в этом смысле были значительно более подготовленными к рывку вперед. Однако, даже имея это в виду, нельзя не заметить тех различий, о которых упоминалось. Но при всех различиях судьбы обеих групп стран в принципе все же одинаковы: развитие по марксистско-социалистической модели оказалось в конечном счете экономически неэффективным и социально деструктивным как для стран конфуцианской традиции,так и для стран буддийских. Печальный итог в обоих случаях однозначен, как одинаково несомненно и то, что теперь уже выбраться из ямы, куда они попали в результате эксперимента, все

те страны, о которых идет речь, могут лишь при решительном курсе на развитие рыночно-частнособственнической экономики. Соответственно должны быть решительно перестроены социально-политическая система, стратегические установки, привычные стереотипы и т. д. Собственно, именно это все страны, кроме разве что Северной Кореи, и делают, каждая по-своему, своими темпами. Это касается и Бирмы, и Китая, где власти все еще формально отказываются признать поражение своего курса. Но жизнь возьмет свое — собственно, это уже и происходит.

Глава 10

Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: путь капиталистического развития

Группа стран, о которых теперь пойдет речь, весьма противоречива и неоднородна. Объединяет их одно — развитие по капиталистическому пути с ориентацией на японскую модель развития. Под термином «японская модель» имеется в виду развитие с учетом собственных традиций по пути, соответствующему в основных своих параметрах еврокапиталистическому стандарту. Как показывает практика, с точки зрения результатов это для стран Востока оптимальный путь развития. Сложность, однако, в том, что страны, ориентирующиеся на такую модель, различны, в том числе и по традициям, что, естественно, сказывается на результатах. В соответствии с этим и будут группироваться страны. Начать следует с эталона, дабы в последующем был ориентир.

Япония

О феномене Японии уже достаточно подробно шла речь в предыдущей части работы. Обратим внимание на то, что особенно выпукло характеризует Японию сегодня и составляет суть той японской модели развития, которая является ныне ориентиром для многих стран Востока. Итак, что же такое современная Япония?

Прежде всего — очень быстро и динамично развивающееся богатое и процветающее государство, современное поколение жителей которого (ок. 125 млн.) уже полностью вкусило плоды упорного труда своих предшественников. Для экономики страны характерны высокие темпы прироста; очень высокий (выше, чем в США) объем ВНП на душу населения, первоклассная промышленность, повсеместно вытесняющая конкурентов с мирового рынка, высший класс качества изделий, невиданный подъем научно-технического стандарта, превративший Японию в центр науки и техники завтрашнего дня, великолепно развитое сельское хозяйство, обеспечивающее на скудных почвах маленькой страны все ее большое население необходимыми продук-

тами, невиданная по степени развития инфраструктура, включающая лучшие из современных дороги, транспортные средства и т. п., высококачественную систему народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. Этот перечень можно продолжить, перечисляя все японские достижения мирового класса. Разумеется, все это не означает, что у Японии нет проблем. Они есть и проявляются в болезненной напряженности людей, стремящихся не отстать от быстрых темпов прогресса, в невозможности для части молодежи выдержать общепринятый темп и объем усваиваемых в школе или вузе знаний, в росте непривычного для традиций этой страны отчуждения людей, уставших от напряженной погони за стандартом. Но согласимся, эти проблемы иные, нежели у развивающихся стран вчерашнего традиционного Востока. Иной стандарт жизни, иные реалии и совсем иные проблемы.

Традиция и воспитанная ею высокая культура труда, корпоративная дисциплина общежития способствуют достижению тех успехов, коими по праву может гордиться современная Япония. За счет этой традиции достигается высокое качество продукции при сохранении социальной гармонии во взаимоотношениях старших и младших (важнейший принцип конфуцианства!), особенно в рядах средней фирмы, каждая из которых в современной Японии являет собой все ту же традиционную конфуцианскую разросшуюся семью с общими интересами и полным взаимопониманием. Доблесть и достоинство самурая, трансформировавшиеся в этику инженера, ученого, предпринимателя, политического и общественного деятеля, способствуют сохранению высокого стандарта самоуважения и отношений в обществе, что дает дополнительный импульс немалой силы для достижения все новых успехов.

Политическая система современной Японии основана на многопартийной парламентарной демократии с сохранением императора в качестве главы государства. Практически неизменно господствует на выборах и формирует правительство одна ведущая либерально-демократическая партия, что свидетельствует об устойчивости политических симпатий избирателей и завидной внутриполитической стабильности страны. Государство в современной Японии — весьма активный политическо-правовой институт, заботливо стоящий на страже интересов общества, прежде всего цветущей национальной экономики. Оно постоянно покровительствует бизнесу, заботится о выгодной структуре экспорта и импорта, активно поддерживает мелких собственников, не забывает о народном образовании, культуре и прочих жизненно важных потребностях населения.

Важно заметить, что национальное процветание сыграло решающую роль в отмирании японского милитаризма, чему способствовала и буква послевоенного мирного договора, запретившего Японии иметь большую армию. Нет у Японии и территориальных притязаний, если не считать некоторых и обоснованных претензий на группу южнокурильских островов, силой отобранных у Японии в конце войны без

закрепления этого акта в общепризнанных документах международного права. Словом, традиционный военный дух самурайской Японии на глазах уходит в прошлое. Соответственно меняется, особенно за последние полвека, и все японское общество. Разумеется, традиции чтутся, но многие из них на глазах превращаются в раритеты наподобие знаменитых гейш или заметно трансформируются в новых условиях жизни. В то же время обращает на себя внимание стремление японцев продолжать учиться у развитых стран Запада, перенимая все современные достижения мировой науки, техники, технологии, при всем том, что во многих отраслях знаний и достижений японцы уже опережают других.

Давно ушло в прошлое время, когда на Японию смотрели как на любопытное и почти экзотическое явление, как на страну, способную лишь на жестокости и насилия. Сегодня Япония совсем иная — и другое к ней отношение. На эту страну смотрят с замиранием сердца. Едут туда, как в Мекку. Уже ничто японское не удивляет — люди привыкли ожидать новое, интересное, необычное, феноменальное именно оттуда. Этому активно содействует и сама Япония, чьи товары заполонили мир, чьи предприятия и капиталы осваивают новые рынки, чьи туристы занимают заметное место среди людей, посещающих разные страны мира. Такова Япония сегодня, если обратить внимание именно на то, что наиболее показательно характеризует японскую модель как ориентир для других.

Страны, следующие по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур)

Перечисленная группа стран, включая и такие территории, как Тайвань и Гонконг, которые формально не имеют самостоятельного политического статуса (или, как в случае с Тайванем, имеют не вполне ясный с точки зрения международного права статус), но фактически являют собой вполне самостоятельно существующие политические образования,— это как раз те четыре страны конфуцианской цивилизационной традиции, которые и демонстрируют ныне, наряду с Японией, потенции дальневосточной цивилизации. Что представляют собой эти страны?

Они достаточно разные. Две наиболее крупные из них, Южная Корея (43 млн. жителей) и Тайвань (20 млн.), принадлежали на протяжении ряда десятилетий, вплоть до конца 80-х годов, к числу политически весьма жестких, авторитарных структур. Военные правители Кореи или десятилетиями бессменно находившийся у власти сын Чан Кай-ши Цзян Цзин-го являются олицетворением такого рода режима. Однако в обеих странах сильное и жестко осуществлявшее свою власть государство, опиравшееся на однопартийную систему с ограниченными прерогативами парламента и с президентским правлением, не менее энергично и активно, чем государство в Японии, поддерживало частное предпринимательство и

иные соответствующие еврокапиталистическому стандарту условия развития экономики, опирающейся на свободный рынок с конкурентной борьбой.

Этот отчетливо фиксированный курс в сфере экономической политики сыграл свою роль и способствовал развитию в обеих странах капитализма, приобщению к нормам капиталистической экономики основной массы населения как в городе, так и в деревне. По мере развития и убыстрения темпов капиталистического развития в обеих странах осваивались, как и в Японии, передовые наукоемкие отрасли современного производства, что способствовало включению творческого потенциала населения, уровень образованности которого год от года рос. Традиционная культура труда, проявленная и в учении, и в работе на предприятиях, приносила, как и в Японии, свои плоды. И хотя не все фирмы на Тайване или в Южной Корее формировались по японскому патерналистскому стандарту, значительная часть их была именно такой — сказалась общая для рассматриваемой группы стран конфуцианская традиция. Это обстоятельство способствовало стабилизации экономических успехов и наращиванию научно-технического потенциала.

Различна политическая ситуация в обеих странах. На Тайване она отличается покорностью населения властям и весьма незаметной ролью социального протеста населения. Только в самые последние годы в связи со смертью Цзян Цзин-го на передний план стали выходить оппозиционные настроения и соответствующие политические тенденции, что постепенно ведет к сложению на острове новой внутриполитической ситуации, включая не формальную, а политически реальную многопартийную структуру. В частности, создается весьма влиятельная политическая сила сепаратистов, готовых к отказу от претензий на единство с КНР, ассоциирующихся с годами правления гоминьдановцев. И хотя власть гоминьдановцев пока не поколеблена, что было подтверждено выборами на многопартийной основе в конце 1991 г., сепаратистские тенденции все же усиливаются. Не вполне ясным остается и статус острова: КНР не только не отказывается от прав на него, но и весьма твердо дает понять, что никогда от них не откажется. Будущее острова в свете сложностей его статуса неясно. Но одно несомненно: Тайвань за десятилетия параллельного с КНР существования в качестве части великого Китая, активно развивающейся по капиталистическому пути, убедительно доказал преимущества этого пути (ныне доход на душу населения здесь минимум в 10 раз выше, чем в КНР, при примерно равной исходной позиции в 1949 г). К слову, это сопоставление играет не последнюю роль в выборе того направления, по которому ныне следует Китай.

Южная Корея являет собой нечто иное. Сильная авторитарная власть здесь вот уже несколько лет назад была ослаблена в результате энергичного протеста населения, особенно бунтующего студенчества. Это сыграло определенную роль в вынужденном отказе властей от

авторитарных форм правления. Признание роли оппозиции и введение многопартийной системы способствовали заметному изменению в политической структуре, сближению этой структуры с привычной еврокапиталистической. Но если оставить в стороне пути и способы достижения нового качества (в Корее это студенческое движение, на Тайване — оживление оппозиции после смерти президента Цзяна), то суть дела обнажится более отчетливо. Она сводится к тому, что на определенном витке развития по капиталистическому пути авторитарный режим, до того вынужденно необходимый в странах с неподготовленными к новому стандарту жизни массами местного населения, уступает свое место более демократическим формам правления в новых условиях. Примерно такой же путь продемонстрировало в свое время и японское государство. Более быстрыми темпами развитие по этому же пути, уже изведанному, демонстрируют Тайвань и Южная Корея.

Что касается Гонконга и Сингапура, то здесь несколько иная ситуация. Разница в том, что оба мелких политических образования (формально остающийся еще колонией Британской империи Гонконг с его 6 млн. жителей и сравнительно недавно, в 1965 г., ставший независимым Сингапур с его 3-миллионным населением) обязаны своим процветанием выгодному стратегическому положению. Это торговые форпосты на важных морских путях. Впрочем, геополитическое положение было лишь стартовой основой, не более того. Последующее развитие обеих территорий во многом связано со все теми же цивилизационными особенностями этих населенных в основном китайцами районов Азии. Здесь не было жестких авторитарных режимов, но не было и сжатых исторических сроков для важных внутренних преобразований. Гонконг и Сингапур с прошлого века были колониями Англии, которая здесь, как и в других своих колониях, вела курс на сближение местных условий с еврокапиталистическим стандартом. Этот курс на протяжении более чем века не мог не дать определенных результатов, так что последние десятилетия развития (в том числе в Сингапуре уже в условиях независимости) были лишь заключительным аккордом: импульсы колонизационной политики и цивилизационный потенциал местного населения совпали по вектору, что и обусловило результат.

Если попытаться сопоставить между собой все четыре страны, о которых идет речь, то на первое место, пожалуй, выйдет Южная Корея — и по темпам развития, и по его результатам. Ныне южнокорейская экономика уже наступает на пятки японской, а крупнейшие ее фирмы занимают почетное место в ряду первых десятков богатейших корпораций мира. Считается, что по уровню и темпам развития корейская экономика отстает от японской лишь на десять — пятнадцать лет, причем разрыв этот имеет тенденцию к сокращению (речь не об отсталости промышленности, но лишь об общем стандарте экономики). Тайвань, в еще большей степени Сингапур и тем более Гонконг несколько отстают, хотя каждая из этих стран стремится

взять свое. Что касается Гонконга, то его производство и торговая марка по сравнению с японской, южнокорейской и тайваньской считаются стоящими ниже: аналогичные изделия и стоят дешевле, и ценятся меньше. Не вполне способствует устойчивости и репутации торговой марки гонконгских предприятий статус территории: в конце XX в. Гонконг станет частью КНР. И хотя Китай заинтересован в том, чтобы Гонконг еще долго оставался тем форпостом капитализма в Китае, каким он сейчас является, ситуация тем не менее является более чем сомнительной, что и сказывается на результатах: гонконгские капиталисты и фирмы уже подыскивают для себя новые места обитания.

Иное положение в Сингапуре, расположенном на крошечном острове, который усилиями трудолюбивого своего населения превращен если и не в рай, то во всяком случае в весьма ухоженное место для жизни. По-прежнему извлекая огромные доходы из своего выгодного расположения, остров вместе с тем форсирует наращивание производства в тех отраслях экономики, которые наиболее соответствуют его положению, его возможностям.

В целом же, несмотря на заметные различия, все четыре страны обычно ныне рассматриваются и оцениваются в рамках единого блока, что вполне справедливо, ибо все они развиваются по единой общей японской модели на сходной цивилизационной основе. Это не значит, однако, что иная цивилизационная основа обязательно меняет дело кардинальным образом. Здесь многое зависит от обстоятельств. При благоприятных обстоятельствах даже сравнительно слабый импульс со стороны конфуцианской цивилизации — имеются в виду хуацяо — может сыграть решающую роль в развитии по японской модели, как то продемонстрировали некоторые страны Юго-Восточной Азии.

Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины

Четыре государства Юго-Восточной Азии, о которых теперь пойдет речь, являют собой нечто вроде второго эшелона стран, активно развивающихся по капиталистическому пути — с ориентацией на японскую модель — и добивающихся при этом заметных результатов. У всех этих стран немало общего: парламентский демократический многопартийный режим (при президентском либо конституционно-монархическом правлении), курс на развитие частнособственнического предпринимательства и свободного рынка, опора на поддержку со стороны развитых стран и открытость для внешних инвестиций. Но самым основным для всех них общим фактором, сыгравшим решающую роль в процессе развития, следует считать определенное место хуацяо в экономике.

Таиланд (ок. 55 млн. населения) — единственная из стран региона, не бывшая колонией,— после второй мировой войны открыл свои рынки для иностранного капитала, особенно американского, что принесло свои результаты и способствовало ускоренному промышлен-

ному развитию. К этому уже в 50-х годах была добавлена американская экономическая и военная помощь, масштабы которой были весьма существенны хотя бы потому, что территория страны служила плацдармом для противостояния США странам Индокитая, избравшим марксистскую модель развития. Вплоть до 70-х годов внутриполитическое положение страны было неустойчивым, что нашло свое отражение в спорадических военных переворотах. Государственный сектор в экономике был весьма значительным, а злоупотребления в этой сфере со стороны военно-бюрократических верхов были столь велики, что время от времени вызывали грандиозные скандалы. Естественно, это не вело к быстрому и эффективному экономическому развитию. Ситуация заметно изменилась в конце 70-х годов, когда очередной государственный переворот привел к принятию новой конституции, восстановившей принципы конституционной монархии (заложенные еще в 1932 г.), в том числе многопартийную систему и парламентскую демократию. Попытки поколебать эту систему, предпринятые было военными в 1991 г., потерпели крах в 1992 г.

Последние годы характеризуются уверенной поступью страны по пути промышленного развития и стремлением ее правительства наладить добрососедские отношения с окружающими ее странами, в первую очередь с Лаосом и Камбоджей. Как известно, остатки войск красных кхмеров вплоть до 1992 г. пребывали в пограничных с Таиландом районах Камбоджи, так что от позиции этого государства зависело достаточно многое. Тенденция к урегулированию конфликта в Камбодже проявилась на рубеже 80 — 90-х годов, в частности, в том, что Таиланд продемонстрировал добрую волю и внес свой вклад в решение камбоджийской проблемы.

Для современного развития Таиланда характерно не только наращивание производства и экспорта сельскохозяйственной продукции (риса и каучука), но также и энергичный акцент в сторону развития ряда новых отраслей промышленности, в том числе современных и наукоемких, таких, как электротехника, электроника, нефтехимия. Центр тяжести перенесен на частные инвестиции — здесь стоит напомнить о солидных позициях китайской общины, хуацяо,— а правительство взяло на себя обеспечение экономического развития необходимыми элементами инфраструктуры. Кроме того, Таиланд взял курс на создание отраслей производства, ориентированных на экспорт (готовое платье, драгоценности, текстиль, электроника). Все эти усилия содействуют росту темпов развития страны (с 1960 по 1980 г. ежегодный объем дохода на душу населения удвоился, еще более быстрыми темпами увеличивался он в 80-х годах).

Малайзия (ок. 17 млн. населения), т. е. Малайя и соединенные с ней в рамках единого государства территории Северного Калиманта-на, Саравак и Сабах, являет собой конституционную монархию, хотя монарх здесь больше напоминает президента: из 13 штатов Малайзии 9 являются султанатами и именно из числа 9 наследственных монар-

хов-султанов избирается сроком на пять лет правитель Малайзии. Двухпалатный парламент на многопартийной основе и назначенный монархом, но ответственный перед парламентом кабинет управляют страной. Нефть, олово и каучук — национальные богатства страны, в немалой степени обеспечивающие ее успехи в развитии: по темпам роста среди стран АСЕАН Малайзия вышла на второе место (после Сингапура).

В 80-х годах произошла приватизация заметной доли государственного сектора в экономике страны, что еще больше способствовало увеличению темпов роста. Как и в Таиланде, здесь еще в 70-х годах был взят курс на производство трудоемкой экспортной продукции. Системой льгот и поощрений правительство стимулирует частное предпринимательство в промышленности. Заботится оно и о создании необходимой инфраструктуры. Специально принятая в 70-е годы так называемая новая экономическая политика поставила своей целью усилить социальную защищенность основной, наиболее отсталой и бедной части населения страны — самих малайцев. Речь идет о предоставлении малайцам большей части рабочих мест в городах, где до того преобладали китайцы-хуацяо и индийцы. Дело в том, что мигрировавшие из деревни в город коренные жители Малайзии с трудом адаптировались к городской жизни. Следствием этого стали национально-социальная напряженность в городах и связанные с этим конфликты. Целью новой политики было посредством льгот, кредитов и специальной помощи помочь малайцам адаптироваться, найти им рабочие места (не менее 50%) и даже довести долю малайского капитала в современных отраслях промышленности к 1990 г. до 30% (1970 — 2%). Независимо от того, сколь успешно реализуется этот курс, направленность его вполне определенна: Малайзия хочет и в экономическом отношении быть главным образом малайской, что осуществляется за счет некоторого уменьшения влияния в городской промышленной экономике китайцев-хуацяо,— стоит напомнить, что китайская община здесь многочисленна, едва ли не треть населения страны. При все том политика «малаизации» Малайзии проводится осторожно и взвешенно, дабы не породить встречное недовольство и обострение национальной розни. Пока ничего подобного не наблюдается. Напротив, важнейшие национальные партии — Всекитайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии — входят вместе с Объединенной малайской национальной партией в единый Национальный фронт (Союзная партия Малайзии), которому в 1988 г. принадлежало 148 мандатов из 177 в палате представителей (сенат из 58 членов частично представлен сенаторами из штатов, по два от каждого, частично лицами, назначенными по воле монарха).

Индонезия с ее свыше чем 170 млн. населения после деколонизации и обретения независимости напряженно искала свой путь развития. 40 — 50-е годы здесь прошли под знаком острого соперничества между правыми и левыми силами, в качестве верховного арбитра по отношению к которым выступал президент Сукарно, сфор-

мулировавший в конце 50-х годов свою концепцию направляемой демократии, сводившейся к укреплению его личной власти. На рубеже 50 — 60-х годов президент опубликовал программу, получившую наименование Политического манифеста и включившую в себя ряд теоретических позиций — индонезийский социализм, направляемая экономика, самобытность страны и др. Последовавшие за тем реформы привели к разбуханию государственного сектора в экономике и злоупотреблениям управлявшей этим сектором бюрократии. Пожалуй, в рамках «направляемой демократии» по Сукарно едва ли не с наибольшей отчетливостью проявилась неэффективность государственной экономики, особенно в условиях политической нестабильности, обострявшихся противоречий между национально-религиозными партиями и компартией. Провалы в экономике ощущались на каждом шагу. Инфляция за 6 — 7 лет к 1964 г. привела к росту цен на товары первой необходимости в 20 раз. Производственные мощности использовались едва наполовину. И в этой тяжелой внутренней обстановке был выдвинут политический лозунг противостояния Малайзии — Сукарно не хотел, чтобы части федерации, Саравак и Сабах, граничили на островах Индонезии с индонезийскими землями.

Однако антималайзийский лозунг, хотя он и сплотил националистические силы, не сыграл той роли, которую должен был сыграть (явно имелось в виду ослабить значимость экономических кризисных явлений в условиях роста патриотического накала страстей). Напротив, он внушил угрозу левым силам во главе с компартией, что и послужило одной из причин заговора этих сил с последующим их разгромом армией, которая и взяла после этого в 1965 г. власть в свои руки. Президентом страны в 1968 г. стал генерал Сухарто, а компартия была исключена из политической жизни страны, что привело к восстановлению политической устойчивости и к перемене курса в направлении развития. Рамки государственной экономики стали сокращаться в пользу частнопредпринимательской. Рынок страны широко открылся для иностранных инвеститоров. Основой же развития и даже расцвета экономики Индонезии стала нефть (добыча в 1985 г. — 65 млн. т). Страна обеспечивает свои потребности в продовольствии.

Развитие промышленности и особенно современных ее отраслей идет в Индонезии много медленней, чем в Таиланде или Малайзии, которые активно, как о том говорилось, работают на экспорт. В Индонезии намного больше и внутренних проблем, связанных как с огромным населением страны, так и с исходно низким уровнем подавляющего его большинства, индонезийской деревни, для развития которой серия аграрных реформ пока что предоставила лишь потенциальные возможности. Словом, Индонезия по развитию стоит заметно ниже Таиланда, Малайзии и даже Филиппин. Однако важно заметить, что взятый в 1965 г. курс развития за четверть века дал немалые позитивные результаты и привел страну к заметному

развитию капитализма, а активность индонезийских хуацяо этому во многом способствовала. Новым условиям экономической жизни соответствуют и конституционные преобразования: страна объявлена унитарной республикой с президентским правлением. Существует многопартийная система (деятельность компартии запрещена). Страна играет активную роль в мировых делах, способствует урегулированию разногласий в регионе, в частности решению камбоджийской проблемы.

Послевоенная ситуация на Филиппинах (ок. 60 млн. жителей) чем-то напоминает индонезийскую. Как и в Индонезии, на Филиппинском архипелаге большую роль играла компартия с весьма радикальной установкой на вооруженные методы решения проблем. Борьба с коммунистами на Филиппинах привела в начале 50-х годов к успеху правительственных войск, а последовавшая за тем серия реформ закрепила этот успех. В эти же годы на передний план вышел курс на филиппинизацию экономики страны, что способствовало развитию по капиталистическому пути. Такое развитие было также активно поддержано США, которые вели дело к ликвидации остатков колониального феодализма времен испанского господства и содействовали преобразованиям в соответствующем духе. Хотя влияние США на ход дел на Филиппинах было косвенным, от этого оно не было незначительным, ибо тесные связи с США здесь долго сохранялись. Словом, на Филиппинах все послевоенное время осуществлялся последовательный курс на развитие капитализма, причем существенную роль в его реализации играла община китайцев-хуацяо. В деревне усилиями правительства и зарубежных инвеститоров создавалась необходимая для реализации принципов «зеленой революции» инфраструктура (дорожная сеть, ирригация, система снабженческих, сбытовых пунктов и т. п.). Велась работа по созданию перерабатывающей сельскохозяйственные продукты местной промышленности, по организации экспорта. И хотя эта программа пока еще не дала значительных результатов и даже вызвала побочные негативные явления (рост нищеты вытесненных из деревни маргинальных слоев населения), она тем не менее имеет будущее, которое выражается в постоянном увеличении сельскохозяйственного экспорта и доходов от него, в развитии первоклассного плантационного хозяйства.

Филиппины не имеют нефти и вынуждены ее импортировать. Акцент в капиталистическом развитии страны делается на трудоемкие отрасли хозяйства, прежде всего сельского. Однако с конца 70-х годов был взят курс на создание современной промышленности, причем практически целиком за счет усилий частного капитала, включая и иностранный. Правда, заметных успехов пока нет.

Политический баланс в целом соответствует уровню развития и состоянию экономики в стране. При президенте Ф. Маркосе этот баланс сохранялся с помощью силы, в том числе и поддержки военных. После поражения и изгнания Маркоса в 1986 г., когда на выборах была избрана президентом К. Акино, сохранять баланс сил стало еще сложнее, ибо курс на демократизацию стал вызывать

сопротивление не только справа, со стороны военных и прежних сторонников Маркоса, но и слева, со стороны компартии маоистской ориентации, ведущей в стране вооруженную борьбу. Несколько мятежных выступлений против правительства Акино на рубеже 80 — 90-х годов — свидетельство неустойчивости баланса сил в стране. Стоит в этой связи напомнить о национально-религиозных проблемах: действующая на юге группировка мусульманских националистов-моро активно продолжает борьбу за автономию южных провинций. И все же при всех сложностях экономического развития и политической ситуации Филиппины не только выбираются из кризисного состояния, но и делают заметные успехи в развитии по капиталистическому пути.

Сравнивая все четыре государства, можно заметить разницу между ними и даже вытянуть их в некую линию на шкале развития. Можно легко заметить, что всем им, особенно Индонезии и Филиппинам, весьма далеко до развитой японской модели и даже до тех стран дальневосточной конфуцианской культуры, которые вплотную подошли к реализации такой модели. Видимо, здесь сыграли свою роль многие причины и не в последнюю очередь исходный уровень развития и цивилизационный фактор. Совершенно очевидно, что рассматриваемым четырем странам, особенно последним двум из них, предстоит еще большой путь и что большинство населения в этих странах долго еще не достигнет приемлемого стандарта жизни. Но одно несомненно: с избранного пути эти страны уже не сойдут. Более того, альтернативные пути развития, представляемые экстремистскими группировками, явно в этих странах не имеют будущего, тогда как развитие по еврокапиталистическому пути набирает темпы. В заключение стоит еще раз напомнить о той роли, которую сыграли при этом хуацяо.

Глава 11

Восток после деколонизации: наследие колониализма

В предшествующих главах в общих чертах был продемонстрирован процесс развития стран Востока после деколонизации. Обратимся теперь к осмыслению изложенного материала. Задача состоит в том, чтобы попытаться понять и объяснить закономерности и особенности исторического пути различных стран и регионов Востока в целом в период современной его истории, так или иначе отмеченной знаком колониализма.

Историческая роль колониализма

Колониализм не пользуется доброй репутацией. Более того, в самих странах Востока, равно как и во многом поддерживавшей их в

этом марксистской историографии, до сравнительно недавнего времени было принято едва ли неоднозначно считать, что колониализм — это зло. Еще недавно всерьез разрабатывались концепции, исходившие из того, что, если бы не колониальное вмешательство держав, принесшее столько несчастий народам Востока, они бы достигли на сегодня много большего. Сейчас от столь прямолинейных позиций специалисты в основном отходят. Но предубеждение к капиталистической колонизации остается. И, надо сказать, далеко не безосновательное.

Прежде всего колониализм, особенно ранний, был отмечен не только жестокостями, начиная с работорговли, но и беззастенчивой ставкой на разграбление природных богатств Востока и эксплуатацию дешевого труда его населения. И далеко не случайно именно там, где это проявлялось дольше всего и к тому же в весьма неблаговидной форме, уже на рубеже нашего века сложилось нечто вроде комплекса вины колонизаторов (воззвание Девентера «Долг чести» в голландской Индии). Черным пятном на совести европейцев навсегда останется африканская работорговля. Да и рассуждения англичан на тему о том, сколь тяжело «бремя белого человека», взятое ими на себя в Индии,— тоже в конечном счете лишь попытка сделать хорошую мину при плохой игре: каждому из английских колонизаторов было хорошо известно, что никто никогда не просил их брать на себя столь тяжелое для них «бремя». Словом, колониализм приукрашивать не приходится.

Другое дело — проблема исторической роли колониализма. Об этом стоит сказать особо. Дело в том, что современные арабы или индийцы, не говоря уже об африканцах, имеют немалый счет именно к колониализму, с ненавистью говорят о его наследии, гневно обличают проявление неоколониалистских тенденций и в то же время, как правило, весьма спокойно относятся к зверствам Чингис-хана или Тамерлана, к бесчеловечности африканских вождей, продававших за ружья и спирт в рабство своих пленников и даже соплеменников. Почему так? Дело объясняется достаточно просто. На войне как на войне: одни завоевывают, другие от этого терпят урон. Все понятно и само собой разумеется, как понятно и то, что правители распоряжаются жизнью своих подданных. Иное дело — чужие, европейцы, появляющиеся на Востоке со своими непонятными для его жителей нормами, иными принципами и целями. Это не просто враг, а бедствие, грозящее разрушить все, чем люди живы, на чем стоят. И неудивительно, что традиционная структура Востока всегда сопротивлялась колониализму, мобилизуя для этого все свои силы. Отсюда и неиссякаемая ненависть к нему, не просто дожившая до наших дней, но и время от времени набирающая силу и проявляющаяся в мощных взрывах наподобие иранского.

Иными словами, принципиальное, структурное несоответствие и, как следствие этого, энергичное неприятие западного стандарта на протяжении веков формировали определенный стереотип отношений

Востока к колониализму, колониальному капиталу. Суть такого стереотипа сводилась к неприятию, сопротивлению, отторжению чужого. А поскольку противостояние своего чужому является одним из древнейших модусов поведения человека, восходящим не только к первобытности, но и к досапиентным формам его стадного существования, то неудивительно, что стереотип оказался устойчивым и сильным, дожил до наших дней и во многом задает тон и сегодня.

Академический анализ не может пройти мимо подобного явления. Но исследователь не должен идти на поводу у него и, руководствуясь какой-либо политической, идеологической или публицистической злободневностью, искажать истину. Истина же состоит в том, что колониализм отнюдь не может быть однозначно охарактеризован лишь как зло. И дело не только в том, чтобы сбалансировать саму формулу: колониальный капитал жестокими методами эксплуатировал Восток, грабил его ресурсы, но, взламывая традиционную структуру, способствовал тем самым развитию колоний. Речь не только о взвешенности оценки, хотя это само по себе уже достаточно важно, ибо позволяет избежать односторонности и прямолинейности и восстановить реальное положение дел, что важно для любого непредвзятого исследования. Перед нами всемирно-исторического значения феномен, который нуждается в объективном анализе прежде всего потому, что без этого многое останется непонятным и необъясненным и по-прежнему будет оцениваться и решаться сквозь призму идейно-политических лозунгов, обычно отнюдь не содействующих постижению истины.

Оставляя в стороне значение колониализма для самой Европы, для развития в ней капитализма (имеется в виду первоначальное накопление; стоит, однако, оговориться, что роль ресурсов колониального Востока в этом в отечественной марксистской историографии обычно преувеличивалась), обратим преимущественное внимание на то, что колониализм и затем колониальный капитал во всех его модификациях сыграли решающую роль внешнего фактора, мощного импульса извне, не просто пробудившего традиционную структуру Востока, но и придавшего ей новый ритм поступательного развития. Без такого импульса традиционная структура по-прежнему развивалась бы в привычном ей русле при скромной роли контролируемого рынка и ограниченной в правах и возможностях частной собственности. И это касается абсолютно всего Востока, включая и Японию. Вот почему важность внешнего импульса можно сопоставить по значимости с ролью оплодотворения живого организма: это было условие sine qua non для последующего развития, для рождения нового качества.

Отталкиваясь от сказанного, мы вправе теперь обратиться к проблеме воздействия колониального капитала на ту или иную страну Востока, к вопросу о значимости, силе, времени, интенсивности его влияния. Вопрос можно поставить примерно так: имело ли значение — и если да, то какое именно,— то обстоятельство, что та либо иная

страна была колонией длительное время или недолго? Что она представляла собой в момент колонизации — развитое общество или полупервобытное? Что другие страны вовсе не были колониями, а находились в положении зависимых, как Турция, Иран, Китай? Что третьи ощущали едва заметную степень зависимости (Сиам), а четвертые, как Япония, практически не были зависимыми и, более того, сами достаточно быстро стали колониальными державами?

Конечно, разница есть, причем весьма существенная. Но в чем именно? Вектор колониального импульса был общим для всех — к капитализму европейского типа. Именно поэтому независимые страны Востока, будь то Япония или Сиам, уверенно взяли старт в этом направлении и, каждая в меру своих сил и содействовавших этому благоприятных обстоятельств, приступили к энергичной трансформации собственной структуры. Там, где зависимость от иностранных держав и колониального капитала была ощутимой, целенаправленной трансформации в этом же направлении содействовали, причем весьма активно, сами европейцы, что можно видеть на примере Турции, Ирана, Китая (до середины XX в.) и в меньшей степени таких более отсталых стран, как Афганистан.

Теперь о собственно колониях. Конечно, мощь внешнего влияния здесь была сильней, чем где бы то ни было. В Южной и Юго-Восточной Азии длительное воздействие колониализма постепенно преодолевало инерцию традиции и трансформировало структуру на еврокапиталистический лад. Это заметно и для Африки, где именно целенаправленная и несущая с собой цивилизационное начало политика колониальной администрации была той силой, которая пусть медленно, но неустанно и успешно прокладывала дорогу к еврокапиталистическому стандарту. И исходный уровень развития, и длительность периода колониализма, и религиозно-цивилизационный фундамент при этом играли свою немаловажную роль, что несомненно сказывалось на результатах и темпах развития. Но при всем том развитие в целом шло в четко определенном направлении — к капитализму. И в этом смысле разница в статусе — колония, зависимая стран, едва зависимая или вовсе не зависимая — была несущественной. Гораздо более важными в этом смысле факторами были такие, как исходный уровень развития, цивилизационная принадлежность и благоприятные обстоятельства, о чем уже шла речь в третьей части работы.

Говоря о воздействии колониализма на Восток в целом, нельзя не рассматривать его в комплексе, с учетом всех протекавших и протекающих на современном Востоке процессов. Речь идет о формировании в странах колониального и зависимого Востока нового государства и нового общества, соответствующих трансформирующейся структуре и призванных способствовать дальнейшей ее трансформации. Именно в этом историческая роль колониализма проявилась наиболее отчетливо.

Колониализм и современные государства Востока

Как известно, результатом деколонизации стало появление на политической карте мира свыше полусотни новых самостоятельных государств и обретение подлинной политической независимости еще несколькими десятками их. Внешним знаком и символом суверенитета этих стран стало их членство в ООН. Заслуживает внимания то обстоятельство, что государства деколонизованного Востока обычно обретали суверенитет в пределах веками складывавшихся границ, хотя в ряде случаев (Индия, некоторые арабские страны, Индонезия) эти границы перекраивались или создавались заново в зависимости от национальных, религиозных и иных причин. Большую роль играли при этом и границы колоний — в Африке именно они определяли очертания вновь возникавших государств. В странах зависимых и тем более слабо зависимых, независимых государства вообще не возникали заново. Однако и они, как правило, изменяли свой характер, и в частности форму правления. Среди этих форм в XX в. на Востоке стали преобладать республиканские, до того там вовсе неизвестные. Что же касается тех политических лидеров, которые оказывались во главе новых государств, особенно республик, то среди них практически абсолютно преобладали те, кто был воспитан в русле европейской политической культуры и чаще всего получил образование в какой-либо из стран Европы либо в учебном заведении европейского типа. И это тоже был закономерный результат вполне определенной и целенаправленной политики.

Если вести речь о колониях, проводниками такой политики были колониальные державы в лице их администрации в этих колониях. Англичане, французы, голландцы, португальцы, испанцы, бельгийцы не только не препятствовали, но всячески содействовали процессу формирования в своих колониях влиятельного слоя европейски образованных и соответствующим образом подготовленных людей, преимущественно из числа выходцев из местных правящих кругов, высших слоев. Именно из их числа колониальная администрация подбирала себе надежных помощников, проводников ее политики. Что касается стран зависимых, то там тоже складывалась влиятельная элита ориентирсвавшихся на европейские ценности людей, в основном из числа высокопоставленных слоев общества. Там тоже создавались учебные заведения европейского типа, готовившие кадры будущих управителей, технической и иной интеллигенции.

Эта большая подготовительная работа, ведшаяся на протяжении многих десятилетий, а кое-где и века-полутора, не могла не дать результатов. К моменту деколонизации проблема кадров, способных возглавить новые самостоятельные государства и повести их по европейскому пути, в основном уже не стояла. Возникал лишь вопрос о выработке политики, об организации управления, характере власти, формах социально-политического устройства, наконец, о выборе пути

развития. Все эти вопросы были новыми для традиционного Востока, прежде не имевшего никаких представлений о подобных проблемах. Выход их на передний план — это и есть в определенном смысле наследие колониализма, т. е. то новое, что проявило себя под его воздействием и способствовало преодолению консервативной традиции.

Важным моментом, вначале характерным едва ли не для всех государств Востока после деколонизации либо обретения политической независимости, стало ограничение характерного для традиционной структуры всесилия власти, типичной для недавнего прошлого абсолютной безнаказанности, произвола администрации на местах. Конечно, не следует преувеличивать. Многое осталось от прошлого, а со временем кое-где и окрепло, освоило новые формы существования, адаптировалось к переменам. Речь идет о коррупции и непотизме, бюрократизме и волоките, семейно-клановых и патронажно-клиентных связях, опоре на земляков-соплеменников в ущерб всем остальным, да и о многом другом, аналогичном уже сказанному. Тем не менее степень всесилия власти и произвола на местах была все же иной, не той, что прежде,— даже в тех нередких случаях, когда молодые республики с их демократическими институтами и процедурами замещались военными диктатурами.

Важным элементом политической культуры, чаще всего сознательно насаждавшимся колснизаторами либо естественно воспринимавшимся от Европы странами, зависевшими от колониализма, стала практика многопартийной борьбы, политического плюрализма. На традиционном Востоке нечто в этом роде всегда существовало, но там это проявляло себя в форме скрытных закулисных либо дворцовых интриг и переворотов и разве что изредка принимало облик сколько-нибудь организованной оппозиции, как то было во времена династии Мин в Китае или в Корее. В эпоху колониализма, особенно в последний ее период, все изменилось: государства Востока не только познакомились с идеей многопартийности и открытой политической борьбы, включая парламентские выборы, свободную прессу и гласность, да и многие прочие демократические свободы, но и по меньшей мере с XX в., а кое-где и раньше научились активно всем этим пользоваться. Это не значит, что все эти институты, права, свободы и принципы европейской политической культуры заработали на Востоке в полную силу: ведь традиция здесь еще достаточно сильна, включая и традицию сильной центральной власти. Но даже в тех нередких случаях, когда в той либо иной из современных стран Востока демократический режим на долгое время вытеснялся привычным строем однопартийной власти или вовсе беспартийной военной диктатуры, ситуация оказывалась вовсе не безнадежной: трансформированные восточные общества, уже знакомые с идеей многопартийности и плюрализма в принципе, явно дорожили ею, видя именно в этом надежный противовес всесилию диктата сверху. Наиболее тонко ощущала эту разницу молодежь, легче всего адаптирующа-

яся к изменившимся условиям жизни (имеется в виду изменение в сторону свободы) и активнее всего выражающая свой протест, как то проявило себя в сравнительно недавнее время, на рубеже 80 — 90-х годов и в Африке, и в Азии.

Сыграла свою роль на современном Востоке и заимствованная из Европы не без помощи колонизаторов практика независимого от властей судопроизводства. Пусть она заимствовалась разными способами (в Индии ее внедрили англичане, в Турцию она пришла в ходе радикальных реформ Ататюрка и т. п.), важен сам принцип: европейский тип судопроизводства проник во многие страны Востока, и это сыграло там немалую роль, хотя во многих случаях, особенно в исламских странах, параллельно продолжал существовать и традиционный суд. Вместе с независимостью суда проникла и в большинстве случаев заняла весомые позиции европейская по происхождению идея разделения властей, необходимая в практике республиканского правления, парламентской демократии. Не чужды многим странам современного Востока и заимствованные из Европы идея индивидуальных свобод, принцип гражданского общества, феномен правового государства — то, чего прежде нигде и никогда на Востоке не было, да и быть не могло. Все это, независимо от механизма приобретения (в колониях насаждалось; в зависимых странах воспринималось в ходе реформ; реформы были характерными и для политически независимых государств, например для той же Японии, хотя здесь свою роль сыграла американская военная оккупация после второй мировой войны), можно считать на Востоке наследием колониализма, т. е. результатом целенаправленной активной политики, вектором которой было заимствование еврокапиталистического стандарта.

Наследие колониализма и Восток

Нетрудно заметить, что основные элементы европейской (колониальной) администрации и цивилизации и всей политической культуры Востока не только противостоят друг другу, но и практически несовместимы. С одной стороны, ставка на материальный успех индивида, собственника, гражданина, обладающего правовой защитой закона, огражденного веками выковывавшейся и направленной против произвола власти броней демократических процедур, свобод, гласности, разделения властей. С другой — привычные нормы всесилия власти и бесправия подданного, произвола власть имущих и безгласности отдельного человека, включенного для выживания в состав различного рода социальных корпораций, внутренне тоже организованных по принципу безоговорочного подчинения младших старшим. Соединить одно с другим означало бы попытку соединить несоединимое. Стало быть, речь должна была идти не столько о синтезе старого и нового, своего и чужого, сколько о вытеснении и замещении одного другим.

Но так бывает только в теории. Социальная практика сложнее, и она в конечном счете сводится именно к соединению, пусть даже к насильственному и неорганичному, сближению одного с другим, по меньшей мере вначале, на первых порах. Впрочем, последующее скрепление либо органичное соединение элементов, равно как и вытеснение одних другими, зависело уже от многих обстоятельств, которые были в разных странах Востока весьма различными и в свою очередь обусловливались множеством факторов.

Индия, например, с ее древней многовековой традицией религиозного плюрализма и ненасильственных действий, с огромной ролью в ее жизни общины и касты при сравнительно ограниченных функциях государства оказалась достаточно благоприятным полигоном для насаждения там элементов британской политической практики и культуры, включая вестминстерскую парламентскую традицию. Принимая во внимание длительность правления англичан в Индии и целенаправленность политики британской колониальной администрации, не приходится удивляться тому, что английская парламентарно-демократическая модель в Индии была воспринята, а затем и закреплена, внедрена в жизнь достаточно основательно. Впрочем, это далеко не значит, что весь механизм демократической культуры работает в Индии так, как в самой Англии. Достаточно обратить внимание на поведение электората, склонного поддерживать имя и личность кандидата, но не его программу, чтобы зафиксировать существенную разницу между этими странами. Разница станет еще более очевидной, если принять во внимание принцип организации в Индии политических партий, фракций и группировок, многие из которых организованы по традиционному принципу вчерашних социальных корпораций с их подчинением и преданностью тесно и навсегда связанных друг с другом людей возглавляющим их лидерам. Впрочем, это характерно не только для сравнительно еще отсталой Индии, но и для передовой Японии.

Если это заметно в Японии и Индии, то что же говорить об Африке?! Здесь спаянность и взаимозависимость электората восходят не только к социальным корпорациям, но и прямо к племенным первобытным связям. Тем не менее именно в Африке наиболее активно насаждаются европейские стандарты администрации и партийно-демократической практики, причем за неимением весомой альтернативы (если не считать за альтернативу первобытно-племенные нормы и неконтролируемый произвол власти) эти стандарты постепенно укрепляются, вживаются в ткань традиционной структуры. Новые поколения все органичней адаптируются к ним. Правда, далеко не все так гладко. Время от времени происходят перевороты, с удивительной легкостью возвращающие структуру к исходному уровню и порой отмечаемые кровожадными тенденциями упивающихся властью вождей и царьков. Но что характерно: слишком долго всевластный диктатор или взобравшийся на трон тиран не удерживается. Политическая почва в Африке зыбка, традиций институционализированной и тем более устойчивой власти и сильного

централизованного правительства, столь типичных для Азии, здесь нет. И это способствует восстановлению демократической нормы, привнесенной колонизаторами. Правда, местные особенности оказали свое воздействие на эту норму: несмотря на племенной плюрализм и даже во многом благодаря именно ему многие из молодых африканских государств отошли от практики опирающейся на привычные нормы трибализма многопартийной борьбы, распыляющей и без того слабые силы политических верхов, и предпочли ей однопартийные режимы на весьма широкой основе (организации типа народного фронта и т. п.) с пропорциональным представительством.

Между Индией, почти идеально вписавшейся в парламентскую демократию по-английски, и Африкой с ее происходившей на ходу переработкой колониального наследия в политическо-правовой сфере находятся остальные страны Востока, будь то исламские или буддийские. Где-то парламентские республики приживаются лучше, где-то хуже. В одних странах часты военные перевороты, другие почти свободны от них. Однако везде европейский стандарт корректируется восточной традицией. Собственно, именно этого и следовало ожидать. Вопрос лишь в том, к чему в конечном счете сводится корректировка.

Казалось бы, учитывая все рассмотренное выше, следовало ожидать, что наследие колониализма или влияние еврокапиталистических стандартов так или иначе должны были потеснить, если даже не подорвать традиционные позиции восточного государства, издревле бывшего не просто всесильным, но всемогущим. Государство, оказавшись под контролем со стороны общества, народа, вооруженного системой тщательно разработанных Западом и активно внедренных в странах Востока избирательных процедур, демократических институтов, прав и гарантий, должно было не просто утратить свое былое могущество и всевластие, но уйти на задний план, очистив место для общества, осознавшего свои возможности, ставшего символом и знаменем народа, общества европейского типа. Можно было ожидать, что именно к этому должно было все свестись, пусть даже не сразу и не по всем пунктам, но все же в этом направлении, даже невзирая на сопротивление традиции. Однако на практике произошло нечто иное. Государства на современном Востоке после его деколонизации и обретения политической независимости отнюдь не стали такими, какие столь типичны для капиталистической Европы. Они оказались едва ли не столь же всемогущими, что и прежде, во всяком случае на раннем этапе постколониальной истории Востока, т. е. именно тогда, когда, казалось бы, должны были активно начать работать те институты, которые отражали интересы пробудившегося народа и соответственно ослабляли позиции всесильного традиционного государства. Более того, в ряде случаев новые государства обрели даже дополнительную мощь. Почему же это произошло?

Дело в том, что на Востоке было иное государство, чем в Европе. Об этом немало уже сказано выше. На этом строится вся концепция данной работы. И если принять во внимание то обстоятельство, что

на Востоке государство никогда не было выразителем интересов общества, а напротив, выражаясь марксистскими терминами, всегда было субъектом производственных отношений (т. е. не надстройкой, а элементом базиса) и что соответственно выглядела вся традиционная структура, принципиально в этом плане отличавшаяся от европейской, то не приходится удивляться тому, что заимствование важнейших по своей значимости политическо-правовых стандартов европейского типа, сыгравшее огромную роль в процессе трансформации традиционного Востока, не привело к превращению восточного государства в европейское. Не привело потому, что процессы, происходившие в экономике трансформировавшегося Востока, не только существенно отставали от трансформации в сфере политики либо права (это особенно заметно на примере Тропической Африки, где молодые государства от первобытности делали скачок в сторону парламентской демократии), но и, эволюционируя, требовали, как это ни парадоксально, все большего внимания со стороны государства, все большего участия его в системе трансформирующихся политических, экономических и социальных отношений. Как о том уже шла речь, государства постколониального Востока не только продолжали быть субъектами всех этих отношений, но и как бы наращивали это свое обычное для Востока качество. Чтобы более обстоятельно разобраться в причинах и обстоятельствах, сопровождавших процесс вовлечения молодых государств постколониального Востока в хозяйственные проблемы, рассмотрим этот вопрос специально.

Глава 12

Постколониальный Восток: государство и экономика

Проблемы, которые предполагается затронуть в этой главе, принадлежат к числу едва ли не самых важных для выявления сути феномена современного Востока. На эту тему написано много специальных исследований, высказано огромное количество различных точек зрения. Даже короткий обзор их, если бы была поставлена такая задача, не вместился бы в рамки главы. Поэтому, не вникая чересчур глубоко в споры, попытаемся разобраться в том, что является наиболее очевидным. Конечно, следует сразу же оговориться, что очевидное для одних может не быть очевидным для других, тем более для всех. Поэтому обратим внимание на то, что представляется наиболее существенным для выявления как генеральных закономерностей, так и специфических особенностей развития современного Востока в целом — при всех характерных для различных его стран и регионов отличиях.

Изложение теоретических позиций, без которых в анализе не обойтись, потребует апелляции к тем материалам и выводам, которые были уже изложены и сформулированы. Но эти повторы необходимы для раскрытия проблемы.

Традиционное хозяйство и колониальный капитал: политэкономический аспект проблемы взаимодействия

Для начала стоит вспомнить о том, что в Европе капитализм возник на основе свободного рыночного хозяйства с развитой частной собственностью и конкуренцией. Эта основа, защищенная институтами гражданского общества и правового государства, восходит к античности. Оказавшись в состоянии упадка в период раннего германского феодализма, генетически чуждого античному миру, она затем стала возрождаться, прежде всего в форме городских республик и городов феодального средневековья, и в эпоху Ренессанса и Великих географических открытий достигла необходимого уровня для того, чтобы сделаться фундаментом европейского капитализма. Как известно, в сфере идеологии и социопсихологии этому помогла Реформация, т. е. прежде всего протестантизм с характерной для него этикой взаимоотношений между человеком и Богом, равно как и между людьми. Механизм всего процесса, начиная с так называемого первоначального накопления, был показан в прошлом веке Марксом и в принципе общеизвестен.

Учитывая все это и принимая во внимание тезис о единстве всемирно-исторического процесса, многие марксисты вплоть до недавнего времени исходили из того, что и на Востоке, особенно после начала эпохи колониализма, процессы и механизмы должны были быть аналогичными. Но так ли это?

Структурообразующим элементом традиционного Востока является институт власти-собственности с централизованной редистрибуцией при вторичной, зависимой роли рынка и товарно-денежных отношений. Практически это означает, что внеэкономические отношения зависимости населения от государства в структуре задают тон. Вторичные и зависимые рыночные связи — при всей их жизненно важной роли для социального организма в целом — не свободны и не могут быть свободными от доминирующих административно-политических отношений господства и подчинения. Рынок и товарно-денежные отношения здесь всегда опосредованы отношениями зависимости, как официальной (от государства, чиновника, казны), так и полуофициальной либо неофициальной, но весьма жесткой (от ростовщической кабалы, хозяина-патрона, главы социальной корпорации, в том числе объединения мафиозного типа, и т. п). Именно доминирующие в такой структуре хозяйственные связи, присущие несвободному обществу и несвободному труду, обусловливали господство в обществе отношений редистрибуции, столь очевидно и принципиально противостоящих отношениям рыночно-частнособственнического характера и особенно капитализму с его товарно-рыночным противостоянием труда и капитала, с его экономически обусловленной свободой продающей себя рабочей силы.

Итак, перед нами два принципиально разных типа хозяйственных отношений, две чуждые друг другу структуры: рыночная и командно-

административная, свободная и несвободная, европейская и неевропейская, восточно-традиционная,— т. е. явное несходство буквально по всем основным параметрам. Можно ли было рассчитывать на то, что данный колониализмом и в принципе необычайной важности импульс приведет на традиционном Востоке в движение те же механизмы, что и в Европе? И что же было на самом деле?

Проникновение на Восток колониального капитала, вначале внедрявшегося преимущественно в сферу обращения и использовавшего в своих интересах традиционный восточный рынок и привычные, основанные на внеэкономическом принуждении хозяйственные связи, привело к феномену сосуществования, симбиоза двух различных секторов экономики: традиционного и колониального, своего и чужого. Первый из них был хорошо знаком с рынком, второй был целиком основан на рыночных связях. Казалось бы, разве это не достаточная основа для сближения? И очень многие специалисты вплоть до сегодняшнего для исходят именно из этого, не видя разницы между рынком, функционирующим в рамках системы внеэкономического принуждения, и свободным рынком. А разница огромна. И именно она, в частности, объясняет, почему крестьянин на Востоке никогда не был и не должен считаться и именоваться мелким буржуа: это не крестьянин-собственник в европейском смысле слова. Это совершенно иной крестьянин, даже если он регулярно продает излишки продукции на рынке. Это крестьянин-подданный, т. е. человек зависимый, функционирующий в рамках системы внеэкономического принуждения со всеми вытекающими из этого весьма существенными для политэкономического анализа следствиями.

Однако положение не было безвыходным. Несмотря на огромный и труднопреодолимый разрыв между двумя чуждыми друг другу секторами экономики, на колониальном Востоке шел процесс преодоления этого разрыва за счет, прежде всего, вовлечения в колониально-капиталистический, чуждый по типу традиции, сектор некоторых групп местного населения, вначале, как правило, из числа аутсайдеров (в Турции это были нетурецкого происхождения горожане, прежде всего армяне, греки, кавказцы и славяне; в Индии — выходцы из некоторых исламизированных каст, а также джайны и парсы; в Юго-Восточной Азии — хуацяо). Именно позиция аутсайдеров облегчала этим слоям населения включение в чуждый структуре сектор колониально-капиталистической экономики, но это же обстоятельство и не слишком способствовало преодолению разрыва между секторами: переход из одного в другой лишь менял соотношение сил между ними, что само по себе весьма существенно, но не сближал эти сектора между собой в сколько-нибудь значительной степени. Разрыв продолжал существовать, и это не могло не беспокоить колонизаторов, не могло удовлетворить их.

Дело в том, что, хотя европейский капитал был, по меньшей мере вначале, заинтересован лишь в выкачивании необходимых товаров и получении за этот счет прибылей и несмотря на то, что колониальный капитал умело приспосабливался к господствовавшим на Востоке

внеэкономическим связям, активно использовал их, даже ставил себе на службу, он при этом всегда оставался все-таки именно капиталом. Это значит, что для своего развития и тем более процветания он нуждался в подходящих для него условиях, прежде всего в свободе действий, которых на Востоке никогда не было. Такого рода условия, и необходимые свободы нужно было создать, пусть даже в несколько видоизмененных в силу обстоятельств формах. Собственно, именно это, как о том уже шла речь, в частности, в предыдущей главе, и происходило на колониальном Востоке, причем чем позже, тем энергичнее. Ведущей в этом направлении силой была в колониях колониальная администрация. В зависимых странах, где ситуация была хотя иной, но, с точки зрения социально-экономической, весьма близкой к той, что наблюдалась в колониях, функции колониальной администрации выполняли в ходе реформ местные руководители, как то было в Турции, Иране, Китае.

Смысл преобразований в колониях и реформ в зависимых странах, с точки зрения политэкономии, сводился к расчищению почвы для развития, а затем и господства капиталистического по характеру рынка, работающего по законам европейского типа частной собственности с сопутствующими ей конкуренцией, борьбой за прибыль и т. п. Именно для обеспечения этого создавались компании типа Ост-Индских, генеральной целью которых было не столько вывезти товары, сколько создать условия для эксплуатации колоний капиталистическими методами. Для достижения цели строились фактории и порты, развивалось портовое и плантационное хозяйство, создавалась необходимая инфраструктура, включая банки, страховые компании, пароходства, железные дороги, почту, телеграф, наконец, организовывались промышленные предприятия по добыче полезных ископаемых, предприятия обрабатывающей промышленности. Вместе со всем этим возникали и быстро развивались города-порты, города с заводами и фабриками, строившиеся по европейской капиталистической модели.

Это был массированный рывок, все усиливавшийся нажим колониального капитала на традиционный и трансформирующийся под этим нажимом Восток. Однако этот нажим даже в XIX в. еще не принес ожидаемого результата: хотя колониальные власти и (в зависимых странах) колониальный капитал стремились активно взаимодействовать с традиционным рынком и всей системой основанного на внеэкономическом принуждении хозяйства, обеспечивая именно через такого рода взаимодействие свои все возраставшие доходы, оба рынка тем не менее как бы сосуществовали, но воедино не сливались, ибо по ряду важнейших параметров продолжали быть практически несовместимыми. Рано или поздно один их них должен был уступить место другому. А пока именно для связи между обоими рынками сложилась на Востоке влиятельная прослойка посредников-компрадоров, процветавшая достаточно долгое время со времен первых португальских колонизаторов и исчерпавшая себя лишь в начале XX в.

Существенные изменения в характере отношений между двумя рынками, начавшиеся с XIX в. вследствие промышленной революции в Европе, которая была ознаменована появлением массовой машинной продукции,привели в XX в. к энергичной трансформации как традиционного восточного рынка, так и колониального капитала. Колониальный торговый капитал был замещен в XIX в. промышленным, а в XX в. — финансово-промышленным, банковско-промышленным с присущими ему империалистическими транснациональными тенденциями, стремлением к укрупнению фирм и корпораций. Действуя в пределах всего мира, этот капитал создал единый мировой рынок и превратил его в сферу своего господства. Это повлекло за собой не только постепенное оттеснение традиционного восточного рынка на задворки и изменение соотношения сил не в его пользу, но также и существенную трансформацию такого рынка, всей его тысячелетиями складывавшейся внутренней структуры.

Это проявилось в заметном разрушении традиционных форм хозяйства, основанных на внеэкономическом принуждении и централизованной редистрибуции. Много больший, чем прежде, простор получили товарно-денежные отношения, что явилось следствием серии реформ, приведших к наделению крестьян землей и превращению земельных наделов в отчуждаемый товар, что стало характерным для аграрных отношений на Востоке уже в первой половине XX в. Соответственно принципиальная разница-разрыв между традиционно-восточным и колониально-капиталистическим рынками сократилась, трансформированный рынок во многом сблизился с еврокапиталистическим, стал интегральной частью мирового. Казалось, еще некоторое небольшое усилие, еще немного времени — и старый Восток с господством внеэкономического принуждения и основанным на этом господстве рынком рухнет, уступив свое место капиталистической структуре.

Для подобного вывода было немало оснований. Колониальный капитал уверенно теснил разваливавшееся традиционное хозяйство еще в XIX в. Разорявшиеся ремесленники пополняли собой ряды бездомных. Обезземеленные крестьяне стекались в большие города. Теряли свои привычные позиции ростовщики и купцы, даже еще вчера процветавшие компрадоры. Словом, вполне могло показаться — долгое время именно так и представлялось, в том числе и идеологам революционного обновления мира, от Маркса до Ленина,— что традиционный Восток обречен и вот-вот рухнет под напором капитала. Следствием же этого станут пробуждение Востока и мощный революционный взрыв многомиллионных масс, потенциально рассматривавшихся в качестве союзника европейского пролетариата.

Эта точка зрения позже, уже в середине нашего века, была обстоятельно разработана в рамках концепции так называемого «догоняющего развития», смысл которой сводился ко все той же идее, что упоминалась в начале главы: развитие Востока в принципе подобно развитию Запада, разве что несколько отстало; а коль скоро так, то вполне можно ожидать, что с некоторого момента оно ускорит

свой путь и нагонит отставание, став в ряд стран развитых. Концепция, о которой идет речь, просуществовала недолго, ибо достаточно скоро стало очевидным, что на деле все обстоит далеко не так, как то разрабатывалось в теоретических построениях. Правда, небольшая группа стран во главе с Японией действительно энергично выдвинулась и не только нагнала развитые страны, но и вышла на передовые позиции среди них. Однако это была лишь очень небольшая часть стран традиционного Востока. Что же касается остальных, то они не только не догнали развитые, но явно отстают от них по всем параметрам а в некоторых случаях (что касается прежде всего Африки, хотя и не только ее) отставание даже возрастает. Феномен «догоняющего развития» сработал, таким образом, лишь выборочно, так что теперь перед теоретиками встал иной вопрос: чем объяснить, что в случае с рядом дальневосточных стран все оказалось не так, как с большинством остальных? Иными словами, снова следует сначала искать общие закономерности, а потом уже причины, обусловившие исключения. Что же следует считать закономерностями развития современного Востока?

Государство и экономика на современном Востоке

Только что шла речь о том, как в процессе освоения колониальным капиталом Востока в целом и традиционного восточного рынка в частности постепенно уходили в прошлое прочные позиции старой структуры, основанной на внеэкономическом принуждении подневольного, во всем зависевшего от властей и сильных мира сего подданного-производителя. Упоминалось и о том, что многие видели в этом знак гибели старого Востока. Почему же он не погиб? Прежде всего потому, что в его недрах шли два параллельных процесса: приспособление к изменившимся обстоятельствам (о чем на примере укрепления позиций колониального капитала и элементов еврокапиталистической структуры говорилось выше) и сопротивление навязываемым извне переменам.

Сопротивление в зависимости от обстоятельств принимало разные формы, от бурных массовых движений типа китайских ихэтуаней до пассивного неповиновения властям в духе Ганди. Однако суть его в конечном счете была одинакова: насильственная ломка привычного стандарта жизни вызывала протест со стороны населения, прежде всего консервативно настроенной крестьянской массы, всегда выше всего привычно ставившей незыблемость существующих устоев, гарантированное статус-кво.

В колониях этот протест подавлялся администрацией. В зависимых странах ситуация обычно была сложной и неоднозначной, ибо традиционное государство в принципе было на стороне недовольного большинства, но в то же время не всегда могло открыто поддержать его протест, как то наиболее наглядно проявило себя в ходе все того же восстания ихэтуаней. В любом случае, однако,— и

это существенно еще раз подчеркнуть,— пробуждение трансформировавшегося под влиянием колониализма Востока отнюдь не было революционным порывом к новому, как то еще недавно было принято считать в отечественной историографии. Конечно, во главе массовых движений часто оказывались представители европейски образованных слоев населения, ориентировавшиеся на революционные изменения по европейскому стандарту. И нередко это играло решающую роль. Однако даже в тех случаях, когда революции побеждали и на смену деспотическим монархиям приходили молодые республики, как то было в Турции или в Китае в начале XX в., это еще отнюдь не означало, что соответствующая страна уже созрела для радикальных перемен и была готова к ним. Как правило, и после этих революций на протяжении десятилетий сопротивление структуры не ослабевало, а временами даже усиливалось. И если в Турции Ататюрк сумел обуздать его, то в Китае с этим было гораздо сложнее, а в Иране силы сопротивления даже сумели в конечном счете взять реванш за поражения в прошлом.

Но дело не только в естественном сопротивлении традиционной и обычно с трудом приспосабливавшейся к новому структуры. Гораздо более важным для судеб Востока следует считать то обстоятельство, что в качестве медиатора между приспособлением и сопротивлением с начала XX в. вновь стало выступать государство. Если говорить пока о зависимых странах, где государство как институт не было уничтожено, но оказалось лишь на время придавленным колониальной экспансией, как это весьма наглядно предстает на примере Ирана или Китая, в меньшей степени Турции или Афганистана, то важно заметить, что для такого рода выхода на авансцену были весомые причины. Во-первых, государство обретало крылья как символ и основа сопротивления традиционной структуры. Оправившись от колониального шока, длившегося где столетия, а где десятилетия, оно должно было взять на себя задачу управления страной в изменившихся условиях. Но перемены, о которых идет речь, были многосторонними. Они не просто были связаны с унижением страны европейцами, с колониальным шоком, с необходимостью как-то выбраться из кризиса, преодолеть комплекс неполноценности, подогревавшийся постоянно демонстрируемым превосходством европейской техники, включая военную, которая производила особенно сильное впечатление на Востоке. Много более значительными были те изменения, которые произошли в сфере хозяйства, в экономике страны и выражались, как о том уже шла речь, в оттеснении на задний план тех привычных элементов структуры, что были связаны с внеэкономическим принуждением, в том числе традиционного рынка.

Поскольку на Востоке не было традиций, способствующих расцвету частной собственности, да и вообще вычленению индивида как такового, самостоятельности общества перед лицом государства (о чем специально речь еще раз пойдет ниже), именно государство должно было осваивать новую технику, включая военную, налаживать необ-

ходимую для капиталистического рынка инфраструктуру, т. е. выступать в функции собственника и важнейшего субъекта экономики, народного хозяйства — в привычной для него, во всяком случае на Востоке, функции. Не сразу, но по мере осуществления навязанной Востоку политики национального капиталистического развития создается в странах Востока новый, промежуточный по структуре и характеру сектор хозяйства — государственно-бюрократический по форме, государственно-капиталистический по характеру.

Что касается колоний, особенно таких, как африканские, то здесь вновь возникшие после деколонизации государства сразу же взяли на свои плечи заботы, до того лежавшие на колониальной администрации. В условиях традиционной восточной структуры это было естественным и практически единственно возможным выходом: государство берет на себя распоряжение хозяйством, ответственность за благосостояние общества, контроль за жизненно важными экономическими процессами, патронирование экономики капиталистического типа. Гибридность и промежуточность нового сектора экономики была в том, что от еврокапитализма в нем были техника и технология, частично экономические связи, а от традиции — вынужденное невнимание к законам свободного рынка с его требованием рентабельности, конкурентоспособности, прибыльности, что на практике всегда оборачивалось экономической неэффективностью и дотациями со стороны казны.

Наряду с новым сектором хозяйства и под его защитой, подчас буквально под покровительством государства в постколониальных восточных обществах постепенно укреплял свои позиции сектор колониально-капиталистический, трансформировавшийся в обычный частнокапиталистический со свободным рынком, конкуренцией, стремлением к рентабельности. Этот трансформирующийся и расширяющийся сектор терял свой прежде принципиально чуждый внутренней структуре традиционного Востока облик, переставал быть сектором колониально-европейским и становился просто капиталистическим, частнособственническим. Правда, в большинстве случаев в нем по-прежнему задавали тон вчерашние колонизаторы либо иные европейские, американские, позже также и японские фирмы, подчас уже лишившиеся национальной окраски (речь прежде всего о ТНК), но все более весомую роль здесь начинали играть и свои предприниматели и банкиры. Это в XX в. было характерным для Индии, Турции, ряда стран Юго-Восточной Азии, да и многих других стран современного Востока. Правда, по-прежнему среди местного населения выделялись те его слои, которые в прошлом, будучи аутсайдерами, в большей степени, чем остальные, контактировали с колониальным капиталом — будь то джайны, хуацяо или компрадоры.

Но приобщались к этому процессу, особенно под покровительством государства, также и другие группы местного населения (вспомним политику малаизации национальной экономики в современной Малайзии).

Итак, на позднеколониальном и постколониальном Востоке — речь не только о колониях, но и о зависимых странах, даже о таких, как Япония,— роль государства в хозяйстве не только не уменьшилась под воздействием колониального капитала и свободного рынка, но в некотором смысле даже возросла. По всем параметрам государство в странах современного Востока занимает ведущие позиции в сфере хозяйственной деятельности и лишь в немногих из них, прежде всего в высокоразвитых дальневосточных, оно в последние годы начало отходить на задний план, уступая место уже целиком завладевшим экономикой отношениям рыночного капитализма. О том, почему именно так произошло, речь уже шла. Обратим теперь внимание на то, почему усиление государства оказалось не только не помехой, но в определенном смысле поддержкой, может быть, даже единственно возможным условием развития по еврокапиталистическому пути в странах постколониального Востока.

Прежде всего здесь следует принять во внимание уже упоминавшийся жизненно важный момент: колониально-капиталистическая, принципиально чуждая традиционному Востоку по всем основным параметрам система рыночного хозяйства требовала для эффективного своего существования хорошо подготовленных людей — предпринимателей, собственников, мастеров рыночных свободных связей, готовых к жесткой конкуренции, ориентированных на извлечение прибавочного продукта. На Востоке таких людей не было. Были купцы, ростовщики, ремесленники, богатые землевладельцы; были рынки и даже международные торговые связи с большими торговыми оборотами. Были специализировавшиеся на этих связях мастера транзитной торговли, знавшие толк в прибыли, понимавшие смысл конкуренции, значение рынка. Именно эти люди, как-то подготовленные к жестким условиям функционирования капитала, и оказались первыми посредниками-компрадорами, агентами колониального капитализма в своих странах, той базой, на которую опирался в этих странах колониальный капитал. Но всего этого было недостаточно, что с особенной отчетливостью проявилось тогда, когда торговый колониализм сменился промышленно-банковским, энергично осваивавшим колонии и зависимые страны. Людей, подготовленных для оптимального функционирования по законам развитого капитализма, на Востоке было мало, кое-где практически не было вовсе. Это и стало объективной причиной того, что функции совокупного предпринимателя рыночно-капиталистического типа в

изменившихся условиях взяло на себя государство,— больше некому было. Государство приняло на себя вызов эпохи. В его лице сконцентрировались и сопротивление традиционной структуры натиску колониального капитала, еврокапитализма, и приспособление к изменившимся вследствие этого обстоятельствам.

Почему именно государство? Само собой разумелось, что только государство, традиционно вовлеченное на Востоке в экономические заботы, издревле бывшее там генеральным субъектом централизованной редистрибуции и имевшее огромный тысячелетиями накапливавшийся опыт в деле организации хозяйства и контроля за оптимальным его состоянием, должно было взять на себя столь сложное, новое, непривычное, небезвыгодное, но и чреватое риском банкротства дело. При этом предполагались издержки, причем немалые. Накопленный веками хозяйственный опыт государства никогда и нигде на Востоке не был ориентирован на прибыльное ведение хозяйства, на экономическую эффективность, тем более в рамках свободной международной рыночной конкуренции. Однако общество в странах Востока, составлявшие его зависимые от власти индивиды не имели и этого опыта. Что же касается государства, то оно в силу его мощи и всевластия, его высшего права распоряжаться достоянием страны и народа (функция централизованной редистрибуции) было именно тем единственным институтом, который оказался способен гарантировать слабую развивающуюся рыночно-капиталистическую экономику страны от потрясений и неожиданностей, от ошибок и провалов с помощью своего покровительства и казенных дотаций.

И еще одно обстоятельство. Именно и только государство на Востоке владеет теми большими материальными средствами, включая богатства казны, которые могут быть сконцентрированы и реализованы в том направлении, что считается по тем либо иным причинам наиболее важным для страны, ее хозяйства, оборонных нужд или иных стратегических целей. Именно казенные доходы государства легче всего при случае могут быть преобразованы в капитал, необходимый для создания тех или иных современных предприятий, отраслей экономики, а также инфраструктуры. Государство же чаще всего выступает и как субъект внешнего кредитования: именно оно гарантирует внешние займы — те самые, которые ныне столь тяжелым бременем лежат на бюджете многих, почти всех развивающихся стран. Займы эти, как правило, идут в руки государства, а далее соответствующие средства через бюджет вкладываются в различные отрасли хозяйства, включая дотации для нерентабельных предприятий государственного сектора и субсидирование цен на продукты первой необходимости ради удержания их на приемлемом для беднейшей части населения уровне.

Государство и общество

В этом пункте тема «государство и экономика» достаточно плавно переходит в близкую к ней и тесно с ней связанную тему «государство и общество». Дело в том, что колониально-капиталистическая трансформация, силовыми методами решительно взламывавшая традиционное хозяйство и буквально вынуждавшая государство взять в свои руки и даже возглавить перевод экономики — насколько это было практически возможным в той или иной стране — на рыночно-капиталистические рельсы, не могла достаточно быстро изменить то, что подчас именуется «человеческим фактором» (или human relations) и что зависит от традиции, норм поведения и образа жизни, социопсихологических и ценностных установок и ориентации населения. В этом смысле отличие социума в восточных странах от гражданского общества в странах Запада было огромным, принципиальным, во многих отношениях решающим.

На Западе веками труженик приучался к тому, чтобы стать рабочим, т. е. тем, кто продает свою рабочую силу на свободном рынке. И без такого труженика капитализм не может развиваться во всю свою мощь, это условие его существования и развития. На Востоке такого труженика не было и не могло быть, ибо даже издревле существовавший здесь наемный труд, в том числе и функционировавший на казалось бы добровольных договорных началах, всегда был опутан густой паутиной внеэкономических связей, вне которых индивид существовать здесь просто не мог. Это было нормой, традицией, стереотипом поведения, элементом привычного образа жизни, как такого же рода элементом были корпоративные связи, делавшие работника несвободным. Иной характер, иная система политических, экономических и социальных отношений вели к тому, что работники, трудившиеся на предприятиях, вроде бы вполне современных, действующих в рамках рыночно-капиталистического сектора, по сути являли собой — а во многом являют и сейчас — вчерашних крестьян традиционно-восточного типа, с ног до головы опутанных привычными социальными, экономическими и, главное, внеэкономическими (административно-политическими, корпорационными) связями. При этом давление избытка населения — фактор, все более ощутимый в развивающихся странах и механически во все возрастающих масштабах воспроизводящий именно привычные традиционные формы отношений,— отнюдь не способствует возникновению нормальных для функционирования капитала европейского типа условий, особенно таких, как свободный рынок рабочей силы, свободный выбор места работы и т. п.

В самом деле, многое в традиционной экономике Востока в наши дни переменилось. Изменился характер производства, особенно в больших городах,— оно стало машинным и крупномасштабным. Изменился характер труда — на смену прежним подданным, обязанным

государству налогами и отработками, на смену несвободным батракам и наемникам пришли обычные рабочие, получающие за свой труд заработную плату (на государственном предприятии — из казны). В немалой мере изменился и характер социально-экономических отношений: на смену традиционным связям между всесильным государством и бесправными подданными, опосредованным централизованной редистрибуцией и принципиально не имевшим отношения к рынку, товарообмену, тем более к частной собственности, пришли связи товарно-рыночного типа, пусть даже не вполне последовательные. Казалось бы, сдвиги огромные. Но, как о том только что говорилось, все на деле было не так, как может показаться при анализе с использованием лишь политэкономического инструментария.

Социологический анализ свидетельствует о том, что иной «человеческий фактор» создает иную ситуацию, в том числе и в экономике. В исторических трудах, особенно отечественных, специалисты долгие годы не видели, старались не замечать этой разницы. Много и охотно писали они, например, о рабочем движении, о профсоюзах, забастовках в странах Востока, о революционных выступлениях там пролетариата. Конечно, все это было, но в иной социальной среде, при иных политических реалиях, при господстве иных традиций и типа личности, форм соединения производителя со средствами труда (форм, опосредованных внеэкономическим принуждением). Все это не только выглядело иначе, но и играло другую роль как в реальной жизни Востока, так и в процессе его развития. И здесь опять нужно сказать несколько слов о государстве.

Конечно, колониальный капитал адаптировался к местным условиям, даже умело использовал их, приспосабливал для своих нужд. Однако при этом он должен был вынужденно меняться сам, изменять в какой-то степени и себя. Для такого рода изменений были естественные пределы, за которыми современный капитал переставал быть независимым и ориентирующимся на свободный рынок конкурентной борьбы капиталом. Далеко не случайно колониальный капитал всегда стремился ограничить сферу своего функционирования добывающими промыслами и обрабатывающими предприятиями (вынужденно необходимыми и трудоемкими), тогда как создание капиталоемких производств, особенно тяжелой промышленности, обычно выпадало на долю государственного сектора. Что же касается государственного сектора, то он хотя и был в зависимости от рынка, но не страдал от конкуренции и не гнался за экономической эффективностью и конкурентоспособностью, покрывая убытки дотациями. Более того, он поддерживал на плаву тем же способом либо посредством льготных тарифов национальную промышленность капиталистического типа, которая всегда оказывалась слабейшей частью современного сектора, ибо не только не имела необходимого опыта, но и сталкивалась все с теми же препятствиями — с несвободными работниками, традиционным рынком, внеэкономическими связями и т. п.

Словом, речь не только о том, что структурно чуждый традиционному Востоку капитализм развивался с трудом и приживался нелегко, что-то ломая и изменяя, как-то приспосабливаясь и постоянно идя на компромиссы. Дело даже не только в том, что хуже всего приживался частный национальный капитал, постоянно нуждавшийся в щедрой поддержке со стороны государства. Главная сложность состояла в том, что слишком многого и тем более быстро капитал, в том числе в его преимущественно государственной форме, достичь не мог по той простой причине, что традиционное восточное общество, даже пройдя через многие десятилетия, а кое-где и века колониализма, к этому не было готово. Конечно, на протяжении веков колониализма кое-что в этом направлении было достигнуто. Занял свои позиции колониальный капитал с его рынком, передовыми форпостами, торговыми факториями, плантациями и т. п. Активно вовлекались в сферу колониально-капиталистического рынка определенные слои местного населения, компрадоры и аутсайдеры. Частично приобщались к этому же социальные верхи, особенно правящие. Но всего этого было явно недостаточно для достижения серьезных результатов в деле капиталистического преобразования Востока — недостаточно прежде всего для преобразования общества, для трансформации специфического, с точки зрения европейского стандарта, восточного социума. Как ни медленно шел процесс индустриализации Востока, темпы его намного превышали темпы трансформации социума. Возникал драматический разрыв между необходимостью (общество должно было уметь управлять промышленной экономикой) и реальностью. Именно этот разрыв и вынуждено было заполнить государство.

Почему восточное общество даже после длительного периода колониализма и радикальной внутренней трансформации всей структуры оказалось, как правило, не готовым к существованию в рамках капитализма, и в частности к необходимому для этого самоуправлению? Быть может, период колониализма оказался для этого все же недостаточным? Едва ли. Индия прожила в качестве британской колонии около двух веков, а Япония колонией не была вовсе. И хотя колониализм сыграл и не мог не сыграть своей роли, дело, видимо, все же не в этом. Возможно, сыграла роль сила сопротивления нововведениям? Безусловно, этот фактор нельзя не принимать во внимание, а кое-где, как в Иране, он активно действует и в наши дни. Но Иран все же крайний случай. А что же следует считать средним, типичным?

Оставляя в стороне ту модель, которая связана с крайне низким исходным уровнем развития (это касается в первую очередь Тропической Африки, хотя и не только ее), обратим еще раз внимание на то, что процесс индустриализации опережал много более сложный процесс адаптации к вызванным им переменам в образе жизни людей. Конечно, некоторые слои местного населения в силу ряда

объективных причин быстрее остальных заимствовали чужой опыт, получали европейское образование, необходимую профессионализацию, сближались с еврокапиталистическим стандартом (как правило, не теряя при этом связи с родной почвой и традициями). Это способствовало адаптации общества в целом, но ненамного: основная часть населения в большинстве стран Востока даже после деколонизации (а в ряде случаев после деколонизации и обретения самостоятельности в еще большей степени, нежели прежде) не только не была готова к необходимой адаптации, но и решительно выступала против этого.

Здесь играло свою роль многое. Это и привычка, консервативный традиционализм крестьян; это и приверженность к собственным системам ценностей, апробированному веками образу жизни; это и противодействие нажиму извне, со стороны чужих, пытающихся навязать свою волю. На Востоке не знакомы с европейской демократией, не ощутили ее преимуществ, не приспособлены к правовым нормам, свободам, индивидуальным гарантиям европейского типа и не стремятся к ним, а то и активно не хотят иметь с ними что-либо общее. Здесь привыкли к иерархии и неравенству, к веками сложившимся стереотипам бытия, к давлению верхов, к всесилию власти. Пожалуй, именно в этой связи стоит еще раз напомнить о «поголовном рабстве». Теперь эта формула предстает пред нами не только как красочная метафора, символизирующая всесилие власти и государства. В гораздо большей степени она — символ слабости, неразвитости, зародышевого состояния гражданского общества, общества самостоятельных и ценящих свое достоинство, свои свободы индивидов. Может быть, мы вправе даже говорить о практически полном отсутствии на Востоке такого института, как общество (далеко не случайно в работе используется термин «социум»). Именно вместо общества и был феномен, именуемый «поголовным рабством».

Речь идет не о рабстве в юридическом или экономическом смысле слова, а о социально-политическом и даже в еще большей степени о социально-психологическом феномене. Ленин писал в свое время, что никто не виновен в том, что родился рабом, однако раб, довольный своим положением, способен вызвать презрение и достоин называться холуем и хамом. И хотя эта формула относится к России, в ней заключен немалый смысл. Можно к ней добавить и существенное для нашего случая пояснение: именно многовековые традиции Востока (Россия в этом плане — тоже Восток) создали ситуацию, при которой рабы — рабы с европейской точки зрения, т. е. лица, не ценящие свободы,— не только удовлетворены своим положением, но и, даже зная уже о существовании иных стандартов бытия, не желают отказываться от привычного образа жизни (имеющего, к слову, свои преимущества, особенно с точки зрения гарантированного обеспечения жизненного минимума). Это и есть то, что можно было бы

назвать сервильным комплексом и что сыграло и все еще играет свою роль в истории Востока и, увы, в судьбах нашей страны.

Иными словами, виноват не человек как таковой (тот, кто удовлетворен положением раба или, скажем мягче, бесправного подданного) — виноват веками апробированный стиль жизни, строй, командно-административная система, при которой ведущая сила не народ, а государство. Народ же довольствуется тем, что имеет, более того, склонен обоготворять власть и неустанно благодарить ее за ее щедрые деяния. Эта привычка прошла через века, дошла до наших дней и во многом определяет современные стереотипы взаимоотношений на Востоке. В частности, это касается феномена обоготворения носителя высшей власти. Неважно, как он называется — королем, императором, президентом или лидером революции. Важно, что для традиционно ориентированных подданных он и сегодня является законным носителем власти, символом ее. Не имеет значения, как он пришел к власти с точки зрения принятых в Европе процедур — законно или нет, демократическим путем или иначе. Кто взял власть, тот и достоин ее, тот и хозяин. А по отношению к хозяину все остальные — его слуги, если не рабы. И хотя понятие «раб» здесь соотносится не столько с полным бесправием, сколько именно с феноменом холуйства, само по себе все это далеко не безобидно, ибо отсутствие человеческого достоинства в европейском смысле этого слова играет весьма немаловажную роль в создании определенных социопсихологических установок, замедляющих процесс адаптации населения к еврокапиталистическому стандарту и даже препятствующих выработке таких личных качеств и личностных отношений, без которых упомянутая адаптация просто невозможно.

Здесь уместно остановиться на восточном крестьянине как социальном феномене. Еще сравнительно недавно в марксистской историографии твердо считалось, что неевропейское крестьянство (особенно современное) — это мелкая буржуазия. Между тем крестьянин на Востоке никогда не был мелким буржуа и не является им в массе своей (за редкими исключениями типа пенджабских фермеров, которые к тому же далеко не всегда «мелкие» буржуа). Даже торгуя на рынке, крестьянин на Востоке всегда был общинником и коллективистом. Причем не только по формальной своей принадлежности к какой-либо социальной корпорации, что существенно, но и социально-психологически. Он не превращался в буржуа потому, что жил в условиях, несовместимых с буржуазными. Он не имел ни прав, ни гарантий, ни привилегий собственника, не знал свободного рынка и конкурентной борьбы, но зато всегда зависел от власти и был опутан густой сетью внеэкономических связей.

Неудивительно поэтому, что восточный крестьянин, в принципе хорошо знакомый с рынком и издревле соприкасавшийся с товарно-денежными отношениями, знавший и аренду, и наемный труд, и жесткие ростовщические проценты, оказался неприспособленным к

условиям капиталистического рынка, примерно так же, как большинство из людей старшего поколения, воспитанных в старых привычках, не готовы или с трудом воспринимают в наши дни реалии компьютерного века. Неудивительно и то, что, не имея соответствующего опыта, крестьянин быстро разоряется в мире чистогана, пополняя собой ряды пауперов и оказываясь тем самым тяжелым грузом для все того же государства, вынужденного брать на себя заботы о его хотя бы минимальном жизнеобеспечении. Впрочем, сказанное касается и значительной части горожан, тех же выбитых из жизни и перебравшихся в города бедняков и пауперов. Правда, адаптируются горожане в силу оторванности от деревенских корней и разнородности контактов в городе быстрее. Но строить иллюзии не приходится: в том, что касается потребительского стандарта, адаптация идет полным ходом, но далеко не так обстоит дело со всем остальным, что порождает множество проблем.

Ко всему сказанному в заключение важно добавить и еще один очень существенный фактор: прирост населения. Как ни относиться к колониальной экспансии (а на Востоке до нынешнего дня, как упоминалось, обычно относятся к ней более чем сурово, клеймят колониализм и неоколониализм), нельзя не заметить того, что вместе с ней в страны Востока проникали европейская культура, более высокий уровень цивилизации, включая современную систему здравоохранения, просвещения, социальной защиты, следствием чего, в частности, были распространение и постепенное усвоение элементарных представлений о гигиене, квалифицированной врачебной помощи. Эти новые условия бытия быстро сказались на изменении темпов прироста населения. Демографический взрыв, повлекший за собой резкое увеличение населения на Востоке, особенно заметное в XX в., означал, что трансформирующийся Восток не просто оказался перенаселенным, но начал вынужденно воспроизводить бедность, даже просто нищету, ориентированную к тому же на традиционный стандарт. Это, естественно, оказалось серьезным тормозящим адаптацию фактором, не говоря уже о том, что перенаселенность вызвала новые проблемы, справиться с которыми большинство стран Востока (особенно это касается Африки) практически не в состоянии.

Естественно, что забота о решении всех проблем, включая вызванные сложностями адаптации и перенаселенностью, легла на плечи государства, которое одно только могло как-то гарантировать минимальный жизнеобеспечивающий стандарт и которое издревле было так или иначе занято именно этим. Но в новых условиях трансформирующегося и активно индустриализирующегося Востока это вызвало серьезные внутренние противоречия в политике. С одной стороны, государство должно содействовать развитию, ибо в этом будущее страны, залог ее процветания в дальнейшем. Для этого оно должно создавать благоприятствующие свободному рынку условия, что объективно ведет к экономическому расслоению населения и к

выбиванию из привычной жизненной колеи все новых миллионов не приспособившихся к изменившемуся стандарту жизни людей, прежде всего из числа беднейшего крестьянства. С другой стороны, государство вынуждено заботиться о сохранении в определенных рамках традиционной структуры и связанных с ней институтов, так как только это способно реально обеспечить минимальный стандарт существования для угрожающе возрастающего населения,— стоит еще раз напомнить в этой связи о ситуации в современной кастовой Индии, где огромное количество низкокастового населения по привычке вполне удовлетворено нищенским существованием и не стремится к лучшему.

Эта объективная позиция восточного современного государства между Сциллой капиталистической индустриализации и рыночного хозяйства и Харибдой традиционно ориентированных людей, количество которых все возрастает, во многом объясняет шараханье в политике развивающихся стран, особенно из числа слабейших. В ходе политических переворотов на передний план выходят то одни, то другие лидеры с различными установками и рецептами в поисках выхода из нелегкого положения. Одни исходят из того, что задача сохранения минимума и гарантий для большинства — наиважнейшая и что выполнить ее можно лишь привычными жесткими административными методами с ориентацией на традиционные формы существования. Логика такого рода ориентации ведет к отрицанию чуждого структуре капитализма и, как следствие, к попыткам ориентации на альтернативную модель развития, представленную в XX в. преимущественно в одном варианте — советском, тоталитарно-марксистском, ленинско-сталинском. Другие видят выход именно в предоставлении статуса наибольшего благоприятствования капитализму во всех его модификациях, сознавая при этом всю сложность ситуации и болезненность трансформации, связанной с радикальной ломкой привычного стандарта, но обещающей успехи в будущем.

Как хорошо известно, шараханье в политике и ориентации тех или иных современных восточных государств вело к их переориентации, а порой и ко вторичной, обратной переориентации с одной модели развития на другую. Однако в итоге большинство из них избрало ориентацию на еврокапиталистический стандарт, продемонстрировавший свою эффективность. И здесь, в конце главы, посвященной взаимоотношениям государства и экономики на современном Востоке, стоит сделать весьма определенный вывод: капитализм на современном Востоке не является и в силу структурных причин не мог быть, как то было на Западе несколькими веками ранее, итогом некоего динамично развивавшегося, но в основе своей стихийного саморегулировавшегося процесса, лишь иногда подправляемого, корректируемого политикой государства. Здесь это был процесс, субъективно осмысленный и сознательно определяемый госу-

дарством. Это был результат определенной политики. Возможно, именно в этом — основа специфики процесса капиталистического развития на Востоке. Лучше всего это видно из того, как в послевоенном мире освободившиеся от колониальной зависимости страны Востока выбирали свой путь, свою модель развития.

Глава 13

Проблемы развития: выбор пути

Страны Востока, обретя политическую независимость, получив либо упрочив свою государственность и оказавшись перед объективной необходимостью преодоления отсталости и ускорения развития, в середине нашего века должны были сделать выбор — тот самый выбор пути, который столь зависел от решения государства, от его политики. Государство, встав над всем и отвечая за все, брало на себя решение, вырабатывало стратегию развития. Будучи вынужденным балансировать между двумя едва ли не равными по силе и значимости тенденциями (как лучше содействовать развитию и как при этом легче гарантировать прожиточный минимум людям, не подготовленным для радикальных изменений в образе жизни), оно было свободным в выборе, хотя на деле эта свобода была более чем относительной и условной.

Итак, государство — или, точнее, представлявшие его руководители — должно было избрать ту или иную политику и следовать ей, причем от этого зависело очень многое. Можно было открыть в стране свободный рынок и поощрять его, но можно было сделать прямо наоборот: закрыть рынок почти наглухо, как то было в Китае при Мао. Государство могло стимулировать развитие частной собственности, но могло и пресечь ее, вырвать с корнем; могло разрешить деятельность в стране иностранных компаний и ТНК, а могло и запретить эту деятельность, решительно изгнав иностранцев. И от того, какая именно политика будет взята на вооружение тем или иным свободным государством развивающегося мира, зависела вся его судьба в последующем. Так что выбор пути был делом весьма важным. От чего же он зависел? Что влияло на выбор? И в конечном счете на что можно было ориентироваться, делая выбор?

Эталоны для ориентации

Естественным ориентиром для развития стран Востока с прошлого века была Европа, т. е. еврокапиталистическая структура в целом и, более конкретно, олицетворенные метрополиями ее модификации. Изучая язык страны-метрополии, получая образование в ее университетах, пропитываясь ее культурой, представители высших

социальных слоев колониальных и зависимых стран в большинстве своем становились как бы представителями двух цивилизаций, двух социальных структур — собственной и оказавшей на них огромной влияние чужой. Логично, что в перспективе они представляли себе будущее своих стран как нечто промежуточное между традиционным прошлым и заимствованным образцом. И если принять во внимание, что во главе вновь образовывавшихся самостоятельных государств постколониального Востока оказывались пропитанные культурой метрополии представители высших слоев местного населения, то не приходится удивляться тому, что еврокапиталистическая структура метрополии представлялась им чем-то вроде образца.

К этим субъективным представлениям можно прибавить и нечто более объективное. Речь прежде всего о длительной целенаправленной деятельности колониальной администрации в колониях, которая вела к насаждению принятых в метрополии порядков, ее языка, культуры, политических и правовых норм и т. п. Оба фактора, накладываясь один на другой, усиливали друг друга и создавали мощный импульс с четким вектором. Что касается стран зависимых, где фактора колониализма в форме длительного господства колониальной администрации не было, то там на передний план обычно выступала политическая ориентация своего правительства. Иногда определенную роль играли случай, борьба политических сил, соперничество великих держав, даже свободный выбор (вспомним миссию Ито, посланную в Европу в конце прошлого века для ознакомления с теми политическими системами, из которых следовало выбрать нечто наиболее подходящее для Японии). Кроме того, объективным фактором огромной силы был сам колониальный капитал во всех его модификациях. Этот капитал зримо демонстрировал свое технико-технологическое и экономико-индустриальное превосходство и буквально подавлял своей мощью традиционное хозяйство и связанный с ним образ жизни Востока. Стать капиталистической, развиться до такого уровня было если и далеко не всеми осознанной, то во всяком случае подспудно вызревавшей целью каждой из стран отсталого Востока. К этому вело и развитие национального капитала, пусть медленное и противоречивое. В еще большей степени такого рода целью было обычно озабочено бравшее на себя экономические функции государство.

Словом, многое говорило в пользу именно еврокапиталистического стандарта. Этот стандарт, олицетворенный той или иной его конкретной модификацией (страной-метрополией), обычно и брался за эталон для подражания. Именно на такого типа развитие ориентировались на рубеже XIX — XX вв., а то и вплоть до середины XX в. практически почти все страны Востока. Ситуация несколько изменилась во второй четверти нашего века, причем это изменение было связано с революцией 1917 г. в России и возникновением в мире мощного коммунистического движения.

Идеи марксистского социализма в их большевистской модификации оказали немалое воздействие на Восток. Подспудно они проникали туда, скажем, в Иран, еще до 1917 г. Но после русской революции и образования СССР эти идеи обрели организованную форму. Во многих странах Востока возникли компартии, руководство которых ставило своей целью ориентироваться на революционный переворот и строительство марксистского социализма, т. е. такой социально-экономической структуры, которая была противопоставлена капитализму и призвана преодолеть, заместить его, ликвидировав при этом такие его «язвы», как частная собственность и эксплуатация человека человеком. Естественно и логично, что молодые и теоретически не очень-то искушенные, вначале численно весьма слабые компартии Востока не только ориентировались на русский опыт, но и просто всему учились у большевиков, практически внимая каждому слову, раздававшемуся из Москвы, где для координации коммунистических сил и руководства их политикой был создан Коминтерн. Разумеется, все перемены в Москве соответственно сказывались на компартиях вне ее, включая и страны Востока. В частности, приход к власти в СССР Сталина и строительство там жесткой силовой системы марксистского социализма (сталинская модель) означали для компартий Востока, что именно на такую модель им отныне и следует ориентироваться. Это было тем более естественным и логичным, что соперники Сталина, предлагавшие иные модели, были заклеймены как враги народа и уничтожены. Осталась однаединственная (лишь в 1948 г. Тито в Югославии попытался создать другую), и именно она стала для коммунистов всего мира эталоном. Впрочем, с середины нашего века эта модель стала ориентиром уже не только для коммунистов, но и для многих близких к марксизму националистов, что проявило себя в феномене так называемой социалистической ориентации в ряде стран Азии и Африки, олицетворяли которую радикально настроенные реформаторы, готовые многое заимствовать из сталинской модели, но в то же время не всегда отождествлявшие себя с коммунистами (речь не о букве, не о названии той или иной партии, а о сути дела).

Что привлекало определенные и чаще всего руководящие слои ряда стран Востока в сталинской модели марксистского социализма? Ответ на этот вопрос не составляет труда. В этой модели лидеры стран Востока, прежде всего отсталых, видели казавшуюся им едва ли не оптимальной возможность для ускоренного развития в условиях, которые не требовали радикальной трансформации структуры, не вынуждали ломать веками устоявшуюся норму и на ее развалинах формировать свободный рынок с конкуренцией действующих на свой страх и риск частных собственников. Не имея ни развитого капиталистического рынка, ни знакомых с его принципами и тем более умеющих извлекать прибыль из конкурентной борьбы

частных собственников, лидеры этих стран вместе с тем принимали во внимание, что сталинская модель с ее жесткой командно-административной системой, функционально до мелочей сходной с политическо-правовыми нормами классического Востока («восточная деспотия», «поголовное рабство» и т. п.), продемонстрировала принципиальную возможность за кратчайший исторический срок вырваться из состояния отсталости, совершить индустриализацию, превратить страну в мощную военную державу. О цене этого рывка тогда не было известно, но мало кого она — даже если была бы известна — остановила бы. Главным было добиться цели, пусть даже очень дорогой ценой, избегнув при этом болезненной ломки структуры, к чему отсталая страна менее всего готова. Добиться цели, используя те рычаги и издревле существовавшие нормы жизни, которые были привычны как для управителей, так и для управляемых.

Не все и не всегда полностью отдавали себе отчет в этом. Что касается коммунистов первого поколения, то в них было немало от революционного порыва и искренней веры в то, что они несут своим народам освобождение. Именно эта вера и эта искренность сыграли едва ли не решающую роль в том, что в годы серьезного политического и социального кризиса, вызванного второй мировой войной и японской оккупацией Китая и Юго-Восточной Азии, поднявшиеся на борьбу с оккупантами крестьянские массы в ряде случаев пошли за коммунистами, что и привело после победы революций в этих странах к созданию там сходных с СССР режимов марксистского социализма.

Итак, в качестве генерального ориентира для развития деколонизованного Востока оказались в середине XX в. две основные модели — еврокапиталистическая и марксистско-социалистическая в ее сталинской модификации. Обе продемонстрировали успехи, причем вторая сделала это в условиях, весьма близких к тем, что были характерны для Востока. Нельзя сказать, что в СССР не было крутой ломки структуры и решительных радикальных преобразований всего образа жизни страны и людей. Было и то, и другое, да и много еще такого, о чем в то время мир не знал или только смутно догадывался. Но одно четко отличало сталинскую модель от еврокапиталистической: она принципиально выступала против свободного рынка и свободной частной собственности, т. е. выступала как раз против того, что было чуждым традиционному Востоку и требовало от него болезненной структурной ломки, правда, уже давно начатой, а кое-где и приведшей к ощутимым позитивным результатам. Сталинскую и еврокапиталистическую модели развития следует считать своего рода полюсами широкого диапазона возможного выбора пути для стран Востока. Между этими полюсами лежал веер направлений промежуточного характера. Что же сыграло решающую роль в выборе пути развития? Какие факторы и обстоятельства повлияли на выбор?

Религиозно-цивилизационный фундамент как фактор выбора

Об этом фундаменте уже немало было сказано в третьей части книги. Теперь вопрос необходимо поставить в несколько иной плоскости: как та или иная из восточных цивилизаций содействовала выбору пути развития в середине нашего века? Для этого следует провести небольшой сопоставительный анализ.

1. Генеральная установка-ориентация

В мире ислама — явственный акцент на религиозно-детерминированное социальное поведение при покорности каждого воле Аллаха, соблюдении строгой обрядово-этической дисциплины. Заметны фанатизм и фатализм правоверных, забота о благосостоянии социума (уммы) с неким подобием социального страхования (закят).

Для индо-буддизма характерен акцент на религиозно-детерминированное индивидуальное поведение различающихся кармой людей с установкой на личностные усилия ради исключения из мира сансары и слияния с небытием. Материальное благополучие, социальная гармония и тем более идея равенства людей высшей ценности не имеют.

Дальневосточно-конфуцианская традиция-цивилизация характеризуется акцентом на социальную этику и административно-регламентированное поведение. Высоко ценятся стремление к гармонии, благосостоянию при постоянном личном самоусовершенствовании, а также идея равенства.

2. Отношение к человеку и обществу, взаимоотношения людей

В мире ислама сфера человеческих отношений строго регламентирована, простор для самореализации минимален, социум довлеет над человеком безоговорочно.

В индо-буддизме нет такой степени подавления человека социумом, как в исламе. Но простор для индивидуальных поисков ограничен сферой потустороннего. Взаимоотношения людей регулируются строгими нормами общины и касты.

На Дальнем Востоке статус социума выше статуса человека, но за каждым признается право на самореализацию и самоусовершенствование в рамках общепринятой нормы. Поощряется состязательность, способствующая выявлению потенций каждого.

3. Отношение к собственности и власти

В мире ислама государство всесильно, общество и личность подчинены ему абсолютно. Частная собственность признается, но ограничивается.

В индо-буддизме государство не сильно. Частная собственность престижем не пользуется.

На Дальнем Востоке государство, как правило, сильно. Социальным престижем собственники не пользуются, но условия для проявления энергии и инициативы в сочетании с высокой культурой труда

и постоянным самоусовершенствованием способствуют реализации частнособственнических потенций.

4. Сравнительное сопоставление основных параметров

Генеральная установка всех трех восточных цивилизаций (да и африканцев Тропической Африки, не выработавших своей религиозно оформленной цивилизации) отлична от европейской с ее постоянной ориентацией на материальный успех индивида-собственника. На Востоке, включая Африку, преобладают ценности духовно-религиозные и этические. Но, сравнивая эти ценности между собой, мы вправе заключить, что на фоне исламской с ее религиозным фатализмом, жесткой обрядовостью и всеобщей покорностью воле Аллаха, а также индо-буддийской с ее поисками спасения во внефеноменальном мире заметно выделяется дальневосточная с характерной для нее установкой на стремление к социальной гармонии в результате личной активности каждого, на реализацию производительной энергии и постоянное самоусовершенствование дисциплинированного индивида, действующего в пределах санкционированной нормы.

Дальневосточный индивид, резко отличающийся от ищущей спасения во внефеноменальном мире личности индо-буддийского мира и от скованного религией правоверного, не может, конечно, быть поставлен рядом с европейским гражданином-собственником, на страже прав и свобод которого стоят общество и государство. Однако стоит дать дальневосточному индивиду хотя бы некоторые из тех условий и гарантий, которыми обладают европейцы, и избавить его при этом от чрезмерной регламентации сверху, со стороны государства, как он при его культуре труда, социальной дисциплине с ориентацией на этическую норму, неприхотливости и умении довольствоваться малым не только сравняется с европейцем, но и кое в чем превзойдет его,— достаточно еще раз напомнить о феномене хуацяо.

Если коснуться сферы человеческих отношений, личности и социума, то опять-таки окажется, что ближе всего к европейскому стандарту стоит дальневосточная цивилизация, где при всей строгости социального регламента всегда поощрялись способности, соревновательность в условиях нерелигиозной ориентации и стремления к достижению благосостояния. Ислам с формальным равенством приниженных и задавленных социальным регламентом рабов Аллаха или Индия с ее кастами, да и буддизм с его ориентацией на спасение в мире потустороннего не оставляют много места для самореализации потенций индивида. Что же касается власти, то во всех цивилизациях Востока она имеет абсолютный авторитет и право контролировать собственника. Более того, структура выработала механизмы (речь о крестьянских восстаниях или общинно-кастовой системе в Индии), которые призваны компенсировать ослабление власти, особенно когда она находится в состоянии кризиса, и не дать собственнику использовать это в своих интересах. Здесь все три восточные цивилизации едины и равно противоположны европейской структуре, в чем и

заключается основа структурных различий между Европой и Востоком.

Таким образом, из трех больших сфер, избранных для сопоставительного анализа, одна (третья) четко фиксирует принципиальное несходство Востока с Европой, а две другие позволяют заключить, что ближе остальных к европейскому стандарту стоит дальневосточный, тогда как далее всего от этого стандарта отстоит мир ислама. Мир ислама в некотором смысле наиболее гармонично ложится на самые отсталые структуры, как то можно видеть на примере значительной части современной Тропической Африки, Афганистана, ряда арабских стран, Индонезии, да и некоторых других регионов. Сталкиваясь с развитыми цивилизациями — будь то Индия, страны буддизма, Дальний Восток,— он не добивается аналогичного эффекта. Это может показаться противоречащим истории, ибо в пору своего распространения ислам быстро одолел районы древних ближневосточных цивилизаций. Однако ни Египет, ни Двуречье не имели религиозно-цивилизационного фундамента, сравнимого с индобуддийским или дальневосточно-конфуцианским.

Но мало сказать, что мир ислама как религиозно-цивилизационный фундамент в наибольшей степени соответствует отсталым структурам. Он в наибольшей мере консервативен, обладает наивысшей инерцией и в наименьшей степени поддается внутренней трансформации. Причем это зависит не только от его доктринальной сущности, анализ которой в общих чертах только что производился, но также и от его внутренней силы как тотальной религии, охватывающей все стороны жизни, сливающейся воедино с политикой, с государством, доходящей в своем религиозном рвении до нетерпимости (джихад). В случае с шиитским исламом, где слитность с государством отсутствует, компенсацией выступает еще большая степень нетерпимости, питающаяся веками борьбы за самоидентификацию.

Несколько иначе обстоит дело с индо-буддийским миром, где религиозная терпимость и нейтралитет по отношению к государству создают определенные предпосылки для постепенной трансформации внутренней структуры в условиях энергичного высшего воздействия. И хотя религиозная ориентация здесь сковывает возможности человека, воздействует на него путем создания определенных социопсихологических стереотипов, она практически не вмешивается в нерелигиозные сферы бытия. А сформированная самой религией генеральная установка на определенную активность индивида (пусть даже только в сфере поиска спасения во внефеноменальном мире) все же делает свое дело, облегчая каждому — при создании благоприятной для этого ситуации — вовлечение в процесс развития. Что же касается только что упомянутых благоприятных обстоятельств, то они в интересующем нас плане связаны как с длительным воз-

действием колониализма, так и — в Юго-Восточной Азии — с феноменом хуацяо. Словом, при отсутствии характерной для ислама мощной инерции торможения (а стоит напомнить, что ислам в Юго-Восточной Азии в этом смысле не столь силен, как на Ближнем Востоке) и активной религиозно-идеологической индокринации, особо сильной у шиитов, индо-буддийская традиция-цивилизация почти нейтральна по отношению к импульсам со стороны. И хотя многое в Индии (закон кармы и сила касты) и в Юго-Восточной Азии (сравнительно низкий уровень развития в условиях субтропиков и тропиков) задерживает развитие, иные факторы способствуют ему.

Что касается дальневосточного религиозно-цивилизационного фундамента, то о нем уже было сказано достаточно много: этот фундамент наиболее благоприятен для активной трансформации традиционной структуры. Мешает этой трансформации лишь сильное государство. Там, где его не было (Япония, хуацяо Юго-Восточной Азии), позитивные результаты налицо.

Завершая сопоставительный анализ, можно заключить, что религиозно-цивилизационный фундамент — важный фактор, определяющий потенции развития стран Востока. Это очень заметно на примере тех стран, где фундамент минимален, а то и вовсе отсутствует, как то имеет место в Тропической Африке. Это хорошо заметно на примере исламского фундамента: там, где он сравнительно слаб (Малайзия, Индонезия, частично Пакистан), результаты развития более ощутимы. Там, где он сильнее, нужен был в качестве компенсирующего фактора более сильный эффект колониализма, что видно на примере Турции или Египта, длительное время ощущавших на себе давление со стороны европейского капитала. Особых оговорок требует феномен богатых нефтедолларами арабских стран, где именно богатство выступило в качестве компенсатора инерции ислама. Наконец, роль цивилизационного фундамента блестяще демонстрируется на примере Дальнего Востока, где позитивное воздействие его наиболее очевидно.

Следует заметить, что с особой силой этот фактор, действовавший и до того, начинает действовать с момента деколонизации, когда он функционирует в своем, так сказать, чистом виде. Именно с этого момента ощущаются как внутренняя его сила, так и вектор импульса, что сказывается на результатах.

Условия и обстоятельства выбора пути развития

Вернемся, однако, к проблеме выбора пути развития. Проблема эта для стран зависимых встала в начале XX в., для колоний — после деколонизации в середине века. Однако если учесть сложность и

неоднозначность процесса выбора и принять во внимание вызванную обстоятельствами переориентацию, то в конечном счете решать проблему пришлось всем так или иначе в одно и то же время, в основном — во второй половине нашего века (включая колебания и переориентации). От чего же зависел выбор пути?

Снова вспомним об исходных позициях: конец эпохи колониализма; политическая независимость и выход на передний план усилившегося и взявшего на себя заботы о развитии страны государства; противоречивость позиции государства (как содействовать развитию, не слишком резко меняя привычный для людей образ жизни); религиозно-цивилизационный фундамент, содействующий или препятствующий курсу на трансформацию традиционной структуры; противоположные по многим параметрам эталоны-полюса возможного индустриального развития. И главное — необходимость все же сделать выбор, подчинив ему в дальнейшем политику страны, разработав соответствующую стратегию развития. Исходные позиции в общем были однотипны для всех, хотя равнодействующая всех упомянутых факторов могла быть весьма различной по мощи и вектору импульса. Этот импульс мог быть сильным и позитивным, т. е. объективно содействующим энергичной внутренней трансформации, что было наиболее характерно, как о том уже шла речь, для стран Дальнего Востока региона с их конфуцианским религиозно-цивилизационным фундаментом. Он мог быть, напротив, сильным и негативным, т. е. олицетворять собой мощь инерции, что наиболее характерно для стран ислама, особенно шиитского ислама. Но для многих стран Востока, включая и Африку, импульс был слабым, порой практически нулевым.

Что означала или могла означать разница в мощи и векторе импульса? Сильный негативный импульс означал прежде всего энергичное сопротивление структуры любым воздействиям на нее извне,стремление остаться самим собой, кульминацией которого можно считать события рубежа 70 — 80-х годов в Иране. Смягчающие факторы и обстоятельства могли несколько повлиять на положение дел, как то имело место в богатых нефтедолларами аравийских монархиях: нефть здесь сделала внутреннюю трансформацию безболезненной, а ориентацию на еврокапиталистический стандарт ненавязчивой, даже в некотором смысле необязательной — особенно для тех, кто этого не желал (бедуины). Однако это действовало отнюдь не обязательно. Богатые нефтью Ливия и Иран использовали свои нефтедоллары для того, чтобы еще резче противопоставить неисламскому и особенно западному миру с его еврокапиталистическими стандартами свои, нарочито акцентированные исламские ценности с явно фундаменталистской окраской. За ценности фундаменталистского ислама высказываются ныне определенные силы и в иных исламских странах, от Афганистана и Судана до сравнительно развитого Алжира. И только там, где сам ислам и тем более его

негативный импульс изначально были ослаблены, т. е. вне территории Ближнего Востока, от Пакистана до Индонезии, развитие по еврокапиталистическому пути в наши дни явно выходит вперед по сравнению с привычными исламскими ценностями, хотя и при сохранении чтимых традиций.

Слабый или нулевой импульс, характерный для стран индобуддийской цивилизации и для Африки, означал, что многое в развитии, в ориентации при выборе пути здесь зависит от внешних обстоятельств, порой просто от случая. Пример Африки наиболее нагляден. Но стоит вспомнить и об Индии, чей путь был избран за нее англичанами, о буддийских странах Индокитая, с легкостью становившихся жертвами любителей социальных экспериментов. Впрочем, ослабленный импульс всегда был залогом неудачи любителей рискованных экспериментов, что опять-таки видно и на примере современной Африки, и в буддийском Индокитае, где последний из такого рода экспериментов — бирманский — явно близится к благополучному концу. Во всяком случае благоприятные для успешного развития внешние обстоятельства могут сыграть в условиях слабого или нулевого импульса решающую роль.

Сильный позитивный импульс, характерный для стран, внутренне как бы готовых к активной трансформации, проявляет себя далеко не автоматически. Можно даже сказать, что внешне он себя вовсе не проявляет, так что феномен Японии долгие десятилетия был своего рода уникальным явлением. Но выявившиеся во второй половине нашего века закономерности развития стран Дальнего Востока, ориентированных на конфуцианские цивилизационные ценности, позволяют поставить вопрос иначе, т. е. выдвинуть на передний план именно способность и потенции для трансформации как таковые. Стоит напомнить, в частности, что именно дальневосточные страны оказались лидерами в движении по обоим наметившимся в послевоенном мире путям развития и радикальной трансформации — по марксистско-социалистической и еврокапиталистической модели.

Было ли в странах этого региона внутреннее сопротивление структуры навязываемым извне переменам? Безусловно, оно ощущалось даже в Японии. Но по сравнению с другими регионами это сопротивление было каким-то иным, достаточно своеобразным. Менять свои привычки под бесцеремонным нажимом извне никто особенно не хотел, как это видно из истории Китая, Кореи или Вьетнама в конце XIX — начале XX в.,— достаточно еще раз напомнить об ихэтуанях. Но коль скоро ситуация стала необратимой и практически с этим уже ничего нельзя было поделать, прагматизм дальневосточной традиции вышел на передний план и сказал свое веское слово. В Японии раньше других; на континенте — несколько позже и иначе. Но во всех случаях прагматическая реакция стран Дальнего Востока означала, что страны, раз уж это неизбежно, к переменам готовы. Они готовы мобилизовать свои потенции для того, чтобы даже

способствовать такого рода переменам. Вопрос лишь в том, в каком направлении начать трансформацию, какой путь избрать для развития. И если в этом пункте пути стран Дальнего Востока кардинально разделились, то зависело это прежде всего от случайных и тем более внешних обстоятельств. Рассмотрим ситуацию в этом смысле более подробно.

Как о том уже шла речь, компартии вскоре после 1917 г. возникли во многих странах Востока, однако далеко не везде они смогли стать влиятельной политической силой. Ранее других этого удалось добиться компартии Китая, несколько позже — Вьетнама. Этому способствовало многое, но едва ли не важнейшую роль сыграло то, что лозунги компартий с их призывом к социальному переустройству посредством достижения власти в ходе массового революционного движения были не только близки и понятны именно в странах Дальнего Востока (как они были чужды массам в Индии и не всегда понятны в мире ислама или в буддийских странах), но и во многом сущностно совпадали с нерелигиозной в своей глубинной основе конфуцианской ориентацией на социальную справедливость и государство всенародной гармонии во главе с мудрыми и заботливыми правителями. В ходе второй мировой войны и японской оккупации Китай и Вьетнам оказались в состоянии глубокого внутреннего кризиса, а выход из него, как то обычно бывало в странах конфуцианской культуры, оказался тесно связан с массовым народным движением, которое на сей раз было возглавлено коммунистами. Во Вьетнаме это привело к победе компартии в бывшей колонии, не имевшей собственного правительства, хотя и хорошо знакомой с традицией независимого государства: незадолго до революции 1945 г. во Вьетнаме еще был жив император, правда, к тому времени уже фактически лишенный власти французскими колонизаторами. В Китае, где существовало собственное независимое правительство, переход власти к коммунистам был облегчен внешними обстоятельствами, т. е. оккупацией советскими войсками Маньчжурии, которая была японской колонией. Это же внешнее обстоятельство сыграло еще более важную, практически решающую роль для севера Кореи, тоже бывшей японской колонией и, естественно, не имевшей собственного государства и правительства.

Итак, во Вьетнаме, Китае и на севере Кореи была заимствована сталинская модель с жесткой властью классического восточного типа при ограничении индивидуальных прав и свобод и всесилии бюрократической администрации, опирающейся к тому же на мощную идеологическую индоктринацию. Эта модель функционально и структурно оказалась не столь уж чужда классической конфуцианской, хорошо знакомой и Китаю, и Корее, и Вьетнаму, так что нет ничего

удивительного в том, что все три страны, о которых идет речь, достаточно гармонично в нее вписались. Конечно, дело не обошлось без серьезных внутренних реформ, без радикальных социальных преобразований и массовых репрессий, но многое осталось по-старому. Не только не получил развития свободный капиталистического типа рынок с конкуренцией и борьбой за прибыль частных собственников, но наоборот, все дело промышленно-индустриального развития и финансово-экономического регулирования взяло на себя централизованное государство, а свободный рыночный обмен во многом был заменен привычной бюрократической редистрибуцией. Социальная дисциплина стала еще более жесткой, а власть обожествленного правителя (это особенно касается Китая и Кореи) еще более всемогущей, чем когда-либо.

Иная судьба постигла юг Кореи, остров Тайвань, бывшие английские колонии Сингапур и Гонконг, не говоря уже о Японии. Эти части все того же дальневосточного цивилизационного региона тоже были внутренне готовы к трансформации, что и было продемонстрировано оказавшейся в исключительных обстоятельствах Японией еще в прошлом веке. Но иные внешние обстоятельства сыграли решающую роль в судьбах этих стран и в выборе ими пути развития. Тайвань, куда бежали гоминьдановцы с захваченного коммунистами континента, стал быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути. Такой же путь начал реализовываться на юге Кореи, попавшем, как и Япония, после войны под контроль американской администрации и продолжавшем пользоваться и впоследствии военной и всякой иной поддержкой США. Ликвидация колониального статуса в Сингапуре и ослабление его в Гонконге означали то, что эти территории стали теперь энергично развиваться по тому пути,по которому они шли уже достаточно давно, к тому же умело используя геостратегические преимущества своего расположения на оживленных морских торговых путях. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны вскоре стали демонстрировать невиданные темпы экономического и промышленного роста, что и позволило им если и не догнать Японию, то во всяком случае заметно к ней приблизиться, стать с ней почти вровень, оказаться вместе с ней флагманами капиталистической экономики всего развивающегося мира (а в недалеком будущем, вполне возможно, и вообще всего мира).

Любопытная ситуация. Цивилизационно близкие друг другу страны одного и того же региона демонстрируют потенции в развитии по противоположным моделям. Что здесь сыграло свою роль? В основе, безусловно, как о том уже говорилось, внутренняя готовность к трансформации в принципе. Но что существенно: если при трансфор-

мации по марксистско-социалистическому пути сыграли свою роль такие конфуцианские стереотипы, как извечное стремление к социальной справедливости и царству гармонии, правда, в сочетании с жесткой бюрократической структурой сильного патерналистского государства с мощным зарядом идеологической индоктринации, то успеху в развитии по капиталистической модели способствовали совсем иные стороны той же конфуцианской традиции. Это стимуляция к самоусовершенствованию, высокая культура труда в сочетании с социальной дисциплиной и патерналистской заботой старших о младших, высокоразвитое чувство долга и моральной ответственности, постоянное стремление к знаниям, умение довольствоваться малым в неуклонном продвижении ко все большему и т. п. Все это так или иначе не просто лежит в основе японо-дальневосточной модели развития, но и дает ей те ощутимые преимущества перед евроамериканской, которые ныне уже очевидны для всех.

Специфика ситуации со странами конфуцианско-дальневосточной цивилизации, где цивилизационный фундамент сам по себе оказался одинаково подходящ для успеха в движении по принципиально разным путям (об эффективности движения пока речи нет — имеются в виду лишь благоприятные условия для старта и первых видимых успехов), позволяет сделать вывод, что едва ли не решающим фактором оказывается внешний. Вряд ли он имеет равную силу для всего Востока, но по отношению к странам Дальнего Востока он напрашивается сам собой. Вопрос, который встает в связи с такого рода выводом, имеет, однако, более широкое, нежели просто региональное, значение. Он может быть сформулирован примерно так: какие обстоятельства выводят на передний план внешний фактор?

Если поставить вопрос таким образом, то логичным будет следующий ответ: тогда, когда возникает ситуация вакуума власти. Или, иными словами, когда то или иное государство на распутье, чаши весов истории сбалансированы, так что роль случая, личности и внешних обстоятельств может оказаться в данный момент решающей. Выше уже много говорилось о противоборствующих тенденциях, о гасящих друг друга факторах. Логично заключить, что эта-то ситуация и создает уравновешенный, как бы нейтральный баланс сил и что опирающаяся на этот баланс власть непрочна, как бы висит в воздухе. Это и есть вакуум власти.

Но вакуум власти — еще не все. Это лишь благоприятное условие. Для реализации его нужен тот самый внешний по отношению к стране и власти фактор, который выше был назван решающим. Но как действует этот фактор? Случайный ли это импульс или нечто постоянно действующее? Видимо, могло быть по-разному. Но приоритет безусловно за постоянно действующей силой, рождающей определенное поле политического напряжения. И поскольку это поле сыграло свою весомую роль в судьбах современного Востока, о нем стоит сказать подробнее.

Глава 14

Роль идеологическо-политического поля напряжения в судьбах современного Востока

Понятие поля идеологическо-политического напряжения не является общеупотребительным в современной политологической терминологии и потому требует некоторых пояснений. В самом общем виде речь идет о том, что в политологии прошлого, да и нынешнего века именовалось зонами влияния тех или иных держав. Но к одному этому проблема не сводится. Имеются в виду не только зоны политического влияния, т. е. непосредственного политического воздействия одних стран на другие, но и влияние косвенное, идеологическое, доктринальное.

Векторы политического и идеологического влияния могли совпадать, как то чаще всего бывало в случае с исламизацией, но могли и не совпадать. Буддизм, например, мирно проникал в страны, весьма далекие от Индии, где он появился на свет. Но для XIX и тем более для XX в. стало закономерностью сближение этих векторов, даже слияние их и соответственно взаимное усиление. Отчего это произошло?

XIX век поляризовал мир на две его неравные части, западную и незападную, капиталистическую и некапиталистическую. Хотя эта поляризация в реальности была противостоянием, но просто к противоборству не сводилась. Напротив, доминантой ее было активное воздействие капиталистического Запада на некапиталистический мир традиционного Востока (в широком смысле этого слова) с тем, чтобы преобразовать его по своему образу и подобию. Эта объективная поставленная историей сверхзадача способствовала сближению цивилизационного (западного идеологического), политического и экономического (экспансия капитализма) векторов и слиянию их в противостоянии всему незападному и некапиталистическому миру в целом, включая и такие его давно уже прозападные части, как Россия. Некапиталистический не-Запад, в том числе и Россия, этому активно сопротивлялся, выдвигая на передний план идею собственной самобытности в самых различных ее вариантах. В результате в мире возникало великое множество доктринальных религиозно-идеологических импульсов, противостоявших западнокапиталистическому и в меру своих сил нейтрализовавших его. При этом доктринальные идейно-религиозные импульсы обычно сливались по вектору с политическим сопротивлением соответствующих стран, так что сближение и слияние политического и идеологического векторов стало нормой и для трансформирующегося традиционного Востока.

XX век внес свои весомые коррективы в это противостояние. Во-первых, он положил конец кажущемуся единству глобального

западнокапиталистического противостояния некапиталистическому не-Западу. Противоречия между странами Запада, до поры до времени как-то решавшиеся на уровне европейской политики и дипломатии, вышли за пределы этого уровня, проявив себя в двух мировых войнах, в ходе которых многие из стран Востока оказались втянутыми метрополиями или иным образом во враждующие политические блоки. Во-вторых, мощные тоталитарно-утопические европейские по происхождению доктрины в силу ряда благоприятствовавших им обстоятельств превратились в глобальную идеологическо-политическую силу. С одной из таких доктрин, фашизмом, весь мир соединенными усилиями покончил во второй мировой войне. Вторая, коммунистическая, напротив, вышла из этой войны в числе победителей и обрела дополнительный престиж, весьма привлекательный для незападного некапиталистического мира, о чем уже достаточно подробно говорилось.

В результате этих исторических перемен в мире сложился новый и еще более, чем в XIX в., резкий биполярный баланс сил. Он возник сразу же после второй мировой войны, когда место поверженного фашизма в качестве грозной противостоящей буржуазной демократии силы занял сталинский коммунизм, да еще и оснащенный атомной, а потом и водородной бомбами. Биполярный баланс, усиленный средствами массового уничтожения с обеих сторон, создал в мире два мощных по импульсу и заряду противостоящих друг другу вектора силы. Эти векторы, в свою очередь, породили мощные поля идеологическо-политического напряжения, причем такие поля стали постоянно действующими, хотя и пульсирующими, волнообразно усиливающимися либо чуть ослабевающими. Важно добавить к сказанному, что, хотя поля напряженности, о которых идет речь, сложились только после второй мировой войны, первые признаки их существования появились в мире значительно раньше, вскоре после октябрьского переворота в России в 1917 г. и возникновения Коминтерна, ставившего своей целью координацию усилий коммунистов во всем мире ради уничтожения капитализма и буржуазной демократии. Коминтерн, как известно, активно работал и в странах Востока, но преуспел только в некоторых из них, более всего — в странах Дальнего Востока, для чего, как явствует из приводившегося выше анализа, были благоприятные условия.

Поля напряженности как глобальная всепланетная сила состояли как бы из двух надвигающихся друг на друга и теснящих одна другую противостоящих и заряженных противоположными зарядами сил. И от того, в чьей зоне оказывались те или иные страны, многое зависело. Стоит сразу же оговориться, что речь не только о зоне непосредственного политического влияния, как о том уже упоминалось, но также и о сфере опосредованного идеологического воз-

действия, которое временами проявляло себя в самых разных местах — практически везде, где возникал феномен вакуума политической силы, причем именно тогда, когда этот вакуум становился особенно серьезным и заметным.

Итак, феномен вакуума политической силы, превращающийся под воздействием идеологическо-политических полей напряжения в важный фактор ориентации и выбора пути, начал играть весьма существенную роль в жизни стран современного Востока в постколониальное время. Как конкретно это выглядело?

Восток на перепутье

Постколониальный Восток не мог оставаться таким, каким он был до времен колониально-капиталистической экспансии. Не мог потому, что времена изменились, что весь неевропейский мир так или иначе был уже втянут в систему мирового рынка, т. е. рынка капиталистического со всеми вытекавшими из этого следствиями, вынуждавшими страны Востока к трансформации в сторону еврокапиталистической модели развития. Сопротивление такого рода трансформации было естественным для любого нормального социополитического организма. Практически это означало, что в каждом регионе, в каждой из стран Востока, да и в любой другой неевропейской некапиталистической стране складывалось свое соотношение сил между теми, кто ощущал и сознавал необходимость перемен ради выживания и направлял свои усилия к тому, чтобы оптимально приспособиться к новым условиям жизни, и теми, кто ни при каких обстоятельствах не желал изменений и решительно им сопротивлялся. Япония и Иран были своего рода символами, олицетворением обеих тенденций, крайними точками достаточно обширного диапазона вариантов, продемонстрированного Востоком.

Противоборство обеих тенденций внутри каждой страны было нормой для стран Востока в XX в., причем оно еще более усилилось после деколонизации. Во многих случаях результатом его было взаимное гашение противостоявших друг другу импульсов. И хотя эти импульсы временами усиливались, порой даже рождая мощные вспышки, сама по себе постоянная ситуация противоборства рождала синдром внутренней политической слабости, неуверенности и шатаний, колебаний в выборе пути для новых, да и не новых государств. Это и есть тот вакуум политической силы, о котором уже упоминалось. Вакуум не в том смысле, что нет власти или у власти нет никакой силы. Порой бывало в избытке и то, и другое. Суть вакуума в том, что у власти нет серьезной и надежной опоры в стране, как нет никакой уверенности в том, что народ готов ее активно поддержать. Соответственно нет и политического иммунитета. А это значит, что при любом легком воздействии со стороны, при слабом даже

сгущении туч идущего извне политического и идеологического напряжения того или другого характера страна достаточно легко подвергается инфекции, заражению чужими идеями. А так как ветры меняются, а вместе с ними на смену одним тучам могут прийти другие, то изменяется и поле напряжения, характер заражения. И если отойти от метафор и говорить строгим политологическим языком, то все это означает, что на политический выбор страны оказывается достаточно несложно повлиять извне. Решающим фактором в этих условиях, как то уже отмечалось, становится фактор внешний. Под сильным внешним воздействием большинство стран Востока и делало свой выбор судьбы, выбор пути.

Каждый знает, что такое выбор, особенно серьезный, судьбоносный, единственный в своем роде. Сделать его непросто, и правильное решение дается не всем и не всегда. Особенно когда есть весомые «за» и «против» в любом из вариантов выбора. Для стран постколониального Востока выбрать еврокапиталистический путь и открыть все двери частной собственности, включая иностранную, и свободному рынку означало обрести поддержку метрополии и вчерашней колониальной администрации, получить необходимую финансовую, техническую и иную помощь. Но это в то же время означало длительное и достаточно унизительное существование под давлением структурно чуждой силы (синдром неоколониализма) и в большинстве случаев требовало в какой-то мере пожертвовать традициями, а то и религиозно-цивилизационной и национально-культурной идентичностью. То есть жить уже не так, как жили предки. И хотя сложность ситуации и степень зависимости при этом сильно варьировали (одно положение в Индии, другое в Африке), чем-то жертвовать в обмен на успехи в развитии по еврокапиталистическому пути все-таки так или иначе приходилось всем. Но, как известно, несмотря на это, многие страны Востока твердо избрали именно такой путь, бескомпромиссно следовали ему и, как правило, за несколько десятилетий уже немалого достигли. Практически сказанное означает, что страны, сделавшие подобный выбор, оказались в поле идеологическо-политического напряжения Запада, его образа жизни.

Был и иной выбор, сделав который можно было сохранить привычную структуру, но при этом, как тогда казалось, тоже преуспеть в развитии. Этот выбор был притягателен тем, что можно было решительно отказаться от ненавистного капитализма, сохранить традиционные для Востока нормы эгалитарного коллективизма с авторитарной властью при жесткой, но привычной социальной дисциплине населения. Правда, при этом не было места ни экономической, ни вообще какой-либо иной свободе, без чего немыслим свободный рынок. Но зачем он, этот рынок, если можно обойтись и без него, как о том свидетельствовал опыт стран марксистского социализма, прежде всего могущественного СССР?

Марксистский социализм в его псевдонаучной упаковке и с его зримыми тогда, в середине века, достижениями был весьма привлекателен для многих интеллектуалов Востока, активно искавших выход для своих стран из кризисного тупика. Преимущество его было, помимо прочего, в том, что идеологический заряд утопической доктрины был в чем-то схож с привычными эгалитарными утопиями народных масс и тем самым хорошо на них воздействовал, бил, что называется, в самую точку. Богатые собственники и собственность как таковая, если она не была обусловлена силой власти, ставились под сомнение, особенно в их не слишком уважавшейся на Востоке частной индивидуальной форме, что явно импонировало воспитанному во многих странах Востока на эгалитарных утопиях населению. Преимуществом было также то, что марксистско-социалистический выбор не требовал радикального переустройства структуры. Достаточно было отнять имущество у собственников и раздать его неимущим — и все преобразования, к удовольствию большинства, на этом завершались. Далее восстанавливалась привычная норма, разве что несколько более жесткая, чем прежде.

Итак, сложившееся в мире еще до второй мировой войны и резко усилившееся, поляризовавшееся противоборство двух полей политического и идеологического напряжения настоятельно требовало от деколонизовывавшегося Востока определить свои позиции, сделать свой выбор. Этот выбор определялся многими факторами, о которых уже говорилось достаточно подробно. Сложность была в том, что факторы действовали в разных направлениях, опирались на противостоявшие друг другу тенденции и в силу этого нередко взаимно нейтрализовывались. Во многих случаях в результате возникал вакуум политической силы. И тем самым на передний план выходили факторы субъективные, будь то случай, стечение обстоятельств, решение группы активных деятелей и т. п. А все эти субъективные факторы, в свою очередь, были весьма подвержены влиянию со стороны, обретали потенции под воздействием тех самых полей напряжения, о которых идет речь. Именно так решилась в свое время наша судьба, судьба России, после чего опыт России внес свой вклад в расстановку сил и определение сфер влияния разных полей напряжения.

Говоря о постколониальном Востоке на перепутье, следует обратить внимание еще на один аспект проблемы. Выбор капиталистического пути давал в целом однотипные результаты, хотя они и варьировали в зависимости от потенциала страны, ее исходного уровня и возможностей. Выбор марксистско-социалистического пути означал выход на зыбкую почву уже не вариантов, а экспериментов, что вело к непредсказуемым и весьма различным результатам. Конечно, в чем-то общем и главном они тоже были однотипны: ни один из экспериментов к добру не привел. Но в остальном различия были весьма существенными. Одни режимы оказывались жесткими, другие более умеренными, третьи вообще отходили от догмы марксизма и

искали истину в создании идейно-институциональной смеси из марксизма и социализма иных типов, прежде всего исламского. Даже в официальной марксистской лексике этот диапазон различий нашел свое отражение («страны социализма» и «страны социалистической ориентации»), хотя на деле разница была много более ощутимой и существенной и, главное, гораздо более связанной с цивилизационным фундаментом соответствующих стран, нежели то воспринималось догматической терминологией истматовского марксизма.

Цивилизационный фундамент в процессе выбора в условиях вакуума силы и постоянно действовавших полей напряжения сыграл, между тем, настолько существенную роль, что целесообразно учитывать именно его в первую очередь при рассмотрении конкретных ситуаций в различных странах современного постколониального Востока.

Дальний Восток и Юго-Восточная Азия

Дальневосточный регион — это страны конфуцианской традиции; регион Юго-Восточной Азии в цивилизационном плане более сложен, хотя и тут конфуцианская традиция не только ощутима, но и порой, при посредстве хуацяо, явственно доминирует как раз в той самой сфере экономики, развития, которая прежде всего важна для анализа. Много общего в судьбе этих двух соседних регионов было в те решающие годы, которые для большинства стран определили выбор пути. Стоит напомнить в этой связи, что почти все страны, о которых идет речь, были в годы второй мировой войны оккупированы Японией, а это практически означало ликвидацию или сведение на уровень марионеток правительств соответствующих государств там, где эти государства существовали. Там, где до того были колонии, это означало ликвидацию колониальной администрации и замену ее оккупационным режимом. Поражение Японии означало освобождение оккупированных стран и территорий обоих регионов с последующей их деколонизацией. Но деколонизация в подобного рода обстоятельствах как раз и вела к ситуации вакуума власти и выхода на передний план субъективных факторов, потенции которых выявлялись под заметным воздействием извне, со стороны того или иного поля напряжения.

В первую очередь упоминания в этой связи заслуживает Вьетнам. Сразу же после капитуляции Японии в условиях не просто вакуума, но практического отсутствия власти и системы администрации наиболее организованной силой оказались коммунисты, чья ориентация на определенное поле напряжения в аргументах не нуждается. Вьетнам — северная его часть — был первым из государств Востока, если не считать Монголию и советские азиатские республики, где был сделан решительный выбор в пользу марксистского социализма. Выбор вполне осознанный и активно поддержанный местным населением, охотно

солидаризировавшимся с коммунистическими лозунгами о равенстве, социальной справедливости, осуждении частной собственности и т. п. В том, что на этот выбор оказало решающее воздействие влияние извне, т. е. поле идеологического воздействия, сомневаться не приходится: и сам Хо Ши Мин, и другие руководящие деятели вьетнамской компартии получали свое образование и становились коммунистами во Франции, где в те годы соответствующие идеи были широко распространены, особенно в студенческих кругах. Но в той же Франции получали то же образование и заражались теми же идеями и представители иных стран Востока. Однако коммунистическое правительство возникло именно на севере Вьетнама, а не где-либо еще, по крайней мере в 1945 г. Почему? Как раз потому, что конфуцианский цивилизационный фундамент оказался наиболее для этого благоприятен, а обстоятельства политического характера были таковы, что социополитический организм потерял иммунитет. В итоге занесенная извне коммунистическая идея с легкостью овладела этим ослабленным и податливым именно по отношению к ней организмом.

Нечто подобное при сходных, хотя и заметно иных обстоятельствах случилось с родственными в цивилизационном плане Вьетнамом, Китаем и Кореей. Вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г., уже после Хиросимы, когда Япония находилась в состоянии шока, сыграло едва ли не решающую роль в создании на Дальнем Востоке принципиально новой ситуации. Оккупированные советскими войсками Маньчжурия и северная часть Кореи сразу же стали базой коммунистических преобразований. Все трофейное, да и, видимо, значительная часть советского оружия оказалось в распоряжении руководимых китайскими коммунистами армий, что позволило им резко усилить свои позиции и нейтрализовать военную силу гоминьдановского правительства. Решающую же роль в победе сыграло идеологическое поле напряжения, о котором идет речь в данной главе.

Китайские коммунисты и Коминтерн еще в 30-х годах создали это поле, которое в условиях политической нестабильности, вызванной поражением Японии и советской оккупацией, и становившегося все более очевидным вакуума силы сыграло в 1949 г., как и несколькими годами ранее во Вьетнаме, решающую роль. Китай, как и Вьетнам, оказался лишенным иммунитета по отношению к идеям коммунизма именно потому, что цивилизационно был податлив для соответствующих настроений. Нечто подобное произошло и в оккупированной советскими войсками Северной Корее, хотя здесь вообще не стоило бы говорить о каком-либо выборе и об активной роли масс: режим коммунизма был жестко навязан Корее оккупантами и их ставленниками во главе с Ким Ир Сеном.

Ситуация в целом достаточно понятна и убедительна. Конфуцианский цивилизационный фундамент не только не был несовместим с идеями и принципами марксистского социализма, но,

напротив, оказался в чем-то внутренне близок такого рода идеям, что не могло не сыграть своей роковой роли в судьбах соответствующих стран. Более того, укрепление режима марксистского социализма в странах, о которых идет речь, позволило резко усилить соответствующее поле напряжения на всем Дальнем Востоке и даже в близлежащем регионе Юго-Восточной Азии. Среди наиболее слабых частей этого региона, отмеченных тем же знаком вакуума власти, оказались Лаос, Камбоджа, Индонезия, Малайзия и даже Филиппины; косвенно поле повлияло и на события в Бирме. Однако во всех этих странах, чей цивилизационный фундамент существенно отличался от конфуцианского, многое происходило иначе, чем в Китае, Корее и Вьетнаме. Иными были даже сами марксистско-социалистические режимы там, где они все-таки были установлены, как в Лаосе и Камбодже. В Лаосе этот режим оказался заметно ослабленным, умеренным, в Камбодже, напротив, экстремальным, но зато и кратковременным.

Вообще регион Юго-Восточной Азии, хотя и оказался под заметным воздействием со стороны коммунистов, сумел найти в себе силы не только противостоять им, но и обнаружить серьезные внутренние потенции, позволившие усилить в этом регионе влияние капиталистического поля напряжения. Частично этому способствовала возрождавшаяся быстрыми темпами Япония. Но не только она. Нельзя забывать, что конфуцианский цивилизационный фундамент благоприятен отнюдь не только для коммунистических идей, как о том ранее говорилось. На этот же фундамент со столь же очевидной легкостью в иных обстоятельствах опираются и противостоящие коммунизму идеи и принципы капитализма. Об этом свидетельствует не только пример Японии. Китайское гоминьдановское правительство до своего поражения шло таким же путем. Более того, ситуацию на Дальнем Востоке в середине XX в. можно было бы описать с помощью классического закона физики: действие рождает противодействие. Особенно когда каждое из них опирается на свое поле напряжения, а оба поля активно противостоят друг другу именно в этом регионе.

Превращение Китая, северных частей Кореи и Вьетнама в бастионы мирового коммунизма и соответствующее резкое усиление его позиций на Дальнем Востоке заметно нарушило баланс сил в мире в пользу коммунизма, и это вызвало мощную ответную реакцию. Активизировались военные действия во Вьетнаме, хотя они в конечном счете завершились в пользу севера. Был не только принят вызов Северной Кореи в 1950 г., когда Ким Ир Сен с благословения Сталина попытался было аннексировать южную часть полуострова, но и создана мощная ответная сила в виде войск ООН, успешно противостоявших агрессии. От континентального Китая отделился Тайвань, где установилась власть гоминьдана, получившего, наконец, возможность в условиях стабильности завершить свою программу преобразования страны по капиталистической модели с явной

ориентацией на японскую ее модификацию. И хотя все эти меры восстановить статус-кво не могли, а во Вьетнаме вовсе не имели успеха, в целом баланс сил, пусть несколько сместившийся в этом регионе в пользу коммунистического лагеря, был стабилизирован. Даже крушение южновьетнамского государства и последующий приход к власти коммунистических сил в Лаосе и Камбодже этот новый баланс уже не очень-то сильно поколебали. Тем более что 70-е годы, когда все это случилось, были уже временем упадка коммунистического лагеря. Приход марксистов к власти в Лаосе и особенно очевидно в Камбодже был уже чем-то вроде отчаянного пароксизма, карикатурной (в Камбодже) гримасы упомянутого лагеря.

Хотя коммунистическое поле напряжения затронуло, таким образом, значительную часть Индокитая (нельзя забывать и о Бирме, военные власти которой в немалой мере питались за счет все тех же идей), Юго-Восточная Азия в целом и тем более в островной ее части оказалась в ином положении. Здесь было заметным соприкосновение обоих полей, но цивилизационный фундамент региона оказался менее податлив для коммунистических идей и более подходящ для капиталистических. Преимущество капитализма и воздействие соответствующего поля ощутили на себе и реализовали в первую очередь китайские мигранты-хуацяо, сыгравшие роль дрожжей в экономическом тесте Юго-Восточной Азии. А коль скоро процесс начался, то в условиях нейтральности буддийского цивилизационного пласта и слабости исламского именно конфуцианский пласт сыграл решающую роль в развитии стран региона. В сочетании с Японией, Южной Кореей, Гонконгом и Сингапуром страны Юго-Восточной Азии, за исключением четырех индокитайских (Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Бирмы), настолько усилили, особенно за последние десятилетия, капиталистическую активность, что баланс сил на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии вновь изменился в пользу некоммунистического юга. Этому содействовал и общий кризис марксистского социализма, вынудивший коммунистические страны, прежде всего Китай, уже в 70-х годах пойти на радикальные реформы и тем заметно подорвать позиции прежде столь высоко чтившейся и тщательно соблюдавшейся утопической доктрины.

Африка южнее Сахары

Африка, при всей несопоставимости этого полуконтинента (южнее Сахары) с метарегионом Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, являет собой, пусть в миниатюре, аналогичную картину. Здесь тоже ясно фиксируются два противоборствующих поля — капиталистическое и коммунистическое. Однако цивилизационный фундамент в Африке неизмеримо слабее, слаба и социальная база власти с ее не институционализированной административной структурой. Поэтому ситуация вакуума здесь власти оказалась почти перманентной, а роль

внешних воздействий, случайных обстоятельств огромной. Иными словами, все сорок с лишним молодых государств Тропической и Южной Африки с самого своего появления на свет были легко подвержены влиянию извне. Не имея иммунитета, они покорно воспринимали тот или иной поток идеологического или политического влияния, который затем мог перекрываться противоположным по характеру. Только после этого многие из африканских стран обретали, наконец, желанный иммунитет.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что влияние марксистского социализма было в Африке очень заметным с первых же шагов деколонизации. О причинах этого уже немало было сказано. Но важно добавить, что в ряде случаев это влияние держалось на прямом и активном вмешательстве, как то было в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Намибии, где на протяжении десятка, а то и полутора десятков лет шли непрерывные войны и соответственно потоком шло советское оружие, не говоря уже о специалистах, а то и солдатах, вроде кубинцев в Анголе. Впрочем, это же влияние, пусть в иной форме, ощущалось и в других странах вроде Танзании, Ганы, Гвинеи, Мадагаскара, Мали, Зимбабве. Список можно продолжить, но ситуация и без этого ясна: Африка оказалась податлива для распространения коммунистических идей. Правда, для закрепления там этих идей она была непригодна.

Капиталистическое влияние тоже не имело благодатной почвы для успеха в Африке. Но иммунитет, вырабатывавшийся по мере разочарования в марксистском социализме, способствовал его усилению. Иллюзии, связанные с утопическими идеями, улетучивались, а реалии жизни вынуждали прошедшую через эксперименты страну выбирать наконец рыночно-капиталистический путь. Чем дальше, тем большее количество африканских стран проходило этот тяжелый путь, а общий кризис марксистского социализма на рубеже 80 — 90-х годов окончательно прояснил все связанные с прошлыми заблуждениями проблемы. На сегодняшний день баланс политических сил в Африке убедительно свидетельствует о крахе иллюзий. Коммунистическое поле напряжения практически исчезло или исчезает буквально на глазах. Его место уверенно занимает поле капиталистическое. Однако это еще отнюдь не означает, что Африка быстро превращается в сумму буржуазных государств. Для этого у молодых африканских государств многого еще не хватает. Одно Африка имеет в достатке — горький опыт недавних заблуждений.

Этот опыт совершенно по-новому ставит сейчас проблему взаимоотношений негритянских стран Африки с ЮАР. Дело даже не только в реформах, направленных на изживание апартеида, хотя эти реформы сыграли едва ли не решающую роль в изменении отношения к ЮАР во всем мире. Дело еще и в том, что ЮАР — это витрина капитализма в Африке и что по мере разочарования в коммунистических иллюзиях Африка все более внимательно смотрит на

эту витрину. Показательна в этом смысле судьба маленькой Намибии. На протяжении многих лет намибийских повстанцев содержали и соответственно ориентировали силы марксистско-социалистические. Поле коммунистического напряжения на юге Африки было огромным. Стоит в этой связи напомнить, что в Москве, где не было посольства ЮАР, было представительство АНК, через которое осуществлялось сильное воздействие на южноафриканские дела. Но стоило только найти решение намибийской проблемы, как тот же С. Нуйома, глава намибийских повстанцев, став президентом Намибии, резко изменил свой политический курс. Правда, по времени эта перемена совпала с тем самым общим кризисом марксистского социализма, о котором не раз упоминалось. Однако сам факт показателен: придя к власти, Нуйома заботится не об идеях коммунизма, а о практической выгоде. Практическая же выгода диктует не только хорошие, но прямо-таки близкие отношения Намибии с ЮАР. И очень похоже на то, что уже в скором времени малонаселенная, но весьма богатая ресурсами Намибия станет примерно такой же витриной африканского капитализма, что и ЮАР.

В этой связи еще раз обратим внимание и на Зимбабве, чей президент Р. Мугабе на словах продолжает провозглашать свою преданность идеям марксистского социализма, а на деле давно и весьма успешно осуществляет политику поощрения рынка и частной собственности, причем делает это не только по условиям Лондонского соглашения, но явно с трезвым пониманием реальности, т. е. так же, как и намибийский Нуйома. Быть может, нет оснований утверждать, что такая политика в случае с Мугабой является результатом резкого изменения баланса сил в Африке и практического исчезновения там присутствия СССР с его военной помощью, что представляется совершенно очевидным в случае с Нуйомой. Однако сам факт впечатляет. Он еще раз убедительно свидетельствует о том, что коммунистическое влияние в Африке исчезает, если уже не исчезло вовсе.

Исламский Восток

Страны исламского Востока и прежде всего государства арабского мира, в отличие от молодых негритянских государств Африки, давно уже до предела институционализированы в рамках жестких властных структур. И если принять, что многие страны исламского Востока долгие годы были близки к СССР и что поле коммунистического напряжения постоянно как бы окутывало мир ислама, теоретически можно было бы ожидать, что тоталитарные нормы марксистского социализма с легкостью овладеют этим миром. Однако ничего подобного не произошло, хотя и было приложено — прежде всего со стороны СССР — для этого немало усилий. Конечно, кое-какие успехи марксистский социализм в мире ислама все же может записать

на свой счет: Египет времен Насера, Южный Йемен 70 — 80-х годов, с оговорками Алжир и тем более Афганистан. Но достаточно внимательно взглянуть на этот перечень, чтобы убедиться в том, что эти успехи мнимые, что они как раз подчеркивают полный провал марксистского социализма в мире ислама, причем провал быстрый и бескомпромиссный. Почему же так?

Объяснение достаточно простое, хотя для того, чтобы его понять и принять, нужно было отрешиться от прямолинейных истматовских позиций, коими руководствовались советские руководители, определявшие контуры политики в мире ислама. Ведь то несомненное обстоятельство, что между традициями ислама и лозунгами, а еще больше реалиями марксистского социализма есть немало общего и что общее здесь — прежде всего в привычной жесткости деспотизма власти, в бесчеловечности произвола администрации, в приниженности индивида и т. п., как раз и означало, что исламский мир не приемлет, не в состоянии принять марксистский социализм. Ислам — религия сильная и жесткая, даже не столько религия, сколько образ жизни. Религия здесь заменяет и идеологию, и политику, к тому же она нетерпима по отношению к любым иным идеям и несовместима с ними. Да и зачем, в самом деле, воспринимать марксизм с его лозунгами и идеями (не забудем, что марксизм — идеология западная, чуждая по происхождению), если ислам проповедует практически почти то же, не говоря уже о том, что ислам лучше просто потому, что он свой?!

Руководители коммунистического лагеря не очень-то разбирались в тонкостях ислама (и потому, к слову, часто и жестоко просчитывались, особенно в Афганистане). Но они хорошо сознавали, что ислам духовно и институционально близок к марксизму именно в том, о чем только что упоминалось. Поэтому ставка делалась не только и даже не столько на тех, кто, наподобие слабого и малонаселенного Южного Йемена, открыто примкнул к коммунистическому лагерю, сколько на те сильные режимы, которые склонялись к различным вариантам исламского социализма или национал-социализма. Диктаторы Сирии, Ливии и особенно Ирака всегда были духовно близки правителям стран коммунистического лагеря, причем это ощущали обе стороны. Сходство позиций по отношению к ненавистному еврокапитализму как структуре и буржуазной демократии как ее политической форме сближало упомянутых диктаторов с коммунистическим миром и позволяло им рассчитывать на щедрую помощь с его стороны, которая лилась потоками, особенно если иметь в виду вооружение и вообще все, служащее милитаризации соответствующих арабских стран.

Важно оговориться, что ненависть к капитализму и буржуазно-демократическим нормам гибко сочеталась в этих арабских странах с экономическим прагматизмом, причем не только во всем том, что касалось умелого использования нефтедолларов, но и вообще в эко-

номической политике. Не будучи связанными нелепыми догмами марксизма о частной собственности и капиталистическом рынке, диктаторы в странах арабского Востока охотно допускали умеренное развитие того и другого, продолжая при этом в традиционном восточном стиле жестко их контролировать. Эта политика в сочетании с нефтедолларами выгодно отличала если и не всегда процветающее, то вполне жизнеспособное хозяйство соответствующих стран. И важно в этой связи специально подчеркнуть, что правители стран, о которых идет речь, стремились и продолжают стремиться сделать из своих режимов нечто вроде третьей силы, не капиталистической и не коммунистической. В этом смысле рядом с ними стоило бы поставить и Иран, наиболее последовательно осуществляющий именно такого рода политику.

Именно усилиями лидеров агрессивных стран арабского и вообще исламского мира биполярная структура мирового баланса сил за последние четверть века начала деформироваться, по меньшей мере в регионе Ближнего Востока. Оба поля напряжения, капиталистическое и коммунистическое, активно боролись за воздействие на Ближний и Средний Восток. Оба имели там определенные позиции, сталкивались друг с другом в борьбе, но при всем том именно в этом едва ли не наиболее хрупком для дела мира регионе сказывалась ограниченность силы обоих полей, к тому же явно нейтрализовавших одно другое. Можно даже сказать, что на Ближнем Востоке закладывались основы для своего, третьего, воинственного исламского поля напряжения, противостоявшего не без успеха двум главным полям. А центром, ядром, связующей силой и больным местом нового поля была и остается Палестина. Вот на этой-то болезненной для исламского ближне- и средневосточного мира проблеме и решили было сыграть руководители коммунистического лагеря. Расчет был прост, даже примитивен: поддержав палестинцев и резко осудив Израиль, лагерь коммунизма завоюет поддержку воинственных арабских режимов, превратит мир ислама в своего союзника и тем самым ослабит мир капитала. И если идеи коммунизма не воспринимаются на исламском Востоке, то прагматическая выгода должна взять свое.

Надо сказать, что до известной степени эти расчеты оправдались. В острой проблеме Палестины позиции коммунистов были предпочтительнее. Связи с арабским миром становились достаточно тесными, хотя и экономически выгодны именно арабам, не очень-то торопившимся оплачивать счета, например, за советское оружие, потоком шедшее в наиболее агрессивные арабские страны. Но достаточно быстро, особенно после начала нефтяного бума, выяснилось, что влиятельная часть арабского мира, аравийские монархии, сделали открытую ставку на капитализм. Выяснилось также, что без капиталистических арабских нефтедолларов агрессивные антикапиталистически настроенные режимы просуществовать уже не могут. Иранская революция внесла в нарушавшийся тем самым

баланс сил свой заметный вклад, резко выступив как против капитализма, так и против коммунизма. В результате стратегические расчеты стали рушиться, а позиции коммунизма на Ближнем Востоке быстро ослабевали.

Рубеж 80 — 90-х годов завершил начавшийся процесс. Кризис марксистского социализма в планетарном масштабе практически снял с повестки для проблему противостояния двух враждующих сил. Влияние агонизирующего лагеря коммунизма быстрыми темпами шло к нулю. Авантюра иракского Хусейна продемонстрировала ярче всего, что этого лагеря больше нет, тогда как капитализм по-прежнему процветает и при этом достаточно силен, чтобы дать хороший урок любому агрессору. Логическим результатом разрядки напряженности в зоне Ближнего Востока стал разгром войск Хусейна с последующим ростом престижа Израиля и установлением с ним дипломатических отношений странами бывшего лагеря коммунизма. Жесткая конфронтация в регионе, видимо, подходит к концу. Начинается период поиска компромиссов, прежде всего в решении проблемы Палестины.

Южная Азия

Индия и соседние с ней страны, включая те, что отошли от нее в процессе деколонизации, с первых же послевоенных лет были устойчивой зоной развития по капиталистическому пути. Цивилизационный фундамент здесь оказался принципиально неблагоприятным для экспериментов в марксистско-социалистическом духе, при всем том, что в Индии есть две влиятельные компартии, одна из которых многие годы провела у руля правления такого штата, как Бенгалия, с ее столицей в Калькутте. Можно даже сказать, что индийские коммунисты настолько цивилизованны, что больше заботятся об успехах демократической администрации в той же Калькутте, чем о реализации кардинальных тезисов марксизма (уничтожение частной собственности и буржуазной демократии). Зато занесенные в Индию англичанами демократические традиции хорошо вросли в местную структуру, упрочив иммунитет по отношению к эгалитаристским и тем более революционаристским доктринам. Постепенно трансформируясь в сторону рыночно-частнособственнической структуры, страны Южной Азии, включая и исламские, достигли немалых успехов. Впрочем, это отнюдь не означает, что Индия и другие страны региона полностью интегрированы с капиталистическим Западом и готовы слиться с ним во всех отношениях. Отнюдь.

Хотя регион Южной Азии не противопоставляет себя миру развитых капиталистических стран и менее всего заботится о создании чего-то вроде третьей силы, чем столь озабочены некоторые ближневосточные режимы, он тем не менее не упускает случая подчеркнуть свой нейтралитет. Индия — крупнейшая из так называ-

емых неприсоединившихся стран. И хотя смысл неприсоединения в условиях исчезновения коммунистического лагеря как бы испарился, факт остается фактом: Южная Азия существует как бы сама по себе, сама выбирает свое место в общемировом балансе сил, включая отношения с Западом, СССР (теперь — Россией и иными республиками бывшего Союза) и Китаем. При этом внутри региона есть свои разногласия и напряженные отношения, например между Индией и Пакистаном, двумя крупнейшими странами Южной Азии.

Специфика цивилизационного фундамента и нейтралистской политики региона, особенно самой Индии, заметно уменьшают роль Южной Азии в мировом балансе сил. Коммунистический лагерь никогда всерьез на успехи в этом регионе не рассчитывал, капиталистические страны не боялись его утратить и легко смирялись с нейтральным его статусом, видя в нем резонно залог некоей стабильности. За Индию никто и никогда не вел и не ведет борьбу, как за Ближний Восток или Африку, ибо здесь все было до предела ясным. Можно даже сказать, что здесь никогда не было того вакуума власти, которым отличались многие другие страны Востока. И вовсе не потому, что государства Южной Азии традиционно сильны,— как раз напротив, они традиционно слабы, и об этом уже шла речь. Все дело в том, что государства с их стабильным политическим курсом устойчиво и надежно всегда опирались на привычные нормы существования и отвечали в своей политике этим нормам. И коль скоро о вакууме силы и власти говорить не приходится, то отсюда вытекает, что в этом обширном регионе практически не было сколько-нибудь значительных полей напряжения, ни коммунистического, ни капиталистического. Просто тех зерен, что посеяли в свое время колонизаторы-англичане, оказалось достаточно, чтобы в Южной Азии проросли капиталистические всходы.

* * *

Резюмируя все сказанное о роли внешних влияний и полей идеологического напряжения на постколониальный Восток, легко сделать вывод, что вакуум власти был не везде. Его практически не было в мире ислама, где власть традиционно внутренне сильна, и в Южной Азии, где она традиционно слаба. Зато вакуум оказался решающим фактором в Африке с ее неинституционализированной структурой и в ослабленном колонизацией, а затем японской агрессией в метарегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Наличие или отсутствие вакуума силы и власти сыграло свою едва ли не решающую роль в том, что в процесс естественной вызванной веками колониализма трансформации традиционного Востока по еврокапиталистической рыночной модели вторгся силовой фактор коммунистического эксперимента.

Созданное этим влиятельным фактором мощное силовое поле своим напряжением воздействовало как раз на те регионы, где был вакуум власти и где цивилизационный фундамент в силу разных причин оказался подходящ для социальных экспериментов по-марксистски. Начатые в XX в. в России эксперименты были продолжены в Китае, Корее, во Вьетнаме и ряде стран Африки, не говоря уже о Кубе или небольшом Никарагуа в Латинской Америке. На первых порах процесс отпадения от нормы и присоединения к коммунистическому лагерю одной за другой все новых стран не ощущался чересчур болезненно. Позже, однако, он стал вызывать заметную обеспокоенность, особенно среди тех, кто хорошо знал, что такое коммунистический лагерь, кто испытал на себе все прелести ГУЛАГа. Но уже с конца 70-х и особенно в 80-х годах процесс прекратился и, более того, дал обратный ход, причем чем дальше, тем ощутимее. Почему?

Можно было бы просто ответить на этот вопрос, что сила коммунистического лагеря стала иссякать, а притягательность его в глазах стран Востока резко упала. И этот ответ был бы совершенно справедливым. Но остался бы другой, вполне закономерный вопрос: а почему именно так? Почему лагерь ослаб? Что обусловило его упадок и как именно это ощутили на себе те страны Востока, которые оказались к нему причастны? В самом общем виде об этом уже шла речь, и не раз. Но стоит взглянуть внимательнее на те механизмы, которые привели к известному всем результату. Или, иначе говоря, почему коммунистический эксперимент провалился? Обязательно ли он должен был провалиться? Каковы, если так, его внутренние пороки?

Глава 15

Социализм и национализм на Востоке

Многие из стран современного Востока — их явное большинство — так или иначе отдали дань социалистическому выбору. И хорошо, если это был немарксистский социализм типа дестуровского в Тунисе. Но в подавляющем большинстве речь идет либо прямо о марксистском социализме, либо о близких к нему типах деспотического социалистического режима (Сирия, Ирак, Ливия), в лучшем случае в несколько смягченном варианте (Зимбабве, Алжир, Индонезия).

О том, чем именно привлекал к себе отсталые страны Востока марксистский социализм и как воздействовало на эти страны созданное лагерем коммунизма поле идеологическо-политического напряжения, включая подчас и прямое вмешательство во внутренние дела тех или иных стран Востока, речь уже шла. Можно добавить к сказанному, что в пользу марксистско-социалистического или близкого к нему пути работало много разных факторов, как специфических

для данной страны, региона, цивилизации, так и общих для всего Востока, для всего неевропейского мира. То общее, что имеется в виду,— это прежде всего объективная несовместимость неевропейских стран с еврокапиталистической структурой и совместимость с марксистско-социалистической. Обращая внимание на это обстоятельство, существенно заметить, что и марксистский социализм со своей стороны — пусть не как доктрина (ибо доктрина разрабатывалась как раз для развитых стран капиталистической Европы), но как практическая ее реализация — оказался пригодным именно для неевропейского мира, начиная с России. Ни в одной из развитых стран европейской культуры марксизм не победил — разве что некоторым из них был навязан силой, как в Восточной Европе. И это не случайно. Он оказался несовместимым с европейской традицией, системой ценностей, внутренней структурой, а потому и не имел шансов на успех, что с горечью ощутил сам творец доктрины на склоне своих лет. Зато марксизм победил в России, где структура была переходной, где шел процесс, аналогичный тем, что испытывали в ту же эпоху иные страны Востока, от Японии до Турции, и где в кризисной ситуации вакуум власти был компенсирован жестким идеологическим прессом (имеются в виду не только большевики, но и вся ориентация страны, прежде всего ее интеллигенции, ее мыслящей части, на революцию).

Докапиталистическая, традиционно-восточная в основе своей структура России, в которой капитализм был еще крайне слаб, несмотря на успехи промышленности после великой реформы Александра II и преобразований Столыпина в сельском хозяйстве, оказалась не только совместимой с марксистско-тоталитарной, она совпала с ней по вектору, ибо обе были резко против капитализма. И это сыграло роковую роль в судьбах России. Стоит в этой связи вкратце рассмотреть, как проявила себя марксистско-социалистическая модель развития в России, ибо в конечном счете именно она стала в XX в. эталоном для подражания в неевропейском мире.

Марксистский социализм в России

Модель, о которой идет речь, чаще всего ассоциируют с именем Сталина, сыгравшего решающую роль в ее реализации. Однако начали работу в том же направлении и действовали теми же методами Ленин и Троцкий, возглавившие в свое время большевистский переворот в России и навязавшие измученной и ослабленной стране режим военного коммунизма. Только неминуемый крах, ожидавший этот режим в 1921 г., симптомом чего был кронштадтский мятеж моряков революционной Балтики, заставил большевистских вождей ввести в стране нэп, позволивший ей вздохнуть и начать жить по-человечески. Однако нэп, как известно, был лишь передышкой. Возглавивший затем большевиков Сталин достаточно скоро отказался от послаблений и стал быстрыми темпами завинчивать гайки, возвра-

щая страну к угасшему было режиму военного коммунизма, принявшему внешне чуть иной облик. Не останавливаясь на деталях, несколько слов о сути той модели, что была создана Сталиным в 20 — 30-х годах и с незначительным изменениями просуществовала более полувека.

Были ликвидированы частная собственность и свободный рынок, весь экономический механизм оказался сконцентрированным в руках всесильного государства, которое взяло на себя, естественно, и функции до предела централизованной глобальной редистрибуции. Процесс концентрации власти и экономических функций сопровождался введением режима жесточайшей диктатуры, социального (против целых классов и слоев населения) и политического (против инакомыслия или неподчинения властям) террора. Сильнейшая индокринация, возможная лишь в век развитых средств массовой информации, спекулировала на иллюзиях революционного порыва к светлому будущему. Одураченный лозунгами народ ориентировался на скорейшее преодоление трудностей и строительство основ нового общества в условиях неслыханного перенапряжения сил при нищенском уровне существования. И многие искренне верили в лозунги, были готовы все отдать во имя светлого будущего.

Для тех, кто не верил или верил недостаточно активно, в ход пускался тщательно разработанный, утонченный до изуверства механизм принуждения. Речь идет не просто о запугивании, стремлении пресечь любое недовольство. Режим создал индустрию репрессий — ГУЛАГ и все обслуживавшие его органы, бравшие за образец ленинских чекистов. Был создан и воплощался в жизнь нормативный принцип всеобщей слежки и взаимного доносительства с наказаниями за недонесение. Все это привело к тому, что людей сковал страх, который сделал из них рабов режима, а подгонявший рабов кнут репрессий заставлял их работать, причем много, до изнеможения.

Вера, с одной стороны, и страх — с другой, а также репрессии и постоянное сверхперенапряжение — все это были составляющие того зримого успеха, которым могли похвастать коммунисты, особенно в 30-е годы, когда закладывалась основа военной индустрии Советского Союза. Война с фашистской Германией, ведшаяся в том же режиме перенапряжения и с тем же бездумным расточительством человеческих ресурсов, лишь усилила генеральные принципы сталинской модели, как бы доказав миру ее преимущества. Послевоенное время перемен измученной стране в этом смысле не принесло. Но зато именно в это время страна оказалась на пределе своих возможностей, и это объективное обстоятельство не преминуло сказаться сразу же после смерти Сталина.

Дело в том, что основанный на перенапряжении населения командно-административный режим в его тоталитарной модификации может приносить сколько-нибудь позитивные результаты недолго, не более срока жизни одного попавшего под его безжалостные колеса

поколения. Энтузиазм следующего поколения неизбежно ослабевает, вера в достижение быстрых результатов при сверхперенапряжении сил у него исчезает, а страх без веры и энтузиазма перестает безотказно действовать, все чаще дает сбои. В условиях отсутствия хоть какого-то рынка, выполняющего функции кровеносной системы социально-политического организма, когда заменой рынка выступает именно сверхперенапряжение (нечто вроде искусственного кровообращения), социальная структура быстро и резко ослабевает, оказывается на грани катастрофы. Нужны срочные меры по спасению. Какие же?

Нужен спасительный рынок. И в условиях общего ослабления социально-политического организма и его органов, включая и репрессивные, в условиях исчезновения веры и тотального страха рынок появляется. Но нелегальный, черный, со временем разрастающейся до уровня второй — теневой — экономики, берущей на себя обслуживание населения. Параллельно с теневой экономикой проявляется осмелевшая от страха репрессий, столь свойственная командно-административному режиму бюрократия, тесно связанная с дельцами теневой экономики в единую мафиозного типа суперструктуру.

Казалось бы, есть рынок, пусть черный, значит, вот оно, спасение! Но не тут-то было. Бюрократия и при черном рынке олицетворяет собой все то же государство, ту же власть, ту же систему тотальной редистрибуции. А причастность экономики к власти принципиально несовместима с экономической эффективностью хозяйства, ибо бюрократ не заинтересован ни в прибыли, ни в открытом рыночном регулировании, ни в сбыте товаров, произведенных на предприятии, которым он руководит. Его зарплата зависит не от рынка или сбыта, не от качества либо конкурентоспособности произведенного товара, а от регулярных выплат из казны. Примерно так же обстоит дело с теми, кто работает на предприятии и производит товар: не качество и конкурентоспособность, но количество товара, вал определяют норму выработки и соответственно заработок. Бюрократ может при этом погреть руки на связях с дельцами теневой экономики, но эффективности экономике в целом это не добавит.

Экономическая неэффективность, являющаяся следствием такого рода хозяйственного механизма, ведет к развалу народного хозяйства, к развращению отвыкающего от качественного труда работника, не заинтересованного в хорошей работе и потому не включающего всех своих потенций. А без экономического интереса, реализуемого на свободном рынке, структура в целом приходит в состояние стагнации. Правда, черный рынок, теневая экономика включает те потенции, которые оказались ненужными экономике государственной. Именно здесь на первое место выходит интерес, который не работает там, именно здесь имеет первостепенное значение качество товара. Но теневая экономика потому и теневая, что официально существовать

не может, ибо основана на рынке и частной собственности, официально системой не признаваемых и преследуемых в уголовном порядке. Для того, чтобы все-таки существовать в таких условиях, свыше половины своих доходов дельцы теневой экономики вынуждены отдавать на подкуп представителей власти. Результат очевиден: тотальная коррупция администрации и не только стагнация, но и гниение структуры в целом.

Весь этот путь проделала наша экономика, причем последние его этапы характеризовались лихорадочным стремлением отдать все средства страны на военную индустрию, что окончательно изуродовало баланс народного хозяйства. Только гигантские доходы от нефтедолларов удерживали страну от окончательного краха в 70 — 80-х годах. Но и нефтедоллары кончались, что сыграло существенную роль в наступлении эпохи кризиса первой в истории страны марксистского социализма. Крушение марксистского социализма в СССР было шоком для всего мира, ибо резко изменило баланс сил, превратило привычную в XX в. биполярную его структуру в нечто иное — то ли монополюсную, то ли многополюсную, что в условиях огромного количества накопленного в развалившемся СССР оружия массового уничтожения оказалось весьма небезопасным для всего мира. Но проблемы развалившегося СССР — иная тема. Для уяснения же проблем современного Востока важно обратить внимание на то, как воплотившаяся в СССР марксистско-социалистическая модель эволюции проявила себя в тех странах, которые, будучи завороженными ею, решились повторить у себя этот губительный для любого социума, в том числе и для привыкшего к командно-административной структуре, рискованный, хотя и для многих притягательный социальный эксперимент.

Марксистско-социалистический режим на Востоке

Официальная марксистская историография — и в этом с ней вполне можно согласиться — подлинно марксистско-социалистическими считала лишь несколько неевропейских стран: Китай, Северную Корею, Вьетнам, Кубу. Особый статус у Монголии. Иногда с оговорками в это число включались такие страны, как Лаос, Камбоджа, с еще большими оговорками — Ангола, Эфиопия, Никарагуа. Остальные страны с марксистско-социалистическими режимами обычно относились к разряду стран «социалистической ориентации» — категория весьма расплывчатая, о чем речь впереди. Обратим прежде всего внимание на три основные из названных стран, о которых специально уже шла речь и которые могут считаться олицетворением марксистско-социалистического режима в странах современного Востока. В чем их путь схож с советским и в чем от него отличен?

Прежде всего сформулируем специфику российского пути. Россия была первой, причем эксперимент здесь затянулся почти на три четверти века, т. е. захватил срок жизни нескольких поколений. Синдром враждебного окружения и агрессивность режима вызвали к жизни в нашей стране уродливую экономику, работающую почти исключительно на войну. Мир не знает ничего подобного советскому ВПК: своими щупальцами он опутал всю страну, забрав себе все самое ценное в ней. Последние десятилетия при столь уродливой экономике страна выживала только за счет нефтедолларов, пока не иссякли и они. Наконец, в мире нет ничего похожего на наше сельское хозяйство с его крепостнической системой колхозов, которая довела русскую деревню до разорения и обезлюдения, а всю богатую природу России — да и не только собственно России — до трагического разрушения, экологической катастрофы. Существенно заметить, что все приведенные черты, признаки и особенности нашего пути следует воспринимать не по отдельности, но именно в комплексе. Подобного не было более ни у одной из стран Востока, избравших наш путь.

Во всех них эксперимент был сравнительно недолог, в пределах тридцати-сорока лет, если считать до начала радикальных реформ (разве что в КНДР он затянулся несколько дольше). Ни у одной из них не было синдрома враждебного окружения, при всем том, что страны, о которых идет речь, вели реальные войны и, если иметь в виду Китай и Корею, до сих пор активно противостоят своим более удачливым некоммунистическим южным частям. При всех непропорционально больших затратах на войну и милитаризацию общества ни у одной из них нет ВПК, хоть отдаленно сравнимого с нашим, даже с учетом масштабов страны. Но самое главное — во всех них сохранилось крестьянское население. Над ним измывались, его мучили экспериментами, но оно все же выжило. И стоило в Китае или во Вьетнаме начать рыночные реформы, как крестьяне первыми поняли, что от них требуется, и энергично взялись за производство и рыночный обмен, что и позволило реформам быстро набрать силу и дать результаты.

Все перечисленное, что отличает марксистско-социалистические режимы в странах Востока от советского, говорит об одном: им легче было реформировать марксистские режимы и, выйдя из тупика, вернуться к исходному стартовому рубежу. Однако на этом разница кончается. Остальное — в общности судеб. Как и СССР, все перечисленные страны (в том числе Куба, с оговорками Ангола и Эфиопия, Лаос и Камбоджа) испытали на себе, что такое структура без частной собственности и свободного рынка, которые замещаются жестким тоталитарным режимом с гипертрофированной экономической и редистрибутивной функцией, с жесткой социальной дисциплиной и суровыми репрессиями за малейшее отклонение от строго сформулированной нормы. Как и в СССР, в них после первых

связанных с верой и энтузиазмом успехов в строительстве новой жизни — к тому же при помощи СССР — возникло естественное разочарование в достигнутых результатах и резко упали производительность труда, результативность экономического развития. Всюду развилась бюрократическая администрация, в большей или меньшей степени теневая экономика, основанная на черном рынке и коррупции власти. Люди постепенно переставали хорошо работать и производить качественные изделия. В Китае, например, вскоре после реформ 1978 г. в печати стали раздаваться жалобы на то, что за годы экспериментов люди разучились хорошо трудиться и что молодому поколению следует учиться качественному труду заново.

Словом, все пороки, имманентные системе, которая стоит на тотальном огосударствлении экономики и самого человека, проявили себя в полной мере в каждой из стран Востока, где был установлен марксистско-социалистический режим. Разумеется, у каждой из стран были своя судьба, свои особенности. Но все они, включая Кубу и КНДР, которые пока еще из последних сил пытаются стоять на своем, прошли один и тот же сходный с советским путь. Во всех них первоначальные энтузиазм и вера, сопровождавшиеся репрессиями и животным страхом, некоторое время давали определенный эффект. Затем наступил период сомнений, неуверенности, потери энтузиазма и, как результат, экономических трудностей, перераставших в тяжелый кризис. Попытки половинчатых реформ, как правило, лишь усугубляли положение, как и новые рискованные эксперименты типа маоцзэдуновских в Китае. По-прежнему подавлялись частная собственность и черный рынок, причем в отдельных случаях, как на Кубе и КНДР, весьма решительно. Словом, при всех существенных различиях в конкретике каждый марксистско-социалистический режим за несколько десятилетий своего существования испытал на себе одни и те же внутренние пороки утопической доктрины, которую он пытался воплотить в реальность. Каждый прошел свой крестный путь и оказался в итоге в состоянии мучительной стагнации, если не явного гниения.

Преимущества по сравнению с СССР, о которых говорилось выше, позволили марксистско-социалистическим режимам Востока, хотя и не всем, найти выход из тупика в радикальных реформах, коренным образом менявших внутреннюю структуру и де-факто кончавших с марксистской утопией. Такого рода реформы в Китае начались после смерти Мао, в 1978 г.; во Вьетнаме — позже, в 80-х. Сегодня они проводятся также и во многих других странах, жестко или не очень жестко следовавших по пути марксистского эксперимента. Реформы всюду идут достаточно успешно, причем их успеху содействует прежде всего то обстоятельство, что уставшие от экспериментов люди еще не забыли старую, до социалистических экспериментов жизнь, пусть даже в условиях по-восточному контролируемого рынка. Этот-

то рынок и восстанавливается в странах, о которых идет речь, в первую очередь.

Иными словами, все марксистские режимы сделали из тупика, в котором они оказались, шаг назад. Этот шаг и позволил им обрести твердую почву под ногами и начать движение вперед, но теперь уже по принципиально иному, капиталистическому пути. Разумеется, вслух об этом предпочитают не говорить: публичный отказ от доктрины означал бы вынужденный уход руководства от власти с угрозой для судеб многих тысяч, а то и миллионов ретивых администраторов и тем более идеологов, ревностно эту доктрину реализовывавших. Однако сам факт, что лидеры обанкротившегося режима сохраняют свою власть и даже продолжают рассуждать о марксистском социализме, означает, что радикальные реформы в соответствующих странах идут сравнительно легко и безболезненно — в отличие от того, что было в СССР.

Обобщая ситуацию, можно заключить, что марксистско-социалистические режимы на Востоке в силу ряда причин не сыграли здесь той роковой роли, что аналогичный режим сыграл в России. Неизвестно, как будет обстоять дело с теми странами, которые не пошли по пути спасительных реформ. Затяжка с этим явно будет содействовать более болезненному для страны выходу из тупика. Но относительно КНДР можно прогнозировать, что скорее всего ее ждет судьба ГДР,— и это несколько обнадеживает, ибо в любом случае спасает положение. Одно несомненно: даже не принесший необратимого ущерба страшный социальный эксперимент губителен для каждой втянутой в него страны. Годы, ушедшие на него,— это потерянные годы, не говоря уже об уничтоженных людях, искореженных судьбах, изуродованных социопсихологических стереотипах. Конечно, можно козырять некоторыми индустриальными достижениями. Но согласимся, что на убедительном фоне аналогичных и много более существенных достижений южных частей тех же стран, о которых идет речь (прежде всего имеются в виду Тайвань и Южная Корея), эти козыри оказываются безнадежно битыми. Банкротство марксистских режимов очевидно.

Сказанное означает, что внутренние пороки системы, соответствующие букве и духу доктрины (прежде всего отказ от частной собственности, свободного рынка, буржуазной демократии, защиты прав и свобод индивида со ставкой на силу обезличенного коллектива, не говоря уже о культе одного класса и его диктатуры), не есть случайный результат, некое отклонение от марксистской истины. Это важно подчеркнуть, ибо у доктрины во многих странах все еще есть сторонники, склонные списывать ее неудачи на бездарное воплощение либо отклонения от нормативного эталона. Опасное заблуждение! Чтобы развеять его, стоит специально обратить внимание на ту группу стран Востока, где был открыт в силу ряда причин широкий простор для поисков и вариантов и где не следовали слепо советскому

либо китайскому эталону, но, принимая советскую, китайскую и любую иную помощь, старались творчески, по-своему использовать те преимущества марксистской доктрины, которые всем ее сторонникам представляются именно ее преимуществами (огосударствление экономики, коллективизм труда и быта, высокий уровень социальных гарантий вплоть до социального иждивенчества и т. п.). Речь пойдет о многочисленной группе стран так называемой «социалистической ориентации».

Страны «социалистической ориентации»

Еще раз стоит в самом начале заметить, что принципиальной грани между жесткими марксистскими режимами и странами, ориентирующимися на марксизм, нет. Не потому, что нет разницы; она есть и вполне ощутима. Но прежде всего потому, что одна и та же группа стран (упоминавшиеся уже Ангола и Эфиопия, Лаос и Камбоджа, Никарагуа) может быть с оговорками отнесена и к той, и к другой категории. Только при отнесении ее к первой категории нужны одни оговорки, при отнесении ко второй — иные. Связано это с тем, что группа стран, о которой идет речь, характеризуется неустоявшимся режимом, чаще всего в сочетании с экстремальной ситуацией перманентной войны, когда стоит задача не столько последовательно воплощать в жизнь утопические требования доктрины, сколько находить оптимальные варианты для выживания.

Но есть и другая группа стран, ориентировавшихся на марксистский социализм. Это преимущественно страны Африки, включая в разные периоды их современной истории Мали и Гвинею, Гану и Танзанию, Конго и Мадагаскар, Египет и Зимбабве, да и ряд других. Это упоминавшийся уже Южный Йемен, может быть, еще некоторые страны — опять-таки в разные периоды их современной истории. Главное отличие режимов этих стран от жестких марксистско-социалистических в том, что все они так или иначе стремились с самого начала их «социалистической ориентации» в сторону марксизма сочетать генеральные установки доктрины с ее отношением к частной собственности, рынку, индивиду и коллективу с различного рода послаблениями в сфере мелкой частной собственности, ограниченного рынка и т. п. С марксистскими режимами, кроме прочего, всех их сближал нарочитый акцент в сторону огосударствления экономики, а то и национализации основной ее части. Кроме того, сближающим фактором всегда была идеологическая жесткость, опять-таки во многом восходившая к нормам марксистской доктрины, пусть не по букве, но по духу, как то было, в частности, в Египте при Насере, когда компартия официально была запрещена, а власти действовали в близком к марксистскому духу стиле. Нечто подобное, пусть с оговорками, можно сказать и о Бирме, и об Алжире.

Для всех этих стран характерны сильное политическое и идеологическое воздействие на них со стороны лагеря коммунизма и постоянная помощь оружием, хотя и не только им. Лидерам Танзании и некоторых других африканских стран явно импонировала идея кооперации по-марксистски, коллективизации сельского хозяйства, которая и была в наиболее последовательной форме воплощена в танзанийской системе уджамаа. На правителей Ганы в 60-х годах произвела впечатление плановая система управления экономикой (был принят 7-летний план в 1962 г.). Аналогичный интерес к плану по-марксистски проявил в 80-х годах Йемен. О помощи Египту при Насере и говорить не приходится — она была разнообразной и объем ее был весьма велик, начиная от поставок оружия и кончая Асуанской плотиной. Но даже в тех странах, где помощь и влияние со стороны коммунистического лагеря были относительно слабы, будь то Алжир или Бирма, косвенное воздействие лагеря (вот оно — поле напряжения) ощущалось и воспринималось, в том числе и при отсутствии заявлений о намерении идти по марксистскому пути.

По-разному страны этой категории находили избранный ими путь. На чаще всего ориентация на социализм по-марксистски была как бы вынужденной, объяснялась отсталостью. В слаборазвитых африканских странах необходимую роль посредника, основного субъекта рыночных связей с внешним миром и в то же время гаранта сохранения жизнеобеспечивающего уровня жизни населения брало на себя государство, которое всегда так или иначе связано с командно-административными методами управления и бюрократической неэффективностью руководства хозяйством. Это, естественно, способствовало консервации старой структуры, т. е. мешало развитию частной экономики и самому принципу конкурентоспособного предпринимательского хозяйства, базирующегося на экономической эффективности. Выход из этого замкнутого круга в 60-х годах многие видели в иллюзии быстрого и легкого решения этой сложной проблемы по-марксистски. Но для стран той категории, о которой идет речь, это была именно иллюзия. Ни у одной из них практически не было шансов рассчитывать даже на те начальные успехи, что продемонстрировали в первые годы коммунистического эксперимента хорошо институционализированные страны с конфуцианским цивилизационным фундаментом. Объясняется это тем, что африканские молодые государства не имели ни такого фундамента, ни той степени институционализации, социальной дисциплины и готовности к перенапряженному труду, какими обладали дальневосточные страны (что касается Египта, то здесь сыграли свою роль иные причины, имеющие отношение к исламу; это же относится и к другим исламским странам, делавшим шаги в сторону ориентации на марксизм).

Там, где не было ни фундамента, ни дисциплины труда, ни административной институционализации, ориентация на социализм

по-марксистски приводила к приостановлению движения вперед по пути развития, к неспособности прокормить себя, наконец, к перманентному более или менее глубокому кризису. Но, так как все это не уходило слишком вглубь и было в немалой степени внешним, искусственным, наносным, то от него сравнительно легко можно было избавиться, что и продемонстрировали миру едва ли не все африканские страны, отдавшие в свое время дань иллюзиям развития по-марксистски. Выход из кризиса был в смене режима либо в реформах, порой в том и другом сразу. Особенно заметным процесс прозрения стал на рубеже 80 — 90-х годов, в период глобального краха марксистского эксперимента во всем мире. Зашедшие в марксистский тупик страны «социалистической ориентации» одна за другой, пятясь, выбирались каждая из своего тупика на исходные позиции и, наученные горьким опытом, начинали движение вперед по рельсам капиталистического рынка.

Общими для всех стран этой категории являются меньшая степень потерь и большая легкость переориентировки, нежели то было со странами первой категории, т. е. жесткого марксистского режима. Здесь многое сыграло свою роль, но главным образом — относительная гибкость политико-стратегического курса, сочетавшего требования доктрины с разумным допущением элементов частной собственности, рынка и всего традиционного образа жизни. Ситуация вакуума силы и воздействие со стороны противостоявшего коммунизму капиталистического поля напряжения тоже играли свою роль, как, впрочем, и влияние ислама и исламской третьей силы (третьего поля) в случае с мусульманскими странами, будь то Египет, Алжир или Йемен.

Немарксистский социализм

Что можно сказать на очевидном фоне внутренних пороков марксистского социализма как доктрины и как реальности о социализме немарксистском? Здесь тоже есть два разных типа, условно обозначим их третьим и четвертым. К третьему типу относятся хорошо известные страны диктаторского, деспотического социализма во всех его модификациях, от национал-социализма Сирии и Ирака через жесткий исламский социализм Ливии до сравнительно мягких социалистических режимов с уклоном в сторону ислама. Снова стоит оговориться, что такие режимы, как алжирский или бирманский, могут быть отнесены не только ко второму, но и к третьему типу социализма, ибо в них марксизм не слишком заметен, а национальный и цивилизационный уклон (в сторону ислама в одном случае, буддизма — в другом) вполне ощутим.

Социалистические страны третьего типа сближают с марксистскими жесткая, близкая к тоталитарной политическая структура, произвол власти, ставка на унифицированность социального

поведения, строгий контроль над инакомыслящими, религиозное рвение поверивших в официальную идею и обязательность репрессий по отношению к тем, кто сомневается или оспаривает ее. Аналогичным является режим Ирана, но он решительно не приемлет самого термина «социализм», считая его несовместимым с подлинным, фундаментальным исламом. Существенно подчеркнуть, что, кроме Бирмы, страны третьего типа — мусульманские. Даже Индонезия, где во времена Сукарно много говорили об «индонезийском социализме», формально тоже может считаться исламской, хотя цивилизационный ее фундамент достаточно сложен. Впрочем, индонезийский вариант при Сукарно был несравненно более мягок, нежели другие, только что охарактеризованные диктаторские социалистические режимы. Можно было бы даже вывести этот вариант из числа режимов третьего типа или, во всяком случае, поместить его где-то между третьим и четвертым.

Для режимов третьего типа социализма (национал-социализма) характерна та особенность, которая отличала страны «социалистической ориентации»: при всей их структурной жесткости, при всем деспотизме и произволе власти эти режимы в принципе существуют в пределах привычной для традиционного Востока нормы с характерными для него мелкой частной собственностью, ограниченным по потенциям рынком и т. п. Более того, эти режимы в принципе допускают и частнокапиталистический сектор в сфере экономики и финансов, хотя этот сектор, как и все прочие, включая мощный государственный, тоже находится под сильным контролем власти — на то она деспотическая власть. Впрочем, здесь тоже нет ничего нового, особенно для исламского Востока. Новое лишь в том, что режимы щедро пользуются социалистической фразеологией и эксплуатируют идею национального или религиозного (исламского) социализма, чем они и отличаются, например, от принципиально не имеющего ничего общего с социализмом режима в Иране.

Но коль скоро так, то — если не акцентрировать внимания на жесткость диктатуры и произвол власти, а также на спекуляцию на социалистических идеях — жизнеспособность режимов, о которых идет речь, несомненна. Именно этим они кардинально отличаются от социалистических режимов первых двух типов, или, иначе, в этом их отличие от нежизнеспособных и утопических, внутренне порочных марксистских режимов. Частнопредпринимательский сектор в странах национал-социализма достаточно активен, причем его активность — как и нефтедоллары — в известной мере компенсирует экономическую неэффективность государственного сектора. Соответственно исламско-социалистические государства внутренне устойчивы и даже способны к некоторому саморазвитию, к заметным успехам. Но значит ли это, что исламский социалистический национализм или вообще социализм диктаторского типа с явно выраженным националь-

ным либо национально-религиозным уклоном оптимален как успешно справляющийся со своими задачами режим на современном Востоке?

Достаточно поставить вопрос в таком разрезе, как ответ становится очевидным. Особенно если оставить в стороне богатые нефтедолларами Ливию и Ирак, снабжаемую достаточно щедро теми же нефтедолларами Сирию и обратиться к Бирме, очевидно продемонстрировавшей миру за несколько последних десятилетий экономическую неэффективность режима. Далеко не случайно бирманские генералы, давно уже стоящие в этой стране у власти, вынуждены были после пробуждения страны в конце 80-х годов начать широкую кампанию реформ примерно того же типа, что и в странах марксистского социализма. Правда, Бирма всегда стояла ближе к марксистскому социализму, чем исламские страны деспотического социализма. Не забудем, что и в принятой здесь классификации Бирма стоит как бы посередине между вторым и третьим типами социализма, относясь к ним обеим. Однако апелляция к бирманскому варианту позволяет предположить, что без нефтедолларов агрессивная политика исламских национал-социалистических стран быстро привела бы соответствующие режимы, при всей их внутренней жизнеспособности, к неминуемому краху. Стоит вспомнить об Ираке, пережившем за последние полтора десятилетия две тяжелые войны, но продолжающем существовать достаточно стабильно именно благодаря нефтедолларам.

Словом, страны немарксистского национал-социализма сильны вовсе не своей игрой в социализм, но национализмом и питающими его нефтедолларами, что хорошо видно на примере рискованных экспериментов в богатой нефтедолларами Ливии, покупающей продовольствие. В этом смысле они сущностно близки Ирану, с социализмом не заигрывающему. И даже более того, как бы расчищают дорогу исламскому фундаментализму. Вспомним и об Алжире, который можно, наподобие Бирмы, классификационно приравнять и ко второму, и к третьему типам социалистических стран Востока. И далеко не случайно здесь поворот от социализма полумарксистской-полуисламской ориентации к фундаментализму готов был совершиться в 1991 — 1992 гг.

И наконец, несколько слов о социализме четвертого типа, о немарксистком социализме социал-демократического, как в Сенегале, или дестуровского, как в Тунисе, характера. Немарксистский социализм четвертого типа распространен на Востоке слабо, и этому есть немало причин. Прежде всего, такой социализм сущностно почти ничем не отличается от капитализма, точно так же, как шведский или австрийский социализм в Европе есть интегральная часть еврокапитализма, его модификация. Но, сближаясь с мягкими формами исламского (например, в индонезийском его варианте) или «африканского» социализма (в разных его модификациях), этот социализм тоже играет свою роль, образуя своего рода левую фракцию в мощном

потоке идей, апеллирующих к национальным, национально-религиозным, национально-цивилизационным ценностям. Идеи, о которых идет речь, далеко не всегда и не везде становились официальным знаменем, как в Тунисе или Сенегале. Но они тем не менее весомо влияют на политику и общественное мнение стран Востока.

Прежде всего имеются в виду националистические идеи. В отличие от националистических идей в Европе, обычно несших в себе заряд буржуазно-демократических преобразований, национализм на современном Востоке характеризуется иным социально-политическим вектором. При всей пестроте составляющих его направлений и фракций это движение отражает реалии современного Востока с его сложными взаимоотношениями между традицией и модернизацией по европейскому стандарту, собственными и заимствованными ценностями. Именно национализм с его апелляцией к интересам не подготовленной к трансформации по еврокапиталистическому образцу крестьянской массы обретает заметные черты и признаки популизма как доктрины, ставящей своей целью увязать интересы народа в самом широком смысле этого слова с объективной необходимостью перемен во имя этих самых интересов. Имея в виду эту особенность популизма как идейного течения, обстоятельно охарактеризованного, в частности, В. Г. Хоросом, необходимо подчеркнуть, что национализм на современном Востоке не буржуазный или, во всяком случае, не вполне буржуазный. Можно сказать, настолько же не буржуазный, насколько страна, где взяты на вооружение его лозунги, не демонстрирует заметных успехов в развитии по капиталистическому пути. И именно это отличие призван подчеркнуть сам термин «популизм».

Национализм в его популистской форме — это отчаянный крик души народа, поставленного на перепутье, перед необходимостью сделать выбор, который он в большинстве случаев не хочет делать, ибо не готов к этому. Но жизнь требует выбора, а иногда и нового выбора взамен неудачного. Неудивительно, что вокруг сложившейся ситуации идет борьба, накаляются страсти, появляются идеологи, пытающиеся дать свое понимание происходящего и предложить свой ответ на неумолимый вызов эпохи.

К чему же сводятся ответы в наши дни, когда выбор в большинстве случаев уже сделан, иногда и по второму разу, а результаты его все же остаются неутешительными? В самом общем виде — к противопоставлению себя, своей страны, своего народа, его культуры, религии, цивилизации, ценностей, даже вообще Востока с традиционным для него приоритетом духовных ценностей всему западному, чужому, с характерными для него преимущественно материальными ценностями, погоней за прибылью, за улучшением качества жизни. Генеральная установка на противопоставление своего чужому и духовного материальному тесно переплетается с под-

черкиванием высокого морального стандарта цивилизационной традиции, противопоставленного аморальности капитализма, которая проявляется в отчуждении человека от средств производства, в безразличии общества к индивиду, в многочисленных иных пороках современного развитого мира.

Смысл сопоставления очевиден. Да, мы не можем угнаться за развитыми странами с их динамичной экономикой и высокоразвитой техникой и технологией, с их бросающимся в глаза процветанием. Но мы в то же время хорошо видим неурядицы и моральные потери, являющиеся платой за прогресс. Нужен ли нам такой прогресс? Стоит ли за ним гнаться? Может быть, правильнее выбрать иной путь развития, в центре которого стояли бы собственные традиции и критерием которого были бы веками накопленные ценности? Словом, мы желаем остаться самими собой, т. е. тем, кем всегда были.

Конечно, в такого рода позиции немало лукавства. Едва ли какая-нибудь из стран Востока отказалась бы, например, стать такой, как Япония. Но выше головы не прыгнешь. Не у всех есть потенции для достижения таких успехов. Следует считаться с реальностью. Реальность же такова, что народ не готов к радикальным изменениям — именно народ, причем даже тогда, когда объективные предпосылки (например, нефтедоллары Ливии или Ирана, где означенные мотивы популизма звучат наиболее громко) вроде бы позволяют достичь многого из еврокапиталистических стандартов. Неудивительно поэтому, что требования национально-культурной и национально-религиозной идентификации как бы пропускаются сквозь призму народного восприятия и обретают тот самый популистский характер, о котором идет речь. Национализм именно поэтому оказывается не буржуазным, а популистским.

Диапазон конкретных модификаций его широк, а мощь потока в наши дни явно возрастает. В современном популизме представлены социалистические и близкие к ним течения, народно-религиозные с некоей социалистической или псевдосоциалистической окраской (доктрина М. Каддафи). Встречаются серьезные теории революционно-демократического характера (Ф. Фанон и его учение), культурно-цивилизационные доктрины типа негритюда (Л. Сенгор), а также порой достаточно наивные коллективистские конструкции (идеи А. Секу Туре или Д. Ньерере). Все эти доктрины в конечном счете объединяются воедино генеральной идеей: Восток — это не Запад, нужно искать собственный путь развития. Но так как поиск идет по классическому методу проб и ошибок, то неудивительно, что он дает чаще всего негативный результат. Практически это означает, что популистские идеи мало помогают решению сложных проблем развития. Проблемы остаются, порой обостряются. В идейном плане это ведет к определенной радикализации, что, в частности, нашло свое выражение за последние годы в рассматривавшемся уже феномене фундаментализма.

Дело в том, что ставка на национальную самодостаточность — это вынужденная реакция традиционного социального организма на неудачи в процессе развития. И чем больше эти неудачи, чем драматичнее разрыв между желаемым и возможным, между различными политическими силами, стремящимися к разным целям (особенно заметно это в странах ислама, где защитный панцирь традиции и стоящие на страже его силы прошлого наиболее сильны), тем мощнее оказывалась реакция сопротивления структуры, порой переходящая в реакцию отторжения всего нового и чужого. Собственно, именно эта реакция — точнее, ее идеологическое оформление — и есть фундаментализм, т. е. возвращение к истокам, к фундаменту. Смысл этого феномена — в резком разрыве со всякими попытками угнаться за чужими стандартами и вообще ориентироваться на них. В лучшем случае это замещается призывом к некоему иному развитию, в остальных — апелляцией к высшим изначальным религиозно-цивилизационным ценностям. В том, что фундаментализм наиболее отчетливо и с наивысшей силой проявил себя в странах ислама, а из исламских стран — в шиитском Иране, нет ничего удивительного. Более того, в свете всего сказанного именно этого и следовало ожидать, так как ислам — наиболее жесткая и сильная из религий Востока, а шиизм — наиболее радикальное из мусульманских идейных течений, наиболее фанатичное из них.

Но фундаментализм свойствен не только миру ислама. Нечто похожее можно встретить и в Индии, где в качестве влиятельной оппозиции Конгрессу выступают религиозно-коммуналистские партии и группы, ориентирующиеся не только на индуистские, но и на древневедические духовные ценности и традиции, не говоря уже о сикхах. И это особенно ощутимо в сегодняшней Индии, после убийства сикхами И. Ганди и разгрома индуистами мечети в Айодхье. Пожалуй, только динамичная дальневосточная цивилизация, демонстрирующая потрясающие успехи в развитии, свободна от подобного рода идей.

Словом, тесная связь фундаментализма с неудачами в развитии (а в случае с шиитским Ираном — с неудачами в политике, ставившей своей целью ускоренное развитие) вполне закономерна. Мощь его — в силе неумирающей традиции. Правда, не стоит эту силу преувеличивать. Везде, кроме Ирана, это пока только тенденция, лишь в немногих случаях, как в Алжире,Судане или Афганистане, влиятельная. Больше того, тенденция, как можно полагать, едва ли имеющая сколько-нибудь серьезное будущее, что касается и Ирана. Похоже на то, что взрыв фундаментализма в 70 — 90-х годах может быть воспринят как отчаянная попытка противостоять болезненной ломке привычных социопсихологических установок и ценностных ориентаций, всего традиционного образа жизни, как реакция на гримасы городского быта, втягивающего в свой неумолимый водоворот все новые миллионы быстро увеличивающегося,

преимущественно крестьянского населения не слишком быстро развивающихся стран. Это в общем-то реакция живущего и даже как-то развивающегося социального организма, и потому можно надеяться, что фундаментализм, вызванный к жизни экстремальными обстоятельствами, может отойти на задний план, коль скоро кризисная ситуация начнет как-то сглаживаться. Вопрос лишь в том, будет ли приостановлен кризис развития там, где он сегодня все ощутимее сказывается, есть ли серьезные шансы на это.

Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на то, как выглядит развивающийся Восток сегодня. Отталкиваясь от приводившейся выше схемы генеральных направлений процесса и двух ее базовых моделей-ориентиров, марксистско-социалистической и еврокапиталистической, обратим внимание на те реальные модели-формы, в которые отлились результаты развития сегодня, в наши дни.

Глава 16

Восток сегодня: основные модели и перспективы развития

Современный Восток противоречив и неоднозначен. Пожалуй, пора всерьез осознать, что развитие неевропейского мира за несколько последних десятилетий многое изменило в нем. Конечно, Восток и тем более весь неевропейский мир не был единым или хотя бы однообразным никогда. Он всегда разделялся и по уровню развития, и по типу цивилизационной и тем более религиозной культуры, и по многим другим параметрам. Но при этом всегда было нечто общее, что соединяло между собой неевропейский мир и отличало его от Европы, Запада. Это общее — господство командно-административной системы, приниженная роль несвободной частной собственности, рынка и соответственно бесправие подданных — не только очевидно, но и имеет основополагающий для понимания мировой истории характер. И вот теперь, к концу второго тысячелетия нашей эры, то, что разделяло мир на Восток и Запад на протяжении тысячелетий, не только отходит на второй план, но и как бы размывается, постепенно исчезает как структурообразующий признак неевропейского мира.

Проявляется это в том, что в мире появилась группа стран Востока (регион Дальнего Востока), которая структурно буквально на наших глазах перестает быть Востоком в классическом смысле этого слова. В таком же направлении несколько медленней и много трудней идут еще две группы стран — ряд латиноамериканских и юго-восточноазиатских. Часть стран Востока, двигаясь в сторону структурной перестройки, являет собой сложные системы из сосуществующих и имеющих шансы еще долго сосуществовать двух структур, старой и новой. И наконец, остальные достаточно твердо держатся за сохранение старой структуры либо просто не в состоянии добиться сущест-

венных результатов в попытке ее трансформации. Если в заключение попытаться как бы подытожить сказанное и подвести все разнообразие современного Востока под какие-то генеральные рамки, то перед нами окажутся три основные модели. Рассмотрим их более основательно, с учетом потенций и перспектив.

Модель первая, японская

Совершенно очевидно, что к группе стран, объединяемых в рамках первой модели, относятся страны Дальнего Востока, да и то пока не все. Видимо, к странам этого типа можно отнести и некоторые латиноамериканские, что стоит учесть для полноты картины, имея в виду трансформацию развивающегося мира в целом. Как легко понять, речь идет о странах, добившихся наиболее заметных успехов в развитии по еврокапиталистическому пути.

Эти страны зримо сближаются с еврокапиталистическим стандартом по многим основным параметрам: для них характерно полное, практически абсолютное господство свободного рынка с конкуренцией выходящих на него частных собственников. Здесь важно оговориться, что речь идет отнюдь не о примитивной базарной конкуренции мелких частников, отбивающих друг у друга покупателей или заказчиков. Такого рода ситуация была нормой капиталистического рынка на зародышевых этапах его формирования (или где-либо в античности, да и то не без оговорок). Для развитого современного мира рынок являет собой нечто гораздо более сложное. Велика здесь и патронирующая роль государства, и контролирующая роль системы налогов, пошлин, банковских процентов и учетных ставок, и т. д. Как известно, огромную роль на современном рынке играет искусство маркетинга. Не менее известна та роль, которую играют на нем мощные капиталистические объединения, включая ТНК. Словом, современный рынок — очень сложное и весьма развитое финансово-экономическое хозяйство, к регулированию которого во всех странах, включая самые развитые капиталистические, так или иначе причастно государство (впрочем, речь не идет о госкапитализме как секторе хозяйства — только о патронирующе-контролирующей функции власти, способствующей созданию наиболее благоприятного режима для своих при приемлемости его и для всех других).

Для нормального функционирования рынка такого типа нужно его полное господство в рамках той или иной страны, которая к такому рынку причастна. Или, точнее сказать, чем полнее господство рынка, тем экономически эффективнее его воздействие на экономику страны. И далеко не случайно с этой точки зрения то стремление к реприватизации даже в развитых странах Европы (в Англии, во Франции), которое явилось фактом последних лет и привело к преодолению кризиса и к экономическому оздоровлению в упомянутых странах. Вывод очевиден: рынок не терпит посторонних иност-

руктурных вкраплений. Чем больше в той или иной стране развит государственный (госкапиталистический) сектор со всеми присущими ему элементами неэффективного хозяйствования, тем меньше влияние рынка и меньший эффект дают рыночные связи, тем с большими затруднениями связана экономика страны.

Все это хорошо известно странам первой модели. Более того, Япония в этом смысле показывает пример оптимального решения сложных проблем. Государство здесь напоминает чуткий барометр, моментально реагирующий на экономические затруднения и принимающий почти автоматически меры, необходимые для регулирования рынка. Не будучи само втянуто в экономику через какие-либо госкапиталистические предприятия, оно тем не менее все время держит свою весомую руку на руле хозяйственного регулирования, экономической политики. И за этот счет японская экономика обретает дополнительные очки в конкуренции с другими.

Государство в Японии давно, по меньшей мере с послевоенного времени, стало инструментом обеспечения эффективного функционирования хозяйства страны, сохранив при этом за собой все остальные функции, необходимые для нормального развития общества. Главное, что важно отметить, оно перестало быть государством традиционно-восточным и стало едва ли не более государством еврокапиталистического типа, чем государства в странах Западной Европы или США. И это касается не только государства, но и многих остальных элементов еврокапиталистической структуры, включая институты демократии, правовые, да и многие другие стандарты. Но что характерно, при всем том Япония не перестала быть Японией. Мало того, оставив по многим показателям позади себя передовые государства Европы, Япония не потеряла своего лица, она осталась страной Востока, причем в этом ее сила и даже ее преимущество перед Европой. Достаточно напомнить о дисциплине труда и отсутствии забастовок при достаточно гармоничном сотрудничестве труда и капитала (корни такого сотрудничества социопсихологически и институционально восходят к нормам конфуцианства). В общем, Япония — убедительный пример гармоничного и во многих отношениях весьма удачного, едва ли не оптимального синтеза.

По пути Японии ныне идут сегодня и другие страны. Для всех них — это и есть критерий отнесения их к первой группе — свойственно господство рыночных связей и вовлечение подавляющего большинства населения в сферу такого рода связей. Характерно и приведение системы государственного воздействия к японскому стандарту или в состояние, близкое к нему. Наиболее заметен такого рода процесс на примере Южной Кореи, которая буквально на наших глазах превратилась в демократическую страну. Государство восточно-автократического типа здесь, как и на Тайване, немало сделало в качестве силового административного института, целенаправленно способствовавшего трансформации традиционной структуры и

переориентации населения к существованию в условиях рыночной экономики. Коль скоро успехи на этом пути были достигнуты (а в плане жизненного стандарта это выразилось в виде многократного улучшения уровня жизни), автократическое государство стало отходить на задний план, уступая место более подходящим для эффективного функционирования рыночной экономики демократическим институтам. Разумеется, при этом Корея осталась Кореей, так же как и населенные китайцами автономно существующие территории (Тайвань, Гонконг) не утеряли своего «китайского» лица, что отражается в сохранении многих традиций, норм и принципов жизни.

Важно обратить внимание на то, что те традиции, которые могли помешать трансформации структуры, ослаблены либо видоизменены; те же, что не мешали ей, сохранились, пусть подчас тоже в несколько измененной форме. В целом же именно влияние традиции делает сегодня Японию Японией, а Корею — Кореей, но при всем том это уже иная традиция: не та, что задавала тон веками, а та, что гармонично слилась с наиболее важными элементами еврокапиталистической структуры. Это-то и привело к синтезу, т. е. к созданию качественно нового стандарта. Именно феномен синтеза и является определяющей характеристикой стран первой модели. Не берясь строго определять, какие именно страны и сколько их уже относятся к группе стран первой модели (часть стран находится на подходе к ней), можно тем не менее считать, что такого рода группа уже реальность. В некотором смысле первая модель — образец, ориентир для многих. Увы, недосягаемый пока для большинства.

Модель вторая, индийская

Вторая модель заметно отличается от первой внутренней неоднородностью, порой даже кричащим контрастом. Речь идет о достаточно большой группе стран, успешно развивающихся по еврокапиталистическому пути, но при этом далеко еще не перестроивших свою традиционную внутреннюю структуру. Практически это значит, что заметная часть страны и ее населения (речь преимущественно о городах, хотя и не только о них) уже существует в рамках новой, трансформированной по капиталистическому образцу экономики, что в масштабах государства в целом активно функционируют важные элементы еврокапиталистической структуры — многопартийная система, демократические процедуры, европейского типа судопроизводство и т. п. В то же время большая часть населения, подчас подавляющее его большинство, по-прежнему остается в плену привычного для их предков образа жизни, лишь едва затронутого нововведениями и переменами. И хотя обе части активно контактируют друг с другом, они в то же время остаются обособленными и живут каждая по своим законам, составляя в то же время единый организм.

Это упоминавшийся уже применительно к колониальным структурам недавнего прошлого феномен симбиоза. Суть феномена в том, что сохраняется какая-то грань, незримо, но жестко отделяющая одних, перепрыгнувших через барьер традиции, от других, которым пока что не удается это сделать. Такая грань была везде, в том числе и в странах первой модели. Но там ее удалось сравнительно быстро преодолеть, и после этого она исчезла. Здесь грань солиднее, потолок ее выше, преодолеть ее сложнее, причем причины этого уходят в глубь самой традиции, ее религиозно-цивилизационного фундамента. Для того чтобы грань была ликвидирована, нужны время и благоприятные обстоятельства. Метафорически ситуацию можно сравнить с яйцом, где белок и желток сосуществуют в органической связи, взаимно дополняя друг друга, но не смешиваясь. Только при определенных условиях начинается процесс, ведущий к поглощению одной части яйца другой, развивающейся и совершенствующейся качественно за ее счет.

Наиболее типичный представитель стран второй модели — Индия с ее системой общин и каст, которая продолжает держать в плену большинство населения страны. К этой же модели относятся многие страны Юго-Восточной Азии, от Таиланда до Индонезии, а также ряд стран ислама (Турция, Пакистан, Египет и др.). В любой из них активно идет процесс экономического роста, укрепляются многие элементы структуры европейского типа, но в то же время существует определенный барьер, опирающийся как на экономическую отсталость сельского населения, так и на социопсихологические стереотипы массового сознания и связанные с ними жесткие формы социального бытия, что особенно заметно в странах ислама.

Какова динамика развития стран этой группы? Для всех них характерно заметное поступательное движение в сторону постепенного сближения с еврокапиталистическим стандартом. В частности, это хорошо прослеживается на примере постепенного изменения роли государства, что особенно заметно там, где государство традиционно наиболее сильно, прежде всего в странах ислама. Дело в том, что усиление роли и влияния еврокапиталистического сектора экономики и упрочение позиций европейского типа политической, правовой и иной культуры ведут к уменьшению важности командно-административных и бюрократических методов управления. Элементы европейской структуры постепенно превращаются в ведущую идейно-институциональную основу успешного развития. В результате в стране возникает новая ситуация, ослабляющая потенции старой структуры и силу ее возможного сопротивления, включая взрывы национализма и тем более экстремизма в форме прежде всего фундаментализма.

Это касается и политических либо военных переворотов. Речь не обязательно о том, что таких переворотов становится меньше. Имеется в виду другое: сужаются возможности для честолюбивых

генералов и амбициозных политиков. В Турции, например, где генералы достаточно регулярно брали в свои руки власть, сложилась уже некая примечательная закономерность: взяв власть, генералы гасят страсти и создают условия для перехода руководства страной к гражданскому, демократическим способом избранному правительству, опирающемуся на европейского типа идейно-институциональную норму, соответствующие принципы. Нечто похожее происходит и в Таиланде. Развитие событий в Пакистане на рубеже 80 — 90-х годов свидетельствует об аналогичных тенденциях. В Индонезии, где у власти все еще стоит генерал, взявший ее в результате переворота 1965 г., эта власть была институционализирована и по существу превратилась в президентское правление в рамках парламентской многопартийной демократии.

Конечно, нет никаких гарантий, что не произойдет новый переворот и ситуация в интересующем нас смысле в какой-либо из стран второй модели не изменится. Но, несмотря на это, отмеченная тенденция несомненна, причем именно ее существование характеризует положение дел. Более того, ряд стран описываемой модели, как Турция или Таиланд, уже стоят на грани перехода к первой — японской — модели, к структуре гармоничного синтеза.

Вариантом второй модели следует считать примыкающую к странам этой группы, но по ряду важных параметров отличную от нее группу арабских нефтедобывающих монархий. Здесь тоже симбиоз, тоже резкое, даже бросающееся в глаза сосуществование двух секторов хозяйства, двух частей населения в пределах каждого из государств. Но, в отличие от стран первой группы той же модели, здесь мало институциональных элементов европейской структуры, как нет и заметных признаков движения в сторону еврокапиталистического стандарта со стороны основной части местного населения и привычно стоящего во главе его аппарата власти. Симбиоз здесь построен не просто на контрасте, но и как бы на сепарации, сознательном отделении коренного населения (или, по меньшей мере, его большинства) от современного сектора хозяйства и соответствующей ему инфраструктуры (то и другое функционирует в основном благодаря усилиям мигрантов, тогда как местное население выступает премущественно в качестве получателей ренты). Трудно говорить о тенденциях и перспективах, но похоже на то, что заметного изменения ситуации здесь пока не предвидится.

Как следует расценивать положение стран второй модели в целом? Общее для всех них в том, что они в принципе находятся в состоянии определенного равновесия, устойчивой стабильности. Экономика их если и не процветает, то во всяком случае вполне может обеспечить существование страны и народа. В регулярной помощи страны, развивающиеся по этой модели, не нуждаются, и даже есть определенные перспективы экономического роста. От стран первой, японской модели страны второй модели отделяет определенная дистанция,

несмотря на то, что по доходу на душу населения некоторые нефтедобывающие страны (это относится не только к арабским монархиям и Ливии, но и, например, к Брунею) могут соперничать с той же Японией. Дело ведь не только и не столько в доходе, сколько во внутренней структуре, в динамичности самой модели. Существенна политическая стабильность большинства стран второй модели. Некоторое беспокойство может вызывать демографическая проблема, особенно ощутимая в Индии, крупнейшей из всех стран этой группы. Пока что успехи «зеленой революции» в Пенджабе и некоторых других районах, развивающихся по еврокапиталистическому образцу, позволяют компенсировать резкий рост населения, хотя миллионы все еще находятся в этой стране буквально на грани голода. Естественно, что при любом неблагоприятном повороте событий положение может резко ухудшиться.

И все-таки, при всех оговорках, положение стран, объединенных в рамках второй модели и функционирующих в условиях симбиоза, достаточно устойчиво. В ряде стран этой модели, как говорилось, намечается тенденция к преодолению ситуации симбиоза, к перерастанию симбиоза в синтез.

Модель третья, африканская

Для стран, объединенных в рамках этой модели — а они численно преобладают, да и по количеству населения, особенно с учетом темпов прироста, весомы,— типичны не столько развитие и тем более стабильность, сколько отставание и кризис. Именно здесь накал драматизма наиболее заметен и ситуация наименее перспективна. К странам этой модели относится подавляющее большинство африканских стран, некоторые страны исламского мира, в частности Афганистан и Бангладеш, а также другие бедные страны Азии, как Лаос, Камбоджа, Бирма и т. п.

Хотя в подавляющем большинстве этих стран еврокапиталистическая структура имеет весомые позиции в экономике, отсталая, а то и полупервобытная периферия здесь много более значима и практически задает тон. В строгом смысле слова применительно к странам этой модели тоже можно говорить о симбиозе, ибо сосуществование современного и традиционного секторов очевидно. Но если в странах второй модели симбиоз как феномен сопровождается внутренней устойчивостью и явной позитивной динамикой в сторону укрепления экономической базы и даже развития по направлению к будущему синтезу, то в странах третьей модели положение иное. Лишь немногие из них со временем и при благоприятном стечении обстоятельств имеют шансы передвинуться в ряды стран второй модели, т. е. добиться некоей внутренней устойчивости и самообеспечения. Для большинства же видится удел незавидный, во всяком случае в обозримой перспективе. Страны африканской модели в

большинстве своем обречены на отставание, причем разрыв между ними и развитыми странами долго еще, видимо, будет только возрастать.

Причины этого очевидны: здесь и низкий исходный уровень развития, отсутствие либо слабость имеющегося религиозно-цивилизационного фундамента, и скудость природных ресурсов, во всяком случае таких, которые, как нефть, могли бы легко приносить доход. Видимо, следует принять во внимание и некоторые другие факторы, сыгравшие свою негативную роль. Но сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить ситуацию: перед нами феномен некомпенсируемого существования, неспособности к самообеспечению или, в ряде случаев, феномен полупервобытного комплекса, способного гарантировать существование на полупервобытном уровне. Речь, разумеется, не столько об уровне цивилизованности (в ряде стран, будь то Бангладеш или Бирма, этот уровень достаточно высок), сколько об уровне существования, уровне потребления.

Важно учесть и еще одно обстоятельство. Там, где такой уровень привычен и где феномен потребительства не слишком известен, как в Афганистане, экономические проблемы не очень остры — несмотря даже на внутренние междоусобицы. Хуже обстоит дело там, где демонстрационный эффект, т. е. связанное с законами капиталистического рынка энергичное стимулирование потребления, достиг внушительных размеров при невозможности обеспечить население теми товарами, которые в обилии на рынке и которые оно желало бы иметь. Драматический разрыв между желаемым и возможным рождает эффект иждивенчества, естественное стремление потреблять, не производя эквивалента. Частично такой разрыв покрывается за счет кредитов, но задолженность при этом растет угрожающими темпами, что рано или поздно приводит к прекращению кредитов и к еще более драматическому несоответствию между предложением свободного рынка и возможностями населения.

Если принять во внимание, что именно в наиболее отсталых странах едва ли не наивысший темп прироста населения, о чем уже упоминалось, то ситуация предстанет еще более напряженной и еще менее обнадеживающей. Отсталость и нищета угрожающими темпами не только воспроизводятся, но и увеличиваются абсолютно; то и другое здесь явно уходит из-под контроля и выходит за все разумно приемлемые пределы. И хотя природные катаклизмы (засухи и сопутствующий им массовый голод) нередко уносят миллионы жизней, абсолютный рост бедности и нищеты, особенно в Африке, продолжается. И это проблема проблем, причем не только для Африки, но и для всего мира.

Единственный выход — массированная целенаправленная политика, преследующая своей целью искусственное форсирование развития с прицелом на постепенное втягивание в экономику рыночного сектора все большего количества пока еще мало пригодного для

этого местного населения. Нужно создавать рабочие места, вести работу по социопсихологической перестройке массового сознания. Тому и другому способствуют большие города, число и размеры которых, в частности в Африке, быстро увеличиваются. И это несколько обнадеживает. Но не слишком: нужны долгие десятилетия целенаправленных и дорогостоящих усилий для достижения хоть сколько-нибудь заметных позитивных результатов. Очевидно, рано или поздно необходимость таких усилий для всеобщего блага будет осознана в мире. Нельзя сказать, что сейчас на это мало обращают внимания. Существует немало исследований, авторы которых предлагают свои рекомендации. Создано множество фондов и программ под эгидой ООН, ее специализированных учреждений или других организаций, ставящих своей целью содействовать развитию отсталых стран, прежде всего африканских. Ставится вопрос о финансировании такого рода программ за счет предполагаемого — и представляющегося теперь реальным в свете наметившегося ныне прогресса в области международных отношений — сокращения расходов на военные цели с направлением части их в фонд помощи отсталым странам.

Видимо, кое-что для собственного спасения могут сделать и сами отсталые страны, особенно богатые природными ресурсами. Региональные проекты, любые формы межнациональной и межгосударственной интеграции могут принести определенную пользу, концентрируя усилия на наиболее выгодных и результативных направлениях развития. Но, даже учитывая такого рода возможности, следует сознавать, что проблема кризиса развития и даже просто выживания населения большинства стран африканской модели остается пока еще очень острой.

Основные модели и перспективы развития

Не все страны современного Востока вписываются в вычлененные основные три модели. Часть их находится как бы вне их. Это относится, в первую очередь, к таким странам, как Китай и Вьетнам, энергично приступившим к переделке структуры, а также к таким, как КНДР, где все это еще впереди. Что следует сказать об особенностях развития упомянутых стран в свете закономерностей, выявленных при анализе основных моделей?

Формально руководство КНР (да и Вьетнама) все время подчеркивает, что ориентируется на строительство социализма. Однако на деле речь идет о существенной роли социальных гарантий и об ограниченности функций рынка и частной собственности, которые традиционно контролирует восточное государство. Если это так, то КНР скоро может стать в ряд со странами второй модели и быть еще одним вариантом развития в рамках этой модели. Впрочем, некоторые признаки динамики Китая дают основание заключить, что в будущем

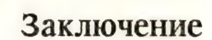
он не будет слишком строго придерживаться принципа централизованного контроля над рынком и частной собственностью. Если же учесть, что предприятия коллективной собственности в Китае вполне гармонично могут стать чем-то вроде обычных фирм с юридическим лицом и правом независимого от контроля поведения на свободном рынке, и принять во внимание, что в этом же направлении эволюционируют ныне и многие государственные предприятия, то вполне можно допустить, что Китай как страна дальневосточной цивилизации сумеет достичь в будущем успехов, сравнимых с теми странами, что ныне входят в группу первой модели. Словом, будущее покажет, как повернутся в этом смысле события. Пока же, учитывая описанные варианты и особо стоящих аутсайдеров, мы вправе сформулировать некий генеральный вывод.

Восток в наши дни состоит из трех основных групп стран, развивающихся в рамках отличных друг от друга моделей. Первые две из них — японская модель гармоничного синтеза и индийская модель симбиоза — жизнеспособны и в постоянной помощи извне не нуждаются. Более того, часть из них сама способна оказать помощь другим и делает это (имеются в виду Япония и нефтедобывающие страны). Третья группа стран, развивающаяся по африканской модели и тяготеющая к традиции в ее наиболее отсталой, чаще всего полупервобытной модификации, явно нежизнеспособна. В лучшем из ее вариантов развитие по этой модели ведет к стагнации, в худшем — к кризису и катастрофам. Эта группа стран не может жить без чужой помощи в самом элементарном смысле слова: страны Африки, пусть даже не все, просто не в состоянии себя прокормить. Это же относится и к некоторым беднейшим странам Азии.

Помощь, как упоминалось, оказывается. Но проблема остается и обостряется с каждым годом из-за демографического роста, нарастания задолженности, отсутствия стратегии развития. Что можно сделать в этой ситуации? Видимо, вовсе не обязательно беднейшим странам третьей модели напрягать все силы и стремиться к развитию по первой модели. Это невозможно, да и не нужно. Необходимо найти какой-то иной путь, наметить очертания иного развития. Это касается также и тех стран, развивающихся в рамках второй модели, где большинство населения по-прежнему пребывает в рамках традиционной структуры. Если приплюсовать это большинство (а в Индии оно многократно превышает ориентирующееся на свободный рынок меньшинство) к населению стран африканской модели, то в итоге — даже исключив Китай — мы получим колоссальную цифру, которая будет намного больше (видимо, в несколько раз) того количества населения мира, что живет в условиях рыночной структуры и так или иначе причастно к благам экономического прогресса. В Китае соотношение приблизительно то же самое, хотя там более активно идет процесс приобщения к современному рынку всего крестьянства.

Не претендуя на точность подсчетов, хотелось бы обратить внимание, с точки зрения перспектив развития, на главное: в странах второй и третьей модели, включая Китай, живет большинство населения мира, которое пока что не затронуто благами современной экономики или соприкоснулось с ними в очень незначительной степени. Это значит, что поиски новой стратегии развития должны вылиться в какой-то общий глобальный принцип.

В чем может быть сущность такого принципа? Прежде всего в ограниченной роли рынка и современной экономики и в ориентации того и другого на оптимизацию сельского хозяйства, способного обеспечить гарантированное существование населения. В мобилизации всех возможностей — под эгидой собственных государств, международных организаций, стран-доноров и т. п. — для повышения урожайности полей и для борьбы с природными аномалиями (засухи, наводнения и т. п.). Можно ли ставить задачу добиться большего? Едва ли, особенно если принять во внимание экологическое состояние планеты и учесть, что промышленное развитие влечет за собой горы отходов, мусора, вредных выбросов (их и сейчас, когда промышленно развита лишь небольшая часть мира, приходится в среднем 20 т на каждого человека в год), переработка которых в более глобальных масштабах пока просто не под силу человечеству. Можно напомнить также и о проблеме чистой воды и чистого воздуха, о сведении лесов, о парниковом эффекте с угрозой серьезных неблагоприятных климатических перемен, об угрожающе растущей озонной дыре на полюсах, да и о многом другом в том же плане. Сказанное означает, что стратегия развития (она же — стратегия помощи отсталым странам и неспособной обеспечить себя части населения) не может и не должна исходить из того, чтобы всемерно подтягивать страны третьей группы к уровню второй, а второй — к первой. Видимо, гораздо целесообразнее исходить из сложившейся уже разницы в уровнях, тем более, что изменить что-либо в этом смысле достаточно сложно, если вообще возможно, и ставить перед собой только выполнимые задачи, главная из которых — обеспечить жизненный минимум для самых отсталых, имея при этом в виду демографический рост именно в этих странах. Может быть, частью стратегии развития должно стать регулирование рождаемости в отсталых странах, хотя практика свидетельствует, что добиться этого очень трудно.



Заключение

Восток и мир накануне третьего тысячелетия: наследие, традиции и перспективы

С высоты надвигающегося на мир третьего тысячелетия отчетливо видится, что исторический процесс демонстрирует два различных пути развития, второй из которых, европейский, отпочковался от первого, генерального, где-то на рубеже античности. Именно динамично ускоряющееся развитие европейского пути привело к торжеству научно-технического прогресса на земном шаре. Вопрос лишь в том, в прогрессе ли счастье человечества.

Вопрос поставлен далеко не случайно. Генеральный путь — первый путь развития, для которого характерно господство государственной командно-административной системы при второстепенной роли рынка и частной собственности, приниженности человека и безусловном господстве государства над социумом, а социума над личностью,— не вел к научно-техническому прогрессу, не способствовал раскрепощению личности и не создавал условий для активной реализации выдающихся открытий человеческого ума. Зато он заботливо сохранял необходимое единение человека с природой, гарантировал статус-кво и в своей консервативной стабильности мог сосуществовать с нашей матерью-Землей еще, быть может, тысячелетия и тысячелетия. Европейский путь, раскрепостив личность и придав ей мятежный дух Прометея, довел уровень прогресса к концу второго тысячелетия до неслыханных, непредсказуемых, подчас непредставимых прежде величин. Но именно за это люди заплатили столь же неслыханной ценой: гибнет на наших глазах природа, цветут и мутнеют моря, загрязняется воздух, пропадает озон. Мир содрогается под тяжестью ядерной угрозы, а на смену этой угрозе, как-то регулируемой человеком, идет нерегулируемая им беда — неудержимый демографический взрыв и, как реакция природы на него, пожирающий всех без разбора и пока что неостановимый СПИД. И где гарантия, что дальнейший путь прогресса не приведет завтра к новым, еще более грозным, непредсказуемым и неостановимым потерям, если даже не к всеобщей гибели?

Не стоит, конечно, нагнетать апокалиптические страсти, но нельзя и умалчивать об угрозе жизни на Земле, делать вид, что ее нет,

что она чуть ли не искусственно раздувается бьющими в колокола алармистами, «зелеными» и т. п. Нет оснований также во всех несчастьях человечества винить сам прогресс как таковой. Все намного сложней. Но с позиций историка, пытающегося охватить исторический процесс в целом, многое видно, особенно сегодня, на рубеже тысячелетий. Видно, в частности, то, что путь первый в лице традиционного Востока заканчивает свое обособленное движение и явственно сливается с путем вторым, который буквально за несколько коротких веков из специфического, европейского, и в силу этой географической ограниченности первоначально очень узкого, стал всемирным, а затем и генеральным. Чем грозит миру это слияние двух путей, даже если иметь при этом в виду, что далеко не все страны Востока уверенно влились в движение по широкой дороге современного прогресса, что едва ли не большинство из них остались пока на обочине этого нового для них пути и не то чтобы не движутся по нему, но движутся столь медленно и несут при этом на себе столь весомый груз традиций старого (первого) пути развития, что движение их по новому подчас почти не заметно? Грозит, если так можно выразиться, многим...

Прежде всего природа явно не в состоянии вынести издержки прогресса в том их объеме, который характерен для сегодняшнего дня. А включение в орбиту прогресса все увеличивающегося количества людей объективно способно только ухудшить положение дел. С этой точки зрения — пусть не обижаются поборники справедливости и равноправия — может расцениваться весьма позитивно то, что далеко не все страны мира уже досыта вкусили от прогресса. Если бы было так, ситуация на планете, видимо, оказалась бы уже непоправимой. Так что же, так и оставаться бедным бедными, а голодным голодными? Это явно не выход. Выход следует искать в другом. В чем же?

Вероятно, следует решительно пересмотреть не только стратегию развития отставшего Востока, но и всю стратегию глобального прогресса человечества. Собственно, это уже делается, хотя и пока очень медленными темпами. О чем идет речь?

О том, чтобы перестать наращивать не только военную, но и вообще тяжелую, разрушительную мощь человека. Перестать злоупотреблять металлургией и химией, ограничившись самым необходимым и учтя при этом все возможности, которые способны гарантировать природу от заражения, от лишних отходов, газов и т. п. Добиться стопроцентной утилизации всех промышленных отходов, а там, где это невозможно,— таких способов уничтожения отходов, которые не вредили бы природе. Энергично развивать прогрессивные виды производства, включая и сельскохозяйственное, с тем, чтобы за счет наращивания производственного потенциала всегда иметь необходимые запасы, за счет которых развитым государствам долго еще,

видимо, придется оказывать помощь отсталым. Всемерно наращивать в отставших странах не наиболее вредные и трудоемкие — как то подчас делается — виды производства, а те, что могут максимально способствовать их развитию, имея в виду под развитием не достижение высот современного мирового прогресса, но прежде всего способность к самообеспечению необходимыми продуктами и товарами.

В последние десятилетия многие специальные организации, компетентные группы специалистов — вроде тех, что были объединены в рамках хорошо известного «Римского клуба»,— заняты обоснованием новой стратегии развития и предлагают свои рекомендации. Нет сомнений в том, что детально разработанная и учитывающая все сложности окружающего нас мира такого рода стратегия нужна, жизненно важна. Видимо, для участия в разработке и осуществлении соответствующих рекомендаций нужно привлечь и страны Дальнего Востока из числа добившихся наивысших успехов в развитии по пути прогресса за последние годы (в первую очередь, Японию, хотя и не только ее). Вообще проблемы развития стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна выходят на передний план, это своего рода знак времени. Так пусть же страны, о которых идет речь, будут в первых рядах тех, кто озабочен выработкой генеральной, необходимой для выживания человечества в целом стратегии!

И в заключение еще об одном важном соображении глобального характера. Похоже на то, что человечество вступает в третье тысячелетие не только с тяжелым грузом экологического кризиса и экономических неурядиц и диспропорций, но также и с явной необходимостью решить наконец свои политические проблемы. Речь о тех проблемах, что веками разделяли людей и вели их к войнам. Время военного решения конфликтов, очевидно, подходит к концу: новой мировой войны планете не выдержать. Вероятно, придется отказаться ей и от крупных региональных конфликтов, ибо они все чаще грозят использованием ядерного оружия и опасностью разрушения АЭС, что вполне может, как показал опыт Чернобыля, привести к последствиям, сравнимым с теми, чем грозит использование ядерного оружия. Объективная логика необходимости сотрудничества с целью спасти планету от экологической гибели, спасти людей от ядерной и иной глобальной катастрофы в новом тысячелетии будет с каждым десятилетием все энергичнее направлять мировое сообщество в русло политической и любой иной интеграции.

Собственно, этот процесс уже идет, причем едва ли не решающий вклад в его необратимость внес крах идеи марксистского социализма и развал вчера еще всемогущего лагеря коммунизма, прежде всего СССР. Правда, все идет далеко не так гладко, как хотелось бы. Позитивное продвижение время от времени сопровождается мощными откатами. Силы дезинтеграции огромны, они питаются соками

этнических и религиозных предпочтений и предубеждений, политическим неравенством народов, их экономической несамостоятельностью, да и многими другими причинами. Решить все вопросы быстро и удовлетворительно невозможно, так что еще достаточно долго, видимо, мир будет сталкиваться с неприязнью арабов и Израиля, проблемой курдов и режимов тех стран, в которые этот народ политически включен (Турция, Иран, Ирак), негров и европейцев в ЮАР, не говоря уже о сепаратистских тенденциях в различных районах планеты, о старательно поддерживаемом все еще немалым количеством людей представлении о важнейшей и первостепенной роли классового антагонизма. Словом, проблем, разделяющих людей, немало. Но как-то решать их человечеству завтрашнего дня придется — решать во имя будущего самого человечества, во имя будущего жизни на Земле. И в качестве решения этих проблем, как своего рода ключ к их решению выходит на первый план интеграция.

Речь идет о различных формах объединения, как регионального, так и всемирного, под эгидой ООН. Видимо, только здесь может быть найден реальный путь для развития и жизнеобеспечения той самой численно преобладающей части населения мира, которая пока что не способна себя прокормить либо может сделать это на уровне, граничащем с голодом и голодной смертью. Имеется в виду отнюдь не вечная благотворительность богатых по отношению к бедным в некоем всемирном социальном организме. Разумеется, помощь такого рода будет оказываться еще долго, без этого, как о том уже шла речь, просто не обойтись. Но важнее другое: развитая часть мира объединенными усилиями должна будет позаботиться, чтобы достижения современного прогресса поставить на службу именно там, где он слабее всего ощущается и где от его применения многое может измениться, пусть даже далеко не сразу.

Прогресс, о котором идет речь, отнюдь не сводится к достижениям техники и технологии, хотя это имеется в виду едва ли не в первую очередь. Он должен всей своей мощью коснуться культурного стандарта людей, позволить им вырваться из плена традиций, особенно традиционных предрассудков, размыть веками отрабатывавшиеся социопсихологические стереотипы. В частности, речь идет о воспроизводственных нормах, о демографической проблеме, о необходимости побудить всех, особенно население беднейших и отсталых народов мира, со всей серьезностью отнестись к проблеме перенаселенности мира. Реально ли это? Видимо, да, хотя и не приходится надеяться на быстрое решение вопроса.

Нет смысла делать пророчества в духе Кассандры, но есть все основания полагать, что если проблему перенаселенности мира не решат сами люди, ее решит природа — приблизительно так, как то происходит с численно перевалившими за разумную норму популяциями животных. Конечно, люди не животные и добровольно

топиться в море или выбрасываться на берег не станут. Но у природы найдутся другие механизмы для самоспасения и саморегулирования. Одним из таких механизмов можно, как о том уже упоминалось, считать СПИД, имеющий непосредственное отношение к воспроизводству человека. Не исключено, что появится и еще что-либо в этом же роде. Словом, сам вопрос не столь уж нелеп, как может показаться на первый взгляд: природа проявляет осмысленность там, где происходят грозящие ей гибелью перекосы. Пусть это только инстинкт самосохранения, но кто сказал, что наша Земля в целом лишена такого инстинкта?

Словом, человечество несет с собой в третье тысячелетие тяжелый груз нерешенных проблем, подавляющее большинство которых имеет самое непосредственное отношение к модусу существования наиболее отсталой его части, стран Востока. От того, как будут решены людьми эти проблемы, зависит их будущее. Не некое светлое будущее в некоем бесклассовом дистиллированном социуме, а реальное будущее достаточно близких наших потомков, уже, быть может, в третьем-четвертом поколении. Следует надеяться, что у грядущих поколений хватит сил, знаний и мудрости решить проблемы нашего века и тем обеспечить существование и развитие человечества надолго.

Учебное издание

Васильев Леонид Сергеевич

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Том 2

Редактор *Н. А. Федорова.* Младший редактор *М. В. Колосова.*
Художник *Н. Н. Аникушин.* Художественный редактор *Е. Д. Косырева.*
Технические редакторы *Г. А. Виноградова, О.В. Дружкова.*
Корректор *Н. А. Кравченко*

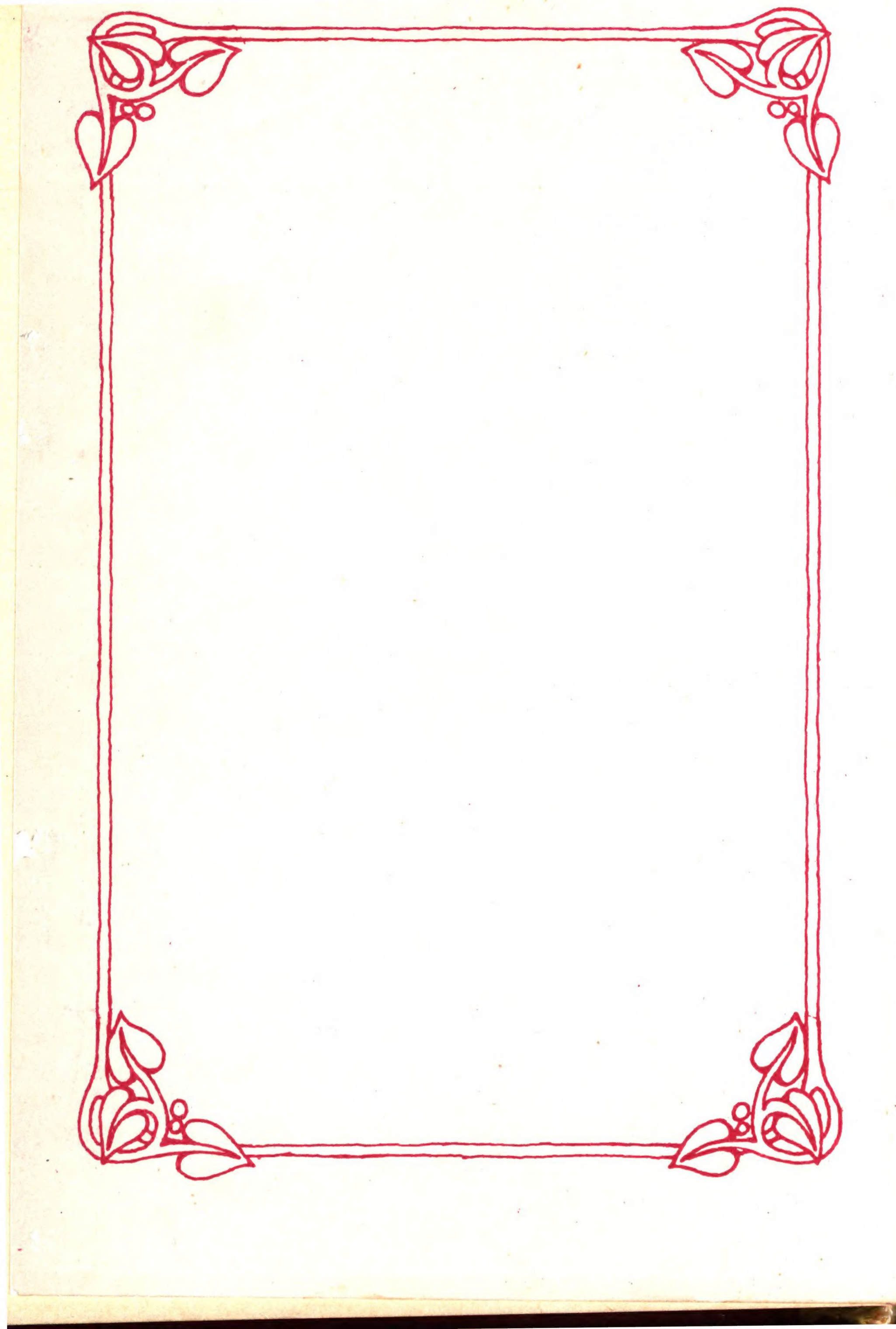
ИБ №9920

ЛР № 010146 от 25.12.91. Изд. № РИФ-41а. Сдано в набор 24.09.92. Подп. в печать 14.07.94. Формат 60x88/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 30,38 усл. печ. л. + 0,25 усл. печ. л. форз. 30,87 усл. кр-отт. 34,98 уч-изд. л + 0,32 уч.-изд. л. форз. Тираж 15 000 экз. Заказ № 198.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

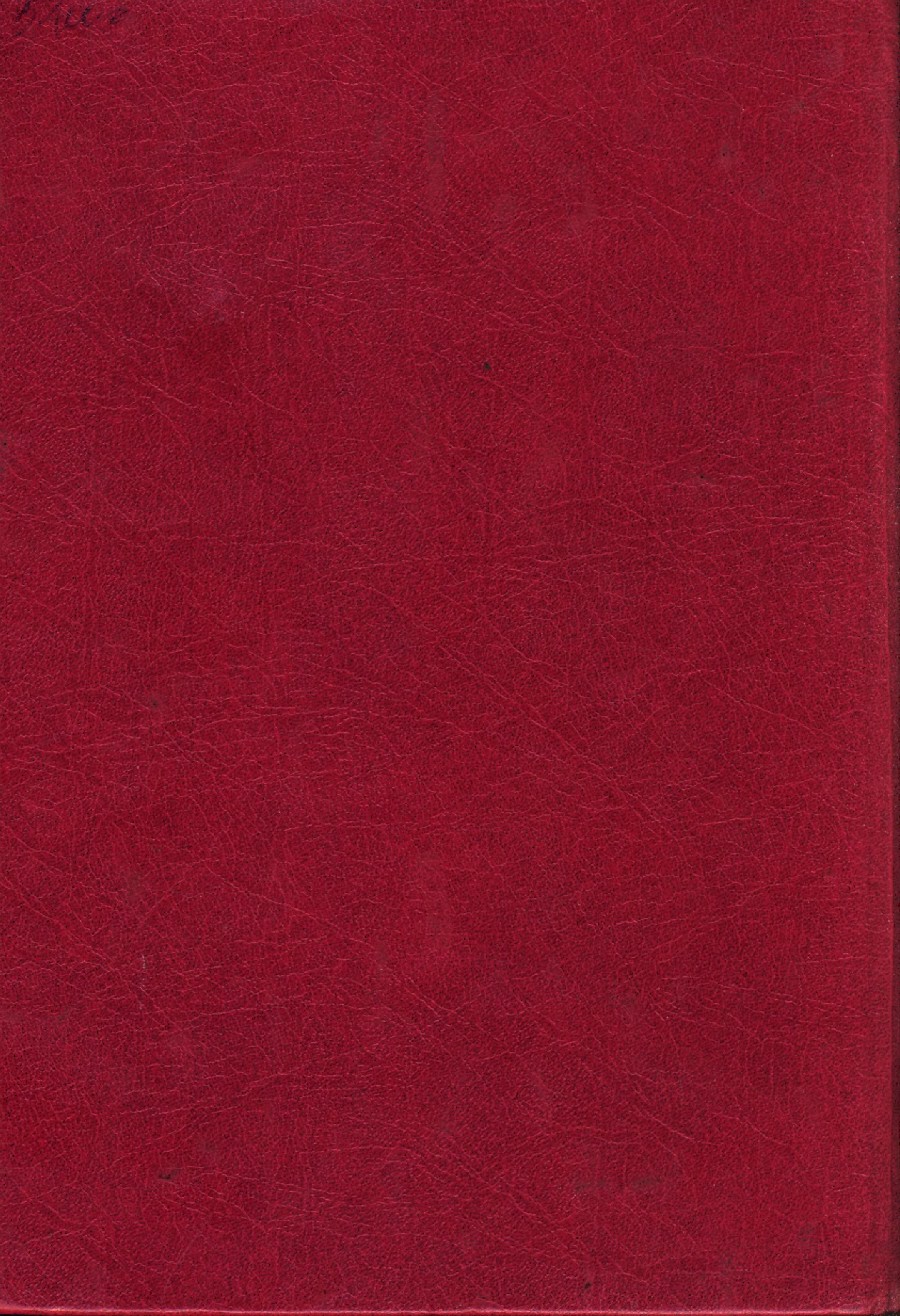
Набрано на персональном компьютере издательства.

Отпечатано в Московской типографии №8 Комитета РФ по печати
101898, Москва, Хохловский пер., 7.



1. револ. „4 мая" пол. расп.
разрознена в К.
~~утв. режима [illegible]~~

2. ~~полит. преоб. новой власти~~
образ. КПК




2
История ВОСТОКА